This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 6605.10
VIII
1302

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Открыта подписка на 1900 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

IX-й г. изд.

МІРЪ БОЖІЙ.

XI-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 25-ти печатн. листовъ.

Въ 1900 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика. „Воскресшіе боги“, истор. романъ **Д. Мережковскаго**; „Побѣда“, повѣсть **И. Потапенка**; „Предѣлы скорби“, повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; разсказы и очерки гг. Безродной, Бунина, Чирикова и др.—„Милосердіе“, романъ, пер. съ англ., **Гоуэлльса**; „Въ шахтахъ“, романъ изъ жизни Сициліи, пер. съ нѣм., **Тэльманъ**.

Научныя статьи и сочиненія. „Альпійскіе ледники“, прив. доц. **Н. Иванцева**; „Главнѣйшія задачи наблюдательной астрономіи“, **К. Покровскаго**; „Антропологическіе очерки“, проф. **Брандта**; „Расы въ Европѣ“, **П. Милюкова**; „Очерки исторической мысли въ XIX в.“, проф. **Р. Виппера**; „Очерки по исторіи русской культуры“, часть III, **П. Милюкова**; „Коренная черта общественной эволюціи въ новѣйшей европейской исторіи“, **Ев. Тарле**; „Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка“, **П. Альбова**; „Жоржъ Зандъ и ея время“, **Ев. Дегена**; „Соціальный романъ въ Англіи“, проф. **Н. Стороженка**; „Борьба съ безработицей въ Швейцаріи“, проф. **Райхесберга**; „Развитіе общественнаго призрѣнія въ Берлинѣ“, прив.-доц. **А. Горбунова**; „Барщина въ крѣпостномъ хозяйствѣ“. **П. Струве**; „Кооперативное движеніе въ Англіи“, **Л. Давыдовой**; „Мальтусъ, Рикардо, Оуэнъ“, три очерка изъ исторіи политической экономіи, **М. Туганъ-Барановскаго**; „Современныя этическія ученія“, проф. **Г. Челпанова**; „Фридрихъ Ланге и критическая философія“, **Н. Бердяева**.

Переводныя сочиненія и компиляціи. „Трансформизмъ и дарвинизмъ“, **Геккеля**, пер. съ нѣм.; „Умственныя и общественныя теченія XIX в.“, проф. **Циглера**, пер. съ нѣм. подъ редакціей **П. Н. Милюкова**; „Эволюція государства“, **Тарда**.

Кромѣ того, редакція предполагаетъ дать въ слѣдующемъ году рядъ біографическихъ очерковъ современныхъ общественныхъ дѣятелей (съ портретами).

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. На родинѣ. Изъ русскихъ журналовъ. За границей. Изъ иностранныхъ журналовъ. Научная хроника. Библіографія. Новости иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 8 р. Безъ доставки на годъ 7 р. За границу на годъ 10 р.

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода 4 руб. За границу 5 руб. Безъ доставки—по соглашенію съ конторой.

По третямъ года: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ въ апрѣлѣ 3 р., въ августѣ 2 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литовка, 25.

Иногородные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ розничной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлаются.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

Распроданы всѣ экземпляры, подписка на 1899 г. закрыта.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. **Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Карѣева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго, Проф. В. Т. Шевякова	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Владиміра Соловьева	„	философіи.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 54-й полутомъ **Рѣпина—Рясское и Россія.**

Цѣна каждаго полутома **8** р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 5 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышли 4 вып. Цѣна каждаго 1 р. **50** к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой).

Отъ редакціи журнала „Русская Мысль“.

Редакція *Русской Мысли* издаетъ, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя

К. А. Тимирязевъ и В. А. Гольцевъ.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Пассе и Лексисъ: „Металлическія деньги и валюта“. Цѣна **60** к.
Пере: „Умственное воспитаніе ребенка“. Цѣна **60** к.
Дюкло. Пастёръ: I. „Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи“. Цѣна **40** к.
Бартъ: „Религіи Индіи“. Цѣна 1 руб.
Гауппъ: „Гербертъ Спенсеръ“. Цѣна **50** к.
Шериданъ: „Школа злословія“. *Приложеніе:* Біографическій очеркъ Шеридана. Цѣна **60** коп.
Проф. П. Гиро: „Фюстель-де-Куланжъ“. Цѣна **50** к.
Дюкло. Пастёръ: II. „Заразныя болѣзни и ихъ прививка“. Цѣна **40** к.
Андре Галле. „Бомарше“. Ц. **40** коп.
Бертло. Наука и нравственность. Ц. **60** к.
Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. **60** к.

Открыта подписка на 2-е изданіе сборника

„ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ“.

Въ виду того, что 1-е изданіе, печатавшееся въ количествѣ 10,000, все разошлось по подпискѣ и 2,044 подписчика остались неудовлетворенными, редакція „Курьера“ приступила ко 2-му изданію сборника.

2-е изданіе сборника выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ ноября.

Лица, желающія подписаться на второе изданіе, благоволятъ заявить о семъ въ редакцію „Курьера“ съ такимъ разсчетомъ, чтобы подписные листы ихъ были получены редакціей до 15 ноября.

Цѣна 2-го изданія сборника остается прежняя—ОДИНЪ РУБЛЬ.

Лица, подписывающіяся группами не менѣе какъ на 10 экземпляровъ и живущія въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, могутъ получать сборникъ по одному рублю, съ тѣмъ, что все количество экземпляровъ, затребованныхъ по одному подписному листу, будетъ выслано полностью по указанію подписчиковъ одному изъ нихъ и стоимость пересылки черезъ транспортную контору будетъ уплачена ими при полученіи книгъ

При этихъ условіяхъ пересылка обойдется значительно дешевле и составитъ всего нѣсколько копеекъ за экземпляръ.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ цѣна сборника съ пересылкой: 1 руб. 50 к. за каждый экземпляръ, независимо отъ количества экземпляровъ.

Чистый доходъ отъ 2-го изданія сборника будетъ полностью отосланъ въ пострадавшія отъ неурожая восточныя, а также южныя губерніи.

Подписка принимается въ конторѣ „Курьера“: Москва, Петровскія линіи.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, Бол. Никитская ул., Шереметевскій пер., д. Шереметева*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1887, 1888, 1890, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку—по разстоянію.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ налож. плат. по полученіи задатка не менѣе двухъ рублей. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 коп. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1899.

Slav 605.10
~~Slav 30.11~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собственн. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

I. ВСТРѢЧА. Романъ.—**И. Н. Потапенка.** *Продолженіе* 1

II. ПОЗДНЯЯ ЖЕНИТЬБА. Романъ. Рафаэль-Бори. Переводъ съ французскаго. *Продолженіе* 37

III. СИНІЙ ЧУЛОКЪ. Разсказъ.—**И. А. Салова** 87

IV. ЗАПОЗДАЛОЕ РАЗДУМЬЕ. Очеркъ.—**В. И. Лавскаго** 126

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**М. Жемчужникова**. 172

VI. ИЗЪ ЖИЗНИ К. Д. КАВЕЛИНА ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНІИ ВЪ 1862—1864 гг. (По его перепискѣ за это время).—**Д. А. Корсакова**. *Продолженіе*. 1

VII. ОЧЕРКИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ НА ВОСТОКѢ.—**Н. Н. Харузина**. 21

VIII. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТЪ КОНЦА ВѢКА.—**В. К.** . . 43

IX. ЛОНДОНСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ ДЛЯ УЛУЧШЕНІЯ ЖИЛИЩЪ БѢДНАГО НАСЕЛЕНІЯ.—**М. И. Покровской.** . . 54

X. АДА НЕГРИ. (Посвящается Н. И. Калистовой).—**С. Ц. Кавосъ-Дехтеревой** 66

XI. ОЧЕРКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**В. И. Маноцкова**. 85

XII. РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ ВЪ XVIII ВѢКѢ. (*Александренко*: «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в.». 2 т. 1897 г.).—**Гр. Л. А. Камаровскаго** 105

XIII. ЗЕМСТВО И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.—**Л. С. Зака**. . . 111

Стр

XIV. ПАПСКІЙ СЕКРЕТАРЬ И ГУМАНИСТЪ ПОДЖІО БРАЧІОЛИНИ. (Глава изъ неоконченнаго труда покойнаго проф. М. С. Корелина о гуманистѣ Лаврентіи Валлѣ) 133

XV. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ЛИТЕРАТУРЫ.—А. Ч. . . . 154

XVI. ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ ВЪ ЯПОНІИ.—С. В. Л—ой. 175

XVII. САТИРИКЪ-АНЕКДОТИСТЪ. (Собраніе сочиненій С. Н. Терпигорева (С. Атавы). Шесть томовъ. Спб.—М. А. Протопопова. 183

XVIII. ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ.—ина. 201

XIX. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—М. Кречетова 211

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Наказъ земскимъ начальникамъ.—Разъясненіе правительствующаго сената относительно ст. 121 устава о цензурѣ и печати.—Итоги уѣздныхъ земскихъ собраній 214

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г. 226

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія.—Политическая экономія, статистика.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники, пособія.—Народныя изданія.—Справочныя книги, словари.—II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *октябрь*. — «Міръ Божій», *октябрь*.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 99 г. . 407

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

ВСТРѢЧА *).

Романъ.

XVII.

Декабрь близился къ концу.

Въ этомъ году госпожа Лавинская пріѣхала въ Россію раньше обыкновеннаго. Всегда она проводила въ Петербургѣ декабрь и январь, а на этотъ разъ, по соображеніямъ, ей одной только извѣстнымъ, она прибыла къ ноябрю. Поэтому въ самый разгаръ рождественскихъ праздниковъ она почувствовала, что петербургскій климатъ для нея становится невыносимымъ.

Стало уже извѣстно, что пятаго января, наканунѣ Крещенія, она уѣдетъ, и въ домѣ поднялись оффиціальные сборы.

Правда, сборы эти не могли быть сложными. Госпожа Лавинская привозила съ собой въ Петербургъ самый скромный гардеробъ. Нѣсколько темныхъ платьевъ, неизбѣжный комплектъ бѣлья—вотъ и все. Отправляясь въ Россію, она шла на полное самопожертвованіе. Она даже не хотѣла нравиться; она принимала всѣ мѣры къ тому, чтобъ оставаться въ тѣни.

Жизнь ея въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ дѣйствительно была скучная. Она принимала и отдавала тѣ визиты, которые считала необходимыми для связей мужа. Она вывозила дочь въ общественныя мѣста и въ нѣкоторые дома, гдѣ бывали вечера. Она посвящала нѣсколько соображеній обновленію туалетовъ Діонисіи Александровны. Сама для себя она ничего не дѣлала и ничѣмъ не пользовалась. Она точно пріѣзжала для отправленія неизбѣжныхъ обязанностей.

И потому эти два мѣсяца въ самомъ дѣлѣ въ концѣ концовъ утомляли ее, и она совершенно искренно чувствовала себя жертвой домашняго очага.

*) *Русская Мысль*, кн. X, 99 г.

Теперь она была какъ-то особенно утомлена. Явились кое-какія осложненія, которыя нельзя было не принимать въ разсчетъ. Въ поведеніи дочери она замѣтила нѣкоторыя неровности. Въ свои прежніе пріѣзды она не могла нахвалиться удивительной выдержкой Діонисіи Александровны. Ничто въ ея поведеніи не наводило ее на тревожныя мысли. Она покорно одѣвалась и ѣхала съ нею всюду и всякій разъ, когда это было нужно. Она казалась нѣсколько сосредоточенной и серьезной болѣе, чѣмъ слѣдуетъ свѣтской дѣвушкѣ; но въ концѣ концовъ—это вѣдь у нея только характеръ и противъ этого ничего нельзя было сказать. Теперь она тоже ничего не возражала, но въ ея взглядахъ, въ ея движеніяхъ, въ ея манерахъ чувствовался протестъ, и отъ госпожи Лавинской это не ускользало.

Перемѣну эту она отчасти была склонна объяснять тѣмъ, какъ она объяснила это мужу,—новымъ знакомствомъ, новыми отношеніями и зародившимся чувствомъ къ молодому Стахову. О, въ этомъ она ни на минуту не сомнѣвалась. Это было такъ естественно. Оба молоды, оба красивы, принадлежатъ къ одному кругу. У него—блестящая будущность, она—видная партія.

Наконецъ, и факты говорятъ то же. Они вдругъ начали часто встрѣчаться. Со Стаховыми они были знакомы давно, но это знакомство никогда не шло дальше формальныхъ любезностей. Теперь, безъ особенныхъ видимыхъ причинъ, произошло сближеніе. Они переписываются, видятся, катаются. Denise видимо оживляется, когда встрѣчаетъ не только его, но даже сестру его.

Особенно памятны ей были двѣ встрѣчи: въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ Denise убійственно скучала, но, какъ только появился Стаховъ, тотчасъ же оживилась, стала разговорчива, глаза засіяли, она совсѣмъ перемѣнилась.

Вторая встрѣча была въ тотъ день, когда она устроила свою странную выходку за завтракомъ. Чуть не весь остальной день она провела со Стаховыми и зато вечеромъ какъ была весела, играла на фортепіано, пѣла, болтала даже съ нею, что бываетъ рѣдко. Это ясно.

Но и это обременяло ее. Это чувство Denise, конечно, поведетъ къ браку, это естественно и этого надо желать. Но въ то же время это надо принимать въ разсчетъ при распредѣленіи своего времени.

Госпожа Лавинская терпѣть не могла, когда ея планы должны были подчиняться какимъ бы то ни было постороннимъ вліяніямъ. Но если дочь ея будетъ выходить замужъ, то это потребуетъ отъ

нея сверхурочнаго присутствія въ Петербургѣ. Но когда и какъ долго,—этого она не знала.

Всѣ эти соображенія дурно вліяли на настроеніе госпожи Лавинской. Съ одной стороны ее тянуло на югъ, а съ другой—она чувствовала, что тамошняя жизнь можетъ быть отравлена разными неожиданностями.

Она хотѣла какъ-нибудь опредѣлить тѣ даты, когда потребуются отъ нея жертвы, но говорить объ этомъ съ мужемъ ей представлялось вполнѣ безполезнымъ.

Она давно не обращала на него вниманія, не слѣдила за той перемѣной, какая въ немъ совершалась, но однажды, именно въ этотъ свой пріѣздъ, приглядѣвшись къ нему, увидѣла, до какой степени внѣшнимъ, формальнымъ образомъ онъ связанъ съ домомъ, какъ разсѣянно слушаетъ онъ все, что касается дома, и она отлично понимала, что онъ не способенъ сосредоточиться на ея тревогахъ. Да и имѣетъ ли она право требовать отъ него этого? Никакого. Благо, что режимъ, который установился, молчаливо признается имъ.

Затрогивать глубоко тѣ вопросы, которые могутъ возникнуть въ ихъ семейной обстановкѣ, она считала даже опаснымъ. Все идетъ такъ, какъ ей нравится. Жизнь катится легко, съ самыми минимальными жертвами. Но она была слишкомъ умна для того, чтобы считать этотъ режимъ нормальнымъ. Для всякаго другого она первая осудила бы его. Но къ себѣ она была снисходительна.

И по мѣрѣ того, какъ приближалось время отъѣзда за границу, необходимость выяснить смыслъ перемѣны, происшедшей въ дочери, становилась все болѣе и болѣе настоятельной.

А между тѣмъ этому мѣшали праздники, которые она ненавидѣла, когда бывала въ Россіи. Чуть не каждый день приходилось бывать гдѣ-нибудь или принимать у себя. И, кромѣ того, Denise теперь цѣлые дни проводила со Стаховыми. То они пріѣзжали къ ней и по нѣсколько часовъ проводили съ нею въ ея комнатѣ, въ оживленной, несмолкаемой бесѣдѣ, то она уѣзжала къ нимъ, то они вмѣстѣ ѣхали кататься.

Наконецъ, она рѣшила, что, такъ или иначе, а она должна поворить съ дочерью и выяснить тѣ вопросы, которые омрачали ея ѣздку.

И однажды, когда Дина только что одѣлась и собиралась уже йти изъ комнаты, чтобъ ѣхать къ Надѣ, въ комнату вошла госжа Лавинская.

Уже это показалось Динѣ страннымъ. Мать никогда не входила

къ ней. Если ей что было нужно, она присылала горничную и звала ее къ себѣ.

— Ты собираешься выѣхать, Denise? — спросила она.

— Да, я обѣщала быть у Стаховой, — отвѣтила Дина, съ недоумѣніемъ смотря на нее.

— Ты можешь остаться полчаса?

— Могу, конечно! — сказала Діонисія Александровна.

Госпожа Лавинская сѣла, въ то время, какъ дочь ея еще стояла передъ зеркаломъ и осторожно снимала шляпку, которую уже было надѣла для выѣзда.

— Видишь ли, я уѣзжаю пятаго числа!—молвила г-жа Лавинская, очевидно, не желавшая приступить къ вопросу прямо.

— Я это знаю,—просто отвѣтила Діонисія Александровна, не оборачиваясь къ ней.

— Мнѣ прежде всего хотѣлось бы знать, почему ты такъ упорно отвергла предложеніе отца съѣздить со мной недѣли на четыре на югъ?...

Діонисія Александровна сняла шляпку и повернулась лицомъ къ матери.

— Зачѣмъ?—спросила она.

— Какъ зачѣмъ? Ну, просто, чтобы попользоваться тамошнимъ климатомъ.

— Развѣ тамъ только въ эту зиму сдѣлался хорошій климатъ?—сказала Дина, съ виду очень спокойно, но недобрая усмѣшка, чуть замѣтно скривившая ея ротъ, показывала, что въ душѣ у нея уже поднялось какое-то чувство противъ матери.

Госпожа Лавинская нахмурила брови.

— Прежде ты никогда не позволяла себѣ говорить со мною такимъ образомъ!—промолвила она.

— Прежде не было случая. Вы уѣзжали молча. Мнѣ никто ничего не предлагалъ и никто не говорилъ со мной!—отвѣтила Дина.—Я не знаю, почему теперь вдругъ стали принимать меня въ разсчетъ.

— Да просто потому, что ты стала взрослой дѣвушкой... У тебя явились новыя права.

Діонисія Александровна усмѣхнулась.

— А впрочемъ, я не то говорю... Я хочу сказать, что если прежде, когда я была ребенкомъ, меня оставляли здѣсь, въ этомъ климатѣ, одну, то теперь и подавно нечего объ этомъ заботиться.

— Но, Denise, ты знаешь, что я не могла тебя брать съ со-

бою... Ты должна была получить образованіе въ Россіи, чтобы быть русской...

— Зачѣмъ?

— Но затѣмъ, что ты русская по рожденію, ты будешь жить въ русскомъ обществѣ.

— Но вы не живете въ Россіи... Вы отлично обходитесь безъ этого...

— Ты хорошо знаешь причину: мнѣ невыносимъ здѣшній климатъ.

— Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ вы говорите мнѣ эти сказки?

— Что ты говоришь, Denise?

Что госпожа Лавинская не ждала услышать отъ дочери эти слова, это было понятно; но дѣло въ томъ, что и сама Діонисія Александровна не ждала этого отъ себя. Она не думала, что когда-нибудь эти слова вырвутся у нея въ разговорѣ съ матерью. Но они вырвались и теперь уже надо было говорить до конца.

— Я говорю: зачѣмъ вы разсказываете мнѣ эти сказки?— твердо повторила она, смотря прямо въ лицо матери;—Я все понимаю! Я знаю настоящія причины всего... всего...

Встревоженная, обезпокоенная, сбитая съ толку, госпожа Лавинская смотрѣла растерянно и не знала, чего еще ожидать ей отъ дочери. А Дина, точно побуждаемая какой-то внутренней силой, торопилась досказать ей все.

— Я знаю, что вы и отецъ—чужіе люди и каждый изъ васъ живетъ свою жизнью... Я знаю, что у отца давно уже есть другая семья, другія дѣти, которыхъ онъ прячетъ отъ свѣта, потому что этой вольности не позволяетъ ему его положеніе... Оно допускаетъ, чтобъ онъ оплачивалъ французскую актрису, пріѣзжую кокотку, женщину самаго низкаго сорта, но не семью, не дѣтей...

— Тсс... Denise, что ты говоришь? Какъ ты смѣешь?

— Я знаю также, что привлекаетъ васъ туда, на югъ, но... я этого не назову вамъ... Я только хочу вамъ доказать, что уже поздно разсказывать мнѣ сказки о климатѣ. Больше я ничего не хочу сказать.

Лицо госпожи Лавинской сдѣлалось строгимъ, какъ будто она самомъ дѣлѣ вѣрила, что имѣетъ какую-нибудь власть надъ дочерью. Въ сущности, она знала, что этой власти у нея нѣтъ. Но а уже такъ привыкла пускать въ ходъ недѣйствительныя прики, что не могла отказать себѣ въ этомъ.

— Скажи, пожалуйста, откуда ты набралась такихъ свѣдѣній гдѣ научилась такимъ словамъ?—строго спросила она.

— Въ той школѣ, въ которой вы меня оставляли въ продолженіе всего моего дѣтства!

— Въ какой школѣ?

— Да вы, впрочемъ, не знаете... Вы никогда не интересовались этимъ. Вы, можетъ быть, немножко помните мою первую бонну, фрейленъ Августу. Она первая и показала мнѣ міръ такимъ, каковъ онъ есть. О, я не могу повторять вамъ то, чему я отъ нея научилась. Я только скажу, что все, что̀ есть самаго дрянного въ человѣческихъ отношеніяхъ, я узнала отъ нея... То, что люди прячутъ не только отъ дѣтей, но и отъ взрослыхъ, все это было мнѣ открыто.

— Боже, какой ужасъ! — съ испуганными, широко раскрытыми глазами, повидимому, потрясенная, воскликнула госпожа Лавинская.

— Развѣ это такъ ужасно? Я знаю худшее... И могло бы быть со мною самое худшее... Если вы помните мадумазель Мюшѣ... Она была послѣ фрейленъ Августы... Ее выгнали изъ Парижа за непристойное поведеніе и приставили ко мнѣ.

— Denise, пощади!

— Я говорю то, что было. Она водила меня къ своимъ друзьямъ, которыхъ у нея было много... Она, между прочимъ, вмѣстѣ со мной подстерегала отца, когда онъ ѣхалъ къ своей другой семьѣ, и все растолковала мнѣ... Наконецъ, она рѣшилась продать меня.

— Denise! Погоди, дай перевести духъ... дай мнѣ прійти въ себя!...

— Успокойтесь... Это ей не удалось... И притомъ я не знаю, зачѣмъ все это говорю вамъ.

— Какъ зачѣмъ? Боже мой! Какъ зачѣмъ? Неужели же ты не считаешь меня матерью?—воскликнула госпожа Лавинская, и глаза ея были полны слезъ.

— Это не имѣетъ значенія. Можно быть матерью и больше всего на свѣтѣ любить свой покой и свои удобства...

— Но какъ же ты никому объ этомъ не сказала?

— Кому же? И почему? Фрейлейнъ Августа и мадмуазель Мюшѣ были единственными моими друзьями, онѣ дѣлили со мной жизнь. Онѣ обогащали мой умъ знаніями, которыя казались мнѣ такими интересными... Ну, вотъ теперь ужъ вы понимаете, почему я не хочу съ вами ѣхать.

— Но, Denise, теперь ты не можешь оставаться! Теперь ты должна ѣхать! Послѣ всего этого я не могу оставить тебя одну!

— Нѣтъ, теперь это ужъ поздно! До этого были основанія не

оставлять меня, а послѣ этого... можете быть увѣрены, что я сама отлично сумѣю присмотрѣть за собой. Да и присмотръ за мной теперь былъ бы вамъ не подъ силу.

— Что это значитъ, Denise? Ты окончательно пугаешь меня!

— Нѣтъ, вы ничего не пугайтесь! Это значитъ только, что я слишкомъ привыкла управлять сама собой... И ничьего руководства надъ собой признать не могу. Все въ порядкѣ вещей, все одно изъ другого вытекаетъ. Нѣтъ, вы поѣзжайте одна.

И думая, что мать только объ этомъ хотѣла поговорить съ нею, Дина опять взялась за шляпку, съ видимымъ намѣреніемъ надѣть ее. Госпожа Лавинская нѣсколько секундъ молчала, подавленная всѣмъ тѣмъ, что сказала ей дочь. Если бы она могла что-нибудь подобное предполагать, то она подготовилась бы и приняла бы это совсѣмъ иначе. Нѣтъ такой вещи въ мірѣ, которую нельзя было бы объяснить и которая въ концѣ концовъ не показалась бы естественной. Но для этого надо дать человѣку время.

— Denise,—вдругъ опять заговорила госпожа Лавинская.—Я передъ тобой не стану оправдываться... Я виновата... я была жестокой эгоисткой... И голосъ ея дрожалъ, а глаза увлажились новыми слезами.

— Мама, право, это не нужно!—безъ всякой рѣзкости промолвила Дина:—это меня не измѣнитъ, я останусь такою, какою вышла... А вамъ только омрачитъ жизнь. Я жалѣю, что сказала вамъ это... Я не собиралась. Это вышло какъ-то нечаянно.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты должна была сказать!...

— Да не надо же этого, ни къ чему это, безполезно... Я только хотѣла сказать, что вамъ лучше ѣхать попрежнему безъ меня и вообще все попрежнему... Вы видите, что уже прошло то время, когда я нуждалась въ вашихъ заботахъ,—хорошо ли, дурно ли, а прошло, теперь ваши заботы уже не нужны мнѣ. Теперь я твердо стою на ногахъ.

— Denise, мнѣ кажется, что ты переживаешь теперь... крайне неувѣреннымъ голосомъ проговорила госпожа Лавинская и запнулась, потомъ опять продолжала:—переживаешь время, когда... въ твоей судьбѣ можетъ быть перемѣна.

— Какая перемѣна?—съ самымъ искреннимъ любопытствомъ спросила Діонисія Александровна, чрезвычайно далекая отъ догадки.

— Мнѣ показалось, что твоя новая дружба со Стаховыми...

— Да, я дружна съ ними!—подтвердила Дина.

— Дружна ли только?

— Дружна только! Это я могу сказать вамъ съ увѣренностью.

— А мнѣ казалось... Ты понимаешь, что ни я, ни отецъ твой ничего не имѣли бы противъ этого брака...

— Право, я ничего не могу сказать вамъ по этому поводу. Я никогда не думала объ этомъ и вы даете мнѣ новую мысль!—съ усмѣшкой промолвила Діонисія Александровна.—Но какъ вы думаете, мама, человѣкъ, который узнаетъ о моемъ воспитаніи все то, что вы вотъ сейчасъ узнали, женится на мнѣ?

— Ты способна разсказать ему?...—съ ужасомъ воскликнула госпожа Лавинская.

— Я неспособна была бы скрыть отъ него, еслибъ явился вопросъ о замужствѣ.

— Это ужасно!

— Здѣсь, мама, все ужасно и все очень просто! Это зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вещи... Во всякомъ случаѣ, если вы хотѣли знать, придется ли вамъ пріѣзжать на свадьбу...

— Denise!

— Ну, да, вѣдь это понятно... То я могу васъ успокоить: я замужъ идти не собираюсь, мнѣ не дѣлали предложенія и я не жду его... Значитъ, свадьбы не предстоитъ...

Госпожа Лавинская, видя, что Дина надѣваетъ шляпку и вообще хочетъ кончить разговоръ, поднялась. Это вышло у нея какъ-то тяжело, точно она вдругъ за полчаса на нѣсколько лѣтъ постарѣла, и это не шло къ ея красивому лицу и изящной фигуркѣ. Вообще выраженіе подавленности, несчастья не шло ей и какъ-то даже уменьшало ея красоту. Къ этому она не привыкла.

— Ты понимаешь, Дина, что все это для меня такъ неожиданно, такъ ново... что я должна все это осмыслить... Я просто не знаю, что сказать тебѣ!—промолвила она такимъ взволнованнымъ голосомъ, который не позволялъ сомнѣваться въ ея горѣ. И она дѣйствительно въ эти минуты чувствовала себя безмѣрно виноватой передъ дочерью и искренно страдала. Дина видѣла это и знала, и не сомнѣвалась въ этомъ, но не придавала этому большого значенія. «Это пройдетъ,—думала она:—всему будетъ найдено приличное объясненіе. Неутомимый эгоизмъ возьметъ верхъ надъ всѣми другими чувствами и все пойдетъ, какъ нельзя лучше».

Она готова была держать пари, что мать ея пятаго января уѣдетъ за границу. Она это сказала голосомъ мягкимъ, но въ которомъ слышалась неопредѣленная холодность.

— Но я отъ васъ ничего не требую, мама!

На это госпожа Лавинская ничего не сказала. Она уже была

въ дверяхъ и вслѣдъ затѣмъ вышла и пошла къ себѣ какой-то разбитою походкой. Даже спина ея, до сихъ поръ гибкая и стройная, слегка согнулась, точно подъ невидимою тяжестью.

Дина позвала горничную.

— Подали лошадь?—спросила она.

— О, давно уже ждетъ у подъѣзда!—отвѣтила горничная, подозрѣвавшая, что у Діонисіи Александровны былъ важный разговоръ съ барыней.

— Дайте мнѣ шубу!—сказала Дина.

Въ передней горничная подала ей шубу. Она сошла по лѣстницѣ внизъ, сѣла въ узенькія сани, въ которыхъ можно было помѣститься только одному и въ которыхъ отецъ ея ѣздитъ по дѣламъ. Лицо ея было холодно, брови сдвинуты и презрѣніе свѣтилось въ ея большихъ глубокихъ глазахъ.

— Къ Стаховымъ и поскорѣй!—сказала она кучеру.

Ей хотѣлось какъ можно скорѣе повидаться «съ своими», т.-е. Надей и Сергѣемъ, чтобъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія неожиданнаго объясненія съ матерью. Ей хотѣлось освѣтить душу.

По улицамъ сновалъ народъ. Запоздавшіе праздничные визитеры съ чрезвычайно грустнымъ видомъ разъѣзжали на извозчикахъ. Подвыпившіе мастеровые, пошатываясь и перебраниваясь съ прохожими и полиціей, переходили изъ трактира въ трактиръ.

Воздухъ былъ скованъ крѣпкимъ морозомъ. Сыроватый снѣгъ, смѣшанный съ пылью, хрустѣлъ подъ полозьями саней.

Съ чувствомъ удовольствія Дина удалялась отъ дома своего отца. Она слегка упрекала себя за то, что такъ откровенно высказалась передъ матерью. Вѣдь ни къ чему это не поведетъ. Все будетъ понято такъ, какъ удобнѣе для нея.

Но, съ другой стороны, надо же было, чтобы когда-нибудь она узнала правду. А то, чего добраго, она живетъ въ глубокомъ убѣжденіи, что она—жертва, принесенная на алтарь материнства. Не даромъ же всякій годъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, что она проводитъ въ Петербургѣ, у нея бываетъ видъ добровольной жертвы.

XVIII.

Діонисія Александровна, пріѣхавъ къ Стаховымъ, отдала внизу швейцару шубу и взлетѣла на верхъ по лѣстницѣ.

У Стаховыхъ въ домѣ было тихо и ея нетерпѣливый звонокъ обратилъ на себя общее вниманіе. Надя тотчасъ же догадалась, что это она, и пошла въ переднюю. Черезъ нѣсколько секундъ оттуда

раздавался звучный голосъ гостьи, затѣмъ онѣ шумно прошли въ маленькую гостиную, гдѣ не было ни души. Варвара Васильевна въ этотъ день дѣлала какія-то покупки, а Сергѣй былъ отвлеченъ неожиданнымъ визитомъ, который сдѣлалъ ему въ этотъ день Меркуевъ. Зная, что скоро должна пріѣхать Діонисія Александровна, онъ нарочно пригласилъ Меркуева въ большую гостиную.

Но Меркуевъ пришелъ не спроста. Видъ у него былъ крайне озабоченный. Онъ явился говорить по поводу нѣкоторыхъ событій, случившихся въ университетѣ еще до праздниковъ.

То, что онъ разсказалъ, не было новостью для Сергѣя. Ходъ событій онъ зналъ, но не придавалъ имъ значенія. Подобныя вспышки среди студентовъ возникали часто на его глазахъ и потухали безслѣдно. Онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ университетской жизни и потому по отношенію къ такого рода событіямъ стоялъ всегда въ сторонѣ.

Меркуевъ сразу заявилъ, что онъ не съ визитомъ, а по важному дѣлу.

— Ты какъ-то странно относишься къ этому! — съ укоромъ сказалъ онъ Сергѣю. — Ты не придаешь этому значенія, а между тѣмъ это очень важно!

— Что собственно тутъ важно?—спросилъ Сергѣй.

— Но какъ что? Они и послѣ праздниковъ собираются продолжать эту исторію. А что-же изъ этого выйдетъ? Профессора перестали читать лекціи... Они не успѣютъ дочитать свои курсы... И потомъ, вѣдь это можетъ тянуться безъ конца...

— Но вѣдь ты не принимаешь участія, тебѣ-то что?

— Но послушай, Стаховъ, ты словно прикидываешься непонимающимъ! Какъ же ты не видишь, что мы теряемъ отъ этого больше всѣхъ?

— Кто мы?

— Мы, кончающіе курсъ. Это помѣшаетъ намъ своевременно выдержать экзамены и мы потеряемъ цѣлый годъ.

Сергѣй лѣниво посмотрѣлъ на него. Видно было, что этотъ вопросъ очень мало трогалъ его.

— Что до меня,—сказалъ онъ,—то я нисколько не тороплюсь.

— Какъ? — почти обиженнымъ тономъ воскликнулъ Меркуевъ.—Цѣлый годъ! Тебѣ не жаль цѣлаго года?

— Да что значитъ жаль? Что же съ нимъ сдѣлается? Развѣ его отнимутъ у меня?

— Ну, знаешь, Стаховъ... Я въ послѣднее время какъ-то перестаю понимать тебя! Съ тобой что-то сдѣлалось! Ты какъ будто

сталъ говорить на другомъ языкѣ!... Не понимаю! Цѣлый годъ службы пропадаетъ и ты говоришь, что это ничего не значитъ! Да неужели тебѣ не надоѣло таскать этотъ ученическій мундиръ и не хочется сдѣлаться, наконецъ, человѣкомъ?

— Развѣ чиновничій мундиръ лучше студенческаго? — спросилъ Стаховъ.

— Лучше ли, не знаю, это зависитъ отъ вѣдомства... Но онъ даетъ самостоятельность...

— Это чиновничій-то мундиръ? Ты въ этомъ увѣренъ?

— Но какъ же! Конечно!

— Я думаю, наоборотъ. Какъ только ты надѣнешь чиновничій мундиръ, такъ надо сказать: прощай самостоятельность и навсегда.

— Ну, да... То-есть ты будешь зависѣть отъ начальства. Такъ вѣдь это же неизбѣжно. Зато впослѣдствіи, когда ты достигнешь извѣстнаго положенія, другіе будутъ зависѣть отъ тебя... Но возвратимся къ дѣлу, Стаховъ... Я узналъ, что они намѣрены и послѣ праздниковъ продолжать свои глупости... Надѣюсь, что ты не на ихъ сторонѣ?

— Ты надѣешься, что я на сторонѣ Рогушина?—съ усмѣшкой спросилъ Сергѣй.

— Ну, что такое—Рогушинъ? Его просто раздули. Эта дурацкая исторія со швеей... конечно, это некрасиво... Но въ концѣ концовъ какое намъ до этого дѣло? И, притомъ, она дура, если повѣрила обѣщанію жениться. Съ какой стати ему жениться на ней? Это было бы просто глупо... Этихъ обѣщаній дается сколько угодно на каждомъ шагу, и если ихъ ставить на счетъ, такъ нѣтъ такого человѣка, котораго не слѣдовало бы женить на какой-нибудь дурѣ...

— И тебя тоже?—спросилъ Сергѣй.

— Да очень можетъ быть... Никто не можетъ за себя поручиться!—съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Меркуевъ.—Ну, а что касается того, что онъ тамъ пользуется средствами какихъ-то немолодыхъ дамъ, то ради Бога скажи, пожалуйста, кому какое до этого дѣло? Да если каждый будетъ позволять себѣ вмѣшиваться въ то, чѣмъ я живу, чѣмъ добываю средства, такъ вѣдь тогда никому житья не будетъ...

— Никому, за исключеніемъ порядочныхъ людей, конечно...

— Ахъ, Боже мой! Что такое порядочный человѣкъ? По-моему, это понятіе крайне растяжимое! Почему Х., женившійся на уродѣ только потому, что у нея есть деньги, считается порядочнымъ человѣкомъ? Вѣдь онъ точно такъ же, какъ и Рогушинъ, продаетъ себя?

— Безъ сомнѣнія!

— Такъ почему же его всѣ считаютъ порядочнымъ человѣкомъ?

— Я самъ спрашиваю тебя: почему?

— Но главное, что намъ вовсе нѣтъ надобности вникать въ то, хорошаго или дурного поведенія какой-то тамъ Рогушинъ! Онъ дурного поведенія, а я изъ-за этого теряю цѣлый годъ. Такъ позвольте: выходитъ, что за дурное поведеніе Рогушина буду наказанъ я!

— Слушай, Меркуевъ,—сказалъ Сергѣй,—ты все толкуешь о Рогушинѣ, тогда какъ о немъ уже, кажется, всѣ забыли... Я не au courant всего этого, но, мнѣ кажется, насколько я знаю, что теперь выплыли уже совсѣмъ другіе пункты...

— Ахъ, это все равно! Тѣ или другіе пункты, все равно, я не желаю терять годъ.

— Слушай, бросимъ это...—сказалъ Сергѣй, которому надоѣло дурачить его. Онъ зналъ уже, что Діонисія Александровна пріѣхала, и ему пришла мысль пригласить Меркуева въ тѣ комнаты. Онъ зналъ, что этимъ приведетъ его въ восторгъ, а дамамъ доставитъ развлеченіе. — Я не совсѣмъ свободенъ. У насъ сегодня гостья...

— Ахъ, извини, пожалуйста!—промолвилъ Меркуевъ и всталъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сейчасъ уйти,—я не зналъ этого. Я не хочу тебя задерживать...

— Нѣтъ, нисколько... Мы только перемѣнимъ мѣсто. Мы перейдемъ туда...

— Но я не знакомъ... я боюсь стѣснить. Ты, пожалуйста, не церемонься со мной — галантно отвѣтилъ Меркуевъ, который корректность считалъ главнымъ условіемъ порядочности.

— Нѣтъ, ты знакомъ. У насъ Лавинская, Діонисія Александровна...

— Ахъ, неужели? Да я просто въ восторгѣ!

И лицо Меркуева въ самомъ дѣлѣ расцвѣло. Впрочемъ, это не значило, что онъ питалъ столь восторженное чувство къ Діонисіи Александровнѣ. Онъ находилъ ее очаровательной, это правда, но все же не въ этомъ было дѣло.

Надежда попасть въ домъ Лавинскихъ въ качествѣ человѣка, запросто принятаго тамъ, никогда не покидала его, такъ какъ онъ твердо рѣшилъ начать карьеру «въ вѣдомствѣ Лавинскаго». (Онъ вообще различалъ вѣдомства не столько по существу ихъ функцій, сколько по именамъ ихъ главныхъ вдохновителей). Сергѣй до сихъ поръ не оправдалъ его надеждъ въ этомъ отношеніи.

Онъ, конечно, не разсчитывалъ на то, что Діонисія Александровна пригласитъ его, онъ зналъ, что это было бы несогласно съ правилами хорошаго тона. Но всякое свиданіе его съ нею приближало его къ цѣли, а тѣмъ болѣе свиданіе въ кругу такихъ близкихъ ей людей, какъ Стаховы.

Сергѣй провелъ его черезъ столовую, потомъ черезъ короткій коридоръ и ввелъ въ маленькую гостиную.

Онъ поздоровался съ Диной, а затѣмъ, взглянувъ на сестру, замѣтилъ, что она смотритъ на него вопросительно. Сергѣй, разумѣется, ничего не отвѣтилъ на ея вопросъ. Онъ сказалъ:

— Я привелъ его сюда, чтобъ избавиться отъ его нападеній. Онъ требуетъ отъ меня какихъ-то дѣйствій, которыхъ я не могу ему пообѣщать!

— Въ чемъ дѣло?—спросила Діонисія Александровна.

— А вотъ, пусть онъ вамъ разскажетъ...

— Да вѣдь вы слышали, вѣроятно, что у насъ было передъ праздниками...—сказалъ Меркуевъ.

— Я слышала о какихъ-то волненіяхъ, но ничего не могла понять...

— Видите ли, это изъ-за нѣкоего Рогушина. Онъ заподозрѣнъ... я, право, затрудняюсь вамъ объяснить...

И Меркуевъ, въ виду недостаточно приличныхъ дѣйствій Рогушина, покраснѣлъ, какъ невинная дѣвушка. Это въ немъ была странная аномалія. Онъ, принимавшій дѣятельное участіе въ кутежахъ своего кружка и весьма развязно, даже цинично обращавшійся съ женщинами извѣстнаго круга, чувствовавшій себя среди нихъ какъ дома, выказывавшій даже извѣстнаго рода изобрѣтательность въ безстыдствѣ, совершенно искренно и нелицемѣрно смущался и краснѣлъ, когда ему надо было назвать дѣянія Рогушина передъ порядочными женщинами.

— Ну, все равно,—помогъ ему Сергѣй,—Рогушинъ оказался негодяемъ по отношенію къ одной женщинѣ и въ то же время жилъ на счетъ двухъ другихъ...

— Да, вотъ это!—подхватилъ Меркуевъ и, благополучно пройдя этотъ затруднительный пунктъ, началъ толково и основательно излагать дальнѣйшій ходъ дѣла. Дамы слушали съ большимъ вниманіемъ, да и Сергѣй только теперь знакомился съ нѣкоторыми подробностями. Кончивъ свой разсказъ, Меркуевъ прибавилъ:— Вотъ-съ я и утверждаю, что намъ, кончающимъ курсъ, невыгодно терять цѣлый годъ.—Вы убѣдите его, что это наша прямая выгода!—промолвилъ Меркуевъ, обращаясь къ обѣимъ дамамъ.

— Ну, нѣтъ, я убѣждать не берусь!—сказала Діонисія Александровна.

— Я тоже!—замѣтила Надя.

— Это очень жаль! Онъ навѣрно послушался бы васъ!

Всѣ на это промолчали, и дальнѣйшій разговоръ шелъ вяло. Меркуевъ вдругъ почувствовалъ, что ему пора уходить. Это ему приходилось чувствовать часто. Такъ какъ онъ вообще дорожилъ расположеніемъ людей и боялся досадить и надоѣсть, то малѣйшую заминку принималъ на свой счетъ, въ особенности когда бывалъ въ обществѣ, которое еще не имѣлъ права считать своимъ.

Онъ поднялся и сталъ прощаться. Его не удерживали Сергѣй проводилъ его до двери.

— А ты все-таки подумай, Стаховъ!—сказалъ на прощанье Меркуевъ.

— Я подумаю, если будетъ время!—отвѣчалъ Сергѣй и вернулся къ дамамъ.

— Ну, Сергѣй Валерьяновичъ, теперь вы скажите намъ ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ!—обратилась къ нему Діонисія Александровна.

— Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что дѣйствительно плохо знаю самое дѣло и не могу судить о немъ правильно... Даже изъ передачи Меркуева я вижу, что это не такіе пустяки, какъ я думалъ... Я завтра же все узнаю изъ болѣе достовѣрнаго источника... Это, конечно, странно, что я не au courant событій, волнующихъ цѣлый университетъ, но я въ эти недѣли такъ былъ поглощенъ своими личными вопросами и недоумѣніями...

— А я, кажется, покончила съ ними сегодня,—промолвила Дина.—Или, по крайней мѣрѣ, наполовину.

— О, въ такомъ случаѣ вы счастливѣе меня!

Сергѣй не разспрашивалъ. Онъ зналъ, что это относится къ счетамъ Дины съ своими родными. Можетъ быть, она сегодня свела эти счеты? Тутъ навѣрное примѣшано то, чего онъ еще не знаетъ, такъ какъ Надя до сихъ поръ ничего не разсказала ему.

Это было свойство его натуры: когда онъ былъ охваченъ какимъ-нибудь ощущеніемъ или мыслью, все другое, какъ бы оно ни было важно, скользило по его душѣ, не оставляя глубокаго слѣда. Теперь онъ досадовалъ на себя за то, что такъ невнимательно отнесся къ товарищескимъ волненіямъ. «И отчего это? — думалъ онъ,—не равнодушный же я человѣкъ въ самомъ дѣлѣ ко всему, что не касается лично меня!» И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше убѣждался, что въ немъ еще глубоко сидитъ закваска того

кружка, въ которомъ онъ провелъ почти цѣликомъ три университетскихъ года, «кружка эгоистовъ», какъ онъ называлъ его теперь. На все, что волновало товарищей, они смотрѣли съ ироническою усмѣшкой и подавали голосъ только тогда, когда дѣло принимало оборотъ, угрожающій ихъ шкурѣ.

Отголоскомъ этого кружка явился сегодня Меркуевъ. Вся исторія прошла мимо него и онъ былъ равнодушенъ, пока не появилась для него опасность потерять годъ. Тутъ онъ заговорилъ, запротестовалъ, сдвинулся съ мѣста и даже вотъ затѣялъ какую-то агитацію.

Сергѣй намѣтилъ себѣ: какъ можно скорѣй пойти къ Плѣшилову, который хотя отнесется къ дѣлу съ усмѣшкой, но разскажетъ его правдиво.

Сегодня онъ не могъ этого сдѣлать. Сегодня со скорымъ поѣздомъ уѣзжалъ домой Григорій Петровичъ. Онъ слишкомъ засидѣлся въ Петербургѣ и пропустилъ всѣ сроки. Надо было провожать его. «А впрочемъ,—сказалъ себѣ Сергѣй,—я могу къ Плѣшилову поѣхать вечеромъ, прямо съ вокзала. Онъ рѣдко вечера проводитъ дома, но, можетъ быть, и застану».

— Я завтра же буду уже имѣть свое мнѣніе объ этой исторіи!—сказалъ онъ Динѣ и сестрѣ, какъ бы подводя итогъ своимъ мыслямъ,—и тогда буду въ состояніи отвѣчать на всѣ ваши вопросы!

XIX.

Діонисія Александровна отослала своего кучера домой и, когда свечерѣло, Сергѣй проводилъ ее. Они пошли пѣшкомъ.

— Вашъ дядя сегодня уѣзжаетъ,—сказала Дина,—а вы такъ и не показали его мнѣ.

— Мой дядя не оправдалъ моихъ надеждъ. Это хорошій человѣкъ старой школы, не болѣе! — отвѣтилъ Сергѣй. — Вы могли встрѣтиться съ нимъ случайно; но показывать его вамъ, создавать эту встрѣчу—я не видалъ надобности. Видите ли, Дина, я много думалъ надъ этимъ вопросомъ: почему эти люди—прежніе, старой школы, въ которыхъ такъ много хорошаго, враждебны намъ,—мнѣ и, я думаю, и вамъ тоже... И я пришелъ къ заключенію, что оттого это, что у нихъ ложь играетъ важную роль въ жизни. Одни лгутъ изъ корысти, прикрывая хорошими словами дурныя дѣла, другіе лгутъ изъ доброты, называя эту ложь снисхожденіемъ къ слабости людской. Но въ концѣ концовъ они безъ лжи не могутъ

сдѣлать шага. А мы ставимъ въ основы нашей жизни правду—во что бы то ни стало! Вотъ почему мы съ ними никогда не поймемъ другъ друга. Мой дядя изъ тѣхъ людей, которые лгутъ изъ доброты. Самъ онъ хорошій, честный, простой... Жизнь его такая ясная, что ему для себя лгать нѣтъ надобности, но, чтобы примирить васъ со слабостью другого, онъ готовъ допустить софизмъ, натяжку, все, что угодно... И это у него называется снисхожденіемъ къ людямъ.

— А вы не забываете, что и отъ васъ потребуется снисхожденіе... для меня!—съ полуулыбкой сказала Діонисія Александровна.

— Никогда! Я твердо увѣренъ, что вы не нуждаетесь въ снисхожденіи, но если бы даже меня увѣрили въ существованіи какихъ-нибудь темныхъ фактовъ въ вашей жизни, я пришелъ бы къ вамъ и прямо въ глаза осудилъ бы васъ и ни на минуту не пересталъ бы вѣрить вамъ и любить васъ!

— Вы въ этомъ твердо увѣрены, Сергѣй Валерьяновичъ?

— О, да! За это я могу поручиться. Привязанность была бы пустымъ звукомъ, если бы мы любили людей за факты... Факты мѣняются и тогда наши привязанности постоянно колебались бы, какъ колеблются цѣны бумагъ на биржѣ. Я люблю человѣка, его личность, его душу, его сущность... И пусть онъ, въ силу обстоятельствъ, сдѣлался воромъ, убійцей, я осужу его поступокъ, но буду любить его неизмѣнно! Это моя вѣра!

— Ну, если такъ, то попросите Надю, чтобъ она вамъ разсказала про меня все... Ахъ, да! Вы знаете, какіе носятся слухи? Будто я влюблена въ васъ, вы въ меня и скоро должна быть наша свадьба... Кажется, только мы съ вами не думаемъ объ этомъ.

— О свадьбѣ—странно было бы думать. Но что я васъ люблю... Если есть такіе слухи, то они правдивы!—отвѣтилъ Сергѣй, доведя ее до дому и на прощаніе пожимая ей руку.

— Ну, такъ попросите же Надю, она вамъ все разскажетъ!—промолвила Дина, съ улыбкой кивнула ему головой и скрылась въ подъѣздѣ.

Въ первое время, когда Сергѣй узналъ о существованіи у Дины «правды, которую нельзя сказать», его сильно это тревожило и занимало, но потомъ онъ охладѣлъ къ этой «правдѣ». Дина ему нравилась вся, всей своей личностью и ничто уже не могло разочаровать его въ ней. Да къ тому же онъ зналъ навѣрное, что въ той «правдѣ» не можетъ быть ничего такого, чего онъ не объяснилъ бы самымъ благопріятнымъ образомъ для Дины. Ея душа казалась ему такой правдивой и свѣтлой, что ничто не могло загрязнить ее. И онъ спокойно ждалъ, когда ему скажутъ въ полной увѣренности,

что ничто не измѣнитъ его отношеній къ дѣвушкѣ, которую онъ любитъ.

Въ этотъ день у Стаховыхъ обѣдали нѣсколько раньше обыкновеннаго. Григорій Петровичъ спозаранку уложилъ свои вещи и отправилъ ихъ на вокзалъ, а самъ явился къ родственникамъ, чтобы въ послѣдній разъ пообѣдать съ ними и проститься. Но онъ уѣзжалъ не надолго. Мѣсяца черезъ три онъ обѣщалъ вернуться, чтобы ѣхать за границу. Онъ рѣшилъ «исходить пѣшкомъ всю Европу, чтобы воочію познакомиться съ тѣмъ, какъ тамъ живутъ люди». Денегъ у него было для этого мало, но, когда Валерьянъ Петровичъ предложилъ ему помощь, онъ не отказался.

И вообще между братьями, послѣ того объясненія, въ которое неожиданно вмѣшался Сергѣй, произошло сближеніе. Ихъ отношенія сдѣлались мягче. Валерьянъ Петровичъ уже не чувствовалъ себя при братѣ такимъ подавленнымъ, какъ прежде; виноватость не была написана на его лицѣ. Онъ больше не молчалъ при немъ, а мало-по-малу сдѣлался словоохотливъ, какимъ былъ всегда.

И когда приблизился часъ отъѣзда, на вокзалѣ, братья горячо обнялись и поцѣловались, и на глазахъ у Валерьяна Петровича заблистали слезы.

Но Сергѣй и Надя простились съ дядей формально. Несмотря на свою симпатичность, доброту и простоту, онъ какъ-то не сумѣлъ вызвать въ нихъ теплое чувство. И Варвара Васильевна, вѣрная своей дружбѣ, косилась на нихъ. Съ нею тоже у нихъ происходили перемѣны. Ничего не было сказано, но сама собою обозначалась граница. Не было уже полнаго довѣрія, какъ прежде.

Прямо съ вокзала Сергѣй поѣхалъ на Васильевскій островъ, гдѣ, неподалеку отъ университета, жилъ Плѣшиловъ. Его жилище составляло часть большой квартиры, которую занимали его родные. Помѣщался онъ въ двухъ большихъ комнатахъ, гдѣ было просторно и уютно и на каждомъ шагу доказательства того, что за нимъ ухаживали и объ удобствахъ его заботились.

Плѣшиловъ, сверхъ обыкновенія, былъ дома и, судя по тому, что на немъ была мягкая некрахмаленная рубаха съ широкимъ воротомъ, а поверхъ нея домашній бархатный пиджакъ, можно было заключить, что онъ никуда и не собирался.

— Ты вечеръ дома проводишь?—спросилъ Сергѣй,—я тебя ни отъ чего не отрываю?

— Куда же теперь идти, на праздникахъ,—отвѣтилъ Плѣшиловъ,—если ты назовешь мнѣ мѣсто, гдѣ нѣтъ теперь толпы, то я поблагодарю тебя и съ удовольствіемъ отправлюсь. Терпѣть не могу

вечера проводить дома, но еще больше не выношу праздничной толпы. Садись. Давно не видалъ тебя и очень радъ!

— Я къ тебѣ по дѣлу!

— Тѣмъ хуже. У тебя въ послѣднее время сдѣлался какой-то неспокойный взглядъ, ты все о чего-то тревожишься!

— Тревожнаго въ жизни слишкомъ много... Если твоя жизнь сложилась иначе, то очень радъ за тебя!—сказалъ Сергѣй.

— Неужели твоя жизнь еще не хорошо сложилась? Батюшки мои! Какія страшныя требованія! Отецъ твой занимаетъ такое высокое положеніе, ты вращаешься въ лучшемъ обществѣ, у тебя есть средства, а для собственнаго будущаго ты можешь выбирать, что хочешь. Всюду тебѣ будетъ доступъ...

— Ты говоришь, какъ Меркуевъ! — съ усмѣшкой замѣтилъ Сергѣй.

— Ну, Меркуевъ сказалъ бы это съ завистью, а я не завидую, ибо доволенъ тѣмъ, чѣмъ обладаю. Я вижу, мой милый Стахушка, что ты переживаешь кризисъ вступленія въ полный разумъ. Тебя слишкомъ долго опекали... И тебя теперь тревожатъ вопросы, съ которыми я давно покончилъ... Держу пари, ты страдаешь оттого, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, на землѣ оказывается праведниковъ меньше, чѣмъ ихъ было въ Содомѣ и Гоморрѣ! Ахъ, да! Кстати, у тебя вѣдь былъ Меркуевъ? Онъ говорилъ мнѣ, что пойдетъ къ тебѣ.

— Да, я по этому поводу и хочу говорить съ тобой!—отвѣтилъ Сергѣй.

— Какъ? Меркуевъ съ его проектомъ, это—поводъ? Сохрани меня Богъ отъ такого несчастья, чтобъ я на что бы то ни было шелъ за Меркуевымъ! Если онъ поведетъ меня въ рай, то я поверну въ адъ, ибо нѣтъ бо́льшаго позора, какъ идти за дуракомъ...

— Нѣтъ, конечно нѣтъ! Но видишь ли, я какъ-то прозѣвалъ всю эту исторію. Мнѣ хочется составить о ней правильное понятіе.

— Да зачѣмъ тебѣ это?

— Затѣмъ, чтобы знать, какъ отнестись къ ней.

— Да ты никакъ не относись. Она такъ или иначе кончится, ибо все какъ-нибудь кончается.

— Я прошу тебя, Плѣшиловъ, разскажи мнѣ всю эту исторію отъ начала до конца. Я не увѣренъ, что знаю ее точно...

— Да вѣдь ее на экзаменѣ не спросятъ!—отшутился Плѣшиловъ.—Скучно это, но изволь. Значитъ съ Адама? То-есть съ Рогушина?... Да, кстати, я надняхъ видѣлъ этого молодца. Онъ досталъ гдѣ-то поношенное пальто, ѣздитъ на простыхъ извозчикахъ

и ходитъ въ кавказскій ресторанъ. Не знаю, струсилъ ли онъ, или ему обѣ почтенныя дамы отказали... Итакъ, приступимъ къ исторіи...

И Плѣшиловъ, который слѣдилъ за всѣми перипетіями исторіи и говорилъ о ней съ профессорами, разсказалъ все Сергѣю. Оказалось, что дѣло именно было такъ, какъ онъ себѣ представлялъ, и какъ разсказывалъ и Меркуевъ.

Взглядъ Плѣшилова на студенческое движеніе былъ отрицательнымъ, но мнѣнія Меркуева, будто Плѣшиловъ намѣренно остерегается, желая сохранить добрыя отношенія въ томъ и другомъ лагерѣ, Сергѣй не раздѣлялъ. Для Плѣшилова это было бы ужъ слишкомъ просто. Притомъ же у него были всѣ данныя оставаться независимымъ человѣкомъ. У него были и знанія, и средства; во что бы то ни стало добиваться успѣха на ученомъ поприщѣ ему не было надобности.

И Сергѣй видитъ, что товарищъ его принимаетъ къ сердцу то, что говоритъ. Плѣшиловъ волновался, вскакивалъ съ мѣста, старался убѣдить его. Это не были холодныя, ничего ему не стоящія разсужденія. Сергѣй не раздѣлялъ его взглядовъ, но безусловно вѣрилъ въ его искренность.

Когда Сергѣй сталъ прощаться съ нимъ, Плѣшиловъ сказалъ:— Спасибо тебѣ за то, что ты помогъ мнѣ убить вечеръ. Я очень хорошо знаю, что не убѣдилъ тебя, но, признаюсь, ты заставилъ меня для меня самого толково формулировать свой взглядъ на это дѣло.

Когда Сергѣй возвращался домой, онъ припоминалъ свой разговоръ съ Григоріемъ Петровичемъ. Тотъ менѣе попрекалъ его молодостью, хотя между нимъ и Плѣшиловымъ огромная разница. Григорій Петровичъ находилъ, что молодость мѣшаетъ ему найти ту точку, гдѣ помѣщается истина. Плѣшиловъ, очевидно, нашелъ эту точку. Но жаль, что дядя Григорій Петровичъ уѣхалъ! Любопытно было бы знать, въ томъ ли же мѣстѣ онъ помѣстилъ бы эту точку, гдѣ Плѣшиловъ? Навѣрно нѣтъ. Значитъ, это условно и растяжимо.

Однако, Сергѣй шелъ домой безъ опредѣленнаго взгляда на университетскія событія. Съ Плѣшиловымъ онъ былъ не согласенъ, но чувствовалъ, что ему чего-то нехватаетъ для составленія окончательнаго мнѣнія. Онъ рѣшилъ повидаться еще съ другими товарищами.

Когда онъ вошелъ въ подъѣздъ, то увидалъ на вѣшалкѣ у швейцара шубу, которая показалась ему знакомой, хотя выше ихъ были другіе квартиранты.

— У насъ кто-нибудь есть?—спросилъ онъ швейцара.

— Какъ же-съ? Ихъ превосходительство, господинъ Стрижовъ!—отвѣтилъ швейцаръ, точно знавшій чины всѣхъ, кому снималъ шубы и подавалъ калоши.

Сергѣй взглянулъ на часы. Было больше одиннадцати. «Они уже пьютъ чай!—подумалъ онъ:—Пожалуй, Стрижовъ приступилъ тамъ уже ко второму графинчику коньяку». У него являлась мысль какъ-нибудь избѣжать встрѣчи со Стрижовымъ, котораго онъ не любилъ. Но это было невозможно.

Онъ остановился на площадкѣ лѣстницы передъ дверью и по звуку голосовъ убѣдился, что всѣ еще сидѣли въ столовой, и что голосъ Стрижова еще не преобладаетъ надъ всѣми, и значитъ, онъ еще немного выпилъ,—подумалъ Сергѣй и повторилъ звонъ.

Ему отперли, и онъ вошелъ въ столовую.—Вотъ оно, вотъ оно, беззаботное современное юношество!—воскликнулъ, впрочемъ дружески и шутя, Стрижовъ.—А мы объ васъ рѣчь ведемъ, Сергѣй Валерьяновичъ!

— Обо мнѣ?—съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй, здороваясь съ нимъ и осматривая присутствующихъ за столомъ. Здѣсь не было Нади. Она еще меньше, чѣмъ онъ, признавала Стрижова и, очевидно, изъ-за этого поторопилась уйти къ себѣ. Ольга Андреевна еще была здѣсь, но на лицѣ ея видно было утомленіе.

— Да, да, объ васъ! сейчасъ васъ притянемъ и будемъ судить!—попрежнему шутливымъ тономъ отвѣтилъ Стрижовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты можешь разъяснить намъ нѣкоторыя недоразумѣнія,—сказалъ Валерьянъ Петровичъ.

— Итакъ, успокойтесь, вы привлекаетесь не въ качествѣ обвиняемаго, а только какъ свидѣтель!—промолвилъ Стрижовъ.

— Я къ вашимъ услугамъ!—сказалъ Сергѣй и занялъ мѣсто около Варвары Васильевны, которая ужъ налила ему чай.

XX.

Стрижовъ явился собственно по случаю отъѣзда Григорія Петровича. Онъ зналъ, что тотъ уѣзжаетъ въ этотъ день, и ему было сказано, что со скорымъ поѣздомъ; но онъ перепуталъ. Въ послѣднее время, благодаря обильному употребленію коньяка, у него ослабѣла память и онъ всюду являлся не во время. Онъ былъ увѣренъ, что Григорій Петровичъ уѣзжаетъ съ курьерскимъ.

Но, явившись къ Стаховымъ, онъ уже остался на весь вечеръ. Кстати, была у него тема, которой могло хватить на весь вечеръ.

— Ну-те, милѣйшій Валерьянъ Петровичъ, что же вы думаете насчетъ тупости нашихъ патентованныхъ руководителей мысли?— спросилъ онъ съ большой долей сарказма.

— А что же именно?—спросилъ Валерьянъ Петровичъ.

Стрижовъ принялся разсказывать исторію. Это было уже въ столовой, такъ что слушательницами были Ольга Андреевна и Варвара Васильевна. Стрижовъ разсказывалъ долго. Онъ имѣлъ привычку разсказывать и подчеркивать. Къ тому же онъ часто забывалъ, что сообщилъ уже какой-нибудь фактъ, и вторично разсказывалъ его.

— Да, удивительно, что Сергѣй ни разу даже не заикнулся объ этомъ!—сказалъ Валерьянъ Петровичъ.

— Онъ вообще мало говоритъ о своихъ дѣлахъ!—замѣтила Ольга Андреевна.

— Ахъ, глубокоуважаемая Ольга Андреевна! Да развѣ это свое дѣло? Развѣ это не общее дѣло всѣхъ, кто интересуется русскою наукой, просвѣщеніемъ родного края! Нѣтъ, равнодушны они—нынѣшняя молодежь! Это надо сказать правду. И вашъ Сергѣй—милѣйшій юноша, я его люблю,—но равнодушенъ, равнодушенъ онъ! Это я давно замѣтилъ.

Въ это время раздался звонокъ, и вошелъ Сергѣй. Послѣ того, какъ онъ занялъ мѣсто за столомъ, Валерьянъ Петровичъ обратился къ нему:

— Что же это ты, Сергѣй, ничего не сказалъ намъ про ваши университетскія событія? Максимъ Васильевичъ тутъ разсказалъ намъ чудеса!

— Потому что Максимъ Васильевичъ,—замѣтилъ самъ про себя Стрижовъ,—старый студентъ, вѣрный традиціямъ прежняго студенчества!...

Сергѣй не обратилъ вниманія на это восклицаніе и отвѣтилъ отцу:

— Да я, признаться, до сихъ поръ не придавалъ большого значенія этой исторіи. Я считалъ ее одной изъ тѣхъ вспышекъ, которыя кончаются ничѣмъ... Я даже плохо зналъ ходъ дѣла.

— Но знаешь, Сергѣй, это меня поражаетъ! — воскликнулъ съ обычными пріемами горячности Валерьянъ Петровичъ:—ты—студентъ и ты не принимаешь участія въ жизни товарищей, ты равнодушенъ къ ихъ самымъ существеннымъ интересамъ! Ужъ, право, ты бы лучше не сознавался въ этомъ!

— Я думаю, что если у меня есть этотъ порокъ, то лучше сознаться въ немъ,—промолвилъ Сергѣй, медленно выпивая глотокъ чаю.

— Можетъ быть и такъ,—согласился Валерьянъ Петровичъ,—но мнѣ непріятно, что у тебя есть такой порокъ! Этотъ порокъ—равнодушіе! А равнодушіе въ молодомъ человѣкѣ—постыдно! Если ты равнодушенъ теперь, когда кровь горяча, когда ты еще не привязался къ мелочамъ жизни, что же будетъ, когда ты погрузишься въ это болото...

— Развѣ это обязательно, папа, погружаться въ болото?—съ усмѣшкой перебилъ его Сергѣй.—Я разсчитываю такъ прожить жизнь, чтобы совсѣмъ не попасть въ болото...

— Это довольно мудрено, да и не въ этомъ дѣло!—нахмуривъ брови, сказалъ Валерьянъ Петровичъ.

— Заговариваете зубы, молодой человѣкъ! — саркастически замѣтилъ Стрижовъ.

Сергѣй вспыхнулъ и посмотрѣлъ на него загорѣвшимися глазами.

— Вы ошибаетесь, Максимъ Васильевичъ,—сдерживая рѣзкость голоса, промолвилъ онъ.—Я не умѣю этого дѣлать, да и не къ чему мнѣ. Какъ видите, я открыто признаюсь въ своихъ порокахъ.

— Голубчикъ, да вы не такъ меня поняли,—видимо спохватился Стрижовъ,—я не думалъ приписывать вамъ что-нибудь дурное.—А только все же странно, странно, что вы себя ничѣмъ не проявляете, когда ваши товарищи волнуются.

— А какъ по-вашему, я долженъ былъ бы проявлять себя?—спросилъ Сергѣй.

— Какъ проявлять себя! — съ одушевленіемъ воскликнулъ Стрижовъ.—А вы спросите насъ, какъ мы проявляли себя, когда были студентами. Я первый всегда всходилъ на каѳедру и призывалъ товарищей къ протесту! Я кричалъ громче всѣхъ! Когда возникало какое-нибудь товарищеское дѣло, я терялъ разсудокъ... Мы не разсуждали о послѣдствіяхъ, а шли на проломъ!

Валерьянъ Петровичъ терпѣливо слушалъ его, признавая эти нетрезвыя рѣчи какъ неизбѣжное зло. Самому ему онѣ всегда бывали несносны, и онъ чувствовалъ, что Стрижовъ, когда поддается своей слабости и приходитъ въ такое состояніе, компрометируетъ его самого въ глазахъ сына. Но деликатность хозяина и всегдашняя терпимость его по отношенію къ этой развалинѣ прошлаго,—прошлаго, къ которому онъ самъ такъ платонически любилъ простирать руки,—заставляли его сносить это.

Но сегодня онъ видѣлъ, что рѣчи Стрижова какъ-то особенно коробили Сергѣя, что онъ слушалъ ихъ нетерпѣливо и въ склад-

кахъ губъ его выражалась брезгливость. И онъ счелъ своимъ долгомъ остановить Стрижова.

— Все это, можетъ быть, и такъ, Максимъ Васильевичъ, но не въ этомъ дѣло,—промолвилъ онъ.—Мы слишкомъ удалились отъ предмета. И что же, Сергѣй, скажи пожалуйста, въ какомъ же положеніи теперь дѣло?

— Въ самомъ скверномъ!—отвѣтилъ Сергѣй.

— Ну, а ты... ты намѣренъ держаться въ сторонѣ?

— Я не знаю, папа! Я говорю вамъ, что до сихъ поръ не имѣлъ точнаго понятія о характерѣ всей этой исторіи. Вотъ послѣ праздниковъ соберутся студенты и я посмотрю... А въ какой роли, папа, вамъ пріятно было бы меня видѣть въ этой исторіи?—спросилъ онъ.

— Въ роли хорошаго товарища, мой другъ! Я думаю, что этимъ я все сказалъ!—отвѣтилъ Валерьянъ Петровичъ.

— И отлично сказали, Валерьянъ Петровичъ! — восторженно воскликнулъ Стрижовъ.—Роль хорошаго товарища! Это все, что нужно! Отлично сказали, благородно, честно! Дайте, я васъ за это обниму, старый товарищъ!... Закаленный въ бояхъ!

И Стрижовъ съ трудомъ поднялся и, раскрывъ свои объятія, направился къ Валерьяну Петровичу. Тотъ съ видомъ покорности предоставилъ ему себя обнять и поцѣловать, но затѣмъ тихо сказалъ ему:

— Довольно, Максимъ Васильевичъ! Пора спать!

— Иду, иду! Дѣйствительно, засидѣлись!... — промолвилъ Стрижовъ и началъ прощаться. Но не такъ легко было ему уйти. Онъ еще долго расточалъ похвалы Валерьяну Петровичу.

Наконецъ, онъ въ сопровожденіи Ивана вышелъ на лѣстницу и сошелъ внизъ. Швейцаръ имѣлъ случай наблюдать, что «ихъ превосходительство господинъ Стрижовъ, какъ обыкновенно, изволилъ нализаться».

Затѣмъ Иванъ усадилъ его въ извозчичьи сани и сказалъ извозчику, чтобы везъ барина на Лиговку. Съ каждымъ разомъ Стрижовъ выказывалъ все меньше и меньше способности противустоять дѣйствію коньяка. Онъ, видимо, слабѣлъ.

Когда въ столовой остались только Валерьянъ Петровичъ, Сергѣй и Варвара Васильевна, всѣмъ какъ-то стало неловко. Въ особенности Валерьянъ Петровичъ чувствовалъ себя какъ бы отвѣтственнымъ за то дурное впечатлѣніе, которое оставилъ послѣ себя Стрижовъ.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ тяжелаго молчанія, онъ сказалъ:

— Что за несчастная эта страсть у него! Съ каждымъ разомъ она дѣлаетъ его неудобнѣе!

— Неужели вы думаете, папа, что это страсть?—спросилъ Сергѣй.

— Но какъ же ты это назовешь?

— Просто жалкая слабость, не больше! Распущенность, если хотите! Страсть выражается сильно, порывомъ, вихремъ! А у него это какое-то жиденькое, мизерное подпиванье, даже не пьянство! Страсть сокрушаетъ и то, что̀ на пути попадается, и себя самоё, а онъ только несносенъ, но вполнѣ безопасенъ...

— Ну, положимъ,—сказала Варвара Васильевна,—его-то это замѣтно сокрушаетъ! Посмотрите, какъ онъ подался въ послѣднее время.

— О, да, вѣдь это онъ отъ страданій за идею!—саркастически промолвилъ Сергѣй,—я хотѣлъ бы только знать, за какую.

— Вообще этотъ твой Стрижовъ,—промолвила Ольга Андреевна, вошедшая въ это время въ столовую,—его надо бы сдать куда-нибудь въ богадѣльню. Онъ невыносимо дѣйствуетъ на нервы, и я очень рада, что Сергѣй его отдѣлалъ.

— Сергѣй отдѣлалъ и.меня! Онъ никого не щадитъ, твой Сергѣй!—сказалъ Валерьянъ Петровичъ.

— Но еще бы, когда вы оба напали на него съ двухъ сторонъ! Долженъ же онъ былъ защищаться! И по-моему, онъ совершенно правъ! Онъ знаетъ свой характеръ и я его знаю. Онъ нерѣшителенъ, но если ужъ вмѣшается въ дѣло, то на полдорогѣ не остановится...

— Мама права, я не умѣю останавливаться.

— Кто-жъ это рекомендуетъ тебѣ останавливаться на полдорогѣ?—спросилъ Валерьянъ Петровичъ.—Кажется, не я?

— Никто не рекомендуетъ, но... все-таки не мѣшаетъ взвѣсить послѣдствія!... А то вѣдь идти назадъ будетъ еще позорнѣе. А лучше всего предоставить ему самому распорядиться своей особой. Онъ уже не мальчикъ и понимаетъ, что дѣлаетъ!

Валерьянъ Петровичъ не спорилъ. Ольга Андреевна рѣдко высказывала свои мнѣнія и если сегодня она это сдѣлала, то, значитъ, ее задѣло за живое. Возражать ей въ такихъ случаяхъ значило разстроить ее и сдѣлать ее больной.

— Я это охотно ему предоставляю!—сказалъ Валерьянъ Петровичъ, затѣмъ поцѣловалъ у нея руку и выразилъ намѣреніе уйти къ себѣ.

— Погоди, Валерьянъ,—остановила его Ольга Андреевна.— У меня есть одна просьба.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Валерьянъ Петровичъ, всегда предупредительно относившійся къ желаніямъ своей жены.

— Если ужъ нельзя намъ избавиться отъ посѣщеній господина Стрижова, то, по крайней мѣрѣ, я хотѣла бы уничтожить этотъ обычай угощать его коньякомъ. Въ концѣ-концовъ это превращаетъ нашу столовую въ кабакъ. Ты знаешь, я не выношу пьяныхъ.

— Я ничего не имѣю противъ этого, мой другъ,—сказалъ Валерьянъ Петровичъ,—я и самъ тысячу разъ думалъ объ этомъ. Но вѣдь ты знаешь, онъ самъ обыкновенно напоминаетъ объ этомъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, ты увози его куда-нибудь въ ресторанъ. Вѣдь ему рѣшительно все равно, какое съ нимъ общество. Прошу тебя объ этомъ!

— Не знаю, какъ это сдѣлать,—промолвилъ Валерьянъ Петровичъ и ушелъ къ себѣ.

Сергѣй смотрѣлъ на мать и ему хотѣлось расцѣловать ее. Она удивительно правильно выразила его чувства. Поэтому-то онъ и цѣнилъ тѣ рѣдкіе случаи, когда она выходила изъ терпѣнія и нарушала свое молчаніе, съ виду казавшееся равнодушнымъ.

Эти случаи объясняли ему, почему она, большую часть жизни больная и слабая, какъ казалось, всячески уклонявшаяся отъ житейскихъ впечатлѣній и никогда безъ особенной нужды не вмѣшивавшаяся въ дѣла мужа, въ сущности имѣла на него такое огромное вліяніе. Ея желаніе было для него закономъ.

Когда Сергѣй пришелъ въ маленькую гостиную, онъ нашелъ тамъ Надю, усердно читающую какую-то книгу.

— Какъ? Ты еще не спишь? Я думалъ, что ты нездорова!— спросилъ онъ.—Почему же ты не была въ столовой?

— Чтобъ избѣжать Стрижовскихъ разсказовъ. Ты знаешь, я послѣ нихъ плохо сплю!—съ улыбкой отвѣтила Надя.—А ты разузналъ что-нибудь? Здѣсь Стрижовъ цѣлый вечеръ говорилъ объ этомъ!

— Да... Мнѣ порядочно-таки стыдно. Завтра повидаюсь кое съ кѣмъ... Гм... отецъ поощряетъ меня! Но я хотѣлъ бы видѣть, какъ онъ приметъ это, если я окунусь съ головой въ эту исторію, со всѣми послѣдствіями... Ну, оставимъ это до завтра. Слушай, мнѣ Дина велѣла попросить тебя, чтобъ ты разсказала мнѣ все про нее... Впрочемъ, я не настаиваю. Я знаю, что ничего нѣтъ.

— Если ты не настаиваешь, то подождешь!—сказала Надя.

— Я сегодня сказалъ ей, что люблю ее.

Надя быстро подняла голову.

— Какъ же ты сказалъ это? Для меня это не было тайной. Но какъ ты сказалъ?

— Такъ и сказалъ: я васъ люблю! Но не было ничего похожаго на объясненіе въ любви, какъ описывается въ романахъ.

— А она что сказала?

— Она сказала: попросите Надю, она вамъ все разскажетъ!

— И больше ничего?

— Больше ничего. Послѣ этого мы простились, и она ушла въ подъѣздъ.

— Вы оба странные люди!—сказала Надя.—Впрочемъ, каждый выражаетъ чувства по-своему!

— Чѣмъ проще выразить, тѣмъ лучше. Вѣдь чувства, если они искренни, самыя простыя вещи на свѣтѣ. Не надо только ихъ запутывать. Спокойной ночи, Надя!

И онъ ушелъ въ свою комнату.

XXI.

Утромъ, пятаго января, горничная, помогавшая Діонисіи Александровнѣ одѣваться, сообщила ей такимъ тономъ, какимъ разсказываютъ не совсѣмъ обыкновенную вещь.

— А барыня сегодня уѣзжаютъ.

— Но это было давно назначено! — сказала Діонисія Александровна.

— Конечно, а только все же, я думала, можетъ, повременитъ.

— Почему-жъ вы такъ думали?

— Такъ, послѣ того, какъ у нихъ разговоръ былъ съ вами, онѣ цѣлый день ходили такія странныя... словно бы ихъ что огорошило... Я и думала: должно быть, какая перемѣна въ жизни случится... можетъ, барышня какое слово особенное сказали.... И въ тотъ день поздно спать онѣ не ложились. Все по своей комнатѣ ходили. Сядутъ, посидятъ въ задумчивости и опять встанутъ и начнутъ ходить... Потомъ-таки легли и заснули. А на другой день встали смутныя такія... Знаете, какъ бываетъ, что человѣкъ никакъ чего-нибудь понять не можетъ. Приказали сани заложить и на Острова поѣхали. А пріѣхали уже какъ слѣдуетъ быть, спокойныя и въ полномъ порядкѣ. Должно быть, разрѣшили...

— Что?

— Задачу, которая ихъ смущала... Ну, и съ тѣхъ поръ уже ничего. Вчера объявили, что сегодня окончательно уѣзжаютъ.

Внѣшняя процедура душевной борьбы у госпожи Лавинской была именно такова, какъ ее описывала горничная. Но ей соотвѣтствовалъ и внутренній процессъ. Откровеніемъ, которое она получила въ комнатѣ дочери, она была дѣйствительно огорчена. На короткое время проснулась въ ней мать. Живо пронеслись въ ея воображеніи всѣ картины, слегка только обозначенныя Диной. Ясно представила она себѣ и фрейлену Августу, и мадмазель Мюшѣ, эти хорошо извѣстные ей типы гувернантокъ, бросающихся на эту профессію послѣ того, какъ уже испробовали все и потерпѣли неудачу. Для нея было понятно, какъ онѣ должны были вліять на воспріимчивую душу дѣвочки, оставленной на произволъ судьбы, и она теперь не скрывала отъ себя, какая опасность грозила ея дочери, и должна была пріобрѣсти высокое понятіе о качествахъ ея характера, если она, послѣ всего этого, осталась порядочной дѣвушкой.

И тутъ явилось раскаянье, которое, какъ совершенно непривычное чувство, больше всего удручало ее. Пронеслась предъ нею вся жизнь. Вотъ и мужъ ея, человѣкъ почтенный, способный, труженикъ, не знающій отдыха единственно для того, чтобы поддержать благополучіе давно не существующей семьи, этой фикціи, которая сохраняется лишь ради того, чтобы никто ничего не могъ сказать про нихъ дурного, то-есть не могъ сказать громко, а думать и говорить вполголоса могутъ, что угодно.

Вспомнила она, какъ вначалѣ у нихъ была видимость семьи. Все шло, какъ слѣдуетъ, и надо было только сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы сковать этотъ союзъ и сдѣлать его прочнымъ. И поводъ для такого усилія былъ налицо: это былъ ребенокъ. Но никто не сдѣлалъ этого усилія, ни мужъ, ни она. Обоимъ было лѣнь, у обоихъ было слишкомъ много себялюбія для того, чтобы поступиться хоть чѣмъ-нибудь.

И вотъ мужъ ея одинокъ, а ей все равно до его одиночества. Она тоже вѣдь одинока по-своему. Онъ не спрашиваетъ ее, какъ она живетъ, она не задаетъ ему этого вопроса. Молчаливо, безъ словъ, они освободили себя другъ отъ друга.

У нея свои связи, у него новая семья. Кто первый отступилъ, это трудно сказать, да это и не имѣетъ значенія. Онъ ли, она ли, все равно, третье существо должно было потерять отъ этого.

Дина родилась на свѣтъ, когда была видимость семьи. Но семья распалась. И тамъ и здѣсь образовались новыя связи, въ которыхъ принимали участіе другіе люди. Но ей ничего не до-

ставалось ни оттуда, ни отсюда. Она осталась внѣ семьи. И такъ какъ каждый спѣшилъ воспользоваться своей возвращенной свободой, то о ней заботились только формально, стараясь, чтобъ ея нужды были удовлетворены въ предѣлахъ свѣтскаго обихода.

Первое душевное движеніе, какое явилось у госпожи Лавинской, было—сказать мужу обо всемъ, что она слышала отъ дочери. И, можетъ быть, она это и сдѣлала бы, если бы въ тотъ вечеръ увидала мужа. Но она его не дождалась.

И какъ благодарна она была этому обстоятельству потомъ, на другой день, когда первое впечатлѣніе подавленности ослабѣло! Къ чему? Сказать мужу, это значитъ—потревожить старыя тѣни, которыя давно улеглись и успокоились навсегда. Вернуться къ давнему прошлому нельзя. Слишкомъ много выросло новаго между ними. Ни онъ, ни она не способны заниматься возстановленіемъ зданія, которое давно разрушено и сравнялось съ землей. Излишняя, безполезная тревога, — безполезная для нихъ столько же, сколько и для Denise.

Разсуждая такимъ образомъ, госпожа Лавинская уже значительно овладѣла собой. Свою вчерашнюю слабость духа она склонна была уже называть «припадкомъ мелодраматизма». А когда она, прокатившись въ саняхъ на хорошемъ рысакѣ по Островамъ, по чудной снѣжной дорогѣ, освѣженная чистымъ морознымъ воздухомъ, ѣхала домой, ея размышленія приняли уже слѣдующій оборотъ:

«Да и что такое случилось? Что необычайнаго разсказала ей Denise? Что она узнала нѣкоторыя слова и объясненія нѣкоторыхъ явленій? Можетъ быть, узнала все это немного раньше, чѣмъ узнаютъ другія... Но что же изъ этого? Рано или поздно все это узнается. Напрасно думаютъ, что воображеніе дѣтей такъ безоблачно-чисто. Эти маленькія существа съ наивно-ангельскими глазами нерѣдко питаютъ такія грязныя мысли, отъ которыхъ иного взрослаго покоробитъ. Въ школахъ дѣти передаютъ другъ другу такія слова и такія подробности... Она, видимо, преувеличила. Ничего не случилось, и Denise, я увѣрена, знаетъ не больше, чѣмъ любая свѣтская дѣвушка ея лѣтъ. Только онѣ таятъ это въ душѣ до поры, до времени, а на другой день послѣ вѣнчанія оказываются très instruites и удивляютъ мужей своими познаніями...»

Denise надо выйти замужъ, вотъ и все. И напрасно она хочетъ провести ее, отрицая существованіе романа съ этимъ наивнымъ молодымъ человѣкомъ — Стаховымъ. Denise — кокетка и она ужъ ему вскружила голову, и это кончится бракомъ.

Надо только желать, чтобъ это поскорѣе случилось. Тогда дѣйствительно наступитъ свобода и не надо будетъ совершать эти глупыя и скучныя поѣздки въ Петербургъ ради свѣта, который такъ неинтересенъ, что вовсе не стоитъ этого.

Это глупо, что Denise хочетъ разсказать своему жениху всю свою исторію. Но въ концѣ-концовъ это ея дѣло. Можетъ быть, это даже окажется вѣрнымъ разсчетомъ. Нынѣшніе мужчины терпѣть не могутъ круглыхъ невинностей, и если женщина знаетъ нѣсколько больше, чѣмъ ей полагается, то это въ ихъ глазахъ придаетъ ей пикантность.

Одно только совершенно необходимо, это—чтобъ она ни въ какомъ случаѣ ничего не говорила отцу. Въ особенности объ его связи... Это собьетъ его съ толку. Вѣдь онъ воображаетъ, что никто ничего и не подозрѣваетъ объ этой связи, тогда какъ о ней знаетъ весь міръ.

И это былъ тотъ пунктъ, который подвигалъ госпожу Лавинскую на новый разговоръ съ дочерью. Во всякомъ случаѣ то, что она узнала, нисколько не повліяло на ея планы. Она только подтвердила, что уѣзжаетъ непремѣнно пятаго.

И вотъ, пятаго января, наканунѣ Крещенія, въ домѣ Лавинскихъ, были окончательные сборы. Отъѣздъ долженъ былъ состояться вечеромъ. Надо было кое-куда съѣздить и карета цѣлый день стояла наготовѣ у подъѣзда.

Лавинскій, впрочемъ, не измѣнилъ порядка своей жизни и для этого дня. Онъ вообще мало времени проводилъ дома. Служба, куча частныхъ дѣлъ и множество еще такихъ вещей, о которыхъ онъ не говорилъ, отнимали у него цѣлый день. Завтракалъ онъ дома разъ въ недѣлю, обѣдалъ не больше.

Въ этотъ день онъ уѣхалъ съ утра и къ завтраку не пріѣхалъ. Все, что отъ него требовалось, это—приготовить необходимую сумму и доставить ее женѣ. Но это онъ сдѣлалъ уже наканунѣ. Такимъ образомъ отъ него больше ничего не требовалось. Разумѣется, онъ пріѣдетъ къ обѣду, такъ какъ отсутствіе его на «прощальномъ» обѣдѣ было бы скандаломъ. Затѣмъ онъ будетъ на вокзалѣ. Вотъ и все.

Завтракать пришлось Діонисіи Александровнѣ съ матерью. Дина могла наблюдать, что у ея матери не осталось и тѣни того состоянія, въ какомъ она ушла отъ нея послѣ того разговора. Она была пріятно оживлена, нѣсколько озабочена—и только. Ей все казалось, что она непремѣнно что-нибудь забудетъ, и она все старалась припомнить, что еще надо сдѣлать. Казалось, что это была такая

простая и обыкновенная поѣздка, какъ будто ей предстояло съѣздить на нѣсколько часовъ въ Стрѣльну. А главное—въ этотъ день она видимо помолодѣла и похорошѣла. Такъ счастливо дѣйствовало на нее разставанье съ Петербургомъ, который она ненавидѣла отъ души.

Діонисія Александровна боялась, что послѣдній завтракъ дастъ ея матери поводъ заговорить съ нею о щекотливыхъ предметахъ. Но завтракъ уже приходилъ къ концу, а попытки къ такому разговору не было. Можетъ быть это оттого, что въ столовой каждую минуту появлялись то горничная, то лакей, то швея, которая еще до сихъ поръ спѣшно возилась съ какими-то дорожными вещами.

И въ самомъ дѣлѣ, послѣ завтрака, госпожа Лавинская сказала дочери:

— Зайди ко мнѣ на минутку, Denise!

Діонисія Александровна, уже успокоившаяся на мысли, что разговора не будетъ, посмотрѣла на нее долгимъ взглядомъ, какъ бы спрашивая: къ чему это? и нужно ли это?

Тѣмъ не менѣе, она не возразила, а зашла къ матери.

— Denise,—сказала госпожа Лавинская,—я всѣ эти дни думала о томъ, что ты мнѣ разсказала...

Это было преувеличенно. Она перестала объ этомъ думать уже на другой день: она тогда же такъ удовлетворительно рѣшила всѣ относящіеся сюда вопросы, что и думать больше было не о чемъ. Но ей въ самомъ дѣлѣ теперь казалось, что она всѣ дни думала объ этомъ.

— Я думала объ этомъ, Denise, и пришла къ заключенію, что *мы съ тобой* тогда сильно преувеличили.

Діонисія Александровна промолчала, какъ бы давая ей возможность высказаться полнѣе, хотя, повидимому, отъ нея ждали реплики.

— Конечно, преувеличили!—продолжала госпожа Лавинская.— Я не говорю... Положеніе нашей семьи нельзя считать нормальнымъ. Но причиной этого были обстоятельства, которыхъ ты не знаешь...

— Мнѣ кажется, что я ихъ знаю!—промолвила Діонисія Александровна, какъ бы для самой себя, вовсе не отвѣчая на слова матери.

— Едва ли... Они уходятъ въ тѣ годы, когда тебя не существовало!...

— Да, я такъ думаю! — прежнимъ тономъ сказала Дина.

— Ты, можетъ быть, думаешь, что было что-нибудь такое...

Что-нибудь оскорбительное... Что-нибудь особенное, какіе-нибудь факты?... Ты ошибаешься, Denise!...

— Пѣтъ, гораздо проще. Я думаю, что, когда вы выходили замужъ, у васъ не было ничего общаго съ отцомъ... Вы только были люди одного круга, годные другъ для друга...

— Можетъ быть, ты и права! — отвѣтила госпожа Лавинская и посмотрѣла на свою дочь съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Она не ожидала отъ нея такой проницательности.

— Я думаю, что вы и тогда были другъ другу чужіе!...— прибавила Діонисія Александровна.

Госпожа Лавинская вздохнула. Казалось, въ ея душѣ происходило колебаніе. Можетъ быть, она готова была опять поддаться «мелодрамѣ». Но она скоро овладѣла собой.

— Все это, можетъ быть, и такъ, но это было давно... Не стоитъ говорить о томъ, чего все равно передѣлать нельзя! — съ нѣкоторою холодностью сказала она. — Я говорю только, что мы съ тобой преувеличили. Все то, что ты мнѣ разсказала, конечно, достойно сожалѣнія, но никакого существеннаго вреда не принесло... Ты раньше узнала то, что обыкновенно узпаютъ позже, вотъ и все...

— Вы что-то хотѣли мнѣ сказать? — довольно рѣзко перебила ее Діонисія Александровна.

— Да, я хотѣла относительно отца. Я, конечно, ему ничего не сказала... Онъ такъ сосредоточенъ на своихъ дѣлахъ, что, пожалуй, не пойметъ это, придастъ преувеличенные размѣры... Словомъ, это его излишне обезпокоитъ...

— Вы думаете, больше чѣмъ васъ? — съ ироническою усмѣшкой спросила Дина.

— О, съ тобой трудно говорить!... Ты какая-то ѣдкая!... Я уѣзжаю сегодня... Кажется, могла бы хоть ради этого быть сдержанной. Я говорю, что не сказала отцу, и надѣюсь, что и ты будешь благоразумна... Въ особенности я прошу тебя никогда не давать ему понять, что ты знаешь объ этомъ... Ну, объ его другой семьѣ...

— Больше ничего?

— Это все.

Діонисія Александровна повернулась и направилась къ двери.

— Но ты не сказала мнѣ ни *да,* ни *нѣтъ*.

— Я ничего не могу сказать! — отвѣтила Дина, на минуту становившись.—Вы хотите уѣхать совсѣмъ спокойной... Это понятно. Но я не могу связать свою свободу никакимъ обѣщаніемъ!

И она пошла дальше. Но госпожа Лавинская опять остановила ее.

— Надѣюсь, ты, по крайней мѣрѣ, пріѣдешь на вокзалъ? — спросила она.

— Это необходимо?

— Да, я считаю это необходимымъ... для тебя...

— О, если для меня, то я предпочитаю избавить себя отъ этой формальности.

— Но, въ такомъ случаѣ, для меня... Пусть будетъ для меня! Все-таки ты должна тамъ быть и вести себя, какъ слѣдуетъ...

— Хорошо. Я буду.

И Діонисія Александровна вышла. Лицо ея было блѣдно, въ глазахъ блестѣлъ холодный и какой-то жесткій огонь. Какое-то озлобленіе видно было въ ея строго сдвинутыхъ густыхъ бровяхъ и въ крѣпко сжатыхъ губахъ.

«Вмѣсто любви я должна питать презрѣніе! — думала она, направляясь въ свою комнату. — Вотъ что выпало мнѣ на долю!»

«Мы съ тобой преувеличили... мы съ тобой преувеличили...» Эта фраза неотвязно звучала въ ея душѣ и никакъ она не могла отъ нея отдѣлаться.

Діонисія Александровна до самаго обѣда не выходила изъ своей комнаты. Послѣ разговора съ матерью, на нее напала какая-то злоба противъ всѣхъ. Сегодня она не могла бы найти успокоенія даже въ обществѣ Стаховыхъ, своихъ друзей, противъ которыхъ въ ея душѣ не было ничего. Еслибъ она встрѣтилась съ ними или если бы вотъ сейчасъ къ ней пріѣхала Надя или Сергѣй, ей это не было бы непріятно, но какъ-то почти безразлично. Никогда ея одинокость въ этомъ домѣ не обозначалась такъ рѣзко, какъ сегодня; никогда она не чувствовала такъ сильно отсутствіе какой бы то ни было связи съ людьми, повидимому, ей близкими.

Она много думала въ этотъ день о своемъ отцѣ. Съ матерью она, наконецъ, познакомилась. Она теперь для нея совершенно ясна. Но что такое ея отецъ? Съ нимъ она никогда ещё не сталкивалась на чемъ-нибудь такомъ, что могло бы задѣть его за живое. Можетъ быть, это еще предстоитъ?

На самомъ ли дѣлѣ онъ такой холодный и *чуждый*, какимъ кажется? Вездѣ ли онъ такой? У него есть другая семья, уголокъ, гдѣ онъ отводитъ душу? Можетъ быть, тамъ его душа отогрѣвается и лицо его перестаетъ быть такимъ равнодушнымъ и непроницаемымъ?

И что она для него? Неужели только скучная забота, которую онъ не можетъ отбросить съ своей дороги только потому, что это

было бы осуждено свѣтомъ? Если такъ, то каково же ея положеніе въ этомъ домѣ, между этихъ двухъ эгоистовъ, молчаливо согласившихся каждый идти своею дорогой?

Все это надо узнать. Ей надо знать, какъ смотрѣть на все это и какъ вести себя.

До ея комнаты доносились отголоски того, что происходило въ квартирѣ. Пріѣзжали родственники и знакомые, желали счастливаго пути. Никто уже не удивлялся тому, что госпожа Лавинская опять уѣзжаетъ, оставляя взрослую дочь въ Петербургѣ. Съ этимъ свыклись, какъ свыкаются со всѣмъ на свѣтѣ. Раздавались веселые голоса, напутственныя шутки, остроты, смѣхъ. Повидимому, всѣ находили, что въ домѣ Лавинскихъ все въ полномъ порядкѣ. Въ сущности *всѣ знали все*. Но никто не хотѣлъ думать надъ этимъ; никому до этого не было дѣла.

Обѣдъ былъ ранній. Лавинскій, предупрежденный объ этомъ, явился какъ разъ къ половинѣ шестого, когда надо было садиться за столъ. Дина пришла въ этотъ день въ столовую съ любопытствомъ, какъ зритель является въ театръ, гдѣ ему обѣщали интересное зрѣлище.

Какъ они будутъ смотрѣть другъ на друга? О чемъ они будутъ говорить въ этотъ день «разлуки?» Какими глазами будетъ смотрѣть ея мать на отца при ней, послѣ того, какъ ей стало извѣстно, что она все знаетъ? Всѣ эти вопросы противъ ея воли наполняли ея голову.

Но ничего. Все обошлось такъ просто, такъ гладко и такъ пріятельски. Говорили все о предметахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ путешествію. Лавинскій интересовался тѣмъ, гдѣ путешественница будетъ отдыхать. Конечно, въ Вѣнѣ. Раньше рѣшительно негдѣ остановиться. Она терпѣть не можетъ останавливаться въ русскихъ городахъ. Даже въ Варшавѣ, по ея мнѣнію, нѣтъ гостиницы, гдѣ она рѣшилась бы переночевать. Въ Вѣнѣ она пробудетъ двадцать четыре часа. Это она дѣлаетъ всегда. Ея не хватаетъ на всю дорогу.

Лавинскій думалъ, что самый удобный путь въ Ниццу черезъ Парижъ. Не лучше ли ей поѣхать черезъ Парижъ? Да, она обыкновенно такъ и ѣздитъ, но на этотъ разъ ей хочется заѣхать въ Венецію. Она давно не видала площади святого Марка, которая дѣйствуетъ на ея нервы успокоительно. Въ Венеціи она тоже останавливается дня на два. Затѣмъ мимоходомъ—Миланъ,—она не выситъ этого города. Духота и пыль, а жители всѣ похожи на раз-

бойниковъ. Затѣмъ черезъ Геную и Санъ-Ремо прямо въ Ниццу, уже нигдѣ не останавливаясь.

Они говорили обо всемъ этомъ, какъ знакомые, случайно встрѣтившіеся гдѣ-нибудь на вокзалѣ. У Лавинскаго было такое же равнодушное лицо, какъ всегда, и видно было, что онъ отбывалъ обязанность. Сундуки увезли раньше, а затѣмъ они втроемъ поѣхали въ каретѣ на вокзалъ.

Въ прежніе годы бывало то же самое, но Дина относилась ко всему этому какъ-то машинально. Теперь она смотрѣла на эти проводы какъ на нѣчто для нея совершенно новое и полное глубокаго смысла.

Вотъ они ѣдутъ втроемъ на вокзалъ. Мужъ и дочь провожаютъ жену и мать въ дальнее путешествіе. И это—для свѣта, для какого-то невѣдомаго свѣта, до котораго ей, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого дѣла, какъ и ему до нея. И что же? Въ глазахъ свѣта это должно выходить трогательно? Едва ли! Всѣ знаютъ, что это не настоящіе, а театральные проводы.

Странно. Всѣ это знаютъ, но, навѣрное, всѣ были бы удивлены, еслибъ узнали, что госпожа Лавинская уѣхала, не провожаемая ни мужемъ, ни дочерью. А, сказали бы, значитъ, у нихъ что-нибудь произошло! Какъ будто теперь ничего не произошло и все идетъ, какъ слѣдуетъ.

На вокзалѣ появились—родня и знакомые. Тутъ тоже все было, какъ слѣдуетъ. Было привезено достаточно цвѣтовъ и конфетъ.

Діонисія Александровна внимательными глазами слѣдила за всѣмъ, что происходило. Она ждала послѣдняго звонка, какъ въ театрѣ ждутъ развязки. И вотъ уже ея мать со всѣми прощается. Лавинскій предусмотрительно провелъ рукой, заключенной въ перчатку, по своимъ усамъ, подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее. Все какъ слѣдуетъ.

Но Дина такъ увлеклась наблюденіемъ за пьесой, что совсѣмъ позабыла свою роль. Послѣ Лавинскаго была ея очередь. И вотъ мать стоитъ передъ нею и такъ близко-близко, лицомъ къ лицу, и говоритъ такимъ милымъ, вполнѣ дружескимъ тономъ:

— Ну, прощай же, Denise! Если очень надоѣстъ здѣсь и вздумаешь проѣхаться, телеграфируй... — и губы госпожи Лавинской прикоснулись къ ея губамъ.

И больше ничего. И затѣмъ она уже въ вагонѣ, улыбается сквозь стекло. Поѣздъ отходитъ, ей машутъ платками. Поѣздъ скрывается...

Знакомые и родственники какъ-то быстро порѣдѣли, наскоро простились и разошлись. Она осталась съ отцомъ.

— Здѣсь толкотня. Возьми мою руку, Denise! — сказалъ Лавинскій, и Дина машинально взяла отца подъ руку и пошла съ нимъ. Они подошли къ каретѣ. Онъ помогъ ей сѣсть и самъ сѣлъ.

— Я довезу тебя до дому, а тамъ мнѣ надо будетъ еще коекуда заѣхать! — объяснилъ Лавинскій и, немного погодя, прибавилъ: — Напрасно Семенъ не выѣхалъ сегодня въ саняхъ. Я терпѣть не могу ѣздить въ закрытомъ экипажѣ... Тѣмъ больше, что дорога хороша!...

Діонисія Александровна ничего не отвѣтила ни на то, ни на другое его замѣчаніе. А онъ до самаго дома не сказалъ больше ни слова. Когда они пріѣхали и лакей соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу, Лавинскій сказалъ:

— Осторожно! Не оступись!

Затѣмъ дверца захлопнулась, и карета покатилась дальше. Дина поднялась наверхъ, пришла къ себѣ, сѣла въ кресло и долго сидѣла неподвижно. Она думала обо всемъ этомъ днѣ и о всѣхъ другихъ дняхъ своей жизни. Ей было страшно вспомнить, что она ѣхала въ каретѣ съ чужимъ человѣкомъ, и этотъ чужой былъ ея отецъ. Ей было страшно чувствовать, что она живетъ въ этомъ домѣ, гдѣ самый близкій человѣкъ—ей чужой. Отъ всего было страшно ей...

И теперь, когда она припоминала послѣдніе два года своей жизни, ей становились понятны тѣ безумные порывы, которые подчасъ овладѣвали ею и заставляли ее дѣлать опасные шаги.

Припомнился ей тотъ вечеръ, когда она, по какому-то смутному побужденію, постоянно отыскивая чего-нибудь такого, что перенесло бы ее въ другой міръ и дало бы возможность забыться отъ этой обстановки холода и одиночества въ большой квартирѣ, среди дорогой обстановки,—поѣхала съ родственницей Увальевой ночью на Острова, увидавъ ярко освѣщенное мѣсто, зашла туда и встрѣтилась съ Сергѣемъ Стаховымъ.

Она представляла себѣ, какія мысли должны были прійти ему въ голову въ первую минуту, когда онъ узналъ ее. И понялъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ, ея душевное состояніе, въ которомъ она тогда находилась? Не понялъ, а только повѣрилъ ей, какъ до сихъ поръ вѣритъ всему, что она говоритъ.

Но еслибъ онъ могъ вотъ теперь, сейчасъ, видѣть ея душу со всѣмъ тѣмъ, что она переживаетъ, то онъ разомъ все понялъ бы. Какъ это ужасно, что нельзя показать другому свою душу...

И каждая минута, что она сидѣла одна въ своей комнатѣ, увеличивала душевную тяготу. Ей становилось душно, нестерпимо. Ей хотѣлось свѣжаго воздуха, хотѣлось, чтобы передъ нею развернu-

лись какія-нибудь картины изъ иного міра, совсѣмъ не похожаго на этотъ, отвлекли ее, унесли подальше.

Она рѣшительно встала и позвонила горничную. Та прибѣжала встревоженная, потому что звонокъ былъ чрезвычайный.

— Что угодно, барышня?—дрожащимъ голосомъ спросила она.

— Дайте мнѣ шляпу и что-нибудь накинуть...

— Барышня хотятъ выйти?

— Да, пожалуйста...

— Одни?

— Да, все равно...

— Какъ же можно, барышня? Теперь уже ночь... Время подпраздничное. По улицамъ много пьяныхъ шляется...

— Все равно, Ѳеня! Не разсуждайте... Мнѣ душно здѣсь.

— Барышня, возьмите меня съ собой... Ежели что... я вѣдь какъ могила...

— Что?—воскликнула Дина и посмотрѣла на нее страшными глазами.

Ѳеня замерла на мѣстѣ, почувствовавъ, что сказала что-то несуразное.

— Нѣтъ, я ничего... Я не такъ сказала, должно быть...

— Идите себѣ... Не нужно! Я никуда не пойду!...

Горничная помялась на мѣстѣ, видимо, желая еще что-то сказать въ свое оправданіе, но не посмѣла и вышла.

Дина опять опустилась въ кресло и опять застыла въ неподвижной позѣ. Эта обмолвка, которую позволила себѣ рабски расположенная къ ней Ѳеня, освѣтила передъ ней многое. Вотъ какъ, значитъ, понимаютъ ее въ домѣ! По всей вѣроятности, такъ же смотрятъ на нее и въ обществѣ. Общество составляетъ свои мнѣнія изъ мелочей и намековъ, которые идутъ отовсюду, въ томъ числѣ и изъ лакейской. Такъ надо бѣжать и изъ этого дома, и изъ общества...

Бѣжать? Куда? Рядомъ съ этимъ вопросомъ сталъ передъ нею образъ Сергѣя Стахова. Онъ ей милъ. Онъ ей преданъ. Онъ ее любитъ. Но развѣ это отвѣтъ? Развѣ Стаховъ мыслимъ внѣ этого общества, которое вѣдь разъ навсегда составляетъ свои мнѣнія?...

Нѣтъ, что-нибудь другое, что-нибудь другое!...

Съ этими мыслями она всю ночь просидѣла въ своемъ креслѣ, и только на разсвѣтѣ сомкнулись ея глаза, и она тутъ же въ креслѣ уснула.

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОЗДНЯЯ ЖЕНИТЬБА *).

Романъ.

Рафаэль-Бори.

(Переводъ съ французскаго).

III.

— Кончено,—сказалъ Марешаль.

— И что же?—спросила Марсель.

— Что?—повторилъ Марешаль, кладя руку на лежавшую передъ нимъ тетрадь.—Это—пьеса, настоящая пьеса!

— А!—весело воскликнула Марсель;—видишь, я не ошиблась, предполагая, что пьеса молодого человѣка чего-нибудь стоитъ.

— Скажите! Женщина всегда найдетъ поводъ похвастаться.

— Я не хвастаюсь! Констатирую только, что мое предсказаніе сбылось.

— Что это доказываетъ?

— Это доказываетъ, дорогой мой, что я была логична.

— Логична? Признаюсь, я не вижу...

— Однако дѣло ясно. Увѣренности, что пьеса m-r Даллена интересна, я достигла путемъ разсужденій.

— Интересно было бы знать тѣ разсужденія, съ помощью которыхъ ты составила себѣ такое твердое убѣжденіе о произведеніи, тебѣ совершенно неизвѣстномъ.

— Очень просто. Я подумала: вотъ новичокъ, обращающійся къ извѣстному писателю съ просьбой прочесть его пьесу. Онъ не знакомъ съ знаменитостью; слѣдовательно, можетъ вполнѣ разсчитывать, что его выпроводятъ за дверь, какъ и бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Не правда ли?

---

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1899 г.

— Да... Вѣрно!

— Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или это человѣкъ, которому оскорбленіе ни почемъ, тогда онъ просто нахалъ, или—онъ увѣренъ въ своемъ талантѣ и, чтобы выбраться на свѣтъ Божій, дѣлаетъ мучительную попытку. Такъ какъ, по твоимъ собственнымъ словамъ, m-r Далленъ производитъ впечатлѣніе человѣка скромнаго, то остается допустить послѣднее предположеніе. Вотъ и все!

И ставъ прямо передъ мужемъ, она торжественно повторила:

— Вотъ, повелитель, разсужденіе твоей рабы!

— Восхитительно!—вскричалъ Марешаль, заключая жену въ объятія.

— Теперь возвратимся къ пьесѣ и ея автору,—сказала Марсель.—Какъ намѣренъ ты поступить?

— Напишу ему пару словъ.

— Хорошо. Но что ты напишешь?

— Попрошу пріѣхать ко мнѣ.

— И только?

— Конечно.

— Этого мало.

— Я большаго не обѣщалъ.

— Ты исполняешь обѣщаніе, прекрасно! Но почему не написать, что ты признаешь за его пьесой нѣкоторыя достоинства?

— Очень, очень крупныя!

— Такъ и напиши!

— Съ какой стати? Мое письмо придетъ въ Парижъ около четырехъ часовъ; завтра вечеромъ онъ будетъ здѣсь, такъ какъ я предвижу, что онъ не пропуститъ свиданія. Разница всего въ двадцати четырехъ часахъ.

— По-твоему это мало?

— Конечно.

— Какъ можно такъ говорить! Двадцать четыре часа... Въ данномъ случаѣ это—вѣчность!... Подумай только: отъ твоего мнѣнія зависитъ вся его будущность. Двадцать четыре часа!... Часъ, одинъ часъ и то много! Стань на его мѣсто, вспомни свои первые шаги, развѣ тебѣ было все равно узнать днемъ позже отвѣтъ издателя, печатавшаго твой первый романъ? Развѣ ты не хотѣлъ знать его скорѣе?

— Правда,—сказалъ задумчиво Марешаль.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Не послать ли ему телеграмму?

— Прекрасная, геніальная мысль!—вскричала Марсель, цѣлуя мужа.—Какъ онъ обрадуется, бѣдняжка!

— Такъ какъ ты заставила меня принять Даллена и тебѣ принадлежитъ честь этого добраго дѣла, то доверши его окончательно.

— Прекрасно!

— Продиктуй мнѣ телеграмму.

— Охотно.

Марешаль сѣлъ къ письменному столу, а Марсель продиктовала:

«Monsieur, я нахожу вашу пьесу замѣчательной и прошу васъ пріѣхать завтра ко мнѣ...»

Она остановилась.

— О чемъ ты думаешь?—спросилъ Марешаль.

— Что если бы ты пригласилъ его къ обѣду?

— Это было бы по-пріятельски.

— Ну, что-жъ? Вѣдь, онъ тебѣ симпатиченъ?

— Вѣрно; но, дорогая моя, три дня тому назадъ, я ничего не зналъ о его существованіи.

— Это не причина. Мы часто приглашаемъ людей, съ которыми встрѣчались два-три раза въ свѣтѣ.

— Другое дѣло...

— Наоборотъ. Мнѣ кажется, гораздо логичнѣе пригласить человѣка мало знакомаго, которымъ интересуешься.

— Какъ хочешь!

— Нѣтъ, нѣтъ! Если ты находишь, что я не права, то не приглашай его.

— Ты совершенно права.

— Это искренно?

— Вполнѣ, дорогая... Я нахожу даже, что у меня сердце черствѣетъ.

— Фантазія!

— И ты оказываешь мнѣ большую услугу, исправляя мои недостатки. Чтобы быть добрымъ, мнѣ достаточно слушаться тебя. Итакъ, мы его приглашаемъ, для чего надо...

— Надо зачеркнуть фразу: «я прошу васъ пріѣхать и т. д.», и замѣнить слѣдующей: «Мнѣ было бы пріятно видѣть васъ завтра за обѣдомъ».

— Написано.

— Превосходно,—сказала Марсель, звоня.

Вошелъ лакей.

— Отправьте телеграмму.

Лакей вышелъ.

— Мнѣ бы хотѣлось прочесть пьесу,—сказала Марсель.—Дай мнѣ ее.

— Нѣтъ, Марсель, не могу.

— Почему?

— Ты удивлена?

— Немного. Не понимаю, отчего мнѣ не прочесть пьесы, которую тебѣ дали на просмотръ?

— Далленъ далъ ее мнѣ. Рукопись—вещь священная, которой нельзя распоряжаться безъ разрѣшенія автора.

— Правда. Но мнѣ такъ бы хотѣлось...

— Есть средство.

— Какое?

— Завтра, послѣ обѣда, ты попросишь Даллена прочесть ее вслухъ.

— Чудесно. Авторъ читаетъ свою пьесу!... Точно въ Comédie-Française!

— Только безъ торжественной обстановки.

— Обойдемся и безъ нея!

— Предупреждаю тебя, что добиться чтенія будетъ нелегко.

— Почему?

— Потому что Далленъ, какъ я уже говорилъ, очень робокъ.

— Вѣдь, никого не будетъ. Тебя онъ знаетъ...

— А ты?

— А я въ счетъ нейду.

— Ошибаешься, дорогая; ты идешь въ счетъ, и даже очень!

— Допустимъ. Но я не чудовище и не испугаю его.

— Какъ знать?

— Ты любезенъ, повелитель! Ты, значитъ, допускаешь, что я могу испугать?

— Убѣжденъ.

— Восхитительно!... Чѣмъ же?

— Красотой!

— Такъ, такъ, такъ! Онъ ея и не замѣтитъ!

А про себя подумала обратное.

Телеграмму получила Бланшъ. Она перечитывала ее въ третій разъ, когда вошелъ братъ.

— Телеграмма!—воскликнулъ онъ.

— Да; и отгадай отъ кого?

— Отъ кого?

— Отъ Марешаля.

— Шутишь?—сказалъ Жоржъ, поблѣднѣвъ.

— На, прочти!

Быстро пробѣжалъ Жоржъ телеграмму; его охватило такое волненіе, что онъ зашатался и принужденъ былъ сѣсть.

Бланшъ, блѣдная, какъ братъ, съ полными слезъ глазами, нѣсколько секундъ стояла неподвижно. Потомъ, схвативъ его за руку, сказала:

— Какое счастіе, какое счастіе, дорогой мой!

Жоржъ вздохнулъ.

— Наконецъ-то!

— Тебѣ можно отправиться завтра къ m-r Марешалю?

— Не знаю, какъ поступить,—отвѣтилъ Жоржъ успокоиваясь.

— Надо ѣхать на пятичасовомъ.

— Въ этомъ все затрудненіе. Въ пять урокъ у старой англичанки.

— Что-жъ изъ этого? Ты пропустишь урокъ.

— И самъ такъ думаю... Только...

— Что еще?

— Она разсердится.

— Ну, и что же?

— Опасно...

— Почему?

— Она можетъ отказать мнѣ.

— Какъ прислугѣ?

— Ты думаешь, что англичане относятся къ учителю лучше?

— Предполагаю.

— Ошибаешься. Что я для этихъ людей? Прислуга съ высшимъ жалованьемъ, и только. За неловкое слово они отказываютъ учителю, какъ кухаркѣ за сломанную корзину.

— Не можешь же ты пропустить приглашеніе m-r Марешаля? Потеряешь урокъ, найдешь другой.

— Ты знаешь, что это не особенно легко... Англичанка хорошо платитъ... Но, если надо, что-жъ дѣлать.

— Напиши ей два слова.

— Хорошо. Я напишу, что непредвидѣнныя обстоятельства мѣшаютъ мнѣ быть завтра у нея и попрошу извиненія.

Онъ прибавилъ:

— Все-таки восемь уроковъ въ мѣсяцъ по ста су... это потеря въ сорокъ франковъ.

— Охота тебѣ думать о подобной бездѣлицѣ.

— Бездѣлицѣ?

— На сорокъ франковъ больше или меньше... важное дѣло!

— Откуда у васъ такое равнодушіе, сударыня?

— Развѣ ты не на пути къ тысячнымъ билетамъ?

— Какимъ образомъ?

— Посредствомъ пьесы. М-г Марешаль поможетъ ее поставить и тогда загребай луидоры.

— Лопатой, не правда ли?

— Чѣмъ, это дѣло твое.

— Вѣрно.

— Главное—было бы что̀ грести.

— Въ этомъ вся штука. Пріятно поглядѣть на первый золотой.

— Увидишь!

— Можетъ быть; но пока нѣтъ луидоровъ, надо стараться не растерять су. Итакъ, будь, что будетъ! Напишу англичанкѣ и отправлюсь завтра къ Марешалю. Рѣшено!

— Познакомишься съ его женой.

— Ты думаешь?

— Вѣдь, тебя пригласили къ обѣду.

— Что-жъ изъ этого?

— Я думаю, тебя не посадятъ обѣдать въ людской?

— Весьма вѣроятно.

— Значитъ, ты будешь обѣдать съ m-e Марешаль.

— Правда.

— Говорятъ, она красавица.

— Да.

— Ты ее видѣлъ?

— Мелькомъ,—отвѣтилъ Жоржъ разсѣянно.

Перспектива встрѣтиться съ женой Марешаля смущала его и въ то же время наполняло безсознательнымъ чувствомъ радости. Съ того дня, какъ онъ увидѣлъ Марсель въ саду, Жоржъ часто думалъ о ней и каждый разъ предлагалъ себѣ вопросъ: «Какъ могла она выйти за Марешаля?» И хотя онъ убѣждалъ себя, что дѣло идетъ о незнакомой особѣ, съ которой ему, можетъ быть, никогда не придется ближе познакомиться, вопросъ упорно возвращался. Теперь, когда ему предстояло встрѣтиться съ молодой женщиной, онъ забывалъ все: пьесу, свои планы и только думалъ о томъ, какъ она его приметъ. Робкій до крайности, онъ зналъ за собой этотъ недостатокъ и подумалъ: «Навѣрно я покажусь ей глупымъ!»

Бланшъ сказала:

— Жоржъ, а письмо?

— Какое?

— Къ англичанкѣ!

— Ахъ, да!

— Напиши сейчасъ, тогда она во-время будетъ предупреждена.

— Ты права.

— Итакъ, завтра я обѣдаю безъ тебя,—сказала Бланшъ, когда Жоржъ возвратился, опустивъ письмо въ ящикъ.

— Поневолѣ.

— Въ первый разъ въ теченіе десяти лѣтъ,—грустно замѣтила она.

— Ты огорчена?

— И да, и нѣтъ. Да, потому что я такъ привыкла обѣдать съ тобой, что одиночество будетъ невыносимо; нѣтъ, потому что я знаю, какъ важно приглашеніе m-r Марешаля. Это первый, но, конечно, не послѣдній обѣдъ.

— Будущее покажетъ.

— Для этого нѣтъ надобности справляться съ будущимъ; настоящее достаточно краснорѣчиво.

— Настоящее говоритъ только одно, что великій писатель Марешаль дѣлаетъ мнѣ честь своимъ приглашеніемъ. Повторитъ ли онъ его, не знаю.

— А я знаю!

Жоржъ улыбнулся.

— О, ты теперь увѣреннѣе, чѣмъ когда-либо!

— Ничуть! Мое разсужденіе очень просто. М-г Марешаль видѣлъ тебя одинъ разъ, правда, но ты произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, твоя пьеса ему понравилась; ты его интересуешь; онъ тобой займется. Значитъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что вы станете друзьями.

— Прекрасныя мечты!

— Которыя осуществятся.

На слѣдующій день, въ шесть часовъ Жоржъ звонилъ къ Марешалю. Взглянувъ на визитную карточку, лакей сказалъ безстрастнымъ голосомъ:

— Не угодно ли пожаловать. Баринъ велѣлъ немедленно доложить о васъ.

Жоржа ввели въ пріемную, гдѣ онъ недавно пережилъ столько тяжелыхъ минутъ. Какъ съ тѣхъ поръ все измѣнилось!

Прошло нѣсколько дней и Даллена тотчасъ же принимаютъ, какъ друга, тогда какъ въ первый визитъ... О, ужасный визитъ! Даже теперь, когда онъ разсчитываетъ встрѣтить въ Марешалѣ радушнаго хозяина, при одномъ воспоминаніи его бросаетъ въ дрожь!

— Здравствуйте, дорогой гость, какъ поживаете?

Жоржъ обернулся и увидалъ Маршала, шедшаго къ нему съ протянутою рукой и привѣтливо улыбавшагося.

Жоржу хотѣлось броситься къ нему на шею и выразить свою горячую благодарность; но его охватило такое смущеніе, онъ до того растерялся, что едва могъ безсвязно пробормотать:

— Благодарю васъ, благодарю!

Маршаль былъ глубоко тронутъ простымъ «благодарю», вырвавшимся изъ сердца. Онъ крѣпко пожалъ Жоржу руку.

— Въ нашемъ распоряженіи еще полчасика. Пойдемте въ кабинетъ и поболтаемъ.

Жоржъ пошелъ за Маршалемъ.

— Пьесу вашу я прочелъ и повторяю уже сказанное: это — выдающееся произведеніе.

— Благодарю васъ за такой отзывъ.

— Благодарить не за что! Я вамъ не комплименты говорю.

— За это именно я васъ и благодарю. Комплиментъ—ложь; пріятной можетъ быть только искренняя похвала.

— Вы разсуждаете не такъ, какъ большинство. Многіе люди вполнѣ удовлетворяются комплиментомъ, который, какъ вы вѣрно замѣтили, по большей части бываетъ ложью.

— Тѣмъ хуже для нихъ.

Маршаль улыбнулся.

— Вы оригиналъ, но оригиналъ весьма симпатичный. И на этотъ разъ не говорю комплимента. Теперь поговоримъ о пьесѣ. Принеся ее ко мнѣ, вы несомнѣнно желали не только моего личнаго сужденія, не правда ли?

— Я солгалъ бы, утверждая противное.

— И я васъ за это не порицаю. Совершенно естественно, скажу даже, вполнѣ законно желаніе новичка выбраться на свѣтъ Божій. Одного одобренія или неодобренія, съ чьей бы то ни было стороны, для него мало. Я прекрасно понимаю, что для оказанія вамъ дѣйствительной пользы, недостаточно увѣнчать васъ лаврами, надо приложить всѣ старанія, чего я отъ души желаю, чтобы показать вашу пьесу публикѣ. Надо помочь вамъ достигнуть этого.

— Вы такъ добры, такъ добры ко мнѣ, что я не могу скрыть отъ васъ тайны, которая тяготитъ меня... Мнѣ кажется, что молчаніе было бы лицемѣріемъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Я долженъ сознаться, что не хотѣлъ идти къ вамъ.

— Кто же васъ принудилъ?

— Сестра.

И Жоржъ подробно разсказалъ исторію своего перваго посѣщенія.

— Сестра ваша, какъ видите, была права,—сказалъ Марешаль; но почему вы такъ недовѣрчивы?

— Потому что я уже не разъ обращался къ свѣтиламъ. Почти всѣ захлопывали у меня подъ носомъ двери; если же нѣкоторые и оказывали мнѣ честь своимъ пріемомъ...

— То все ихъ участіе ограничивалось обѣщаніями, которыя не были исполнены?

— Да.

— Узнаю современныхъ Тартюфовъ!... Имя имъ легіонъ; знаю и трепещу передъ ними. За тѣхъ, которые васъ не приняли, говоритъ ихъ откровенность. Ужъ и это хорошее качество! Какъ вы скажете?

— Несомнѣнно.

— Не будьте къ нимъ слишкомъ строги, дорогой Далленъ; когда вы станете знаменитостью, то увидите, какъ трудно, даже почти невозможно, удовлетворить всѣхъ, кто пожелаетъ довѣрить вамъ свои произведенія. Подумайте только о безчисленномъ количествѣ писателей, одинъ хуже другого, рвущихся въ погоню за славой! Кто теперь не пишетъ? Всѣ, начиная съ сельскаго учителя, кончая профессоромъ Сорбонны. Каждый высиживаетъ свой романъ или драму, и всѣ, безъ исключенія, считаютъ свои произведенія замѣчательными. На сотни, тысячи невозможныхъ бумагомарателей едва встрѣтится два-три писателя достойныхъ вниманія. А какъ въ нихъ разобраться? Всюду одна и та же исторія: плохой работникъ вырываетъ кусокъ хлѣба у хорошаго; посредственность, распложающаяся съ поразительною быстротой, глушитъ истинный талантъ.

— Несомнѣнно!

— Конечно,—продолжалъ Марешаль, я былъ бы крайне огорченъ, если бы не обратилъ вниманія на такой крупный талантъ, какъ вашъ. Но откровенность за откровенность. Вы мнѣ только что сознались, что не хотѣли идти ко мнѣ. Я, въ свою очередь, долженъ сознаться, что не хотѣлъ васъ принимать.

— Позвольте вамъ предложить тотъ же вопросъ... Кто васъ принудилъ?

— Жена.

— М-me Марешаль?

— Да.

Жоржъ смутился. Онъ не понималъ, почему женщина, не видавшая его ни разу, могла имъ заинтересоваться.

— Хотя я глубоко тронутъ благосклоннымъ вниманіемъ m-me Марешаль, однако не могу скрыть отъ васъ своего удивленія: m-me Марешаль, конечно, даже не знала раньше о моемъ существованіи.

— Конечно! Но вы знаете, что у женщины сердце болѣе чуткое и великодушное, чѣмъ у нашего брата мужчины. Несмотря на то, что m-me Марешаль о васъ ничего не знала, ей жаль было огорчить васъ. И благодаря ея настоянію, я васъ принялъ,—сказалъ онъ съ гордостью.

— Я буду очень, очень счастливъ, если получу возможность отблагодарить m-me Марешаль за ея доброту.

Въ эту минуту постучали въ дверь.

— Вотъ она,—сказалъ Марешаль.

Дѣйствительно, вошла Марсель.

— Простите, что безпокою. Обѣдъ ждетъ васъ.

— Позволь тебѣ представить Жоржа Даллена,—сказалъ женѣ Марешаль.

Марсель протянула Жоржу руку.

— Пріятно познакомиться.

Несмотря на банальность фразы, Жоржъ уловилъ въ ней искренность тона. Смущеніе его усилилось, и онъ отвѣтилъ, крѣпко пожимая руку Марсели:

— М-г Марешаль только что сказалъ мнѣ, что вамъ обязанъ я честью приглашенія въ его домъ.

— Мнѣ?

— М-г Далленъ знаетъ настоящее положеніе дѣла,—прервалъ ее Марешаль.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала Марсель, улыбаясь, —мнѣ остается только покориться. Надо вамъ замѣтить, что мужъ приписываетъ мнѣ гораздо болѣе заслугъ, чѣмъ есть въ дѣйствительности.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ Жоржъ,—позвольте раздѣлить мою благодарность между вами и m-г Марешалемъ. Она ничего не потеряетъ отъ дѣленія и останется столь же полной и безграничной.

— Сейчасъ видно,—замѣтилъ смѣясь Марешаль,—что вы занимаетесь исключительно литературой: это плохо отзывается на математикѣ.

— Я тронута вашими словами,— сказала Марсель. — Впрочемъ,—прибавила она съ обворожительною улыбкой,—у васъ будетъ случай доказать мнѣ свою признательность.

— Готовъ хоть сейчасъ!

— Не теперь; послѣ обѣда.

— Съ нетерпѣніемъ буду ждать этой минуты!

За обѣдомъ Жоржъ сидѣлъ противъ Марсели и имѣлъ возможность разглядѣть ее. Онъ нашелъ ее очень красивой; не той безупречной красотой греческой статуи, правильныя черты которой дѣлаютъ красоту мертвой, но—живой, гдѣ главную роль играютъ глаза, освѣщающіе все лицо и приковывающіе къ себѣ.

Послѣ обѣда перешли въ кабинетъ пить кофе.

Марсель сказала:

— Ну, вотъ, м-г Далленъ, наступила минута...

— Повторяю то же самое, что сказалъ раньше: я весь къ вашимъ услугамъ!

Онъ чувствовалъ себя превосходно, не отдавая отчета, почему. Съ женщиной, которую видѣлъ въ первый разъ, болталъ какъ съ хорошей знакомой или старинным другомъ.

— Вы исполните мою просьбу?

— Не сомнѣвайтесь въ моей готовности.

— Говорите осмотрительнѣе, потомъ будетъ поздно.

— А дѣло очень серьезное,—прибавилъ Марешаль.

— Говорю вполнѣ обдуманно.

— Ну, такъ слушайте. Я просила мужа дать мнѣ вашъ манускриптъ, онъ отказалъ.

— Я не смѣлъ имъ распоряжаться, не правда ли?—спросилъ Марешаль.

Жоржъ молчалъ.

— Не знаю, правъ или неправъ былъ мужъ, но дѣло въ томъ, что пьесы вашей я не читала, а прочесть ее очень желаю. Имѣете вы что-нибудь противъ исполненія моего желанія?

— Ровно ничего.

— Вотъ и прекрасно!—подхватила она.—Такъ какъ вы здѣсь и въ нашемъ распоряженіи цѣлый вечеръ, то сами и познакомьте меня съ своей пьесой.

— Какимъ образомъ?

— Прочтя ее вслухъ.

Жоржъ, не ожидавшій такого предложенія, покраснѣлъ.

— Вы доставите мнѣ большое удовольствіе,—настаивала Марсель.

— Я былъ бы очень счастливъ,—началъ Жоржъ,—но дѣло въ томъ, что...

Онъ хотѣлъ сказать «я очень застѣнчивъ и ни передъ кѣмъ не читалъ, кромѣ сестры».

Марсель перебила его:

— Вы обѣщали, m-r Далленъ!

— Но (онъ искалъ предлога)... Я боюсь надоѣсть m-r Марешалю.

— Напрасно,—возразилъ Марешаль,—совершенно напрасно!

Жоржъ, видя, что уклониться невозможно, добродушно согласился.

— Къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ.

— Вотъ это мило! — вскричала Марсель. — Потрудись передать m-r Даллену его пьесу.

— Вотъ,—сказалъ Марешаль, передавая рукопись.—Садитесь здѣсь, возлѣ моего стола.

Жоржъ сѣлъ.

— У васъ пересохнетъ въ горлѣ,—сказала Марсель.—Хотите вина?

— Воды, если можно.

— Приготовь ему сахарной воды, какъ лектору, — сказалъ Марешаль.

Когда окончилось чтеніе, Жоржъ всталъ и замѣтилъ, что Марсель блѣдная стоитъ передъ нимъ и пристально смотритъ въ глаза.

— Что скажешь?— спросилъ жену Марешаль.

— Замѣчательно!

Потомъ, обращаясь къ Жоржу, прибавила:

— M-r Далленъ, вы написали произведеніе, которое по силѣ, мощному изображенію жизни, должно занять выдающееся мѣсто. Отъ всей души желаю ему заслуженнаго успѣха.

— Благодарю васъ.

Она протянула ему руку и повторила:

— Отъ всей души!

— Что касается успѣха,—сказалъ Марешаль, онъ не подлежитъ сомнѣнію.—Важнѣе всего быть поставленнымъ на сценѣ.

— Тутъ я безсиленъ,—сказалъ Жоржъ съ грустною улыбкой.

— О, m-r Далленъ,—воскликнула Марсель,—нельзя отъ васъ требовать всего: вы написали прекрасную пьесу, остальное—дѣло моего мужа.

— Раздѣленіе труда,—замѣтилъ Марешаль.

— Совершенно вѣрно, другъ мой.

— Къ сожалѣнію, дѣло гораздо трудпѣе, чѣмъ кажется. Готовъ

держать пари, что вы считали достаточнымъ моего одобренія для постановки пьесы.

— Вы правы.

— Къ сожалѣнію, это не такъ. Директора—люди очень странные: они разоряются на постановку всякаго вздора, подписаннаго болѣе или менѣе знаменитыми именами; но принесите имъ произведеніе новичка, и они не станутъ его читать.

— Мнѣ кажется, ты достаточно вліятеленъ,—сказала Марсель.

— У издателей; на сценѣ же я былъ поставленъ только три раза.

— Однако твое имя достаточно извѣстно,—перебила Марсель, и директоръ навѣрно обратитъ вниманіе на твою рекомендацію.

— Конечно. Меня засыплютъ обѣщаніями, а рукопись m-r Даллена цѣлыми мѣсяцами будетъ валяться въ столѣ и, Богъ вѣсть, придется ли ей когда-нибудь выглянуть на свѣтъ Божій! Несомнѣнно, что m-r Далленъ не этого желаетъ.

— Несомнѣнно,—сказала Марсель.

— Я не ограничусь платоническими восхваленіями,—продолжалъ Марешаль,—и отправлюсь къ Репану, директору Современнаго театра.

— Вы такъ добры,—сказалъ Жоржъ, и мнѣ, конечно, представится еще много случаевъ благодарить васъ, такъ что я даже боюсь надоѣсть безконечными выраженіями благодарности. Позвольте мнѣ разъ навсегда искренно выразить свое чувство признательности.

— Позволяю съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что не заслужилъ никакой благодарности, такъ какъ исполнялъ только свой долгъ.

Марсель, стоявшая нѣкоторое время въ раздумьѣ, спросила:

— Жакъ, вѣдь, Репанъ просилъ у тебя пьесу?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ все прекрасно устроится.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Жоржъ.

— О, m-r Далленъ, мнѣ пришла блестящая мысль.

— У моей жены всегда блестящія мысли,—сказалъ смѣясь Марешаль.

— Не смѣю сомнѣваться,—замѣтилъ Жоржъ.

— И прекрасно дѣлаете!—подтвердила Марсель.

Она слегка покраснѣла, чувствуя, что ея замѣчаніе было нѣсколько фамильярно.

— Въ чемъ состоитъ твоя блестящая мысль?—спросилъ Марешаль.

— Успѣхъ моего проекта зависитъ отъ васъ обоихъ,—начала Марсель.—За мужа отвѣчаю, но не могу сдѣлать того же относительно m-r Даллена.

— Заранѣе на все согласенъ,—заявилъ Жоржъ.

— Вотъ и превосходно!

— Такъ въ чемъ же проектъ?—спросилъ Марешаль.

— Вотъ въ чемъ. Ты думаешь, что трудно заставить принять пьесу m-r Даллена? Но такъ какъ Репанъ просилъ у тебя пьесу, то въ твоемъ распоряженіи прекрасное средство.

— Какое?

— Выдать пьесу m-r Даллена за свою.

— О,—вскричалъ Жоржъ,—слишкомъ много чести для меня!

— Ничуть!—возразилъ Марешаль.—Я обѣими руками подписался бы подъ вашею пьесой. Не это меня останавливаетъ...

— Что же?—спросила Марсель.

— Несомнѣнно, если я прибѣгну къ подобному подлогу, какъ говорится въ судѣ, драма m-r Даллена будетъ немедленно принята. А какъ же потомъ?

— Потомъ?—повторила Марсель.

— Да, когда пьеса будетъ сыграна; какъ сдѣлать, чтобы публика узнала настоящаго автора.

Марсель, погруженная въ раздумье, молчала. Вдругъ она вскрикнула:

— Нашла!

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ Марешаль.

— Ты выдашь пьесу m-r Даллена за свою, дѣло рѣшенное!

— Хорошо.

— Но скажешь Репану, что не желаешь, чтобы на афишахъ было выставлено твое имя. Можно просто написать: «Драма въ пяти дѣйствіяхъ г. Х.».

— Согласится ли онъ?—замѣтилъ Марешаль.

— Не подлежитъ сомнѣнію! Во-первыхъ, потому, что онъ обрадуется твоей пьесѣ и согласится на всякія условія; во-вторыхъ, потому, что такая комбинація будетъ ему выгодна.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Ты прекрасно знаешь, что публика падка на всякую тайну. Представленіе новой пьесы, не подписанной авторомъ! Можно ли найти болѣе могущественное средство для привлеченія толпы пресыщенныхъ зѣвакъ, изъ которыхъ по-преимуществу состоитъ публика первыхъ представленій.

— Правда,—сказалъ Марешаль.

— Позже, когда успѣхъ будетъ обезпеченъ, ты напишешь сенсаціонную статью, гдѣ откроешь имя m-r Даллена, разоблачивъ хитрость, на которую пришлось пуститься.

— Превосходно!—согласился Марешаль.—Что вы на это скажете, m-r Далленъ?

Жоржъ, тронутый до глубины души участіемъ, какое въ немъ принимали и еще болѣе симпатіей молодой женщины, отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Проектъ m-e Марешаль кажется мнѣ очень остроумнымъ, и я ей безконечно благодаренъ.

— Значитъ, мы всѣ пришли къ соглашенію?—спросила Марсель.

— Всѣ!—подтвердилъ Марешаль.

— Какъ я рада!—вскричала Марсель.—Увидите, сказала она, обращаясь къ Жоржу,—что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ваше имя станетъ настолько же знаменито, насколько теперь неизвѣстно.

— И я всѣмъ буду обязанъ вамъ и вашему супругу.

— Такъ какъ вамъ придется постоянно присутствовать на репетиціяхъ,—сказалъ Марешаль,—то уроковъ будетъ давать некогда. Придется поискать другихъ средствъ. Есть у васъ разсказы?

— Да.

— Мы ихъ напечатаемъ. Будетъ на что прожить пока. Можете доставить мнѣ завтра нѣсколько?

— Конечно,—сказалъ Жоржъ вставая.

— Вы уже уходите?—спросила Марсель.

— Поздно, и я боюсь злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ.

— Что вы, что вы!

Жоржъ все стоялъ.

— Рѣшительно, уѣзжаете?

— Съ вашего позволенія.

— Не буду настаивать. Когда вы доставите намъ удовольствіе видѣть васъ у себя за чаемъ?

— М-г Далленъ пріѣдетъ завтра,—сказалъ Марешаль.

— Значитъ, до завтра. Мы вамъ всегда рады,—сказала Марсель, пожимая Жоржу руку.

— Что касается меня,—прибавилъ Марешаль,—я могу только повторить, что сказала жена.

Жоржъ, окончательно смущенный, пожалъ руку Марешалю и, поклонившись еще разъ, вышелъ.

Лежа въ постели, Марсель спросила мужа:

— Когда начнешь ты хлопотать о пьесѣ?

— Я постараюсь сначала добыть ему средства къ существованію, потомъ займусь пьесой. Не правда ли, очень симпатичный молодой человѣкъ?

— Да.

— Покойной ночи, дорогая!

— Покойной ночи, Жакъ!

Марешаль заснулъ. Но Марсель не засыпала.

Лежа съ широко-открытыми глазами, она видѣла передъ собой Жоржа, сидящимъ за письменнымъ столомъ Марешаля. Его голосъ, сначала дрожащій, по мѣрѣ развитія драмы все оживлялся. Сколько въ немъ теплоты; какая сила и строгость тембра! Вся фигура молодого автора, точно проникнутая таинственною силой, казалось, испускала изъ себя лучи свѣта! Марешаль нагнулся къ нему такъ, что ихъ головы почти соприкасались. Сѣдина рядомъ съ волной золотистыхъ кудрей, худое лицо, помятое жизнью рядомъ съ молодымъ, полнымъ жизни, не обезображеннымъ ни одною морщинкой, увядшій цвѣтокъ рядомъ съ распускающимся; зима рядомъ съ весною.

Марсель впервые замѣтила, что Марешаль старъ; ея ослѣпленные до настоящаго времени глаза впервые прозрѣли.

Настало пробужденіе. Какъ спящая царевна, вставшая отъ вѣкового сна, находитъ все измѣнившимся, такъ и Марсель, пробудясь отъ продолжительнаго сна, увидала все окружающее въ другомъ свѣтѣ. Она почувствовала, точно въ сердце ей вонзили кинжалъ.

IV.

Репанъ, знаменитый директоръ Современнаго театра, находился въ пріятной бесѣдѣ съ молодою артисткой, когда его слуга вѣрный Франсуа пріоткрылъ слегка дверь.

— Что вамъ надо?—спросилъ Репанъ.

— М-г Марешаль желаетъ съ вами говорить.

— Марешаль!—вскричалъ Репанъ.—Скажите, что черезъ минуту я буду къ его услугамъ. Тысячу разъ прошу извиненія, mademoiselle,—сказалъ онъ обращаясь къ артисткѣ. Вы слышали?—это Марешаль, самъ м-г Марешаль, модный писатель, котораго нельзя безнаказанно заставлять скучать въ прихожей... Зайдите завтра, мы возобновимъ разговоръ.

— Хорошо, г-нъ директоръ.

— Впрочемъ, лучше было бы зайти ко мнѣ на домъ. Тамъ мы скорѣе сговоримся. Спросите мой адресъ у Франсуа. Согласны?

— Да.

— Итакъ, до завтра. Вотъ выходъ.

Онъ выпустилъ дѣвушку черезъ маленькую дверку, скрытую портьерой, и поспѣшилъ въ пріемную.

— Милости просимъ!

— Дорогой m-r Репанъ,—сказалъ Марешаль,—позвольте вамъ представить моего секретаря Жоржа Даллена.

Эта выдумка, какъ и всѣ предыдущія, принадлежала Марсели и вела къ тому, чтобы, не возбуждая подозрѣній, Жоржъ могъ присутствовать на репетиціяхъ.

Репанъ поклонился.

— Очень радъ! Вашъ визитъ, дорогой m-r Марешаль, дѣлаетъ мнѣ честь и огромное удовольствіе. Могу я льстить себя надеждой, что вы были такъ добры и вспомнили о небольшой услугѣ, о которой я васъ просилъ.

— Какой услугѣ? — спросилъ Марешаль съ удивленнымъ видомъ, точно не понялъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Вы уже забыли! Я осмѣлился васъ безпокоить просьбой о пьесѣ.

— Вспоминаю... дѣйствительно.

— И что же?

— Принесъ.

— Серьезно?

— Совершенно.

— Будьте такъ добры, передайте мнѣ рукопись,—сказалъ онъ, обращаясь къ Жоржу.

Тотъ подалъ свою пьесу.

— Вотъ,—сказалъ Марешаль.

— О, какъ я вамъ благодаренъ!—воскликнулъ Репанъ, пожимая руки Марешалю.

Радость и признательность Репана не были притворны. Директора, разыгрывающіе изъ себя царьковъ по отношенію къ новичкамъ и третирующіе ихъ, какъ плантаторы рабовъ, понятно, въ области психической, въ присутствіи знаменитости, наоборотъ, становятся почтительными и скромными, особенно если одного имени этой знаменитости достаточно, чтобы привлечь толпу зрителей въ театръ и золотой дождь въ кассу. Репанъ былъ особенно доволенъ пріобрѣтеніемъ пьесы Марешаля, такъ какъ до настоящаго времени этого автора играли только въ Comédie-Française. Какой успѣхъ! Какіе барыши!... А Репанъ любилъ денежки.

— Я дамъ вамъ пьесу только подъ условіемъ,—сказалъ Марешаль.

— Принимаю всѣ, какія угодно!

— Первое, чтобы пьесу не ставить въ началѣ сезона, когда половина Парижа еще въ деревнѣ.

— Не подлежитъ сомнѣнію.

— Дальше, и это—conditio sine qua non, на афишѣ не будетъ моего имени.

— Какъ?—вскричалъ ошеломленный Репанъ.

Марешаль улыбнулся Жоржу и повторилъ:

— На афишѣ не будетъ моего имени.

— Но, дорогой m-r Марешаль, если я не поставлю вашего имени...—умолялъ несчастный.

— Вы боитесь не сдѣлать сбора?—возразилъ Марешаль.

— Какъ быть? Акціонеры! —жалобно отвѣтилъ Репанъ.—И, наконецъ, къ чему вамъ анонимъ?

— Имя автора появится на афишѣ послѣ перваго представленія.

— Почему?

— У меня есть свои причины, которыя вы вполнѣ поймете, дорогой m-r Репанъ.

— А именно?

— Я сообщу вамъ ихъ послѣ перваго представленія.

— Подчиняюсь вашему желанію, — сказалъ подобострастно Репанъ.

— Не дѣлайте похоронной физіономіи. Я продиктую вамъ газетную замѣтку, которая въ такой мѣрѣ возбудитъ любопытство публики, что залъ будетъ переполненъ.

— О!—сказалъ Репанъ, просіявъ.

— Вы скажете, что получили пьесу, авторъ которой пожелалъ остаться неизвѣстнымъ, что имя его будетъ объявлено послѣ перваго представленія. Вы скажете также, что пьеса представляетъ огромный интересъ, вслѣдствіе чего обставлена особенно тщательно...

— Не подѣйствуетъ: заподозрятъ обманѣ.

— Скажите, пожалуйста! И вы этого боитесь? Вы, двадцать лѣтъ занимающій мѣсто директора! Сколько обмановъ лежитъ на вашей душѣ за двадцать лѣтъ? И публика всегда шла на удочку!

— Вѣрно, вѣрно!

— За этотъ обманъ говоритъ его оригинальность... Постойте, чтобы сдѣлать замѣтку болѣе пикантной, прибавьте, что вы имѣете

основаніе считать авторомъ пьесы одного изъ знаменитыхъ драматурговъ, что манера писать выдаетъ его...

— Вотъ такъ дѣло пойдетъ на ладъ.

— Значитъ, вопросъ рѣшенъ?

— Да, дорогой m-r Марешаль.

Затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Напишемъ условьице?

— Не надо. Если вы не поставите пьесы въ ноябрѣ или выдадите секретъ, я безъ дальнихъ разговоровъ беру пьесу обратно и тогда, дорогой m-r Репанъ, вамъ во всю жизнь не видать больше моихъ пьесъ.

— О, будьте покойны,—отвѣтилъ живо директоръ,—я добросовѣстно исполню всѣ условія.

— Когда вы разсчитываете начать репетиціи?

— Надѣюсь, черезъ два мѣсяца... Чтобы дать опредѣленный отвѣтъ, я долженъ познакомиться съ рукописью, распредѣлить роли и сообразить, не придется ли приглашать еще артистовъ.

— Прекрасно. Во всякомъ случаѣ, m-r Жоржу Даллену часто придется замѣнять меня на репетиціяхъ. Я долго пробуду въ деревнѣ, мнѣ было бы трудно являться ежедневно въ Парижъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы присутствовали лично.

— Понятно, что я постараюсь, какъ можно рѣже пропускать репетиціи, но вы будете добры обращать вниманіе на замѣчанія m-r Даллена. Я ему дамъ самыя детальныя указанія.

Репанъ поклонился.

— Когда вопросъ будетъ рѣшенъ, вы дадите знать?

— Непремѣнно.

— Значитъ, я буду ждать отъ васъ извѣстій въ первыхъ числахъ сентября.

— Безъ сомнѣнія.

Марешаль всталъ.

— Итакъ, до скораго свиданія, m-r Репанъ.

— До скораго, дорогой m-r Марешаль.

Марешаль и Жоржъ оставили директорскій кабинетъ. Выйдя на улицу, они подобно римскимъ авгурамъ, которые обманывали суевѣрный народъ, взглянули другъ на друга и одновременно разразились хохотомъ.

— Хорошо сыгралъ я роль?—спросилъ Марешаль.

— Превосходно!—отвѣтилъ Жоржъ, сіяя.

Марешаль былъ доволенъ счастьемъ Жоржа. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло со дня ихъ перваго знакомства, а онъ любилъ его,

какъ родного сына. Онъ часто говорилъ себѣ: «Въ этомъ возрастѣ у большей части смертныхъ бываютъ дѣти; я не озаботился о нихъ своевременно; пусть Жоржъ будетъ моимъ сыномъ»... Эта привязанность вытекала изъ чувства, свойственнаго всѣмъ людямъ, достигшимъ извѣстнаго возраста, будь то очерствѣвшій холостякъ, чувства, заставляющаго приближать къ себѣ молодое, неопытное существо, которому можно было бы посвятить остатокъ своей жизни, облегчить первые шаги на жизненномъ пути, радоваться его радостями, печалиться печалями.

Это лѣто Марешаль съ женою проводили въ деревнѣ; Жоржъ часто навѣщалъ ихъ, но Марешаль находилъ промежутки между посѣщеніями слишкомъ длинными. Молодой писатель не давалъ болѣе уроковъ и оставилъ мѣсто въ коллежѣ. Сотрудничество въ *Tout Paris*, доставленное ему Марешалемъ, давало достаточно средствъ къ существованію.

Однажды Марсель выразила желаніе познакомиться съ Бланшъ, и Марешаль присоединъ свои просьбы, убѣждая Жоржа привезти къ нимъ сестру. Тотъ сначала упирался, ссылаясь на застѣнчивость Бланшъ.

— Развѣ мы такіе страшные?—спросила Марсель.

— Можетъ быть, она насъ ненавидитъ?—вскричалъ Марешаль.

— О, если бы васъ слышала Бланшъ, она бы страшно опечалилась.

— Опечалилась?

— Ее бы обидѣло ваше предположеніе: она васъ боготворитъ,— васъ и m-me Марешаль.

— Въ чемъ же тогда дѣло?—спросила Марсель.—Если она хотя немного расположена къ намъ, то не откажется познакомиться.

— Она нигдѣ не бываетъ, — настаивалъ Жоржъ. — Бланшъ всегда въ грустномъ настроеніи и побоится произвести на васъ плохое впечатлѣніе.

— О чемъ она груститъ?—спросила Марсель.

Жоржъ поблѣднѣлъ и замолчалъ.

Марсель сообразила, что дотронулась до больного мѣста. Она сказала, краснѣя:

— Извините меня, m-r Далленъ. Мой вопросъ могъ показаться вамъ нескромнымъ; но повѣрьте, мною руководило не обидное любопытство, но настоящее, искреннее участіе.

— Я такъ васъ и понялъ,—воскликнулъ Жоржъ.—Я не отвѣтилъ вамъ сразу только потому, что на меня нахлынулъ вдругъ цѣлый потокъ тяжелыхъ воспоминаній.

Онъ разсказалъ исторію Бланшъ.

Марешаль съ женою были сильно поражены.

— Какъ она должна была страдать,—тихо сказала Марсель.

— Вотъ она истинная любовь!—замѣтилъ Марешаль.—И есть люди, которые утверждаютъ, что любовь до гроба не существуетъ и никогда не существовала.

— Она утверждаетъ, что никогда не выйдетъ замужъ?—спросила Марсель.

— Утверждаетъ!

— Какое постоянство!—восторженно замѣтилъ Марешаль.

Марсель, склонивъ голову, молчала.

— Другъ мой, то, что вы разсказали только усиливаетъ наше желаніе познакомиться съ m-elle Далленъ. Не правда ли, Марсель?

— Я увѣрена, что привяжусь къ ней, какъ къ родной сестрѣ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Жоржъ серьезно, съ затуманившимся взоромъ.

— Такъ какъ m-elle Далленъ нелегко сходится съ людьми,—сказалъ Марешаль,—я попробую доказать ей, что всякое правило хорошо подъ условіемъ, чтобъ отъ времени до времени его нарушали.

— Какъ ты это сдѣлаешь?

— Пойду къ ней, если m-r Далленъ позволитъ.

— Слишкомъ много чести для насъ, — отвѣтилъ Жоржъ въ смущеніи.

На слѣдующій день Бланшъ только что сѣла за сонату Бетховена, своего любимаго композитора, какъ въ прихожей позвонили. Она пошла отпереть и увидала Жоржа въ сопровожденіи Марешаля, котораго сейчасъ же узнала по многочисленнымъ фотографіямъ, въ большомъ количествѣ выставляемымъ въ витринахъ.

— Сестричка, позволь тебѣ представить m-r Марешаля.

Бланшъ вся блѣдная, взволнованная, неподвижно стояла на мѣстѣ.

— Прошу васъ простить мнѣ вторженіе къ вамъ въ домъ,—сказалъ Марешаль.

— Вашъ визитъ дѣлаетъ намъ честь,—сказала Бланшъ, протягивая руку,—и я никогда не забуду, чѣмъ мы вамъ обязаны: вы спасли моего брата.

Марешаль, до глубины души тронутый искренностью и простотой словъ, сказалъ, сжимая руку Бланшъ:

— Я радъ, что удалось что-нибудь сдѣлать для вашего брата. Онъ этого вполнѣ достоинъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ,—повторяла Бланшъ.

— Я долженъ оправдаться въ преступленіи, которое совершилъ.

Бланшъ улыбнулась.

— Преступленіи?

— Конечно. Я пришелъ сюда безъ вашего разрѣшенія... Но надѣюсь, что вы будете такъ добры и простите меня.

— Не сомнѣвайтесь ни на минуту!

— M-me Марешаль и я очень желали съ вами познакомиться. M-r Далленъ не взялся передать вамъ этого желанія, увѣряя, что вы никуда не выходите...

— Онъ сказалъ правду.

— Поэтому я осмѣлился прійти васъ приглашать и прошу мнѣ не отказывать.

Бланшъ снова смутилась.

— Говорю откровенно, вы оказываете слишкомъ большую честь мнѣ, бѣдной женщинѣ. Не скрою, что съ большимъ удовольствіемъ лично поблагодарю m-me Марешаль за радушный пріемъ, оказанный Жоржу, и выражу ей свою глубокую признательность.

— Вы очень любезны! — затѣмъ, обращаясь къ Жоржу, сказалъ:—Итакъ, другъ мой, m-elle Бланшъ приняла приглашеніе.

— Развѣ Жоржъ думалъ, что я откажусь?

— Онъ не утверждалъ положительно, — отвѣтилъ Марешаль, улыбаясь,—но...

— Ахъ, какой!—сказала Бланшъ съ упрекомъ.

— Я доволенъ, что выразилъ колебаніе; этому мы обязаны вашимъ визитомъ.

— Единственно, что смягчаетъ твою вину,—сказала Бланшъ.

— Значитъ, мы можемъ на васъ разсчитывать? — спросилъ Марешаль.

— Во всякомъ случаѣ!

— Когда васъ ждать?

— Право, мнѣ все равно; я ежедневно свободна послѣ трехъ.

— Можетъ быть, вы согласитесь съ нами завтра пообѣдать?

— Охотно.

— Я долженъ васъ предупредить, что мы съ женой очень требовательны!

— Что это значитъ?

— Мы не удовлетворимся нѣсколькими часами. Вамъ придется, время отъ времени, приносить намъ въ жертву цѣлый день.

— Это будетъ не жертва, а удовольствіе... Только я вамъ скоро надоѣмъ.

Съ перваго свиданія Бланшъ понравилась Марсели, и вскорѣ женщины подружились.

Предсказаніе Марешаля сбылось: короткія посѣщенія не удовлетворяли. У Бланшъ потребовали всего воскресенья, и она съ радостью отдала его.

Послѣ десяти лѣтъ уединенія въ обществѣ брата и встрѣчъ съ людьми только на урокахъ, она нашла въ Марсели и ея мужѣ друзей, къ которымъ привязалась искренно, глубоко, всѣми силами своей измученной несчастьями души. И если Марешаль внушалъ ей, помимо своей воли, нѣкоторый страхъ, Марсель своею простотой, добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ завоевала ее.

Жоржъ и Бланшъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю обѣдали у Марешалей. Однажды вечеромъ, когда мужчины толковали объ искусствѣ и литературѣ, женщины говорили о болѣе простыхъ вещахъ: частью о настоящемъ, частью о будущемъ. Бланшъ передавала свои надежды и сомнѣнія, Марсель же настоятельно убѣждала ее, что карьера Жоржа будетъ несомнѣнно блестяща.

— Какъ я буду счастлива!

— Однако, вы очень любите m-r Даллена?

— Онъ у меня одинъ на свѣтѣ.

— Какъ у меня мужъ.

— А затѣмъ, онъ такой славный, честный, мой Жоржъ! Не будь онъ моимъ братомъ, я бы желала быть его женой!

Марсель молча взглянула на нее. Бланшъ показалось, что въ этомъ взорѣ было что-то грустное, точно подавленная зависть или сожалѣніе. Можетъ быть, она ошиблась? Можетъ быть, дала неправильное толкованіе выраженію глазъ? Во всякомъ случаѣ ей стало неловко, и она поспѣшно прибавила:

— Я должна казаться вамъ страшною болтушкой. Все говорю о братѣ и, конечно, преувеличиваю его достоинства.

— Ничуть. Я прекрасно понимаю ваше расположеніе къ m-r Даллену и не нахожу ни малѣйшаго преувеличенія.

Она порывисто встала и, подойдя къ мужу, замѣтила:

— Ты очень не любезенъ, все оставляешь насъ однѣхъ.

— Прошу прощенія. Но что же дѣлать: это недостатокъ всѣхъ ремесленниковъ. Сведите двухъ живописцевъ и разговоръ зайдетъ о живописи; послушайте о чемъ говорятъ доктора: объ интересномъ

больномъ. Кстати, мы давно не получали извѣстій о нашемъ дорогомъ Лормонѣ... Ужъ не случилось ли съ нимъ чего-нибудь «въ волшебной странѣ», какъ онъ называетъ Швейцарію.

Въ эту минуту лакей подалъ два письма.

— Легокъ на поминѣ!—вскричалъ Марешаль, узнавъ почеркъ Лормона.—Вотъ его письмо!

Онъ пробѣжалъ его и передалъ Марсели.

— Ничего новаго... Прекрасно себя чувствуетъ и черезъ мѣсяцъ будетъ здѣсь.

Онъ распечаталъ другой конвертъ, на которомъ было напечатано: *Современный театръ*.

— О, о!—сказалъ онъ.—Отъ Репана. Считка будетъ на будущей недѣлѣ; непосредственно за ней начнутся репетиціи, если вы согласны, Далленъ.

— Какъ согласенъ?!—вскричалъ Жоржъ.

— Репанъ спрашиваетъ моего согласія, но такъ какъ мнѣ извѣстенъ настоящій авторъ, то я спрашиваю у него согласія. Даете?

— Даю,—сказалъ Жоржъ смѣясь.

— Ну-съ, такъ вотъ какъ мы поступимъ. Три-четыре первыхъ раза пойдемъ вмѣстѣ; во время репетицій я буду часто обращаться къ вамъ за совѣтомъ или указаніемъ. Вся эта комедія будетъ имѣть цѣлью показать Репану, что я придаю большое значеніе вашимъ замѣчаніямъ. Мало-по-малу я сокращу свои посѣщенія, а вы останетесь законнымъ хозяиномъ дѣла. Такъ?

— Не совсѣмъ!

— Почему? Развѣ я написалъ прекрасную драму *Простаки*, а не m-r Далленъ?

— Конечно, я написалъ пьесу, достоинства которой, между нами будь сказано, вы сильно преувеличиваете, но вамъ я обязанъ ея постановкой.

— Что-жъ изъ этого?

— Я бы хотѣлъ до конца пользоваться вашимъ покровительствомъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Не лишать меня вашихъ совѣтовъ, безъ которыхъ я почти не могу обойтись, не имѣя понятія о постановкѣ пьесъ.

— Вы, значитъ, стоите за то, чтобъ я былъ на всѣхъ репетиціяхъ?

— Да.

— Хорошо. Выпью чашу до дна!...

— А меня хоть бы на генеральную пригласили, — сказала Марсель.

— Если бы это зависѣло отъ меня, я предоставилъ бы въ ваше распоряженіе весь залъ,—сказалъ Жоржъ увѣреннымъ голосомъ.

— Я не требовательна, m-г Далленъ! И удовлетворилась бы однимъ кресломъ.

Въ назначенный день Жоржъ съ Марешалемъ отправились въ Современный театръ. Артисты въ обыкновенныхъ костюмахъ сидѣли за круглымъ столомъ. Принялись читать; по мѣрѣ того, какъ пьеса подвигалась, лица, созданныя фантазіей автора, облекались въ плоть и кровь; у каждаго была своя физіономія, свои манеры. Какъ изъ безформенной глыбы мрамора геніальная творческая рука создаетъ одухотворенное, легкое, граціозное существо, такъ лица драмы мало-по-малу переставали быть фикціями: они жили, говорили, дѣйствовали. Игра страстей перестала казаться игрой; мужчины и женщины любили и ненавидѣли другъ друга. Въ ихъ голосахъ слышался то серебристый смѣхъ, то глубокое недовольство.

Жоржъ чувствовалъ необычайное волненіе, слушая, какъ его созданіе принимало образъ живой дѣйствительности.

Репетиціи начались на слѣдующій день. Марешаль прекрасно игралъ роль автора. Наканунѣ онъ обсудилъ съ Жоржемъ способъ передачи каждой роли и затѣмъ, придя къ соглашенію, на слѣдующій день давалъ соотвѣтствующія указанія. Не все шло такъ, какъ хотѣлось. Артисты, особнно женщины, народъ очень капризный, обидчивый, до крайности подозрительный. Ихъ самолюбіе прямо пропорціонально получаемому окладу. Если окладъ великъ—онѣ считаютъ себя непогрѣшимыми и убѣждены, что никто лучше ихъ не способенъ понять роль, совершенно забывая, что первая обязанность артиста точно передавать мысли автора и изображать дѣйствующее лицо такъ, какъ его создалъ авторъ. Онѣ не хотятъ быть исполнителями, а стараются во что бы то ни стало быть творцами, хотя бы ихъ созданія походили на образы писателя такъ же, какъ водевилистъ на драматурга.

Дѣло не обошлось безъ стычекъ и небольшихъ ссоръ; но, благодаря Репану, который умѣлъ вмѣшиваться въ надлежащій моментъ, примиротворить старую артистку, успокоить автора обѣщаніемъ, слѣдуя практической системѣ обереганія козы и капусты, все обошлось благополучно.

Наконецъ, роли разучены, декораціи готовы, первое представ-

леніе назначено. Марешаль не ошибся, предсказавъ, что газетная замѣтка возбудитъ въ высокой степени любопытство публики первыхъ представленій. Надо сказать, что Репанъ, какъ опытный директоръ, не удовлетворился одной жалкой замѣткой, гдѣ-то на четвертой страницѣ. Имѣя повсюду связи, онъ умудрился втиснуть нѣсколько словъ въ «отголоски» крупныхъ, такъ называемыхъ литературныхъ газетъ. И небольшими, умно распредѣленными дозами подогрѣлъ публику. Однако это не было «сенсаціонное первое представленіе» въ вульгарномъ смыслѣ слова: тайна, окружавшая его, пріятно щекотала расшатанные нервы свѣтскихъ людей. Дѣлали самыя невѣроятныя предположенія. Какой-то шутникъ утверждалъ, что пьеса написана германскимъ императоромъ, который, испробовавъ себя на многихъ поприщахъ, выступаетъ теперь въ качествѣ драматурга.

По мѣрѣ того, какъ дѣйствіе развивалось, публика становилась все внимательнѣе, точно гипнотизировалась мощною силой произведенія. Съ паденіемъ занавѣса послѣ четвертаго акта общій энтузіазмъ охватилъ залъ, и публика разразилась единодушными рукоплесканіями, со всѣхъ сторонъ послышались крики: «Автора, автора!» Занавѣсъ поднялся, режиссеръ произнесъ стереотипную фразу: «Милостивыя государыни и милостивые государи, пьеса, которую мы имѣли удовольствіе давать сегодня, принадлежитъ»... Онъ остановился.

Крики усилились: «Автора, автора!»

Режиссеръ окончилъ: «перу неизвѣстнаго автора».

Сидя въ глубинѣ бенуара, рядомъ съ мужемъ и Бланшъ, Марсель дрожала отъ счастія, слушая громъ апплодисментовъ. Съ самаго начала репетицій она только и думала о первомъ представленіи, а послѣднюю ночь не могла сомкнуть глазъ. Она сердилась на себя, старалась убѣдить себя, что ей рѣшительно все равно, будетъ ли пьеса имѣть выдающійся успѣхъ, или провалится... Что былъ въ сущности для нея Далленъ? Знакомый; какой-то господинъ, о существованіи котораго она годъ тому назадъ ничего не знала. Почему же при одной мысли, что пьеса можетъ провалиться, кровь леденѣла въ ея жилахъ? Одинъ единственный человѣкъ въ мірѣ имѣлъ право на такое сочувствіе съ ея стороны; съ однимъ должна она была дѣлить страхи и надежды, горести и радости. Это право имѣлъ Марешаль, ея мужъ, котораго она любила все прежней, горячей любовью. «Да, я люблю его прежней любовью!»—въ отчаяніи повторяла она. Но только что прекращала себя убѣждать и пре-

доставляла мыслямъ свободу, какъ на нее нападалъ прежній страхъ, тотъ же вопросъ возвращался съ неотвязчивой настойчивостью: «Будетъ пьеса имѣть успѣхъ или нѣтъ?»

— Гдѣ же Жоржъ?—спросилъ Марешаль,—пора ему явиться.

Жоржъ съ поднятіемъ занавѣса исчезъ, не смѣя присутствовать на столь желанномъ, давно ожидаемомъ первомъ представленіи. Онъ бродилъ по улицамъ, растерянный, безцѣльно устремивъ взоръ въ пространство. Вдругъ онъ увидѣлъ, что часы показываютъ безъ четверти двѣнадцать. Онъ ускорилъ шагъ и, войдя въ театръ, услышалъ громъ апплодисментовъ, привѣтствовавшихъ его пьесу.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ Марешаль, видя Жоржа, входившаго въ ложу.—Ну-съ, другъ мой, успѣхъ колоссальный! Завтра будутъ говорить исключительно о вашей драмѣ, а послѣ завтра ваше имя будетъ у всѣхъ на устахъ. Дайте обнять васъ, другъ мой,—сказалъ онъ, вставая.

Жоржъ едва могъ пробормотать:

— Учитель мой, благодѣтель!

Марсель молча поникла головой. Она не осмѣливалась открыть рта, зная, что голосъ ея задрожитъ: ей было стыдно. Откуда этотъ стыдъ? Откуда боязнь выдать свое волненіе? Марешаль не скрывалъ своихъ чувствъ, его голосъ сильно дрожалъ, и онъ не только не стыдился этого, а точно хотѣлъ показать Жоржу, какъ взволнованъ его первымъ успѣхомъ. Съ ея стороны было бы вполнѣ естественнымъ радоваться вмѣстѣ съ мужемъ. А между тѣмъ она молчала.

— Что же ты, Марсель, не поздравляешь дорогого автора?

Она сдѣлала усиліе и отрывисто, почти равнодушно сказала:

— Я думаю, m-r Даллень не сомнѣвается, что его успѣхъ доставилъ мнѣ большое, большое удовольствіе.

Жоржъ поклонился.

Марсель обратилась къ мужу:

— Поѣдемъ, другъ мой, я устала.

Когда подали карету, она пожала руку Жоржу и сказала Бланшъ:

— На-днихъ увидимся, не правда ли?

— Да.

Женщины поцѣловались, и Бланшъ почувствовала у себя на щекѣ слезу.

— Завтра,—сказалъ Марешаль Жоржу,—я пошлю статью въ *Tout-Paris*, и какъ только она появится, мы поѣдемъ къ Репану.

— Благодарю, учитель!

Карета тронулась.

— Я нахожу, что ты нѣсколько холодна съ Далленомъ,—сказалъ Марешаль.

— Холодна?

— Едва сказала нѣсколько словъ. Онъ огорчился, бѣдняжка.

Она ничего не отвѣтила.

— Послѣ той симпатіи, какую ты ему обыкновенно выказывала и которую онъ вполнѣ заслужилъ, твое сегодняшнее поведеніе должно было огорчить его.

— Надѣюсь, что онъ не разсердится. Спектакль меня совсѣмъ измучилъ.

— Не удивляюсь!

Дома Марсель легла въ постель, но сонъ не приходилъ. Она снова думала о Далленѣ, снова старалась доказать себѣ, что этотъ человѣкъ для нея ничто, что онъ только другъ, но тщетно. Все существо ея кричало:

«Лжешь, Жоржъ тебѣ не только другъ, твое чувство сильнѣе и глубже. Ты его любишь, несчастная! Ты его любишь до самозабвенія, рада отдать за него жизнь до послѣдней капли крови!»

Она вся дрожала, закрывала глаза и коченѣла. Она билась, какъ въ когтяхъ чудовища, дѣлала отчаянныя усилія, чтобы вырваться, но оно побѣдоносно овладѣвало ею и пожирало, покрывая поцѣлуями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю его, я люблю только мужа, моего обожаемаго Жака.

— Лжешь!—кричала ей совѣсть.—Ты любишь не мужа, а его, Жоржа. Ты любишь его съ перваго дня, какъ увидала переходящимъ дорогу и когда онъ поразилъ тебя, какъ лучъ восходящаго солнца. Сначала была только симпатія, неясная, неопредѣленная; но симпатія росла и переродилась въ любовь. Вотъ почему ты имъ такъ интересовалась, почему хлопотала, чтобы его пьеса была поставлена и имя прославилось... Ты любишь его сестру, ты съ ней подружилась только потому, что она его сестра. Любя ее, ты его любишь!

Она вспомнила другую безсонную ночь, проведенную еще въ дѣвической спальнѣ. О, то была счастливая ночь! Тогда она мечтала о Марешалѣ, его любила. Кто бы могъ сказать, что настанетъ день, когда ея сердце, бившееся до сихъ поръ только для Марешаля, займетъ другой.

— О, Боже мой!—вздыхала она, заглушая подступившія къ

горлу рыданія,—зачѣмъ любовь къ Жаку прошла, зачѣмъ не осталась она такой же пламенной и всеобъемлющей, какъ тогда?

Да, зачѣмъ? Развѣ Жакъ измѣнился? Развѣ не ласкалъ и не лелѣялъ ее попрежнему? Нѣтъ! Онъ все тотъ же... Она виновата, она наноситъ смертельный ударъ ихъ любви, которую считала вѣчной.

Виновата ли она?

На этотъ вопросъ, естественно всплывшій въ умѣ, она не рѣшилась отвѣтить, хотя чувствовала, что отвѣтъ звучитъ въ ея ушахъ.

«Марешаль старъ для тебя. Ты не могла любить его самоотверженной любовью. То, что ты считала любовью, было привязанностію, дружбой; ты считала свое чувство любовью, потому что изъ всѣхъ окружающихъ только онъ выражалъ тебѣ свою искреннюю, сердечную привязанность. Наконецъ, ты любишь въ немъ не человѣка, но великаго, знаменитаго писателя; его слава опьянила тебя и затмила сѣдые волосы и сорокъ пять лѣтъ! Но когда ты встрѣтила человѣка въ расцвѣтѣ силъ, когда взоръ твой пораженъ былъ блескомъ молодости, сердце разорвало неблагоразумно наложенныя на него цѣпи и вырвалось на свободу».

Марсель изнемогала.

Да, она любила Жоржа, только его одного!... Жакъ былъ ей только другомъ, съ которымъ ее навѣки связывали дорогія воспоминанія, но не болѣе того. Любимымъ, обожаемымъ, занимающимъ всѣ ея помыслы, былъ Жоржъ, чье счастье для нея дороже всего на свѣтѣ.

Марсель снова возмутилась

Нѣтъ, она не хочетъ любить Жоржа! Не хочетъ! Это—капризъ, прихоть, какъ шипъ, вонзившаяся въ сердце; ее можно вырвать, хотя бы пришлось претерпѣть смертельную муку. Она будетъ бороться до послѣдней возможности!... Соберетъ всѣ нравственныя силы, которыми обладаетъ, чтобъ убить непрошенную любовь, раздавить чудовище, похитившее ея счастье. Она будетъ бороться съ собой до послѣдняго вздоха.

Она будетъ гордиться побѣдой! Жакъ ничего не узнаетъ, а она больше прежняго будетъ любить и лелѣять его!

— Надо управлять своими чувствами,—сказала она,—и мнѣ это удастся.

Все существо ея содрогалось отъ прилива энергіи и твердой рѣшимости. Она была увѣрена въ побѣдѣ и заглушила внутренній голосъ, который кричалъ ей:

— Не борись,—погибнешь!

V.

Газетные отзывы были очень благопріятны, исключая нѣкоторыхъ статей въ солидныхъ газетахъ, гдѣ упрекали автора за выборъ сюжета. «Подобныя семейныя драмы несомнѣнно бываютъ, но надо остерегаться выводить ихъ на сцену, подобно тому, какъ закрываютъ гнойную рану, разрушающую организмъ». Остальныя единодушно признавали за авторомъ неоспоримый талантъ Это признаніе имѣло тѣмъ большую цѣну, что люди, пользующіеся привилегіей направлять вкусы публики, подобно тому какъ направляютъ шаги начинающаго ходить ребенка, можетъ быть, въ первый разъ могли искренно и чистосердечно высказать свое мнѣніе, независимо отъ соображеній дружбы, выгоды или кумовства.

Статья Марешаля, разоблачившая имя Даллена, произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Одни видѣли въ ней мистификацію, отказывались вѣрить, чтобы подобное произведеніе принадлежало новичку. Другіе предполагали, что подъ именемъ Даллена скрывалось высокопоставленное лицо. Однако приходилось примириться съ очевидностію и публика «капризное животное», падкое на всякую моду, не замедлила объявить Даллена «великимъ писателемъ».

Молодой писатель, повидимому, не зналъ о своемъ успѣхѣ и славѣ. Тогда какъ Парижъ говорилъ только о немъ, когда бездна писателей затерявшихся по редакціямъ толковала о немъ, окрыляясь надеждою при видѣ одного изъ своихъ, перерождающагося изъ «неизвѣстной знаменитости» въ «великаго писателя», когда они завидовали его успѣху и готовы были полжизни отдать, чтобы быть на его мѣстѣ, Жоржъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Положимъ, онъ былъ «выдвинутъ», но что значитъ успѣхъ, слава, если на сердцѣ тоска. Художника окружалъ успѣхъ, но человѣкъ жестоко страдалъ.

Жоржъ любилъ Марсель.

Ему не пришлось долго допытываться, чтобъ открыть въ себѣ эту любовь. Не было надобности въ тонкомъ анализѣ, въ «диссекціи», чтобы найти точку отправленія страданій.

Его сердце, трепетавшее молодостью и страстью, говорило ясно, отчетливо, властно. Опредѣливъ безъ особаго труда свои чувства, онъ также легко убѣдился, что они не безотвѣтны.

Онъ не сомнѣвался, не впадалъ въ заблужденіе относительно свойства симпатіи Марсели. Еслибъ у него были колебанія, сцена въ театрѣ должна была ихъ уничтожить.

Молчаніе Марсели въ то время, когда мужъ осыпалъ его похва-

лами, рѣзкій, сухой тонъ короткаго поздравленія, все ясно говорило, что она его любитъ и борется съ собою. Онъ не сердился на нее... напротивъ! Она должна бороться съ любовью, которая заставитъ жестоко страдать Марешаля!

Зачѣмъ его возлюбленная—жена человѣка, которому онъ всѣмъ обязанъ, къ которому сердечно привязался? Какъ онъ завидовалъ «философамъ», людямъ съ легкимъ сердцемъ, которые разбиваютъ всякое препятствіе и овладѣваютъ женщиной, хотя бы такимъ путемъ отымали у другого самое дорогое!

«Любовь,—говорятъ они,—не въ нашей волѣ, она приходитъ и уходитъ по своему желанію, мы должны слѣдовать ея призыву и идти, куда она насъ поведетъ».

Жоржъ прекрасно понималъ неумолимую логику такого разсужденія. Онъ признавалъ, что въ концѣ концовъ эти «философы» были согласны съ природой, съ ея неумолимыми законами, не признающими ни счастія, ни несчастія. Но могъ ли онъ любить Марсель и не страдать? Могъ ли отнять ее у Марешаля, зная, что въ ней его жизнь? О, еслибъ она принадлежала другому человѣку; онъ, вѣроятно, былъ бы менѣе щепетиленъ: любящій и любимый, онъ попралъ бы ногами нелѣпыя условности, навѣки сковывающія судьбу женщины съ судьбою мужа и повелителя!

Но Марешаль!

Марешаль былъ для него болѣе отца! Марешаль былъ его спасителемъ... которому онъ поклялся въ вѣчной признательности!

«Хороша признательность!»—подумалъ онъ.

Бланшъ, видя, что Жоржъ тоскуетъ, относится ко всему безучастно, обезпокоилась его состояніемъ. Она не знала, что предпринять? Оставить ли его одного съ мыслями и огорченіями?

Послѣ продолжительныхъ колебаній, она рѣшилась поговорить съ нимъ.

— Послушай, братишка,—сказала она разъ послѣ обѣда,—ты все тоскуешь?

— Да.

— А между тѣмъ долженъ бы радоваться.

— Ты думаешь?

— Конечно... Пьеса твоя имѣла успѣхъ. Ты получилъ цѣлую кучу самыхъ лестныхъ предложеній отъ редакторовъ всевозможныхъ журналовъ, которые ищутъ твоего сотрудничества.

— Ну, и что-жъ?

— Какъ, что-жъ? Тебѣ этого мало?

— Мало!

Бланшъ дѣлала видъ, что не понимаетъ, старалась найти другую причину его тоски, хотѣла убѣдить себя, что ошибается.

— Не самъ ли ты говорилъ, что когда пьеса будетъ поставлена, ты будешь счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Вспомни.

— Правда.

— И что-жъ теперь?

— Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ... и сколько событій!

— Счастливыхъ, надѣюсь.

— Не совсѣмъ, не совсѣмъ!

— Что это значитъ?

Жоржъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и затѣмъ рѣзко, порывисто сказалъ:

— Эхъ, Бланшъ, къ чему всѣ эти праздные вопросы? Ты догадалась о причинахъ или, вѣрнѣе, о единственной причинѣ моего несчастія!

Она подошла къ нему, взяла его голову обѣими руками.

— Ты любишь Марсель?

Отвѣтомъ были рыданія.

Бланшъ бормотала прерывающимся голосомъ:

— Бѣдный мой, бѣдный!

— Подумай только, какой это ужасъ!—вскричалъ онъ.—Это моя первая любовь, самая страстная, истинная, одно воспоминаніе о которой можетъ наполнить цѣлую жизнь! И кого я люблю этой любовью? Жену человѣка, спасшаго меня отъ нищеты, можетъ быть, отъ смерти; человѣка, у котораго я въ неоплатномъ долгу!

Бланшъ молчала.

— Могъ ли я предвидѣть, что такъ случится? А теперь, когда я люблю ее всѣми силами своей души, какъ заставить сердце перестать биться?

— У тебя одна обязанность,—сказала Бланшъ.

— Какая?

— Бороться!

Онъ смотрѣлъ на нее, не понимая.

— Да, Жоржъ, я твоя сестра, твоя «мама», посвятившая тебѣ всю свою жизнь, живущая твоимъ счастіемъ, настаиваю: побѣди несчастную любовь со всей свойственной тебѣ энергіей! Ты честный человѣкъ, ты не можешь и не долженъ дѣйствовать иначе!

— О, Бланшъ, если бы ты знала, какъ я ее люблю!

— Знаю, и повторяю еще разъ, что честный человѣкъ не имѣетъ права поддаваться такой любви. Онъ обязанъ ее заглушить.

Жоржъ сидѣлъ, поникнувъ головой. Онъ былъ смертельно блѣденъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія, онъ сказалъ:

— Буду бороться!

— Ты твердо рѣшился?

— Да.

— Во что бы то ни стало? И до послѣдней возможности?

— До послѣдней возможности.

— Тогда, уѣдемъ... бросимъ Парижъ!

— Какъ, не видать ея больше?—вскричалъ Жоржъ.

Въ его голосѣ слышалась острая боль.

— Если ты будешь съ ней встрѣчаться, ты не въ состояніи будешь бороться.

— Правда, уѣдемъ!

— Завтра отправимся къ Марешалямъ прощаться.

— Хорошо.

Онъ всталъ. Бланшъ молча смотрѣла на него. Вдругъ Жоржъ бросился въ объятія сестры, и оба зарыдали.

Когда доложили о Жоржѣ и Бланшъ, Марсель была въ рабочемъ кабинетѣ мужа. На нее напалъ ужасъ. Послѣ той страшной ночи, она впервые должна была встрѣтиться съ Жоржемъ въ присутствіи Марешаля. Какъ ей смотрѣть на человѣка, съ которымъ лучше бы никогда не встрѣчаться? Хватитъ ли силъ оставаться спокойной? Достаточно слова, жеста, чтобы Марешаль догадался. Нѣтъ, нѣтъ! Пусть она будетъ несчастна, пусть она страдаетъ, но не Жакъ! Къ чему стараться побѣдить проклятую любовь, если Жакъ будетъ знать объ ужасной борьбѣ, надрывающей ея сердце!

— Ты примешь Бланшъ и Даллена?—спросила она.

— А ты?

— Я, нѣтъ!

Марешаль удивленно взглянулъ на нее.

— Что это значитъ?

— Надѣюсь, ты не подумаешь, что я ихъ не желаю видѣть?— сказала она съ натянутой улыбкой.

Она сдѣлала удареніе на словѣ *не желаю*.

— Въ чемъ же дѣло?

— Очень просто. Мнѣ нездоровится.

— Правда, ты уже нѣсколько дней какая-то нервная. Ты больна?

— Больна? Какое страшное слово!

— Все равно. Ты что-то блѣдна. Я даже думалъ потолковать о тебѣ съ Лормономъ.

— Вотъ фантазія. Ты знаешь, что у женщинъ часто бываютъ недомоганія. Увѣряю тебя, нѣтъ ничего серьезнаго...

— Ты, значитъ, хочешь, чтобы я одинъ принялъ Жоржа и Бланшъ?

— Да. Откровенно говоря, я не расположена теперь говорить съ посторонними.

— Посторонними? Жоржъ и Бланшъ—посторонніе! Они наши лучшіе, истинные друзья, которыхъ я люблю всѣмъ сердцемъ. Надѣюсь, и ты также?

— О, я люблю только тебя!

— Я боготворю тебя, но самая пламенная страсть не исключаетъ другихъ привязанностей.

— Зависитъ отъ человѣка... Для меня во всемъ мірѣ есть одинъ только человѣкъ, котораго я люблю и хочу любить... Что касается остальныхъ...

— Остальные не въ счетъ!—подхватилъ смѣясь Марешаль.

— Почти что!

— Хорошо! Только предупреждаю тебя заранѣе, что слагаю съ себя всякую отвѣтственность, если Жоржъ и Бланшъ обидятся.

— Они не обидятся!

— Не знаю!

— Съ какой стати имъ обижаться? Я, кажется, имѣю право не принимать, когда хочу.

— Имѣешь; но Жоржъ и Бланшъ привыкли встрѣчать здѣсь радушный пріемъ и быть своими.

— Радушный пріемъ не обязываетъ ломать себя и выходить когда нездоровится. М-г Далленъ порядочный человѣкъ, его сестра прелестная особа, я съ этимъ вполнѣ согласна... Но быть всегда къ ихъ услугамъ, не входитъ въ мои планы.

Голосъ Марсели сдѣлался рѣзкимъ, почти скрипучимъ.

— Ты слишкомъ волнуешься—дорогая!—сказалъ Марешаль.— Игра не стоитъ свѣчъ. Ты вся поблѣднѣла.

— Нервы,—сказала Марсель, сожалѣя, что увлеклась и перешла границу.

— Я поговорю съ Лормономъ; онъ дастъ тебѣ что-нибудь успокоительное.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Да, да, я съ нимъ поговорю! Кто изъ насъ глава, я или ты?—прибавилъ онъ смѣясь.

— Ты мой единственный повелитель!—вскричала она, обнимая его за шею. Слѣпо во всемъ подчиняюсь тебѣ.

— Превосходно. Но пора принять друзей: имъ можетъ показаться, что мы заставляемъ ихъ слишкомъ долго ждать, что у насъ не въ обычаѣ.

— Ухожу.

— Поди, отдохни немножко.

— Я бы предпочла прогулку.

— Ты права. Погода роскошная.

Марсель направилась къ двери, но у порога остановилась.

— Ты попросишь за меня извиненія? Не правда ли?

— Конечно.

— Скажи имъ, что я въ отчаяніи... что черезъ нѣсколько дней, когда мнѣ станетъ лучше...

— Когда лѣкарство Лормона успокоитъ тебя...

— Да, да! я буду ждать ихъ къ обѣду.

— Хорошо.

— До свиданья, дорогой повелитель.

— До свиданья, моя капризная раба.

Она поцѣловала мужа, открыла дверь и пошла въ свою комнату.

Марсель сѣла въ глубое кресло и задумалась.

Съ безсонной ночи прошло нѣсколько дней, а «это» казалось ей далекимъ, далекимъ,—такъ мучительно долго ползли часы. Она была въ постоянномъ возбужденіи. Имя Жоржа съ упорной настойчивостью просилось на языкъ, образъ его неотвязно стоялъ передъ нею, что бы она ни дѣлала, говорила ли, читала. Даже во снѣ она видѣла только его: то онъ навѣки покидалъ ее, и она въ смертельномъ страхѣ просыпалась, покрытая холоднымъ по́томъ; то она навѣкъ была соединена съ нимъ и безграничная радость, неземное счастіе наполняло ея душу.

Она боролась. Борьба была ужасна: нельзя было ослабѣвать ни на минуту. Она удваивала нѣжность къ Марешалю; повсюду сопровождала его, выдумывала разговоръ, чтобы слышать его голосъ, который прежде казался ей особенно звучнымъ. Увы! прежняго обаянія какъ ни бывало: оно умерло. Другой голосъ, пламенный, ласкающій, звучалъ у нея въ ушахъ, гипнотизировалъ ее, заставляя себя слушать.

Когда Марешаль работалъ, она садилась противъ него и не спускала глазъ съ его лица, желая овладѣть его образомъ. Но чѣмъ больше она на него смотрѣла, тѣмъ больше находила старымъ,

морщинистымъ, увядшимъ. Мало-по-малу образъ мужа исчезалъ и на его мѣсто появлялся другой: молодой, смѣющійся, привлекательный, который кричалъ: «Иди ко мнѣ, иди! Я молодость, я жизнь!» Теперь она думала о томъ, что происходитъ въ кабинетѣ Марешаля. Тамъ Жоржъ, а она его не видитъ, даже не слышитъ. Зачѣмъ было уходить? Отчего не остаться?

Она встала и подошла къ двери.

Очевидно Жоржъ спорилъ съ Марешалемъ, который говорилъ очень громко.

До нея долетѣла фраза, нѣсколько разъ повторенная мужемъ:

— Вы не правы, другъ мой, не правы!... Позже...

Стоять въ двухъ шагахъ отъ любимаго человѣка и не смѣть войти—какая мука! Почему не войти? Развѣ это преступленье? Взглянуть разъ, одинъ единственный разъ! Чѣмъ это помѣшаетъ борьбѣ? Это будетъ ея послѣдней отрадой, послѣднимъ прости, какимъ прощаются съ умирающимъ.

Она взялась за ручку двери, но блѣдная, дрожащая отступила. Нѣтъ, нѣтъ, она не войдетъ! Хороша же предпринятая борьба, которую на нее налагаетъ долгъ, если при первомъ соблазнѣ, она ослабѣваетъ. Нѣтъ, Жоржъ для нея не существуетъ, не долженъ существовать. Онъ умеръ, умеръ навсегда! Она не должна желать его видѣть; а если такое желаніе появится, его надо уничтожать, давить...

Она вернулась къ себѣ и позвонила. Пришелъ лакей.

— Карета заложена?

— Да, сударыня.

Она надѣла шляпу, перчатки и вышла.

— Въ лѣсъ.

Погода стояла чудная; чистый воздухъ нѣсколько успокоилъ возбужденные нервы. Она почувствовала себя лучше; но вскорѣ мысль ея вернулась къ Жоржу. Жакъ сказалъ ему, что онъ не правъ. О чемъ шла рѣчь? Если бы она была тамъ, то все бы знала. И снова ее охватило непобѣдимое желаніе вернуться домой. Онъ, вѣроятно, еще тамъ... не прошло и полчаса, какъ она уѣхала. Почему именно сегодня избѣгать его? Все равно завтра, надняхъ онъ придетъ. Нельзя же всегда находить благовидные предлоги. Жакъ, видя ея неожиданную непріязнь, догадается. Наконецъ, если она не будетъ видѣться съ нимъ дома, они могутъ встрѣтиться въ другомъ мѣстѣ. Достаточно поѣхать въ театръ, въ концертъ, выйти на улицу, чтобы столкнуться носъ съ носомъ. Развѣ можно не протянуть тогда руки, не заговорить? Всѣ, видѣвшіе, какъ они съ

Марешалемъ интересовались Жоржомъ, найдутъ ея поведеніе страннымъ, необъяснимымъ. Удивленіе перейдетъ въ пересуды, предположенія въ увѣренность. Найдется, можетъ быть, гнусная личность, которая сообщитъ всѣ сплетни анонимнымъ письмомъ мужу.

Она содрогнулась.

Конечно, Жакъ не повѣритъ такой глупости. Однако... какъ ни любишь жену, какъ ни боготворишь, а подозрѣнія, ревность—плохіе совѣтчики. О, нѣтъ, нѣтъ, все, что угодно, только не это!

Она будетъ бороться до послѣдней возможности, лишь бы Жакъ ничего не зналъ, лишь бы ей быть увѣренной, что счастіе, которымъ онъ до сихъ поръ пользовался, не омрачилось ни одной мучительной мыслію. Надо было бѣжать опасности, избѣгать препятствій, которыя будутъ вырастать на каждомъ шагу. А для этого было одно средство—уѣхать.

Да, уѣхать съ Жакомъ, далеко, далеко, гдѣ никто не заговоритъ о Жоржѣ, гдѣ ничто не будетъ напоминать о его существованіи. Она будетъ одна, всегда съ глазу на глазъ съ мужемъ. Передъ ней будетъ одинъ человѣкъ, въ ушахъ будетъ звучать одинъ голосъ... И это будетъ ея Жакъ и его голосъ! Позже, когда она увѣрится въ себѣ, когда ничто не въ состояніи будетъ смутить покоя ея души, она возвратится въ Парижъ, увидится съ Жоржемъ, который станетъ для нея однимъ изъ тѣхъ безразличныхъ знакомыхъ, которымъ пожимаютъ руку, съ кѣмъ обмѣниваются банальной фразой и разойдясь забываютъ.

Но чѣмъ объяснить желаніе путешествовать? Дѣло особенно трудное, такъ какъ Жакъ зналъ ея нелюбовь къ путешествіямъ. Кромѣ того, былъ разгаръ зимы: театры во всемъ ходу, Марешалю предстояло на дняхъ читать артистамъ Comédie-Française свою новую пьесу, давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемую.

Какъ быть, какъ быть?

Она въ отчаяніи хваталась за путешествіе, которое представлялось ей сильнымъ средствомъ, могущественнымъ оружіемъ, и между тѣмъ оно оказалось неосуществимымъ!

Она вспомнила о Лормонѣ. Можно придумать нервныя боли, которымъ онъ повѣритъ, тѣмъ болѣе, что Марешаль о нихъ уже заговаривалъ. Докторъ, можетъ быть, посовѣтуетъ оставить Парижъ... Тогда все прекрасно устроится. А если Лормонъ, наоборотъ, предпишетъ оставаться въ Парижѣ? Онъ очень оригинальный человѣкъ и не походитъ на молодыхъ врачей, которые не задумываясь предписываютъ хорошенькой женщинѣ морскія купанья, хотя бы она прекрасно могла обойтись безъ нихъ, и нуждается въ поѣзд-

кѣ только для того, чтобы на свободѣ видаться съ своимъ любовникомъ, между тѣмъ какъ супругъ утѣшается въ объятіяхъ другого милаго созданія...

Она шла дальше.

А если Лормонъ догадается объ истинной причинѣ ея вымышленной нервности? Врачи—тонкіе наблюдатели и часто видятъ то, что отъ нихъ желаютъ скрыть. Какъ человѣкъ, совершившій преступленіе, о которомъ никто еще не знаетъ, слышитъ крикъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ, держи его!»—такъ и Марсель смертельно боялась, чтобы неосторожнымъ словомъ не выдать себя. Нѣтъ, она не пойдетъ къ Лормону, подождетъ, чтобы Марешаль заговорилъ первый. Если Лормонъ не предпишетъ желаемаго лѣченія, она промолчитъ, обдумаетъ, поищетъ другого средства и навѣрно найдетъ его...

Марсель взглянула на часы; пять часовъ. Жоржъ и Бланшъ, вѣроятно, уѣхали.

— Домой,—сказала она кучеру.

— Хорошо погуляла?—спросилъ Марешаль.

— Превосходно.

— Ты вся розовенькая... Надо чаще выѣзжать.

— Обѣщаю кататься каждый день.

— Отлично... Кстати, знаешь, зачѣмъ пріѣзжалъ Жоржъ?

— Зачѣмъ?

— Проститься.

— Проститься?

— Да, они ѣдутъ съ Бланшъ въ Италію.

Марсель чувствовала, что блѣднѣетъ.

— Пойду сниму шляпу,—сказала она.

Она прошла въ свою комнату, побыла тамъ настолько, чтобы овладѣть собою, и возвратилась въ кабинетъ.

— Ожидала ты этого отъѣзда?—спросилъ Марешаль.

— Нѣтъ.

— Не знаю, чѣмъ его объяснить. Я считаю во всякомъ случаѣ неблагоразумнымъ отъѣздъ Даллена нѣсколько дней спустя послѣ перваго представленія. Какъ ты думаешь?

— Согласна съ тобой.

— Его имя у всѣхъ на языкѣ. Удобное время, чтобы выкарабкаться. Парижане легче, чѣмъ кто-либо, забываютъ свои симпатіи. Теперь, когда о немъ такъ много говорятъ, ничего не стóитъ провести еще пьесу. Вчера еще Мерль изъ *Драматическаго теат-*

ра просилъ представить его Даллену. А онъ бѣжитъ! Ты не находишь этого неблагоразумнымъ?

— Нахожу.

— И вотъ, какъ я его ни убѣждалъ, что онъ неправъ,—не сдается. А причина путешествія? Ни за что не угадаешь!

— Скажи.

— Желаніе видѣть Италію... онъ, видишь ли, всю жизнь мечталъ о ней.

Марсель съ равнодушнымъ видомъ перебирала кружева на корсажѣ.

— Но я этой причинѣ не вѣрю,—сказалъ Марешаль... Какъ знать? Можетъ быть, тутъ замѣшана женщина. Всюду ищите женщину...

У нея хватило силъ улыбнуться.

— Однако мнѣ кажется страннымъ,—продолжалъ Марешаль,—если онъ ѣдетъ за женщиной въ волшебную Италію, зачѣмъ брать съ собой Бланшъ? Она только стѣснитъ его. Онъ уѣзжаетъ! Мы съ этимъ ничего не можемъ сдѣлать! Все-таки мнѣ отъѣздъ его очень непріятенъ.

— Это почему?

— Потому что я увѣренъ, что онъ ему повредитъ. Если путешествіе, какъ онъ говоритъ, продлится полгода, его совсѣмъ позабудутъ: надо ковать желѣзо, пока горячо.

— Тѣмъ хуже для него. Ты слишкомъ добръ и слишкомъ о немъ заботишься.

И она быстро прибавила, боясь, чтобы мужъ не обратилъ вниманія на ея чрезмѣрное равнодушіе:

— Ты вложилъ его ногу въ стремя, твое дѣло сдѣлано.

— Дѣло въ томъ, что я сердечно люблю молодого человѣка! Я обѣщалъ пріѣхать съ тобою провожать ихъ на станцію. Поѣдешь?

Она отвѣтила послѣ нѣкотораго колебанія:

— Конечно.

На слѣдующій день, собираясь ѣхать, Марсель замѣтила свою необычайную блѣдность и пришла въ отчаяніе. Что если Жакъ замѣтитъ блѣдность, которая въ моментъ отъѣзда Жоржа можетъ еще усилиться? О, этотъ ужасный моментъ. Она не могла подумать о немъ безъ содроганія.

Не ѣхать провожать Жоржа? Какъ объяснить отказъ? Нервами. Пожалуй Жакъ замѣтитъ, что она ими злоупотребляетъ... Она не смѣла себѣ сознаться, что ей хотѣлось видѣть Жоржа, пожать ему руку, выразить взглядомъ свою благодарность за помощь въ борьбѣ.

Причина путешествія казалась ей гораздо менѣе загадочной, чѣмъ Марешалю; она поняла, что Жоржъ покидаетъ Парижъ, потому что любитъ ее и, какъ она, борется съ любовью.

Какъ уничтожить проклятую блѣдность? Нарумяниться? У нея нѣтъ румянъ.

Вдругъ ей пришла въ голову мысль...

— Напудрюсь.

Морешаль вошелъ и взглянулъ на жену.

— Ты слишкомъ напудрилась.

Она взглянула въ зеркало и улыбнулась.

— Да нѣтъ же!

Затѣмъ, лукаво прибавила:

— Развѣ я тебѣ такъ не нравлюсь?

— Ты мнѣ всегда нравишься,— отвѣтилъ Марешаль, цѣлуя ее.—Готова? Пора ѣхать.

— Ѣдемъ.

На станціи они увидали Бланшъ, обложенную свертками.

— Гдѣ Жоржъ?—спросилъ Марешаль.

— Сдаетъ багажъ.

— Значитъ, рѣшительно ѣдете?

Бланшъ улыбнулась.

— По всѣмъ вѣроятіямъ. И если бы вы знали, какъ Жоржъ радъ! Увидите, какъ онъ возбужденъ!... Всю ночь не могъ заснуть.

Эту фразу Бланшъ заранѣе придумала, боясь, чтобы Марешаля не поразилъ возбужденный видъ брата. Пришелъ Жоржъ. Онъ былъ блѣденъ, измученъ; руки дрожали.

— Правда, у него плохой видъ,—замѣтилъ Марешаль.—Итакъ, другъ мой, — сказалъ онъ, обращаясь къ Жоржу, — Италія васъ такъ занимаетъ, что не даетъ даже спать.

— Подумайте, учитель, мечта юности! Вѣдь это чего-нибудь стоитъ!

— Должно быть, судя по васъ,—засмѣялся Марешаль.

Жоржъ пожалъ Марсели руку, не глядя на нее.

— Я говорилъ вчера женѣ,—продолжалъ Марешаль,—что ваше путешествіе меня такъ поразило, что не нахожу ему другого объясненія...

— Какъ что?—спросила Бланшъ.

— Кромѣ того, что мой дорогой ученикъ, молодой, но уже знаменитый драматургъ,—я говорю о m-r Жоржѣ Далленѣ,—влюбился въ прелестную молодую особу, за которой и устремляется.

Съ минуту длилось тяжкое молчаніе. Марсель, къ которой мужъ стоялъ спиной, почувствовала, какъ ея сердце мучительно сжалось и глаза наполнились слезами. Она поспѣшно опустила вуалетку.

Жоржъ натянуто улыбнулся и сказалъ:

— Заблуждаетесь, учитель. Я никогда не любилъ и теперь никого не люблю.

Бланшъ поторопилась прибавить:

— Если бы Жоржъ слѣдовалъ за женщиной, онъ оставилъ бы меня въ Парижѣ.

— Вотъ это и уничтожило мою гипотезу,—вскричалъ Марешаль.—Еще успѣете, другъ мой,—сказалъ онъ, обращаясь къ Жоржу,—вся жизнь передъ вами.

Жоржъ взглянулъ на часы.

— Пора,—сказалъ онъ.

Всѣ перешли на платформу.

— Сколько времени думаете пробыть въ Италіи?—спросилъ Марешаль Жоржа.

— Около шести мѣсяцевъ.

— Повторяю вамъ, дорогой Жоржъ, то, что говорилъ вчера: ваше путешествіе можетъ повредить вамъ... Во всякомъ случаѣ сократите его по возможности: мы безъ васъ будемъ скучать.

— Довольно одной этой причины, чтобы мы скорѣе возвратились.

— На Ліонъ, садиться!—кричалъ кондукторъ.

Жоржъ поцѣловался съ Марешалемъ и подошелъ къ Марсели.

— Можете поцѣловать ее, — сказалъ Марешаль смѣясь,—я позволяю.

— Благодарю, учитель,—отвѣтилъ Жоржъ,—слишкомъ много чести для меня. Онъ снялъ шляпу, взялъ руку Марсели и такъ поцѣловалъ, что она задрожала.

Раздался свистокъ, и поѣздъ медленно, плавно двинулся въ путь. Жоржъ блѣдный, безъ шляпы, стоялъ у окна рядомъ съ Бланшъ.

— Счастливаго путешествія, друзья мои, возвращайтесь скорѣе!—кричалъ Марешаль.

Марсель молчала. Вся выпрямившись, неподвижно стояла она и глядѣла вслѣдъ поѣзду, уносившему любимаго человѣка, котораго она во что бы то ни стало хотѣла забыть.

— Мы поѣдемъ черезъ улицу Пеллетье, — сказалъ Марешаль,—я слѣзу у редакціи *Tout Paris*. Надо поговорить съ редакторомъ. Къ обѣду буду дома.

— Хорошо.

Оставшись одна, Марсель облегченно вздохнула.

Наконецъ все кончено. Жоржа нѣтъ болѣе. Безъ него борьба будетъ легче. Она повторяла, что довольна, въ восторгѣ отъ его отъѣзда, но ея губы дрожали и глаза затуманивались слезами.

Пріѣхавъ домой, она пробѣжала къ себѣ въ комнату, бросилась на постель, уткнулась въ подушку и зарыдала.

VI.

Жоржъ уѣхалъ, врага не стало, тѣмъ не менѣе борьба была все такъ же трудна и мучительна. Конечно, Марсели не въ чемъ было упрекать себя. Она напрягла всю энергію, всю силу воли, чтобы не ослабѣть въ борьбѣ: всю нѣжность, любовь, ласку, на какія способно женское сердце, отдала она Марешалю. Но увы, она прекрасно понимала, что никакая борьба не вернетъ ей прежней любви къ мужу; она знала, что прошло то ослѣпленіе, которое мѣшало ей видѣть сѣдые волосы, морщины, бороздящія лобъ. Единственно чего она хотѣла всѣми силами души, къ чему стремилась, это задушить любовь къ Жоржу. Когда любовь эта умретъ, можно будетъ начать новую жизнь съ Марешалемъ, жить прошедшимъ, хотя бы безъ той привязанности, какая была въ день свадьбы.

Убить эту любовь, которая принесла столько несчастья! Раздавить, какъ ядовитую гадину, злосчастную страсть, ворвавшуюся въ сердце!

Но силы истощались, увѣренность ослабѣвала, и минуты полнаго отчаянія все чаще и чаще повторялись. Что если не удастся одолѣть? Что если, несмотря на всѣ усилія, любовь къ Жоржу будетъ возрастать?!

Она вся содрогалась, мурашки пробѣгали по тѣлу. Какъ ни гнала эту мысль, та назойливо возвращалась и становилась все настойчивѣе.

Что если не удастся?!

Она возмущалась. Ну, что-жъ, не побѣдитъ, тогда погибнетъ... Что-жъ еще дѣлать? Она испытала все, что въ ея силахъ?— Если побѣда не увѣнчаетъ ея желаній, значитъ, она боролась съ роковою силой.

Она переставала бороться. На нее нападала слабость. Она задавала себѣ вопросъ, какой толкъ въ борьбѣ? Не глупо ли бѣжать любви, чудной, волшебной страсти, которая одна только можетъ дать человѣку безконечное блаженство?

Не лучше ли написать Жоржу, что она его любитъ, попросить скорѣе вернуться? Броситься ему въ объятія, глядѣть въ глаза, прильнуть къ его губамъ.

Да, она ему напишетъ!

А Жакъ?

Она приходила въ себя. Лишить человѣка, который жилъ только ею, единственнаго сокровища, толкнуть его въ пропасть! И кто же совершитъ это неслыханное преступленіе? Она, Марсель, которой онъ далъ все, что одинъ человѣкъ можетъ дать другому: любовь, славу, богатство!

Она вспомнила ужасную сцену въ день подписанія контракта. Она видѣла передъ собою Марешаля съ чертами, искаженными страданіемъ, съ потеряннымъ взглядомъ; она слышала его голосъ, прерываемый подавленными рыданіями, его стонъ: «Клянись, что ты ни часу не останешься моей женой, съ той минуты, какъ твое сердце перестанетъ биться для меня». Зачѣмъ заставилъ онъ ее клясться? Тогда она любила его всей душой. Значитъ, онъ предвидѣлъ, что настанетъ день, когда она его разлюбитъ? Да, предвидѣлъ; онъ самъ ей въ этомъ сознавался.

И она поклялась!

Пока она борется, пока гонитъ отъ себя образъ Жоржа, пока упрямо поклоняется старому кумиру, подобно тому, какъ холодными устами цѣлуютъ увядшую розу, до тѣхъ поръ можно молчать. А потомъ? Когда борьба будетъ не подъ силу?

Тогда нельзя будетъ молчать; она должна будетъ сказать: нельзя преступать клятвы. Ужасно, чудовищно! Придти, сказать человѣку, который ничего не подозрѣваетъ: «Ты счастливъ, спокоенъ?—напрасно! Ты думаешь, что жена тебя попрежнему любитъ?—заблужденіе!... Послушай внимательно. Жена твоя любитъ другого,—человѣка, котораго ты вырвалъ изъ мрака, можетъ быть, спасъ отъ смерти, которому составилъ имя, славу! Для него бьется ея сердце, къ нему стремятся всѣ ея помышленія! Ты только другъ, которому дарятъ искреннюю, глубокую, но дочернюю привязанность: любовь съ этимъ чувствомъ не имѣетъ ничего общаго. Разочаруйся, наивный человѣкъ! Посмотри въ глаза несчастію, полюбуйся на его злобную физіономію!»

Она должна будетъ открыть истину! Она сорветъ съ глазъ мужа пелену, скрывающую отъ него правду...

Нѣтъ, нѣтъ, у нея не хватитъ на это силъ... Никогда не рѣшится она сказать ему четыре ужасныхъ слова: «я не люблю тебя».

Эта слабость, страхъ причинить Жаку горе придавали ей энер-

гію. Какъ человѣкъ, сознающій, что утрачиваетъ благодаря разуму вѣру, хватается за молитвы и пѣснопѣнія, выученныя въ дѣтствѣ, повторяетъ и перечитываетъ ихъ, стараясь испытать то чувство, которое они въ немъ возбуждали, такъ и Марсель заставляла себя вспоминать счастливые дни жизни съ Марешалемъ. Она вспоминала странствованія по магазинамъ, поѣздки въ театръ, долгія бесѣды у камина въ квартиркѣ отца... Она подолгу останавливалась на мельчайшей подробности, на ничтожномъ событіи, которому придавала тогда важное значеніе. Увы, теперь все это не имѣло для нея никакой цѣны!

Мысль ея вырывалась изъ путъ и самовольно неслась черезъ границу за Жоржемъ въ Италію... Любитъ ли онъ ее? Борется ли съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ она? И,—странное обстоятельство, могущее показаться невѣроятнымъ тому, кто не пробовалъ тщательно углубиться въ сложную, не поддающуюся анализу тайну женскаго сердца,—желая всѣми силами души забыть Жоржа, она была бы смертельно обижена, еслибъ убѣдилась, что онъ превозмогъ свою любовь. Ее подкрѣпляла увѣренность, что Жоржъ такъ же безуспѣшно борется. Онъ исполняетъ свой долгъ такъ же, какъ она. Исполненіе долга необходимо, неизбѣжно!

Безпокойство и треволненія, не покидавшія ее ни на минуту, отразились на цвѣтущемъ здоровьи Марсели: она худѣла и блѣднѣла съ часу на часъ. Прелестный, матовый цвѣтъ лица пріобрѣлъ желтоватый, почти землистый оттѣнокъ; вокругъ глазъ образовались темные круги; она стала плохо и мало спать; характеръ изъ ровнаго и мягкаго сдѣлался измѣнчивымъ и капризнымъ. Она то неумолкаемо говорила цѣлыми часами, точно хотѣла развлечься, то молча сидѣла цѣлые дни, уставивъ взоръ въ пространство. То осыпала мужа поцѣлуями и висла у него на шеѣ, то забывала поцѣловать въ теченіе цѣлаго дня. Иной разъ внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы на ея лицѣ почти отвращеніе, когда мужъ цѣловалъ ее.

Однажды вечеромъ Марешаль съ Лормономъ, который только что возвратился въ Парижъ, сидѣли въ гостиной, ожидая Марсель, которая пошла одѣваться для театра. Но она вернулась въ прежнемъ платьѣ.

— Ты еще не одѣлась?—спросилъ Марешаль.—Поторопись, уже восьмой часъ.

— Я не поѣду, — отвѣтила Марсель.

— Какъ, сама придумала ѣхать и теперь отказываешься?

— Раздумала. Прошу прощенія; но я не въ настроеніи.

— Тогда я тоже не поѣду. Надѣюсь, и Лормонъ останется съ нами.

Докторъ молча смотрѣлъ на Марсель.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она. — Я не хочу, чтобы ты оставался скучать со мной. У меня нервы не въ порядкѣ... я лучше лягу въ постель.

— Такъ будетъ, правда, лучше, — сказалъ Лормонъ. — Твоя жена права: если мы останемся, то только помѣшаемъ ей. Ѣдемъ въ театръ. Марсель ляжетъ, выспится и завтра будетъ совсѣмъ здорова.

— А если ей что-нибудь понадобится? Если станетъ хуже? — спросилъ Марешаль.

— Да нѣтъ же, мнѣ не будетъ хуже, — вскричала она, — я знаю свои нервы! Хорошій сонъ ихъ успокоитъ... Поѣзжай, другъ мой, будь спокоенъ и наслаждайся спектаклемъ. Возвратясь, застанешь жену сладко спящей.

— Ты бы ей что-нибудь прописалъ, — сказалъ Марешаль Лормону.

— Нѣтъ надобности. Нервы не любятъ лѣкарствъ. Марсель сама лучше знаетъ, что ей надобно: хорошенько выспаться.

— Лормонъ со мной согласенъ, — обрадовалась она. — Врачъ и паціентка согласны, что же еще толковать.

Въ каретѣ Марешаль сказалъ Лормону:

— Марсель меня безпокоитъ.

— Чѣмъ собственно?

— Съ нѣкоторыхъ поръ у нея измѣнился характеръ. Она стала странной: на каждомъ шагу капризы... Ты видѣлъ образчикъ сегодня вечеромъ.

— Нервничаетъ и ничего больше.

— Нервничаетъ! Это очень неопредѣленно.

— Можетъ быть для тебя, но не для докторовъ.

— Нервничаетъ! Всѣ женщины нервничаютъ.

— Конечно, — спокойно отвѣтилъ Лормонъ. — Большинство изъ нихъ притворяется нервными, потому что принято имѣть утонченные нервы.

— Прекрасно; но это не мѣшаетъ имъ быть здоровыми.

— Вотъ доказательство, что нервность вовсе не страшная болѣзнь.

— Согласенъ. Но у Марсели что-то серьёзное: она похудѣла и поблѣднѣла до неузнаваемости. Ты самъ видѣлъ.

— Правда, она нѣсколько блѣдновата.

— Блѣдновата, блѣдновата... Смѣшной народъ эти медики! Вы такъ привыкли имѣть дѣло со страшными болѣзнями, что для привлеченія вашего благосклоннаго вниманія надо быть на волосокъ отъ смерти. Блѣдновата! Нѣтъ, моя бѣдняжка Марсель страшно блѣдна и исхудала!

— Преувеличенія, другъ мой!

— Тамъ преувеличенія или нѣтъ, не въ томъ дѣло. Ты долженъ меня успокоить. Если на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего серьезнаго...

— Въ чемъ я убѣжденъ.

— Мнѣ этого мало. Я хочу, чтобы ты ее серьезно изслѣдовалъ; и если найдешь, что надо принять какія-либо мѣры, мы ихъ немедленно примемъ.

— Прекрасно.

— Ты мнѣ обѣщаешь?

— Обѣщаю.

Лормонъ не замедлилъ сдержать слово.

На слѣдующій день онъ ловко выспросилъ Марсель объ ея состояніи, стараясь открыть какое-либо патологическое явленіе, но не нашелъ ничего угрожающаго въ физическомъ состояніи молодой женщины, что бы объясняло перемѣну настроенія духа и быстрое исхуданіе, которое такъ безпокоило Марешаля. Лормонъ не удовлетворился своимъ изслѣдованіемъ. Онъ сталъ искать другихъ, внѣшнихъ причинъ. Какъ ученый и опытный врачъ, онъ убѣдился, что болѣзнь не въ тѣлѣ, а въ духѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марешаль женился, скептицизмъ Лормона относительно этого брака значительно ослабъ. Онъ часто говорилъ себѣ: «Да, я ошибся! Нѣтъ правила безъ исключенія, и Марешаль, очевидно, представляетъ изъ себя исключеніе». Постоянно повторяя одно и то же, онъ кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ этому выводу.

Болѣзнь Марсели подняла прежнія сомнѣнія. И въ первый разъ за пять лѣтъ онъ подумалъ:

«А что если тутъ нѣтъ исключенія?»

Онъ не разъ встрѣчалъ у друзей своихъ Жоржа и очень имъ заинтересовался. Но усиленныя занятія, серьезныя научныя изслѣдованія, огромная практика мѣшали Лормону часто посѣщать друзей.

Теперь, когда всѣ его помыслы были направлены на опредѣленіе причины недомоганія Марсели, онъ припомнилъ тысячи мело-

чей: взглядовъ, улыбокъ, жестовъ, на которые раньше почти не обращалъ вниманія, и которые теперь, при сопоставленіи и необходимомъ освѣщеніи, казались очень убѣдительными.

Да, Марсель любила Жоржа; Лормонъ въ этомъ не сомнѣвался. Хотя этотъ выводъ причинилъ ему острую боль, хотя онъ содрогнулся передъ ужасной перспективой, открывавшейся для его друга, но въ то же время, въ качествѣ яраго естествоиспытателя, почувствовалъ нѣчто вродѣ глубокаго удовлетворенія и горячаго восторга передъ неуклонными законами природы.

Вотъ она, великая природа, заключающая браки съ помощью истинной, могучей, неотразимой любви; ея связь прочнѣе всѣхъ жалкихъ и часто нелѣпыхъ человѣческихъ узъ! Только люди, слѣдующіе ея законамъ, слушающіе ея голоса, ея призыва, находятся на вѣрномъ пути!

Онъ вспомнилъ, какъ Марсель всегда поддерживала Жоржа, какъ заставляла мужа хлопотать о немъ.

«Конечно, она дѣйствовала безсознательно, не отдавая себѣ отчета въ причинахъ своей симпатіи. Какъ цвѣтокъ открывается при тепломъ дуновеніи весны, какъ птица, руководимая инстинктомъ, поетъ, чтобы привлечь подругу, такъ и ея сердце пробудилось при приближеніи молодого, сильнаго существа и отозвалось на страстный призывъ. Несчастная, она борется съ такой любовью! Она думаетъ пересилить природу! Она осмѣлилась надѣяться на побѣду!»

Лормона охватила безграничная жалость, удивленіе передъ силою воли и отношеніемъ къ долгу молодой женщины; но онъ ни на минуту не сомнѣвался въ исходѣ борьбы.

Что ему дѣлать?

Онъ не считалъ себя вправѣ, сознавая все величіе этой борьбы, помѣшать ей. Онъ рѣшилъ молчать и обманомъ успокоить Марешаля.

Когда послѣдній спросилъ его мнѣнія о болѣзни, Лормонъ отвѣтилъ:

— У нея разстроены нервы... Это часто случается; но здоровью не грозитъ серьезной опасности.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Благодарю; я страшно волновался.

— А теперь успокоишься?

— Да. Только... ты ничего не посовѣтуешь?

— Прогулки, души и, по возможности, побольше развлеченій.

Жоржъ и Бланшъ путешествовали.

Въ первые дни у Бланшъ явилась надежда, что Жоржъ забудетъ Марсель и такимъ образомъ геройскій подвигъ увѣнчается успѣхомъ.

Жоржъ сначала интересовался, повидимому, городами, куда пріѣзжали, дѣлалъ интересныя наблюденія надъ нравами жителей новыхъ странъ. Онъ говорилъ только объ этомъ и сообщилъ сестрѣ даже планъ трагедіи, гдѣ хотѣлъ воскресить древній римскій міръ, съ его ослѣпительнымъ блескомъ, величіемъ и нищетой.

Но увлеченіе длилось недолго. Не успѣли они пріѣхать въ Римъ, осмотрѣть нѣсколько древнихъ памятниковъ, какъ Жоржъ заторопился дальше. Куда? Дальше, дальше... И та же поспѣшность повторялась при каждой остановкѣ. Бланшъ всѣми силами старалась развлечь его, обращала вниманіе на красоту пейзажа, на любопытную руину; онъ отдѣлывался короткими отвѣтами, изъ которыхъ видно было, что мысль его далеко. Прогулки утомляли и раздражали его. Что ему до величественныхъ соборовъ, вырѣзывающихся на безоблачномъ небѣ куполовъ, сіяющихъ золотомъ? Онъ отдалъ бы десятки лѣтъ за нѣсколько незабвенныхъ часовъ, проведенныхъ въ кабинетѣ Марешаля, возлѣ Марсели. Какъ онъ страдалъ!

Въ этой борьбѣ, предпринятой обоими по молчаливому соглашенію, опорой для Марсели могла служить ея прежняя любовь къ Марешалю; она могла погрузиться въ воспоминанія былого, реальнаго счастья, а что было у него? Онъ любилъ въ первый разъ.

Между ними стоялъ Марешаль. Человѣкъ, которому онъ всѣмъ былъ обязанъ! Но что же дѣлать? Если бы вопросъ былъ только въ актѣ воли, онъ бы выполнилъ его цѣною жизни. Но какъ совладать съ сердцемъ? Какъ запретить головѣ думать только о Марсели? Прошло четыре мѣсяца, четыре долгихъ, тяжелыхъ мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ руку Марсели; четыре мѣсяца онъ не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій—и что же? Замерла его любовь? Стала менѣе страстной?—Нѣтъ. Тогда къ чему же мучиться вдали отъ нея? Почему не вернуться въ Парижъ, гдѣ можно, по крайней мѣрѣ, смотрѣть на нее?

Онъ не будетъ говорить съ ней! Сумѣетъ взять себя въ руки и заставить молчать. Одинъ взглядъ, пожатіе руки и то уже можетъ утѣшить, удовлетворить!

Послѣ колебаній, разсужденій, съ помощью которыхъ онъ доказывалъ себѣ, что, не преступая долга, можетъ вернуться въ Парижъ, Жоржъ сказалъ наконецъ Бланшъ:

— Завтра, если не имѣешь ничего противъ, мы можемъ покинуть прелестную Италію...

Бланшъ хотѣла возразить, что, вернувшись въ Парижъ, онъ все погубитъ, что въ присутствіи Марсели ему трудно будетъ бороться со своимъ чувствомъ. Но передъ ней стоялъ измученный, блѣдный, изстрадавшійся человѣкъ, и она не рѣшилась возражать.

— Хорошо, — отвѣтила она.

Слезы заблистали у Жоржа на глазахъ. Онъ подошелъ къ сестрѣ, положилъ ей на колѣни голову, какъ дѣлывалъ ребенкомъ, и зарыдалъ. Бланшъ, нагнувшись надъ братомъ, плакала, повторяя: «Бѣдный мой, бѣдный!»

Черезъ два дня они были въ Парижѣ.

Жоржъ, увидя родной городъ, который боготворилъ, почувствовалъ приливъ веселья; онъ готовъ былъ цѣловаться съ прохожими; при видѣ каждой женщины, по нему пробѣгала дрожь. Но вскорѣ онъ замолкъ: Жоржъ обдумывалъ свой визитъ къ Марешалямъ.

Цѣлый мѣсяцъ просидѣлъ онъ дома, боясь встрѣтиться съ Марешалемъ на улицѣ: онъ ни за что не хотѣлъ увидать его прежде Марсели. Почему? Онъ бы затруднился отвѣтить, но хотѣлъ непремѣнно увидаться прежде съ ней. Визитъ къ Марешалямъ былъ неизбѣженъ; отъ него нельзя было уклониться. Для этого онъ собственно и вернулся изъ Италіи. Но со дня на день откладывалъ свое посѣщеніе. Бланшъ молчала, съ безпокойствомъ ожидала событій. Сердцемъ женщины, которая тоже любила, она поняла, что Жоржъ откроетъ свою любовь, что рано или поздно она хлынетъ черезъ край и восторжествуетъ... Наконецъ, однажды вечеромъ Жоржъ рѣшился выдти.

Онъ направился въ переулочки, образующіе лабиринтъ Монмартра, прошелъ по внѣшней линіи бульваровъ и добрался до Мессинскаго предмѣстья. Здѣсь онъ остановился.

На противоположномъ тротуарѣ возвышался домъ, гдѣ жилъ Марешаль. Во всей квартирѣ было освѣщено одно только окно. Жоржъ старался припомнить расположеніе комнатъ, чтобъ опредѣлить, гдѣ свѣтъ, но напрасно: у него въ головѣ все перепуталось. Онъ неподвижно стоялъ на тротуарѣ и глядѣлъ на слабо мерцающій свѣтъ.

Войти или нѣтъ?

Онъ долго колебался; потомъ, точно гонимый непреодолимою силой, перешелъ на другую сторону.

— А, m-r Далленъ, — сказалъ лакей, — давно не бывали.

— М-г Марешаль дома? — спросилъ Жоржъ.

— Нѣтъ, monsieur на званомъ обѣдѣ и вернется поздно. Madame дома.

Все складывалось прекрасно; онъ могъ увидаться раньше съ Марселью. Но на него напало сомнѣніе. Онъ хотѣлъ уйти и искалъ предлога...

— Я пойду доложить, — сказалъ лакей.

Отступать было поздно.

— Хорошо, — сказалъ онъ.

Марсель была въ своей комнатѣ, когда доложили о Жоржѣ. Она содрогнулась.

— М-г Далленъ одинъ? — спросила она.

— Да, сударыня, м-г Далленъ въ пріемной.

— Хорошо.

Лакей вышелъ; она поправила волосы и пошла.

Жоржъ стоялъ около піанино.

— Здравствуйте, — сказала она, протягивая руку. — Вы уже возвратились?

— Да.

— Вы, кажется, нѣсколько сократили путешествіе?

Жоржъ молчалъ. Онъ глядѣлъ на Марсель. Несмотря на усилія казаться спокойной, она была смущена, взволнована.

— Вы давно въ Парижѣ?

— Около мѣсяца.

— И Бланшъ до сихъ поръ не заглянула ко мнѣ! Это нехорошо съ ея стороны.

— Она занята устройствомъ нашей квартиры.

— Плохое извиненіе. Она знаетъ, какъ я ее люблю. Скажите ей, что я очень, очень сердита.

— Исполню ваше порученіе.

Наступило молчаніе.

Оба чувствовали себя неловко. Банальныя фразы, въ то время какъ въ сердцѣ клокотало страстное чувство, раздражали ихъ. Марсель встала и, повернувшись спиною къ Жоржу, принялась перелистывать книгу. Вдругъ она порывисто обернулась; они обмѣнялись взглядомъ. Крикъ долго подавляемой страсти вырвался одновременно у обоихъ.

— Марсель!

— Жоржъ!

И они упали другъ другу въ объятія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СИНІЙ ЧУЛОКЪ.

(Разсказъ).

Всякъ самъ своего счастья кузнецъ.
(*Русская пословица.*)

I.

Съ Ольгой Николаевной Колчиной познакомился я слѣдующимъ образомъ.

Гостилъ я у одного своего хорошаго знакомаго, страстнаго ружейника, Ѳедора Константиновича Лутохина. Лутохинъ постоянно жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи, деревнѣ Ольшанкѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, въ которомъ жили и умерли его родители и въ которомъ родился онъ. Домикъ этотъ былъ одноэтажный, деревянный, на кирпичномъ полуразвалившемся фундаментѣ, крытый черепицей и, конечно, съ двумя подъѣздами, изъ которыхъ одинъ менѣе грязный, но вонючій, назывался парадными, а другой не вонючій, но постоянно залитый помоями—чернымъ. Теперь дворяне такихъ домиковъ не строятъ и встрѣтить ихъ можно очень рѣдко и то въ какой-нибудь очень старой уцѣлѣвшей еще дворянской усадьбѣ. Домикъ былъ о пяти окнахъ съ потускнѣвшими отъ времени стеклами и радужными на нихъ налетами, имѣлъ, конечно, балкончикъ съ полуразвалившейся рѣшоткой и громко скрипѣвшими половицами, изъ которыхъ нѣкоторыя совершенно уже сгнили; передъ балкономъ большая круглая клумба съ устарѣвшими кустами розановъ, затѣмъ длинная липовая аллея, примыкавшая къ проточному пруду, на половину заросшему камышомъ, а въ концѣ пруда лѣпилась водяная мельница. Мельница эта, недавно построенная Лутохинымъ и покрытая желѣзомъ, окрашеннымъ красною краской, рѣзко отличалась своей новизной отъ остальныхъ построекъ усадьбы. На пруду, конечно, вѣчно шлепала валькомъ

по грязному бѣлью какая-нибудь баба съ подоткнутымъ подоломъ и обнаженными красными икрами; вѣчно кувыркались домашнія утки, достававшія со дна тину, въ камышахъ раздавалось кряканье дикихъ утокъ, а вдоль камыша горделиво вышагивала до колѣнъ въ водѣ цапля, поминутно выхватывая мелкую рыбешку. Кто-нибудь непремѣнно удилъ рыбу... Вокругъ мельницы шумно носилась стая голубей, раздавались разговоры помольщиковъ, сидѣвшихъ вокругъ котелка съ кашицей, а сама мельница, вздрагивая всѣмъ корпусомъ, неустанно громыхала снастями и разбрасывала колесами брызги воды, радугой ниспадавшія въ мельничный водотекъ, такъ и кишѣвшій мелкой рыбешкой.

Насколько домикъ былъ дряхлъ снаружи, настолько онъ былъ дряхлъ и внутри. Когда-то выкрашенные подъ паркетъ полы облупились и протерлись, оконныя стекла испещрены заплатами, штукатурка пообвалилась, обнаживъ дрань. Меблировка тоже старая—какой-то сбродъ домодѣльщины, гласившей о крѣпостномъ правѣ и крѣпостныхъ столярахъ. Въ углу залы сохранилась даже этажерка изъ карельской березы, въ которую когда-то бережно ставились казачками барскія трубки съ черешневыми длинными чубуками и хранился въ табачницахъ, обтянутыхъ внутри оловомъ, знаменитый табакъ Василія Андреевича Жукова. Въ маленькой гостиной вдоль задней стѣны ея, какъ разъ противъ двери балкона, помѣщался, конечно, диванъ, передъ диваномъ овальный столъ краснаго дерева, а надъ диваномъ два масляныхъ портрета въ рамахъ, изображавшихъ отца и мать Лутохина въ какихъ-то старомодныхъ костюмахъ съ жабо и фижмами. Отецъ держалъ въ рукѣ золотую табакерку и горделиво посматривалъ въ балконную дверь, а мать, кокетливо играя вѣеромъ, любовно посматривала на мужа. Въ простѣнкахъ зеркала въ рамахъ краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями, передъ зеркалами подзеркальные столики на кривыхъ ножкахъ, а въ углахъ непремѣнно плевательницы съ ручками, при помощи которыхъ поднимались крышки плевательницъ. На стѣнахъ залы и гостиной висѣли еще масляныя лампы, никогда, конечно, теперь не зажигавшіяся, а на столахъ—подсвѣчники съ мѣстечками для щипцовъ или съемцевъ. Да, все глядѣло старьемъ, но Лутохину жилось ничего, хорошо.

Лутохинъ когда-то служилъ въ гусарахъ, но, дослужившись до штабъ-ротмистра, вышелъ въ отставку, обремененный мелкими долгами, понадѣланными разнымъ ростовщикамъ еврейскаго и православнаго исповѣданія, и переселился въ деревню, въ свою родную Ольшанку. Лутохинъ былъ человѣкъ самый обыкновенный, ничѣмъ

особеннымъ не отличался: ни ростомъ, ни дородствомъ, ни красотой, ни уродствомъ, какъ говорится, ни военными, ни гражданскими доблестями. Глаза имѣлъ сѣрые, посъ средній, лицо чистое, усы носилъ обыкновенные, не завивалъ ихъ кольцами, кверху не бударажилъ, былъ холостъ и расположенія къ женитьбѣ не имѣлъ и къ женскому полу вообще относился какъ-то насмѣшливо, не считая его за людей, стоящихъ вниманія. «Такъ, фантазерки какія,—говорилъ онъ насмѣшливо,— только и мечтающія о нарядахъ, да о шляпахъ, какъ бы какую-нибудь почуднѣе на голову шляпку надѣть».

Лутохинъ считался хорошимъ хозяиномъ, хотя я лично и не считалъ его таковымъ. Хозяйство онъ велъ самымъ патріархальнымъ образомъ, какъ вели таковое его отцы и дѣды, т.-е. строго придерживался трехпольной системы, сѣялъ себѣ рожь, овесъ, пшеницу, но ни за обработкой полей, ни за уборкой урожая лично самъ не наблюдалъ, вполнѣ положившись на добросовѣстныхъ приказчиковъ, которые, вѣроятно, обкрадывали его такъ же, какъ обкрадывали приказчики его отцовъ и дѣдовъ. По обширному барскому двору, заросшему муравой, важно вышагивали гуси, индѣйки, копошились въ навозныхъ кучахъ куры, въ настежь растворенныя двери конюшни виднѣлись лошади, мотавшія хвостами, изъ каретника выглядывалъ тарантасъ съ поднятыми оглоблями, между конюшней и амбарчикомъ цѣпная собака, отъ старости не лаявшая, а только хрипѣвшая, да громыхавшая цѣпью; посреди двора колодезь съ колесомъ и мотавшейся бадьей, и непремѣнныя скворешни, торчавшія на соломенныхъ крышахъ надворныхъ построекъ. Словомъ, Лутохинъ ничѣмъ особеннымъ не отличался, кромѣ развѣ бережливости и аккуратности, благодаря которымъ расплатился не только со всѣми своими долгами, но даже ухитрился скопить себѣ небольшой капиталецъ, хранившійся въ какомъ-то банкѣ.

Зато охотникъ Лутохинъ былъ замѣчательный, стрѣлялъ почти безъ промаха и имѣлъ цѣлый арсеналъ превосходныхъ ружей и нѣсколько разныхъ породъ ружейныхъ собакъ. И вотъ это-то именно обстоятельство и сблизило меня съ нимъ, такъ какъ и я, грѣшнымъ дѣломъ, принадлежу къ записнымъ ружейникамъ. Мѣста у Лутохина по окрестностямъ его имѣнія были роскошныя, изобиловавшія всевозможной дичью.

Какъ-то разъ весною отправился я къ нему охотиться и пробылъ у него довольно долгое время. Мы охотились по вальдшнепамъ, по бекасамъ, дупелямъ, гаршнепамъ, а затѣмъ не брезгали

и утками. И вотъ однажды, прошатавшись довольно долго по болотамъ и застигнутые страшною грозой и ливнемъ, мы были промочены до костей, я простудился и схватилъ что-то вродѣ лихорадки. Сперва я не обращалъ и вниманія на эту простуду. Пилъ на ночь липовый цвѣтъ и малину, стараясь вызвать испарину, сходилъ по совѣту Лутохина въ баню, натирался тамъ рѣдечнымъ сокомъ съ солью, пилъ натощакъ огуречный разсолъ вмѣстѣ съ капустнымъ, а лихорадочное состояніе почему-то все продолжалось, жаръ постепенно усиливался и, наконецъ, дошелъ до бреда. Лутохинъ перепугался и немедленно же послалъ за мѣстнымъ земскимъ врачемъ, но посланный не засталъ врача дома, послали за другимъ, но тотъ пріѣхать отказался, требуя, чтобы меня доставили къ нему въ амбулаторію, на томъ будто бы основаніи, что земскіе врачи, по постановленію съѣзда врачей, обязаны ѣздить на домъ къ больнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, ежели съ таковыми происходитъ какое-либо кровоизліяніе. Перепугался и я въ свою очередь и обратился къ Лутохину съ просьбой послать за Ольгой Николаевной Колчиной (дѣвушкой врачомъ), о которой я много слышалъ хорошаго.

Лутохинъ расхохотался даже.

— Это за чулкомъ-то за синимъ?—чуть не вскрикнулъ онъ, продолжая хохотать.

— Ее всѣ хвалятъ.

— Кто именно хвалитъ-то?

— Рѣшительно всѣ и какъ врача, и какъ очень сердечную, и дѣльную дѣвушку.

— Изволь, изволь, голубчикъ, сейчасъ пошлю. Я знаю ее. Она живо прилетитъ, ждать себя не заставитъ.

И, продолжая подшучивать надъ Колчиной, онъ вышелъ изъ комнаты.

Ольга Николаевна дѣйствительно ждать себя не заставила. Не прошло и часа, какъ послышалось хрипѣніе цѣпной собаки, шумъ всполошившихся индѣекъ, гоготанье гусей, и мимо окна моей комнаты, выходившаго на дворъ, проѣхала какая-то доморощенная одноколка, запряженная въ одну лошадь, которою правила какая-то дѣвушка, скромно одѣтая.

Это и была Ольга Николаевна Колчина.

Немного погодя она входила уже ко мнѣ въ комнату.

— Это вы больны?—спросила она меня, какъ-то передернувъ плечами.—Это къ вамъ пригласилъ меня Ѳедоръ Константиновичъ?

— Да, ко мнѣ, извините, что побезпокоилъ.

— Что съ вами?

Я разсказалъ ей, что со мной происходитъ, передалъ какія принималъ предохранительныя мѣры и опять извинился за безпокойство.

Ольга Николаевна выслушала меня, подшутила надъ баней и рѣдечнымъ сокомъ, замѣтивъ однако, что иногда и баня отлично помогаетъ, а капустный разсолъ безусловно, попросила меня сѣсть, подсѣла и сама рядомъ со мной, положивъ на столъ шляпку, изслѣдовала мою температуру, слушала пульсъ и въ то же время не переставала весело разговаривать со мной. Справилась о здоровьи Лутохина, назвала его честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ, но большимъ чудакомъ, и глядя на ея ласковое и доброе лицо я какъ-то сразу почувствовалъ къ ней симпатію.

— Ну да, ну да,—говорила она, — разумѣется, лихорадочное состояніе, повышенная температура, нѣсколько ускоренный пульсъ... Все кончится пустяками, конечно, но тѣмъ не менѣе я попросила бы васъ воздержаться отъ охоты и по болотамъ пока не ходить.

Вошелъ Лутохинъ въ самомъ игривомъ настроеніи духа, поздоровался съ Ольгой Николаевной, спросилъ, въ какомъ состояніи находится ея самочувствіе (онъ любилъ поострить иногда), справился о здоровьи какого-то генерала, обозвалъ ее Захарьинымъ въ кофточкѣ, подшутилъ надъ ея одноколкой и пѣгонькой лошадкой и затѣмъ, представивъ меня, попросилъ заняться мною повнимательнѣе.

— Слушаю, сэръ,—пошутила она въ свою очередь.

— А вы, кажется, опять затѣяли что-то для своихъ возлюбленныхъ дурасовскихъ крестьянъ?—спросилъ Лутохинъ, усаживая Ольгу Николаевну на диванъ.—Въ городъ даже ѣздили, говорятъ.

— Это вы насчетъ ссудо-сберегательнаго товарищества намекаете?—спросила она, весело улыбаясь.

— Точно такъ, сударыня.

— Да, просили они меня похлопотать за нихъ въ управѣ.

— Сирѣчь деньжатъ выпросить?

— Конечно.

— И разумѣется выпросили?

— Почему же разумѣется?

— А потому,—замѣтилъ Лутохинъ шутливымъ тономъ,—что вся управа, кажется, неравнодушна къ вамъ, начиная съ лысаго ея предсѣдателя и кончая сторожемъ, который всегда съ такою поспѣшностью и усердіемъ подаетъ вамъ вашу накидку и надѣваетъ на ваши хорошенькія ножки резиновыя калоши.

Ольга Николаевна весело разсмѣялась.

— Вы замѣтили это?—спросила она.

— Еще бы не замѣтить, вамъ ни въ чемъ отказа нѣтъ. Затѣяли въ Дурасовѣ открыть школу, управа выдала вамъ деньги на постройку ея; потребуются вамъ какіе-либо медикаменты,—вамъ немедленно высылаютъ таковые... конечно, не отказали и теперь?

— Обѣщали 500 рублей.

— И вы только за этимъ въ городъ ѣздили?

— Только за этимъ.

— Ахъ вы фантазерка, фантазерка... Все бы это ничего,— заговорилъ Лутохинъ, перемѣнивъ тонъ,—но бѣда въ томъ, что, во-первыхъ, 500 рублей для Дурасовской волости мало, а во-вторыхъ...

— У насъ больше 500 рублей будетъ,—перебила его Ольга Николаевна:—нѣкоторые купцы пожелали быть членами товарищества, сдѣлали довольно большіе вклады.

— То-есть, вѣрнѣе сказать, вы упросили ихъ записаться членами?

Ольга Николаевна опять засмѣялась.

— И вы, конечно, записались въ члены и тоже дадите?—продолжалъ Лутохинъ насмѣшливо.

— Конечно, и вы не откажетесь помочь намъ!—подхватила въ тотъ же тонъ Ольга Николаевна.

Но Лутохинъ быстро вскочилъ съ мѣста и принялся отмахиваться обѣими руками.

— Нѣтъ-съ, чуръ меня, чуръ меня...— забормоталъ онъ,— нѣтъ-съ, ужъ это атанде-съ: я на такія штуки не охотникъ... Я, сударыня, принадлежу къ числу здравомыслящихъ людей, а не къ числу тѣхъ фантазерокъ, къ которымъ принадлежите вы по младости лѣтъ своихъ.

— Ну-съ, а во-вторыхъ, въ чемъ бѣда?—спросила Ольга Николаевна, возвращаясь къ прерванному разговору.

— А во-вторыхъ,—продолжалъ Лутохинъ,—бѣда въ томъ, что всѣ ваши деньги попадутъ въ руки зажиточныхъ людей, въ оныхъ не нуждающихся, а совсѣмъ не въ руки бѣдняковъ, какъ бы вамъ хотѣлось, вѣроятно.

— Это почему?

— А потому, что опытъ доказалъ это. Ссудо-сберегательныхъ товариществъ не мало и въ большинствѣ случаевъ всѣ они покончили такимъ образомъ.

— Да, въ большинствѣ случаевъ, но вѣдь есть же и исключенія?

— Весьма рѣдкія, сударыня, весьма рѣдкія..

— Въ Широкомъ Уступѣ, напримѣръ,—продолжала Ольга Николаевна, все болѣе и болѣе воодушевляясь и даже покраснѣвъ отъ волненія,—въ Злобывкѣ, въ Каменкѣ... во всѣхъ этихъ волостяхъ дѣла ссудо-сберегательныхъ товариществъ процвѣтаютъ. Весь секретъ въ томъ, чтобы въ составъ этихъ правленій были избраны люди благонадежные и порядочные.

— И вы, надѣюсь, нашли такихъ?—расхохотался Лутохинъ.

— Надежды не теряю.

— Ахъ вы фантазерка, фантазерка... Дурасовскихъ крестьянъ, сударыня, я знаю какъ свои пять пальцевъ... Кого же именно вы думаете поставить во главѣ этого правленія?

— Зачѣмъ же именно изъ крестьянъ?—чуть не вскрикнула Ольга Николаевна.—Можетъ быть, за это дѣло возьмется кто-нибудь изъ людей болѣе интеллигентныхъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію...

— Новое начальство придумать изволили,—перебилъ ее Лутохинъ шутливымъ тономъ,—и безъ того довольно, кажись...

— Развѣ распорядитель Широко-Уступинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества, сельскій учитель, разыгрываетъ изъ себя начальство?—удивилась Ольга Николаевна, взглянувъ на Лутохина широко-раскрытыми черными глазами.—Развѣ общество относится къ нему какъ къ начальству? И развѣ онъ не привелъ дѣла товарищества въ столь блестящее положеніе, что теперь оно насчитываетъ у себя около 300 членовъ, а капиталъ возросъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, такъ что въ этой волости перевелись всѣ мѣстные ростовщики, чуть было не доведшіе крестьянъ до крѣпостничества. Истинно порядочный человѣкъ и безъ начальническихъ пріемовъ сумѣетъ быть полезнымъ дѣятелемъ.

И вдругъ какъ-то затормошившись и подбѣжавъ къ столу, на который положила свою скромненькую соломенную шляпку, она надѣла ее, мимоходомъ взглянула въ зеркало и, обратившись къ Лутохину, проговорила:

— Однако я заболталась съ вами, до свиданья.

— Погодите, посидите...

— Некогда, некогда: больныхъ много, а главное—много дифферитныхъ, нельзя, нельзя...

— А знаете ли,—подхватилъ Лутохинъ,—кстати о больныхъ заговорили, вы вотъ все о дурасовскихъ крестьянахъ заботитесь,

а знаете ли вы, что весь нашъ медицинскій персоналъ не на шутку обозлился на васъ.

— Это за что, про что?

— А за то, что вы всю платную практику отбили у нихъ. «Только,—говорятъ,— однихъ крестьянъ лѣчить приходится».

— Кто же именно говоритъ это? Ужъ не тотъ ли врачъ, котораго недавно земскій начальникъ оштрафовалъ на три руб. за то, что мужичку какому-то бороду выдралъ, или не тотъ ли, что за визитъ съ купцовъ менѣе 25 руб. не беретъ?

— Тамъ кто бы ни говорилъ, это безразлично, но только всѣ скалятъ на васъ зубы и даже какую-то каверзу затѣваютъ противъ васъ.

— Никакой каверзы имъ сдѣлать мнѣ не удастся,—продолжала Ольга Николаевна:—дипломъ я имѣю такой же, какъ и они, и могу лѣчить такъ же, какъ и они, а что лѣчу я даромъ и ни съ кого денегъ не требую, это дѣло мое и ихъ не касается. Однако,—продолжала Ольга Николаевна, нѣсколько помолчавъ,—какъ люди мѣняются... Знала я всѣхъ этихъ молодыхъ людей студентами, часто встрѣчалась съ ними у общихъ знакомыхъ и всегда восхищалась ими, ихъ убѣжденіями, ихъ восторженнымъ ожиданіемъ той поры, когда они сдѣлаются общественными дѣятелями и будутъ работать на пользу общества. Всѣ они писали тогда свои сочиненія, либо готовились писать ихъ, много читали и еще болѣе мечтали о предстоящей дѣятельности, и помню, съ какимъ негодованіемъ относились тогда къ тѣмъ, которые, покончивши университетъ, забыли всѣ прежніе идеалы и быстро превращались въ самыхъ наиобыкновеннѣйшихъ смертныхъ, всецѣло помышляя только о себѣ, о самомъ себѣ.

— Да-съ, Ольга Николаевна,—замѣтилъ Лутохинъ, любившій иногда пофилософствовать,—жизнь, а въ особенности время передѣлываютъ людей по-своему, такъ же, какъ морская волна отшлифовываетъ по-своему попавшіе въ нее камни. Оказывается, что между теоріей и практикой такая же громадная разница, какъ между словомъ и дѣломъ.

Вдругъ Ольга Николаевна быстро вскочила съ мѣста.

— Однако вы меня заговорили, а больные ждутъ меня. До свиданья.

И, протянувъ руку Лутохину, подбѣжала ко мнѣ.

— До свиданья. Микстурку я вамъ тотчасъ же пришлю и, пожалуйста, помните, что вамъ необходимо на время позабыть про

вашихъ дупелей и бекасовъ. Долго лишать васъ этого удовольствія я не буду, а все-таки на нѣкоторое время лишу. До свиданія.

И она быстро выбѣжала изъ комнаты, но почти тотчасъ же возвратилась, и не снявъ даже пляпки, торопливо проговорила, обращаясь къ Лутохину:

— А вѣдь я было разсчитывала на васъ, сэръ.

Лутохинъ только глаза вытаращилъ.

— Разсчитывала, что вы будете такъ любезны,—продолжала она, улыбаясь,—и согласитесь быть...

— Ужъ не распорядителемъ ли дурасовскаго товарищества?...— проговорилъ онъ, расхохотавшись.

— Именно, именно!...

Но вмѣсто отвѣта Лутохинъ бросился въ уголъ комнаты, сдѣлалъ передъ собой баррикаду изъ стульевъ и креселъ и, отмахиваясь руками и ногами, забормоталъ поспѣшно:

— Чуръ меня, чуръ меня, наше мѣсто свято...

Ольга Николаевна захохотала и, обозвавъ Лутохина чудакомъ, быстро скрылась, не давъ даже времени поблагодарить ее за визитъ, а немного погодя снова ѣхала въ своей одноколкѣ мимо оконъ домика.

— Ну, не фантазерка ли?...—чуть не вскричалъ Лутохинъ, обратясь ко мнѣ:— это все равно, какъ во время торжественнаго открытія Дурасовской сельской школы, на которомъ я имѣлъ глупость присутствовать въ качествѣ гостя, она вдругъ за обѣдомъ при всей публикѣ обратилась ко мнѣ съ просьбой быть попечителемъ школы. Просьбу эту подхватили присутствовавшіе на обѣдѣ мѣстный предводитель дворянства, инспекторъ народныхъ училищъ, предсѣдатель земской управы и всѣ принялись качать меня...

— И ты, конечно, согласился?

— Нѣтъ, отказался наотрѣзъ... Нѣтъ, замужъ ее, замужъ поскорѣе... Дѣвка она славная; я люблю ее, но ужъ очень синимъ чулкомъ отзывается...

II.

Ольга Николаевна Колчина, какъ узналъ я впослѣдствіи, была незаконная дочь генерала-маіора Бѣльскаго, прижитая имъ съ дѣвушкой изъ крестьянскаго сословія, по имени Степанидой Кузьминой Анохиной. Степанида, или, какъ звали ее тогда, Стеша была горничной старухи Капитолины Ивановны Бѣльской, дѣвушка очень красивая, съ тонкими чертами лица, большими черными глазами,

стройной таліей, съ дѣвственно упругой грудью, бойкая, веселая, говорливая, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что Бѣльскій, будучи еще корнетомъ, ежегодно пріѣзжая послѣ лагернаго времени въ деревню къ матери, не замедлилъ сперва приволокнуться за хорошенькой веселой горничной, а затѣмъ и сойтись съ нею на болѣе короткую ногу. Старуха мать замѣчала все это и была очень довольна, что, наконецъ-то, сынокъ ея нашелъ себѣ «забаву» и, можетъ быть, не будетъ попрежнему торопиться отъѣздомъ въ Петербургъ. И дѣйствительно, сойдясь со Стешей, Бѣльскій не только не торопился возвращаться на службу, но даже сплошь да рядомъ просрочивалъ, за что и былъ всегда подвергаемъ аресту при гауптвахтѣ. Стеша всею душою полюбила молоденькаго корнета, восхищалась имъ и даже гордилась своею связью съ молодымъ бариномъ. Такъ прошло года два, какъ вдругъ однажды, прибывъ къ матери, корнетъ былъ нѣсколько изумленъ, замѣтивъ какое-то измѣненіе въ бюстѣ Стеши.

— Это что такое?—спросилъ онъ Стешу, указывая глазами на происшедшее измѣненіе.

— Извѣстно что,—весело отвѣтила та,—бойко метнувъ черными глазами прямо въ глаза переконфузившагося корнета.—Не знаешь ништо?

— Неужто?...

— Вотъ тебѣ и неужто...

И, какъ-то передернувъ плечами, она весело разсмѣялась.

Въ виду этого совершенно неожиданнаго обстоятельства, корнетъ прогостилъ не долго и подъ предлогомъ какой-то командировки поспѣшилъ уѣхать въ Петербургъ, а нѣкоторое время спустя послѣ его отъѣзда Стеша разрѣшилась отъ бремени дочерью, которую и назвали Ольгой. Старуха Капитолина Ивановна была въ восторгѣ, а когда ей принесли показать новорожденную и когда старуха нашла, что ребенокъ походилъ, какъ двѣ капли воды, на отца, тогда какъ походилъ онъ на мать, то она даже пришла въ умиленіе.

— Вылитый, вылитый,—шептала она.

Крестины происходили въ господскомъ домѣ. Воспріемницей была экономка Дарья Ѳедоровна, а воспріемникомъ старый садовникъ Николай Колчинъ, удостоившійся этой чести потому во-первыхъ, что Николаемъ звали отца новорожденной, а во-вторыхъ потому, что старухѣ нравилась его фамилія. «Пускай такъ и будетъ по бумагамъ Ольга Николаевна Колчина», порѣшила старуха. И подъ такой-то фамиліей Ольга и была занесена въ метрики. За-

тѣмъ старуха съѣздила въ городъ, прожила тамъ нѣсколько дней, а возвратясь домой, пошла въ комнату Стеши и преподнесла ей какую-то бумагу съ налѣпленными на ней гербовыми марками.

— Вотъ тебѣ, Стеша, на, береги: это тебѣ подарокъ отъ меня,— проговорила старуха, ласково улыбаясь и гладя по головѣ Стешу:—это дарственная запись на грачевскій участокъ. Участочекъ, положимъ, небольшой, 50 десят. только, но тамъ есть и рѣчка, и маленькая дубовая рощица, и поемные луга. Построишь себѣ хуторокъ, на постройку я дамъ тебѣ лѣсу и все необходимое, и живи себѣ на своемъ хуторкѣ полной хозяйкой.

— За что жалуете, матушка, барыня,— проговорила Стеша, цѣлуя у старухи руку и взявъ бумагу,—за что, про что?...

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Не стою я этого, сударыня.

Но сударыня, не обративъ вниманія на послѣднія слова Стеши, принялась внушать ей, чтобы она берегла этотъ участочекъ пуще своего глаза, чтобы дала Ольгѣ образованіе, такъ какъ теперь безъ этого нельзя, что вѣроятно и сынъ не забудетъ ее.—«Онъ добрый у меня,— прибавила она, лаская по щекѣ Стешу,— вертопрахъ, но очень добрый и ласковый».

Но ласковый баринъ, по уши влюбившійся въ какую-то наѣздницу изъ цирка, изъ-за которой чуть было не подрался съ кѣмъ-то на дуэли, а затѣмъ женившійся на ней, даже не сообщивъ о томъ старухѣ матери, уѣхалъ съ молодою женой за границу и забылъ о существованіи Стеши. Стеша погоревала, поплакала, услыхавъ про эту свадьбу, а затѣмъ примирилась со своей судьбой, порѣшивъ, что видно такъ угодно Господу Богу. Зато старуха Бѣльская, не выдержавъ такого, постигшаго ее, по ея словамъ, «удара судьбы», слегла въ постель и вскорѣ умерла.

И вотъ, похоронивъ старуху барыню честь честью, отслуживъ по ней сорокоустъ, Стеша помянула ее добрымъ словомъ. Она перебралась на подаренный ей участокъ и принялась за постройку для себя хуторка, такъ какъ на участкѣ никакихъ построекъ не было.

Кумъ Николай, крестившій ея Ольгушку и также покинувшій послѣ смерти старухи Бѣльской должность садовника, оказалъ Стешѣ въ данномъ случаѣ великую услугу. Онъ помогъ ей перевезти даренный ей старухой матеріалъ, необходимый для постройки, нялъ плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ, присматривалъ за ми, и благодаря его присмотру къ концу осени Стешинъ флигекъ былъ уже готовъ.

Флигелекъ вышелъ хоть куда... Да и мѣстечко, выбранное для флигеля, оказалось и уютнымъ и веселымъ. Позади флигеля возвышалась дубовая рощица, а передъ флигелемъ протекала омутистая и довольно рыбная рѣчка Грачевка. Словомъ, усадьбица, или, правильнѣе сказать, хуторокъ вышелъ на славу.

Стеша была женщина смѣтливая, расторопная, работящая; кумъ Николай, хотя и любилъ выпить и даже напивался иногда до безчувствія, но все-таки былъ старикъ со смекалкой, и въ трезвомъ видѣ работникъ незамѣнимый. Ворчунъ онъ былъ превеликій, но Стеша дорожила имъ и, по правдѣ сказать, безъ Николая Колчина, ей, какъ женщинѣ, было бы плохо. Онъ завѣдывалъ всѣмъ ея хозяйствомъ, развелъ ей небольшой фруктовый садикъ, ухаживалъ за нимъ, завелъ пчельникъ, наблюдалъ за хлѣбопашествомъ, за покосами, за уборкой хлѣба, и все это по кумовству дѣлалъ безплатно, считая за грѣхъ требовать съ родного человѣка какое-либо вознагражденіе. Онъ поставилъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы по субботамъ ему была баня, а по воскресеньямъ и праздникамъ лошаденка — ѣздить къ обѣднѣ.—«Я человѣкъ старый,—говорилъ онъ,—помру, такъ надо, чтобы все было въ порядкѣ и чтобы мнѣ тамъ, на томъ свѣтѣ, предъ Господомъ Богомъ глазами не хлопать».

Зато, когда нападалъ на него «этотъ стихъ», какъ называлъ онъ то время, когда ему требовалась выпивка, онъ настоятельно требовалъ, чтобы ему ни въ чемъ отказа не было. И дѣйствительно, Стеша въ то время превращалась въ слугу своего кума и безпрекословно исполняла всѣ его требованія. Жарила ему куръ, утокъ, приготовляла яичницы, варила лапшу, подносила ему водки на подносѣ, а онъ, развалясь на стулѣ, требовалъ, чтобы она ему низко кланялась и упрашивала выпить. — «Кушайте, куманекъ любезный, — говорила она ему, — кушайте, родимый, на доброе здоровье». Когда кумъ собирался спать, Стеша должна была стаскивать съ него сапоги, раздѣвать его, укладывать въ постель и убаюкивать, напѣвая колыбельную пѣсню—словомъ Николай любилъ въ это время поломаться и покочевряжить, какъ въ былые годы ломались и кочевряжили, бывало, наемщики, нанимавшіеся вмѣсто кого-либо отбыть солдатчину. Но «стихъ этотъ», продолжавшійся обыкновенно недѣли двѣ-три и раза два въ годъ, а именно на Пасху и потомъ осенью по уборкѣ хлѣба, не особенно стѣснялъ Стешу. Она только опасалась, какъ бы съ нимъ чего не случилось и какъ бы онъ не явился на тотъ свѣтъ въ нетрезвомъ видѣ.—«Чего я въ тѣ поры безъ него дѣлать то буду». Но кумъ, не-

смотря на свою старость былъ до того крѣпокъ и здоровъ, что ему все было ни по чемъ, какъ съ гуся вода. Пьетъ, бывало, мертвую, валяется въ грязи, въ навозѣ, подъ дождемъ, подъ солнечнымъ припекомъ, а пройдетъ «стихъ», выпарится въ банѣ, выйдетъ изъ бани краснѣе рака варенаго, и опять какъ встрепаный.

Такъ шелъ годъ за годомъ, прошло, наконецъ, лѣтъ шесть-семь, и Ольга, выкормленная здоровой грудью простой деревенской русской женщины, принялась, наконецъ, за ученье. Ученье это началось съ сельской школы, которую она кончила первою ученицей и получила какую-то награду. Кумъ совѣтовалъ было на этомъ и пошабашить, такъ какъ больно ученыя дѣти не подъ масть простымъ людямъ, выставлялъ себя въ примѣръ, что никогда ничему не учившійся знаетъ все, и что никакое дѣло у него изъ рукъ не вывалится. Но Стеша, зорко приглядывавшаяся къ окружающему, ясно сознавала, что на этотъ разъ всезнающій кумъ ошибается, и что нельзя оставаться хотя и грамотнымъ, но все-таки темнымъ человѣкомъ и что надо идти дальше Она вспомнила при этомъ наставленіе своей благодѣтельницы, старухи Капитолины Ивановны, приказывавшей безпремѣнно отдать Ольгу въ гимназію и безпремѣнно приказаніе это исполнить въ точности. Сознавала, хотя и смутно, и сама Ольга, что одной сельской школы мало и что не худо бы послѣдовать примѣру одной сосѣдней купеческой дочери, покончившей гимназію и учившейся гдѣ-то въ Питерѣ. И все это кончилось тѣмъ, что Степанида на слѣдующую же осень оставила свой хуторъ, сдавъ его съ рукъ на руки куму, а сама съ Ольгой перебралась въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы опредѣлить Ольгу въ гимназію, а самой поступить къ кому-нибудь въ услуженіе.

— Мотри,—предостерегалъ ее кумъ, вообще не любившій никакихъ нововведеній, а въ особенности ученыхъ людей,—мотри не прогадай, кума. Нонѣ вѣдь эти ученыя-то дѣти плохіе кормильцы отцу съ матерью: сами любятъ сладко выпить и поѣсть. Какъ бы и твоя дочка, а моя крестница не забыла про насъ: мало ли такихъ, не ко двору они нашему брату эти ученые. И онъ привелъ въ примѣръ какого-то слѣдователя, стыдившагося даже пускать къ себѣ въ домъ своихъ родителей, одѣтыхъ по-мужичьи, такъ-то и Ольга, пожалуй...

— Ну, и пущай ее,—говорила Стеша.—Забудетъ мать родную, не мнѣ, а ей грѣшно будетъ, ей же стыдно. По крайности я буду спокойна.

И Стеша, помолясь Богу, отслужила паннихиду на могилѣ старушки Бѣльской, поплакала, распростилась съ кумомъ, съ хуторомъ и

отправилась съ Ольгой въ городъ. Опредѣливъ ее въ гимназію, Стеша нашла и себѣ мѣсто горничной у какой-то старухи барыни, весьма напоминавшей ей старуху благодѣтельницу. Старуха очень полюбила какъ Стешу, такъ и Ольгу, а Степанида не нарадовалась, бывало, что Господь послалъ ей такую ласковую и добрую хозяйку, поработать на которую было и пріятно, и весело. И дѣйствительно, Степанида работала безъ устали. Она каждый день мыла полы, убирала комнаты, обувала, одѣвала старуху барыню и даже стирала ей бѣлье. Ольга тоже не сидѣла сложа руки. Придетъ бывало изъ гимназіи, сниметъ съ себя свое форменное платье, пообѣдаетъ (обѣдала она вмѣстѣ съ другой прислугой), а потомъ примется то самоваръ чистить, то перемывать посуду, то матери помогать, а управившись, принималась за приготовленіе заданныхъ уроковъ. Стеша съ дочерью помѣщались въ кухнѣ за перегородкой. Тѣсновато было за этой перегородочкой, жарковато отъ постоянно топившейся плиты и довольно чадно отъ готовившихся обѣдовъ, а пуще всего отъ ставившихся самоваровъ, но ничего, жить было можно.

Ольга и въ гимназіи училась такъ же хорошо, какъ и въ сельской школѣ, и считалась одной изъ лучшихъ ученицъ. Съ наступленіемъ весны старушка оставляла обыкновенно городъ и на все лѣто уѣзжала гостить въ деревню къ брату и отпускала на это же время и Стешу, которая въ свою очередь тоже на все лѣто переселялась на свой хуторокъ вмѣстѣ съ Ольгой.

III.

Время это было самымъ счастливѣйшимъ какъ для Ольги, такъ и для Степаниды. Ольга отдыхала тамъ отъ зимнихъ занятій, по цѣлымъ днямъ бѣгала по хутору, по рощѣ, доила коровъ, кормила куръ, индѣекъ, пасла утокъ съ утятами, зорко слѣдя за ястребами и коршунами, по нѣсколько разъ купалась въ рѣкѣ, удила рыбу, собирала грибы, ягоды, варила варенье, но все-таки учебниковъ своихъ не забывала: она повторяла пройденное и прочитывала то, что̀ предстояло ей выучить въ будущемъ году. Стеша усердно занималась своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Торжествовалъ въ то же время и Колчинъ, которому зимнее одиночество на хуторѣ казалось очень тяжелымъ и тоскливымъ.

Такъ шелъ годъ за годомъ. Ольга ежегодно переходила изъ класса въ классъ, получала награды, а лѣто вмѣстѣ съ матерью проводила на хуторѣ. Ей пошелъ уже 17 годъ.

Разъ какъ-то, когда Ольга помогала двумъ нанятымъ работницамъ копнить скошенное сѣно, она была удивлена, увидѣвъ на дорогѣ, ведущей изъ села Дурасова, какую-то амазонку въ сопровожденіи кавалера, одѣтаго въ военное платье. Подъ обоими всадниками были красивыя лошади съ подстриженными хвостами, изящно галопировавшія по дорогѣ, поднимая цѣлое облако пыли.

— Вѣдь это, мотри, господа наши скачутъ,—проговорила одна изъ поденщицъ, тоже засмотрѣвшаяся на скачущихъ по дорогѣ.

— Какіе такіе господа?—удивилась Ольга.

— Да наши, Дурасовскіе.

— Пріѣхали развѣ?

— Пріѣхали, землю мужикамъ продаютъ... Вотъ пріѣхали и баринъ, и барыня, лошадей даже привели съ собой, ученыхъ, вишь, какихъ-то.

Дѣйствительно, это были Бѣльскіе, т.-е. отецъ Ольги и его жена. Бывшій корнетъ, а нынѣ полковникъ Бѣльскій, не былъ въ селѣ Дурасовѣ съ самаго того времени, когда Стеша, будучи еще хорошенькой и веселенькой горничной старухи Бѣльской, вдругъ предстала передъ нимъ съ значительно измѣнившимся бюстомъ и весело улыбаясь, объявила, что она беременна и скоро должна разрѣшиться отъ бремени. Много воды утекло послѣ того времени, а еще болѣе утекло денегъ изъ кармана Бѣльскаго, безумно тратившаго ихъ съ своей молодой женой, бывшей наѣздницей цирка. Много денегъ растратили они во время своего путешествія за границей и еще больше въ Петербургѣ, гдѣ Бѣльскій служилъ въ какомъ-то очень дорогомъ кавалерійскомъ полку, и вотъ дѣло дошло до того, что Бѣльскій порѣшилъ, наконецъ, оставить дорогой полкъ, перевестись въ армейскую кавалерію и, чтобы хоть нѣсколько поправить свои дѣла, продать крестьянамъ землю.

Увидавъ сгребавшихъ сѣно, верховые повернули въ ихъ сторону и вскорѣ были возлѣ нихъ.

— Эй, ты, красавица, — крикнулъ Бѣльскій, обращаясь къ Ольгѣ,—гдѣ здѣсь Стешинъ хуторъ?

— А вотъ сейчасъ же, за этой рощицей,—отвѣтила Ольга,— обогните рощицу и какъ разъ будете на хуторѣ.

— А Стеша дома?—спросилъ Бѣльскій, нѣсколько смутившійся, увидавъ на шляпочкѣ Ольги значокъ гимназистки.

— Дома, дома...

Увидавъ тотъ же значокъ, амазонка, обратясь къ мужу, проговорила по-французски:

— Это гимназистка.

— А вы сами-то кто такая?—спросилъ ее Бѣльскій, на этотъ разъ перемѣнивъ грубый тонъ на вѣжливый.

— Я дочь Стеши.

— Ваше имя?

— Ольга.

Лицо полковника почему-то передернулось, тогда какъ амазонка насмѣшливо улыбнулась и поспѣшила надѣть золотое пенснэ.

— Вы въ гимназіи учитесь?

— Да, въ гимназіи.

— Въ которомъ классѣ?—спросила амазонка.

— Въ шестомъ.

— Скоро кончите, стало быть?

— Да, черезъ годъ кончу.

— И затѣмъ домой, къ мамашѣ на хуторъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, хочу дальше идти.

— Куда же именно?

— Не знаю еще,—отвѣтила Ольга, весело улыбаясь,—можетъ быть на Бестужевскіе, а можетъ быть на медицинскіе курсы при Николаевскомъ хирургическомъ госпиталѣ... Не знаю, право.

— А куда больше всего хотѣлось бы вамъ?

— Хотѣлось бы на медицинскіе.

И вдругъ какъ-то затормошившись и передернувъ плечами такъ же, какъ, бывало, передергивала ими въ былые годы Стеша, она нервно прибавила:

— Да нѣтъ, нѣтъ, боюсь и думать объ этомъ, боюсь, боюсь...

— Почему?

— Мало ли что можетъ случиться... Нѣтъ, нѣтъ, боюсь.

А Бѣльскій тѣмъ временемъ, опершись обѣими руками на сѣдло, глазъ не сводилъ съ Ольги, походившей на мать какъ двѣ капли воды, и, глядя на эту дѣвушку съ граблями въ рукахъ и въ шляпочкѣ съ гимназическимъ значкомъ, онъ вспомнилъ Стешу. Старуха-мать прихворнула тогда и лежала въ своей спальной, двери которой выходили въ темный со сводами коридоръ. Старуха прихворнула не на шутку, съ ней былъ жаръ, бредъ и всѣ, чтобы не потревожить ее, ходили либо босикомъ, либо на цыпочкахъ. Хотѣлъ было и онъ провѣдать больную мать и тоже на цыпочкахъ пробирался коридоромъ. Въ коридорѣ встрѣтился ему врачъ и объявилъ, что старуха заснула, что безпокоить ее теперь не слѣдуетъ, и осторожно ступая, вышелъ изъ коридора. Вслѣдъ за врачомъ пошелъ было и корнетъ, но тихо скрипнула дверь спальной, отворилась, блеснулъ лучъ солнца и облилъ яркимъ свѣтомъ фигуру босой Сте-

ши, показавшейся въ дверяхъ. Онъ мгновенно остановился, кровь хлынула въ голову, онъ отошелъ въ темный уголъ, прижался къ стѣнѣ, а когда Стеша поровнялась съ нимъ, онъ схватилъ ее за руку и привлекъ къ себѣ. «Милая, дорогая моя», шепталъ онъ и, страстно обнявъ ее, прижалъ къ себѣ. Только дрожь пробѣжала по молодому тѣлу дѣвушки и въ ту же минуту губы ихъ слились и замерли въ крѣпкомъ поцѣлуѣ. «Пустите, миленькій баринъ», прошептала чуть слышно Стеша и какъ рыбка выскользнула изъ объятій корнета.

И вотъ теперь передъ нимъ стояла какъ будто та же Стеша, съ тѣми же глубокими темными глазами, съ тѣмъ же румянцемъ на молодыхъ щекахъ, съ той же веселой улыбкой, открытымъ лицомъ и такъ же передергивавшая плечами, какъ и прежняя Стеша. Но тогда корнетъ былъ иныхъ убѣжденій и считалъ даже преступленіемъ не воспользоваться представившимся случаемъ, не удовлетворить своихъ скотскихъ побужденій съ тѣмъ, чтобы потомъ въ кругу товарищей, за стаканомъ шампанскаго передать имъ съ нѣкоторой прикрасой болѣе или менѣе пикантнаго свойства о всемъ случившемся въ темномъ коридорѣ, почти у двери болѣвшей старухи-матери. Теперь же, глядя на эту новую Стешу, онъ даже въ ужасъ пришелъ отъ всего содѣяннаго имъ тогда, когда въ немъ не было ни стыда, ни совѣсти.

IV.

Когда Дурасовскіе господа подъѣзжали къ хутору, Стеша доила только что пригнанныхъ коровъ, а старый кумъ сидѣлъ на крылечкѣ въ одной рубашкѣ и нанковыхъ шароварахъ съ ременными помочами, перекинутыми черезъ плечи, и прислушивался къ кудахтавшей въ крапивѣ курицѣ, имѣвшей гнусную привычку нестись не въ курятникѣ, а гдѣ попало.

«И несъ ихъ знаетъ,—ворчалъ онъ, ероша свои сѣдые волосы,—что ноня за куры такія, и несутся зря, и на яйцахъ плохо сидятъ, ни одной путной насѣдки не было... И отчего бы это было,—удивлялся онъ,—батюшка, отецъ Григорій, кажись, долго сидѣлъ у насъ на Пасху и куличика покушалъ, и ветчинки, а куры не сидятъ... отъ того развѣ, что не догадались вывороченный тулупъ подъ него подложить,—тоже, вишь, пользительно говорятъ... Да, промахнулись маленечко»... (Народная примѣта: если батюшка сидѣлъ на Пасху въ домѣ, то и насѣдки будутъ усидчивы.)

Старикъ первый смѣтилъ подъѣхавшихъ, долго всматривался

въ нихъ, приложивъ ко лбу руку козырькомъ, и вдругъ, вскочивъ съ мѣста, быстро побѣжалъ мелкими старческими шажками навстрѣчу имъ.

— Батюшки, Господи... неужто это вы, сударь, Николай Петровичъ?—кричалъ онъ, шамкая губами и со слезами радости на потухавшихъ глазахъ, и, подбѣжавъ торопливо къ полковнику, принялся ловить руку, стараясь ее поцѣловать, не обративъ даже ни малѣйшаго вниманія на ѣхавшую рядомъ амазонку.—Неужто это вы, батюшка, Николай Петровичъ? Отецъ родной... не даромъ у меня ноня весь день бровь чесалась, вотъ и привелъ Господь съ гостемъ дорогимъ свидѣться.

— Колчинъ, — удивился въ свою очередь Бѣльскій, — ты ли это?

— Я, батюшка, я, кормилецъ... Узнали меня старика, не забыли еще...

— Узналъ, хоть ты и постарѣлъ, однако все еще бодрый, молодецъ молодцомъ.

— И вы не помолодѣли, сударь, такіе ништо были... Генералы никакъ?—прибавилъ онъ, посматривая на погоны.

— Нѣтъ еще, но скоро буду. Ты какими судьбами здѣсь?

— Я давно, сударь, здѣсь служу. Какъ только померла матушка барыня, Капитолина Ивановна, царство ей небесное, такъ я и перекочевалъ сюда, къ кумѣ значитъ... Нельзя же было не пособить кумѣ.

— Какой кумѣ?

— Степанидѣ Кузьминишнѣ... вѣдь она кума мнѣ, дочку ея крестилъ.

— Ольгу?

— Такъ точно, Ольгу, Ольгу,—повторялъ старикъ, радостно улыбаясь и лукаво подмигивая глазомъ.—А дѣвка-то вышла какая ученая, дѣльная, боюсь, больно не зазналась бы...

— А что Стеша, жива, здорова?

— Жива, сударь, здорова.

— Гдѣ она?

— Коровъ доитъ, батюшка, коровъ.

И вдругъ, обратясь въ ту сторону, гдѣ Стеша доила коровъ, принялся кричать, приложивъ ко рту обѣ ладони:

— Кума-а-а... а кума... бросай коровъ-то, бѣги сюда, глянь-ка, пріѣхалъ-то кто, бросай все, дурёха, бѣги скорѣй...

— Сейчасъ, сейчасъ,—послышался откуда-то звонкій грудной голосъ Стеши,—сейчасъ кончу.

Только въ это время кумъ увидалъ амазонку и, внимательно разсмотрѣвъ ее, обратился къ полковнику съ вопросомъ:

— А это, сударь,—прошепталъ онъ,—генеральша будутъ?

— Да, это моя жена.

Кумъ поспѣшно подбѣжалъ къ амазонкѣ и протянулъ къ ней сложенныя одна на другую руки.

— Ручку позвольте поцѣловать, ваше превосходительство, матушка барыня,—проговорилъ онъ.

— Нашъ бывшій садовникъ,—поспѣшилъ Бѣльскій отрекомендовать женѣ старика.

Та брезгливо какъ-то подала ему руку, затянутую въ щегольскую перчатку, къ которой старикъ благоговѣйно и приложился.

— Старый слуга вашъ, матушка барыня, ваше превосходительство,—бормоталъ онъ,—весь садъ развелъ вамъ собственными руками.

Въ это самое время, Стеша, покончивъ доеніе коровъ, выбѣжала изъ-за какого-то плетневаго сарайчика, крытаго соломой, сопровождаемая стайкой куръ и поспѣшно обдергивая на ходу юбку, направилась къ пріѣхавшимъ.

— Кши—вы, кши—вы,—кричала она, махая на куръ фартукомъ, — ишь оголодали, поспѣете, накормлю, время придетъ... кши..

Она не знала еще, кто именно были эти пріѣхавшіе, о которыхъ кричалъ ей кумъ, но, всматриваясь на ходу въ сидѣвшаго на конѣ одѣтаго въ бѣлый военный китель съ погонами на плечахъ, вдругъ остановилась на минуту, поправила на головѣ косынку и затѣмъ пошла уже степенной поступью. Но чѣмъ ближе подходила она къ пріѣхавшимъ, стоявшимъ у крыльца домика, чѣмъ пристальнѣе всматривалась она въ лицо военнаго, тѣмъ сильнѣе покрывалось блѣдностью ея лицо, и она какъ бы догадывалась, что это былъ онъ, онъ, котораго она любила когда-то, любовью котораго гордилась и которому, даже не задумавшись ни на секунду, отдалась душею и тѣломъ. И вотъ минуты двѣ-три спустя она стояла уже передъ нимъ, почтительно сложивъ руки посверхъ фартука и широко раскрытыми глазами глядѣла на него, не зная, что сказать ему, что дѣлать. Не зналъ и онъ, что сказать Стешѣ. А тѣмъ временемъ амазонка, надѣвъ пенснэ, надменно, съ какою-то саркастическою улыбкой посматривала то на Стешу, то на мужа. Но ни Стеша, ни Бѣльскій не замѣтили ни этой недоброй улыбки, ни этого взгляда, такъ какъ у обоихъ воскресъ въ памяти темный со сводами коридоръ, пламенные поцѣлуи и горячія объятія.

— Здравствуй, Стеша,—проговорилъ, наконецъ, Бѣльскій.

— Здравствуйте, сударь.

— Узнаешь?

— Узнала, сударь.

— Что постарѣлъ?

— Постарѣли, сударь.

И она хотѣла было сказать: «давно не видались, сколько лѣтъ прошло», но, взглянувъ на амазонку, испугалась и опустила глаза.

— Ты тоже ужасно постарѣла, перемѣнилась, совсѣмъ старухой смотришь, я бы не узналъ тебя, ежели бы встрѣтилъ гдѣ-нибудь на дорогѣ.

Стеша только улыбнулась и принялась отгонять фартукомъ снова окружившихъ ее куръ.

— А вотъ,—прибавилъ Бѣльскій, показывая на амазонку,—жена моя, мы къ тебѣ въ гости пріѣхали.

Стеша быстро подошла къ амазонкѣ.

— Ручку пожалуйте, матушка барыня,—проговорила она.

— Здравствуй, милая,—замѣтила та, протянувъ руку.

— Что же,—говорилъ тѣмъ временемъ Бѣльскій, обращаясь къ Стешѣ,—чайкомъ угостишь, что ли?

— Милости просимъ, сударь, милости просимъ, сударыня.

— Спасибо, милая, съ удовольствіемъ, только помоги мнѣ слѣзть съ лошади.

Стеша бросилась было помогать барынѣ, но успѣвшій соскочить съ лошади Бѣльскій предупредилъ ее и, снявъ съ сѣдла жену, повелъ ее на крылечко. А кумъ, привязавъ лошадей къ коновязи, чуть не опрометью бросился ставить самоваръ.

V.

Дурасовской барынѣ очень понравился Стешинъ хуторокъ и она никакъ не хотѣла вѣрить, чтобы старуха Бѣльская была настолько глупа, чтобы могла подарить такой клочокъ земли, замѣчательный по своимъ удобствамъ, какой-нибудь простой горничной за то только, что дѣвка эта, связавшись съ ея сыномъ, родила ребенка. «Экая важность какая,—соображала она,—наконецъ, правда ли еще, что отъ сына». Можетъ быть, только слава на него одна... Знаю я,—продолжала она раздумывать,—этихъ горничныхъ дѣвокъ, знаю ихъ, какъ свои пять пальцевъ... ради корыстныхъ цѣлей онѣ способны придумать все, что вамъ угодно. Ну вотъ, она и придумала, что будто сынъ виноватъ, что это его

дѣло. А та, дура, и повѣрила... Наконецъ, она ничуть не похожа на моего мужа, она вылитая мать...Нѣтъ,—порѣшила барыня,—это дѣло надо разобрать хорошенько, можетъ быть, она только на время дала ей, не навсегда, тѣмъ болѣе, что мой дражайшій супругъ до того запутался въ долгахъ, что ежели продажа земли состоится, то все-таки врядъ ли останется ему что-либо отъ расплаты съ кредиторами. Вотъ хуторокъ-то и пригодится».

Напившись чаю, Бѣльскій въ сопровожденіи кума, успѣвшаго уже прифрантиться въ свою сюртучную суконную пару и какой-то бѣлый жилетъ, пожелалъ осматривать садъ, а барыня осталась съ Стешей, порѣшивъ воспользоваться случаемъ и повыпытать отъ нея, на какихъ именно условіяхъ старуха Бѣльская передала ей участокъ. Прежде всего барыня осмотрѣла флигелекъ, состоявшій изъ четырехъ крошечныхъ комнатокъ, раздѣлявшихся тесовыми перегородками, большихъ сѣней съ нѣсколькими чуланами и просторной кухни, въ которой проживалъ кумъ и въ то же время производилась стряпня. Кухня барынѣ не понравилась, во-первыхъ, потому, что не была достаточно обширна, а во-вторыхъ, и содержалась не въ чистотѣ. Зато жилыя комнаты, оклеенныя дешевенькими обоями и свѣтленькія, ей понравились. Она пожалѣла только, что онѣ были слишкомъ малы и что ни въ одной изъ этихъ комнатокъ не было балкончика въ садикъ. Замѣтивъ въ одной комнатѣ валявшіяся на комодѣ золотыя сережки съ изумрудами, она быстро схватила ихъ, подробно осмотрѣла, полюбовалась ими, торопливо вытерла ихъ батистовымъ платкомъ, предварительно подышавъ на нихъ, и затѣмъ замѣтила сопровождавшей ее Стешѣ, что сережки эти довольно цѣнныя и что такъ бросать ихъ не слѣдуетъ.

— Это ты что же, милая, купила ихъ, что ли?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ, сударыня. Барыня старая Капитолина Ивановна пожаловать изволили, царство имъ небесное. Капитолина Ивановна-съ...

— Она все?—спросила барыня, приложивъ къ ушамъ серьги и любуясь ими въ зеркало.

— Онѣ-съ. Капитолина Ивановна очень любили меня за мою вѣрную службу ихной милости. Вотъ и подарили-съ, царство имъ небесное.

— Прехорошенькія. Она носила ихъ?

— Сперва носили, а подъ конецъ перестали серьги надѣвать, безпокоили вишь ихъ, ушки болѣли.

— Ты мнѣ продай ихъ.

— Какъ прикажете, сударыня, только дочкѣ ихъ подарила я.

— Въ такомъ случаѣ, прикажи ей, милая, прятать ихъ.

— Слушаю, сударыня, прикажу-съ.

— Ахъ да, кстати,—заговорила барыня, кладя серьги на комодъ. На какихъ основаніяхъ, старуха эта, какъ бишь ее звали-то, передала тебѣ этотъ участокъ земли? На время, или совсѣмъ?

Стеша взглянула на барыню, посмотрѣла на ея глаза, загорѣвшіеся какимъ-то недобрымъ хищнымъ огонькомъ, и замерла отъ испуга.—Ужъ не отнять ли задумала?—мелькнуло у нея въ головѣ.

— Покойница Капитолина Ивановна сказывала въ вѣчность,— проговорила, наконецъ, оробѣвшая Стеша.

— Бумага что ли есть какая?

— Бумага, сударыня.

— Что же въ этой бумагѣ сказано?

— Не знаю, сударыня: сама-то я безграмотная... я какъ положила въ тѣ поры въ сундукъ, такъ она и лежитъ тамъ на томъ же мѣстѣ, у дочки въ комнатѣ.

— Какая ты странная... Хоть бы попросила кого-нибудь прочитать тебѣ эту бумагу.

— Чего же ее читать-то, сударыня. Покойница Капитолина Ивановна сказала въ вѣчность, значитъ и въ бумагѣ то же написано.

— Покажи-ка мнѣ эту бумагу.

Стеша попросила барыню перейти къ дочкѣ въ комнату, указавъ ей на таковую. Барыня пошла впередъ, а Стеша почтительно послѣдовала за ней. Войдя въ комнатку Ольги, стѣны которой были украшены картинками изъ Священной исторіи и нѣсколькими фотографическими портретами въ рамочкахъ, Стеша вытащила изъ-подъ кровати, накрытой чистенькимъ одѣяльцемъ, окованный жестью сундукъ, сбросила съ него ватолу, отперла замокъ со звономъ и принялась копаться въ сундукѣ, а тѣмъ временемъ барыня подошла къ стѣнѣ съ фотографическими портретиками и, увидавъ портретъ какого-то молоденькаго офицерика въ полной парадной формѣ, начала разсматривать его, надѣвъ пенснэ. Это былъ портретъ корнета Бѣльскаго.

— Вотъ извольте, сударыня,— проговорила Стеша, подавая барынѣ какой-то пакетъ, завернутый въ газеты.

Барыня не торопясь развернула газету, бросила ее на полъ и принялась разсматривать хранившіяся въ ней бумаги.

— Это не то, милая, это табели твоей дочери Ольги Колчиной.

Стеша вздрогнула и снова бросилась къ сундуку.

— Извините, сударыня, спутала, мотри. И подавая барынѣ

другой свертокъ, прибавила:—вотъ извольте-ка посмотрѣть, не здѣсь ли?

Барыня опять развернула бумагу, опять бросила ее на полъ и принялась читать бумагу. Читала она ее внимательно съ начала и до конца, причемъ лицо покрывалось багровыми пятнами, а глаза загорались недовольствомъ и злобой. Прочитанная ею бумага на этотъ разъ оказалась дарственною записью, подписанною старухой Бѣльской, составленной съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ закономъ и опровергать которую не было никакой возможности.

— Да, милая,—проговорила, наконецъ, барыня дрожавшимъ отъ волненія голосомъ и передавая бумагу Стешѣ,—участокъ подаренъ тебѣ на вѣчныя времена. Поздравляю: это царскій подарокъ. Не ожидала, чтобы эта старуха могла дѣлать такіе подарки въ ущербъ интересамъ родного сына. Поздравляю.

— Покорнѣйше благодарю, сударыня,—проговорила Стеша, нѣсколько успокоившись и поспѣшивъ снова запереть бумагу въ сундукъ.

— Ну, а теперь вотъ что скажи мнѣ.

— Что прикажете, сударыня,—проговорила Стеша, снова подходя къ барынѣ и почтительно сложивъ руки на поясѣ.

— Это чей портретъ?—спросила она, снимая со стѣны портретъ Бѣльскаго и показывая его Стешѣ, лицо которой на этотъ разъ зардѣлось яркимъ румянцемъ.

— Николая Петровича, сударыня,—проговорила Стеша, замигавъ глазами.

— Это когда корнетомъ былъ?

— При покойницѣ барынѣ, при Капитолинѣ Ивановнѣ, сударыня, это когда ихняя мамаша, Капитолина Ивановна, хворали еще.

— Самъ онъ подарилъ тебѣ?

— Сами, сударыня, сами. Я въ тѣ-поры горничной была при мамашѣ ихней,—быстро заговорила Стеша, подергивая плечами и суетливо бѣгая взглядомъ съ предмета на предметъ.—Мамаша ихняя, Капитолина Ивановна, очень любили меня, довольны были службой... Ну, вотъ, Николай Петровичъ, за это самое и пожаловали мнѣ свой портретъ... Служи, говорятъ, Стеша, мамашѣ, ухаживай за ней, береги ее и денно и нощно... И подарили-съ.

— За это?

— За это, сударыня, за это.

— А не за что-нибудь другое?

— Никакъ нѣтъ, сударыня, никакъ нѣтъ,—заговорила Сте-

ша еще суетливѣе и отрицательно кивая головой.—Береги, говорятъ, мамашу.

— Ты дѣвушка?

— Дѣвушка, сударыня,—проговорила Стеша, нѣсколько понизивъ голосъ и опустивъ голову.

— Съ кѣмъ же ты прижила дочку, которую мы сейчасъ въ лугахъ видѣли?

Стеша бросилась поднимать газеты, брошенныя барыней на полъ, и быстро заговорила:

— Съ солдатикомъ, матушка барыня, съ солдатикомъ, лукавый попуталъ.

Барыня расхохоталась какимъ-то гортаннымъ грубымъ голосомъ.

— Не правда, милая, не правда, я вѣдь все знаю... Съ Николаемъ Петровичемъ, вотъ съ кѣмъ.

Даже слезы навернулись на глазахъ Стеши отъ столь безжалостныхъ словъ, и она чуть слышно прошептала, передернувъ плечами:

— Виновата, сударыня.

— О чемъ же ты плачешь?—удивилась барыня, увидавъ глаза Стеши, переполненные слезами.—Совершенно не о чемъ. Дѣло обыкновенное: онъ былъ молодъ, ты тоже... Со всѣми горничными тоже самое бываетъ... Только ты счастливѣе другихъ... Другихъ просто на-просто за дурное поведеніе изъ дома выгоняютъ, а тебя наградили...—И она опять захохотала.

— Не меня, сударыня, а дочку,—проговорила Стеша, всхлипывая и отирая глаза фартукомъ. Мнѣ ничего не надо, а вотъ дочкѣ, точно-съ... И денно и нощно молюсь за покойницу барыню Капитолину Ивановну, царство ей небесное... не гной ея косточки въ сырой землѣ.

— А дочка-то знаетъ, кто ея отецъ?

— Нѣтъ, сударыня, не сказывала я ей... Зачѣмъ ей знать про это... Еще зазнается чего добраго, я-де вотъ изъ какихъ, не изъ простыхъ... дворянка... Не говорила я, сударыня.

— Какъ же ты ей сказала? Вѣдь по бумагамъ-то ей извѣстно, что она незаконная?

— Сказала, что прижила съ солдатикомъ, что солдатикъ обѣщалъ жениться, да на войнѣ убили, только и всего.

— Очень просто, значитъ?

— Попроще-то лучше, сударыня,—проговорила Стеша, грустно улыбнувшись.

Но Стеша ошибалась. Ольга очень хорошо знала, кто именно былъ ея отецъ. И мудрено было бы не знать того, что извѣстно было не только всему селу Дурасову, но и всѣмъ окрестнымъ жителямъ. Она не рѣшалась только заговорить объ этомъ съ матерью, боясь коснуться слишкомъ больного мѣста. «Да и не все ли равно,—разсуждала она,—кѣмъ бы отецъ ни былъ: мужикъ ли, баринъ, солдатъ ли, офицеръ?» И она порѣшила никогда объ этомъ съ матерью не говорить и не нарушать ея душевнаго спокойствія.

Въ это самое время вошелъ Бѣльскій въ сопровожденіи расфрантившагося кума.

— Ну,—проговорилъ Бѣльскій,—обращаясь къ женѣ, ѣдемъ, Людмила: солнце почти совсѣмъ сѣло, надо засвѣтло домой добраться. Ну, Стеша,—прибавилъ онъ, обращаясь къ ней, осмотрѣлъ все твое хозяйство, твой садикъ, побывалъ па пчельникѣ и все нашелъ въ порядкѣ,—честь тебѣ и слава, что̀ очень меня утѣшило.

— Всѣмъ дѣломъ кумъ заправляетъ, — проговорила Стеша, указывая на кума,—ему спасибо, мое дѣло бабье, чего я понимаю. Только и дѣловъ, что коровъ дою, да куръ кормлю,—прибавила она, весело улыбаясь.

— Молодецъ, Николай, молодецъ,—прибавилъ Бѣльскій, ласково похлопавъ по плечу старика,—помню я тебя: всегда работящій былъ.

— Старъ становлюсь, батюшка, ваше превосходительство,—проговорилъ кумъ, и ноги плохо ходятъ, и руки владѣть перестаютъ, старость—не радость.

— А что больше всего порадовало меня,—заговорилъ Бѣльскій, снова обращаясь къ Стешѣ,—это твоя дочка, которую мы съ женой видѣли въ лугахъ. Премиленькая дѣвушка... Говорятъ, учится отлично, намѣрена продолжать ученье...

— Лишь бы не переучилась,—заговорилъ кумъ, хихикая.—А покамѣстъ ничего, дѣвка хоть куда: и работящая, и умная.

— А теперь прощай, Стеша,—проговорилъ Бѣльскій, обращаясь къ Стешѣ,—спасибо за угощеніе.—Ѣдемъ, ѣдемъ, Людмила. Къ намъ заходи когда-нибудь,—прибавилъ онъ уже на ходу и выводя жену на крылечко, возлѣ котораго стояли уже лошади, подведенныя кумомъ.

— Да, заходи, милая,—прибавила барыня.

— Слушаю, зайду-съ какъ-нибудь.

Немного погодя они возвращались домой. Ѣхали они шагомъ вдоль дубовой рощицы, прислушиваясь къ какой-то хоровой пѣ-

сенкѣ, издали доносившейся до нихъ и эхомъ повторявшейся въ рощицѣ. Пѣсенка то замирала, то снова пробуждалась. Это пѣли возвращавшіяся съ луговъ поденщицы и Ольга. Всѣ онѣ шли съ граблями на плечахъ по той же дорогѣ, по которой ѣхали Бѣльскіе. Завидѣвъ верховыхъ, хоръ мгновенно умолкъ.

— Скопнили сѣно? — добродушно спросилъ Бѣльскій, обращаясь къ Ольгѣ.

— Покончили, — крикнула Ольга весело, пристально глядя на Бѣльскаго, который очень понравился ей по доброму выраженію лица и по ласковому обращенію съ ней.

— Довольны покосомъ?

— Очень, очень.

— Ну-съ, а пока до свиданья, Ольга.

— До свиданья, до свиданья.

— Будьте здоровы. Желаю вамъ отъ души всего лучшаго.

— Благодарю васъ. И вамъ того желаю.

И они разстались. Снова раздалась пѣсня, а Бѣльскіе крупною рысью поѣхали домой.

Барыня всю дорогу не могла примириться съ мыслью, что хуторокъ подаренъ на вѣчныя времена «этой въ сущности распутной женщинѣ». И мысленно надѣялась при помощи адвокатовъ опровергнуть дарственную запись, составленную, по всей вѣроятности, выжившей изъ ума старухой. У нея даже былъ одинъ адвокатъ пріятель, который все законное отлично умѣлъ сдѣлать незаконнымъ. Превосходный адвокатъ нажилъ милліонное состояніе и слава о немъ гремитъ повсюду. Правда, дорогъ, но такому геніальному человѣку не жалко и заплатить дорогія деньги.

IV.

Нѣсколько недѣль провозился Бѣльскій съ Дурасовскими крестьянами по поводу продажи земли. Наконецъ, дѣло сладилось. Пріѣхалъ членъ-оцѣнщикъ, произвелъ оцѣнку, и дѣло было направлено, куда слѣдуетъ. Бѣльскій продалъ крестьянамъ всю землю за исключеніемъ усадьбы, которую на всякій случай оставилъ себѣ.

— Мало ли что можетъ быть,—говорилъ онъ женѣ, которая совѣтовала продать все и навсегда покончить съ Дурасовымъ.—Тогда уже негдѣ будетъ и головы преклонить, мало ли что можетъ случиться.

Раза два Стеша, будучи у обѣдни въ Дурасовѣ, заходила на барскій дворъ, гдѣ кума ея, Дарья Ѳедоровна, все еще считалась

по старой памяти экономкой. Господа принимали Стешу ласково и каждый разъ приказывали Дарьѣ Ѳедоровнѣ напоить ее чаемъ, а иногда накормить обѣдомъ. Съ Дарьей Ѳедоровной Стеша была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и считала ее роднымъ человѣкомъ, точно также и Дарья Ѳедоровна считала Стешу за родную, часто онѣ бывали одна у другой, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что между двумя пріятельницами происходили теперь, когда пріѣхали господа, самые оживленные и интимные разговоры. Стеша успѣла сообщить ей о томъ испугѣ, который пережила въ то время, когда барыня просматривала дарственную запись, разсказала про серьги, про портретъ, а Дарья Ѳедоровна въ свою очередь вздыхала и охала, разсказывая Стешѣ про житье-бытье господъ. «Плохо дѣло нашего барина Николая Петровича,—говорила она, прихлебывая чай съ блюдечка,—разоритъ она его, въ концъ разоритъ, а то, чего добраго, отниметъ у него деньги и броситъ». Стеша только охала, да головой покачивала.

— Неужто?—спрашивала она, не совсѣмъ-то довѣряя кумѣ.

— Похоже на то, милая, похоже, ей-Богу. Все уговариваетъ его въ какомъ-то городѣ циркъ какой-то открыть и давать представленія какія-то... Ей-Богу. «Я,—говоритъ,—это дѣло до тонкости знаю, наймемъ,—говоритъ,—двухъ-трехъ красивыхъ борцовъ, которые теперь въ большой модѣ, наѣздницъ хорошенькихъ, двухъ-трехъ ученыхъ свиней, и мы съ тобой въ два-три года большія деньги наживемъ». Ей-Богу, не лгу, сама слышала, какъ они однова про это въ кабинетѣ промежъ себя разговаривали, сама, милая, слышала, сама...

Иногда барыня заходила въ дѣвичью, перекидывалась нѣсколькими словами со Стешей, причемъ послѣдняя быстро вскакивала съ мѣста и почтительно складывала руки посверхъ пояса. Барыня сообщала ей, что страшно соскучилась въ деревнѣ, что никогда въ деревняхъ не живала, что привыкла разъѣзжать по городамъ по разнымъ, бывать за границей, время проводить весело и шумно и что теперь ждетъ не дождется, когда они покончатъ дѣло съ крестьянами.

— Только вы тогда и видали меня,—прибавляла она, захохотавъ своимъ гортаннымъ хохотомъ и обращаясь къ Стешѣ и Дарьѣ Ѳедоровнѣ.

Заходилъ въ дѣвичью и самъ баринъ, шутилъ со Стешей, припоминалъ былыя времена, а Стеша на барскія шутки отвѣчала коротко. Говорилъ тоже много объ Ольгѣ, разспрашивалъ, куда именно, покончивъ гимназію, она поступитъ, и опять восхищался ею.

Разъ какъ-то баринъ встрѣтилъ Стешу въ коридорѣ со сводами и, проходя мимо, обнялъ ее въ шутку, но Стеша быстро оттолкнула его и поспѣшила къ Дарьѣ Ѳедоровнѣ.

Наконецъ ссуда была разрѣшена, и господа Бѣльскіе одновременно съ уполномоченными отъ общества отправились въ губернскій городъ для совершенія купчей крѣпости и за полученіемъ денегъ, а получивъ таковыя, Бѣльскій немедленно отправился въ полкъ, а немного погодя вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора. Вскорѣ послѣ нихъ переѣхали въ городъ и Стеша съ Ольгой, оставивъ хуторокъ опять на попеченіе кума Колчина. Пріѣхавъ въ городъ, Стеша снова поступила на прежнее мѣсто, опять поселившись за перегородкой кухни, принялась попрежнему ухаживать за старухой барыней: мыть каждый день полы, стирать бѣлье, топить печи, а Ольга — бѣгать въ гимназію и попрежнему въ свободное время помогать матери.

Такъ прошелъ годъ. И вотъ, наконецъ, Ольга, покончивъ гимназію, разсталась съ матерью и отправилась въ Петербургъ съ одной изъ своихъ гимназическихъ подругъ, гдѣ и поступила на медицинскіе женскіе курсы при Николаевскомъ хирургическомъ госпиталѣ. Училась она хорошо, не пропускала ни одной лекціи, подыскала себѣ два-три урока, за которые получала довольно приличную плату. А въ каникулярное время пріѣзжала къ матери на хуторъ, гдѣ и проводила все лѣто. Стеша, проводивъ дочку въ Петербургъ, оставила городъ, распростившись со своей старушкой барыней, и къ великому удовольствію кума Колчина поселилась на хуторѣ. Ольга проводила у матери все лѣто. Перезнакомилась почти со всѣми дворянскими и купеческими семьями и всячески старалась узнать бытъ крестьянъ, ихъ нравы, образъ жизни, обычаи, и не мало удивлялась тому невѣжеству, въ которомъ пребывало еще крестьянское населеніе той мѣстности. Болѣе же всего ее заинтересовало родное село Дурасово, съ крестьянскими семьями котораго она коротко ознакомилась. Она уговорила крестьянъ построить школу, доказывая, что въ настоящее время оставаться безграмотными, ничего не знающими, нельзя, собрала на этотъ предметъ по подпискѣ небольшую сумму денегъ, выхлопотала пособіе отъ земства на постройку школы и въ концѣ-концовъ добилась-таки, что общество села Дурасова открыло у себя школу.

Сосѣдніе помѣщики, съ которыми познакомилась Ольга, полюбили ее, часто бывали у нея на хуторѣ, приглашали ее къ себѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали того времени, когда Ольга, покончивъ свое образованіе, навсегда поселится на Стешиномъ хуторѣ. Ждала

этого времени съ нетерпѣніемъ и сама Ольга, и вотъ, наконецъ, черезъ пять лѣтъ, блистательно завершивъ свое образованіе и получивъ дипломъ съ правомъ заниматься частной практикой, Ольга переселилась окончательно въ родную сторону и принялась за дѣло. Стешинъ хуторокъ оживился. Со всѣхъ сторонъ началъ приходить народъ, заслышавъ о прибытіи новой докторши, сначала въ небольшомъ количествѣ, а потомъ все больше и больше... Начали пріѣзжать тарантасы, брички, телѣжки... Ольга построила себѣ небольшую амбулаторію и принялась лѣчить.

Каждое воскресенье и каждый праздникъ она отправлялась въ Дурасово къ обѣднѣ, по окончаніи которой непремѣнно навѣщала крестную мать Дарью Ѳедоровну, все еще проживавшую на барскомъ дворѣ, затѣмъ обходила всѣхъ своихъ паціентовъ и только къ вечеру возвращалась домой на хуторъ.

Побывала Ольга Николаевна и у всѣхъ мѣстныхъ земскихъ врачей, изъ которыхъ нѣкоторыхъ знала еще студентами. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли уже жениться, обзавестись дѣтьми, а нѣкоторые оставались холостыми, но значительно измѣнившимися, и не походили на тѣхъ, какими они были раньше. Врачи приняли Ольгу Николаевну весьма радушно, всѣ поспѣшили отдать ей визитъ и даже устроили ей по подпискѣ обѣдъ, на которомъ съ бокалами въ рукахъ наговорили ей очень много хорошихъ и громкихъ рѣчей, а затѣмъ послѣ обѣда принялись посвящать ее въ мѣстную медицинскую этику, слѣдовать которой уговаривали и Ольгу Николаевну. Но этика эта Ольгѣ Николаевнѣ не понравилась, и она наотрѣзъ объявила, что такъ какъ быть земскимъ врачемъ она не можетъ, а можетъ только заниматься частной практикой, то она и будетъ практиковать, какъ ей заблагоразсудится и какъ она сочтетъ для себя болѣе удобнымъ. Отказъ этотъ не понравился врачамъ, и врачи начали надъ ней подтрунивать, посмѣиваться надъ ея медицинскими познаніями и называли ее просто-на-просто фельдшерицей, въ доказательство чего указывали на распоряженіе правительства, воспрещающее женщинамъ-врачамъ быть земскими врачами и завѣдывать больницами. Всѣ эти толки не мало вредили Ольгѣ Николаевнѣ, но мало-по-малу она завоевала себѣ довѣріе и уваженіе всего округа. Ольга Николаевна ѣздила ко всѣмъ, кто бы ее ни пригласилъ, ни съ кого никакой платы не требовала, а довольствовалась тѣмъ, что ей предлагали. Съ крестьянъ же и вообще съ бѣдныхъ больныхъ она не брала ничего и даже лѣчила ихъ собственными своими медикаментами. Каждаго больного она умѣла какъ-то успокоить и утѣшить,—словомъ, сдѣлалась вскорѣ

самымъ необходимѣйшимъ и любимѣйшимъ человѣкомъ въ описываемой мѣстности.

Переселился въ родную сторону и генералъ-майоръ Бѣльскій, разбитый параличомъ и обобранный женой, куда-то исчезнувшей и открывшей гдѣ-то цирк въ компаніи съ какимъ-то борцомъ. Генералъ былъ увѣренъ, что, переѣхавъ въ Дурасово и поселившись въ домѣ, въ которомъ родился и выросъ, онъ всенепремѣнно примирится со своимъ горькимъ положеніемъ и даже поправится отъ болѣзни. Онъ нѣсколько привелъ въ порядокъ состарѣвшійся домъ, прочистилъ въ паркѣ дорожки, но домъ, напоминавшій ему о былломъ, счастливомъ и беззаботномъ времени, наводилъ на него тоску, а паркъ, ходить по которому онъ не могъ и по которому его возили только въ креслѣ, своими состарѣвшимися деревьями, развалившимися бесѣдками и гротами приводилъ только въ отчаяніе. Но пуще всего его томило одиночество, переживаемое имъ въ этомъ пустынномъ большомъ домѣ, въ которомъ когда-то было такъ шумно и людно. Ольга чуть не каждый день навѣщала его и она первая порѣшила, что жить ему въ Дурасовѣ нельзя и что одиночество это можетъ въ конецъ разстроить его нервы, и безъ того уже достаточно разстроенные. И вотъ, однажды, вбѣжавъ навѣстить генерала, она весело проговорила:

— А знаете ли, что я вамъ скажу, Николай Петровичъ, вѣдь вамъ скучно здѣсь, переѣзжайте-ка къ намъ на хуторъ... Вамъ нравится моя комната: вы находите ее веселенькой, уютной, я съ радостью вамъ уступлю ее. Право, переѣзжайте-ка: вамъ будетъ веселѣе тамъ...

Генералъ чуть было не расплакался отъ радости, крѣпко обнялъ Ольгу Николаевну, которую называлъ Ольгушей, еще крѣпче прижалъ ее къ груди и на другой же день, покинувъ Дурасово, переселился на Стешинъ хуторъ.

Возвратимся однако къ разсказу.

VII.

Прохворалъ я не два-три дня, какъ утѣшала меня Ольга Николаевна, а гораздо дольше, такъ какъ со мной оказалась не лихорадка, а сыпной тифъ, и Ольгѣ Николаевнѣ долго-таки пришлось провозиться со мной. Сперва она пріѣзжала ко мнѣ черезъ день, но по мѣрѣ развитія болѣзни чуть не каждый день; сама давала лѣкарства, ухаживала за мной, иногда проводила возлѣ меня цѣлыя ночи, мѣняла компрессы и все это дѣлала такъ ласково и ве-

село, что я невольно какъ-то ободрялся и безусловно довѣрялъ ея лѣченію. Настоящій мой недугъ она, видимо, скрывала отъ меня, увѣряя, что со мной какая-то особенная лихорадка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма упорная, но безусловно неопасная и безъ малѣйшихъ вредныхъ послѣдствій. То же самое говорилъ мнѣ на первыхъ порахъ и Лутохинъ. Онъ всячески успокоивалъ меня и даже продолжалъ ходить на охоту, но два-три дня спустя почему-то на охоту ходить пересталъ, лицо его приняло какое-то хмурое выраженіе, и онъ принялся усердно раза два-три въ день ставить мнѣ градусникъ подъ мышку, аккуратно записывать температуру на бумажку, а хмурое лицо его становилось почему-то все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ даже началъ изрѣдка бросать на меня какіе-то испуганные взгляды, ясно говорившіе мнѣ, что со мной происходитъ что-то неладное. Но стоило только показаться Ольгѣ Николаевнѣ, какъ всѣ мои догадки мгновенно исчезали, а хмурое лицо Лутохина принимало совсѣмъ иное выраженіе. Лутохинъ не покидалъ почти моей комнаты, объ охотѣ забылъ окончательно и увѣрялъ, что онъ не ходитъ на охоту потому, что она ему надоѣла. Иногда, а именно, когда лицо его принимало особо мрачное выраженіе, а глаза испуганно смотрѣли на меня, онъ даже оставался ночевать въ моей комнатѣ.

— Я съ тобой переночую,—говорилъ онъ.—У меня такая духота и жарища, а главное—такая пропасть комаровъ и мухъ,—и чортъ ихъ знаетъ, откуда поналетѣли!—что положительно спать не даютъ. У тебя здѣсь рай...

И, постеливъ на диванѣ свою постель, которую всегда самолично переносилъ, ложился спать, заправивъ предварительно ночную лампу съ зеленымъ абажуромъ и затепливъ въ образницѣ лампадку.

— Ну, покойной ночи,— говорилъ онъ, укладываясь на диванѣ,—спи хорошенько, а что касается меня, то я всенепремѣнно буду спать, какъ убитый.

Но Лутохинъ вралъ и какъ убитый спалъ весьма рѣдко, ибо я, спавшій какимъ-то тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ и часто просыпавшійся, постоянно видѣлъ его, освѣщеннаго и лампой, и лампадкой, лежащимъ на боку съ вытаращенными на меня глазами, и стоило мнѣ только пошевельнуться, какъ онъ мгновенно вскакивалъ съ дивана, подбѣгалъ ко мнѣ, торопливо шлепая по полу босыми ногами, и испуганно спрашивалъ:

— Что съ тобой, голубчикъ? Не спится тебѣ? Жарко, вѣроятно, постой-ка, я немного раскрою тебя: ты ужъ очень закутался одѣяломъ.

И, отворотивъ одѣяло, онъ зачѣмъ-то принимался осматривать мои бока и грудь и обтирать таковые напитанной уксусомъ губкой.

Все это продѣлывалъ онъ такъ суетливо и такъ смѣшно, что я, несмотря на мою болѣзнь, не могъ смотрѣть на него безъ смѣха, а онъ, услыхавъ мой смѣхъ, мгновенно пугался.

— Что съ тобой? Что съ тобой? Ты бредишь?

— Да нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ...

— Что же ты смѣешься?

— А потому и смѣюсь, что мнѣ смѣшно.

И онъ, покончивъ свои обтиранья, снова накрывалъ меня одѣяломъ и ложился на диванъ, въ полномъ, вѣроятно, убѣжденіи, что я нахожусь въ бреду.

Такъ прошло еще дня два-три. Ольга Николаевна навѣщала меня ежедневно, шепталась о чемъ-то съ Лутохинымъ, который каждый разъ показывалъ ей листочекъ, на которомъ записывалъ мою температуру, она тоже зачѣмъ-то осматривала мои бока и грудь и тоже обтирала ихъ губкой съ уксусомъ.

— Отлично, превосходно,— говорила она въ это время,— все идетъ какъ нельзя лучше, отлично, я совершенно довольна вами, сэръ,— прибавляла она шутливо.

— Да что со мной?

— А то, что въ скоромъ времени мы отправимся съ вами на охоту. А теперь пока до свиданья.

Разъ какъ-то, проснувшись утромъ, я услыхалъ какой-то шепотъ, происходившій недалеко отъ моей постели. Я посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда доносился этотъ шепотъ, и увидалъ Ольгу Николаевну, сидѣвшую рядомъ съ Лутохинымъ.

— Теперь,—шептала она чуть слышно,—я совершенно спокойна; кризисъ миновалъ благополучно, пятна блѣднѣютъ и исчезаютъ, температура понижается, сердце работаетъ прекрасно,— словомъ, я ручаюсь теперь, что дня черезъ два онъ встанетъ съ постели. Вотъ,— продолжала она,— вы увѣряли, что кромѣ простуды съ больнымъ ничего не могло случиться, а теперь я объясню вамъ, что̀ именно случилось съ нимъ. Оказалось, что вы, милостивый государь, во время охоты изволили ночевать у одного лѣсника, въ домѣ котораго былъ больной сыпнымъ тифомъ, котораго я тоже лѣчила и который теперь ужъ выздоровѣлъ.

Лутохинъ припомнилъ, что, дѣйствительно, мы, застигнутые проливнымъ дождемъ и грозой, ночевали въ сторожкѣ одного лѣсника, въ избѣ котораго кто-то все стоналъ.

— И къ которому,—подхватила Ольга Николаевна,—зачѣмъ-то подходилъ вашъ пріятель.

Лутохинъ подтвердилъ.

— Ну-съ, вотъ вамъ и причина болѣзни вашего пріятеля,— проговорила она.

И затѣмъ, перейдя въ сосѣднюю комнату, она принялась шепотомъ разговаривать о чемъ-то другомъ.

Но я, успокоенный предшествовавшими ея словами, уснулъ спокойнымъ, крѣпкимъ сномъ, проспалъ долго, а проснувшись часовъ въ 11 утра, чувствовалъ себя почти здоровымъ. Замѣтилъ это и Лутохинъ, все еще не смѣвшій подняться со своего дивана, подбѣжалъ ко мнѣ и, сунувъ мнѣ подъ мышку градусникъ, принялся болтать, восхваляя Ольгу Николаевну, которую будто до тѣхъ поръ совершенно не зналъ и не понималъ. А посмотрѣвъ на градусникъ, вскрикнулъ восторженно:

— Поздравляю: 37...

Въ это самое время опять раздался хрипъ цѣпной собаки, гоготанье гусей, и мимо оконъ проѣхала въ своей одноколкѣ Ольга Николаевна.

— Ну, что?— спросила она, войдя въ комнату.

Но, вмѣсто отвѣта, Лутохинъ только показалъ ей градусникъ.

— Ну, вотъ и отлично,— радостно проговорила Ольга Николаевна.

Посовѣтовала мнѣ полежать еще дня два, а затѣмъ разрѣшила встать съ постели.

— Только на охоту ходить не разрѣшаю и совѣтую никогда не заходить къ крестьянамъ въ избы, не справившись предварительно, нѣтъ ли тамъ больного.

— Когда же вы разрѣшите мнѣ на воздухъ-то?—спросилъ я.

— Теперь за этимъ дѣло не станетъ! — чуть не вскрикнула она, весело махнувъ рукой.—Теперь у васъ непремѣнно появится громадный аппетитъ, кушайте на здоровье, только сразу не наѣдайтесь, кушайте лучше по нѣсколько разъ въ день, но не за разъ и слишкомъ не обременяйте желудка.

И какъ-то особенно быстро распростившись съ нами, она выбѣжала изъ комнаты. А вскорѣ снова ѣхала мимо оконъ въ своей одноколкѣ, слегка понукая кнутикомъ пѣганку.

Я опять не поспѣлъ поблагодарить ее. Право, она какъ будто нарочно избѣгала этого.

VIII.

Дня два-три послѣ этого я чувствовалъ себя настолько хорошо, что тотчасъ порѣшилъ ѣхать на Стешинъ хуторокъ, сдѣлать визитъ Ольгѣ Николаевнѣ и поблагодарить ее за ея заботы обо мнѣ. Сверхъ всякаго ожиданія со мной увязался и Лутохинъ, объяснивъ эту поѣздку желаніемъ повидаться съ бывшимъ своимъ начальникомъ, генераломъ Бѣльскимъ, котораго очень будто любилъ, но по выраженію лица его можно было замѣтить, что на умѣ у него было совсѣмъ что-то другое. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ занялся своимъ туалетомъ и даже разыскалъ гдѣ-то лайковыя перчатки, которыя и натягивалъ на руки и застегивалъ, стоя передъ зеркаломъ и оглядывая себя съ головы до ногъ. А собираясь выходить изъ дома на крыльцо, возлѣ котораго насъ ожидалъ тарантасъ, запряженный тройкою разукрашенныхъ бляхами лошадей, даже украдкой попрыскалъ на себя духами.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ,—торопилъ онъ меня, выходя на крыльцо,—ѣдемъ, пора, пора...

Мы сѣли въ тарантасъ и поѣхали. День выдался превосходный; ясный, солнечный, но не удушливый. Тянулъ откуда-то легонькій вѣтерокъ, колыхавшій успѣвшими значительно подняться хлѣбами... Въ воздухѣ раздавались трели жаворонка... Перебѣгали сурки отъ одной сурчины къ другой, а заслышавъ шумъ тарантаса, вскакивали на заднія лапки и оглашали воздухъ порывистымъ свистомъ.

Лутохинъ всю дорогу восхищался генераломъ Бѣльскимъ. Говорилъ, что во всей кавалеріи Бѣльскій славился своею красотой, слылъ за лучшаго, лихого ѣздока и отличался своимъ добрымъ сердцемъ и крайне веселымъ характеромъ. Дамы были отъ него безъ ума, а мужчины положительно восхищались имъ. Онъ превосходно танцовалъ, недурно пѣлъ и повсюду считался душою общества. «Командиръ былъ Бѣльскій,—говорилъ Лутохинъ,—какихъ я никогда не встрѣчалъ. Правда, строгій, взыскательный, но зато справедливый. Офицеры на рукахъ носили его, а солдатики боготворили... Молодчина былъ... Ну, а теперь,—прибавилъ онъ,—куда что дѣвалось... состарился, разбитъ параличемъ, едва ходитъ съ помощью палки, плохо говоритъ, невнятно то-есть, вѣчно пасьянсы раскладываетъ, но все-таки кое-когда бываетъ у меня. Мы съ нимъ вспоминаемъ былыя времена и старикъ какъ будто оживаетъ и прибодряется. Ольга Николаевна очень любитъ, когда онъ бываетъ у меня».

До Стешина хутора считалось отъ Ольшанки верстъ шесть-семь,

и мы вскорѣ были уже на хуторѣ. Ольга Николаевна, оказалось, занималась въ своей амбулаторіи, помѣщавшейся въ небольшомъ флигелькѣ, нарочно построенномъ съ этою цѣлью, какъ разъ противъ домика, а генералъ, по словамъ встрѣтившаго насъ Николая Колчина, по обыкновенію сидѣлъ въ своей комнатѣ и раскладывалъ пасьянсъ. Лутохинъ отправился къ генералу, а я къ Ольгѣ Николаевнѣ, благо, по расходившемуся народу и по отъѣзжающимъ двумъ-тремъ тарантасамъ, можно было догадаться, что пріемъ больныхъ приходилъ къ концу. И дѣйствительно, когда я вошелъ въ небольшую, но чистенькую комнату-амбулаторію, которую крестьяне обыкновенно называли просто-на-просто аптекой, то въ ней оставалась только одна какая-то женщина съ грудным ребенкомъ, котораго Ольга Николаевна и осматривала.

— Здравствуйте, сэръ,—весело вскрикнула она, увидавъ меня,—милости прошу, присядьте, я сейчасъ все кончу. Ну, что, какъ ваше самочувствіе?

— Превосходно.

— Очень рада,—проговорила она и потомъ, обратясь къ женщинѣ, прибавила:—Ну, ладно, сейчасъ я дамъ тебѣ порошковъ, которые ты и давай своему ребенку раза три въ день, а именно: одинъ натощакъ, другой передъ обѣдомъ и третій на ночь. Порошки сладенькіе, разведи ихъ въ водѣ и мальчуганъ будетъ пить ихъ за милую душу. Да, кстати, а что Матрена: она что-то давно не была у меня...

— Она выздоровѣла, родимая, намедни видѣла ее, она пшеничку полола, совсѣмъ здорова.

— Ну, и отлично.

И проговоривъ это, она выбѣжала за перегородку, за которой виднѣлся большой стеклянный шкафъ съ разставленными по полкамъ медикаментами, принесла оттуда какую-то коробочку и, передавъ ее женщинѣ, проводила ее, проговоривъ:

— Ну, вотъ тебѣ лѣкарство и ступай съ Богомъ, а главное—не безпокойся; ничего опаснаго съ твоимъ ребенкомъ нѣтъ и поправится онъ скорехонько. Ну-съ,—прибавила она, обратясь ко мнѣ,—теперь я къ вашимъ услугамъ. Вы, конечно, съ визитомъ ко мнѣ, но, по правдѣ сказать, я противъ этихъ китайскихъ церемоній и вы меня очень одолжите, ежели просто-на-просто вмѣстѣ со мной пообѣдаете, это будетъ проще и какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ, по правдѣ сказать, мнѣ ужасно хочется ѣсть.

И тщательно вымывъ руки передъ мраморнымъ умывальникомъ, она подошла ко мнѣ.

— Ну-съ, вашу руку, сэръ.

И мы пошли по направленію къ домику.

— Мамаша!—крикнула она какой-то женщинѣ, показавшейся было на крылечкѣ.—Готовъ обѣдъ?...

— Давно готовъ, дочка,—отвѣтила та и опять скрылась.

Обѣдали мы на площадкѣ, тщательно выметенной, усыпанной песочкомъ и окруженной густыми вишнями. Обѣдъ прошелъ какъ нельзя лучше. Я познакомился съ генераломъ, который вышелъ къ обѣду, придерживаясь за руку Дарьи Ѳедоровны и волоча лѣвою парализованною ногой. Дарья Ѳедоровна усадила его въ приготовленное для него кресло, повязала ему салфетку на грудь и принялась вѣткой отмахивать отъ него мухъ. Лутохинъ помѣщался рядомъ съ генераломъ, а я съ Ольгой Николаевной. Генералъ былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа. Вспоминалъ былыя времена, когда онъ командовалъ полкомъ и когда Лутохинъ былъ подъ его командой, вспоминалъ про какіе-то смотры, маневры, происходившіе въ присутствіи какого-то важнаго генерала, какъ онъ во время этихъ маневровъ загналъ какого-то генерала въ какое-то болото, долго хохоталъ надъ этимъ; Лутохинъ напомнилъ ему нѣкоторыя забытыя имъ подробности этихъ маневровъ, и генералъ, какъ бы обрадованный, восторженно вскрикивалъ:

— Да, да, правда, правда, забылъ, забылъ...—и затѣмъ, дружески похлопывая Лутохина по плечу, прибавилъ:—Однако, какъ ты все подробно помнишь!

— Такія подробности не забываются, ваше пре-ство,—похвастался Лутохинъ, дѣлая подъ козырекъ.

Генералъ расхохотался.

— А любилъ я этого Лутохина,—проговорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и ласково продолжая похлопывать Лутохина по плечу.—Славный офицеръ былъ, правда озорникъ большой, но честный и благородный малый и хорошій служака, эскадронъ его былъ лучшимъ... — и вдругъ, что-то вспомнивъ, онъ заговорилъ: — Нѣтъ, представьте, какую онъ разъ штуку со мной выкинулъ.

Лутохинъ тоже принялся хохотать.

— Назначилъ я смотръ полку... Дѣло было лѣтомъ и смотръ долженъ былъ происходить за городомъ...—продолжалъ генералъ, видимо, воодушевляясь.—На мѣсто смотра поѣхалъ я въ коляскѣ... Вдругъ не доѣзжая съ полверсты до мѣста, вижу Лутохина... Я глазамъ не повѣрилъ.... Какъ, думаю, я назначилъ смотръ, а Лутохинъ съ ружьемъ и въ полной парадной формѣ какихъ-то птицъ стрѣлять изволитъ... Я хоть бы слово, сдѣлалъ видъ, что не замѣ-

тилъ его и приказалъ кучеру пустить лошадей полною рысью... Постой, голубчикъ, думаю себѣ, вотъ я накрою тебя, покажу тебѣ, какъ во время смотровъ съ ружьемъ шататься, и приготовился даже немедленно его на гауптвахту посадить и представьте, подъѣзжаю къ мѣсту и вдругъ вижу Лутохина во главѣ своего эскадрона. «Штабъ-ротмистръ Лутохинъ!—кричу я, опять не вѣря глазамъ своимъ. Лутохинъ далъ шпоры и стоитъ передо мной, вытянувшись.—Вы какъ попали сюда?»—спрашиваю. «Съ вами, г. полковникъ». Я тогда еще полковникомъ былъ. «Какъ со мной?...»—удивился я. «На запяткахъ вашего экипажа, г. полковникъ». Ну, какъ это вамъ понравится?... Ну, не молодецъ ли?... Ну, разумѣется, послѣ смотра я разсказалъ это гг. офицерамъ, и мы, помнится, по этому случаю порядкомъ-таки выпили.

— Однако, и у васъ, ваше прев-ство, память-то не хуже моей,—замѣтилъ Лутохинъ.

— Такія подробности не забываются, г. штабъ-ротмистръ,—передразнилъ его генералъ, сдѣлавъ подъ козырекъ и громко расхохотавшись.—Отличный, отмѣнный былъ офицеръ. Я очень любилъ его. Правда, жилъ не по карману, много долговъ понадѣлалъ, но теперь остепенился, говорятъ, живетъ скромно, хозяйничаетъ, мельницу хорошенькую построилъ, ничего не пьетъ, — словомъ «паинькой» сдѣлался.

И погладивъ по головѣ Лутохина, генералъ опять расхохотался.

Обѣдъ былъ простой, изъ трехъ блюдъ, но вкусный и опрятно изготовленный. Были лѣнивыя щи изъ свѣжей капусты, жареная телятина и воздушный пирогъ изъ яблокъ со сливками. Пищу генералъ пережевывалъ весьма долго и старательно, такъ какъ очень боялся, какъ бы что-нибудь твердое не застряло въ слѣпой кишкѣ.

И вдругъ, обратясь къ Ольгѣ Николаевнѣ, спросилъ:

— Правда ли, Ольгуша, что эта подлая кишка даже не нужна совсѣмъ.

— Правда, Николай Петровичъ,—отвѣтила та, весело разсмѣявшись.

— Ну вотъ извольте радоваться, а я по случаю этой кишки пересталъ даже дичь ѣсть, которую очень любилъ и которую весьма часто присылаетъ мнѣ Лутохинъ.

— Почему же вы дичь-то боитесь кушать? — спросила Ольга Николаевна.

— А дробинки-то... Застрянетъ и капутъ, тѣмъ болѣе, что у того Лутохина такія ужасныя ружья, что словно начиняютъ дробью дичь...

Всѣ расхохотались.

Кухонною стряпней, какъ оказалось, занималась Стеша, научившаяся этому дѣлу, живя въ городѣ у старушки въ должности горничной. Подавала кушанья Стеша, успѣвшая попріодѣться и надѣть бѣлый фартукъ, всегда начиная съ генерала. Послѣ обѣда Ольга Николаевна угостила насъ кофеемъ, за которымъ объявила, что дѣло объ открытіи въ Дурасовѣ ссудо-сберегательнаго товарищества, наконецъ, покончено и что на-дняхъ будетъ торжественное открытіе товарищества въ присутствіи предводителя дворянства и многихъ другихъ начальствующихъ лицъ, на которое приглашаетъ и насъ. Лутохинъ, конечно, опять замахалъ руками и отбѣжалъ отъ стола, приговаривая:

— Чуръ меня, чуръ меня...

Но на этотъ разъ его чуранье звучало уже совсѣмъ иначе и выражало скорѣе согласіе, чѣмъ отказъ. Генералъ, которому пить кофе было запрещено, ушелъ, сопровождаемой Дарьей Ѳедоровной, грузно опираясь на палку и волоча лѣвою ногой, слегка напѣвая какой-то кавалерійскій маршъ.

Просидѣли мы еще часа два и начали собираться домой, а немного погодя ѣхали уже мимо дубовой рощицы, на опушкѣ которой подъ громаднымъ развѣсистымъ дубомъ мы увидали что-то бѣлѣвшееся.

— А вѣдь это генералъ, — сказалъ Лутохинъ. — Онъ имѣетъ обыкновеніе послѣ обѣда сидѣть подъ тѣнью этого библейскаго дуба, откуда отлично видно село Дурасово и полуразвалившійся барскій домъ, такъ много напоминающій ему и отраднаго, и тяжелаго.

Дѣйствительно это былъ генералъ. Мы пошли проститься съ нимъ. Онъ сидѣлъ на какой-то скамеечкѣ, прислонясь спиной къ могучему дубу, и какъ будто дремалъ. На немъ былъ тотъ же бѣлый военный китель съ Георгіемъ въ петличкѣ, тѣ же рейтузы съ генеральскими красными лампасами и бѣлый картузъ съ громаднымъ козырькомъ и кокардой. Но это былъ уже не тотъ генералъ, котораго мы видѣли за обѣдомъ, веселымъ и счастливымъ, а словно какой-то совсѣмъ другой. Сидѣлъ онъ немножко уронивъ голову на грудь и сложивъ руки на колѣняхъ. Рядомъ съ нимъ помѣщалась Дарья Ѳедоровна, худенькая, тощенькая, со сморщеннымъ лицомъ и потухавшими глазами, въ темненькомъ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, и осторожно отмахивала отъ него вѣткою мухъ.

— Спитъ? — прошепталъ Лутохинъ, когда мы стояли передъ генераломъ.

— Почиваютъ-съ,—чуть слышно прошептала Дарья Ѳедоровна.

Мы тихонько отошли, сѣли въ тарантасъ и поѣхали дальше.

Всю дорогу Лутохинъ молчалъ, видимо что-то соображая и обдумывая, и только подъѣзжая къ дому онъ обратился ко мнѣ:

— Н-да-а-а...—проговорилъ онъ.—А вѣдь я, пожалуй, и того... и ошибался... Нѣтъ, эта и свѣтитъ, и грѣетъ, побольше бы такихъ синихъ чулокъ...

— Жениться бы тебѣ...

Лутохинъ весь какъ-то заметался, засуетился и быстро пригнувшись ко мнѣ, прошепталъ на ухо:

— Тс... тс... finissez devant le cocher... après, après...

Я взглянулъ на Лутохина и ясно прочелъ на его лицѣ, что онъ давно уже порѣшилъ это.

И. Саловъ.

ЗАПОЗДАЛОЕ РАЗДУМЬЕ.

Очеркъ.

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милыя, постылы,
И горекъ дымъ сигары...

Некрасовъ.

Николай Ивановичъ задумался.

Не первый уже разъ задумывался Николай Ивановичъ, сидя у окна своей веселой дачки, почти сплошь заросшей дикимъ виноградомъ. Задумывался тяжело, угнетенно, до головной боли, а была ли отъ этого какая-либо польза—и самъ Николай Ивановичъ не могъ бы сказать. Слуга его Петръ, прислуживавшій ему около пяти лѣтъ и не привыкшій видѣть барина не только въ состояніи меланхоліи, но и съ какою-нибудь серьезною заботою на лицѣ, объяснялъ диковинную вещь очень просто и категорически «бариновою глупостью». За послѣдніе полгода Петръ совершенно разочаровался въ баринѣ и приходилъ на зовъ его не иначе, какъ съ какою-то жалостливою полуулыбкой и скептическимъ огонькомъ въ глазахъ. Баринъ, несмотря на глубокую задумчивость,—«черную меланхолію», по выраженію Петра,— замѣчалъ критическое отношеніе къ нему Петра и ему каждый разъ казалось, что Петръ мысленно обзывалъ его тюфякомъ и слюняемъ. И Петръ дѣйствительно обзывалъ его и тюфякомъ, и слюняемъ, и еще кое-чѣмъ похуже.

Но что за дѣло Николаю Ивановичу до Петра и его скептическаго отношенія, когда голова его готова разорваться на части! И отчего, почему? Запутался въ денежныхъ дѣлахъ? Ничуть не бывало,—финансовая часть въ такомъ порядкѣ, что любой министръ позавидовалъ бы Николаю Ивановичу. Безнадежно влюбился?... Смѣшно даже подумать. Николай Ивановичъ всѣмъ извѣстный красавецъ-мужчина, видавшій въ дѣлѣ любви всякіе виды, но только не безнадежность, и даже теперь, въ 45 лѣтъ, въ возрастѣ, когда

волей-неволей приходится отказаться отъ роли первыхъ любовниковъ, къ нему пылаютъ нѣжною страстью самыя молоденькія дѣвицы пріятной наружности. Попался въ какомъ-нибудь скверномъ дѣлѣ или приходится драться на дуэли? Ни того, ни другого. Николай Ивановичъ слишкомъ корректенъ, чтобы попасться въ скверномъ дѣлѣ, и слишкомъ брезгливъ ко всякимъ шумнымъ исторіямъ, чтобы довести себя до дуэли. Такъ что же, наконецъ?... Обыкновенная мигрень, несвареніе желудка?

Нѣтъ, не то, не то и не то. Николай Ивановичъ задумался... ну, какъ бы вамъ сказать?... надъ ничтожностью своей жизни! И задумался такъ, что голова готова разорваться на части. Это ли не диковина и не «баринова глупость»! Мало ли, въ самомъ дѣлѣ, ничтожныхъ существованій, неужели же всѣмъ проливать надъ этимъ слезы? Да и что жизнь? «Сонъ, содержаніе котораго зависитъ отъ случая». Такой афоризмъ любилъ приводить Николаю Ивановичу его постоянный дачный сожитель и пріятель молодости Андрей Павловичъ Тарсановъ, правитель губернаторской канцеляріи. Но никакіе афоризмы не помогали.

И Николай Ивановичъ, сидя у окна и глядя сквозь зеленую рамку дикаго винограда на далекій горизонтъ, въ двадцатый-тридцатый разъ перебиралъ свои воспоминанія. И чѣмъ больше копался онъ въ своей памяти, тѣмъ болѣе убѣждался, что ничто изъ длинной вереницы летучихъ призраковъ прошлаго не вызываетъ въ немъ отраднаго чувства.

Между тѣмъ жилъ же онъ до сихъ поръ совершенно довольный своею жизнью, завидною, и даже очень завидною для всѣхъ его окружающихъ. Правда, иногда, подъ вліяніемъ какого-нибудь случая, находило на него раздумье, но объ этомъ и вспоминать не приходится,—все это было такъ, пустяки, мимолетная грусть... Да и въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ собственно обнаружилъ онъ ничтожность своей жизни? Баклуши онъ не бьетъ, исправно служитъ, принимаетъ на себя помимо того разныя обязанности въ разныхъ обществахъ «покровительства» различнымъ благороднымъ цѣлямъ,—словомъ, онъ полезный, что называется, человѣкъ, членъ общества трудящихся людей, хотя и не нуждается въ средствахъ; добрый сослуживецъ, хорошій товарищъ, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ... Что онъ не сдѣлалъ ничего выдающагося, не сталъ извѣстностью, не имѣетъ права на лавровые вѣнки и проч.? Такъ вѣдь никто и не вправѣ требовать отъ него чего-либо выдающагося; люди выдающіеся—исключенія, ихъ наперечетъ, а Николаю Ивановичу достаточно быть добросовѣстнымъ, честнымъ чело-

вѣкомъ, приносящимъ какую-либо пользу обществу. Вотъ онъ и приноситъ пользу...

«Гм... пользу... Нѣтъ, не въ томъ дѣло», подумалъ Николай Ивановичъ. И припомнилъ онъ нѣсколькихъ встрѣчавшихся ему въ жизни и поразившихъ его людей. Люди эти казались ему крайне незначительными, никакой роли въ обществѣ не играющими: обиженные и природою, и судьбою, вѣчно нуждавшіеся въ самомъ необходимомъ, обремененные семействомъ, приставленные къ маленькому дѣлу... И между тѣмъ на лицахъ этихъ людей онъ замѣчалъ какое-то непонятное для него сіяніе, въ свое маленькое дѣло они влагали такое рвеніе, какого не влагаютъ иногда въ дѣйствительно великія дѣла, воспитаніемъ дѣтей занимались съ какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ... И чего они такъ стараются, думалось въ то время Николаю Ивановичу, вѣдь вознаграждать ихъ за это рвеніе, полное какого-то смѣшного экстаза, никто не станетъ? Николай Ивановичъ, по добротѣ сердечной, жалѣлъ этихъ людей,—они казались ему несчастными, жалкими неудачниками. Какъ должны они проклинать свою жизнь и ничтожное свое дѣло, надъ которымъ корпятъ, въ перемежку съ семейною возней...

— Стоитъ ли такъ стараться изъ-за пятидесяти рублей въ мѣсяцъ? — спросилъ однажды Николай Ивановичъ одного изъ такихъ людей.

Тотъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— При чемъ же тутъ пятьдесятъ рублей?

— Да вѣдь и дѣло-то ничтожное, неинтересное, не стоитъ того, чтобы корпѣть надъ нимъ.

— Помилуйте, всякое дѣло, если оно дѣло, должно быть интересно...

И только теперь Николай Ивановичъ позавидовалъ этимъ маленькимъ людямъ и понялъ, почему жизнь его кажется ему съ птичьяго полета такою ничтожною. Не было у него никогда дѣйствительной любви ни къ дѣлу, ни къ людямъ. Онъ служилъ, и служилъ довольно исправно, но никогда то дѣло, которымъ онъ занимался, не стояло близко къ его сердцу, не было на первомъ планѣ, не захватывало его интереса въ качествѣ труда, приносящаго ту или иную пользу обществу. И не потому, чтобы Николай Ивановичъ избралъ не подходящее для себя дѣло,—нѣтъ, со всякимъ другимъ дѣломъ было бы то же самое. Онъ исполнялъ возложенныя на него обязанности, потому что не исполняя ихъ нельзя служить, нельзя занимать извѣстнаго положенія, нельзя во всякомъ случаѣ *считаться* дѣльнымъ человѣкомъ, но весь интересъ къ

дѣлу этимъ и исчерпывался. Онъ дѣлалъ то-то и то-то, чтобы занимать такое-то положеніе; онъ старался добросовѣстно исполнить то-то и то-то, чтобы *считаться* тѣмъ-то и тѣмъ-то; но самое дѣло, его дѣйствительные цѣнные результаты, тѣ люди и общество, ради которыхъ существуетъ это дѣло, все это совершенно стушевывалось и, за однообразнымъ движеніемъ служебнаго колеса, Николай Ивановичъ ничего и никогда не видѣлъ. Вотъ почему теперь ему нечего вспомнить; не было дѣйствительнаго *дѣла,* не было борьбы за какое-либо благо, не было побѣды для этого блага. Какъ старый воинъ съ любовью смотритъ на рубцы отъ полученныхъ когда-то ранъ, сослужившихъ службу родинѣ, такъ и человѣкъ, боровшійся ради самаго дѣла, ради людей и родины, съ любовью вспоминаетъ полученныя въ борьбѣ душевныя раны... Ему никогда не придется задумываться надъ ничтожностью жизни. А Николаю Ивановичу нечего вспомнить. Онъ боролся не ради дѣла, онъ жилъ не для дѣла и людей, онъ просто пріятно «существовалъ»... И когда представилась Николаю Ивановичу необозримая толпа такихъ же людей, какъ онъ, приставленныхъ къ тому или иному дѣлу, то ему понятна стала неподвижность большинства дѣлъ и сравнительная незначительность той пользы, которую приносятъ всѣ эти служебныя и неслужебныя дѣла до дѣлъ «покровительства» разнымъ благороднымъ цѣлямъ включительно... Такимъ людямъ будутъ, можетъ быть, дѣлать юбилейные обѣды (Николай Ивановичъ тоже ждалъ такого обѣда), имъ будутъ произносить рѣчи и т. п., но внутренній голосъ, навѣрно, скажетъ имъ, что результаты, достигнутые ими въ личномъ ихъ благополучіи и въ уваженіи окружающихъ, въ дѣйствительности не заслужены ими и что они сами не вложили въ дѣло ни капли любви къ людямъ.

А откуда взять этой любви? Вѣдь вотъ Николай Ивановичъ, человѣкъ несомнѣнно добрый, чувствительный при видѣ какого-нибудь страданія, готовый помочь въ матеріальномъ отношеніи,—почему же онъ не влагалъ въ дѣло этой священной любви, почему онъ оставался глубоко-равнодушнымъ къ дѣйствительнымъ результатамъ дѣла и къ людямъ вообще?... Не было ея, этой любви, и даже теперь, когда Николай Ивановичъ такъ тяжко задумывается, ея нѣтъ, и ничѣмъ онъ раздуть хотя бы искры этой любви не можетъ. Такъ чѣмъ же онъ виноватъ, если природа, судьба не вложила въ него этой искры, если теперь онъ «не въ силахъ» ее раздуть?

«Да, не въ силахъ! Во мнѣ, какъ и во всѣхъ меня окружающихъ, не было никогда никакого зачатка высокихъ чувствъ, ихъ

не существовало и потому и развиться они не могли и не могутъ!» Вспомнилось Николаю Ивановичу, какъ однажды, по поводу выраженнаго Николаемъ Ивановичемъ сомнѣнія въ дѣйствительности печальнаго положенія крестьянъ, какой-то рѣшительнаго вида господинъ заявилъ, ни къ кому въ частности не обращаясь: «Да и какъ вамъ не сомнѣваться? Вы вѣдь гвардейцы на аренѣ жизни, вы живете только для парада. За этимъ парадомъ дѣйствительной жизненной борьбы вы никогда не видите и не чувствуете». Николай Ивановичъ ничего не возразилъ тогда на это и, какъ пристыженный мальчикъ, постарался улетучиться въ другую комнату.

«Но нѣтъ, не въ этомъ суть дѣла! Трагичность положенія заключается въ томъ, что въ насъ вовсе нѣтъ этихъ высокихъ чувствъ даже въ зачаточномъ состояніи. Вотъ въ чемъ трагедія!»

И Николай Ивановичъ горько задумался. Какъ измѣнить свою жизнь и въ чемъ ее измѣнить? Во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ она никакихъ особенныхъ дефектовъ не заключаетъ, и не во внѣшнихъ проявленіяхъ дѣло. Нужно измѣнить самое нутро души, разбудить тѣ чувства, которыя даютъ человѣку нравственное удовлетвореніе и которыя въ немъ спали глубокимъ сномъ. А когда будить-то нечего? Что проку, если Николай Ивановичъ раздастъ бѣднымъ все свое состояніе, а въ душѣ его ни одна струна не отзовется сочувственно тѣмъ бѣднымъ, ради которыхъ онъ жертвуетъ свое состояніе? Какое нравственное удовлетвореніе получитъ онъ при этомъ? Удовлетвореніе тщеславію, можетъ быть, но не болѣе. Бывали случаи превращенія злодѣевъ въ высоко-добродѣтельныхъ людей и обратно, случаи перехода ненависти въ пламенную любовь и любви въ ненависть, и это понятно; тутъ простое видоизмѣненіе чувства подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго толчка. Но когда нѣтъ самого чувства?

И Николай Ивановичъ почувствовалъ при этомъ мучительное одиночество и пустоту. А между тѣмъ природа ласково на него смотрѣла и птичка въ вѣтвяхъ дикаго винограда своимъ звонкимъ чириканьемъ давно старалась согнать морщины съ его лба.

Разстались мы, но твой портретъ
Я на груди моей храню,
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ
Онъ душу радуетъ мою.

Лермонтовъ.

— «Галубъ прервалъ мое мечтанье, ударивъ по плечу»... Чего ты киснешь, а?—возгласилъ вѣчно веселый Тарсановъ, ударивъ по плечу Николая Ивановича и садясь около него съ чашкою кофе.

— А что у тебя за прибауточная манера разговаривать?

— «Шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ!» Ха, ха, ха!... Ну, братъ, сожительство съ тобою становится, ей-Богу, скучноватымъ. Я убѣждаюсь въ томъ, что ты начинаешь чувствовать старчество и грустишь о безвозвратно минувшей юности. Не все же побѣждать дамскія сердца, оставь что-нибудь и молодымъ.

— Если бы ты зналъ, какъ мало я думаю о дамскихъ сердцахъ... Неужели тебѣ никогда не приходило въ голову, что жизнь, какую ведемъ мы, ты да я, до тошноты ничтожна и пуста?...

Тарсановъ такъ и покатился со смѣху.

— Ты это серьезно?

Николай Ивановичъ покраснѣлъ. Ему сразу представился весь комизмъ его разговора «по душѣ» съ Тарсановымъ.

— Отчего бы и не серьезно?

— Ну, братъ...—Тарсановъ снова захохоталъ.—Ты меня прости, но только смѣхотворно все это.

Онъ отхлебнулъ кофе. Николай Ивановичъ, сознавая самъ, что, при настоящихъ условіяхъ долженъ казаться смѣшнымъ, раздражался и не прекращалъ разговора.

— Почему же смѣхотворно?

— Очень просто. Жилъ себѣ припѣваючи, очень былъ доволенъ собою и всѣмъ окружающимъ, никакой ничтожности не усматривалъ, и вдругъ, поди-жъ ты, когда стукнуло 45 лѣтъ, когда испыталъ по горло всѣхъ благъ земныхъ и набилъ на всемъ оскомину, тогда ахъ и охъ!—жизнь ничтожна. Поздненько, братъ, замѣтилъ.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда,—довольно вяло проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, знаешь, по-истинѣ, чего ты собственно хочешь?

— Хочу жить, быть полезнымъ, хочу дѣятельности, — вяло бормоталъ Николай Ивановичъ.

— А развѣ у тебя нѣтъ дѣятельности? Помилуй, служишь аккуратнѣйшимъ образомъ, принимаешь участіе въ разныхъ дамскихъ и не дамскихъ обществахъ... Чего тебѣ еще?

— Это не дѣятельность. Это—рутина...

— Положительно ты маніакъ!... Что-жъ тебѣ? Захотѣлось быть Наполеономъ, Петромъ Великимъ, Рафаэлемъ? Такъ опять-таки, ангъ любезный, поздненько задумалъ. Эти, братъ, всѣ съ молоду чинали... Да и вообще, ты ужъ лучше все это про себя... А то сорокъ-то пять лѣтъ студенческія мечты принимаютъ нѣкоторый этакъ обликъ карикатуры.

— Если думаешь меня обидѣть, то напрасно.

— Ну, вотъ! Откуда у меня явится желаніе тебя обидѣть? А только... ты мнѣ напоминаешь одного стариннаго моего пріятеля. Веселѣйшій былъ малый, «томился лишь жаждою вѣчной, одно ненавидѣлъ—крушиться», но, случись ему только напиться основательнымъ образомъ, онъ тотчасъ же измѣнялъ свое міровоззрѣніе и настроеніе: вздыхалъ, ударялъ себя въ грудь кулакомъ и серьезнѣйшимъ образомъ вопилъ на весь домъ «быть или не быть!» Такъ и у тебя: въ желудкѣ ли неладно что-нибудь, поясница ли заболѣла...—вѣдь старость, братъ, не радость...—ты и поникъ челомъ. А главное и жалѣть-то тебя не приходится. Было бы у тебя всю жизнь страданіе что ли, непріятности, или этакое какое-нибудь Гамлетовское настроеніе... А то вѣдь ничего подобнаго. Жилъ, что называется, всласть до 45 лѣтъ и ни о чемъ не думалъ. Иному дай такой сладкой жизни хоть пять лѣтъ, такъ онъ готовъ всю остальную жизнь вздыхать и казниться. Шутка ли, 45 лѣтъ прожить безъ заботы! Да тутъ и помирать бы не слишкомъ рано, не то что вздыхать. Какого ты еще сочувствія хочешь?

— Ахъ, оставь ты меня, пожалуйста! Никакого сочувствія я не хочу и ни у кого его не ищу...

— «Ужъ не жду отъ жизни ничего я и не жаль мнѣ прошлаго ничуть»,—запѣлъ Тарсановъ иронически и пустилъ вслѣдъ затѣмъ густую струю папироснаго дыма.—Тебѣ просто все пріѣлось, тебѣ хочется разнообразія... Женатъ ты еще не былъ. Ну, такъ вотъ для ради разнообразія женись.

Николай Ивановичъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Если женюсь, то никакъ ужъ не для разнообразія.

— Экая съ тобою скука! Брось ты свой трагикомическій тонъ... Знаешь, твоя допотопная пассія—Вѣрочка Зароева, а нынѣ, милостію Божіею, скромная вдовица Надарова, проводитъ настоящее лѣто въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, въ имѣніи покойнаго мужа.

Николай Ивановичъ пріостановился на ходу, но ничего не сказалъ и тотчасъ же возобновилъ прогулку взадъ и впередъ. Тарсановъ допилъ кофе и всталъ.

— «А онъ, мятежный, проситъ бури!...» Придется утекать отъ тебя. Я совсѣмъ не намѣренъ пускаться съ тобою въ бурное плаваніе. Оставь ты, Бога ради, всѣ эти бредни, вызванныя катарральнымъ состояніемъ желудка. Одному быть великимъ человѣкомъ, другому маленькимъ, одному порядочнымъ человѣкомъ, другому скотомъ. И ничего съ этимъ не подѣлаешь. Было бы въ тебѣ стре-

мленіе къ кипучей дѣятельности и явилась бы у тебя давнымъ давно самая головокружительная дѣятельность, были бы задатки великаго человѣка—и проявилъ бы ты давнымъ давно и величіе души, и величіе дѣйствій, и всякую чертовщину...

Николай Ивановичъ равнодушно молчалъ. Его давно уже тяготило общество Тарсанова.

— Петръ!—позвалъ Тарсановъ.

Петръ появился на порогѣ, глядя на Николая Ивановича съ скептическимъ огонькомъ въ глазахъ.

— Я, братъ, ухожу, такъ ты, знаешь, того...—говорилъ Тарсановъ, указывая съ усмѣшкой на Николая Ивановича и свой лобъ,—за бариномъ присмотри.

— Ужъ будьте покойны, Андрей Павловичъ,—отвѣтилъ Петръ съ такою же усмѣшкою на губахъ.

Николай Ивановичъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Такъ такъ-то, Николай Ивановичъ. Quod licet Jovi, non licet bovi, зачѣмъ же надуваться какъ лягушка? «Жизнь для жизни намъ дана». Поэты намъ рекомендуютъ не печалиться и не сердиться даже въ томъ случаѣ, когда жизнь обманетъ. А тебя она, старушка, ни въ чемъ не обманула... Ну-съ, довидзеня! «Изъ-за этого того, ну, и прочаго всего, потерялъ одну я, двухъ успѣлъ я сохранить»... Сегодня вечеромъ ѣдешь въ городъ?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь сегодня засѣданіе дамъ, а ты секретаремъ.

— Да отстань ты, наконецъ, и съ дамами, и со всею твоею философіей!

— Ой! Ты жаждешь крови!... Я утекаю.

Тарсановъ, наконецъ, со смѣхомъ улетучился.

Петръ постоялъ еще нѣкоторое время на порогѣ съ крайне ироническимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жалостливымъ видомъ и медленно удалился. Положительно онъ разочаровался въ баринѣ. Въ особенности презиралъ онъ его за то, что Николай Ивановичъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на его Анисью, на которой Петръ сравнительно недавно женился и которая славилась красотой, и что такимъ образомъ красота Анисьи «пропадаетъ даромъ». «А еще говорили, го ходокъ по этой части!» Петръ презрительно присвистнулъ и плюнулъ въ уголъ.

Николай Ивановичъ остановился передъ окномъ. Солнечный лучъ рѣзвился въ листвѣ дикаго винограда и прорывался въ комнату ослѣпительною струей. За зеленымъ навѣсомъ вѣтвей виднѣлось тамъ и сямъ синее, какъ сапфиръ, небо, и, купаясь въ жар-

кихъ лучахъ, сновали въ его синевѣ птицы. Жизнь природы была въ самомъ веселомъ разгарѣ. Тутъ бы, казалось, не о чемъ думать, не о чемъ разсуждать, а взять и завалиться себѣ на травѣ въ тѣни деревьевъ, или подъ пекломъ солнечныхъ лучей, накрывшись шляпой, дышать горячимъ и чистымъ воздухомъ, слушать пѣніе птицъ и радостно «существовать». А Николай Ивановичъ («и какъ ему не надоѣстъ!»—сказалъ бы Петръ) все переваривалъ свои думы о собственномъ ничтожествѣ.

«Вѣдь вотъ сказалъ слово—жениться, а едва ли понялъ, что въ самую попалъ точку,—думалъ Николай Ивановичъ». Намъ, маленькимъ людямъ, въ эту пору жизни, когда себя передѣлывать поздно, возможно только приткнуться къ кому-нибудь и жить въ жизни этого другого, близкаго намъ существа. Семейная жизнь самою природой создана для людей, какъ я, которые ни великихъ дѣлъ не совершаютъ, ни душевнымъ жаромъ не обладаютъ. Всякій, самый маленькій человѣкъ, обиженный и природою, и судьбою, является полезнымъ, необходимымъ существомъ въ своей семьѣ, и ему не приходится, какъ мнѣ, томиться однообразіемъ и пустотою жизни. Человѣкъ, который, при отсутствіи семьи, совершенно бы высохъ, очерствѣлъ, уничтожился, или въ лучшемъ случаѣ отправилъ бы себя на тотъ свѣтъ, этотъ человѣкъ, сознавая пользу своего существованія для семьи и руководимый естественною, самою природою вложенной въ него любовью къ этой семьѣ, уже не чувствуетъ себя ничтожнымъ и находитъ нравственное удовлетвореніе и смыслъ жизни, какъ бы ни были ему чужды любовь къ человѣчеству, къ ближнему, къ общему благу...»

«Но чтобъ имѣть дѣтей, кому ума недоставало,—подумалъ, усмѣхнувшись, Николай Ивановичъ».

И почему Николай Ивановичъ до сихъ поръ не устроилъ себѣ семьи? Въ немъ есть всѣ задатки семейнаго человѣка: покойный характеръ, мягкость, природная доброта. «Ни есть бо злые сердита мужа и гнѣвлива. Сердитый мужъ—храмина діаволу, аще ли гнѣвливъ, то и весь домъ сатанинъ...» пришло Николаю Ивановичу на память, но онъ даже не улыбнулся. «Вѣдь вотъ, поди-жъ ты, и тутъ обошла судьба!» Николай Ивановичъ тотчасъ же махнулъ рукой и усмѣхнулся. «Въ чемъ же собственно обошла меня судьба и не отъ меня ли зависѣло давнымъ-давно устроить себѣ семейную жизнь?» Но когда онъ сталъ припоминать всю вереницу представлявшихся ему случаевъ, онъ еще энергичнѣе махнулъ рукою: нѣтъ, не съ этими особами прекраснаго пола могъ онъ возбудить въ себѣ естественную любовь къ семьѣ.

И вдругъ Николай Ивановичъ покраснѣлъ, какъ красная дѣвица, и сконфуженно улыбнулся. «Вѣра Павловна... Надарова... Какъ это могъ я забыть, копаясь въ моихъ воспоминаніяхъ?!... Какъ далеко все это, Господи, какъ летитъ время!»

Воспоминаніе безмолвно предо мной,
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
Пушкинъ.

То было давно... Да, двадцать лѣтъ тому назадъ.

Ничего примѣчательнаго, но отъ далекаго прошлаго пахнуло на Николая Ивановича какою-то мягкою, успокоительною струей. На гладкомъ, скучномъ, однообразномъ полѣ пройденнаго въ жизни пути усмотрѣлъ онъ что-то милое, почти забытое, но съ новою силой представшее предъ нимъ. И онъ какъ утопающій за соломинку, ухватился за отрадное воспоминаніе. А впрочемъ, едва ли было въ немъ что-либо дѣйствительно отрадное.

Да, двадцать лѣтъ назадъ Николай Ивановичъ столкнулся случайно съ дочерью богатаго аферіста Зароева,—Вѣрою Павловной. Столкнулся случайно, потому что 18-тилѣтняя дѣвушка не представляла ничего подходящаго къ высшему губернскому обществу, въ которомъ вращался въ то время Николай Ивановичъ и къ которому онъ успѣлъ уже привыкнуть. Предоставленная вдовцомъ-отцомъ попеченію старой тетки, Вѣра Павловна не выѣзжала, что называется, въ «свѣтъ» и на досугѣ давно уже утомляла свою молодую голову разрѣшеніемъ вопросовъ жизни и мечтами о дѣятельности. Она не отличалась особенно большимъ умомъ и, не зная жизни, вдавалась въ мечты крайне наивныя, дѣтскія, но въ ней былъ тотъ душевный жаръ, надъ которымъ теперь такъ тяжело задумывался Николай Ивановичъ и который даетъ человѣку нравственное содержаніе и удовлетвореніе.

Почему Николай Ивановичъ сблизился съ Вѣрою Павловной, когда въ немъ, какъ онъ убѣдился теперь, не было ничего къ ней подходящаго, когда ея мечты и душевный жаръ не встрѣчали искренняго отзыва въ его душѣ? Можетъ быть «юношескія бредни», уже остывшія и вывѣтрившіяся къ тому времени, подогрѣвались бесѣдами съ наивною мечтательницей, и у Николая Ивановича явился поддѣльный душевный жаръ, который онъ самъ принималъ за настоящій. А то просто красивая внѣшность, блестящіе глаза дѣвушки были тому причиною.

Такъ или иначе, только Николай Ивановичъ сталъ часто навѣ-

дываться въ домъ Зароева и, пользуясь благосклонностью тетушки, свободно предавался горячимъ бесѣдамъ съ Вѣрою Павловной.

«Господи, сколько гнусности въ человѣкѣ!»—подумалъ Николай Ивановичъ, густо покраснѣвъ. Какое право имѣлъ онъ на эти уединенныя бесѣды, на эти горячія совмѣстныя мечтанія?

Любилъ ли онъ ее? Да, онъ твердо вѣрилъ, что готовъ за нее въ огонь и воду, что не пожалѣетъ жизни.

«Ахъ, какъ гнусно, какъ гнусно!»—думалъ теперь Николай Ивановичъ. Она, конечно, видѣла въ немъ будущаго самоотверженнаго дѣятеля, борца за общественное благо. Какъ же не повѣрить этимъ горячимъ бесѣдамъ, когда самъ Николай Ивановичъ имъ искренно вѣрилъ.

«О, она и до сихъ поръ такъ думаетъ, я въ этомъ убѣжденъ».

Такъ тянулось ихъ знакомство съ полгода. «Сила юности, мужество, страсть» наполняли, казалось Николаю Ивановичу, его грудь, и онъ находилъ въ себѣ такой запасъ душевной бодрости, о которомъ никогда и не мечталъ. И какъ быстро все пошло на смарку!

Случилось имъ быть однимъ на балконѣ Зароевскаго дома. Тетка распоряжалась ужиномъ, къ которому долженъ былъ возвратиться и отецъ Вѣры Павловны. Вечеръ былъ чудный, лунный. Тѣни плюща бродили по ярко освѣщеннымъ доскамъ балкона и составляли собою какіе-то загадочные іероглифы. Вѣтерокъ то налеталъ и шуршалъ въ листвѣ, то мгновенно уносился прочь. Въ такіе вечера обыкновенно мечтаютъ. Мечтали и Николай Ивановичъ съ Вѣрой Павловной.

Когда въ сердце давно уже стучится тревожное чувство, когда человѣкъ убѣжденъ, что оно встрѣчаетъ откликъ въ другомъ сердцѣ, такіе именно вечера, въ уединеніи природы, неминуемо приводятъ къ заключительнымъ аккордамъ любовной симфоніи, въ такіе вечера что-то толкаетъ высказаться, выразить чѣмъ-нибудь наплывъ чувства... Такіе вечера бываютъ опасны для тѣхъ, кто не былъ увѣренъ въ прочности своего чувства, кто могъ бы еще одуматься и круто повернуть въ сторону... Они прогоняютъ прочь всѣ надоѣдливые запросы совѣсти, окрашиваютъ въ блестящіе узоры самыя обыкновенныя внутреннія побужденія, настраиваютъ на чувствительность, сантиментальность и губятъ иногда мало устойчивыя натуры.

Долго молчали Николай Ивановичъ и Вѣра Павловна. Въ душѣ Николая Ивановича стала распускаться какая-то сладкая струя, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и, наконецъ, не выдержалъ.

— Вѣра Павловна, я уже давно ждалъ случая высказать вамъ мою благодарность.

— Благодарность?... За что?...

— Въ эти полгода нашего знакомства я переродился, или, вѣрнѣе, во мнѣ пробудились вновь остывшія было стремленія... И этимъ я обязанъ вамъ, вашему вліянію.

— Николай Ивановичъ, что вы! Какое мое вліяніе, помилуйте... такой дурочки, какъ я. Вамъ нечего было перерождаться, пробуждать въ себѣ... Въ васъ все это было, есть...

— Нѣтъ и нѣтъ!... Вѣра Павловна, если бы вы знали, какъ трудно въ нашемъ черствомъ, скучномъ обществѣ не засохнуть самому, не утратить всего, что такъ волновало прежде всего, чего требовала отъ жизни благородная часть молодежи... Еслибъ вы знали...

И полились потоки горячихъ, немного выспренныхъ рѣчей, пошли убѣжденія въ томъ, что у нея онъ обрѣлъ все, только что было утраченное имъ, что жизнь отнынѣ кажется ему полною глубокаго значенія и проч. и проч... Стары, какъ стара жизнь, всѣ эти рѣчи, вызванныя иной разъ простымъ избыткомъ молодости и подходящею картиной природы, будутъ онѣ еще безчисленное множество разъ повторяться и каждый разъ вызывать такое же волненіе и ожиданіе чего-то не то страшнаго, не то упоительнаго.

Николай Ивановичъ вѣрилъ въ то время каждому своему слову, онъ вѣрилъ въ избытокъ своего чувства ко всему, о чемъ они такъ часто бесѣдовали. Вѣра Павловна застыла въ молчаніи. Ей нечего было говорить,—всѣ, что высказывалъ Николай Ивановичъ, являлось для нея истинною музыкой, которою она восторженно заслушивалась. Она очнулась только тогда, когда Николай Ивановичъ придвинулся къ ней и, не прерывая своихъ горячихъ рѣчей, взялъ обѣ ея руки въ свои и наклонился, заглядывая ей въ глаза. Инстинктивно она хотѣла отдернуть руки, но побужденіе осталось побужденіемъ, руки ея остались въ рукахъ Николая Ивановича и только вздрагивали при каждомъ его словѣ.

А Николай Ивановичъ наэлектризовался собственными своими рѣчами. И когда, заглянувъ при свѣтѣ луны въ глаза Вѣры Павловны, онъ увидѣлъ въ нихъ отвѣтный сочувственный блескъ, смягченный смущеніемъ дѣвушки, онъ покрылъ ея руки поцѣлуями. Она не отдернула рукъ, она только безпомощно сжалась всѣмъ корпусомъ, и слезы одна за другою полились у нея изъ глазъ.

— Ахъ!... Николай Ивановичъ... Николай Ивановичъ...—по

вторяла она прерывающимся шепотомъ, и плакала, плакала, вздрагивая всѣмъ корпусомъ, какъ ребенокъ.

Николай Ивановичъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы оставаться затѣмъ въ обществѣ старой тетушки и отца Вѣры Павловны. Онъ смущенно распрощался съ ними и, выйдя на улицу, медленно отправился пѣшкомъ къ себѣ домой.

Былъ онъ счастливъ?. Разумѣется. Дѣвушка, за которую онъ готовъ былъ въ огонь и воду, эта дѣвушка любитъ его, любитъ его несомнѣнно, и чье сердце не наполнилось бы при такихъ условіяхъ гордостью, чувствомъ удовлетворенія, счастьемъ!... Онъ шелъ какъ въ чаду. Все уже спало, только гдѣ-то изъ открытаго окна раздавалась canzoneta Альмавивы изъ «Севильскаго цирюльника», да южныя стрекозы оглушительно стрекотали въ садахъ. Ахъ, эти вечера, эти лунные вечера!

— Какая гнусность, какая гнусность!—повторялъ теперь въ двадцатый разъ Николай Ивановичъ.

Онъ пробродилъ тогда половину ночи, половину мягкой, южной, ароматной ночи и... смѣшно сказать!... Онъ ни разу не подумалъ о томъ, что же за симъ далѣе слѣдуетъ, ему ни разу не пришелъ въ голову естественный вопросъ: что же ты, любезный другъ? Заключивъ любовную симфонію такимъ образомъ, чувствуешь ли ты себя готовымъ къ великому дѣлу совмѣстной жизни?

Нѣтъ, онъ бродилъ и ни о чемъ не думалъ; въ немъ неопредѣленно переливались образъ дѣвушки, canzoneta Альмавивы, чувство молодости, страсть... Да и въ самомъ дѣлѣ, какое было время для серьезныхъ размышленій.

А когда Николай Ивановичъ вернулся, наконецъ, домой, когда усталый, но безъ желанія спать, онъ усѣлся передъ окномъ, и отблескъ зарождающейся зари освѣтилъ горизонтъ, Николай Ивановичъ внезапно сталъ уже не бредить, а думать... И, Боже мой, куда дѣвалось лучезарное счастье, куда дѣвались весь недавній бредъ и галлюцинаціи!... Онъ даже поблѣднѣлъ отъ испуга. «Что я сдѣлалъ! Господи, что я сдѣлалъ!»... Что же, разлюбилъ онъ ее, вдругъ прозрѣлъ, что ли, и убѣдился, что полгода заблуждался?... Нѣтъ, онъ любитъ ее, несомнѣнно, любитъ... Но бракъ съ нею? Теперь, когда онъ и жизни-то не знаетъ, когда такъ трудно разставаться со свободою, когда онъ вовсе не готовъ, не въ силахъ начать ту жизнь, программу которой они съ такимъ удовольствіемъ начертали... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не въ силахъ выполнить эту программу, и совмѣстная жизнь начнется рядомъ разочарованій и станетъ для нихъ адомъ...

Въ огонь и воду готовъ былъ Николай Ивановичъ за Вѣру Павловну, а передъ утратою свободы, передъ выполненіемъ одобренной имъ программы изволилъ въ ужасѣ отступить; жизни не пожалѣлъ бы ради спасенія Вѣры Павловны отъ неминуемой бѣды, а совмѣстной жизни съ нею испугался, какъ страшнаго привидѣнія!... И это такъ, несмотря на всю безсмысленность такихъ положеній. И какъ же это онъ не отступилъ заблаговременно? Думалъ ли онъ, что любовная симфонія въ такомъ родѣ будетъ вѣчно длиться и, кромѣ горячихъ бесѣдъ, лунныхъ вечеровъ, полупризнаній, полуобъятій, ничего въ такихъ случаяхъ не полагается, или унесъ его внезапный «ураганъ любви», любовный «экстазъ?»

— Эхъ!—пробормоталъ теперь Николай Ивановичъ, густо покраснѣвъ и проведя рукою по глазамъ.—Неужели и въ этомъ случаѣ я оказался нравственнымъ кастратомъ?

И вотъ Николай Ивановичъ, блестящій молодой человѣкъ, красавецъ и любимецъ губернскаго общества, разыгралъ роль... Подколесина.

Весь въ поту, блѣдный, послѣ душевнаго напряженія, Николай Ивановичъ сѣлъ вечеромъ за письменный свой столъ и написалъ на имя Вѣры Павловны коротенькое письмо, котораго до сихъ поръ не можетъ вспомнить безъ стыда. Онъ писалъ, что недостойно велъ себя вчера, увлекся, предполагая въ себѣ дѣйствительную способность къ той жизни, о которой они мечтали, что теперь онъ понялъ свою ошибку и, не имѣя права обречь ее на совмѣстную съ нимъ жизнь, полную неминуемыхъ разочарованій, онъ проситъ простить его, если она можетъ простить, и забыть.—Затѣмъ, не показываясь въ обществѣ, онъ выхлопоталъ себѣ подъ выдуманнымъ предлогомъ продолжительный отпускъ и... уѣхалъ, или попросту «удралъ» изъ города.

Нужно отдать справедливость Николаю Ивановичу. Во все время отпуска и много времени спустя онъ искренно мучился; но побѣдить въ себѣ овладѣвшій имъ страхъ передъ перспективою брака съ Вѣрой Павловной онъ не могъ.

Онъ вернулся въ городъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, попрежнему смущенный, и какъ «тать» старался нѣкоторое время не показываться въ обществѣ изъ боязни встрѣтиться случайно съ Вѣрой Павловной, въ глазахъ которой онъ ожидалъ прочесть укоръ и презрѣніе.

Прошла часть зимы, и Николай Ивановичъ случайно узналъ о предстоящемъ бракѣ Вѣры Павловны съ богатымъ помѣщикомъ Надаровымъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ и мало подходящимъ къ Вѣрѣ

Павловнѣ. Узналъ онъ также, что бракъ этотъ считаютъ жертвою со стороны Вѣры Павловны, ради спасенія раззорившагося отца ея.

Николай Ивановичъ никакъ не ожидалъ этого брака, и мысль о немъ подѣйствовала на него крайне мучительно, хотя, казалось бы, онъ долженъ былъ только радоваться такому исходу его отношеній къ Вѣрѣ Павловнѣ. Онъ вдругъ почувствовалъ, точно у него отняли его законное достояніе, оскорбили, пренебрегши его чувствами, осквернили самую святая святыхъ его сердца. «Вотъ какъ!—размышлялъ Николай Ивановичъ.—Значитъ, на практикѣ, Вѣра Павловна, допускается бракъ и безъ любви? И все, о чемъ мы такъ горячо бесѣдовали съ вами, все это такъ — пустыя слова, а наши отношенія забыты въ нѣсколько мѣсяцевъ?»

Подъ вліяніемъ такого смѣшного ожесточенія Николай Ивановичъ пересталъ скрываться, какъ тать, и началъ появляться въ обществѣ съ какимъ-то преувеличенно развязнымъ видомъ, объясняя знакомымъ свое долгое сидѣніе дома хандрою.

Узналъ онъ вскорѣ затѣмъ и о совершившемся бракѣ Вѣры Павловны и, какъ ни старался онъ подтянуть себя и отнестись къ этому событію равнодушно, какой-то червякъ мучительно копошился въ глубинѣ его души и не давалъ ему покоя. Нѣсколько дней онъ просидѣлъ даже дома, глядя сумрачно въ окно на голыя деревья городского бульвара. Впервые шевельнулось въ немъ горькое убѣжденіе въ своемъ душевномъ безсиліи и закралось въ душу сомнѣніе, не слишкомъ ли онъ цѣнилъ свою свободу и не слишкомъ ли побоялся совмѣстной жизни съ такою дѣвушкой, какъ Вѣра Павловна. Что-то безнадежно тоскливое проникло въ его сердце... А, впрочемъ, кто знаетъ, не будь зимняя природа такою скучною и голою, не завывай по вечерамъ въ трубахъ холодный вѣтеръ, не покройся небесный сводъ сѣрыми облаками, можетъ быть, Николай Ивановичъ отнесся бы ко всему этому довольно беззаботно. Трудно сказать...

Наконецъ, сбросилъ Николай Ивановичъ съ себя всѣ эти «сантиментальности», какъ онъ выражался въ то время, и, хотя и не съ прежнею развязностью, сталъ вновь кружиться въ пустотѣ свѣтской жизни. Странно, ему теперь какъ-то не приходила въ голову мысль о возможной встрѣчѣ съ Вѣрой Павловной въ обществѣ, а между тѣмъ судьба готовила ему это испытаніе и очень скоро.

На обычномъ многолюдномъ вечерѣ губернскаго богача Каратова Николай Ивановичъ, какъ всегда, слонялся изъ одной гостиной въ другую, одинаково любезно подсаживался ко всѣмъ дамамъ, оди-

наково очаровывалъ и тѣхъ, и другихъ короткимъ разговоромъ, и снова сновалъ среди гостей, прищуривая безъ нужды свои красивые глаза. И вотъ въ одной изъ гостиныхъ онъ почти столкнулся съ Вѣрой Павловной, шедшею подъ руку со своимъ мужемъ. Встрѣча была до того неожиданна для Николая Ивановича, что лицо его покрылось легкою блѣдностью, но, не желая выказывать смущенія, онъ собралъ всѣ свои силы, и, принявъ холодный видъ, почтительно поклонился и молча направился мимо нихъ.

— Николай Ивановичъ, здравствуйте! Какъ давно мы съ вами не встрѣчались...—остановилъ его голосъ Вѣры Павловны.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ ея глазами. Какъ просто и дружески смотрѣла она на него, какъ мало было въ ея глазахъ признаковъ укора и презрѣнія, которыхъ онъ ожидалъ и боялся. Ахъ, какъ мало онъ зналъ ее! Она искренно обрадовалась встрѣчѣ и отнеслась къ нему съ несомнѣнно дружескимъ расположеніемъ. И это обстоятельство въ одно время и обрадовало его, и наполнило сердце чувствомъ смутнаго сожалѣнія.

— Вѣра Павловна...—смущенно проговорилъ онъ и не зналъ что отвѣтить.

— Вы не знакомы съ мужемъ? — спросила Вѣра Павловна и сейчасъ же познакомила ихъ, объяснивъ мужу вкратцѣ, какимъ образомъ и какъ давно она познакомилась съ Николаемъ Ивановичемъ. Мужъ ея былъ плотный господинъ лѣтъ 45-ти, съ окладистою бородой и довольно суровыми глазами. Онъ отнесся къ Николаю Ивановичу съ полнымъ равнодушіемъ, но любезно, и среди разговора попросилъ не забывать ихъ.

Николай Ивановичъ сталъ изрѣдка бывать у Надаровыхъ. Сначала онъ избѣгалъ встрѣчаться глазами съ Вѣрой Павловной, ему все казалось, что скрытый въ ея душѣ укоръ онъ увидитъ, наконецъ, въ ея глазахъ, но мало-по-малу чувство смущенія проходило. Прежнія дружескія бесѣды готовы были повториться, хотя Николаю Ивановичу и чудилось иногда, что въ словахъ Вѣры Павловны звучала тоскливая нотка разочарованія.

Однажды, когда они сидѣли вдвоемъ и ихъ разговоръ не могъ быть услышанъ, Николай Ивановичъ почувствовалъ потребность облегчить душу, испросивъ прощеніе за прежнее.

— Вѣра Павловна,—сказалъ онъ, — когда вы такъ просто, такъ дружески обласкали меня, я рѣшаюсь заговорить о томъ, что давно лежитъ у меня камнемъ на душѣ... Простите ли вы меня когда-нибудь за то безразсудство... за то... вы понимаете... нечестное...

Вѣра Павловна слегка поблѣднѣла, но глаза ея попрежнему ясно и просто смотрѣли на него.

— Николай Ивановичъ, оставьте это, зачѣмъ объ этомъ вспоминать... Мнѣ больно одно, что вы называете безразсуднымъ и нечестнымъ то, что явилось причиною особаго моего уваженія къ вамъ... Когда человѣкъ, сдѣлавъ опрометчивый шагъ, во-время остановился и отступилъ, и открыто высказался, онъ, по моему мнѣнію, поступилъ благородно и честно и ему не въ чемъ упрекать себя...

Николай Ивановичъ, вспоминая теперь эти слова, снова густо покраснѣлъ. Сколько въ ней было чисто женской всепрощающей снисходительности, сколько доброты и желанія видѣть въ человѣкѣ одно хорошее. Онъ, безсильный нравственно человѣкъ, испугавшійся, какъ призрака, серьезной отвѣтственности, налагаемой жизнью, онъ въ ея глазахъ остался героемъ благородства и чести, человѣкомъ, сумѣвшимъ «во-время» наложить узду на свои увлеченія...

— Вѣра Павловна,—отвѣтилъ ей Николай Ивановичъ,—я не буду больше говорить объ этомъ, мнѣ самому это больно и тяжело... Но одно только слово: я не былъ причиною слишкомъ... слишкомъ... большого страданія?... Не оставило ли оно тяжелаго слѣда?... Простите, Вѣра Павловна, что я рѣшаюсь говорить объ этомъ, но я чувствовалъ все время такіе укоры совѣсти, такіе...

Ахъ, какъ онъ лгалъ въ это время, хотя искренно заблуждался въ этомъ! Какъ мало былъ бы онъ обрадованъ, если бы узналъ, что никакого тяжелаго слѣда онъ въ ея душѣ не оставилъ и что страданіе было кратковременно.

— Николай Ивановичъ,—отвѣтила Вѣра Павловна строгимъ и слегка дрожащимъ голосомъ,—я прошу васъ никогда больше объ этомъ не говорить. Этотъ разговоръ... вы меня поймете... не приличенъ при настоящихъ условіяхъ и прежнія наши... отношенія едва ли даютъ вамъ на него право.

Она отвернула голову и замолчала. Онъ не рѣшался болѣе заговаривать. Неловкое молчаніе нарушилось приходомъ мужа.

Николай Ивановичъ не могъ не удивляться той простотѣ, съ какою Вѣра Павловна сумѣла возобновить чисто-дружескія отношенія, и самъ, пристыженный ею, постарался не напоминать болѣе о прошломъ. Съ этого времени онъ сдѣлался горячимъ собесѣдникомъ ея о разныхъ проектахъ улучшенія положенія бѣднаго населенія города, о болѣе раціональномъ употребленіи тѣхъ или иныхъ суммъ на филантропическія цѣли, объ основаніи полезныхъ обществъ. Въ раз-

ныхъ обществахъ благотворительности, призрѣнія малолѣтнихъ преступниковъ и проч., въ которыхъ Вѣра Павловна, съ одобренія мужа, приняла самое дѣятельное участіе, Николай Ивановичъ тоже принялъ участіе въ роли секретаря и въ другихъ «амплуа», какъ выражался Тарсановъ, и имѣлъ основаніе тѣмъ чаще посѣщать Надаровыхъ, чѣмъ болѣе Вѣру Павловну занимало то или другое дѣло. И теперь, припоминая то время, Николай Ивановичъ убѣждался вновь, что ни результаты дѣла, ни цѣли обществъ не захватывали въ дѣйствительности его интереса, какъ не захватывали и до настоящаго времени. Не отдавая себѣ самому въ томъ отчета, онъ въ глубинѣ души былъ глубоко индифферентенъ къ тому, что приносили собою ихъ занятія. Не то было съ Вѣрой Павловной: она входила вся съ головою въ то дѣло, въ которомъ принимала участіе; и Николай Ивановичъ въ бесѣдахъ съ нею невольно любовался ея увлеченіемъ, заражался имъ и воображалъ и въ себѣ призваніе къ устроенію общественнаго блага.

Мужъ Вѣры Павловны предоставлялъ ей полную свободу и на дружескія отношенія ея къ Николаю Ивановичу смотрѣлъ равнодушно. Онъ былъ съ нимъ даже любезнѣе, чѣмъ въ самомъ началѣ. При наступленіи лѣта, когда они съ женою отправлялись въ его имѣніе, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, онъ пригласилъ Николая Ивановича погостить въ деревнѣ или по крайней мѣрѣ пріѣзжать почаще на цѣлый день. Николай Ивановичъ не замедлилъ воспользоваться приглашеніемъ и таки частенько навѣщалъ ихъ въ деревнѣ.

И опять въ воспоминаніи Николая Ивановича лунный вечеръ... Точь въ точь какъ и тогда, только передъ балкономъ стояли не стѣны городскихъ домовъ, а развѣсистыя деревья деревенскаго сада. Такъ же бродили тѣни плюща и дикаго винограда по ярко освѣщеннымъ доскамъ балкона, такъ же налеталъ и улеталъ прочь легкій вѣтерокъ, такъ же хотѣлось мечтать, забыться, высказаться... Неужели же такъ много дѣлаетъ внѣшняя обстановка, декоративная часть жизни?... И опять, какъ тогда, они одни на балконѣ...

Эхъ, Николай Ивановичъ! теперь менѣе чѣмъ когда-либо слѣдовало бы увлекаться случайнымъ уединеніемъ и поддаваться чарамъ лунной ночи. А между тѣмъ Николай Ивановичъ, отступавшій тамъ, гдѣ можно было и не отступать, не отступилъ передъ искушеніемъ подходящей обстановки... «Гнусно, Николай Ивановичъ!—пробормоталъ онъ теперь грустнымъ голосомъ.—И сцена произошла до пошлости одинаковая. Николай Ивановичъ изво-

лилъ пожаловаться на судьбу свою, которая отняла будто бы у него принадлежавшее ему счастье (точно не онъ «удиралъ» изъ города и скрывался затѣмъ какъ «тать»), изобразилъ все страданіе безмолвной любви (ужъ не очень ли эта любовь говорлива, Николай Ивановичъ!), невозможность болѣе таиться передъ нею и неудержимое стремленіе высказаться (подъ вліяніемъ, конечно, теплаго луннаго вечера) и проч. и проч., и снова, подъ вліяніемъ этого «урагана любви», въ «любовномъ экстазѣ» припалъ къ рукѣ Вѣры Павловны.—А та? О прелестная, достойная лучшей участи, женская наивность! Вѣра Павловна повѣрила каждому слову Николая Ивановича, сердце ея больно сжалось при видѣ его «мученій», «невыплаканныхъ слезъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое, гнетущее чувство потеряннаго счастія заставило ее снова, какъ тогда, но подъ вліяніемъ совершенно другого настроенія, сжаться всѣмъ хрупкимъ ея тѣломъ и снова плакать и плакать, горько, долго, беззвучно... Сколько дѣйствительной, неподдѣльной муки чувствовалось въ этихъ рыданіяхъ и какъ стыдно дѣлалось Николаю Ивановичу при воспоминаніи о всей этой сценѣ. Сквозь слезы, прерывистымъ шепотомъ, Вѣра Павловна просила пощадить ея спокойствіе, не отравлять тѣхъ простыхъ, дружескихъ отношеній, которыя между ними установились, обращалась къ его чести, напоминала о мужѣ... А Николай Ивановичъ, очнувшись, едва ли въ то время устыдился своего поведенія, потому что въ головѣ его пронеслись даже на секунду въ злобно-ироническомъ тонѣ слова Онѣгинской Татьяны: «но я другому отдана, я буду вѣкъ ему вѣрна!» и онъ ни на мгновеніе не подумалъ о томъ, что, отступивъ прежде передъ перспективою брака, онъ тѣмъ самымъ подчеркивалъ теперь всю низость своего поступка...

Но Николай Ивановичъ тѣмъ не менѣе очнулся и молча выпустилъ руку Вѣры Павловны, вздрагивающей отъ рыданій. Въ то же время на порогѣ балкона показался мужъ Вѣры Павловны, съ совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ лицомъ и пригласилъ Николая Ивановича посмотрѣть до ужина полученныя имъ въ тотъ день гравюры. Смущенный Николай Ивановичъ торопливо изъявилъ своего согласіе и, взглянувъ на Надарова, инстинктивно понялъ, несмотря на безстрастное лицо послѣдняго, что тотъ болѣе или менѣе догадывается о происшедшей сценѣ. «Объясненіе, дуэль и проч.» пронеслось въ головѣ Николая Ивановича, молча послѣдовавшаго въ кабинетъ, куда его пригласилъ Надаровъ.

— Сядьте, пожалуйста,—пригласилъ послѣдній Николая Ивановича.

Николай Ивановичъ сѣлъ. Надаровъ нѣкоторое время молчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Скажите, Николай Ивановичъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—это... это... ну вы понимаете меня... случилось въ первый разъ?

— Я не понимаю васъ...

— Полноте, я предполагалъ въ васъ болѣе открытый характеръ... Къ чему эта ненужная уклончивость?

— Если вы находите въ моихъ дѣйствіяхъ что-либо предосудительное, оскорбительное, то я...

— Готовы дать удовлетвореніе?—спросилъ, иронически усмѣхнувшись, Надаровъ.—Вы готовы дать, но я вовсе не расположенъ принимать отъ васъ удовлетвореніе. Во-первыхъ, мнѣ, солидному человѣку, нѣсколько смѣшно становиться съ вами... какъ это говорится... къ барьеру, что ли, а во-вторыхъ едва ли у меня можетъ быть дѣйствительный къ тому поводъ; мнѣ не въ чемъ искать удовлетворенія.

— Такъ что-жъ вамъ угодно?

— Я просто хотѣлъ спросить... и, кажется, имѣю нѣкоторое право... чего вы собственно добиваетесь?

— Ровно ничего я не добиваюсь,—отрывисто и раздраженно отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Въ такомъ случаѣ, къ чему вы... допустили все это?

Николай Ивановичъ молчалъ.

Послушайте, Николай Ивановичъ, если вы думаете, что во мнѣ клокочетъ необузданный гнѣвъ, ненависть къ вамъ, жажда мести,—вы глубоко ошибаетесь. Никакой жажды мести у меня не можетъ быть, уже по той простой причинѣ, что мстить вамъ... *не за что*,—сказалъ съ легкою усмѣшкой Надаровъ.—Мнѣ очень было пріятно, что вы съ моею женой составляете такую товарищескую пару, вмѣстѣ работаете, вмѣстѣ фантазируете и проч. Ей необходимъ молодой товарищъ, который могъ бы лучше поддержать ея стремленіе къ дѣятельности, чѣмъ я... Я, поймите это, слишкомъ хорошо успѣлъ узнать жену для того, чтобы предположить хоть на минуту, что она могла вообще допустить какую-нибудь... непорядочность, или подать поводъ къ... такого рода сценамъ... вы понимаете. И потому (я говорю вамъ искренно) мнѣ странно, что вы, сойдясь съ женою на дружеской ногѣ гораздо ранѣе меня, можете не быть увѣрены въ томъ же. А если вы увѣрены въ томъ же, въ чемъ и я, и не *должны*, зная хоть немного Вѣру Павловну, въ этомъ сомнѣваться, то скажите, Николай Ивановичъ, чего вы собственно добиваетесь?... Зачѣмъ вызывать подобныя сцены и

причинять... непріятности, если не мнѣ, то Вѣрѣ Павловнѣ, которая ничего худого вамъ, кажется, до сихъ поръ не сдѣлала?

Николай Ивановичъ тяжело дышалъ и краснѣлъ при каждомъ словѣ Надарова. Онъ предпочелъ бы простоять цѣлый часъ подъ ножомъ, чѣмъ выслушивать эту отповѣдь. Такого мучительнаго стыда, какъ теперь, онъ никогда не испытывалъ; онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ, Николай Ивановичъ,— продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія Надаровъ.—Мнѣ жаль, если черезъ нѣкоторую вашу... опрометчивость, ваши симпатичныя товарищескія отношенія прекратятся, и Вѣрѣ Павловнѣ придется самой... (вы меня понимаете, она вполнѣ свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и ничего не дѣлаетъ по чьему-либо принужденію)... придется высказать то же самое.

Николай Ивановичъ не выдержалъ. Блѣдный, онъ всталъ и, не глядя на Надарова, попросилъ приказать подать сейчасъ же его пролетку для отъѣзда въ городъ.

— Николай Ивановичъ,—спокойно возразилъ Надаровъ,—надѣюсь, я могу попросить васъ о небольшой услугѣ... Ужинъ уже готовъ, а вашъ внезапный отъѣздъ до ужина причинитъ Вѣрѣ Павловнѣ совершенно незаслуженное... страданіе и заставитъ ее предположить Богъ знаетъ что о нашей бесѣдѣ.

Онъ отворилъ дверь.

— А теперь, Николай Ивановичъ, — сказалъ онъ громко и спокойнымъ голосомъ, — не пора ли намъ послѣ гравюръ и за ужинъ...

Николай Ивановичъ собралъ всѣ свои силы и отправился вмѣстѣ съ Надаровымъ въ столовую, куда вскорѣ затѣмъ пришла и Вѣра Павловна. Надаровъ старался поддерживать разговоръ съ Николаемъ Ивановичемъ и ужинъ кое-какъ пришелъ къ концу.

Возвратясь въ городъ, Николай Ивановичъ, какъ полоумный, почти всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по своей спальнѣ. «Какъ жестоко онъ оплеванъ, какую жалкую онъ разыгралъ роль! Куда дѣваться отъ стыда?!» Онъ пилъ безъ конца холодную воду и только съ разсвѣтомъ легъ въ постель. Проснувшись довольно поздно, онъ рѣшилъ, что все кончено, что показаться на глаза Надаровымъ онъ не можетъ, что нужно все это забыть и вырвать съ корнемъ недостойныя мысли...

Цѣлый годъ прошелъ послѣ того. Николай Ивановичъ былъ такъ остороженъ, что избѣгалъ посѣщать всѣ тѣ дома, гдѣ могла быть какая-либо возможность встрѣчи съ Надаровыми, и отказался отъ

участія въ тѣхъ филантропическихъ обществахъ, въ которыхъ Вѣра Павловна принимала участіе. Разъ только, случайно, проходя по улицѣ, онъ видѣлъ Надаровыхъ въ экипажѣ. Вѣра Павловна подурнѣла и апатично смотрѣла передъ собою. Мѣсяца три спустя, онъ узналъ, что у Надаровыхъ явилось приращеніе семейства въ видѣ дочки.

Наконецъ, у того же богача Каратова Николай Ивановичъ снова столкнулся съ Надаровыми. Николай Ивановичъ былъ до нельзя смущенъ. Надаровы же отнеслись къ нему вполнѣ дружески и выразили желаніе видѣть его у себя. Въ концѣ вечера Надаровъ подошелъ къ стоящему одиноко Николаю Ивановичу и заговорилъ съ нимъ любезно и, насколько онъ могъ, мягко объ его службѣ, о томъ, не думаетъ ли онъ возобновить участіе въ тѣхъ дѣлахъ, которыми интересуется Вѣра Павловна.

— Надѣюсь, Николай Ивановичъ,—сказалъ онъ въ концѣ бесѣды,—что мы ничѣмъ васъ не обидѣли и вы, по старой дружбѣ, не забудете насъ... Недостатокъ вашего содѣйствія и товарищеской бесѣды очень ощутителенъ для Вѣры Павловны и вы не захотите причинить ей непріятность...

Николай Ивановичъ покраснѣлъ до ушей. Ему снова сдѣлалось стыдно за свою жалкую роль. «Пожурилъ, какъ мальчика, наказалъ, а теперь, какъ добрый наставникъ, простилъ и возвратилъ игрушку!» Онъ коротко поблагодарилъ за любезность и поспѣшилъ проститься.

Однако знакомство съ Надаровыми мало-по-малу возобновилось, возобновились отчасти и товарищескія бесѣды съ совмѣстною дѣятельностью; но урокъ, данный Николаю Ивановичу, не прошелъ даромъ. Онъ его никогда не забывалъ и въ отношеніяхъ своихъ съ Вѣрою Павловною держался въ предѣлахъ почтительной дружбы. Зато Надаровъ становился все болѣе и болѣе любезенъ, гостепріименъ и какъ будто искренно расположился къ Николаю Ивановичу. Самъ Николай Ивановичъ сбросилъ съ себя прежнюю неловкость и почувствовалъ въ концѣ концовъ къ Надарову нѣчто вродѣ дружбы племянника къ доброму дядѣ; онъ уважалъ его, какъ младшій старшаго.

На глазахъ Николая Ивановича семейство Надаровыхъ еще раза за получило приращеніе, и Николай Ивановичъ не чувствовалъ уже ри этомъ ни злобы, ни раздраженія. Его отношенія къ Надаровымъ и, въ особенности, къ Вѣрѣ Павловнѣ закрѣплялись, и домъ Надаровыхъ сталъ ему просто необходимъ. Въ немъ онъ чувствовалъ себя лучшимъ, среди нихъ многое пошлое, дрянное, мелкое

стушевывалось въ его душѣ, и все дѣланное, искусственное, къ чему онъ такъ привыкъ въ обществѣ, сглаживалось.

Кто знаетъ, можетъ быть, теперь онъ не почувствовалъ бы такой пропасти, если бы до настоящаго времени уходилъ иногда отъ своихъ привычекъ и привычнаго общества въ тихую среду Надаровскаго дома?...

Все приходитъ къ концу. Двѣнадцать лѣтъ назадъ (какъ давно, подумаешь!) Надаровы переселились въ Петербургъ, и съ того времени Николай Ивановичъ ихъ не видѣлъ.

Помнитъ онъ, какъ провожалъ всю семью на станцію. Горько было Николаю Ивановичу. Наканунѣ отъѣзда, когда онъ сидѣлъ съ Вѣрою Павловною одинъ у окна ихъ гостиной, снова что-то всколыхнулось въ немъ и снова чуть было не сдѣлалъ онъ прежней глупости. Но... вò-время удержался. Можетъ быть, обстановка удержала, а не онъ, Богъ вѣсть! Не было, какъ тогда, теплаго луннаго вечера, не было балкона, дикаго винограда... Деревья были голы, вѣтеръ насвистывалъ грустныя мелодіи, небо сѣро... Да, Николай Ивановичъ благородно удержался. А на душѣ было смутно, тяжело.

На слѣдующій день на душѣ было еще тяжелѣе; онъ чувствовалъ, какъ будто все хорошее отъ него отрывается и онъ навсегда погрузится въ невылазную пошлость провинціальнаго города... Обычныя прощанія, пожеланія, воспоминанія... Вѣра Павловна была блѣдна и печальна. Николай Ивановичъ старался не смотрѣть на нее, но глаза ихъ неудержимо встрѣтились при послѣднемъ звонкѣ, и все прежнее, какъ тогда, безмолвно вылилось въ нихъ. Николая Ивановича всего передернуло, Вѣра Павловна стала еще блѣднѣе. Поѣздъ тронулся. Николай Ивановичъ не видѣлъ ни Надарова, который кивалъ ему головою, ни дѣтей ихъ... Его глаза, какъ къ магниту, тянулись къ глазамъ Вѣры Павловны и все время, пока поѣздъ медленно удалялся со станціи, до полнаго исчезновенія на горизонтѣ всякаго слѣда вагоновъ, Николай Ивановичъ смотрѣлъ, казалось ему, въ глаза Вѣры Павловны, и даже тогда, когда исчезла физическая возможность видѣть не только Вѣру Павловну, но и отъѣхавшій поѣздъ, Николаю Ивановичу чудились между головами двухъ рабочихъ, стоявшихъ на платформѣ, печальные глаза, въ которые онъ напряженно заглядывалъ...

— Да,—тяжело пробормоталъ теперь Николай Ивановичъ, сидя у окна своей веселой дачки, и провелъ рукою по лицу.

И спустя столько лѣтъ понялъ Николай Ивановичъ, что если была въ немъ когда-либо способность искренно и глубоко полю-

бить, то эта способность, насколько могла, вылилась вся въ его влеченіи къ Вѣрѣ Павловнѣ, и отъ нея не осталось затѣмъ ничего...

И такъ печально, такъ горько сдѣлалось на душѣ у Николая Ивановича, что ясный день, казалось ему, потускнѣлъ и нахмурился, а листья поблекли. Онъ долго просидѣлъ неподвижно.

«И это ушло отъ меня. Не вернешь. Какъ глупо и невыразимо грустно все это!...—Онъ всталъ и взглянулъ въ стоявшее передъ нимъ зеркало. Насмѣшливая улыбка скривила его губы. —«Тому ужъ нѣтъ очарованій, того змія воспоминаній, того раскаянье грызетъ...»

А развѣ онъ «жилъ и мыслилъ» и «чувствовалъ»? Онъ просто «существовалъ».

А сердце жаждало признанья,
Рука — пожатія руки.
Огаревъ.

— Куда это ты? — спрашивалъ Тарсановъ на слѣдующій день Николая Ивановича, собиравшагося усѣсться въ наемный фаэтонъ.

— Хочется прокатиться до обѣда,— отвѣчалъ Николай Ивановичъ и тотчасъ же приказалъ трогать.

Фаэтонъ быстро покатилъ по ровному шоссе. Тарсановъ недоумѣвающе взглянулъ на Петра, а Петръ усмѣхнулся съ такимъ видомъ, что мы, молъ, знаемъ въ чемъ дѣло, хотя въ дѣйствительности ровно ничего не зналъ. Онъ взглянулъ загадочно по направленію удаляющагося фаэтона, не менѣе загадочно перевелъ взглядъ подъ прямымъ угломъ въ сторону, еще разъ усмѣхнулся и, фатовато покачивая корпусомъ, медленно прошелъ въ комнаты.

А Николай Ивановичъ въ это время покачивался въ фаэтонѣ съ веселымъ и помолодѣвшимъ лицомъ. «Господи! Вызвать въ памяти чудное прошедшее, подышать свѣжимъ воздухомъ лучшаго времени, встряхнуться отъ хорошихъ воспоминаній!...»

Въ воображеніи Николая Ивановича рисовались безконечныя совмѣстныя бесѣды, споры о жизни, о ея запросахъ, рисовался смѣлый поворотъ къ бодрому, духъ захватывающему дѣлу.

Что же вызвало въ Николаѣ Ивановичѣ такое радостное настроеніе? Мысль объ этомъ волновала его до глубины души и на лицѣ его являлась юношески-стыдливая краска: Николай Ивановичъ ѣхалъ къ Вѣрѣ Павловнѣ Надаровой и все, что̀ пережилъ онъ [illegible] своей молодости, все всколыхнулось и вырвалось наружу сладкимъ и мучительнымъ вихремъ воспоминаній.

А день такой свѣтлый, ясный, зелень деревьевъ такъ ласкаетъ

глаза, вѣтерокъ такъ нѣжитъ. «Неужели 45 лѣтъ? Мнѣ такъ весело, легко, во мнѣ столько бодрости».

И вдругъ Николай Ивановичъ внутренно сжался и напряженно сталъ вглядываться въ окружающую мѣстность. Эта аллея тополей, эта группа громадныхъ орѣшниковъ, этотъ ручеекъ, пробирающійся свѣтлою лентой въ зеленой долинѣ—все это такъ знакомо, мучительно знакомо, и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждо. Да... да... вотъ и поворотъ. Еще верста и онъ будетъ въ Надаровской усадьбѣ. Какъ все знакомо, какъ дорого сердцу, и между тѣмъ какъ печально. Точно колоритъ другой, какъ будто деревья поблекли и ручеекъ помрачился. Какою-то глубокою меланхоліей вѣетъ отъ всего пейзажа, душа тоскливо рвется къ прежнимъ впечатлѣніямъ, рветъ прежнее бодро-веселое настроеніе, но сердце сжимается и невыразимая грусть давитъ грудь... Да, пейзажъ тотъ же, поразительно тотъ же, но все же другой, далекій, грустный... Безвозвратно прожитая жизнь отдѣляетъ Николая Ивановича отъ этого пейзажа и ставитъ преграду прежнимъ впечатлѣніямъ и радостному настроенію.

«Вотъ она меланхолія жизни!—подумалъ Николай Ивановичъ,—меланхолія старыхъ воспоминаній, сладкихъ и мучительныхъ, меланхолія прошлаго»...

И чѣмъ ближе подъѣзжалъ Николай Ивановичъ къ усадьбѣ, тѣмъ грустнѣе становился его взглядъ, тѣмъ старѣе становилось его красивое лицо.

Но вотъ и мезонинъ привѣтливо выглянулъ изъ-за группы деревьевъ, показался знакомый балконъ, обвитый дикимъ виноградомъ, выросла передъ глазами могучая голова стараго орѣшника.

На лужайкѣ передъ домомъ два юноши играли въ крокетъ. Изрѣдка перекидываясь короткими фразами, съ напускною фатоватостью, они съ весьма дѣльнымъ видомъ катали шары, разставляя при этомъ широко свои ноги. Оба были въ бѣлоснѣжныхъ кителяхъ съ блестящими пуговицами одного изъ привилегированныхъ училищъ, оба едва успѣли отрастить первый пушокъ надъ пунцовыми губами и оба поразительно одинаково изображали слегка скучающихъ и уже поживших джентльменовъ, хотя лицомъ совсѣмъ не походили другъ на друга.

Пріѣздъ Николая Ивановича обратилъ ихъ вниманіе и, пріостановивъ игру, они съ нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ на него воззрились.

— Извините, пожалуйста,—обратился Николай Ивановичъ къ одному изъ нихъ,—могу я видѣть Вѣру Павловну?

Юноша близко подошелъ къ Николаю Ивановичу, слегка пома-

хивая крокетным молотком, и безцеремонно, съ нескрываемым любопытством оглядывая съ ногъ до головы его и его костюм большими, нѣсколько наглыми глазами, медленно произнесъ:

— Маша вскорѣ вернется, не угодно ли вамъ пройти въ гостиную.

Николай Ивановичъ послѣдовалъ за нимъ въ гостиную и затѣмъ убѣдительно просилъ юношу вернуться къ товарищу своему и не прерывать ради него начатой игры.

— Помилуйте,—вяло произнесъ юноша,—это вѣдь отъ скуки, отъ нечего дѣлать...

Тѣмъ не менѣе онъ «воспользовался любезностью» Николая Ивановича и удалился, оставивъ его въ гостиной.

Николай Ивановичъ осмотрѣлся и нервно передернулъ плечомъ. Отъ прежней мебели и вещей здѣсь ничего не осталось, да и прежняя уютность исчезла безъ слѣда, выпорхнула вонъ, и замѣнилась чѣмъ-то... чѣмъ бы это? Не приберешь слова... Да вотъ подстать этому юношѣ съ наглыми глазами.

Неужели этотъ юноша тотъ пятилѣтній клопъ, отъ котораго ждали въ будущемъ такъ много, тотъ Петька философъ, который своими безконечными вопросами хотѣлъ докопаться, при помощи взрослыхъ, до корня корней всѣхъ явленій и такъ важно оглядывалъ всѣхъ большими глазами?

Можетъ, и все здѣсь такъ перемѣнилось, можетъ быть, и Вѣра Павловна похожа на этого юношу въ бѣлоснѣжномъ китель и такъ же осматриваетъ гостей съ ногъ до головы наглыми и недоумѣвающими глазами.

И Николаю Ивановичу стало вдругъ скучно и безпріютно въ этой гостиной. Онъ перешелъ на балконъ и сквозь вѣтви дикаго винограда сталъ смотрѣть на растянувшуюся передъ нимъ ленту дороги.

Онъ такъ задумался, что едва очнулся отъ звонкаго возгласа стоявшей передъ нимъ женщины. Онъ поднялъ глаза и не сразу сообразилъ, гдѣ онъ.

— Какъ?... Вы?... Это вы? — говорила она, слегка запыхавшись отъ ходьбы и внезапнаго волненія.

Онъ всталъ, вгляделся нѣсколько секундъ въ раскраснѣвшееся лицо Вѣры Павловны и вдругъ улыбнулся.

— Слава Богу!... Это вы!—сказалъ онъ радостно и ему стало село на душѣ. Въ этомъ миломъ, чуть-чуть поблекшемъ лицѣ, въ ихъ ясныхъ глазахъ, въ этой гладкой, простой прическѣ, онъ идѣлъ ее, прежнюю, симпатичную, дорогую, хорошую Вѣру Павну.

— Какими судьбами? Вотъ ужъ неожиданно!... Да что мы стоимъ здѣсь. Войдемте въ гостиную.

— Ахъ, нѣтъ, Бога ради! Останемтесь здѣсь. Тамъ... тамъ такъ душно.

— Какъ хотите, какъ хотите, — говорила Вѣра Павловна, садясь на стулъ и усаживая Николая Ивановича.—Вы знаете, я не могу какъ слѣдуетъ очнуться. Это вы, несомнѣнно вы. Вы даже внѣшнимъ видомъ мало измѣнились, и все-таки мнѣ не вѣрится, что это вы.

— И вы все такая же... слава Богу, все такая же добрая, ласковая... И навѣрно все такъ же мечтаете о дѣятельности и дѣйствуете на пользу общую.

— О, мечтать я никогда не перестану. Но... польза общая, къ сожалѣнію, въ неумѣлыхъ рукахъ, — полушутливо, полугрустно отвѣтила Вѣра Павловна.—Мой корабль очень малюсенькій, Николай Ивановичъ, и плаваетъ все въ тѣхъ же водахъ ближе къ берегу...

— Какъ я завидую этому малюсенькому кораблю!—сказалъ, вздохнувъ, Николай Ивановичъ.—Я чувствовалъ бы себя счастливѣе, будучи самой незначительною лодкой, плывущей на буксирѣ этого дѣятельнаго кораблика.

Вѣра Павловна сразу опечалилась.

— Что съ вами, Николай Ивановичъ? Чѣмъ же обидѣла васъ судьба?

— Судьба тутъ не причемъ. Моя злая судьба я самъ... Ну, да что это я распустился въ элегическомъ вздорѣ! Лучше о васъ поговоримъ. Я пріѣхалъ вѣдь не для того, чтобы демонстрировать мою унылую персону, а чтобы взглянуть на дѣятельный корабликъ и, можетъ быть, поучиться у него... Хотя пѣсенка моя уже давнымъ-давно спѣта. «Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ»...

— Какъ вы клевещете на себя. Съ вашими способностями, умомъ, съ вашимъ добрымъ сердцемъ, развѣ можно такъ унывать?

— Ха, ха! Какою вы были... наивною, доброю, снисходительною, такою и остались.

Николай Ивановичъ всталъ и, сдѣлавъ шагъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, широко улыбнулся.

— Если бы вы знали, Вѣра Павловна, какъ мнѣ стало вдругъ весело, когда я узналъ васъ!... То-есть я всегда бы, конечно, узналъ васъ. Но узнать прежнюю Вѣру Павловну—я, признаться, не надѣялся. Вѣдь время такъ губительно, такъ измѣнчиво... И эта

гостиная, и все... все вѣдь не то. А вы все та же. Какъ это весело, вы представить себѣ не можете.

Вѣра Павловна свѣтло улыбнулась, и все улыбнулось вокругъ. И, подъ внезапнымъ впечатлѣніемъ охватившей его радости, Николай Павловичъ взялъ руку Вѣры Павловны и благоговѣйно прикоснулся къ ней губами.

— Все та же, все та же,—повторялъ онъ въ десятый разъ.— А времени-то сколько ушло!

Да, этотъ день сдѣлался настоящимъ праздникомъ для Николая Ивановича. Сидя на балконѣ, они такъ закидали другъ друга вопросами, такъ завлеклись воспоминаніями, что не замѣчали времени. Только тогда, когда два кителя показались на ступенькахъ балконной лѣстницы и съ недоумѣвающе-наглыми глазами взглянули на нихъ въ ихъ «неумѣстной intimité», Николай Ивановичъ почувствовалъ, что пора уѣзжать и что молодые кителя желаютъ обѣдать.

— Что вы? Куда вы?—съ искреннимъ недоумѣніемъ остановила его Вѣра Павловна.—Безъ обѣда мы васъ не отпустимъ, не правда ли, Петя?—обратилась она къ сыну.

Тотъ перевелъ недоумѣвающій взглядъ на мать.

— О, безъ сомнѣнія!—отвѣтилъ онъ тономъ любезнаго хозяина.

— Вотъ видите! Петя васъ приглашаетъ, и вы не можете отказаться. Намъ еще о многомъ нужно переговорить, я разскажу вамъ о заведенной мною школѣ, о мастерскихъ для крестьянскихъ дѣтей.

— Надѣюсь, все это безъ насъ?—съ снисходительною усмѣшкой спросилъ Петя, переводя взглядъ на товарища, тоже снисходительно усмѣхнувшагося.—Вы не можете себѣ представить,— обратился Петя къ Николаю Ивановичу,—до чего скучна эта матерія!

— Петя, конечно, шутитъ,—поспѣшила объяснить Вѣра Павловна: онъ очень интересуется всѣмъ этимъ.

— А все-таки намъ будетъ интереснѣе безъ этого интереснаго разговора,—иронически заявилъ Петя.

— Я вѣдь тебѣ не часто этимъ надоѣдаю,—виновато произнесла Вѣра Павловна и пригласила Николая Ивановича въ столовую.

Приходъ двухъ молодыхъ людей и короткій обмѣнъ фразъ между матерью и сыномъ тягостно подѣйствовалъ на Николая Ивановича. Снова прошлое заволоклось туманомъ и на него повѣяло чѣмъ-то чуждымъ. Ему показалось, что бывшій клопъ Петька прорылъ глубокій оврагъ между прошлымъ и настоящимъ, что преж-

няя Вѣра Павловна какъ-то странно соединилась съ настоящимъ Петей въ неразрывное цѣлое и глядитъ на него сквозь Петины глаза.

За обѣдомъ Николай Ивановичъ былъ вялъ и скученъ. Вѣра Павловна сообщила ему свои планы относительно образцовой мастерской для крестьянскихъ мальчиковъ, разсказала о школьныхъ порядкахъ, о ссудахъ нуждающимся крестьянамъ. Она оживилась, раскраснѣлась, радуясь бесѣдѣ со «старымъ другомъ», а старый другъ сидѣлъ какъ мокрая курица и думалъ: «Къ чему это? Все это не то, не то. Все это старыя, престарыя щи, подогрѣтыя въ силу привычки, и все это подогрѣваніе дѣлается ради Пети, ради его «духовнаго воспитанія», а Петя... Эхъ!» Николай Ивановичъ тряхнулъ головой и ему ужасно жаль стало Вѣры Павловны съ ея «наивными бреднями», ея корабликъ показался ему старою ненужною трухой, надоѣвшимъ хламомъ. «А все-таки»,—думалъ онъ,—ей есть о чемъ думать, есть чего желать, есть чѣмъ жить, а не только «существовать». Не все ли равно, чѣмъ вызвана эта бодрость жизни, Петей ли съ его наглыми глазами и манерами снисходительнаго хозяина, или глубоко обдуманными и прочувствованными народнымъ горемъ и нуждою.

Петя съ товарищемъ вели свой «собственный разговоръ» и не вмѣшивались въ разсужденія двухъ «старыхъ друзей», «у нихъ и своего не мало». Какъ ни увлеклась Вѣра Павловна своими планами и радостью свиданія, она, случайно взглянувъ въ потускнѣвшіе, невеселые глаза «друга», сразу осунулась и замолчала. «Что съ нимъ?—тревожно думала она.—Недоволенъ онъ чѣмъ-нибудь, вспомнилъ что-нибудь непріятное?»

— Николай Ивановичъ, что съ вами?—спросила Вѣра Павловна послѣ обѣда, когда юноши удалились и они остались одни въ гостиной.

Голосъ ея звучалъ такъ дружески, такъ ласково, что Николай Ивановичъ устыдился своего хмураго лица. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ хотѣлъ, какое право имѣлъ онъ вносить сюда свою глупую хандру, свое безмолвное нытье. И смѣшно сказать, все настроеніе испорчено Петей! Неужели онъ предполагалъ, что у Вѣры Павловны только и свѣта въ окошкѣ, что Николай Ивановичъ и его «дружба», что ее должны интересовать исключительно его тоска, его порывы, что она обязана заняться исключительно лѣченіемъ его пустой души и замерзшаго сердца. «Сколько, подумаешь, дряни въ человѣкѣ!» Николай Ивановичъ встряхнулся и отвѣтилъ:

— Вѣра Павловна, развѣ вы не видите, что я просто глупъ.

Мнѣ свѣтитъ ясное солнце, а я закрываюсь отъ него со всѣхъ сторонъ и воображаю, что темно.

Онъ оживился, тѣмъ болѣе, что зардѣвшійся закатъ придалъ восхитительную окраску всей окрестности. Николай Ивановичъ глядѣлъ минуты двѣ въ окно и, не оборачиваясь, произнесъ:

— Вѣра Павловна, я вѣдь не разъ и не два заѣду къ вамъ, я часто буду пріѣзжать...

— А какъ же иначе! —весело отвѣтила Вѣра Павловна.

— Вамъ, можетъ быть, этого и не хотѣлось бы, но я хочу крѣпко привязать на нѣкоторое время мою ладью къ вашему кораблю.

— Если есть за что привязать, Николай Ивановичъ,—милости просимъ.

Николай Ивановичъ обернулся.

— Вѣра Павловна, вѣдь я ожилъ! Мнѣ и весело, и грустно, но я ожилъ, ожилъ. Я больше уже не мертвецъ.

— И слава Богу, Николай Ивановичъ. Будемъ вмѣстѣ вспоминать, вмѣстѣ думать и, дастъ Богъ, совсѣмъ оживемъ.

— Да, да, да!... Авось... Кто знаетъ... вѣдь и безнадежно больные выздоравливаютъ. Я вамъ все разскажу, все передамъ, какъ въ доброе, старое время... Но потомъ. А теперь, знаете что, Вѣра Павловна?—сказалъ Николай Ивановичъ оживленнымъ и веселымъ голосомъ,—проведемъ вечеръ, какъ въ доброе старое время на лѣтнихъ нашихъ «вакаціяхъ...» Немного музыки, немного серьезной бесѣды, немного мечтаній при свѣтѣ луны.

И Николай Ивановичъ предложилъ Вѣрѣ Павловнѣ руку и подвелъ ее къ роялю.

Вѣра Павловна искренно расхохоталась.

— Что вы, Николай Ивановичъ! Теперь ужъ я съ полнымъ правомъ могу сказать: «мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ». Петя умеръ бы со смѣху.

— Пускай себѣ умираетъ со смѣху! —весело возразилъ Николай Ивановичъ.—А вы мнѣ все-таки сыграйте «Севильскаго цырюльника». Именно здѣсь мнѣ хочется услышать, какъ тогда, какъ прежде...

Вѣра Павловна сдалась на просьбы и сѣла играть. Странно было на душѣ Николая Ивановича. Неувѣренные, нѣсколько глухіе звуки, вылетавшіе изъ-подъ пальцевъ Вѣры Павловны, такъ болѣзненно отзывались въ немъ, вызывали въ сердцѣ такую бурю тяжелыхъ воспоминаній и печаль о безвозвратно минувшемъ, что хотѣлось закричать и остановить Вѣру Павловну. И все-таки Ни-

колай Ивановичъ слушалъ и слушалъ, внутренно стоналъ и все-таки слушалъ.

Но что это за рѣзкій, отвратительный звукъ, оборвавшій струны и сразу отрезвившій Николай Ивановича.

На порогѣ стоялъ Петя, съ товарищемъ, и отъ души, неудержимо хохоталъ.

— Maman! Maman! Неподражаемо!

Вѣра Павловна густо зардѣлась и виновато смотрѣла на него.

— Знаете, — обратился Петя къ Николаю Ивановичу, — игра maman дѣлается уже чѣмъ-то историческимъ, это «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой...» Сестры, если бы онѣ здѣсь были, умерли бы со смѣху.

Николай Ивановичъ досадливо пожалъ плечами.

— Да и вы, — сказалъ онъ, — были, кажется, близки къ этому.

— О, я чуть не упалъ! Это неподражаемо!

Николай Ивановичъ скоро уѣхалъ. На возвратномъ пути на душѣ у него было смутно. Ароматный вечеръ, сіяющее небо, живописная окрестность, полная тысячи звуковъ, будили въ немъ только сожалѣніе и досаду.

«И мѣсяцъ съ лѣвой стороны сопровождалъ мой путь унылый», — сказалъ онъ себѣ насмѣшливо и задремалъ, откинувшись на подушки фаэтона.

— А, «заблудшая овца!» — встрѣтило его дома восклицаніе Тарсанова, сопровождаемое жалостливо-ироническимъ взглядомъ Петра. — Даже не обѣдалъ дома, каковъ! Или, любезный ты нашъ ипохондрикъ, амуры завелись?

Николай Ивановичъ усмѣхнулся.

— Если бы и такъ, — пошутилъ онъ и, дружески взявъ подъ руку Тарсанова, прошелъ съ нимъ въ столовую.

— Да гдѣ ты былъ, чудакъ ты этакій?

— «Искалъ по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...»

— И нашелъ?

— Нашелъ.

— Не у любезнѣйшей ли вдовы нашей Аделаиды Карловны, съ ея институтами и пандектами Юстиніана въ видѣ необъятныхъ грудей и торса?

Николай Ивановичъ нахмурился.

— Ну, ну, не буду, — поспѣшилъ заявить Тарсановъ, вѣдь это, душечка, самъ Гейне дѣлалъ такія сравненія, а я ихъ только повторяю.

Но у Николая Ивановича почему-то сразу прошла всякая охота бесѣдовать съ Тарсановымъ.

— Петръ, я ужинать не буду,—заявилъ онъ слугѣ.—Пора и спать,—обратился онъ къ Тарсанову и, круто повернувъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Тарсановъ повертѣлъ пальцами около лба и выразительно оттопырилъ губы, а Петръ только махнулъ рукой и пошелъ накрывать для Тарсанова столъ.

Мы живемъ и трижды правъ живущій,
Если настоящимъ онъ живетъ.
Шиллеръ.
Какое счастье быть любимымъ!
Какое счастіе любить!
Гёте.

Николай Ивановичъ сѣлъ у знакомаго окна своей дачки и задумался.

Осень имѣетъ въ себѣ что-то вызывающее на размышленіе, а вокругъ дачки Николая Ивановича осень во всемъ разгарѣ. Неуклюжія узловатыя кольца дикаго винограда значительно порѣдѣли, листья меланхолически повисли и шепчутъ свое послѣднее привѣтствіе.

За эти три мѣсяца Николай Ивановичъ помолодѣлъ, повеселѣлъ и даже похорошѣлъ. Онъ все это время хотя и не «дѣйствовалъ», но зато жилъ и полною грудью впивалъ въ себя свѣжее дыханіе жизни и прелесть «дружбы». Да, дружба! Это слово за послѣднее время вызываетъ въ немъ сомнѣніе и возбуждаетъ почему-то краску стыда. Николай Ивановичъ и въ этотъ моментъ вспыхнулъ, какъ юноша, и нахмурилъ брови.

«А впрочемъ, что же тутъ такого?»

Листья дикаго винограда шуршатъ и устилаютъ балконъ мертвыми своими собратьями.

Быстро смѣняются времена года, быстро проходитъ и жизнь. Нечего много разсуждать, нужно брать отъ нея все доброе и не стыдиться того, что это доброе немного запоздало. Развѣ можетъ доброе быть запоздалымъ и смѣшнымъ, а если кому смѣшно, то пусть его смѣется, — отъ этого добра не убудетъ.

Оно, пожалуй, и смѣшно. Тарсановъ, случайно обнаруживъ причину частыхъ поѣздокъ Николая Ивановича, нѣсколько разъ принимался хохотать до одурѣнія и едва не сломалъ дивана, трясясь всѣмъ своимъ тѣломъ отъ душившаго его хохота.

— Николай Ивановичъ, душа ты моя! — кричалъ онъ, весь красный, со слезами на глазахъ. — Вѣдь у меня артерія лопнетъ. Ты будешь виновникомъ преждевременной моей смерти!

Сверхъ ожиданія, Николай Ивановичъ оказался крайне терпѣливымъ и относился къ смѣху пріятеля совершенно равнодушно.

— Смѣхъ весьма полезенъ при твоемъ катаррѣ, — говорилъ онъ Тарсанову и продолжалъ спокойно курить сигару.

— Да ты постой! — кричалъ Тарсановъ. — Вѣдь ты положительно неприличенъ!

— Въ какомъ это смыслѣ?

— Да въ такомъ простомъ смыслѣ, что всему своя пора, а ты это совершенно забываешь.

— По-твоему, возобновлять старинное знакомство и... если хочешь, дружбу, можно только до извѣстнаго возраста?

— Поди ты разсказывай о твоей дружбѣ Аделаидѣ Карловнѣ и ея пандектамъ, авось она повѣритъ. Ты, братъ, не говоря дурного слова, влопался, какъ птенецъ, и готовъ пѣть чувствительные романсы. Вѣдь это скандалъ!

— Ну, что-жъ дѣлать, скандалю себя, а не тебя.

И Николай Ивановичъ, къ отчаянію Тарсанова, спокойно вставалъ и начиналъ прохаживаться по балкону, не обращая на Тарсанова никакого вниманія.

Въ эти три мѣсяца не произошло ничего необыкновеннаго. Николай Ивановичъ просто-напросто черезъ день, а то и ежедневно, ѣздилъ въ усадьбу Вѣры Павловны. Самъ того не замѣчая, онъ ѣздилъ къ Вѣрѣ Павловнѣ по необходимости, до неприличія часто, въ силу непреоборимой внутренней потребности. Эти поѣздки казались ему совершенно естественнымъ слѣдствіемъ ихъ стариннаго знакомства. Такими же онѣ казались и самой Вѣрѣ Павловнѣ.

Вотъ только за послѣдніе дни онъ сдѣлался нѣсколько безпокоенъ. Почему? Да вотъ потому, что Петя уже цѣлый мѣсяцъ просрочилъ свои каникулы по болѣзни, и на дняхъ они должны непремѣнно вернуться въ Петербургъ. Они вернутся, а онъ останется... попрежнему съ Тарсановымъ, попрежнему съ собою, но безъ прежняго душевнаго равновѣсія. Надъ этимъ за послѣднее время задумывался Николай Ивановичъ и за эти послѣдніе дни онъ сталъ смутно сознавать, что обойтись безъ общества Вѣры Павловны ему прямо-таки невозможно. Что это? Юношескій пылъ дружбы или запоздалая вспышка старыхъ воспоминаній? То или другое, но ему становилось яснымъ, что свою развалившуюся ладью онъ привязалъ къ единственному оставшемуся для него судну, и отвяжи онъ

эту ладью и останься съ нею вновь одинъ среди своихъ сомнѣній— онъ совершенно потеряется въ окружающей мглѣ.

«Ну, что-жъ, смѣйтесь, смѣйтесь! Романъ? Да, это романъ, запоздалый романъ со всѣми радостями и муками всякаго романа!»

Николай Ивановичъ, какъ въ доброе старое время, бесѣдовалъ цѣлыми часами съ Вѣрой Павловной, строилъ планы, совѣтовалъ ей по крестьянскимъ ея затѣямъ и такъ же, какъ тогда, въ доброе старое время, ему казалось, что въ немъ пробудился настоящій, неподдѣльный душевный жаръ, а не болѣзненная лихорадка, подогрѣтая «запоздалымъ романомъ».

Правда, наглые глаза Пети, искренняя усмѣшка на лицѣ этого молодого сибарита, отрезвляли Николая Ивановича, и онъ обзывалъ себя «старою, разогрѣтою на вертелѣ подошвою», но Петя съ товарищемъ рѣдко нарушали ихъ бесѣды. Напротивъ, Петя, встрѣтивъ его и поздоровавшись съ нимъ съ неизмѣнною усмѣшкой, переглядывался чуть замѣтно съ товарищемъ, въ глазахъ котораго тотчасъ же отражалась Петина усмѣшка, и удалялся съ нимъ куда-нибудь на конецъ сада. Оттуда вскорѣ послѣ ихъ ухода раздавался гомерическій хохотъ. Николай Ивановичъ чувствовалъ тогда, что это онъ является предметомъ смѣха. И дѣйствительно, Петя искренно, отъ души хохоталъ надъ старымъ мамашинымъ «amant» и надъ романомъ «этого забавнаго провинціальнаго льва»; онъ развивалъ товарищу свои юмористическія соображенія по этому предмету, изображалъ до нѣкоторой степени манеры Николая Ивановича, приводилъ отрывки случайно подслушанныхъ имъ бесѣдъ этого «amant» съ «maman» и заливался смѣхомъ, которому вторилъ товарищъ.

Все это нисколько не смущало теперь Николая Ивановича. Все это были неизбѣжныя мелочи жизни, а для Николая Ивановича рѣшался серьезный вопросъ, передъ важностью котораго остальное стушевывалось.

Сегодня, какъ и три мѣсяца назадъ, Николай Ивановичъ болѣзненно напрягалъ свой умъ и не зналъ, на чемъ остановиться.

А листья дикаго винограда попрежнему шуршали и шептали свое послѣднее привѣтствіе, напоминая о скоромъ отъѣздѣ Вѣры Павловны.

«Нѣтъ, этого не можетъ быть! Остаться здѣсь при старомъ грузѣ тяжелыхъ сомнѣній... Нѣтъ, лучше повѣситься!»

— Петръ!

Знакомая лѣнивая фигура Петра показалась на порогѣ.

— Приведи мнѣ фаэтонъ!

Петръ постоялъ, о чемъ-то подумалъ, затѣмъ лѣниво повернулся и вышелъ.

Черезъ четверть часа Николай Ивановичъ ѣхалъ по гладкому шоссе. Онъ былъ безпокоенъ, нервенъ, едва сидѣлъ на мѣстѣ и внутренно сердился на медленность фаэтонщика, ѣхавшаго въ дѣйствительности очень быстро.

«А, вотъ, наконецъ! Слава Богу, не видать ни Пети, ни его alter ego».

Николай Ивановичъ вошелъ и спросилъ, гдѣ Вѣра Павловна. Оказалось, что Вѣра Павловна одна гуляетъ по садовой аллеѣ.

— Судьба!—пробормоталъ про себя Николай Ивановичъ и быстрою, легкою, какъ у юноши, походкою пошелъ въ садъ.

Въ концѣ широкой садовой аллеи изъ громадныхъ орѣшниковъ Николай Ивановичъ увидѣлъ знакомую фигуру. Онъ почему-то замедлилъ шаги, покраснѣлъ, затѣмъ тотчасъ же поблѣднѣлъ и пріостановился. «Что это я?—пробормоталъ онъ.—Что за трусость?» Онъ постоялъ еще съ минуту и затѣмъ рѣшительнымъ, быстрымъ шагомъ нагналъ Вѣру Павловну.

— Ахъ! — вскрикнула она, вздрогнувъ.— Извините, Николай Ивановичъ, я задумалась и отъ неожиданности испугалась...

— Ничего, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Вашъ испугъ скоро смѣнится смѣхомъ.

Голосъ его звучалъ какъ-то странно, и Вѣра Павловна подозрительно на него взглянула.

— Что же случилось смѣшного? — спросила она.

— Вѣра Павловна, вы уѣзжаете черезъ четыре дня?

— Да, приходится...

— И вамъ это совершенно безразлично?

— Напротивъ, мнѣ очень грустно. Я только что объ этомъ думала.

— А каково же должно быть мнѣ?

Вѣра Павловна молчала.

— Вѣра Павловна, я слишкомъ старъ, чтобы вести безцѣльную болтовню. Я откровенно скажу вамъ, что такъ вотъ... такъ просто разстаться съ вами я не могу.

Вѣра Павловна покраснѣла.

— Что же дѣлать, Николай Ивановичъ...

— Вотъ тутъ-то вы и будете смѣяться. Я прошу васъ... это до глупости запоздалая просьба, это покажется вамъ, можетъ быть, чудачествомъ... я прошу васъ, умоляю васъ быть моей женою...

Николай Ивановичъ проговорилъ это быстро, прерывистымъ голосомъ, но твердо, какъ человѣкъ, рѣшившій, что́ будь что будетъ.

Вѣра Павловна поблѣднѣла и остановилась. Нѣсколько мгновеній она ничего не могла сказать. Что-то глубоко-грустное, томящее и обидное всколыхнулось было въ ней, но скоро смѣнилось болѣе спокойнымъ чувствомъ.

— Николай Ивановичъ,—тихо проговорила она,—я знаю, что вы говорите серьезно: такими вещами не шутятъ. Но вы говорите подъ вліяніемъ предстоящей разлуки, вы нервно настроены... Оставимъ этотъ разговоръ.

— Оставить этотъ разговоръ?!...

Николай Ивановичъ собирался съ мыслями и, взявъ затѣмъ Вѣру Павловну за руки, прямо взглянулъ ей въ глаза.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, такъ оставить этотъ разговоръ нельзя. Если бы вы знали хоть немного, что́ дѣлалось въ моей душѣ, насколько я за послѣднее время сдѣлался одинокъ и безпріютенъ, вы этого не сказали бы...

— Но что же я могу сказать, Николай Ивановичъ?! Вы сами видите, вы человѣкъ разумный... У меня нѣсколько человѣкъ дѣтей, я не имѣю даже права говорить о чемъ-либо подобномъ...

— Дѣтей?... Вѣра Павловна, зачѣмъ вы говорите о дѣтяхъ. Дѣтей это не можетъ коснуться, ихъ права останутся тѣ же, въ ихъ жизнь я не вторгаюсь и никогда не позволю себѣ вторгаться... Скажите, Бога ради, развѣ что-нибудь отнимется этимъ отъ вашихъ дѣтей? Или мое имя, прибавленное къ вашему, обезчеститъ ихъ? Или я могу внести какой-либо раздоръ въ вашу семью?... Господи, да я только прошу угла, вы понимаете — маленькаго уголка, чтобы не чувствовать себя никому ненужнымъ, чтобы кому-нибудь, чѣмъ-нибудь имѣть возможность принести пользу, чтобы *хотѣть* принести пользу, доставить какое-либо благо... У кого же я могу отнять что-нибудь, когда добиваюсь только одного, единственнаго: чтобы взяли мою измотавшуюся душу и сдѣлали изъ нея все, что захотятъ, и что еще можно сдѣлать хорошаго, потому что я, безъ близкой, любящей души, какова ваша, не могу, безсиленъ, не хочу дѣлать изъ себя что-либо путное... Зачѣмъ же пропадать, умирать тому, что вы можете оживить, что подъ вашимъ вліяніемъ еще пригодится... Вѣра Павловна!

Николай Ивановичъ замолкъ и отголосокъ его рѣчи самому ему казался страннымъ.

Вѣра Павловна молчала, закрывъ глаза рукою. Она плакала.

— Вѣра Павловна, вы сердитесь?

— Нѣтъ... но мнѣ такъ грустно, такъ больно, Николай Ивановичъ...

— Простите, Вѣра Павловна, я васъ огорчилъ, но что же дѣлать, мнѣ самому слишкомъ горько...

— Я это знаю...

— Вѣра Павловна, Бога ради... Не отнимайте у меня надежды... Обѣщайте подумать...

Вѣра Павловна подняла голову и грустно взглянула на него.

— Ахъ, Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ... Какъ странно говорить о надеждахъ въ наше время!

— Странно, смѣшно, глупо! Но... вѣдь жизнь еще впереди, Вѣра Павловна, вѣдь нужно же еще прожить... А мнѣ такъ тяжело одному!

Вѣра Павловна вздохнула.

— Вѣра Павловна, еще разъ... Я прошу одного: подумайте... Я теперь такой маленькій, такой безпомощный ребенокъ. Не оставляйте этого ребенка одного въ лѣсу, онъ и такъ уже напуганъ...

Вѣра Павловна чуть-чуть улыбнулась сквозь слезы и протянула ему руку. Онъ взглянулъ въ глаза Вѣры Павловны, и, Боже, сколько отразилось въ нихъ старыхъ воспоминаній, старыхъ мученій, разочарованій и старыхъ радостей!

Она зардѣлась, какъ молодая дѣвушка, и вся фигура ея дышала въ это мгновеніе молодостью и силой.

— Вѣра Павловна,—проговорилъ чуть слышно Николай Ивановичъ.

Она стояла передъ нимъ, краснѣя, вся облитая свѣтомъ пробившагося сквозь листву солнечнаго луча. Николай Ивановичъ медленно поднесъ къ губамъ руку.

— Ахъ, какой пассажъ! — раздался въ это время веселый и манерный голосъ Пети.

Очарованіе иллюзіи исчезло.

Николай Ивановичъ, несмотря на «Клопа»-Петю, несмотря ни на что, счастливый и радостный провелъ у Вѣры Павловны цѣлый день. Онъ много говорилъ, много фантазировалъ, чувствовалъ себя молодымъ, бодрымъ, энергичнымъ.

Лунный вечеръ, легкій, мягкій, ароматный, тающій въ волнахъ свѣта, усыпилъ всѣ сомнѣнія, всѣ тревоги.

«Хорошо жить на свѣтѣ!»—думалъ Николай Ивановичъ, глядя на залитую свѣтомъ окрестность.

Легко покачиваясь въ фаэтонѣ на возвратномъ пути, Николай Ивановичъ... мечталъ. Мечталъ со всею сладостью юношескихъ

мечтаній... «Не поздно ли?—мелькало порою въ головѣ. И невольно взглянулъ Николай Ивановичъ на луну. — А мѣсяцъ съ лѣвой стороны!»—онъ весело разсмѣялся.

— Пусть себѣ свѣтитъ съ какой угодно стороны!..

Всѣ дни мои, какъ желтый листъ увяли,
Цвѣты, плоды исчезли—и на днѣ
Моей души гнѣздится червь печали:
Вотъ что осталось мнѣ!

Байронъ.

— Господи, мы собрались здѣсь, чтобы чествовать нашего многоуважаемаго Николая Ивановича за самоотверженную дѣятельность на пользу родного намъ города, чтобъ общимъ нашимъ сочувствіемъ хоть немного вознаградить его за безкорыстное служеніе ближнему...

Такъ говорилъ со стаканомъ шампанскаго въ рукахъ городской голова передъ довольно значительною группой мѣстныхъ чиновниковъ и городскихъ представителей, собравшихся въ ресторанѣ лучшей гостиницы и уже вкусившихъ отъ всякихъ благъ земныхъ, преподнесенныхъ имъ во всѣхъ видахъ владѣльцемъ гостиницы, «французикомъ изъ Бордо», какъ его прозвали мѣстные остряки, потому что онъ дѣйствительно былъ родомъ изъ Бордо.

— Мы собрались...—продолжалъ городской голова.

— Для «жранья», — шепнулъ черный съ просѣдью господинъ своему сосѣду, молодому чиновнику съ разинутымъ ртомъ и вѣчно вытаращенными глазами. — Такъ сказалъ бы графъ Левъ Николаевичъ.

— Кто это графъ Левъ Николаевичъ?—расширивъ до невѣроятности глаза, спросилъ шепотомъ молодой чиновникъ.

Господинъ съ просѣдью ничего не отвѣчалъ, ибо не имѣлъ собственно никакого желанія разговаривать съ молодымъ чиновникомъ, прозваннымъ «ротозѣемъ», а обратился къ нему только потому, что тотъ былъ сосѣдомъ.

— Мы собрались послѣ счастливо исполненной задачи, спровадивъ восвояси милую гостью, — сказалъ, усмѣхнувшись, голова, — и устроивъ ей общими силами торжественные проводы, не бывшіеся, къ несчастью, безъ человѣческихъ жертвъ; мы можемъ со спокойною совѣстью пойти навстрѣчу общему желанію и почтить главнаго изъ бойцовъ единодушнымъ привѣтомъ и благодарностью. Николай Ивановичъ, я не стану распространяться о вашей дѣятельности въ это недавнее и тяжелое для насъ время, ваши

заслуги у всѣхъ на виду, все это свѣжо въ памяти всѣхъ присутствующихъ, и потому я ограничусь простымъ задушевнымъ «ура», которое повторятъ всѣ васъ окружающіе и которое откликнется и за предѣлами этихъ комнатъ... Ура, ура!

Громогласное «ура» нѣсколькихъ десятковъ голосовъ было подхвачено въ сосѣдней комнатѣ торжественнымъ тушемъ мѣстнаго военнаго оркестра. Обѣдающіе, вставъ съ мѣстъ, чокались съ Николаемъ Ивановичемъ и затѣмъ сосредоточенно пили изъ стакановъ холодное шампанское.

Николай Ивановичъ чокался, раскланивался, пожималъ руки, но во всей его фигурѣ было что-то неподходящее къ этому празднику. Выраженіе какой-то скрытой досады смѣнялось на его лицѣ выраженіемъ тоски и нездороваго утомленія. Можно было подумать, что онъ или только что оправился отъ тяжелой болѣзни, или же готовился слечь въ постель и едва пересиливалъ свой недугъ.

За тушемъ настала глубокая пауза. Всѣ взгляды обратились къ Николаю Ивановичу. Ждали, повидимому, отвѣтной благодарственной рѣчи.

Николай Ивановичъ разсѣянно оглядывалъ столъ и молчалъ.

— Что это съ нимъ?—шепнулъ городской голова своему сосѣду, извѣстному въ городѣ и уважаемому филантропу Прохорову.

— Нездоровъ, вѣроятно,—нехотя отвѣтилъ Прохоровъ.

— Однако, — проговорилъ черный съ просѣдью господинъ на ухо «ротозѣю», — юбиляръ успѣлъ уже, кажется, нагрузиться. Языкъ отказывается служить.

«Ротозѣй» страшно вытаращилъ глаза и обратилъ ихъ на Николая Ивановича.

Гости, прождавъ напрасно отвѣтную рѣчь, начали заниматься своимъ разговоромъ. Николай Ивановичъ при первомъ гулѣ сдержаннаго разговора вспомнилъ какъ будто бы, что ему нужно сказать нѣсколько словъ, и всталъ.

— Благодарю васъ, господа, за честь, которую вы мнѣ оказали,—сказалъ онъ какъ бы въ полуснѣ.—Я этой чести, право, не заслужилъ... да, не заслужилъ... Нашъ городъ всѣмъ обязанъ исключительно вамъ, а не мнѣ.

Онъ сѣлъ. Крикнули «ура». Оркестръ заигралъ.

Послѣ обѣда раздѣлились на группы по нѣсколькимъ комнатамъ. Торжество смѣнилось времяпрепровожденіемъ «семейнаго, интимнаго характера», какъ выражаются нѣкоторыя провинціальныя газеты; задымились дешевыя сигары, за которыя «французикъ

изъ Бордо» вписалъ въ счетъ довольно солидную сумму, какъ за «регаліи» высшаго достоинства, появились ликеры, столь легко теперь выдѣлываемые изъ особыхъ ликерныхъ лепешекъ и крѣпкой водки, предстали на сцену неизмѣнныя карты.

Прохоровъ искалъ глазами Николая Ивановича и нигдѣ его не находилъ. «Что это съ нимъ?»—невольно сказалъ себѣ Прохоровъ. И дѣйствительно, было чему удивляться. Николай Ивановичъ всегда такой тактичный, внимательный и вѣжливый, держалъ себя во весь этотъ день крайне странно и теперь, ни съ кѣмъ не попрощавшись, ушелъ, повидимому, къ себѣ домой.

Прохоровъ зналъ Николая Ивановича и раньше, но нѣсколько ближе сошелся онъ съ нимъ въ послѣднее время, когда холера надѣлала довольно много бѣдъ городу и когда Прохоровъ, прійдя по обыкновенію на помощь бѣдному населенію, столкнулся на этомъ пути съ лихорадочною и самоотверженною дѣятельностью Николая Ивановича. Дѣятельность Николая Ивановича во всѣхъ отношеніяхъ обращала на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что какъ-то не шла къ обычному, слишкомъ покойному характеру его. Всѣ, хорошо знавшіе Николая Ивановича раньше, относились къ этой неослабной дѣятельности съ изумленіемъ и даже нѣкоторою подозрительностью. Но Прохоровъ не справлялся съ тѣмъ, насколько обычный характеръ Николая Ивановича соотвѣтствовалъ выказанной имъ энергіи, онъ увидѣлъ сразу, что, оказывая щедрою рукой помощь, Николай Ивановичъ не руководился ни тщеславіемъ, ни жаждою популярности, а этого Прохорову было достаточно, чтобы сразу почувствовать глубокое уваженіе и симпатію къ Николаю Ивановичу.

Глубоко убѣжденному и безкорыстному борцу противъ народной нужды во всѣхъ ея видахъ, Прохорову отрадно было сознавать, что онъ нашелъ достойнаго себѣ товарища. До сихъ поръ онъ чувствовалъ себя на этомъ поприщѣ одинокимъ.

Онъ хорошо познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ, но отъ дѣйствительной близости Николай Ивановичъ какъ будто намѣренно уклонялся. Онъ какъ бы стыдился сочувствія, которое иногда выражалъ Прохоровъ по поводу его дѣятельности, и избѣгалъ отровенной бесѣды. «Странный человѣкъ!—думалось Прохорову.—транный человѣкъ!»—повторялъ онъ себѣ и теперь, разыскивая лазами Николая Ивановича.

А въ это время Николай Ивановичъ сидѣлъ передъ письменымъ столомъ своего кабинета, совершенно изнеможенный какою-то равственною пыткой. Онъ поспѣшно ушелъ послѣ обѣда домой,

потому что еще немного—и онъ могъ бы сказать или сдѣлать что-нибудь неумѣстное.

Медленно выдвинулъ онъ ящикъ стола, медленно досталъ и положилъ передъ собою листокъ почтовой бумаги.

«...Въ наши годы мы не имѣемъ права жить для себя. Николай Ивановичъ, дорогой мой, нужно примириться съ судьбою, что же дѣлать! Недостойно было бы такого разумнаго человѣка, какъ вы, падать духомъ отъ того только, что личная жизнь не всегда складывается по желанію. Въ память прошлаго обѣщайте мнѣ встряхнуться. У каждаго изъ насъ есть серьезныя обязанности: у меня передъ дѣтьми, у васъ передъ обществомъ, которому вы можете и должны принести пользу. Будемъ утѣшаться вдали другъ отъ друга тѣмъ, что насъ поддерживаетъ дружеское сочувствіе на трудномъ пути жизни...»

Сколько разъ уже перечитывалъ Николай Ивановичъ этотъ листокъ. Онъ зналъ его наизусть и, мысленно повторяя слова, почти не заглядывалъ въ письмо.

А когда это письмо было получено нѣсколько мѣсяцевъ назадъ? Онъ не хотѣлъ ему вѣрить, онъ чувствовалъ, что все отъ него уходитъ, что онъ одинъ, одинъ, что въ душѣ совершенная пустота... А жить надо. Гдѣ онъ возьметъ той душевной силы, которая поддерживала во всѣ трудныя минуты ее, ту, возлѣ которой онъ хотѣлъ обновиться, ожить?... «Всѣ они начинали смолоду,—припоминалъ онъ слова Тарсанова.—Да, смолоду, смолоду... Смолоду нужно запасаться чувствомъ, стремленіями, сознаніемъ общаго долга. А его порывы запоздали, его сомнѣнія безплодны».

И вотъ пришло тяжелое время для города. Холера начала безпощадно косить бѣдный классъ населенія. Было отъ чего встряхнуться, было отъ чего обновить свою «измотавшуюся» душу, было отъ чего ожить и найти цѣль и нравственное удовлетвореніе жизни! И Николай Ивановичъ бросился по пути Прохорова и работалъ, работалъ, работалъ... Всѣ изумлялись, мѣстныя газеты трубили о его дѣятельности, его превозносили... И въ самомъ разгарѣ этой работы онъ вдругъ понялъ, что это только угаръ, безплодные порывы его безплодной души, послѣдняя безсодержательная вспышка, что поздно, поздно, поздно!... Онъ понялъ, что не общественная нужда, не общественное бѣдствіе, что не любовь къ своему страждущему и гибнущему брату имъ двигаетъ и даетъ ему силы... Нѣтъ нравственнаго удовлетворенія, которое сопровождаетъ доброе дѣло удачно исполненный трудъ на пользу общую, въ немъ не было

слѣда; въ немъ не было ни силы, ни чувства,—все это было безплоднымъ стремленіемъ заполнить душевную пустоту, создать то, что не создается сразу и что поздно было создавать...

И теперь, послѣ этого «ужаснаго обѣда», послѣ этого «непозволительнаго чествованія», Николай Ивановичъ хотѣлъ себя бичевать, поносить, обливать грязью! Онъ подошелъ къ окну и прислонился лбомъ къ холодному стеклу. Непроглядная тьма, едва разсѣиваемая мутными городскими фонарями, встрѣтила его взглядъ и вслѣдъ затѣмъ какъ бы окутала его всего съ ногъ до головы. Сильный вѣтеръ напиралъ въ окно и наводилъ уныніе.

Въ передней раздался звонокъ. Николай Ивановичъ его не слышалъ. На порогѣ показался слуга.

— Господинъ Прохоровъ желаютъ васъ видѣть.

Николай Ивановичъ оторвался отъ окна и не сразу понялъ. Совершенно невозможная мысль пришла ему вдругъ въ голову: можетъ быть, принесли письмо отъ Вѣры Павловны, *другое* письмо съ утѣшительнымъ извѣстіемъ?... Но такъ же быстро какъ пришла эта мысль, такъ же она и исчезла.

— А? Что?... Да, проси, проси,—сказалъ Николай Ивановичъ и, по уходѣ слуги, крѣпко зажалъ руками нестерпимо бившіеся виски.

— Любезный Николай Ивановичъ, что это съ вами?—мягко спросилъ Прохоровъ, подойдя къ Николаю Ивановичу.

— Со мной?... Ничего... Ахъ, да! Извините, ради Бога извините. Мнѣ не по себѣ, я нездоровъ...

— Вамъ бы лечь въ постель, вы вѣрно простудились.

— Да, да, я простудился...

— Я былъ испуганъ вашимъ внезапнымъ уходомъ съ обѣда...

Николай Ивановичъ вдругъ всталъ и нервно прошелся по комнатѣ.

— Обѣдъ?... Если бы вы знали, какую пытку этотъ обѣдъ мнѣ причинилъ, какой позоръ, какое униженіе.

— Что съ вами, Николай Ивановичъ?!

— Эти тосты, этотъ звонъ стакановъ—это глумленіе надъ моею совѣстью...

— Николай Ивановичъ, Богъ съ вами... Я васъ не понимаю, вы не въ себѣ...

Николай Ивановичъ подошелъ къ Прохорову.

— Вы не поймете и я не хотѣлъ бы, чтобы вы, именно вы поняли... Мнѣ слишкомъ тяжело... извините, ради Бога, тысячу разъ

извините... я долженъ остаться одинъ, я не могу говорить... вы меня простите...

Прохоровъ медленно всталъ.

— Я самъ вижу, что мое присутствіе вамъ тяжело... Вы нездоровы, вамъ нужно лечь.

Онъ крѣпко пожалъ руку Николаю Ивановичу.

— До свиданія.

— До свиданія,—съ дрожью въ голосѣ сказалъ Николай Ивановичъ.

А когда за Прохоровымъ захлопнулась дверь, Николай Ивановичъ подошелъ къ тому же окну и, прижавшись лбомъ къ стеклу. весь блѣдный прошепталъ: «поздно, поздно, поздно».

Кто прожилъ жизнь свою темно и блѣдно,
Какъ въ небѣ дымъ, или какъ пѣна водъ,
Тотъ для грядущаго пройдетъ безслѣдно.
Данте.

Прохоровъ только что сѣлъ за свой письменный столъ, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Прикажете принять?—спросилъ лакей.

— Проси.

Спустя пять минутъ въ кабинетъ вошелъ господинъ и медленно и грузно подошелъ къ Прохорову.

Только вглядѣвшись въ него хорошенько, Прохоровъ узналъ Николая Ивановича, настолько онъ измѣнился въ теченіе года послѣ ихъ послѣдней встрѣчи.

За этотъ годъ, кромѣ постоянныхъ сослуживцевъ, мало кто встрѣчался съ Николаемъ Ивановичемъ. Со службы онъ уходилъ тотчасъ же къ себѣ, ни къ кому не ходилъ и никого не принималъ.

Ходили странные слухи объ его замкнутой жизни, поговаривали о возможности нѣкотораго психическаго разстройства. Служебныя дѣла шли у него по разъ заведенному порядку, но замѣчалось полное къ нимъ равнодушіе Николая Ивановича.

Сердце Прохорова внутренно сжалось при видѣ Николая Ивановича.

— Николай Ивановичъ, дорогой... Что это вы... что это и видно васъ? Болѣете вы, а?

Онъ усадилъ его въ кресло.

Николай Ивановичъ усѣлся, оглядѣлся вокругъ сонными глазами и нѣсколько оживился.

— Здѣсь жизнь...—пробормоталъ онъ глухо, указывая на полки съ книгами, на разбросанные счеты и отчеты и на всю трудолюбивую и полную уютности дѣловую обстановку.—А у меня... смерть.

— Зачѣмъ нагонять на себя тоску, Николай Ивановичъ. Это нехорошо. Все отъ насъ зависитъ.

— Не всегда... Наступаетъ время, когда зависишь отъ своего прошлаго.

— Вздоръ, вздоръ... Не говорите такъ. У васъ временная хандра и ей поддаваться не слѣдуетъ.

Николай Ивановичъ равнодушно побарабанилъ пальцами по столу и затѣмъ уставился глазами на письменный приборъ. Прошла минута молчанія.

— Вы знаете,—началъ Николай Ивановичъ, оживившись,—что у меня порядочное состояніе въ видѣ наличнаго капитала?

— Знаю,—удивленно отвѣтилъ Прохоровъ.

— Я думаю, что этотъ капиталъ могъ бы принести пользу.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Да вотъ... хоть для бѣдныхъ... нуждающихся...

— Разумѣется, въ умѣлыхъ рукахъ и при любящемъ сердцѣ.

— Какъ у васъ, напримѣръ.

— Что вы, Николай Ивановичъ! При чемъ я тутъ?

Николай Ивановичъ всталъ и, подойдя къ Прохорову, крѣпко пожалъ ему руку.

— Я пришелъ къ вамъ не для одного разговора... Я надѣялся и надѣюсь, что вы мнѣ не откажете... Примите отъ меня эту обузу, этотъ капиталъ, для вашихъ нуждающихся, вашихъ школъ, мастерскихъ, для чего бы то ни было...

Прохоровъ отступилъ и пристально посмотрѣлъ на Николая Ивановича.

— Николай Ивановичъ, какъ это?! Что вы? Зачѣмъ тутъ я, когда вы можете сами...

Николай Ивановичъ мотнулъ уныло головою.

— Я?... Нѣтъ! Я подвелъ итоги... Нѣтъ ни руки, ни любящаго сердца... Желанія, охоты нѣтъ...

— Какъ нѣтъ! Еще недавно...

— То была вспышка... Погасла, и все тутъ. Поздно уже пылать мнѣ священнымъ огнемъ,—проговорилъ, криво усмѣхнувшись, Николай Ивановичъ.

Прохоровъ отвелъ глаза въ сторону и промолчалъ съ минуту.

— Нѣтъ, Николай Ивановичъ, это слишкомъ странно... Я на вашу просьбу согласиться не могу. У васъ временное уныніе. Вы очнетесь, станете жить полною жизнью и тогда сами въ десять разъ лучше распорядитесь вашими деньгами.

Николай Ивановичъ постоялъ съ полминуты. Глаза его потускнѣли, лицо стало неподвижнымъ.

— Такъ не можете?

— Не могу, Николай Ивановичъ.

— Ну, что-жъ... Прощайте...

Николай Ивановичъ протянулъ руку.

— Почему не до свиданія?

— Мнѣ не до свиданій.

Онъ вяло и грузно, въ сопровожденіи Прохорова, прошелъ въ переднюю, медленно одѣлся и, проговоривъ еще разъ «прощайте», спустился на улицу.

Прохоровъ постоялъ нѣсколько секундъ, задумавшись, и вернулся къ своимъ занятіямъ.

Вскорѣ послѣ того Николай Ивановичъ сталъ болѣть и часто не являлся на службу. Нѣсколько разъ навѣщалъ его докторъ. Такъ какъ Николай Ивановичъ жилъ совершеннымъ затворникомъ, то никто изъ знакомыхъ ничего положительнаго о немъ не зналъ. Мало-по-малу распространился, однако, слухъ, будто бы Николай Ивановичъ началъ... попивать, и попивать серьезно.

Губернаторша, которая считала когда-то Николая Ивановича особенно пріятнымъ собесѣдникомъ и кавалеромъ, разводила руками.

— Николай Ивановичъ! Кто бы могъ подумать... Quelle horreur!

На это губернаторъ замѣчалъ:

— Кто намѣренно подводитъ итоги жизни, для того безразлично, какъ ихъ ни подвести... Торная дорога, какъ болѣе испытанная, лучше.

И Николай Ивановичъ дѣйствительно избралъ торную дорогу и медленно отравлялъ себя алкоголемъ. Спустя годъ его не стало, а вскорѣ послѣ смерти его въ городѣ, къ общему удивленію, узнали, что все свое состояніе Николай Ивановичъ завѣщалъ Прохорову, по законно составленному за годъ до смерти завѣщанію. Въ особомъ письмѣ, которое было написано за мѣсяцъ до смерти, Николай Ивановичъ убѣдительно просилъ Прохорова не пенять на него за ту «обузу», которую онъ взвалилъ на него своимъ завѣщаніемъ, надѣясь, что теперь, послѣ смерти его, Прохоровъ не откажется исполнить отвергнутую при жизни просьбу и принять дл

«нуждающихся и обремененныхъ», находящихъ въ любящемъ сердцѣ Прохорова такую опору, его деньги.

Вскорѣ же послѣ смерти Николая Ивановича прилетѣлъ въ городъ какой-то двоюродный его племянникъ и сталъ оспаривать завѣщаніе, доказывая явную его несообразность и ненормальное состояніе умственныхъ способностей Николая Ивановича при составленіи завѣщанія; но въ искѣ племяннику было отказано.

Похороны Николая Ивановича прошли торжественно, съ рѣчами и прочими аксессуарами. Но скоро, очень скоро въ городѣ о немъ забыли.

Помнили о немъ только Прохоровъ да Вѣра Павловна.

В. И. Лавскій.

* * *

Ночь царитъ въ морскомъ просторѣ
И, раскинувшись кругомъ,
Потонули: небо — въ морѣ,
Море — въ небѣ голубомъ.
Въ ширь разсыпались свободно
Звѣзды пылью огневой:
Глубоко — подъ гладью водяной,
Высоко — надъ головой.
Даль вся блестками росится.
Міръ, знакомый міръ, исчезъ,
И корабль повиснулъ, мнится,
Между звѣздныхъ двухъ небесъ.

Михаилъ Жемчужниковъ.

Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 гг. *).

(По его перепискѣ за это время).

IV.

Нѣмецкіе университеты. 1862—1863 гг.

Какъ былъ принятъ Кавелинъ въ нѣмецкихъ университетахъ и его воззрѣнія на нихъ.—Берлинъ.—Переписка съ баронессой Э. Ѳ. Раденъ.—Тюбингенъ и прежнія отношенія Кавелина къ тюбингенскимъ профессорамъ.—Письмо Кавелина изъ Тюбингена министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину.—Начало недоразумѣній между ними.—Боннъ.—Переписка съ баронессой Э. Ѳ. Раденъ.

Повидавшись съ семьей въ Монтрё и проводивъ ее на зиму въ Ишль (въ Тиролѣ), Кавелинъ началъ обзоръ швейцарскихъ университетовъ, съ университетовъ Базельскаго и Цюрихскаго, и употребилъ на это полтора мѣсяца. Затѣмъ четыре съ небольшимъ мѣсяца, съ половины декабря н. ст. 1862 г. по исходъ апрѣля 1863 г., посвящены были на изученіе организаціи *семи* нѣмецкихъ университетовъ по одному или двумъ значительнѣйшимъ изъ нѣсколькихъ группъ, а именно: одного католическаго Мюнхенскаго; двухъ, сохранившихъ старинныя учрежденія—Лейпцигскаго и Тюбингенскаго; двухъ новыхъ—Берлинскаго (осн. въ 1810 г.) и Боннскаго (осн. въ 1818 г.); и затѣмъ еще двухъ, пользующихся большою извѣстностью не только въ Германіи, но и въ цѣлой Европѣ—Геттингенскаго и Гейдельбергскаго. Но Кавелинъ не могъ изучить устройство всѣхъ названныхъ университетовъ въ той полнотѣ, въ какой желалъ и считалъ необходимымъ для дѣла. «Къ сожалѣнію,—писалъ онъ къ министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину изъ Тюбингена,—недостатки составленнаго плана я имъ увидѣть только, когда онъ былъ уже выполненъ и свободнаго времени болѣе не оставалось; а узнать ихъ прежде поѣздки я не могъ. Въ Германіи, богатой отличными монографіями по исторіи и объ ученой дѣятельности разныхъ университетовъ, нѣтъ сочиненій объ ихъ внутренней ор-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1899 г.

ганизаціи и управленіи; наибольшая часть постановленій и распоряженій, которыми устройство университетовъ измѣняется, остаются въ архивахъ, вовсе не доходятъ до свѣдѣнія публики и могутъ быть изучены только на мѣстахъ. Поэтому мнѣ часто случалось слышать, даже отъ профессоровъ, разсказы о существующихъ будто бы учрежденіяхъ другихъ университетовъ, которыя, какъ потомъ оказывалось, давно замѣнены новыми» *). Нѣмецкіе университеты Кавелинъ обозрѣлъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Мюнхенъ, Лейпцигъ, Берлинъ, Боннъ, Геттингенъ, Гейдельбергъ и Тюбингенъ. Въ послѣдній онъ прибылъ въ мартѣ 1863 г. Въ апрѣлѣ мы видимъ Кавелина снова въ Боннѣ, который пришелся ему столь по душѣ, что онъ остался въ этомъ уединенномъ, но высоко-культурномъ уголкѣ прирейнской Пруссіи, на весьма продолжительное время, обработывая въ немъ собранный имъ матеріалъ по устройству нѣмецкихъ университетовъ и принявшись за новые учено-литературные труды.

Всюду въ нѣмецкихъ университетахъ Кавелинъ встрѣчалъ предупредительный пріемъ и радушное содѣйствіе какъ со стороны профессоровъ, такъ и университетской администраціи, высшей и низшей, начиная уполномоченными министра и ректорами и кончая секретарями и педелями. Къ Гельцеру, бывшему профессору Берлинскаго университета и жившему въ Базелѣ, Кавелинъ имѣлъ рекомендательное письмо отъ великой княгини Елены Павловны, и профессоръ Гельцеръ, съ которымъ особенно сблизился впослѣдствіи Кавелинъ, познакомилъ его со многими профессорами Базельскаго университета; отъ нихъ онъ получилъ дальнѣйшія рекомендаціи въ другіе университеты—и такъ повторялось вездѣ, куда ни пріѣзжалъ Кавелинъ; такъ что, начиная съ Берлина, онъ имѣлъ всегда, въ слѣдующій университетъ, отъ десяти до пятнадцати писемъ или визитныхъ карточекъ отъ профессоровъ къ профессорамъ. «Кто не бывалъ въ Германіи, — пишетъ Кавелинъ А. В. Головнину,—и не имѣлъ дѣла съ университетами, тотъ не можетъ составить себѣ никакого понятія о предупредительности и внимательности профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ, объ ихъ готовности все объяснить, показать и разсказать что нужно... Любезность, радушіе и гостепріимство ихъ меня глубоко тронули и оставили неизгладимыя воспоминанія. Каждый предлагалъ свои услуги; нѣкоторые дарили мнѣ даже книги и брошюры, въ которыхъ я нуждался и не могъ купить; университетскіе секретари и чиновники просиживали со мною цѣлые часы; случалось, что, не имѣя досуга объясняться во время службы, они приглашали къ себѣ обѣдать и потомъ занимались со мною до поздняго вечера. Впрочемъ, не только тѣ, которымъ я былъ рекомендованъ, принимали меня такъ радушно,—незнавшіе меня вовсе, къ кому я только ни обращался съ вопросами, профессоры всѣхъ факультетовъ: медики и теологи, протестантскіе и католическіе, филоло-

---

*) Извлеч. изъ письма проф. Кавелина отъ 25 марта (6 апрѣля) 1863 г. изъ Тюбингена. Спб., 1863 г., стр. 3—5. „Сочиненія Кавелина“, изд. 1899 г., т. I стр. 72—73.

и юристы—были точно такъ же привѣтливы и внимательны. Въ этомъ отношеніи я не замѣчалъ никакой разницы между первыми учеными знаменитостями Германіи и начинающими ученую карьеру привать-доцентами, между кураторами университетовъ, министерскими референтами и писцами университетскихъ канцелярій. Словомъ, университетскіе нравы въ Германіи внушили мнѣ самое глубокое, безграничное уваженіе къ ней и къ ея университетскому сословію»... «Еслибъ я захотѣлъ перечислить всѣ тѣ лица, благодаря которымъ я могъ подробно изучить устройство осмотрѣнныхъ университетовъ, то пришлось бы наполнить именами нѣсколько страницъ. Назову однихъ чиновниковъ высшаго управленія, значительно содѣйствовавшихъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, а именно: въ Берлинѣ, тайныхъ совѣтниковъ *Ольсгаузена Рихтера*, по министерству публичнаго обученія и исповѣданій, и *Фридберга*—юстиціи; въ Карлсруэ, т. сов. *Фрёлиха*—по министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ завѣдуется и учебная часть; въ особенности же въ Ганноверѣ, тайн. сов. *Варнштедта*, управляющаго Геттингенскимъ университетомъ въ качествѣ главнаго секретаря куратора. Варнштедтъ имѣлъ благосклонность сообщить мнѣ чрезвычайно обстоятельныя и подробныя данныя о Геттингенскомъ университетѣ, въ видѣ отвѣтовъ на предложенные мною вопросы; эти отвѣты сами по себѣ—цѣлый обширный трудъ, который могъ бы составить очень интересную книгу». Кромѣ упомянутыхъ лицъ, Кавелинъ называетъ еще слѣдующихъ профессоровъ, которымъ онъ наиболѣе обязанъ въ уясненіи положенія нѣмецкихъ университетовъ: трехъ ректоровъ университетовъ: *Безелера*—Берлинскаго, *Эрдмана*—Лейпцигскаго, *Буша*—Боннскаго и профессора *Вайца* въ Геттингенѣ *).

Въ Берлинѣ Кавелинъ получилъ слѣдующее письмо отъ баронессы *Э. Ѳ. Раденъ*, писанное въ Петербургѣ 9 (21) января 1863 г.:

«Цѣлую вѣчность не писала я вамъ, мой дорогой другъ. Я имѣла свѣдѣнія о васъ отъ Антонины Блудовой, передавшей мнѣ ваши хорошія слова. Доказательства вашей дружбы не новы для меня, но они глубже и глубже проникаютъ въ мое сердце. Передаетъ мнѣ о васъ и профессоръ Утинъ, нѣжная и честная природа котораго становится для меня все болѣе и болѣе симпатична **). Вы насъ обоихъ довольно знаете, чтобы понять, насколько мы съ нимъ иногда не сходимся въ *мнѣніяхъ*,—но религія стоитъ выше исповѣдныхъ различій,—я схожусь съ нимъ въ сферѣ общихъ воззрѣній. Что я скажу вамъ о Петербургѣ такого, чего бы вы не знали? Журнальная литература принимаетъ здѣсь колоссальные размѣры.

---

*) Извл. изъ письма изъ Тюбингена, стр. 6—8, 14. „Соч. Кавелина“, изд. 399 г., т. III, стр. 74—75.

**) Б. И. Утинъ былъ знакомъ ранѣе съ баронессой Раденъ и видѣлся съ нею границей въ 1862 г. О немъ часто идетъ рѣчь въ перепискѣ Э. Ѳ. Раденъ съ авелинымъ. Баронесса Раденъ сблизилась съ Б. И. Утинымъ въ 1863 г., благодаря сьма лестнымъ о немъ отзывамъ Кавелина.

Наша пресса, на подобіе артезіанскаго колодца, широкой и сильной струею бьетъ вверхъ, но струя еще полна мусора и грязи, и для того, чтобы явился потокъ чистой воды,—нужно время. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, какъ мнѣ кажется, очень хорошо редактируются: въ нихъ иногда солидная монографія прерываетъ однообразіе ежедневныхъ новостей *). У насъ серьезныя книги принимаютъ на себя нерѣдко легкомысленную внѣшность: онѣ скрываются подъ форматами in 12° in 16°. Это менѣе пугаетъ наши пытливые умы, для которыхъ отъ тома in 4° какъ будто вѣетъ средними вѣками и у которыхъ память настолько коротка, что они не увѣрены въ твердомъ знаніи азовъ. Позволяю себѣ послать вамъ два новыхъ изданія, которыя, надѣюсь, васъ заинтересуютъ. *Земство и расколъ* **) является торжественнымъ доказательствомъ успѣха у насъ свободы книгопечатанія. Вы уже знаете, что Исаковъ ***) получилъ другое служебное назначеніе: ему ввѣряются военно-учебныя заведенія, управленіе которыми будетъ составлять департаментъ министерства, а на мѣсто Исакова называютъ Левшина изъ Харькова ****). Назначеніе Татаринова въ контроль удовлетворяетъ всѣхъ. Мельниковъ является очень дѣятельнымъ по части желѣзныхъ дорогъ *****)...

Я завидую вашему пребыванію въ Берлинѣ во время столь интересныхъ событій: вторая палата могла бы сыграть въ исторіи Германіи ту же роль, какую нѣкогда сыгралъ гордый англійскій парламентъ при Карлѣ I. Этотъ вопросъ сталъ моей спеціальностью; я съ живѣйшимъ любопытствомъ изслѣдую всѣ частности, касающіяся выдающихся депутатовъ, съ радостью нахожу среди нихъ людей съ большимъ нравственнымъ значеніемъ. Что можетъ сравниться съ наслажденіемъ понимать человѣческое совершенство и восхищаться имъ? Отложивъ въ сторону политику, я старалась распознать истинную силу ея руководителей. Если вы въ состояніи дополнить и развить далѣе то, чѣмъ я восхищаюсь,—прошу васъ, сдѣлайте это! Міръ, въ которомъ я живу, не удовлетворяетъ моей духовной жажды: чѣмъ болѣе встрѣчаю я безчестности и слабости,—тѣмъ сильнѣе хотѣла бы удалиться въ иной, чистый міръ, гдѣ ничто не заставляетъ опускать глаза, гдѣ можно вѣрить, гдѣ можетъ быть страдаютъ, но гдѣ ничто не оскорбляетъ и не ранитъ смертельно. Для того, чтобы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, къ инымъ слѣдуетъ относиться съ презрѣніемъ, а другихъ заставлять бояться себя. Но стоитъ ли покупать это цѣною такихъ чувствъ? Чтобы

---

*) *Спб. Вѣд.* съ 1 янв. 1863 г. издавались шуриномъ Кавелина, Вален. Ѳед. Коршемъ.

**) *Земство и расколъ*, монографія Щапова, пом. въ *От. Зап.* 1861 г., отд. из Кожанчикова. Спб., 1862 г.

***) Н. В. Исаковъ—въ то время попечитель Моск. уч. окр.

****) Д. С. Левшинъ, попечитель Харьк. уч. окр., назн. попеч. Моск. уч. окр. в началѣ 1863 г.

*****) Мельниковъ, ученый инженеръ, былъ тогда назначенъ министромъ пут сообщенія.

сохранить себя отъ того и другого, я ищу убѣжища въ дружескихъ отношеніяхъ, которыми я, къ счастію, пользуюсь: вы знаете, что вы тоже изъ числа моихъ друзей. Я вошла въ колею моей обычной жизни: я ищу въ упорномъ трудѣ исцѣленія удручающихъ меня скорбей. Великая княгиня назначила меня попечительницей училища Св. Елены, и эта обязанность меня и занимаетъ, и заботитъ. Семейныя и иныя обстоятельства налагаютъ на меня долгъ жить такъ, какъ я живу... Да хранитъ Богъ васъ и тѣхъ, кого вы любите».

Кавелинъ отвѣчалъ баронессѣ Раденъ изъ Берлина, 15 (28) января 1863 года.

«Вы повѣрите, Эдита Ѳедоровна, что я съ особенной радостью увидалъ вашъ почеркъ на оберткѣ, въ которую завернуты были книги, и съ жадностью бросился читать письмо ваше, когда оно нечаянно выпало. Книги были для меня дорогимъ знакомъ вашего вниманія; я готовъ былъ имъ удовольствоваться. Ваше письмо меня тронуло: я его и не ожидалъ. Много, много разъ, отъ всего сердца благодарю васъ за вашу память и дружбу. Если можно стоить дружбы, я ее заслуживаю потому, какъ ее чувствую и цѣню.

«О томъ, что я дѣлаю, вы, вѣроятно, уже подробно знаете изъ моихъ писемъ къ Утину; все сводится къ двумъ словамъ: немножко хандрю и много работаю. Мою послѣднюю работу вы увидите, вѣроятно, скоро въ *Журналѣ М-ва Народн. Просв.* подъ заглавіемъ: «Свобода преподаванія и ученія въ Германіи» *). Если будете имѣть свободную минуту,—пробѣгите ее: въ ней много моего задушевнаго, плодъ долгихъ размышленій, то, что принесу съ собою въ изученіе философіи, къ которой стремлюсь, о которой вздыхаю въ своей страннической жизни. Вездѣ, гдѣ ни былъ, старался познакомиться съ профессорами философіи, разговаривалъ съ ними, и результатомъ этихъ знакомствъ было бо́льшее и бо́льшее желаніе заняться этой наукой основательно и серьезно. Въ сію минуту она въ Германіи въ полномъ упадкѣ и ни одна система не господствуетъ. Правду сказать, и господствовать нечему: все очень посредственно—и люди, и ученія. Вы иронически смѣетесь, я это вижу и слышу изъ Берлина; но, погодите еще рано торжествовать побѣду. Впрочемъ, я готовъ на все: если наука безсильна рѣшить извѣстные вопросы, пусть же скажетъ это честно и прямо. Это будетъ очень большой шагъ впередъ,—дѣло выяснится. Къ сожалѣнію, большинство живетъ старыми научными преданіями и даже не довольно состоятельно, чтобы понять почему они больше не годятся. [illegible]мое любопытное въ теперешнемъ [illegible]состояніи философіи въ Германіи то, [illegible]о она постепенно возвращается къ критицизму Канта. Я вижу въ этомъ [illegible]логъ для будущаго, богатый свѣжими надеждами и плодами. Въ Кантѣ жить правда,—если не въ его результатахъ, то въ его направленіи. Мнѣ

*) Помѣщ. въ 3 и 4 кн. (мартъ и апрѣль) назван. журнала за 1863 г. См. также сочиненія Кавелина", изд. 1899 г., т. III, стр. 5—70.

случилось познакомиться въ Берлинѣ съ молодымъ философомъ, приватъ-доцентомъ Jurgen Bona-Meyer,—чистымъ нѣмцемъ, несмотря на жидовскую фамилію. Мейеръ показался мнѣ гораздо живѣе всего, что я до сихъ поръ встрѣчалъ между философами. Онъ утверждаетъ, что Кантъ не былъ понятъ, что его криво истолковали; что возможно и должно вывести изъ его ученія другіе результаты, чѣмъ тѣ, которые выведены до сихъ поръ. Это замѣчаніе запало мнѣ глубоко въ душу. Канта нужно дополнить, но то вѣрно, что единственно-вѣрный исходъ для новаго движенія философіи—Кантъ и Локкъ, который тоже былъ не понятъ, отчасти оклеветанъ матеріалистами. Мнѣ кажется, что путемъ строгой науки должно и можно прійти къ любви, какъ высшему началу всякаго бытія; къ чистотѣ и кротости сердца; къ смиренію и дѣтской простотѣ души. Все это, повторяю, можетъ быть выведено строго научнымъ путемъ, правильными и точными изслѣдованіями человѣческой природы. Что человѣкъ не можетъ имѣть высшаго идеала какъ самоотверженія для другихъ, — это, мнѣ тоже кажется, наука можетъ вывести очень точно, какъ дважды-два—четыре. Дальше я не иду, и идти дальше würde unwissenschaftlich sein.

«Все это, какъ вы можете себѣ представить, занимаетъ меня несказанно. Только и помышляю о томъ, когда же кончится мое странствіе по университетскимъ городамъ, которое начинаетъ само по себѣ нѣсколько надоѣдать. Сѣверно-нѣмецкій «Zopf» чуть ли не непріятнѣе южнаго, хотя онъ тоже не привлекателенъ. Всего обиднѣе, что нѣмцы какъ будто начинаютъ забывать сами, какими сокровищами они обладаютъ въ своихъ университетахъ и въ своей наукѣ. Преданія живутъ, слабѣя, а новаго сильнаго умственнаго движенія, которое бы оживило эти преданія и поставило на вѣрный путь, я, признаюсь, ни съ какой стороны не вижу. Нѣмцы съузились, обмельчали, остроумничанье и сибаритизмъ заступили мѣсто бодрости духа и глубины помысловъ. Измѣнится ли это къ лучшему? Но учиться у нѣмцевъ, особенно по старымъ книгамъ,—безъ этого жить нельзя. Обидно, какъ они сами мало понимаютъ теперь свое дѣйствительное прежнее величіе въ наукѣ и ищутъ его совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ оно дѣйствительно было.

«Я думаю, когда вы будете читать это письмо, вы будете заняты совсѣмъ другимъ. Польскія дѣла васъ, вѣроятно, также поразили громомъ, какъ меня. Я нѣсколько дней не могъ найти покою, потому что никакъ не могъ связать въ головѣ то, что происходило, съ тѣмъ, что зналъ *). Послѣднія извѣстія меня успокоили, потому что я началъ понимать, въ чемъ дѣло. Во всеобщее возстаніе Польши я не вѣрю и никогда не п вѣрю. Государь вполнѣ правъ, приписывая новыя событія не всей Пол шѣ, а партіи. Ея положеніе безвыходное, если правительство будетъ пр должать идти по тому пути, по какому идетъ два года. Сила крайни

*) Въ январѣ 1863 г. началось повстанье въ Польшѣ нападеніемъ на русскія во ка въ казармахъ близъ Варшавы.

партій питается политическими ошибками... правительствъ, которыя воображаютъ, что можно лечь поперекъ дороги и не двигаться съ мѣста. Какъ только шлюзы подняты и излишняя вода можетъ сбѣжать,—конецъ революціямъ, консервативные элементы непремѣнно возьмутъ верхъ! Это мы видимъ у себя, какъ мы ни молоды въ политической жизни; это я вижу теперь въ Пруссіи, гдѣ близорукость и грубыя политическія ошибки короля искусственно вздуваютъ горой партію недовольныхъ и вгоняютъ въ нее насильно самыхъ консервативныхъ, искренно преданныхъ королевству и королю людей. Мнѣ случалось говорить объ этомъ со стариками-чиновниками, поставленными довольно высоко: всѣ одного мнѣнія и всѣ боятся, что будетъ дальше. Король имѣлъ,—простите за выраженіе,—глупость такъ категорически высказаться по случаю лойяльныхъ адресовъ, что сжегъ за собой корабли и не можетъ попятиться назадъ; камера, если хотите, поступаетъ не очень патріотически и крючкотворствуетъ, адвокатничаетъ; но въ концѣ-концовъ она совершенно права, стоитъ на почвѣ права, и стыдно королю, что онъ ведетъ себя такъ мелко и недостойно, а главное—глупо. Онъ компрометируетъ власть, которую защищаетъ, и свою династію, не говоря о томъ, что роняетъ Пруссію и ея дѣло. Выхода нѣтъ и положеніе самое тяжкое, самое невыносимое. Теперь польскія движенія помогли на минуту правительству, они ослабляютъ камеру; но это минута, которая пройдетъ, а зло останется и будетъ разъѣдать все дальше и дальше. Можно ли быть такимъ безголовымъ.

«Я ломалъ себѣ голову, какъ исполнить ваше желаніе относительно подробностей о теперешнихъ политическихъ дѣятеляхъ Пруссіи. Я такъ далекъ отъ всего этого, и такъ недолго въ Берлинѣ, откуда уѣзжаю въ воскресенье; ко всему этому мысли мои обращены въ другую сторону, сердце—въ Россіи; во всякія политическія движенія я не вѣрю, будь они правы или неправы; я не вѣрю и потому равнодушенъ къ нимъ. Но мнѣ хотѣлось бы во что бы то ни стало сдѣлать вамъ пріятное. Вы знатокъ человѣческаго сердца, которое отлично выражается на лицѣ, и мнѣ казалось, что ничѣмъ не могу я угодить вамъ лучше, какъ портретами самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей палаты. Позвольте представить ихъ вамъ. Вы сумѣете прочесть въ этихъ лицахъ больше, чѣмъ во всѣхъ біографіяхъ и даже автобіографіяхъ, гдѣ человѣкъ непремѣнно рисуется и идеализируется въ томъ или другомъ смыслѣ.

«Вы не повѣрите, Эдита Ѳедоровна, съ какимъ тайнымъ злорадствомъ я думаю теперь о моихъ петербургскихъ друзьяхъ! Испытывали ли вы ^ну изъ непочтенныхъ радостей, которая мнѣ извѣстна? Когда вы сидите ь крытомъ экипажѣ, куда не проникаетъ ни дождь, ни вѣтеръ, ни вьюга, ы невольно думаете съ скрытымъ удовольствіемъ о тѣхъ, которые въ это ремя подвергаются разнымъ непріятностямъ и неучтивостямъ погоды. Это ень дурное чувство, но оно какъ будто принадлежитъ къ пріятнымъ ущеніямъ. Вы тамъ, въ Петербургѣ, видаете вещи съ ихъ ежедневными, дничными дрязгами, пошлостями, со всею прозой, сопровождающею и

хорошее и дурное; а до меня, за границу, доходитъ все въ очищенномъ и опрятномъ видѣ, въ перспективѣ дающей видѣть близкое и далекое назадъ и впередъ, и представляется стройнымъ и гармоничнымъ. Я понимаю, что тутъ наполовину обманъ зрѣнія, миражъ; я дѣлаю въ головѣ вычетъ, и большой вычетъ, но дѣлаю его спокойно, не испытывая въ дѣйствительности непріятностей этой ариѳметической операціи, главное—не видя многихъ лицъ, не слыша ихъ разсужденій, отъ которыхъ вянутъ уши. Скрипъ полусмазанной телѣги русской общественной жизни долженъ вблизи страшно оскорблять слухъ и дѣйствовать на нервы, которые у меня все еще очень разстроены. Когда, сидя совершенно одинъ, я воображаю себя посреди этой полудикой дѣйствительности, у меня чуть-чуть не дѣлаются нервные припадки. А вся моя любовь, вѣра, лучшее что во мнѣ есть—принадлежитъ той странѣ, гдѣ бы я не хотѣлъ быть *). Работая, я думаю о ней, задумывая что-нибудь, я волей-неволей помышляю: будетъ ли это для нея нужно и полезно, und das giebt den Ausschlag всему. Намъ бросаютъ въ глаза, что мы—европейскіе китайцы, тысячу лѣтъ жили и мышеловки не выдумали. Этотъ аргументъ очень силенъ. Но кто вглядывался въ русскихъ за границей, того поражаетъ дѣтскость ихъ во всемъ: и въ чертахъ лица, и въ манерахъ, и въ ребяческой вѣтренности мыслей и дѣйствій. Судя по тому, что мы черезъ тысячу лѣтъ не вышли еще изъ ребячества, надобно полагать, что намъ предстоятъ маѳусаиловскія лѣта. Въ Европѣ на насъ начинаютъ смотрѣть очень серьезно, и въ Германіи я далеко не нашелъ тѣхъ высокомѣрныхъ и тупыхъ предубѣжденій къ намъ, которыя такъ поражаютъ во Франціи. Впрочемъ, французы кромѣ себя самихъ, никого не уважаютъ. Если есть народъ въ мірѣ, неспособный посмотрѣть на себя чужими глазами и другихъ судить не съ своей точки зрѣнія, такъ это—они.

«Въ этотъ пріѣздъ въ Берлинъ меня ожидалъ маленькій успѣхъ, который крайне меня обрадовалъ и пріятно защекоталъ мое самолюбіе. Вы знаете, что я напечаталъ въ Берлинѣ брошюрку: *Дворянство и освобожденіе крестьянъ* (я вамъ сообщилъ ее въ свое время въ рукописи, которую разобралъ почтенный Петръ Долгоруковъ и напечаталъ въ своемъ *Правдивомъ*, что я продался оффиціальнымъ сферамъ вообще и Головнину въ особенности **). Въ мартѣ ***) издатель г. Бокъ ****) встрѣтилъ меня кислою гримасой: нейдетъ книжка съ рукъ. Въ этотъ пріѣздъ онъ не зналъ какъ меня посадить и былъ необыкновенно милъ: брошюра пошла

*) Т.-е. Россіи.

**) Князь П. В. Долгорукой въ издаваемой имъ въ Лейпцигѣ газетѣ на русскомъ языкѣ подъ названіемъ *Правдивый* (1862 г., № 3, отъ 12 мая) объяснялъ появленіе брошюры *Дворянство и освобожденіе крестьянъ* мелкими карьерными побужденіями стороны Кавелина.

***) 1862 г., когда Кавелинъ проѣзжалъ черезъ Берлинъ изъ Петербурга въ Ри-рижъ.

****) Книгопродавецъ въ Берлинѣ, издатель многихъ книгъ на русскомъ языкѣ.

въ ходъ и покупается. О сбытѣ товара всегда можно судить по выраженію физіономіи купца и по тѣмъ ужимкамъ, съ которыми онъ васъ встрѣчаетъ и провожаетъ. Это былъ для меня маленькій тріумфъ: бранятъ, а читаютъ.

«Г. Бокъ разсказывалъ мнѣ, впрочемъ, очень любопытныя вещи. Книгопродавцы, какъ купцы, имѣютъ тонкое чутье, какой товаръ потребенъ, и потому ихъ отзывы о сбытѣ книгъ очень важны. Онъ, Франкъ въ Парижѣ и Трюбнеръ въ Лондонѣ *)—жалуются въ голосъ, что заграничныя изданія идутъ очень плохо, не имѣютъ почти сбыта. Баснословный успѣхъ имѣютъ брошюры Chedo-Ferrotti, котораго теперь появилась 8-я книжка *Etudes sur la Russie*, о вѣротерпимости. Какъ плохо идутъ лондонскія періодическія изданія, вы можете судить по слѣдующему факту: недавно одному здѣшнему книгопродавцу были заказаны разныя книги, брошюры, и въ томъ числѣ большое количество экземпляровъ *Колокола*. Эти посылки были доставлены на границу и прочія всѣ взяты, а отъ *Колокола* отказались и онъ возвратился назадъ. Герценъ сошелъ со сцены, потому что сбился съ дороги, которая доставила ему такую громкую—и что ни говорите—заслуженную извѣстность. Теперь, по мѣрѣ того, какъ расширяется свобода дома, становится нужна серьезная и здоровая пища, которая еще не подготовлена. На фразахъ и общихъ мѣстахъ теперь далеко не уѣдешь и всего менѣе добыть читателей эксцентричными выходками и личностями. Да, наша заграничная литература не процвѣтаетъ, хотя бы многое и многое слѣдовало сказать, чего еще у насъ дома сказать пока печатно нельзя.

«Несмотря на то, что мое письмо безобразно длинно, я не могу его заключить,—не повергнувъ къ вашимъ стопамъ, какъ говорилось встарь, разныхъ просьбъ. Прежде всего необходимо, совершенно и настоятельно необходимо, чтобы напечатаны были на нѣмецкомъ языкѣ основныя начала новаго судопроизводства. Здѣсь юристы, профессора, ученые—жаждутъ ознакомиться съ новыми порядками, возникающими въ Россіи, и не имѣютъ для этого никакихъ средствъ. Я очень серьезно прошу васъ, во имя общей любви къ Россіи и наукѣ, вести агитацію въ этомъ смыслѣ, для чего у васъ всѣ средства подъ руками. Не можемъ мы претендовать пока, чтобы нѣмцы учились по-русски; это придетъ, когда наши порядки станутъ человѣческими, когда мы будемъ въ состояніи сказать что-нибудь дѣльное и поучительное, а до тѣхъ поръ учиться по-русски не стоитъ, между тѣмъ языкъ составляетъ страшную помѣху для сближенія, которое было бы для насъ такъ полезно и для науки такъ благодѣтельно. Грустно подумать, что иностранные ученые только изъ неполныхъ разсказовъ могутъ узнать о томъ, на какихъ основаніяхъ произошло освобожденіе крестьянъ и устраивается у насъ теперь юстиція и другіе порядки. Тѣ, съ которыми я былъ въ сношеніяхъ, пристаютъ, какъ бы все это узнать. О насъ читаютъ лекціи (Рошеръ, напримѣръ, читаетъ о промышленности,

*) Франкъ и Трюбнеръ также издатели русскихъ книгъ.

сравнивая Англію, Германію, Францію и Россію), нами интересуются въ высокой степени, а мы даемъ имъ только средство знать наши салонныя сплетни. Воля ваша, это ни на что не похоже. А какъ нами интересуются, еслибъ вы видѣли! Того величаваго взгляда на насъ сверху внизъ, какъ прежде и какъ еще теперь во Франціи, нѣтъ и помину въ Германіи. За нами признаютъ достоинства, европейскую сущность, огромную будущность, говорятъ, что мы теперь стоимъ на одной съ ними почвѣ. Всѣ большія газеты въ каждомъ нумерѣ помѣщаютъ извѣстія и корреспонденціи изъ Россіи, очень часто вѣрныя и съ здравымъ взглядомъ на дѣло, хотя, разумѣется, ошибки неизбѣжны. Мы вдвигаемся дѣйствительно въ Европу и начинаемъ составлять ея интегрирующую часть. Учится русскихъ за границей—бездна. Теперь въ одномъ Берлинѣ 77 студентовъ изъ Россіи, а во всѣхъ прусскихъ университетахъ за 100; въ Лейпцигѣ, Цюрихѣ, Карлсруэ—множество русскихъ, въ Гейдельбергѣ однихъ собственно русскихъ болѣе 60 *).

«Вторая просьба—поклонитесь отъ меня милому Утину, когда его увидите. Меня сердечно радуетъ, что вы его оцѣнили, и я убѣжденъ, что вы его будете больше и больше цѣнить, какъ будете ближе узнавать» **).

Съ начала марта 1863 г. Кавелинъ, какъ о томъ было замѣчено выше, пребывалъ въ Тюбингенѣ, гдѣ онъ не могъ считать себя совершеннымъ чужакомъ. Онъ былъ уже тамъ въ первую свою поѣздку за границу, въ 1857 г., хотя на очень короткое время, тѣмъ не менѣе успѣлъ сдѣлать нѣсколько знакомствъ среди профессоровъ тамошняго университета. Это пребываніе оставило въ немъ свѣтлыя воспоминанія, которыя онъ высказалъ въ письмѣ къ профессору Тюбингенскаго университета Гельферіху, отъ 6 (18) января 1858 г. «Я вспоминаю съ восхищеніемъ,—писалъ Кавелинъ, — и никогда не забуду двухъ дней, проведенныхъ мною въ Тюбингенѣ, и того просвѣщеннаго гостепріимства, которымъ почтили меня вы и профессора Брейтъ, Ромеръ и Зегеръ. Во имя этихъ столь дорогихъ для меня воспоминаній я рѣшаюсь представить вамъ одного изъ моихъ соотечественниковъ, моего собрата по наукѣ и пріятеля г. Каченовскаго, профессора международнаго права и дипломатіи въ Харьковскомъ университетѣ. Благоволите принять его съ тѣмъ же радушіемъ, съ какимъ вы приняли меня; этого онъ вполнѣ заслуживаетъ, что вы лучше моего усмотрите, при личномъ съ нимъ знакомствѣ. Г. Каченовскій отправляется въ Европу изучать политическія науки, предметъ его спеціальныхъ занятій и въ которыхъ, несмотря на свою молодость, онъ имѣетъ

---

*) Въ это время было послано за границу, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія Головнина, много русскихъ молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ.

**) Далѣе идетъ поклонъ гр. Блудовой и характеристика ея и ея отца,—о чемъ было говорено выше, когда рѣчь шла о пребываніи Кавелина въ Парижѣ въ 1862 г.

уже глубокія познанія. Поэтому вы не удивитесь, что онъ восторгается вами и безконечно былъ радъ, узнавъ, что я лично съ вами знакомъ» *).

25 марта (6 апрѣля) 1863 г. Кавелинъ посылаетъ А. В. Головнину донесеніе изъ Тюбингена. Извлеченія изъ этого донесенія, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, напечатаны въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ особой брошюрой (Извлеченія. Спб., 1863 г. in 8°, стр. 27).

Представляемъ важнѣйшія мысли Кавелина, въ сжатомъ изложеніи, изъ этой интересной брошюры, напечатанной въ 1863 году *не для публики* и лишь впервые ставшей общимъ достояніемъ въ III т. новаго «Собранія сочиненій К. Д. Кавелина». Спб., 1899 г. **).

Сообщивъ въ началѣ донесенія приведенныя выше фактическія подробности относительно собиранія свѣдѣній о нѣмецкихъ университетахъ, Кавелинъ сводитъ итоги своихъ наблюденій надъ ними и останавливается на двухъ характерныхъ ихъ особенностяхъ: на *студенческихъ обществахъ* (Studenten Verein) и *богословскихъ факультетахъ*, считая весьма цѣлесообразнымъ ввести то и другое въ Россіи.

Изучивъ въ первоисточникахъ классическіе центры нѣмецкой науки, изъ которыхъ старѣйшіе, какъ Гейдельбергскій университетъ и университеты Базельскій и Тюбингенскій, восходятъ своимъ началомъ къ XIV и XV вв., Кавелинъ очень естественно проникся глубокимъ уваженіемъ къ этимъ самобытнымъ и своеобразнымъ ученымъ нѣмецкимъ учрежденіямъ, слагавшимся постепенно и возросшимъ исторически, вслѣдствіе прочнаго сознанія нѣмцами цѣлаго ряда эпохъ и поколѣній необходимости въ высшемъ знаніи. Вотъ къ какимъ итогамъ приходитъ онъ въ этомъ отношеніи. «Если мнѣ и не удалось ознакомиться съ нѣкоторыми интересными видоизмѣненіями университетскаго быта Германіи,—пишетъ онъ А. В. Головнину,—то все же видѣнное дало возможность составить объ организаціи нѣмецкихъ университетовъ достаточно подробное и ясное понятіе. При большомъ сходствѣ и близости главныхъ основаній, швейцарскіе и нѣмецкіе университеты имѣютъ почти каждый, какія-нибудь свои, болѣе или менѣе замѣчательныя особенности. Во Франціи министръ можетъ, сидя у себя въ кабинетѣ и глядя на часы, сказать, что именно въ данную минуту читается во всѣхъ французскихъ факультетахъ, лицеяхъ, колледжахъ; въ Германіи это немыслимо, и только сравненіе устройства и постановленій многихъ университетовъ даетъ возможность вникнуть въ ихъ духъ, потому что они своими особенностями дополняютъ и поясняютъ другъ друга. Подъ конецъ поѣздки новыя, оригинальныя черты стали мнѣ встрѣчаться рѣже и рѣже, изъ чего я позволяю себѣ заключить, что осмотрѣнные университеты обнимаютъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ всѣ главнѣйшія, замѣчательнѣйшія черты нѣмецкой университетской организаціи». Кавелинъ выражаетъ сожалѣніе, что за недостаткомъ времени не успѣлъ

*) Письмо писано по-французски.

**) См. т. III, стр. 71—92.

посѣтить австрійскихъ университетовъ, въ особенности Галльскаго и Эрлангенскаго.

Кавелинъ признаетъ безусловно цѣлесообразнымъ дозволеніе въ русскихъ *университетахъ студенческихъ кружковъ, обществъ и собраній,* по примѣру существующихъ въ швейцарскихъ и германскихъ университетахъ. По его убѣжденію, провѣренному изученіемъ нѣмецкаго студенческаго быта и авторитетными заявленіями ректоровъ и чиновъ инспекціи нѣмецкихъ университетовъ,—такія студенческія общества, поставленныя подъ извѣстный контроль университетскаго начальства, гарантировали бы вполнѣ наши университеты отъ смутъ и всякихъ такъ называемыхъ «студенческихъ исторій». Въ такихъ собраніяхъ студенты могли бы, по убѣжденію Кавелина, высказывать совершенно свободно свои мысли и воззрѣнія, но какъ только они покусились бы осуществлять таковыя въ дѣйствіяхъ, запрещенныхъ закономъ и полицейскими правилами, то немедленно подвергались бы за то строгому взысканію.

Сущность воззрѣній Кавелина на эти общества выражается въ слѣдующемъ: «Дай Богъ, чтобъ я ошибся; дай Богъ, чтобъ мои предсказанія не сбылись,—восклицаетъ онъ,—но я убѣжденъ, что дальнѣйшее запрещеніе у насъ студенческихъ обществъ родитъ еще много бѣдъ и несчастій. Спѣшу прибавить, что и разрѣшеніе ихъ, разумѣется, будетъ столько же гибельно, если удержатся существующій теперь взглядъ на студентовъ и наши обветшалые дисциплинарные университетскіе уставы. Въ Германіи не обращаютъ вниманія на образъ мыслей студентовъ; но нравственная и учебная дисциплина гораздо строже, чѣмъ у насъ. Проступки, оскорбляющіе публичную нравственность, противные чести, развратная жизнь, явное, часто повторяющееся неповиновеніе властямъ или полицейскимъ распоряженіямъ и совершенное пренебреженіе лекціями безъ особенно уважительныхъ причинъ—влекутъ за собою удаленіе изъ университета; это значитъ, что студентъ не только вычеркивается изъ университетскихъ списковъ, но удаляется изъ города, гдѣ находится университетъ, если не имѣетъ въ немъ правъ гражданства; а кто этого не исполнитъ, или самовольно возвратится, того сажаютъ за это въ тюрьму. Въ Германіи строго различаютъ юношескія увлеченія отъ непозволительныхъ, безнравственныхъ поступковъ, и смотря очень снисходительно на первыя, безпощадно и неумолимо преслѣдуютъ послѣдніе. Въ этомъ заключается разумность здѣшнихъ дисциплинарныхъ порядковъ. На студентовъ смотрятъ какъ на молодыхъ людей, т.-е. на несовершеннолѣтнихъ, уже не дѣтей, но еще не взрослыхъ».

Необходимость въ учрежденіи у насъ *богословскихъ факультетовъ* Кавелинъ выводитъ изъ трехъ неизбѣжныхъ потребностей для Россіи: 1) поднять общій уровень образованія приходскаго духовенства и сблизить его съ другими классами русскаго общества, вывести его изъ того изолированнаго, замкнутаго положенія, въ которомъ оно у насъ находилось въ то время; 2) вывести религіозные интересы Россіи изъ круга спеціальныхъ

учебныхъ заведеній, сдѣлавъ ихъ доступными большинству русскаго общества; 3) поставить церковную іерархію въ болѣе нормальныя отношенія къ государству. По мнѣнію Кавелина, богословскіе факультеты въ Россіи представили бы больше устойчивости, чѣмъ въ католическихъ странахъ Западной Европы по самому характеру православной церкви, чуждой «завоевательнымъ, воинственнымъ» пріемамъ римскаго католичества, «которое, пропитавшись духомъ и элементами стараго Рима, наслѣдовало отъ него страсть ко всемірному господству». «Наша церковь,—говоритъ Кавелинъ,—по внутреннему своему влеченію, никогда не была ни фанатической, ни завоевательной; она никогда не насиловала совѣсти, не сѣяла вражды въ семействахъ, не ссорила правительства съ народомъ, не прокрадывалась, подъ свѣтскою одеждой, въ гражданскій бытъ, чтобъ отравлять, во имя вѣры, взаимныя отношенія людей. Наша церковь предоставляетъ каждому думать и вѣрить, какъ онъ хочетъ, и, смотря по его вѣрѣ, считаетъ или не считаетъ его принадлежащимъ къ своему стаду, вѣрнымъ или невѣрнымъ; на свѣтское положеніе человѣка это мнѣніе или сужденіе церкви не должно имѣть, по ея внутреннему характеру, никакого вліянія, и если мы видимъ противное этому, то причины должно искать не въ ея существѣ, а въ томъ, что государство обратило ее въ свое орудіе, для достиженія разныхъ свѣтскихъ цѣлей, чуждыхъ вѣрѣ и церковнымъ интересамъ».

Студенты богословскихъ факультетовъ, для большей возможности направлять ихъ нравственное воспитаніе, по преимуществу важное для духовнаго лица,—должны, по мысли Кавелина, помѣщаться въ особыхъ интернатахъ, семинаріяхъ, подъ бдительнымъ и строгимъ надзоромъ. Въ образецъ такихъ семинарій онъ ставитъ семинаріи, существующія въ Тюбингенѣ, не только для протестантовъ, но для католической церкви, для первыхъ Евангелическую семинарію, для вторыхъ—Вильгельмовъ конвиктъ.

Весьма интересны слѣдующія соображенія Кавелина въ пользу учрежденія у насъ богословскаго факультета: 1) «Полное безпристрастіе заставляетъ меня думать,—говоритъ онъ,—что съ точки зрѣнія вѣры и исторіи, наша церковь имѣетъ неоспоримыя преимущества передъ римско-католической, потому что древнѣе и притомъ чище сохранила преданія. При такихъ условіяхъ, казалось бы, ей и не стоило бы большого труда бороться съ римскимъ католичествомъ. А что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Передъ его нападками она остается безсильною, нѣмою, безотвѣтною, не оказываетъ ему никакого противодѣйствія, не обнаруживаетъ никакой реакціи. За недостаткомъ духовнаго, нравственнаго сопротивленія, борьбу принимаетъ на себя свѣтская власть, и административными мѣрами, полицейскими распоряженіями старается, сколько можетъ, достигнуть того, что доступно только вѣрѣ, проповѣди, убѣжденію—къ негодованію и крайнему соблазну вѣрующихъ и невѣрующихъ, православныхъ и иновѣрцевъ. 2) Надобно, и какъ можно скорѣе, устранить все то, что насильственно уединяетъ ихъ духовныхъ лицъ), разобщаетъ физически, умственно и нравственно со всѣми элементами народной жизни, поставить ихъ опять посреди этой жиз-

ни, какъ было прежде, что, конечно, далеко не значитъ преобразовать церковь или придать ей свѣтскій характеръ». 3) Сказавъ о низкомъ уровнѣ образованія въ массѣ нашего приходскаго духовенства, Кавелинъ заявляетъ: «Въ какомъ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, можно встрѣтить такое полное, совершенное отчужденіе большинства профессоровъ и студентовъ, не отъ вѣры, а отъ церкви, исповѣданія $^4/_5$ всего народонаселенія, къ которой и они сами принадлежатъ по имени? Отрицаніе исповѣданія и церкви я бы понялъ; но совершенное къ нимъ равнодушіе, незнаніе ихъ, какъ будто бы они вовсе не существовали,—это фактъ безпримѣрный и крайне безобразный, сильно и вредно отзывающійся на всей нашей умственной и нравственной жизни. Здѣсь, какъ мнѣ кажется, скрывается настоящая глубокая причина того безплодія, которымъ поражена вся наша современная научная, литературная и художественная дѣятельность. Вѣрить или не вѣрить, принадлежать къ церкви или не принадлежать,—есть дѣло совѣсти; но когда вѣра и церковь огромнаго большинства народа ни положительно, ни отрицательно не играетъ въ его умственномъ развитіи никакой роли, не имѣетъ никакого значенія, можно безошибочно утверждать, что такое развитіе—противоестественное и непремѣнно безплодное, потому что въ немъ, значитъ, недостаетъ одного изъ важнѣйшихъ составныхъ элементовъ, которыми опредѣляется народная жизнь.

Баронессѣ Раденъ *Кавелинъ* писалъ изъ Тюбингена 27 марта (8 апрѣля) 1863 г.

«Обыкновенно я не обращаюсь къ вамъ, Эдита Ѳедоровна, съ просьбами, кромѣ просьбы хранить для меня уголокъ въ вашей дружбѣ и памяти. На этотъ разъ я проситель. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: пріѣхавши въ Тюбингенъ, я занялся извѣстными вамъ, безъ сомнѣнія, евангелическою семинаріей и католическимъ Wilhelmsstift. Эти заведенія прилажены къ университету и существуютъ исключительно для студентовъ богословскихъ факультетовъ. Эти два заведенія знамениты въ Германіи и превосходно разрѣшаютъ трудный вопросъ—какъ согласить хорошія стороны факультетскаго и конвикторіальнаго ученія и быта. Мнѣ пришла мысль, что эти заведенія, примѣненныя къ намъ, устранили бы всѣ благовидныя возраженія, которыя у насъ дѣлаютъ противъ богословскихъ факультетовъ. Эту мысль, вмѣстѣ съ необходимостью ввести у насъ такіе факультеты, я развилъ въ отправленномъ на-дняхъ послѣднемъ отчетѣ Головнину о моемъ путешествіи. Но такъ какъ онъ, очень можетъ быть, не обратитъ на нее вниманія, или не рѣшится пустить въ ходъ, я же считаю у насъ богословскіе факультеты совершенною необходимостью, то я и рѣшился отправить къ вамъ буквальную выписку изъ этой части моего рапорта, которая приложена къ этому письму. Примите на себя трудъ внимательно прочесть и взвѣсить мои аргументы. Если вы ими не убѣдитесь, то спрячьте мою выписку на память о нашихъ многочисленныхъ разногласіяхъ. Если же вы найдете, что я говорю правду и дѣло, то примите, какъ го-

ворится на канцелярскомъ языкѣ, всѣ зависящія отъ васъ мѣры, чтобы пустить эту мысль въ ходъ. Церковные вопросы будутъ скоро очень и очень насъ тревожить. Это мнѣ говоритъ мое чутье, и если они также застанутъ насъ врасплохъ, какъ остальные, то изъ этого можетъ выйти много бѣдъ.

«Я у цѣли своей поѣздки. Тюбингенъ—послѣдній университетъ, который я изучаю. Послѣ осмотра отправлюсь въ Боннъ къ семьѣ, мѣсяца на два, на три, до временнаго возвращенія въ Россію, чтобы разработать накопившійся у меня матеріалъ отъ осмотра 9-ти университетовъ. Дай Богъ управиться съ ними въ три мѣсяца.

«...Съ большимъ любопытствомъ ожидаю отвѣта А. В. Головнина на мой рапортъ, въ которомъ съ нимъ распрощался, такъ какъ поѣздка моя кончилась и срокъ, мнѣ назначенный, тоже кончился. Неужели у него хватитъ смѣлости предложить мнѣ ѣхать въ Одессу? Меня это очень занимаетъ психологически, потому что никакого рода предложеній я не приму и останусь во всякомъ случаѣ частнымъ человѣкомъ, проживающимъ за границей.

«Если у васъ выпадетъ свободная минута—пробѣгите мои двѣ статьи о свободѣ преподаванія и ученія въ Германіи. Вторая будетъ помѣщена въ апрѣльской книжкѣ журнала *). Мнѣ было бы очень дорого и интересно знать, что вы о нихъ думаете.

«Ходъ дѣлъ у насъ начинаетъ меня очень тревожить. Сердце неспокойно. Страшно боюсь, чтобы польскія дѣла не были предтечами и провозвѣстниками бо́льшихъ бѣдъ. Какъ-то сумрачно и нехорошо смотритъ все, какія-то тяжелыя предчувствія томятъ и гнетутъ душу. Дай Богъ, чтобъ это было только дурной сонъ и минутное мрачное расположеніе.

«...Пошли вамъ судьба побольше утѣшенія и всего, всего хорошаго, на что вы имѣете такія полныя, документальныя права. Какъ бы хотѣлось съ вами увидаться и провести одинъ изъ тѣхъ хорошихъ вечеровъ, какіе удавалось прежде проводить въ бесѣдахъ и спорахъ,—больше въ спорахъ, чѣмъ въ бесѣдахъ. Неужели это все прошло безъ возврата?

«Я утомленъ очень поѣздкой, впечатлѣніями, безчисленными новыми знакомствами и встрѣчами, несмотря на то, что они—просто восхитительны. Считаю себя счастливымъ—безъ фразы, что удалось совершить эту поѣздку».

Донесеніе Кавелина Головнину, о которомъ упомянуто выше и о которомъ идетъ рѣчь въ только что приведенномъ письмѣ къ баронессѣ Раденъ, произвело на министра народнаго просвѣщенія весьма хорошее впечатлѣніе, что̀ онъ и заявилъ Кавелину письменно, но въ томъ же письмѣ онъ предложилъ ему именно то, чего тотъ такъ давно страшился—профессуру въ Одессѣ. Только уже въ Боннѣ, куда Кавелинъ прибылъ изъ Тюбингена въ исходѣ апрѣля нов. ст. 1863 г., дошло до него слѣдующее оффиціальное письмо Головнина отъ 6 (18) апрѣля:

---

*) Т.-е. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* Объ этихъ статьяхъ говорено выше.

«М. г. Константинъ Дмитріевичъ! Письмо ваше отъ 25 марта (6 апрѣля) я получилъ и считаю долгомъ искренно благодарить васъ за сообщеніе весьма любопытныхъ свѣдѣній и замѣчаній, касающихся организаціи университетовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю статей, обѣщанныхъ вами для *Журн. Мин. Нар. Просв.* Вмѣстѣ съ симъ обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ вопросомъ. Вамъ извѣстно, что въ настоящее время учреждается новый университетъ въ Одессѣ. Будущій успѣхъ этого учрежденія главнымъ образомъ зависитъ отъ тѣхъ дѣятелей, которые будутъ призваны дать ему научное направленіе въ первое время его существованія и потому первоначальный составъ профессоровъ имѣетъ особенную важность. Я весьма желалъ бы знать, угодно ли вамъ будетъ согласиться принять въ Одесскомъ университетѣ каѳедру гражданскаго права или исторіи русскаго законодательства, *еслибъ оказалось возможнымъ предложить вамъ оную* *). Прошу васъ потрудиться увѣдомить объ этомъ и сказать, когда вы полагаете вернуться въ Россію? Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности».

Оффиціальный и формально-служебный тонъ Головнина (письмо было написано не собственноручно и лишь подписано министромъ), который прежде относился къ Кавелину совершенно иначе, не могло не задѣть самолюбія Кавелина, особенно при томъ воззрѣніи на профессуру въ Одессѣ, которое онъ, какъ видѣли читатели, неоднократно высказывалъ въ письмахъ къ друзьямъ въ 1862 и 1863 гг. Въ тотъ же день онъ отвѣчалъ Головнину слѣдующимъ, также оффиціальнымъ и очень сухимъ письмомъ.

«М. г. Александръ Васильевичъ! Многоуважаемое письмо вашего превосходительства отъ 6 (18) апрѣля, адресованное въ Тюбингенъ, я имѣлъ честь получить лишь сегодня въ Боннѣ. На содержащіеся въ немъ запросы поспѣшаю отвѣчать, что въ Россію думаю возвратиться въ концѣ іюля. Касательно же лестнаго предложенія занять каѳедру въ Одесскомъ университетѣ считаю долгомъ увѣдомить, что переселеніе въ Одессу я находилъ бы для себя, по многимъ соображеніямъ, неудобнымъ. Къ этому имѣю честь присовокупить, что въ настоящее время, впредь до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, я вообще не располагаю продолжать службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою».

Къ этому письму, въ которомъ Кавелинъ впервые выражалъ оффиціально и категорически свое нежеланіе продолжать службу по министерству народнаго просвѣщенія—не могъ, разумѣется, въ свою очередь отнестись хладнокровно и А. В. Головнинъ. Оно весьма естественно породило между министромъ народнаго просвѣщенія и К. Д. Кавелинымъ тѣ недоразумѣнія, которыя впослѣдствіи отозвались весьма неблагопріятно на судьбѣ послѣдняго; читатели увидятъ это въ VII главѣ настоящихъ очерковъ.

*) Курсивъ нашъ; въ подлинникѣ эти строки не подчеркнуты.

Великая княгиня Елена Павловна до августа 1863 г. прожила въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Павловскѣ, и *баронесса Раденъ* писала Кавелину 25 мая (6 іюня) этого года изъ Петербурга слѣдующее:

«Очень давно хотѣла я писать вамъ, дорогой другъ мой. Увы! Неужели же обыденныя житейскія отношенія и истинныя привязанности, ежедневныя явленія общественной жизни и великія историческія событія будутъ постоянно зависѣть отъ недостатка энергіи при осуществленіи нашихъ добрыхъ намѣреній? Въ этомъ невольномъ повтореніи того, что съ сожалѣніемъ замѣчаешь въ другихъ,—заключается признаніе величайшаго нравственнаго ничтожества—недостатка энергіи, присущаго нашему времени, не смѣю сказать—нашему вѣку. Мы желаемъ столько и такъ худо, т.-е. такъ порывисто, такъ страстно, такъ слѣпо и непостоянно! Наша воля есть отраженіе ограниченности нашего образованія, разнообразнаго, но поверхностнаго, отличающагося множествомъ заблужденій и недостаткомъ знанія, пестротой вкусовъ и отсутствіемъ любви. Ни въ мелодраматическихъ и бурныхъ желаніяхъ поляковъ, ни въ пассивныхъ и вялыхъ мечтаніяхъ нѣмцевъ—нигдѣ не нахожу я той воли, въ одно и то же время просвѣщенной, спокойной, могущественной и непоколебимой, проявленія которой гдѣ бы то ни было просто жажду.

«Не знаю, почему собственно вылилось изъ-подъ моего пера это нечаянное отступленіе,—но оно, конечно, слѣдствіе всѣхъ чувствъ, накопившихся въ моемъ сердцѣ отъ всего, что я вижу и слышу. Вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей насчетъ польскаго вопроса: чужое вмѣшательство и подпольныя интриги въ самомъ средоточіи Россіи, измѣны, пожары, ложные манифесты, убійства, слухи о чемъ доходятъ до насъ изъ внутреннихъ областей, придаютъ моему, когда-то серьезному, но справедливому противорѣчію вамъ болѣе рѣзкій оттѣнокъ... И все это для чего?—Для того, чтобы осуществить фантастическія мечтанія, чтобы еще разъ послѣдовать этимъ трагическимъ увлеченіямъ, отъ которыхъ ихъ можетъ излѣчить только смерть. Я не русская по рожденію и даже очень горжусь моимъ германскимъ происхожденіемъ, но я ощущаю насмѣшливое негодованіе, когда слышу или читаю польскія, французскія, англійскія и т. п. разглагольствованія о той просвѣтительной задачѣ, которую суждено выполнить Польшѣ, поглотивъ Россію; шляхта призвана внести къ варварамъ-москалямъ просвѣщеніе и добродѣтель!... Это самохвальство достойно смѣха и сожалѣнія, когда видишь воочію долгую анархическую разнузданность и грубую заснувшую силу, но столь же суровую, какъ сама долготерпѣливая Россія, которая теперь пробудилась и издаетъ глухой ропотъ при приближеніи грозы.

«И сказать, что есть—не въ Россіи, а въ Петербургѣ,—настолько извращенные умы, чтобы продолжать дѣло разрушенія и распространять революціонныя посланія, превозносить превосходство Польши, пересказывать на всевозможные фальшивые лады выкрикиванья Герцена и Бакунина! Возвращайтесь поскорѣе, мнѣ такъ хочется видѣть васъ и съ вами разговаривать; мы больше не станемъ спорить, я въ этомъ увѣрена, мы будемъ

трогательно единодушны! Такъ утѣшительно думать, что въ иныя минуты всѣ оттѣнки сглаживаются и исчезаютъ въ яркомъ солнечномъ сіяніи... У насъ только и толковъ, что объ учрежденіи мѣстной стражи въ Москвѣ и общества вольныхъ стрѣлковъ въ Петербургѣ. Жизненная струна такъ потрясена на этотъ разъ, что долго будетъ звучать. Не смѣю сказать, чтобъ я желала войны,—ахъ, я содрогаюсь, когда останавливаю на этомъ свою мысль; но когда мнѣ удается удалить неизбѣжныя послѣдствія смертельной борьбы, когда я разсматриваю конецъ, плоды войны,—я говорю себѣ, что она намъ нужна, полезна, можетъ быть необходима. Еще разъ: возвращайтесь скорѣе.

«Въ этомъ году мы не поѣдемъ въ Германію, несмотря на то, что лѣченіе въ Карлсбадѣ почти необходимо ея высочеству. Вы найдете насъ въ окрестностяхъ Петербурга,—какъ я буду рада пожать вамъ руку!... Прощайте, не разсказываю вамъ всего, что происходитъ,—пріѣзжайте и сами увидите. Мы будемъ говорить съ вами о богословскомъ факультетѣ, мы возобновимъ наши длинныя бесѣды».

Кавелинъ отвѣчалъ баронессѣ Раденъ изъ Бонна, 30 мая (11 іюня) 1863 года:

«Отъ души благодарю васъ, Эдита Ѳедоровна, за ваше письмо. Мнѣ ужъ больно становилось думать, что вы меня совсѣмъ забыли, хотя я находилъ очень натуральнымъ, что по теперешнему времени и обстоятельствамъ много, много есть о чемъ думать, кромѣ отсутствующихъ друзей.

«Что вамъ сказать на ваше письмо? Вы, конечно, ни одну минуту не сомнѣвались, что претензіи поляковъ я нахожу отвратительными, измѣну и убійства изъ-за угла и ложь, которую они распустили по міру, омерзительными и возмутительными, надежды и способъ дѣйствій для достиженія цѣли—безумными. Если они не поняли, сколько живучести въ русскомъ народѣ, какія тутъ спятъ громадныя силы, какъ мы щекотливы во всемъ, что касается нашей народной независимости и чести, какъ бы, впрочемъ, нелѣпо и дико эта щекотливость ни выражалась, — это мало говоритъ въ пользу ихъ прозорливости и ума. Во всемъ этомъ мы, конечно, не будемъ съ вами разныхъ мнѣній. Но вопросъ имѣетъ и другую сторону, на которую слишкомъ мало обращаютъ вниманія: это—наша собственная вина, наши... нелѣпыя дѣйствія въ Польшѣ и западномъ краѣ относительно поляковъ. Вооружаясь и защищаясь, намъ надо посыпать пепломъ голову и громко сказать: «mea culpa!»—Das möchte ich scharf betont sehen, но нигдѣ не вижу..... Пока мы торжественно, публично не раскаемся въ своихъ собственныхъ винахъ и не постараемся отъ чистаго сердца ихъ сгладить относительно поляковъ, до тѣхъ поръ къ моему патріотическому чувству будетъ примѣшиваться другое, очень скорбное и тяжелое. Народъ безъ сознанія справедливости есть дикая, звѣрская масса, которая можетъ быть очень сильна, но которой сила ничего не вѣситъ въ нравственномъ порядкѣ дѣлъ. Я жду раскаянія, сознанія неправоты, и тогда мое увлеченіе будетъ полное, безграничное!

«Совсѣмъ другое, когда наши внѣшніе враги пользуются нашими винами и глупостью, чтобы сломить нашу силу и нашу будущность. Когда каторжникъ, достойный висѣлицы, разными злодѣйствами схватившій корону, держащійся на тронѣ рядомъ преступленій, обморочившій Францію *),—одѣвается въ мантію гуманности и свободы, чтобъ унизить и сломить насъ; когда купчина, раздобрѣвшій и разжирѣвшій отъ золота, Самсонъ Силычъ и Китъ Китычъ **), зазнавшійся отъ богатства и понимающій, гдѣ растетъ сила, которая ему когда-нибудь обломаетъ рога, пользуется нашими винами..... чтобъ остановить нашъ ростъ и сдѣлать насъ для себя безопасными,—о, тогда у меня печень поворачивается въ боку отъ бѣшенства и негодованія! Тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній и двухъ чувствъ! Тутъ я былъ бы готовъ всячески,—солдатомъ, барабанщикомъ, фурлейтомъ, полковымъ или ротнымъ писаремъ,—словомъ, чѣмъ хотите, участвовать въ общемъ дѣлѣ, пока мои услуги будутъ годны хоть для того, чтобъ одного лишняго здороваго человѣка поставить во фронтъ. Вы зовете меня назадъ? Я бы хотѣлъ знать одно и прошу васъ убѣдительно отвѣчать мнѣ, если вы знаете: война неминуема или нѣтъ? Если *да*, я тотчасъ же ставлю себя въ распоряженіе *военнаго вѣдомства на время войны*; пусть оно распорядится мною по годности. Если же нѣтъ,—я останусь здѣсь спокойно до конца іюля, а въ сентябрѣ опять возвращусь за границу. Дома мнѣ дѣлать нечего, и я буду полезнѣе для своей родины внѣ ея, чѣмъ въ ней. Разгаръ антиполонизма—нехорошее чувство, и подъ это знамя я не пойду ни въ какомъ случаѣ; а депеши кн. Горчакова и непереваримыя статьи, вродѣ той, какая недавно напечатана въ *Кёльнской Газетѣ* въ отвѣтъ Мазаду, видимо вышедшая изъ административныхъ сферъ, показываетъ, что въ этой средѣ все осталось постарому и ничего не перемѣнилось. При такихъ обстоятельствахъ лучше работать втиши, гдѣ-нибудь въ Іенѣ, чѣмъ быть чужимъ посреди всеобщаго движенія, которому не можешь вполнѣ сочувствовать, которое поставило бы меня въ разладъ съ моею совѣстью.

«Итакъ, Эдита Ѳедоровна, я жду отъ васъ eipen Winck. Когда приспѣетъ время, вы меня увѣдомите. Я вѣрю въ вашу дружбу безусловно, вѣрю, что вы не пропустите минуты, когда я долженъ буду исполнить мой долгъ передъ родиной, и не предупредите ее, когда бы я возвращеніемъ былъ поставленъ въ разладъ съ своею совѣстью и жилъ бы дома, безполезный и чуждый тому, что дѣлается вокругъ меня. Съ этой единственной оговоркой я жду вашего новаго приглашенія пріѣзжать прежде конца іюля нов. стиля».

Э. Ѳ. Раденъ поспѣшила отвѣтить на это письмо, 15 (27) іюня. Она писала изъ Петербурга:

...«Наше положеніе ужасно. Для Россіи дѣло идетъ о жизненномъ вопросѣ, который находится теперь въ такомъ положеніи, когда *необходи-*

*) Наполеонъ III.

**) Англичане.

мость заставляетъ принимать самыя жестокія мѣры, а чувство отвергаетъ ихъ. Намъ не остается выбора, и вы согласитесь со мной, что въ настоящее время слѣдуетъ заставить умолкнуть все, что не «self preservation» (самозащита). Было бы совершенно тщетно приносить намъ повинную за прежнія наши дѣйствія передъ націей, возбужденной до безумнаго фанатизма. Такія попытки были бы встрѣчены съ презрѣніемъ, и я скажу, что это было бы почти справедливо. Когда Польша будетъ побѣждена, Россія можетъ быть великодушна,—до этого всякая уступка была бы безцѣльной слабостью. Вотъ въ двухъ словахъ, какъ мнѣ представляется теперешнее положеніе дѣлъ. Разумѣется, я предупрежду васъ въ случаѣ войны; точно также какъ и вы, я чувствую, что ваше мѣсто можетъ быть тогда только здѣсь, въ первыхъ рядахъ тѣхъ, которые приносятъ себя въ жертву отечеству. Я очень тороплюсь. Да хранитъ васъ Богъ».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ іюлѣ, Кавелинъ уѣхалъ въ Петербургъ

Очерки дѣятельности европейцевъ на Востокѣ.

IV.

Торгово-промышленное развитіе Японіи.

Для Европы настоятельнымъ оказывается вопросъ, можетъ ли вообще пробудиться Востокъ. Въ предшествующихъ очеркахъ я старался указать, что отвѣтъ долженъ быть повидимому положительный. Азіатская Турція, Персія и Китай начинаютъ проявлять признаки возрожденія. Но это не болѣе какъ признаки, попытки къ обновленію, встрѣчающему и немалыя препятствія къ своему осуществленію. Только присущія различнымъ народностямъ Востока свѣжія, внутреннія силы позволяютъ вѣрить, что эти попытки рано или поздно увѣнчаются успѣхомъ. Японія однако уже доказала на дѣлѣ, что она способна къ возрожденію, въ состояніи воспринять европейскую культуру, не утрачивая одновременно своей самобытности: она сумѣла «объевропеиться», не подпавши подъ европейское иго; мало того, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она даже выступила на путь конкурренціи съ Европой и конкуррируетъ довольно удачно.

Нѣкоторыя лица, даже хорошо знакомыя съ Востокомъ, не прочь приписать быстрый ростъ цивилизаціи Японіи особымъ, присущимъ японцамъ качествамъ; они любятъ проводить параллель между населеніемъ дальняго и ближняго Востока: подвижные, способные, ловкіе японцы—это, по ихъ словамъ, арабы дальняго Востока; тяжелые на подъемъ, склонные къ застою сыны «небесной имперіи», напоминаютъ будто бы неспособныхъ къ культурѣ турокъ. Я не отрицаю ни существованія у отдѣльныхъ народностей особенныхъ, имъ однимъ присущихъ національныхъ чертъ, не отрицаю также, что въ приведенной аналогіи, можетъ быть и есть извѣстная доля правды. Но въ предшествующихъ очеркахъ я старался указать, что и турокъ, и китаецъ не могутъ считаться неспособными къ культурѣ, слѣдовательно, осуждать ихъ на вѣчный застой, объявлять ихъ «неспособными къ прогрессу» можетъ оказаться преждевременнымъ. Японія первая примкнула къ европейской цивилизаціи, быстро усвоила ее и въ этомъ быть можетъ и помогли присущія ей національныя особенности. Если въ настоящее время Японія и оказывается

передовой страной въ своихъ отношеніяхъ къ Европѣ, то лѣтъ 50—60 тому назадъ ее слѣдовало бы отнести къ числу наиболѣе отсталыхъ изъ государствъ азіатскаго Востока, насколько вопросъ идетъ о желаніи примкнуть къ европейской культурѣ. Ни одна страна такъ рѣзко и такъ рѣшительно не закрывала своихъ дверей передъ Европой. Ни Турція, ни Персія, ни даже Китай никогда не замыкались окончательно. Японія — наоборотъ: въ XVII вѣкѣ страна «восходящаго солнца» удалила послѣ жестокихъ и кровавыхъ преслѣдованій, всѣхъ европейцевъ, проникшихъ въ нее впервые еще въ срединѣ XVI в. Подъ страхомъ смертной казни было запрещено японцамъ посѣщать чужія страны; доступъ европейцамъ былъ также рѣшительно закрытъ. Исключеніе было сдѣлано только для голландцевъ, которымъ было позволено въ ограниченномъ числѣ жить въ узкой, строго опредѣленной территоріи и поддерживать рѣдкія сношенія со своей родиной. Къ попыткамъ европейцевъ завязать сношенія съ Японіей, къ европейскимъ посольствамъ, являвшимся въ XVIII и XIX в. съ выгодными для Японіи предложеніями, «страна восходящаго солнца» рѣшительно оставалась глухой. Японцы, даже случайно побывавшіе въ другихъ странахъ, бурей закинутые на чуждые имъ берега, при возвращеніи на родину подвергались тюремному заключенію, строгому допросу и нерѣдко казни; столкнувшіеся при подобныхъ невольныхъ путешествіяхъ съ христіанами или просто заподозрѣнные въ сношеніяхъ съ послѣдними, должны были торжественно отрекаться отъ христіанства и ногами топтать крестъ. И такая-то застоявшаяся въ устарѣлыхъ формахъ страна,—правда, по-своему образованная, но больше всего опасавшаяся свѣта европейской культуры,—обновилась какъ-то внезапно, рѣшительно стряхнула съ себя густой слой средневѣковой пыли, сразу помолодѣла и въ нѣсколько лѣтъ разсѣяла недовѣрчивую улыбку европейцевъ, смотрѣвшихъ вначалѣ на обновленіе Японіи какъ на несерьезную затѣю полудикарей, «играющихъ въ цивилизацію». Эта внезапная перемѣна могла произойти только оттого, что страна таила въ себѣ подъ прикрытіемъ мертвыхъ административныхъ формъ богатыя жизненныя силы.

Съ того времени прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. Возрожденная Японія помѣрялась силами съ Китаемъ и показала, что она сумѣла усвоить хорошо уроки европейцевъ въ военномъ дѣлѣ: ея армія, слабая, конечно, сравнительно съ европейскими, оказалась непобѣдимой для Китая. Уваженіе Европы къ Японіи усилилось. Далѣе въ нѣсколько десятковъ лѣтъ «страна восходящаго солнца» развила свою промышленность и торговлю настолько, что рѣшилась конкуррировать даже съ Англіей и Германіей изъза обладанія рынками. Европа любезно включила обновившуюся страну въ число цивилизованныхъ, отмѣнила примѣнительно къ ней консульскія правила, дѣйствующія на Востокѣ, и начала прислушиваться къ ея голосу въ вопросахъ восточной политики—и недаромъ: этотъ голосъ Японія имѣетъ возможность поддерживать все же порядочной арміей и флотомъ.

Ростъ политическаго могущества Японіи за послѣднія дѣсятилѣтія всѣмъ

извѣстенъ. Менѣе извѣстны поразительные успѣхи ея на поприщѣ развитія промышленныхъ и торговыхъ силъ: на этомъ ростѣ я и сосредоточу свое вниманіе. Это—одинъ изъ лучшихъ показателей степени усвоенія западной цивилизаціи со стороны крайней восточной страны Азіи. Японія, ставъ на путь обновленія и реформъ, пошла правильнымъ шагомъ: она рѣшила ознакомиться прежде всего съ европейскимъ образованіемъ, усматривая въ немъ главный источникъ могущества европейцевъ. Она начала сначала учиться у Голландіи, такъ какъ голландцы, имѣвшіе исключительное право пребыванія въ Японіи послѣ изгнанія европейцевъ въ XVII в., казались японцамъ идеаломъ европейской образованности. Другой учительницей Японіи была Америка. Благодаря Голландіи японцы познакомились съ Франціей и съ французской наукой, а затѣмъ перешли въ школу Германіи. Голландскій языкъ, еще въ 1861 г. бывшій наиболѣе господствовавшимъ въ Японіи изъ европейскихъ языковъ, значительно болѣе распространеннымъ, чѣмъ даже англійскій, былъ вскорѣ вытѣсненъ послѣднимъ. Разгромъ Франціи Пруссіей умалилъ престижъ Франціи въ глазахъ японцевъ и открылъ дорогу нѣмецкому вліянію и языку. Въ настоящее время борются англійскій и нѣмецкій языки, и если и нельзя предвидѣть, кому изъ нихъ выпадетъ окончательная побѣда, то нельзя и не отмѣтить, что нѣмецкій языкъ въ настоящее время медленно вытѣсняетъ англійскій, правда, не въ сферѣ торговыхъ сношеній, но во всякомъ случаѣ на почвѣ науки. Такъ какъ японцы, по словамъ почти всѣхъ изслѣдователей, отличаются большими способностями къ языкамъ, то усвоеніе и распространеніе европейскихъ языковъ идетъ въ Японіи быстрыми шагами. Японцы начали учиться прежде всего у европейцевъ тому, что казалось имъ наиболѣе полезнымъ. Гордые своей исторіей, сыны «страны восходящаго солнца» мало интересовались исторіей культуры Европы; они были такого высокаго мнѣнія о собственныхъ и китайскихъ литераторахъ и мыслителяхъ, что мало обращали вниманія на лучшихъ представителей европейской литературы и философіи. Лишь за послѣдніе годы совершается въ этомъ отношеніи нѣкоторый переворотъ. Нѣмецкая и отчасти англійская философія начинаютъ оказывать вліяніе на мѣстныхъ ученыхъ; что же касается до литературы, то японцы повидимому мало питаютъ къ ней склонности: изящная литература вообще не нашла себѣ благопріятной почвы въ Японіи; европейская также не встрѣчаетъ большого сочувствія. Лишь въ отношеніи драматическихъ произведеній, которыми она очень богата еще издавна, Японія начала усвоивать въ извѣстной мѣрѣ европейскіе образцы, къ сожалѣнію однако только въ лицѣ дешевенькихъ, веселыхъ и обыкновенно безсодержательныхъ фарсовъ.

Если оставить въ сторонѣ поднятіе военныхъ силъ страны, введеніе спеціальнаго военнаго образованія и т. п. мѣры, направленныя къ усиленію своего могущества,—Японія прежде всего обратила вниманіе на медицину. Изъ знаній европейцевъ—именно медицина бросилась впервые въ глаза японцамъ: они всегда занимались ею съ охотой, но уровень ихъ

знаній развѣ немного стоялъ выше китайскаго, гдѣ часто смѣшивается опытъ съ суевѣріемъ и лѣченіе со знахарствомъ. Въ 1861 г. въ Нагасаки существовалъ уже первый, устроенный по европейскому образу, медицинскій институтъ; онъ находился подъ управленіемъ морского врача г. Помпе. Въ то время въ немъ было всего 18 студентовъ. Но это былъ періодъ, предшествовавшій крупнымъ реформамъ въ Японіи; тогда еще громко раздавался голосъ многочисленныхъ лицъ, недовольныхъ началомъ общенія съ иностранцами. Этотъ институтъ былъ первымъ разсадникомъ европейскихъ знаній въ Японіи. Съ того времени многое измѣнилось.

Японія, какъ и Китай принадлежали давно уже къ странамъ съ удивительно распространеннымъ народнымъ образованіемъ: почти все населеніе до послѣдняго земледѣльца и рабочаго было грамотно. Наука, въ восточно-азіатскомъ значеніи этого слова, стояла высоко. Быть можетъ, вѣковая подготовленность сыновъ страны «восходящаго солнца» содѣйствовала тому, что какъ только былъ разрѣшенъ въ нее доступъ европейскому просвѣщенію, послѣднее удивительно быстро пустило прочные корни на новой почвѣ и съ легкостью усвоивалось японцами. Въ настоящее время въ такой небольшой странѣ, какъ Японія, въ которой вмѣстѣ съ Формозой насчитывается приблизительно 45 милліоновъ жителей, устроено около 27 тысячъ народныхъ школъ, въ которыхъ преподаются и европейскія знанія. Населеніе обнаруживаетъ большую охоту къ чтенію, и эта охота въ значительной степени поддерживается политическими вопросами, волнующими населеніе, такъ какъ трудно найти другую страну, въ которой политическія партіи боролись другъ съ другомъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ въ скопировавшей съ Пруссіи, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, свой государственный строй Японіи. Какъ бы то ни было, но въ странѣ издается около 800 газетъ и журналовъ, ежегодно печатается цѣлая масса оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, и, благодаря развитію грамотности, они находятъ себѣ нерѣдко широкій сбытъ. Въ Японіи существуетъ два университета (въ Токіо и Кіото), нѣсколько высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній въ Токіо; говорятъ объ открытіи еще третьяго университета на Кіусіу и еще двухъ высшихъ политическихъ учебныхъ заведеній въ Осака и Сендаи. Наконецъ, въ 1898 г. приступлено къ устройству въ Токіо спеціально женскаго университета.

Японцы поняли, что имъ недостаетъ европейскихъ знаній; они широко ввели ихъ у себя, заботясь при этомъ и о томъ, чтобы по возможности недолго оставаться учениками европейцевъ, но и выработать своихъ собственныхъ ученыхъ, которые могли бы замѣстить приглашенныхъ въ японскія учебныя заведенія иностранцевъ: послѣднихъ и теперь Японія не долюбливаетъ; она не прочь при первой возможности отдѣлаться отъ нихъ, но тѣмъ больше чести для нея, что она сумѣла подавить это чувство и пошла учиться къ полезному, хотя и нелюбимому учителю. Она не опасается посылать своихъ сыновей то въ Германію, то въ Англію или Америку учиться въ высшихъ заведеніяхъ или изучать на Западѣ торговлю и промышлен-

ность. Нелюбовь къ иностранцамъ приводитъ къ тому, что большинство японцевъ возвращается на родину съ полезными знаніями и пользуется ими противъ иностранцевъ же. Въ нѣмецкой печати уже раздаются голоса, что нѣмцы для японцевъ оказываются слишкомъ хорошими и добросовѣстными учителями и, обучая ихъ «слишкомъ честно» своимъ производствамъ, вредятъ нѣмецкому дѣлу на далекомъ Востокѣ: японцы оказываются подчасъ слишкомъ понятливыми, а это невыгодно.

Вооружаясь европейскимъ образованіемъ, въ которомъ видную роль играютъ техническія и профессіональныя знанія, Японія одновременно приложила всѣ силы къ улучшенію путей сообщенія, отсутствіе которыхъ составляетъ одно изъ величайшихъ золъ восточно-азіатскихъ государствъ. Она приступила къ устройству обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ началѣ 1898 г. протяженіе желѣзныхъ дорогъ равнялось уже 3,785 километрамъ, къ концу года оно достигло почти 5,000 километровъ. Правда, эта цифра не кажется особенно значительной, но слѣдуетъ вспомнить, что вся Японія занимаетъ лишь около 383 тысячъ квадратныхъ километровъ, что слѣдовательно она немного больше Пруссіи и меньше болѣе чѣмъ вдвое Швеціи и Норвегіи. Далѣе, что цѣлыхъ $^2/_3$ Японіи покрыты, слѣдовательно дѣйствительное протяженіе ея меньше сравнительно съ абсолютной площадью. Наконецъ, она представляетъ сравнительно узкіе острова, вслѣдствіе чего магистральная линія желѣзной дороги, проходящая съ сѣвера на югъ, оказываетъ большее значеніе на окрестности, чѣмъ въ странѣ, въ которой ширина находится въ большемъ соотвѣтствіи съ длиной. Поэтому, хотя на Японію приходится только 7% всего протяженія желѣзнодорожныхъ линій въ Азіи (на британскія владѣнія приходится 68%, на русскія—14%), она оказывается, по сравненію съ другими азіатскими государствами, страной съ наиболѣе развитой желѣзнодорожной сѣтью; это станетъ яснымъ, потому что если взять за основу разсчета протяженіе линій къ началу 1898 г., оказалось бы, что въ то время какъ одинъ километръ желѣзнодорожнаго пути пришелся бы въ Персіи почти на $30^1/_2$ тысячъ кв. кил., въ Китаѣ—на слишкомъ 27 тысячъ кв. кил., въ британскихъ владѣніяхъ Азіи — на 156 кв. кил., въ Японіи километръ рельсоваго пути пришелся бы всего на 110 кв. километровъ. Развивъ желѣзнодорожную сѣть, японцы позаботились сдѣлать пользованіе ею возможно доступнѣе: они понизили тарифъ. Въ 3-мъ классѣ взимаемая плата менѣе 1 копейки за $1^1/_2$ километра; дешевизна пищи на станціяхъ, совмѣстно съ этимъ дешевымъ тарифомъ, сильно содѣйствуетъ развитію количества поѣздокъ. Японецъ трудолюбивъ, но онъ держится принципа, что долгая работа безъ отдыха притупляетъ; однако, онъ слишкомъ трезво смотритъ на жизнь; онъ любитъ удовольствія, которыя можно соединить съ выгодой для себя. Поэтому однимъ изъ любимыхъ его удовольствій оказывается путешествіе по желѣзной дорогѣ: японецъ любитъ вообще путешествія; къ тому же онъ, проѣхавъ за ничтожную плату хотя бы отъ Кіото въ Токіо и обратно (ок. 1,250 километровъ) и истративъ приблизительно копеекъ по 40 въ день за свое содержаніе (жизнь въ Японіи уди-

вительно дешева, а простой японецъ крайне нетребователенъ), — вернется къ себѣ съ заказами, если онъ ремесленникъ, увидитъ новые образцы европейскихъ и мѣстныхъ производствъ и привезетъ новые мотивы для своего мастерства, а иногда и новую кліентуру.

Японія лишена большихъ судоходныхъ рѣкъ; она освобождена поэтому отъ заботъ по упорядоченію судоходства на внутреннихъ водахъ. Тѣмъ не менѣе, насколько это допускаетъ бѣдность воды въ Японіи, сдѣлано и въ этомъ отношеніи многое. Озеро Бива, плодородные берега котораго славятся развитіемъ сельскаго хозяйства, соединено японскими инженерами съ Токіо прекраснымъ каналомъ, туннелью прорѣзывающимъ часть горнаго хребта, отдѣляющаго столицу отъ ея житницы.

Усвоеніемъ знаній и усовершенствованіемъ путей сообщенія Японія не ограничилась: она завела еще обширный торговый флотъ; развитіе промышленности, поднятой обѣими указанными мѣрами, требуетъ расширенія рынковъ. Японія не останавливается ни передъ какими препятствіями въ цѣляхъ усовершенствованія своего торговаго флота. Всѣ правительства покровительствуютъ торговому флоту выдачею ему субсидій. Но въ то время какъ изъ субсидируемыхъ линій англійская Peninsular and Oriental Company получаетъ 5.832,500 марокъ отъ англійскаго, частью и итальянскаго правительства, а нѣмецкая Norddeutsche Lloyd—всего 3.670,000 марокъ, Японія выдаетъ пароходамъ Nippon-Jusen-Kaishu (императорской японской почты) свыше $10^1/_2$ милліоновъ марокъ. Географическое положеніе Японіи въ восточно-азіатскихъ водахъ, близость къ ней рынковъ, громадная правительственная субсидія торговому флоту—все это дѣлаетъ вполнѣ естественнымъ, что нѣкоторые европейскіе политики и публицисты предупреждаютъ Европу отъ нарождающагося конкуррента, который теперь собирается устраивать правильные рейсы какъ въ южно-русскіе, такъ и въ нѣкоторые западноевропейскіе порты для сбыта своихъ товаровъ.

Результатомъ общенія съ Европой и въ частности съ Германіей появилось въ Японіи устройство торговыхъ музеевъ, значеніе которыхъ давно уже понято на Западѣ; они преслѣдуютъ двоякую цѣль: познакомить свою страну съ производствами другихъ странъ и, обратно, популяризировать свое производство среди иностранцевъ и, далѣе, облегчить взаимныя отношенія представителей торговли разныхъ странъ другъ съ другомъ. Дѣятельность подобныхъ музеевъ отражается благопріятно какъ на промышленности, такъ и на торговлѣ страны, и въ этомъ своемъ значеніи музеи должны быть отнесены къ группѣ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднятіе торговли и промышленности государства. Въ «странѣ восходящаго солнца» подобныхъ музеевъ, насколько мнѣ извѣстно, два. Одинъ въ Токіо, по типу скорѣе подходящій къ постоянной выставкѣ, другой — въ Осака. Соинъ-Шинретсуканъ (зданіе для выставки товаровъ) въ Токіо вмѣщаетъ выставку важныхъ экспортныхъ товаровъ, далѣе товаровъ, которые могутъ имѣть сбытъ, товаровъ, которые могутъ конкуррировать съ импортируемыми изъза границы, и, наконецъ, выставку сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ и

заводовъ; этимъ исчерпывается, однако, только первая половина музея. Вторая заключаетъ предметы и издѣлія, могущіе служить образцами для японскихъ фабрикантовъ, товары, съ которыми японская промышленность или вступила, или можетъ вступить въ конкурренцію за границей, далѣе предметы, находящіе себѣ наибольшій сбытъ за границей и которые могутъ быть вырабатываемы на японскихъ фабрикахъ, далѣе главные предметы ввоза, такіе, которые имѣютъ шансы быть ввозимыми въ Японію и т. п. Музей въ Токіо беретъ на себя безвозмездно посредничество между покупателями и продавцами и этимъ усиливаетъ торговую дѣятельность своей родины. Торговый музей въ Осака, устроенный въ 1890 г., оказывается первымъ по величинѣ и разнообразію складомъ товарныхъ продуктовъ въ Японіи. Главная задача музея — выставлять товары, могущіе быть импортируемы въ Японію, съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ доставить туземнымъ торговцамъ наиболѣе дешевый и порядочный источникъ для полученія товаровъ, а съ другой—путемъ выставки образцовъ туземнаго производства ознакомлять съ нимъ иностранцевъ, облегчать ихъ сношенія съ туземными фирмами и этимъ содѣйствовать развитію экспорта. Въ музеѣ говорятъ кромѣ японскаго и на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ; корреспонденція ведется на англійскомъ. Въ обоихъ музеяхъ устроена соотвѣтствующая библіотека; кромѣ того, находятся каталоги, прейскуранты и прочіе источники, необходимые для наведенія справокъ относительно различныхъ фирмъ.

Чего же достигла «страна восходящаго солнца» введеніемъ европейскаго просвѣщенія для развитія своей торговли и промышленности? Пусть на это отвѣтятъ слѣдующія цифры. Не далѣе какъ въ 1889 г. число фабрикъ въ Японіи равнялось 84, въ 1895 г. ихъ было уже 2,758, т.-е. количество ихъ въ 12 лѣтъ увеличилось слишкомъ въ $31^1/_2$ разъ. Вывозъ изъ Японіи, не превышавшій въ 1872 г. суммы 17 милліоновъ іенъ (іенъ равенъ приблизительно копейкамъ 80-ти), достигъ въ 1897 г. почтенной суммы 163 милліонъ іенъ, т.-е. увеличился слишкомъ въ 9 разъ. Площадь рисовыхъ полей увеличилась за этотъ періодъ на 7%, а площадь полей, засѣянныхъ пшеницей и ячменемъ,—на 20%, чайныя плантаціи увеличились вдвое, а разведеніе шелковичныхъ червей—втрое. Добыча минераловъ, не превышавшая суммы 15 милліоновъ іенъ въ 1892 г., поднялась уже въ 1894 г. до 20 милліоновъ. Эти цифры достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о промышленномъ и торговомъ ростѣ страны.

Города измѣнили свой прежній характеръ. Японцы остались и здѣсь вѣрными себѣ: они старались заимствовать у Европы болѣе совершенныя постройки, мостовыя, хорошія, широкія улицы, усвоили санитарныя предписанія, практикующіяся въ городахъ цивилизованныхъ странъ. Но они не уничтожили легкомысленно своей старины; японцы любятъ и гордятся своей исторіей и прошлой культурой; они дорожатъ своей стариной. Поэтому-то ихъ города производятъ интересное впечатлѣніе: новѣйшимъ изобрѣтеніямъ западной цивилизаціи и новымъ постройкамъ служатъ фономъ древніе храмы

и дворцы, подчасъ лучшія произведенія мѣстнаго архитектурнаго вкуса, останавливающія вниманіе любопытнаго европейца. Широкая, чистая, на европейскій ладъ улица приведетъ его къ старому святилищу, окруженному вѣковыми деревьями, съ древними идолами, позолоченными и лакированными внутренними стѣнами. Куда бы ни направился путешественникъ въ Японіи,—пишетъ одно изъ лицъ, посѣтившихъ ее въ новѣйшее время,—онъ замѣтитъ слѣды энергичной работы. Въ Токіо онъ увидитъ широкія улицы, отличающіяся чистотой (чистота почти «голландская» свойственна японцамъ), громадную сѣть проволокъ отъ телефона и телеграфа, мѣстныя колясочки, въ которыя впрягаются люди, увидитъ и омнибусы, и электрическую конку. «Высокія трубы громадныхъ фабрикъ, въ которыхъ молодая японская обрабатывающая промышленность старается конкуррировать съ западными издѣліями, поднимаются надъ маленькими мастерскими, не задавливая искусныхъ кустарей, которые даютъ печать художественности своимъ медленно изготовляемымъ издѣліямъ». Направится ли путешественникъ въ другія мѣста, онъ всюду встрѣтитъ гавани и маяки, регулированье теченія горныхъ рѣкъ, постройку дорогъ и мостовъ, возрастаніе цвѣтущихъ центровъ промышленности (наприм. Осака) или центровъ обширнаго пароходнаго движенія (наприм. Йокагама и Гіого), наконецъ, быстрое развитіе торговаго флота. Все доказываетъ, по словамъ путешественника, стремленіе и умѣнье, которыми вооружена Японія, чтобъ отстоять свое мѣсто въ міровомъ соревнованіи культурными силами, какъ она это сдѣлала на полѣ битвы во время послѣдней войны.

Японія все продолжаетъ расти и развиваться. Чтобы яснѣе представить себѣ результаты, достигнутые обновленной страной, я укажу на впечатлѣніе, которое вынесли европейцы послѣ изученія выставки въ Кіото 1895 г. Выставка явилась показателемъ быстраго развитія Японіи въ промышленномъ отношеніи за 25-лѣтіе отъ 1870—1895 гг. Японцы не даромъ выбрали Кіото мѣстомъ для своей выставки, цѣль которой, какъ говорятъ нѣкоторые, была похвастать передъ европейцами своимъ прогрессомъ. Если это вѣрно, то эту слабость можно извинить японцамъ: они отъ природы хвастливы, да и такъ недавно они восприняли европейскую цивилизацію, что имъ было пріятно наглядно показать, какъ легко талантливый японецъ можетъ «объевропеиться», не теряя своихъ самобытныхъ чертъ, какъ скоро онъ можетъ постичь европейское производство, не утрачивая и своей старой, вѣками выработанной промышленности.

Кіото—древняя столица Микадо: онъ вмѣщаетъ множество древнихъ построекъ, храмовъ, дворцовъ. Нигдѣ не бросается въ глаза такъ рѣзко обновленіе страны, какъ именно въ Кіото: въ немъ средневѣковая крѣпость, въ которой не болѣе какъ лѣтъ за 30 передъ выставкой—микадо, освобожденный отъ своего вынужденнаго бездѣйствія, въ которомъ онъ находился, благодаря давленію шёгуновъ, придумывалъ планы къ недопусканію западныхъ «варваровъ» въ «страну боговъ». Изъ зданія выставки можно было слышать звонъ колокола буддійскаго древняго храма.

И тутъ же стояло просто-выстроенное зданіе выставки, въ которой также соприкасались дошедшія до нашихъ дней, усвоенныя еще въ древности, туземныя производства съ новѣйшими издѣліями въ европейскомъ стилѣ. Прежнее производство, доходящее подчасъ до художественности, не исчезло въ Японіи; нѣкоторые виды его даже развились подъ вліяніемъ болѣе тонкаго и развитаго вкуса Европы. Знаменитая перегородчатая эмаль (cloisonnée), которой издавна славилась Японія, продолжаетъ сохранять древніе рисунки, но краски сдѣлались болѣе мягкими, болѣе нѣжными подъ вліяніемъ школъ, устроенныхъ для этого вида производства въ Кіото и въ другихъ мѣстахъ. Фарфоръ современныхъ японцевъ напоминаетъ лучшіе предметы эпохи расцвѣта; металлическія издѣлія, предметы изъ слоновой кости попрежнему отличаются оригинальностью и тщательностью работы. Старое производство, однимъ словомъ, не пало; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ оно даже поднялось. Японія ничего не потеряла изъ прежняго культурнаго запаса. Правда, что наравнѣ съ художественными образцами были выставлены дешевыя, относительно грубыя издѣлія: ими Японія снабжаетъ падкую на новинки Европу. Ремесленное отношеніе къ дѣлу замѣнило художественное у многихъ кустарей. Но это дѣлается для Европы; японецъ, неравнодушный къ быстрой наживѣ, изготовляетъ массами эти издѣлія, потому что на нихъ ежегодно растетъ спросъ: европейцы, думаетъ онъ, сами виноваты, покупая эту дрянь,—порядочный японецъ ее смотрѣть не станетъ. Но въ случаяхъ, когда кустарь работаетъ на внутренній рынокъ, онъ продолжаетъ оставаться художникомъ въ ремеслѣ, такъ какъ чувство изящнаго сильно развито въ Японіи: его произведенія могутъ не подходить ко вкусу европейца, но всякій остановился бы въ удивленіи передъ роскошнымъ фарфоромъ, эмалью, вышивками и т.д.

Но все это—старая Японія. Вотъ новая: сначала рядъ подражаній европейскимъ издѣліямъ, подражаній грубыхъ, не искусныхъ. Это—первые шаги новой японской промышленности. Потомъ подражанія болѣе искусныя, далѣе такія, которыя уже могутъ быть поставлены на одну линію съ своими образцами, наконецъ, въ отдѣльныхъ отрасляхъ, издѣлія, превосходящія работой и дешевизной европейскіе прототипы. Новая промышленная Японія уже стала на твердыя ноги: ей не стыдно передъ учителями, такъ какъ кое въ чемъ она ихъ догнала уже, кое въ чемъ даже перегнала. Японецъ гордится, быть можетъ, еще слишкомъ поспѣшно: въ былое время онъ получилъ всю культуру изъ Китая и Кореи, онъ переросъ своихъ учителей; теперь онъ увѣренъ въ такомъ же результатѣ и въ отношеніи къ европейской цивилизаціи. Скажутъ, что это заносчивость, но вѣдь заносчивость и преувеличенное представленіе о собственныхъ силахъ свойственны молодости, а старая Японія, гордящаяся сказочной хронологіей и древностью культуры, еще такъ молода передъ опытной Европой. Въ теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ Японія научилась изготовлять такіе предметы, которые она и представить себѣ не могла: начиная отъ европейскихъ шляпъ и башмаковъ, дождевыхъ зонтиковъ и дамскихъ гребенокъ и кончая усовершен-

ствованными сельско-хозяйственными орудіями и паровыми котлами,—все изготовляется новой японской промышленностью, довольной своими успѣхами и еще болѣе тѣмъ, что она вскорѣ окажется въ состояніи освободиться отъ своихъ учителей, которыхъ она не любитъ по той простой причинѣ, что они иностранцы. Японскія издѣлія—шерстяныя, бумажныя, шелковыя—носятъ уже самостоятельный отпечатокъ японскаго художественнаго вкуса; шерстяныя ткани еще только начали появляться въ моментъ выставки въ качествѣ туземныхъ товаровъ; японцы держатъ мало овецъ и этотъ видъ промышленности одинъ изъ наиболѣе недавно насажденныхъ. Австралія однако уже ждетъ момента, когда развитіе этого вида промышленности сдѣлаетъ Японію однимъ изъ крупнѣйшихъ рынковъ для экспорта шерсти. Зато бумажныя ткани успѣшно конкуррируютъ съ привозимыми изъ Англіи и Индіи. Привычные къ тонкимъ работамъ, японскіе мастера умѣло справились даже съ такимъ труднымъ дѣломъ, какъ изготовленіе медицинскихъ инструментовъ, вѣсовъ, хирургическихъ инструментовъ и пр.; они почти не уступаютъ нѣмецкимъ или англійскимъ по своему достоинству, но имѣютъ важное преимущество передъ европейскими—удивительную дешевизну, возможную только въ странѣ, гдѣ, какъ въ Японіи, заработная плата ничтожна, гдѣ рабочій не развилъ еще никакихъ широкихъ потребностей, довольствуясь платой, которая при дешевизнѣ жизни даетъ ему возможность удовлетворять своимъ болѣе чѣмъ скромнымъ потребностямъ.

Болѣе всего удивило европейцевъ на выставкѣ въ Кіото—это быстрое развитіе машиннаго производства: японцы,—какъ я говорилъ,—старались усвоить у европейцевъ преимущественно то, чего имъ недоставало. Машины, слѣдовательно, стояли на первомъ планѣ. Такъ недавно еще японецъ не зналъ и не хотѣлъ знать ничего объ этихъ изобрѣтеніяхъ Запада, относился къ нимъ или съ недовѣріемъ, или съ презрѣніемъ. Но четверть вѣка прошло, и для развитія отечественной промышленности японцы искусно выдѣлываютъ и паровыя машины, и электрическіе двигатели. Прототипами, естественно, служатъ имъ европейскія машины: европеецъ невольно съ изумленіемъ останавливался передъ ткацкими станками, прядильными и швейными машинами, скоропечатнями и т. п., вышедшими изъ японскихъ мастерскихъ. Въ годъ выставки, какъ и въ слѣдующіе годы, Японія продолжаетъ усиленно выписывать машины изъ-за границы; ея собственнаго производства недостаточно для удовлетворенія спроса. Но достигнутый результатъ уже немаловаженъ: онъ указываетъ на будущее развитіе Японіи въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, непріятенъ Японіи фактъ, что ей въ годъ приходится тратить не менѣе $^1/_2$ милліона ф. стерл. на выписку машинъ изъ-за границы; она и старается всѣми силами развить эту отрасль промышленности у себя и идетъ по этому пути гигантскими шагами, чтобы освободиться отъ Европы и Америки и въ этомъ отношеніи. Машинами можетъ гордиться европейскій и американскій геній. Но и въ этомъ наиболѣе трудномъ вопросѣ Японія смѣло идетъ впередъ и, быть можетъ, ея старанія увѣнчаются успѣхомъ.

Таковы въ общихъ чертахъ итоги выставки въ Кіото. За краткій періодъ 1895—99 гг. Японія еще прогрессировала въ развитіи своей торговли и промышленности. Естественно, что внезапный расцвѣтъ промышленности не могъ не отразиться на всемъ характерѣ народнаго хозяйства «страны восходящаго солнца». Японія и теперь еще страна преимущественно земледѣльческая. Сельскимъ хозяйствомъ въ ней занимается около 79% всего населенія, промышленностью—всего 7%, торговлей—14%. Достаточно сравнить это процентное отношеніе трехъ видовъ хозяйства съ подобнымъ же отношеніемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, чтобы правильно опредѣлить мѣсто Японіи: въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣвер. Америки это отношеніе расположилось бы въ слѣдующемъ рядѣ цифръ: Сельское хозяйство—57%, промышленность—27%, торговля—16%, Франція: сельское хозяйство 57%, промышленность—30%, торговля—13%; Англія: сельское хозяйство—22%, промышленность—68%, торговля—10%. Слѣдовательно сельское хозяйство продолжаетъ занимать первое мѣсто въ народномъ хозяйствѣ Японіи. На немъ главнымъ образомъ и должна была отразиться перемѣна въ развитіи экономической жизни населенія. Къ этому вопросу мнѣ предстоитъ еще возвратиться, но сейчасъ я отмѣчу только, что развитіе торговли съ Европой не замедлило привести къ извѣстнымъ для страны послѣдствіямъ. Японское правительство, какъ извѣстно, не сразу пошло навстрѣчу реформамъ и оживленію сношеній съ европейцами; оно колебалось нѣкоторое время и даже стремилось воспрепятствовать вывозу нѣкоторыхъ продуктовъ хозяйства. Оно обратило прежде всего вниманіе на вывозъ риса: послѣдній, какъ и въ Китаѣ, составляетъ главную пищу населенія; начавшійся усиленный вывозъ риса привелъ къ поднятію цѣнъ на него и странѣ грозилъ «рисовый кризисъ». Японское правительство въ то время еще не вынужденное, какъ теперь, чутко прислушиваться къ общественному мнѣнію, вышло изъ затрудненія крайне просто: оно совершенно запретило вывозъ риса. Но оно не было въ состояніи бороться противъ новыхъ народившихся, или правильнѣе, созданныхъ условій. Торговля развивалась, и однимъ изъ видныхъ предметовъ экспорта сдѣлался шелкъ. Японскій шелкъ имѣлъ большой успѣхъ на европейскихъ рынкахъ, его считаютъ лучшимъ по качеству, чѣмъ китайскій; поэтому въ самомъ началѣ спросъ на него поднялся значительно: цѣна на шелкъ въ короткій періодъ 1857—1860 гг. поднялась вдвое. Еще въ 1860 г. было вывезено изъ Іокагамы въ Европу 6,000 тюковъ съ шелкомъ. Это обстоятельство сильно повліяло на сельское хозяйство; населеніе начало переходить отъ культуры риса къ шелководству. Я уже указывалъ, что площадь культуры риса увеличилась всего на 7%, а площадь культуры ячменя и пшеницы на 20%; шелководство же утроилось. Рисъ и другіе жизненные припасы поднялись значительно въ цѣнѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, но это вздорожаніе въ то время, по крайней мѣрѣ, не успѣло еще вредно отразиться на земледѣльцѣ и рабочихъ. Прежде всего это вздорожаніе высоко только по сравненію съ японскими цѣнами и далѣе, что главное, увеличившійся заработокъ отъ про-

дажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и поднятіе прежней рабочей платы позволяли нѣкоторое время оплачивать свои потребности болѣе дорого, чѣмъ это было раньше. Измѣнивъ такимъ образомъ жизнь большинства населенія страны, развитіе промышленности и торговли въ европейскомъ стилѣ не нанесло ему вначалѣ никакого вреда. Въ извѣстной степени оно отразилось на населеніи даже благотворно: въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, было сильно развито нищенство; нищіе составляли, а въ Китаѣ продолжаютъ составлять, если такъ можно выразиться, признанный юридически особый классъ общества; они имѣютъ свою организацію, своихъ старшинъ и пр., нищета порождала болѣзни, и классъ нищихъ представлялъ нерѣдко очагъ развитія эпидемическихъ заболѣваній. Этотъ классъ уничтоженъ въ обновленной Японіи и временно, до нарожденія новыхъ условій, большинство нищихъ нашло себѣ заработокъ на многочисленныхъ фабрикахъ и заводахъ. Часть устроилась въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, возникшихъ въ Японіи по примѣру Западной Европы. Нищенство, конечно, только временно почти прекратилось.

Шелкъ, каменный уголь, бумажные товары составляютъ въ настоящее время, пожалуй, наиболѣе видные предметы экспорта развившей свою промышленность и постоянно развивающей свою торговлю Японіи. Достаточно вспомнить, что сумма экспорта шелковыхъ товаровъ изъ Японіи возросла за 10-лѣтіе 1885—1894 гг. болѣе чѣмъ въ 154 раза (съ 54½ тысячи фунт. стерл. въ 1885 г., до почти 8½ милл. ф. стерл. въ 1894 г.). Сумма экспорта угля за это же десятилѣтіе увеличилась болѣе чѣмъ въ 3 раза: съ 2 милл. ф. стерл. въ 1885 г. до 6½ милл. ф. стерл. въ 1894 г., причемъ японскій каменный уголь вытѣсняетъ англійскій изъ всѣхъ почти гаваней, лежащихъ на востокъ отъ Сингапура и даже проникаетъ въ Коломбо и Калькутту. Особенно силенъ ростъ бумагопрядильнаго производства. Знакомство съ Европой развило спросъ на хлопчатобумажныя ткани. Хлопковое производство стояло въ Японіи вначалѣ на младенческой ступени; между тѣмъ потребность въ немъ росла; еще въ 1885 г. въ Японію было ввезено хлопка на 800 тысячъ ф. стерл.; черезъ 10 лѣтъ (1895 г.) сумма ввоза увеличилась болѣе чѣмъ въ 24 раза (до 19½ милл. ф. стерл.). Съ развитіемъ ввоза хлопка шло рука объ руку и развитіе бумагопрядильныхъ фабрикъ. Вначалѣ ихъ было мало, и Японія была вынуждена выписывать нити на большую сумму. Еще въ 1888 г. изъ Индіи и Англіи было импортировано въ Японію бумажныхъ нитей на 62.860,000 ф. стерл., но развитіе туземнаго бумагопрядильнаго производства шло быстрыми шагами впередъ; въ 1894 г. ввозъ нитей изъ Англіи и Индіи уменьшается почти въ 3 раза (21 милл. съ небольшимъ ф. стерл.). Въ началѣ 1885 г. Японія имѣла не болѣе 19 бумагопрядильныхъ фабрикъ съ 50 тысячами веретенъ, въ 1893 г. число фабрикъ дошло уже до 60, а количество веретенъ до 60,000, въ 1895 г. число веретенъ возросло уже до 580 тыс., черезъ два года въ 1897 г.—слишкомъ до 773½ тысячъ веретенъ, а къ сентябрю 1898 г. ихъ уже было значительно болѣе 900 тыс. Въ 1898 г.

число бумагопрядильныхъ фабрикъ возросло до 65, но сами фабрики, основанныя на акціонерныхъ началахъ, значительно увеличили свою производительность; въ среднемъ фабрики работали по 21 часу въ сутки и занимали до 59,348 рабочихъ, изъ которыхъ болѣ $^2/_3$ падало на женщинъ (45,455 женщинъ). Въ бумагопрядильномъ производствѣ Японія быстро старалась освободиться отъ необходимости импорта изъ-за границы. Насколько велики убытки для торговли европейцевъ отъ роста Японіи въ дѣлѣ развитія бумагопрядильнаго производства, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что ввозъ нитей изъ Англіи за 10-лѣтіе 1885—1894 гг. понизился на 40%, вывозъ изъ Индіи упалъ на 90%. Японія, наконецъ, выступаетъ уже въ качествѣ экспортнаго рынка результатовъ бумагопрядильнаго производства; уже въ 1894 г. она вывезла, преимущественно въ Китай, около $4^1/_2$ милл. фунтовъ нитей,—количество, которое возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Вся торгово-промышленная политика Японіи направлена прежде всего къ тому, чтобъ освободить свой рынокъ отъ наплыва европейскихъ товаровъ. Успѣхи Японіи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ я уже указалъ; я позволю себѣ привести еще два-три примѣра. Въ еще очень неотдаленномъ прошломъ японскіе дома освѣщались такъ наз. андо; — это были небольшіе свѣтильники, наполняемые растительнымъ масломъ, съ фитилемъ изъ растительныхъ веществъ; для огражденія отъ вѣтра андо окружали бумагой. Послѣ сближенія съ Европой керосинъ началъ быстро вытѣснять примитивные андо. Существуетъ даже поговорка: «съ лампой подулъ вѣтеръ культуры и потушилъ андо». Дѣйствительно теперь почти всюду можно уже встрѣтить европейскіе способы освѣщенія керосиномъ, даже въ селеніяхъ. До 1887 г. керосинъ шелъ преимущественно изъ Сѣверныхъ Американскихъ Штатовъ; затѣмъ Японія начала выписывать его изъ Россіи, а за послѣднее время и изъ Суматры. Ввозъ керосина за десятилѣтіе 1887—1897 г. сильно увеличился, почти въ три раза, именно съ 21 милл. галлоновъ до 61 милліона. Но въ Японіи имѣется и собственная нефть. На добычу ея теперь обращено особое вниманіе. Послѣ произведенныхъ изслѣдованій образовалось еще въ 1889 г. большое общество для разработки туземной нефти; машины были выписаны изъ Америки. Оттуда же были приглашены и инженеры. Вначалѣ дѣло пошло чрезвычайно хорошо. Общество ежемѣсячно вырабатывало почти 20 т. гектол., но затѣмъ добыча уменьшилась. Одновременно возникъ и цѣлый рядъ мелкихъ предпріятій и въ настоящее время въ провинціи Ехиго—центрѣ японской нефтепромышленности, уже существуетъ 750 буровыхъ скважинъ, 30 учрежденій для очистки нефти, въ которыхъ занято свыше 3,000 чиновниковъ и рабочихъ. Предполагается устройство и совершенствованіе нефте-очистительныхъ заводовъ и развитіе вообще нефтепромышленности. Дѣйствительно очистка нефти въ Японіи пока хуже, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но Японія надѣется придти этому на помощь поставить нефтепромышленность на должную высоту. Она мечтаетъ не только освободиться отъ иностранной нефти, но и приступить, какъ только это позволятъ обстоятельства, къ экспорту туземнаго керосина. Пока сами

японцы предпочитают иностранный керосинъ вслѣдствіе лучшихъ качествъ его; но нефтепромышленники начали сбывать свой товаръ къ менѣе разборчивымъ въ этомъ отношеніи корейцамъ, которые тѣмъ охотнѣе покупаютъ японскій керосинъ, что онъ хотя и худшаго качества, но значительно дешевле русскаго или американскаго. Это послѣднее обстоятельство позволяетъ сплавлять туземный керосинъ и въ болѣе глухіе уголки Японіи, гдѣ «вѣтеръ культуры», олицетворяемый керосиновою лампой, еще не успѣлъ задуть «признакъ варварства»—древній андо.

Пиво, преимущественно нѣмецкое, нашло себѣ прекрасный сбытъ въ Японіи; спросъ на него растетъ съ каждымъ годомъ. Потребленіе пива, наприм., 1898 г. превысило потребленіе 1897 г. на цѣлыхъ 20%. Для Германіи пиво составляетъ немаловажный предметъ экспорта. Вѣрная своей торгово-промышленной политикѣ Японія старается насадить у себя производство пива. Въ настоящее время уже существуетъ нѣсколько туземныхъ заводовъ и въ истекшемъ году образовалась еще большая акціонерная компанія для открытія большого пивовареннаго завода. Постепенно Японія надѣется вытѣснить европейское пиво съ своего рынка.

Не менѣе усилій приложено къ развитію мѣстнаго спичечнаго производства. Спички въ громадномъ количествѣ идутъ на восточные рынки и въ частности шли въ Японію. И здѣсь японцы сумѣли насадить свое производство. Центромъ спичечныхъ фабрикъ является Осака: въ ней одной теперь уже 38 фабрикъ, занимающихъ слишкомъ $11^1/_2$ тыс. рабочихъ, преимущественно женщинъ (5,622) и дѣтей (4,000). Рабочая плата ничтожна даже для Японіи: заработная плата мужчинъ не превышаетъ въ день 16—28 к., женщинъ—12—18 коп., дѣтей—8—16 коп. Какъ ни дешевы жизненные продукты въ «странѣ восходящаго солнца», какъ ни ограничены потребности рабочихъ, но всѣмъ очевидно, что плата слишкомъ ничтожна: японцы опасаются кризиса, если заработная плата не будетъ повышена. Благодаря дешевизнѣ производства и близости разстоянія японскія спички могутъ свободно конкуррировать съ европейскими. Рынокъ въ отношеніи и къ этому товару отходитъ отъ послѣднихъ; мало того, что ввозъ европейскихъ спичекъ въ Японію почти прекратился, но даже на китайскомъ рынкѣ японскія спички вытѣсняютъ европейскія: онѣ въ $2^1/_2$ раза дешевле европейскихъ. Неудивительно поэтому, что, наприм., въ 1895 г. въ Китай было ввезено японскихъ спичекъ въ $8^1/_2$ разъ больше, чѣмъ европейскихъ.

Приблизительно въ такомъ же положеніи стоитъ и сахарное производство: сахаръ въ Японіи преимущественно привозный. Въ теченіе, наприм., одного мѣсяца іюня 1897 г. Германія ввезла сахара на сумму 311,670 іенъ Съ пріобрѣтеніемъ Формозы, въ которой находится масса плантацій сахарнаго тростника, открылась для Японіи возможность получать оттуда не очищенный сахаръ; оставалось приступить къ постройкѣ сахарно-рафинадныхъ заводовъ: къ существовавшему раньше подобному заводу, съ капиталомъ въ 750 тысячъ долларовъ, присоединенъ еще въ 1895 г. другой

въ Осака, съ капиталомъ въ 1 милліонъ долларовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ вопросѣ о сахарѣ Японія, если и не освободится въ скоромъ времени отъ европейскаго ввоза, то во всякомъ случаѣ приведетъ къ значительному сокращенію импорта. Особенное вниманіе, наконецъ, обращено Японіей на развитіе у себя горнаго дѣла, въ особенности на добычу желѣзной руды. Японія сравнительно богата металлами; кромѣ желѣза, которое встрѣчается нерѣдко въ качествѣ магнитной окиси по морскому берегу и въ рѣчныхъ наносахъ, въ Японіи не мало прекрасной мѣди, равно серебра и золота. Минеральныя богатства пока еще мало разрабатываются. Вниманіе обращено преимущественно на желѣзо, въ которомъ очень нуждается Японія при быстромъ ростѣ своей обрабатывающей промышленности. Развивающійся спросъ на желѣзо долженъ въ непродолжительномъ времени достигнуть, если не достигъ еще, 80—130 тысячъ тоннъ.

Произведенныя изслѣдованія заставляютъ японцевъ предполагать, что ихъ страна будетъ въ состояніи собственными силами удовлетворять этому спросу, такъ какъ по приблизительному разсчету три пункта въ богатыхъ рудой провинціяхъ были бы въ состояніи доставить не менѣе 30 милл. тоннъ. Изслѣдованія производятся дальше и находятся все новыя мѣста рожденія желѣзной руды. Благодаря улучшенію путей сообщенія, провозъ руды изъ копей до Токіо сдѣлается почти въ 3 раза дешевле, чѣмъ это было раньше, а паденіе цѣнъ на каменный уголь, также почти въ три раза, дастъ возможность развиться широко мѣстной желѣзодѣлательной промышленности. Зная энергію японцевъ въ развитіи отечественной промышленности, нельзя сомнѣваться, что планы японцевъ и въ этомъ отношеніи въ скоромъ времени получатъ осуществленіе. Уже теперь, когда развитіе желѣзодѣлательнаго производства въ Японіи можетъ быть отнесено только въ будущее, немногіе заводы этого рода прекрасно выдѣлываютъ желѣзные товары и успѣшно конкуррируютъ съ иностранными.

Уже къ 1895 г. въ Японіи существовало 1,006 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ свыше 100 милл. долларовъ, 131 національныхъ банка и желѣзно-дорожныхъ компаній съ капиталомъ свыше 121½ милл. долларовъ, 11 обществъ для распространенія электрическаго освѣщенія съ номинальнымъ капиталомъ въ 2½ милл. долларовъ и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о ростѣ японской промышленности и объ оживленіи торговли. Японія не только стремится къ созданію собственной, независимой промышленности, къ освобожденію себя отъ ввоза европейскихъ товаровъ, но старается по возможности вступить въ конкурренцію съ Европой на иностранныхъ рынкахъ. Мною уже было указано, что японскій каменный уголь вытѣсняетъ уголь изъ другихъ странъ во многихъ мѣстахъ восточной Азіи, что японскія спички успѣшно конкуррируютъ съ иностранными въ Китаѣ, что въ Кореѣ Японія завоевываетъ себѣ новый рынокъ для своей промышленности, что развитіемъ собственнаго бумаго-прядильнаго производства Японія нанесла серьезный ущербъ Англіи и Индіи и т. д. Даже въ такихъ мелочахъ, какъ, напримѣръ, производство дождевыхъ зонтовъ, Японія успѣшно

вытѣсняетъ Европу. Въ прежнее время дождевые зонты англійской и нѣмецкой работы находили себѣ прекрасный сбытъ въ Китаѣ; но уже въ 1895 г. изъ 600 тыс. импортированныхъ въ Китай зонтовъ только 40 тыс. были европейскаго издѣлія, остальные шли изъ Японіи. Германія спеціально готовила въ громадномъ количествѣ оловянныя пуговицы, которыя она сбывала въ Китай; ученики Германіи сумѣли съ чрезвычайнымъ искусствомъ поддѣлать эти пуговицы, которыя двинулись въ Китай подъ видомъ нѣмецкихъ. Въ короткое время нѣмецкія издѣлія этого рода были вытѣснены японскими.

Такимъ образомъ развивающая свою промышленность и торговлю «страна восходящаго солнца» держится въ отношеніи къ Европѣ не только оборонительныхъ, но тамъ, гдѣ представляется возможнымъ, и наступательныхъ дѣйствій на поприщѣ мирной торговой конкурренціи. Между тѣмъ это только первые шаги: въ будущемъ слѣдуетъ ожидать вѣроятнаго большаго развитія конкурренціи съ Европой. Неудивительно, что многіе европейскіе дѣятели съ опасеніемъ смотрятъ на молодую страну: они не перестаютъ указывать на опасность, которую представляетъ возрожденная ихъ же усиліями Японія для европейской промышленности и торговли. Ученики, пожалуй, могутъ перерости, въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, своихъ учителей. Да и самимъ японцамъ могло ли сниться лѣтъ 30 тому назадъ, когда они рѣшили учиться у Европы, что ихъ страна такъ быстро разовьется, что въ одномъ Токіо окажется цѣлыхъ 40 тыс. рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ, что ихъ родина окажется въ состояніи вступить въ конкурренцію съ своими учителями. Этому быстрому росту содѣйствовало, кромѣ способности японцевъ къ усвоенію практическихъ свѣдѣній у Европы, кромѣ личныхъ способностей, патріотическаго чувства, заставляющаго скорѣе освободиться отъ нелюбимыхъ учителей, и тщеславнаго желанія возможно быстро догнать Европу, еще весьма важное обстоятельство, именно—дешевизна рабочихъ рукъ, которая даетъ возможность выпускать товары по крайне дешевой цѣнѣ; если они и нѣсколько худшаго качества, чѣмъ европейскіе,—сбытъ ихъ тѣмъ не менѣе обезпеченъ. Достаточно сравнить цѣны на европейскіе товары съ японскими, чтобы судить, насколько неблагопріятны условія первыхъ въ вопросѣ о конкурренціи: сундуки японскаго издѣлія стоятъ почти въ 4 раза дешевле иностранныхъ, зеркала—въ 2 раза, стѣнные часы почти въ 2 раза, шелковые дождевые зонты — въ $3^1/_2$ раза и т. д. Что же касается до шелковыхъ тканей, то Японія уже окончательно вытѣснила съ своего рынка иностранныя. Японія уже спѣшитъ вывозить и желѣзную проволоку, бумагу, мыло, минеральныя воды, пиво, лампы и пр., хотя всѣ эти предметы ей еще приходится выписывать изъ-за границы для удовлетворенія внутренняго спроса; она вывозитъ предметы своего производства, чтобы захватить новые рынки, которые ей сослужатъ громадную услугу впослѣдствіи. Такъ что, когда японская промышленность разовьется, европейскіе товары къ тому времени будутъ вытѣснены японскими. Но Японія идетъ далѣе: она старается найти сбытъ своимъ товарамъ въ Европѣ и не

только предметамъ японскаго стиля, который въ модѣ въ Европѣ, но, между прочимъ, и тѣмъ производствамъ, которыя возникли въ подражаніе европейскимъ. Можетъ показаться страннымъ, что въ настоящее время многія, наприм., нѣмецкія женщины закалываютъ себѣ волосы гребнемъ, привезеннымъ изъ Японіи; гребень — совершенно европейскій, но даже, пропутешествовавъ съ береговъ Тихаго океана въ Берлинъ, онъ оказывается дешевле гребня, сработаннаго въ Германіи. То же имѣетъ мѣсто и въ отношеніи къ нѣкоторымъ видамъ шелковыхъ тканей, зубнымъ щеткамъ и пр. Японія намѣревается установить, для усиленія экспорта своихъ товаровъ, правильные рейсы между своими и западно-европейскими равно и южнорусскими портами, предполагаетъ открыть цѣлую сѣть складовъ своихъ товаровъ въ крупныхъ центрахъ европейской торговли; она проектируетъ численное увеличеніе своихъ консуловъ, которые сыграютъ не маловажную роль въ дѣлѣ открытія японскимъ товарамъ новыхъ рынковъ: кромѣ Кореи, которую въ настоящее время экономически завоевываетъ Японія, предполагается учрежденіе консуловъ въ Китаѣ, въ Одессѣ и въ Перу, равно и учрежденіе постояннаго посольства въ Испаніи. Наконецъ, къ развитію же экспортной торговли направлена проектируемая мѣра объ уничтоженіи всѣхъ вывозныхъ пошлинъ. Однимъ словомъ, Японія не щадитъ силъ, чтобы, съ одновременнымъ развитіемъ своей промышленности, заблаговременно обезпечить ей и рынки, и смѣло выступаетъ въ торговую борьбу съ Европой не только на Востокѣ, но и на европейскомъ материкѣ.

Въ нѣсколько десятилѣтій Японія, проявивъ свои внутреннія, жизненныя силы, войдя въ сношенія съ европейской культурой, быстро выросла въ страну съ развитой промышленностью, смѣло вступающую въ конкурренцію съ своими учителями. Она доказала наглядно, что Востокъ способенъ къ культурѣ. Дѣйствительно, обновленная Японія преимущественно восприняла отъ Европы практическія знанія. Весьма характернымъ примѣромъ можетъ служить хотя бы распредѣленіе студентовъ по факультетамъ въ университетѣ г. Токіо, выпуска 1898 г.: изъ 353 студентовъ, получившихъ дипломы на степень доктора — 110 кончили курсъ на факультѣ техническихъ знаній, 107—на юридическомъ, 66—на литературномъ, 30—на медицинскомъ, 26—на физическомъ и всего 14—на сельско-хозяйственномъ факультетѣ. Практическія свѣдѣнія оказываются наиболѣе привлекательными для японскаго юношества: поэтому-то 284 студента прошли факультеты, обезпечивающіе имъ, при требованіи на техниковъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и медиковъ, вѣрный кусокъ хлѣба. Литературный» факультетъ, наименѣе обезпечивающій будущее, не много привлекъ слушателей. Бросается въ глаза и малое количество лицъ, спеціально изучающихъ сельское хозяйство въ странѣ, гдѣ болѣе $^3/_4$ населенія являются земледѣльцами. Японія вся ушла въ развитіе своей торгово-промышленной дѣятельности, въ политическую борьбу партій: сельское хозяйство оказывается въ настоящее время пасынкомъ японскаго общества. Въ чемъ этого нельзя не согласиться съ характеристикой восприятія европей-

ской цивилизаціи японцами, высказанной г. Лэддъ въ одной изъ его статей, посвященныхъ Японіи. Поскольку западная цивилизація, — пишетъ г. Лэддъ, — доставляетъ несомнѣнныя выгоды (военное дѣло, прикладныя естественныя науки, до извѣстной степени медицина), она воспринимается японцами съ несомнѣннымъ искусствомъ и съ удивительною быстротой. Но ко всему, что составляетъ великія основы общественной, политической, нравственной и религіозной мысли, что̀ являетъ собой характерныя основы внутренней цивилизаціи Европы—ко всему этому японцы чувствуютъ себя совершенно чуждыми. Очевидно, происходитъ это частью благодаря особенностямъ Японіи: гордая своимъ прошлымъ, своей исторіей, нравственной философіей, она не пошла искать этого у Европы, она имѣла, по ея взгляду, все, что ей нужно. Но ей недоставало утилитарныхъ свѣдѣній — и ихъ-то она и восприняла съ удивительной быстротой. Кромѣ того, въ эпоху, когда Японія, вступивъ на путь реформъ, немного окрѣпла, началась отчаянная погоня европейскихъ державъ за новыми рынками; учителя, быть можетъ и помимо своей воли, указывали собственнымъ примѣромъ на односторонній путь цивилизаціи, тѣмъ болѣе заманчивый для тщеславныхъ японцевъ, что онъ доставлялъ имъ возможность стать на кажущійся одинаковый уровень съ европейцами.

Всѣ соглашаются, что европейская цивилизація не проникла въ глубь японской жизни, что сильно ошибся бы тотъ, кто по широкимъ и чистымъ улицамъ Токіо и другихъ большихъ городовъ, увлеченный развитіемъ промышленности, путей сообщенія, развитой телеграфной и телефонной сѣтью, электрическими конками и т. п., сталъ бы судить о современной Японіи. Это лишь сравнительно легкій налетъ внѣшней культуры,—по существу своему Японія еще не успѣла цивилизоваться. Европейское платье, новые заимствованные изъ Европы титулы (маркизовъ, графовъ) скрываютъ тѣхъ же японцевъ, какими они были и до обновленія страны. Но можетъ ли это быть поставлено въ вину Японіи? Безусловно нѣтъ,—не достаточно нѣсколькихъ десятилѣтій, чтобы цивилизовать въ корень страну и менѣе изжившую себя, чѣмъ дореформенная Японія. За недостатками не слѣдуетъ забывать положительныхъ сторонъ. Японія поняла европейскую цивилизацію слишкомъ узко—и въ этомъ ея ошибка. Но въ томъ видѣ, въ которомъ она поняла ее, она сумѣла воспринять ее, переработать, и не ограничиться слѣпымъ подражаніемъ: Японія ищетъ самостоятельнаго пути развитія.

Много пожертвованій пришлось принести «странѣ восходящаго солнца», чтобы такъ скоро усвоить себѣ, хотя бы и односторонне, европейскую науку. Не трудно было, конечно, усовершенствовать свои боевыя силы, замѣнить прежній режимъ новымъ, заимствованнымъ изъ Запада, взять оттуда же и новый торговый уставъ и гражданскій и уголовный кодексы похвастать передъ Европой проектомъ уничтоженія смертной казни или введеніемъ правилъ, гарантирующихъ литературную собственность иностранцевъ въ Японіи, допустить, наконецъ, свободу вѣроисповѣданія. Послѣднюю ввести было уже совсѣмъ легко,—японцы не менѣе, чѣмъ китайцы, вѣро-

терпимы; преслѣдовалось только христіанство, но не какъ религіозная система, а въ качествѣ религіи иностранцевъ, отъ которыхъ японцы рѣшили окончательно закрыться въ XVII в. Но разъ началось сближеніе съ европейцами, разъ японцы пошли брать уроки у иностранцевъ,—христіанство тѣмъ самымъ должно было сдѣлаться свободнымъ и разрѣшеннымъ вѣроисповѣданіемъ. Японія любитъ доказывать Европѣ, что она прогрессируетъ въ культурномъ отношеніи гигантскими шагами и охотно принимаетъ законопроекты, которые могутъ лишній разъ подтвердить быстрый ростъ ея цивилизаціи. Всѣ эти реформы стоили Японіи не много и вознаграждались съ избыткомъ восторженными похвалами корреспондентовъ и путешественниковъ. Другое дѣло—поднятіе промышленности и торговли.

Въ этомъ отношеніи Японіи пришлось принести не мало жертвъ. Государственный бюджетъ на 1895—96 г. показывалъ доходовъ на 90.300,709 іенъ, расходовъ — на 89,757,445 іенъ. Сравнительно съ предшествующимъ 1894—95 г. доходы увеличились на $2^1/_2$ милл. іенъ, а расходы—на $9^1/_2$ слишкомъ милліоновъ іенъ. Бюджетъ могъ показаться вполнѣ удовлетворительнымъ. Но онъ былъ составленъ не совсѣмъ правильно; для покрытія военныхъ расходовъ былъ сдѣланъ заемъ въ 250 милл. іенъ, и объ этомъ источникѣ усиленія средствъ умалчивалось въ оффиціальной росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Въ настоящее время положеніе финансовъ Японіи еще менѣе выгодно, и оно не могло быть скрытымъ даже скрытными и самолюбивыми въ вопросахъ этого рода японцами. Составленная на 1899—1900 гг. государственная роспись отмѣчаетъ дефицитъ въ 37.606,300 іенъ (доходъ исчисляется въ 188.738,400 іенъ, расходъ—въ 226.344,700 іенъ). Министръ финансовъ графъ Матсуката, докладывавшій объ этомъ печальномъ положеніи государственнаго бюджета новому кабинету, правда, утѣшалъ, что этотъ дефицитъ легко пополнится прежде всего военной контрибуціей съ Китая въ размѣрѣ слишкомъ $3^1/_2$ милл. іенъ, а остальную сумму въ размѣрахъ почти 34 милл. іенъ не трудно получить увеличеніемъ нѣкоторыхъ налоговъ. Въ будущемъ онъ надѣется,—говорилъ министръ,—что финансовое положеніе его родины поправится. Дефицитъ произошелъ, по словамъ министра, вслѣдствіе необходимыхъ расходовъ по заключенію новыхъ договоровъ, проведенія въ жизнь новыхъ законовъ, усиленія образованія, улучшенія путей сообщенія, развитія новоприобрѣтенной Формозы, поднятія судоходства и увеличенія числа пароходовъ, равно и благодаря укрѣпленію Формозы и Гоккаидо.

Но еще раньше Японія была принуждена заключать займы. За послѣднее время займы вошли почти въ обычай. Былъ сдѣланъ заемъ у Англіи на постройку желѣзной дороги на Формозѣ, далѣе въ 1898 г. министръ путей сообщенія разрѣшилъ японскимъ предпринимателямъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ заключать внѣшніе займы, съ цѣлью привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ Японію. Одно изъ желѣзно-дорожныхъ обществъ поспѣшило воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ и заключило заемъ въ $^1/_2$ милл. марокъ у одной гамбургской фирмы, обязуясь погасить долгъ въ те-

ченіе 2-хъ лѣтъ, уплачивая 6%, причемъ еще 1% получаетъ, въ качествѣ поручителя, одинъ изъ банковъ въ Токіо. Другое желѣзно-дорожное общество хлопочетъ о займѣ у одной иностранной фирмы въ Йокагамѣ. Съ цѣлью поднятія промышленности, Японія рѣшилась прибѣгнуть къ крупному займу въ Англіи; ей требовалась сумма въ 230—240 милл. іенъ съ обязательствомъ уплатить въ теченіе 30 — 50 лѣтъ. Переговоры велись долго: повидимому, англійскіе капиталисты затруднялись повѣрить и безъ того уже сильно задолженной Японіи такую крупную сумму. Для развитія промышленности и торговли Японія готова на всевозможныя жертвы: предполагая уничтожить всѣ вывозныя пошлины, Японія ожидаетъ избытокъ въ $2^1/_2$ милл. іенъ, но надѣется его возмѣстить новымъ таможеннымъ тарифомъ, который дастъ будто бы доходовъ на $10^1/_2$ милл. іенъ.

Какъ бы то ни было, но финансовое положеніе Японіи оставляетъ желать много лучшаго; правительство изыскиваетъ новые источники дохода. Предшественникъ современнаго министра финансовъ предлагалъ введеніе сахарной монополіи, что должно было бы увеличить доходъ казны на 20 милліоновъ іенъ «а это не могло бы оказаться очень тяжкимъ для населенія». Но населеніе и безъ того уже сильно обложено, въ особенности занимающееся сельскимъ хозяйствомъ, а оно, какъ я говорилъ уже, составляетъ болѣе $^3/_4$ всѣхъ жителей Японіи. Земледѣлецъ-японецъ отличается трудолюбіемъ; все, что можно получить при самой тщательной обработкѣ небольшихъ участковъ въ $^1/_2$—2 гектара, онъ извлекаетъ благодаря своему неутомимому трудолюбію. Но надъ нимъ тяготѣютъ налоги и при этомъ чрезвычайно тяжелые: ему приходится уплачивать до 4% своего валового дохода. Неудивительно, что японскій крестьянинъ живетъ въ бѣдности, которую позволяетъ ему переносить часто лишь почти полное отсутствіе потребностей, кромѣ самыхъ необходимыхъ. Рабочая плата, какъ я упоминалъ неоднократно, крайне низка; между тѣмъ цѣны на предметы первой необходимости растутъ съ значительною быстротой и во всякомъ случаѣ быстрѣе, чѣмъ заработная плата. Рисъ, главное питаніе небогатыхъ японцевъ, сильно поднялся въ цѣнѣ. До настоящаго времени кризиса еще возможно было избѣгнуть, но онъ долженъ наступить въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени: это не скрываютъ отъ себя ни европейцы, ни просвѣщенные японцы. Быстрое возникновеніе новыхъ промышленныхъ предпріятій порождаетъ сильную конкурренцію, многія предпріятія рушатся и результатомъ этого оказывается нѣсколько сотъ рабочихъ, внезапно выброшенныхъ безъ заработка на улицу. Въ декабрѣ 1897 г., наприм., число рабочихъ на фабрикахъ въ Токіо равнялось 40 тысячамъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ было всего 35,883.

Если отрѣшиться отъ перваго впечатлѣнія, которое могутъ произвести европейскія нововведенія въ японскихъ городахъ, если не дать себя ослѣпить ни свѣтомъ электрическихъ фонарей, ни внѣшнимъ блескомъ улицъ, магазиновъ и заводовъ, не запутаться въ многочисленной сѣти телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ,—европеецъ, относясь къ Японіи безпристрастно,

долженъ будетъ признать, что европейскій лоскъ—пока только внѣшній лоскъ, что, удачно конкуррирующая въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности съ Европой,—Японія переживаетъ тяжелое для нея время: это эпоха высшаго напряженія національныхъ и государственныхъ силъ во имя одной идеи—не дать европейцамъ возможности завоевать экономически Японію и обезпечить себѣ новые рынки на будущее. Этотъ внѣшній блескъ, которымъ хвастаютъ японцы и который ослѣпляетъ многихъ европейцевъ, разсматривающихъ Японію поверхностно, прикрываютъ еще множество некультурныхъ чертъ: бѣдное, почти разоренное сельское населеніе, на которое падаетъ главная тяжесть по доставленію средствъ для развитія страны, и съ каждымъ годомъ все болѣе ощущающее увеличеніе цѣнъ на предметы первой необходимости многочисленное рабочее населеніе. Подобное положеніе дѣлъ не можетъ считаться нормальнымъ. Результатомъ европейской дѣятельности въ Японіи было пріобщеніе ея къ капиталистическому строю Европы: японцы оказались талантливыми учениками, хорошо воспользовались уроками и приводятъ частью въ восторгъ, частью въ страхъ своихъ учителей. Въ лицѣ Японіи выросло крупное торгово-промышленное государство, успѣхи котораго были для Европы неожиданными. Но для достиженія этихъ успѣховъ, для введенія образованія, для устройства желѣзныхъ дорогъ и крупныхъ предпріятій, Японіи пришлось принести слишкомъ большое количество жертвъ. Она наканунѣ кризиса и съ этимъ готовы согласиться всѣ. Окажется ли она въ состояніи выдержать его? Вѣроятнѣе всего—да. Кризисъ неизбѣженъ во всякой странѣ, слишкомъ быстрымъ темпомъ идущей къ рѣзкому измѣненію стараго экономическаго строя. Но новый строй уже пустилъ глубокіе корни и не можетъ быть исторгнутъ: необходимость заставитъ Японію обратить вниманіе и на сельское хозяйство, и на положеніе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Многія изъ фабрикъ устроены по лучшимъ европейскимъ образцамъ; въ нихъ введены и школы, и больницы, и сберегательныя кассы, и дешевые обѣды. Но ненормальность заключается въ развивающейся дороговизнѣ жизненныхъ продуктовъ и въ слишкомъ ничтожной рабочей платѣ. Кризисъ экономическій, если его не удастся избѣгнуть своевременными мѣрами, вынудитъ Японію не только гнаться за Европой въ развитіи промышленности и удобствъ жизни, онъ покажетъ ей и ея собственныя нужды, и откроетъ средства для удовлетворенія послѣднихъ. Японія наглядно доказала, что она способна къ цивилизаціи, не подчиняясь европейскому игу; она въ этомъ отношеніи убѣдила подчасъ слишкомъ поспѣшныхъ въ своихъ сужденіяхъ европейцевъ, что дремлющія силы Востока не могутъ пробудиться и пересоздать отжившія формы, замѣнить ихъ новыми безъ рабскаго подчиненія европейскимъ учителямъ. Японія, если такъ можно выразиться, спасла честь Востока въ глазахъ цивилизованной Европы, готовой объявить его неспособнымъ къ культурѣ: она доказала, наконецъ, что у ней есть не только достаточно жизненныхъ силъ къ обновленію, но что къ можетъ достать и на «сохраненіе Японіи для японцевъ».

Ошибки, промахи въ молодомъ государствѣ неизбѣжны: ихъ не избѣжала и Японія. Она слишкомъ односторонне восприняла европейскую культуру и за эту ошибку ей предстоитъ расплатиться временнымъ экономическимъ кризисомъ. Было бы желательно, конечно, чтобы помимо торгово-промышленной, и другія стороны культуры Европы, которыми она гордится, какъ созданіемъ своего лучшаго генія, нашли доступъ къ Японіи. Слѣдуетъ надѣяться, что это и будетъ впослѣдствіи. Философская мысль уже начинаетъ оказывать свое вліяніе; японскіе художники уже начинаютъ подражать европейскимъ; болѣе близкое знакомство съ произведеніями европейской литературы рано или поздно прольетъ освѣжающую струю въ японскую литературу; въ Японіи получатъ право гражданства не одни утилитарныя и прикладныя науки. Гуманитарныя идеи не будутъ выражаться только въ слѣпомъ подражаніи болѣе культурнымъ европейскимъ законамъ,—онѣ войдутъ во всеобщее сознаніе. Но нельзя всего этого требовать сразу: прошло всего какихъ-нибудь 30 лѣтъ со времени обновленія страны; обстоятельства и примѣръ самой Европы должны были натолкнуть Японію, направить реформы на развитіе своей промышленности и торговли, и въ рѣшеніи вопроса, способенъ ли Востокъ къ воспринятію культуры въ европейскомъ смыслѣ этого слова, Японія сумѣла отвѣтить утвердительно и подтвердила слово дѣлами. Для возрождающихся или только пробуждающихся странъ Востока примѣръ Японіи крайне поучителенъ: они могутъ избѣгнуть ошибокъ ея и предотвратить тяжелый кризисъ, который предстоитъ выдержать, какъ мы надѣемся, стойко «странѣ восходящаго солнца».

Н. Харузинъ.

Образовательный проектъ конца вѣка.

I.

Въ концѣ прошлаго года профессоръ Казанской духовной академіи Несмѣловъ напечаталъ въ Казани, подъ скромнымъ названіемъ: *О цѣли образованія,* мотивированный, хотя и не разработанный въ подробностяхъ проектъ замѣны гимназій и университетовъ «церковной школой».

Этотъ проектъ не былъ отмѣченъ нашею печатью—вѣроятно потому, что провинціальныя изданія вообще очень мало извѣстны въ столицахъ.

Между тѣмъ онъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ типическое знаменіе времени, какъ характерный симптомъ теперешняго идейнаго «безвременья». Проф. Несмѣловъ—только одинъ изъ легіона современныхъ дѣльцовъ, которые съ легкимъ сердцемъ ставятъ крестъ надъ крохотной гражданственностью и цивилизаціей, добытыми тяжелымъ трудомъ сотенъ поколѣній,—дѣльцовъ, умственныя усилія которыхъ направлены не на помощь ближнему, не на исканіе выхода изъ общаго критическаго положенія, а на придумываніе все новыхъ и новыхъ «ежовыхъ рукавицъ». Ими радостно подхватывается малѣйшій промахъ нашего злосчастнаго просвѣщенія, чтобы сейчасъ же начать противъ него крестовые походы...

При этомъ часто забываются элементарныя приличія и правила морали, основные завѣты исторической жизни.

Ниже мы познакомимся съ общимъ характеромъ и содержаніемъ брошюры проф. Несмѣлова. Пока замѣтимъ, что онъ не безъ умысла, конечно, забылъ о великомъ выводѣ, основанномъ на горькомъ опытѣ нашего прошлаго и нашедшемъ себѣ прекрасную формулировку у Ломоносова и кн. В. Ѳ. Одоевскаго: «не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркулемъ, таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтыри научиться можно астрономіи или химіи»; «а наши умники?! Кто вовсе считаетъ и грамоту дѣломъ безполезнымъ, кто хочетъ держать нашихъ умныхъ, но вполнѣ невѣжественныхъ поселянъ на Часовникѣ! Какой нехристь будетъ отвергать и религіозную, и нравственную пользу Часослова и Псалтыри? Но какой неучъ будетъ считать ихъ

достаточными не только для геологическихъ, минералогическихъ, ботаническихъ, вообще для физическихъ свѣдѣній, но даже для содѣйствія ихъ наблюденію природы, къ уразумѣнію промышленныхъ видовъ, къ предметамъ, отъ коихъ зависитъ благосостояніе, даже безопасность страны?»

Лучшіе люди русскаго прошлаго возставали противъ отождествленія образованія и просвѣщенія съ церковностью, противъ смѣшенія ихъ задачъ, но даже въ концѣ XIX в. находятся профессора высшаго учебнаго заведенія, которые принимаютъ это смѣшеніе за исходный пунктъ своихъ хитросплетенныхъ измышленій...

Но обратимся къ подробностямъ.

II.

Проф. Несмѣловъ очень краснорѣчивъ,— такъ краснорѣчивъ, что читателю минутами даже жутко становится: образованіе, напримѣръ, у него «едва-едва возвышается надъ *ступенью рѣшительнаго невѣжества*» (стр. 8); возможны случаи «прямого *столкновенія* съ какимъ-нибудь *повѣтріемъ разсудочнаго невѣрія*» (ibid.); «*нужно* еще создать въ головѣ *живое ядро*, которое могло бы *всасывать* въ себя *нужные* ему матеріалы изъ всей груды пріобрѣтенныхъ познаній и, *развиваясь на счетъ этихъ матеріаловъ*, могло бы *вырости въ живой организмъ* ясныхъ представленій о мірѣ и человѣкѣ и вмѣстѣ съ тайной бытія могло бы освѣтить человѣку цѣнность и цѣли его жизни» (стр. 15 — 16); нѣсколько ниже это же «живое ядро» «*претворяетъ* данныя научныхъ познаній въ *живое* міровоззрѣніе» и т. д.

Все это такъ живо напоминаетъ осмѣянныя Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ Бенедиктовскія «горы—побѣги праха въ небеса, рванувшіеся въ высь и повиснувшіе отъ ужаса между небомъ и землею», или «бурьяни вѣтри, тихо повѣвающе» не менѣе краснорѣчиваго Кирилла Туровскаго.

III.

Проф. Несмѣловъ очень недоволенъ современной свѣтской школой и современнымъ свѣтскимъ образованіемъ. Ихъ мертвенному формализму, безъидейности, ирреліогіозности, полной несостоятельности передъ требованіями жизни и запросами тоскующей современной души онъ противопоставляетъ свой сложный педагогическій идеалъ, въ которомъ своеобразно объединяются особенности древне-русской педагогіи, современной духовной школы и культурныя пріобрѣтенія новѣйшаго времени.

Современной духовной школой онъ и доволенъ, и недоволенъ—по мѣрѣ надобности.

По его мнѣнію, вмѣсто разлагающейся и доказавшей свою несостоятельность свѣтской школы нужно поставить «церковную школу»—измѣненную и не измѣненную, тоже по мѣрѣ надобности.

Проф. Несмѣловъ своеобразно развиваетъ и доказываетъ эту своеобразную мысль.

IV.

По его собственнымъ словамъ, допетровское церковное образованіе (первый элементъ своеобразнаго синтетическаго идеала г. Несмѣлова) «было весьма неудовлетворительно», «не давало и не могло давать ни глубокаго усвоенія христіанскихъ догматовъ, ни широкаго построенія христіанскаго міровоззрѣнія», «не въ состояніи было преодолѣть даже и глубокой тьмы языческихъ суевѣрій» и оказывалось «безпомощнымъ» передъ всякимъ «повѣтріемъ разсудочнаго невѣрія», такъ что «бѣдные русскіе книжники въ сущности имѣли въ своемъ распоряженіи только одно дѣйствительное средство отъ этого повѣтрія—боязливо открещиваться отъ него, какъ отъ бѣсовскаго навожденія» (стр. 8). Для полноты впечатлѣнія г. Несмѣловъ могъ бы вспомнить и знаменательныя слова стариннаго «справщика»: подавляющее большинство современнаго ему русскаго общества не знало «ни православія, ни кривославія, божественныя писанія по чернилу проходятъ, разума же въ нихъ не нудятся свѣдѣти»...

Но,—продолжаетъ нашъ авторъ,—«наши прежніе книжные люди, естественно, цѣнили знаніе только по его высокому нравственному значенію, какъ средство къ выработкѣ живого міровоззрѣнія, какъ дѣйствительное средство къ образованію человѣка... Они искали въ знаніи лишь яснаго раскрытія тайны бытія и правильнаго опредѣленія истинной цѣли жизни» (стр. 9). Это знаніе и міровоззрѣніе давала имъ церковная школа, церковная проповѣдь, раскрывая христіанское ученіе.

Такъ какъ древне-русское общество было очень далеко отъ духа христіанскаго вѣроученія и, за рѣдкими исключеніями, отличалось грубымъ невѣжествомъ, то читателю и остается недоумѣвать, откуда взялись формулированные г. Несмѣловымъ взгляды...

Кто хоть немного знакомъ съ исторіей и основнымъ характеромъ древнерусской религіозной мысли, тотъ врядъ ли подпишется подъ слѣдующими словами г. Несмѣлова: «Въ изученіи христіанства наши старые учители нашли для себя всю полноту возможнаго и желательнаго образованія. Въ отношеніи полноты образованія они, разумѣется, ошибались, но въ своихъ надеждахъ на изученіе христіанства, какъ на дѣйствительное средство къ достиженію истиннаго образованія, они были оправданы самою жизнію. Церковная проповѣдь дѣйствительно создавала въ нашихъ предкахъ всѣ духовные интересы жизни и развивала всѣ высшіе запросы ихъ мысли, и вызывала въ нихъ самую потребность образованія. И церковное ученіе, по мѣрѣ возможности, дѣйствительно удовлетворяло эту потребность въ раскрытіи цѣльнаго міровоззрѣнія, единственнаго по глубокому смыслу, чудеснаго по своему исключительному содержанію и вѣчнаго по своему жизненному значенію. Въ раскрытіи этого міровоззрѣнія собственно и заключалась вся сущность церковнаго ученія. Оно не имѣло въ виду условныхъ интересовъ

и цѣлей жизни и потому не могло давать человѣку такихъ практически-полезныхъ познаній, которыя могли бы доставить ему наилучшую жизнь при наибольшей степени матеріальнаго довольства. Вся его цѣль заключалась въ раскрытіи Божіей правды о человѣкѣ, и оно давало лишь такое познаніе человѣку, которое было необходимо ему ради того одного, что онъ человѣкъ, и которое могло служить ему только къ удовлетворенію высшихъ интересовъ и цѣлей духа ради ихъ вѣчной нравственной цѣнности и ради значенія ихъ въ достиженіи истинной цѣли человѣка. Въ виду этого, не отвѣчая увлеченію злобами дня, церковное ученіе по своему характеру и цѣли вполнѣ, однако, отвѣчало образовательнымъ стремленіямъ человѣка, и потому именно въ теченіе многихъ вѣковъ оно служило у насъ единственнымъ средствомъ къ достиженію общаго образованія. И богатый купецъ, и бѣдный крестьянинъ, и вельможный бояринъ, и самъ царь московскій получали одно и то же образованіе, потому что церковное ученіе давало просвѣщеніе только человѣку, независимо отъ его состоянія и общественнаго положенія, и въ каждомъ искателѣ просвѣщенія оно видѣло только человѣка» (стр. 9—10).

Въ древней Руси было «просвѣщеніе, и просвѣщеніе настолько глубокое и жизненное, что имъ и теперь еще живетъ русскій народъ» (стр. 10)— просвѣщеніе христіанское.

«Было просвѣщеніе»—«не было просвѣщенія»!... Вѣдь старинное церковное образованіе «не давало и не могло давать ни глубокаго усвоенія христіанскихъ догматовъ, ни широкаго построенія христіанскаго міровоззрѣнія»!

Правая рука проф. Несмѣлова, конечно, знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, но посмотримъ, на сторонѣ которой изъ нихъ историческая правда.

Мы думаемъ, что *второй, оптимистическій* взглядъ на культурную роль христіанства въ древней Руси находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реальными фактами, которые были выдвинуты и свѣтскими, и *духовными* историками.

Вотъ наудачу нѣсколько выдержекъ, рельефно рисующихъ характеръ нашего стариннаго религіознаго сознанія и образованія.

Профессоръ Казанской духовной академіи Порфирьевъ, въ ряду другихъ фактовъ крайняго религіознаго невѣжества, указываетъ, наприм., на то, что новгородскій архіепископъ XIV в. Василій признавалъ, ссылаясь на апокрифическія сочиненія, существованіе рая и ада на землѣ (*Ист. русск. слов.*, I, стр. 462).

Н. С. Тихонравовъ (рецензія на Галахова, стр. 90) цитируетъ характерныя слова Курбскаго: «нынѣшняго вѣку мнящіеся учители больше въ болгарскія басни, албо паче въ бабскія бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются». По словамъ датскаго посланника XVI в. Ульфельда (см. московское изданіе его путешествія, 1889 г., стр. 17—18), русскіе «не знаютъ и вовсе не понимаютъ Священнаго Писанія, приводя вмѣсто Евангелія враки и басни и почитая оныя за божественныя пророчанія».

Преосв. Филаретъ, въ своей *Исторіи русской церкви* (III, стр. 95), говоря о школѣ и просвѣщеніи XVI в., спрашиваетъ со скорбью: «Гдѣ тутъ знаніе вѣры? Гдѣ знаніе правилъ жизни духовной? Гдѣ знаніе исторіи церкви, ея обрядовъ, ея благочестія?».

П. Н. Милюковъ (*Очерки*, II, стр. 14) соглашается «съ мнѣніемъ проф. Московской духовной академіи и историка русской церкви, Е. Е. Голубинскаго, что народная масса древней Руси *еще ничего* не успѣла усвоить въ домонгольскій періодъ,—ни внѣшности, ни внутренняго смысла, ни обряда, ни сущности христіанской религіи. Масса осталась, попрежнему, языческою». Иностранцы изумлялись религіозному невѣжеству и языческому настроенію русскаго народа XVI—XVII вв. «Въ 1620 г. одинъ ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, защищалъ въ упсальской академіи диссертацію на тему: »Христіане ли московиты?» (ib., стр. 19). Нилъ Сорскій долженъ доказывать своимъ оппонентамъ—іосифлянамъ, «что не всякій клочокъ писанной бумаги есть священное писаніе, что «писанія многа, но не вся божественна суть»: «Кая заповѣдь Божія, кое отеческое преданіе, а кое—человѣческій обычай» (ib., стр. 31).

Много подобныхъ фактовъ указано и у В. А. Мякотина (*Аввакумъ*, 15—17). «Подъ 1476 г. можно прочесть въ новгородской лѣтописи такую запись: «той же зимы нѣкоторые философове начаша пѣти: «о Господи помилуй», а друзіи: «Господи помилуй». Если это разногласіе, даже не заслуживающее такого имени, эти споры философовъ заносились въ лѣтопись, какъ важное событіе, то легко себѣ представить, какимъ убожествомъ отличалась русская религіозная мысль того времени (XIV—XVII вв.)... Предписываются (духовною литературой), наприм., подобныя правила (освѣщенныя религіознымъ авторитетомъ): «аще плаваеши въ ладіи, помяни своего ангела Гавріила, и избавитъ тя отъ всякаго зла; аще хощеши итти по горамъ и пустынямъ, помяни святого ангела Разаила, соблюдетъ тя; аще воду піеши, помяни святого ангела Ноиля; егда ложися спати, помяни святого ангела Помаила»... и т. д. вплоть до предписанія поминать особаго ангела, когда пьешь вино или медъ, идешь судиться или отправляешься на пиръ». По словамъ Маржерета (XVII в.), «таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую во Единаго. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія» (ibid.).

Прекрасныя иллюстраціи къ широковѣщательнымъ словамъ профессора Несмѣлова!

Онъ могъ бы возразить, что почти всѣ эти данныя относятся къ простонародію и свѣтскимъ людямъ. Но вотъ что указано, наприм., въ представленной Московской духовной академіи диссертаціи г. Преображенскаго: *Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в.* (М., 1881 г.): «Невѣжественно было тогдашнее монашество» (стр. 21); отцы Стоглаваго собора (сами очень невѣжественные) отзывались о тогдашнихъ учителяхъ, что они «мало грамотѣ умѣли и силы въ божественномъ писаніи не разумѣли», а, по словамъ Геннадія, эти учителя только портили учениковъ,—

«отойдетъ отъ мастера и ничего не умѣетъ,—едва, едва бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ» (стр. 22); по словамъ Курбскаго, «мы (русскіе) гладомъ духовнымъ истаеваемъ» (стр. 23); въ XVI в. даже епископы иногда «мало учены бѣша грамотѣ», а большинство духовныхъ властей знало писанія только «по чернилу» (стр. 35); Флетчеръ такъ передастъ свое собесѣдованіе съ вологодскимъ епископомъ: «я предложилъ ему Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ и указалъ ему на первую главу Евангелія св. Матѳея. Онъ сталъ читать очень бѣгло. Тогда я спросилъ: какую часть Св. Писанія прочелъ онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не можетъ отвѣчать точно. Сколько же Евангелій въ Новомъ Завѣтѣ: онъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ. А сколько апостоловъ? И онъ даже заподозрилъ, что ихъ было двѣнадцать... Наконецъ, я его спросилъ: почему онъ сдѣлался монахомъ? И онъ мнѣ отвѣтилъ: для того, чтобъ ѣсть хлѣбъ въ покоѣ» (стр. 36). Г. Преображенскій говоритъ дальше о «жалкомъ состояніи у насъ религіозного просвѣщенія» (стр. 41), доказываетъ, что «Россія XVI в. представляла страну по преимуществу *внѣшняго* благочестія» (стр. 42), что «народъ коснѣлъ въ невѣдѣніи спасительныхъ истинъ христіанскаго ученія» (стр. 48), что, благодаря отсутствію образованія, «древняя Русь представляла для насажденія и развитія христіанства почву весьма неудобную, неочищенную отъ укоренившихся на ней сорныхъ произрастаній, которыя и заглушали сѣмена христіанскаго ученія» (стр. 61—62) и т. д.

Мы могли бы привести десятки и сотни подобныхъ фактовъ, относящихся къ разнымъ вѣкамъ, но и приведеннаго, кажется, вполнѣ достаточно для опроверженія высказаннаго г. Несмѣловымъ положенія. Впрочемъ, приводя рядъ фактовъ, мы имѣемъ въ виду не одно только опроверженіе: намъ хотѣлось показать, *какіе* факты умышленно игнорируетъ г. Несмѣловъ, такъ какъ онъ не можетъ ихъ не знать,—вѣдь онъ профессоръ духовной академіи и, повидимому, историкъ... Кромѣ того, въ началѣ своей брошюры (стр. 8), какъ уже было указано, онъ сообщаетъ діаметрально противоположныя данныя и соображенія.

Въ чемъ же причина такого рѣзкаго, не прикрытаго, нисколько не замиреннаго противорѣчія? Въ какой мѣрѣ можно признать его безсознательнымъ?

Проф. Несмѣловъ, повидимому, нисколько не конфузится его и очень развязно переходитъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, проговариваясь по пути не безъ наивности о своихъ затаенныхъ цѣляхъ и побужденіяхъ: «это сужденіе (о высотѣ христіанскаго просвѣщенія въ древней Руси) нисколько не покажется страннымъ, если надлежащимъ образомъ поставить и выяснить рѣшеніе такого вопроса: какимъ путемъ изъ индифферентнаго прежде народа, который по одному только рѣшенію княжескаго совѣта спокойно (?) мѣнялъ одну вѣру на другую *), и цѣлыми

*) Г. Несмѣловъ забываетъ о „крещеніи огнемъ и мечомъ“ Путяты и Добрыни, движеніи волхвовъ, номинальномъ принятіи христіанства, многовѣковомъ язычествѣ народныхъ массъ въ христіанскую уже пору, и т. д.

толпами отправлялся на берега рѣкъ принимать крещеніе въ новую вѣру,—какимъ путемъ изъ этого народа образовался великій духомъ народъ, способный глубоко проникаться высшими интересами жизни и безъ конца могущій жертвовать собой за правую вѣру? Конечно, его сдѣлало такимъ христіанство. Но вѣдь христіанство не могло бы войти въ его плоть и кровь *), если бы не пришла къ нему на помощь церковная школа, создавшая ему столь же убѣжденныхъ исповѣдниковъ и проповѣдниковъ его истины, сколько было создано ею и книжныхъ людей на Руси **). Пусть (!) образованіе этихъ людей было ненаучно, и крайне узко и односторонне, и страдало всякими недостатками; при всѣхъ недостаткахъ своихъ оно все-таки было дѣйствительнымъ образованіемъ, потому что оно дѣйствительно создало въ людяхъ человѣческія мысли и чувства и дѣйствительно развило въ нихъ духовную мощь высоко нравственнаго сознанія и живого религіознаго самоопредѣленія (напримѣръ, *Домострой*?). Изъ людей этого образованія не могли выходить великіе ученые, но могли выходить и дѣйствительно выходили великіе подвижники вѣры и доблестные защитники ея, и древняя русская исторія, совсѣмъ не зная великихъ ученыхъ, знаетъ однако не мало великаго духа людей» (10—11). Г. Несмѣловъ благоразумно умалчиваетъ о чинѣ этихъ «великихъ подвижниковъ»...

Такимъ образомъ клерикально-патріотическія увлеченія заранѣе предрѣшили общій выводъ относительно русскаго народа, причинъ его величія и характера его древняго просвѣщенія, хотя бы онъ шелъ въ разрѣзъ съ общеизвѣстными фактами. Дѣло вѣдь, собственно, не въ томъ, *какъ* сказать, а въ томъ, *что* сказать: относительно логики можно и не смущаться. Вся суть дѣла въ основномъ положеніи, и высказать его—важнѣе, чѣмъ обосновать...

V.

По словамъ г. Несмѣлова, Петровская эпоха, знавшая только грубо-утилитарную, узко-сословную, профессіональную школу, направила открытую имъ «идеальную» церковную школу по ложному пути: «вмѣсто общенародныхъ и общеобразовательныхъ церковныхъ школъ прежняго времени самою церковною властію были созданы новыя церковныя школы—сословныя и профессіональныя» (13). Но до Петра школъ почти не было, и тѣ, которыя были, отличались, за рѣдкими исключеніями, узко-профессіональнымъ характеромъ, обучая только «четью-пѣтью церковному» и подготовляя причетниковъ...

*) Это рѣшительное утвержденіе любопытно сопоставить съ предшествующимъ столь же рѣшительнымъ отрицаніемъ (стр. 8).

**) Съ этой точки зрѣнія авторъ „Домостроя“, Іосифъ Волоцкій, Даніилъ и Макарій—лучшіе исповѣдники истиннаго христіанства, такъ какъ они были типичнѣйшіе „книгочіи“ старой Руси.

Подчиненіе цѣли и общаго характера духовнаго образованія практическимъ интересамъ и нуждамъ церкви, обособленіе свѣтскаго образованія, съ точки зрѣнія г. Несмѣлова,—не естественный результатъ соціальной дифференціаціи, настоятельныхъ потребностей жизни, внутренняго роста спеціальныхъ областей знанія и т. д., а прискорбная «ошибка». При этомъ религіозное образованіе и воспитаніе пріурочиваются только къ духовной школѣ—единственному будто бы ихъ источнику, хотя раньше въ качествѣ другого такого источника была указана церковная проповѣдь...

«При созданіи высокаго (?) образованія для членовъ церковнаго причта была оставлена (?) забота о развитіи духовнаго образованія среди членовъ церкви, и потому русское общество, искавшее образованія, естественно должно было искать себѣ другого образованія, независимо отъ своихъ христіанскихъ вѣрованій. Въ силу же этого оно постепенно отвыкло (?) отъ религіознаго образованія, потеряло живое стремленіе къ нему, утратило и самый интересъ къ нему и въ концѣ концовъ оказалось совершенно индифферентнымъ къ вопросамъ религіозной мысли и къ теченію церковной жизни. Тяжкій грѣхъ спеціализаціи христіанско-богословскаго образованія подавлялъ его могучее, когда-то жизненное значеніе. Образованное духовенство и образованное общество въ Россіи стали говорить на разныхъ языкахъ и не только престали (sic) понимать другъ друга, но и очень замѣтно стали мѣшать другъ другу» (стр. 14).

Изумительная логика и оригинальная схема русскаго развитія!

Старая школа, учившая только «четью - пѣтью», удовлетворяла всѣмъ самымъ высокимъ запросамъ русской души; новѣйшая высшая духовная школа съ ея многочисленными и общеобразовательными предметами—«тяжкій грѣхъ спеціализаціи»; ради свѣтскихъ цѣлей общество ищетъ свѣтскаго образованія и *поэтому* дѣлается *иррелигіознымъ*... Впрочемъ, въ концѣ брошюры опять появится общеобразовательный характеръ современной духовной школы, когда она будетъ предложена взамѣнъ школы свѣтской...

Затѣмъ, во главѣ угла этого хитросплетенія поставлена миѳическая общеобразовательность старой школы, сильно преувеличенной въ ея значеніи — рядомъ съ совершенно произвольной характеристикой древняго просвѣщенія; совершенно упускаются изъ виду общеобразовательныя стремленія Петровской эпохи (Ѳ. Прокоповичъ, Салтыковъ, Татищевъ, Курбатовъ и др.) и соединеніе общеобразовательныхъ и профессіональныхъ задачъ въ новѣйшей школѣ; въ концѣ-концовъ совершенно произвольно отождествляется общее образованіе съ образованіемъ религіознымъ. Исторія недоразумѣній между церковью, духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ, ихъ обособленія и эволюція очень любопытны и поучительны, но г. Несмѣловъ далекъ отъ ея правильнаго пониманія и воспроизведенія...

Иначе онъ не утверждалъ бы, что «исторія нашего образованія представляетъ изъ себя почти невѣроятную исторію всевозможныхъ поддѣлокъ подъ него» (стр. 17); что всѣ идейныя теченія, общественныя и литературныя направленія XVIII и начала XIX вв.—явленія «совершенно непо-

нятныя и вовсе ненужныя по условіямъ русской жизни» (ibid.); что «наше интеллигентное общество само не въ состояніи было создать себѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія и могло пробавляться лишь тѣмъ, что случайно ему западнымъ вѣтромъ надуетъ и тѣмъ же вѣтромъ снова выдуетъ» (ibid.) А Новиковъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Щедринъ? Забыто то, что большинство этихъ направленій — необходимая ступень въ развитіи *общеевропейской* или даже *общечеловѣческой* мысли, что они были результатомъ *общихъ* условій, что имъ мы въ значительной степени обязаны тѣмъ, чѣмъ красна и свѣтла наша жизнь...

Многое забыто!

VI.

У проф. Несмѣлова такъ мало такта, элементарнаго знакомства съ исторіей нашей общественной мысли и ея современнымъ состояніемъ, и такъ много смѣлости, что онъ говоритъ даже о «вопіющемъ убожествѣ религіозныхъ познаній» Л. Н. Толстого и сильномъ увлеченіи его идеями, которое является будто бы «характернымъ признакомъ нашего времени». Не удивительно послѣ этого его утвержденіе, что «жизнь исправляетъ наконецъ невольный грѣхъ прежде бывшаго невѣдѣнія и снова возстановляетъ высокую цѣнность того просвѣщенія, источникомъ котораго постоянно (?) являлась церковная школа» (стр. 18); «духовныя тревоги нашего времени заставляютъ даже и не особенно понятливаго человѣка ясно уразумѣть, что образованіе—не *сумма научныхъ познаній*, какими овладѣлъ или можетъ овладѣть человѣкъ, и тѣмъ болѣе оно—не *умѣніе человѣка приспособляться къ разнымъ требованіямъ измѣнчивой моды* или къ *правиламъ*, такъ называемаго, *свѣтскаго обращенія*, — что вся (!) сущность образованія заключается только въ познаніи человѣкомъ правды о себѣ, и образованіе выражается лишь яснымъ представленіемъ человѣка о своемъ значеніи и назначеніи въ мірѣ въ качествѣ свободно-разумной личности» (стр. 29). Все это, конечно, можетъ дать только церковная школа *)...

Итакъ, долой свѣтская наука и философія, свѣтская средняя и высшая школа! Вѣдь онѣ ничего не даютъ для «познанія человѣкомъ правды о себѣ»! Пусть единственными источниками истиннаго свѣта премудрости будутъ возрожденныя и видоизмѣненныя семинаріи и духовныя академіи! Интересы духовенства и общества только выиграютъ, конечно, отъ этого... Идеалъ—не впереди, а назади: нужно вернуться «домой», къ допетровскимъ порядкамъ.

Проф. Несмѣловъ не договариваетъ до конца, избѣгаетъ подробностей. Его брошюра производитъ впечатлѣніе пробнаго шара, неудачно пущеннаго, но за нею чувствуется «нѣчто систематическое».

---

*) Увы! Въ этомъ отрицаніи наукъ г. Несмѣловъ слабо вторитъ именно гр. Л. Н. Толстому.—*Ред.*

Жутко становится на душѣ, когда читаешь хотя бы такія положенія (ib., стр. 31—2): «Довольно оживленное стремленіе къ образованію ради живого свѣта образованія *) *дѣлаетъ совершенно возможнымъ прежнее высокое значеніе церковной школы, какъ общенародной и общеобразовательной.* Въ прежнее время эта школа ставила себѣ болѣе широкую задачу (!), чѣмъ какая ставится ей въ настоящее время. Прежде она имѣла въ виду распространеніе христіанскаго просвѣщенія среди всѣхъ членовъ христіанскаго общества и потому одинаково могла удовлетворять какъ практическимъ нуждамъ церкви, такъ и *образовательнымъ стремленіямъ каждаго отдѣльнаго человѣка.* Къ несчастію, она такъ неудовлетворительно была поставлена, что оказалась не въ состояніи выполнять свою великую задачу. Современная церковная школа является прямою наслѣдницей прежней школы, и современная школа (церковная), при своей образцовой постановкѣ, съ богатымъ составомъ учебнаго курса и съ обширными программами по каждой отдѣльной наукѣ курса, могла бы съ полнымъ успѣхомъ выполнить великую задачу всеобщаго христіанскаго образованія. Къ несчастію, при первой же организаціи новой церковной школы была какъ-то (?) забыта самая простая вещь, что среди образованнаго общества христіанъ не трудно найти образованныхъ священниковъ, тогда какъ посредствомъ образованныхъ священниковъ далеко еще не всегда можно сдѣлать образованными и всѣхъ членовъ церкви. Эта именно бѣда и случилась у насъ, и даже еще бо́льшая случилась. Ставшая сословной и спеціальной, новая церковная школа перестала (!) идти во главѣ просвѣтительнаго движенія, и это движеніе, предоставленное случайнымъ повѣтріямъ всякихъ увлеченій, весьма нерѣдко стало принимать направленіе явно враждебное христіанству и церкви, и тѣмъ самымъ неизбѣжно заставляло церковную школу организоваться въ своего рода церковную крѣпость. Если духовная школа можетъ оказать дѣйствительную услугу вѣрѣ и церкви, то ужъ, конечно, не безплодною борьбой съ разными измышленіями досужаго невѣжества, а единственно только широкимъ распространеніемъ образованія ради него самого. Наша духовная школа въ дѣйствительности и даетъ только образованіе ради образованія (!). Всѣмъ обширнымъ кругомъ своихъ наукъ она непосредственно имѣетъ въ виду не какіе-нибудь практическіе интересы и цѣли духовнаго званія и служенія», хотя раньше (стр. 43 и др.) утверждалось какъ разъ противоположное.

VII.

Много бѣдъ и преслѣдованій перенесло русское просвѣщеніе, часто его судьба висѣла на волоскѣ.

---

*) Его г. Несмѣловъ постоянно отождествляетъ съ религіознымъ воспитаніемъ. Общеобразовательный характеръ свѣтской школы онъ безусловно отрицаетъ и признаетъ его только въ древней церковной школѣ—и идеальной общенародной духовной школѣ будущаго, которая должна удовлетворить истинной „цѣли образованія“.

Когда-то Магницкій предписывалъ казанскимъ профессорамъ преподавать философію по посланіямъ апостола Павла, начала политическихъ наукъ извлекать главнымъ образомъ изъ Моисея, Давида и Соломона, «съ отвращеніемъ указывая на правила Макіавеля и Гоба»,—всеобщую исторію основывать на Боссюэтѣ; профессора-медики должны были внушать своимъ слушателямъ, что молитвы сильнѣе лѣкарствъ, что врачъ прежде всего—врачъ души, что важнѣе всего «духъ христіанской любви и милосердія» и т. д.

Общеизвѣстенъ произведенный нѣсколько позднѣе Руничемъ и Корнѣевымъ разгромъ Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ. Въ своихъ краснорѣчивыхъ циркулярахъ министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ писалъ (1840 г.): «при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній»; «въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черезъ мѣру умножился приливъ молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства».

Однажды, въ самую глухую пору русской жизни, возникла даже мысль о закрытіи университетовъ, и дѣло кончилось введеніемъ точно ограниченнаго комплекта студентовъ.

Но никто еще до сихъ поръ не договорился до проекта полнаго уничтоженія свѣтской школы и замѣны ея школой церковной.

Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ проф. Несмѣлову...

В. К.

Лондонскій центральный комитетъ для улучшенія жилищъ бѣднаго населенія.

Надзоръ надъ санитарнымъ положеніемъ жилищъ имѣетъ немаловажное значеніе для сохраненія народнаго здравія. Безъ достаточнаго присмотра самое благоустроенное жилище мало-по-малу приходитъ въ такое положеніе, что становится вреднымъ для здоровья своихъ обитателей. Вслѣдствіе небрежности въ немъ могутъ появиться разные санитарные недостатки: крыши начинаютъ протекать, полы разрушаются, сточныя и водопроводныя трубы приходятъ въ ветхость, въ квартирахъ появляются сырость и грязь, около дома скопляются различные отбросы и т. д. Все это нерѣдко случается даже въ тѣхъ домахъ, гдѣ живетъ сравнительно достаточное населеніе. Еще чаще подобные санитарные недостатки появляются въ жилищахъ бѣдноты. Благодаря низкому умственному развитію бѣднаго населенія и небрежному отношенію домовладѣльцевъ, которые находятъ совершенно излишнимъ церемониться съ людьми, платящими имъ за квартиру какихъ-нибудь десять-двадцать рублей въ мѣсяцъ, жилища бѣдноты, при отсутствіи тщательнаго санитарнаго надзора, почти постоянно находятся въ положеніи опасномъ для здоровья ихъ обитателей и служатъ очагами заразы.

Въ большихъ городахъ, гдѣ домовладѣльцы обыкновенно имѣютъ значительное вліяніе на дѣятельность городского управленія, жилища особенно часто даютъ поводъ къ столкновенію личныхъ и общественныхъ интересовъ. Для общественнаго здоровья необходимо привести домъ въ удовлетворительное положеніе. Но этотъ домъ принадлежитъ лицу, которое находится въ числѣ городскихъ гласныхъ или имѣетъ среди послѣднихъ вліятельныхъ друзей и пріятелей. Народное здравіе требуетъ отъ него затратъ для устраненія санитарныхъ недостатковъ, но личный интересъ беретъ верхъ надъ общественной пользой, и домовладѣлецъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ избѣжать издержекъ. Имѣя вліяніе въ городскомъ управленіи или вліятельныхъ друзей, домовладѣльцу не трудно этого достигнуть. Домъ остается въ прежнемъ антисанитарномъ положеніи и продолжаетъ служить источникомъ болѣзни и смерти среди населенія.

Конечно, подобные случаи чаще всего могутъ происходить съ домами, населенными бѣдными людьми. Интеллигентный и достаточный человѣкъ такъ или иначе можетъ добиться извѣстныхъ улучшеній въ своемъ жилищѣ, но бѣдный и невѣжественный оказывается въ этомъ отношеніи совершенно безсильнымъ и почти никогда самостоятельно не приметъ никакихъ мѣръ къ улучшенію своего положенія. Если кто-нибудь изъ этой бѣдной и невѣжественной толпы вздумаетъ заявить домовладѣльцу претензію на антисанитарное положеніе своей квартиры, то его заявленіе обыкновенно оставляется безъ вниманія или его, какъ безпокойнаго жильца, безцеремонно выпроваживаютъ вонъ въ полной увѣренности, что маленькая и дешевая квартира долго не будетъ пустовать.

При подобныхъ условіяхъ созданіе такого общества, которое состояло бы изъ лицъ, независимыхъ отъ городского управленія и сознающихъ необходимость улучшенія санитарнаго положенія жилищъ, и которое приняло бы на себя трудъ позаботиться объ улучшеніи жилищъ бѣднаго населенія, имѣетъ огромное значеніе. Лондонскій центральный комитетъ (The Mansion house council) принадлежитъ къ числу подобныхъ обществъ.

The Mansion house council существуетъ въ Лондонѣ съ 1884 г. 28 декабря 1883 г. въ зданіи лондонской городской думы было собраніе учредителей общества, которые рѣшили немедленно образовать двѣ комиссіи:

1. Комиссію для разсмотрѣнія существующихъ законовъ, относящихся къ жилищамъ бѣднаго населенія, для наблюденія за парламентской дѣятельностью въ этомъ отношеніи и для распространенія среди общества различныхъ свѣдѣній, касающихся даннаго вопроса.

2. Центральный комитетъ санитарной помощи и его мѣстныя отдѣленія въ различныхъ лондонскихъ приходахъ, предназначенные для помощи санитарнымъ и другимъ властямъ при исполненіи ихъ долга относительно улучшенія жилищъ и сохраненія здоровья бѣднаго населенія.

Мѣстные комитеты назначались исключительно для послѣдней цѣли. Они должны были составиться изъ лицъ, живущихъ въ данномъ приходѣ, и въ ихъ составъ могли входить мужчины и женщины, интересующіеся предметомъ и желающіе удѣлить свободное время на работу.

Mansion house council поставилъ себѣ также цѣлью поощрять различныя компаніи къ устройству здоровыхъ жилищъ для бѣднаго населенія на коммерческихъ началахъ.

Издержки по веденію дѣлъ было рѣшено, по возможности, свести до минимума. Онѣ должны были покрываться различными добровольными пожертвованіями. Комитетъ не бралъ на себя труда оказывать денежную помощь нуждающимся.

Такимъ образомъ Mansion house council задался очень широкой цѣлью, для достиженія которой необходимо было затратить много труда и энергіи. Онъ взялъ на себя теоретическій и практическій трудъ улучшенія жилищъ бѣднаго населенія. Такъ какъ въ настоящее время прошло уже тринадцать лѣтъ съ начала его дѣятельности, то интересно знать, чего онъ успѣлъ

достичь. Судить объ этомъ можно по его отчетамъ, которые издаются имъ каждый годъ.

Въ первый годъ его дѣятельности (1884 г.) было образовано тридцать шесть мѣстныхъ комитетовъ санитарной помощи, которымъ пришлось имѣть дѣло съ 2,500 случаевъ различныхъ санитарныхъ недостатковъ въ жилищахъ. Кромѣ того, среди населенія было распространено 300 тысячъ листковъ, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о мѣрахъ для предупрежденія распространенія заразныхъ болѣзней. Затѣмъ число жалобъ на разные санитарные недостатки начало увеличиваться и въ настоящее время оно достигаетъ до 10,000 въ годъ. Такъ какъ члены комитетовъ не могутъ справиться со всей работой, то Mansion house council взялъ сначала двухъ платныхъ санитарныхъ инспекторовъ, затѣмъ увеличилъ ихъ число до четырехъ.

Платные инспектора предназначаются преимущественно для удостовѣренія въ справедливости жалобъ, присылаемыхъ изъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ почему-либо не могли быть образованы мѣстные комитеты. Но ими очень часто пользуются и послѣдніе.

На обязанности мѣстныхъ комитетовъ лежитъ изслѣдованіе санитарныхъ условій своего округа и удостовѣреніе въ справедливости присылаемыхъ жалобъ. Для того, чтобы быть въ состояніи судить о томъ, существуетъ ли санитарный недостатокъ или нѣтъ, члены мѣстныхъ комитетовъ должны были познакомиться съ различными санитарными принадлежностями жилища. Для этой цѣли врачи-члены Mansion house council устраивали для желающихъ объяснительныя чтенія въ гигіеническомъ музеѣ. На этихъ чтеніяхъ показывались различныя санитарныя принадлежности. Члены комитета, благодаря такимъ чтеніямъ и демонстраціямъ, довольно скоро могли пріобрѣтать свѣдѣнія, необходимыя для сужденія объ обыкновенныхъ случаяхъ. Если дѣло оказывалось сложнымъ и требовало болѣе обширныхъ знаній, то осмотрами занимались почетные санитарные врачи комитета или инспектора-спеціалисты.

Въ большинствѣ случаевъ Mansion house council имѣетъ дѣло съ такими санитарными недостатками, которые вслѣдствіе различныхъ причинъ постоянно появляются и потому требуютъ безпрерывнаго надзора. Въ 508 домахъ, списокъ которыхъ былъ имъ представленъ въ публичное засѣданіе, назначенное для обсужденія санитарнаго положенія Mile End'скаго прихода, членами комитета было найдено: отсутствіе постояннаго водоснабженія ватерклозетовъ, различныя испорченныя принадлежности послѣднихъ, отсутствіе пріемниковъ для сухихъ отбросовъ или испорченные пріемники, худыя или безъ крышекъ цистерны для воды, испорченныя или безъ трапповъ сточныя трубы, немощеные или дурно вымощенные дворы, дома съ протекающими крышами, квартиры съ худыми полами, съ сырыми стѣнами и потолкомъ и т. д. Всѣ подобныя антисанитарныя явленія могутъ быть устранены только при помощи постояннаго санитарнаго надзора. Только непосредственный осмотръ разныхъ принадлежностей жилища можетъ показать намъ, существуетъ ли пріемникъ для сухихъ отбросовъ или раковина безъ

траппа. Въ городѣ могутъ быть устроены прекрасная канализація и водоснабженіе, которыя въ общемъ дѣйствуютъ весьма удовлетворительно, и все-таки мы найдемъ много домовъ, гдѣ водоснабженіе и канализація очень дурны. Доказательствомъ этого служитъ Лондонъ. Тамъ канализація существуетъ давно, водоснабженіемъ занимается нѣсколько компаній и лондонцы на недостатокъ воды вообще не жалуются. Несмотря на это, Mansion house council нашелъ тамъ множество домовъ, гдѣ ватерклозеты были безъ воды.

По полученіи жалобы, которая иногда посылается анонимнымъ корреспондентомъ, мѣстный комитетъ долженъ удостовѣриться въ ея справедливости при помощи своего члена. Послѣдній сообщаетъ ему о результатахъ своего изслѣдованія. Если санитарный недостатокъ такого рода, что мѣстныя санитарныя власти имѣютъ право сами его устранить, то мѣстный комитетъ прежде всего обращается къ домовладѣльцу съ предложеніемъ произвести необходимыя поправки. Къ мѣстнымъ санитарнымъ властямъ онъ обращается только въ томъ случаѣ, если домовладѣлецъ на это не соглашается или оставляетъ безъ вниманія требованія комитета. Если мѣстныя санитарныя власти также не принимаютъ никакихъ мѣръ для устраненія антисанитарныхъ условій, то мѣстный комитетъ сообщаетъ объ этомъ центральному, который въ свою очередь дѣлаетъ попытки повліять на мѣстныя власти и только при безуспѣшности ихъ обращается къ высшей санитарной власти или къ суду.

Жалобы на санитарные недостатки въ квартирахъ бѣднаго населенія Mansion house council получаетъ отъ различныхъ благотворительныхъ обществъ, духовныхъ лицъ, врачей, самихъ жильцовъ и проч. Число бѣдныхъ квартирантовъ, которые начали присылать жалобы на санитарные недостатки своихъ жилищъ, постепенно возрастаетъ, такъ какъ бѣдное населеніе начало узнавать, что Mansion house council принимаетъ во вниманіе каждую посылаемую ему жалобу и, послѣ удостовѣренія въ ея справедливости, беретъ на себя трудъ, необходимый для устраненія зла. Для того, чтобы бѣдное населеніе знало о существованіи комитетовъ санитарной помощи, лондонскій центральный комитетъ постоянно печатаетъ въ дешевыхъ и распространенныхъ среди низшаго класса населенія газетахъ, что онъ принимаетъ всѣ жалобы на санитарные недостатки въ жилищахъ, занимается ихъ разсмотрѣніемъ и устраненіемъ.

Жалоба, посылаемая рабочимъ населеніемъ, часто состоитъ всего изъ нѣсколькихъ словъ. Иногда каллиграфія этой жалобы была до того странна и непонятна, что комитетъ съ трудомъ разбиралъ слова, ожидая найти что-либо необыкновенное. Но въ концѣ-концовъ онъ съ разочарованіемъ убѣждался, что корреспондентъ написалъ только самое важное для него—адресъ. Одинъ корреспондентъ прислалъ мѣстному комитету напечатанную жалобу, которая состояла изъ слѣдующихъ лаконическихъ строкъ: «Домъ № 31, Sudgat, Е. С. Сэръ, если вы придете, то найдете его въ отвратительныхъ условіяхъ». Бываетъ, что присылается жалоба на несуществующіе санитарные недостатки. Это дѣлается изъ мести домовладѣльцу, но слу-

чается довольно рѣдко. Mansion house council пришелъ къ убѣжденію, что среди бѣднаго населенія существуетъ очень мало такихъ лицъ, которыя знали бы, что устраненіемъ санитарныхъ недостатковъ обязаны заниматься ихъ мѣстныя власти. Но и такіе люди предпочитали обращаться къ нему, нежели имѣть дѣло съ мѣстными санитарными властями, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ домовладѣлецъ всегда узнавалъ, кто жаловался, и гналъ неспокойнаго жильца съ квартиры или, въ видѣ наказанія за жалобу, повышалъ квартирную плату.

Въ первые годы дѣятельности лондонскаго центральнаго комитета домовладѣльцы очень часто оставляли безъ вниманія его требованія. Въ дальнѣйшемъ періодѣ времени они начали относиться къ его предложеніямъ съ большимъ вниманіемъ и нерѣдко производили необходимыя поправки безъ вмѣшательства мѣстныхъ санитарныхъ властей. Такъ, въ 1891 году было исправлено домовладѣльцами 60% всѣхъ санитарныхъ недостатковъ безъ вмѣшательства послѣднихъ.

Такую предупредительность со стороны домовладѣльцевъ мы можемъ прежде всего объяснить тѣмъ, что сознаніе необходимости санитарныхъ улучшеній въ жилищахъ бѣднаго населенія начало сильнѣе пробуждаться въ самомъ обществѣ, и домовладѣлецъ не могъ ожидать, что найдетъ сочувствіе и поддержку со стороны послѣдняго. Кромѣ того, Mansion house council такъ настойчиво и терпѣливо добивался устраненія каждаго санитарнаго недостатка, что въ концѣ-концовъ домовладѣльцамъ волей-неволей приходилось исполнять его требованія, поэтому многіе изъ нихъ начали находить, что для избѣжанія лишнихъ безпокойствъ и хлопотъ лучше всего съ перваго же раза уступать требованіямъ центральнаго комитета.

Вначалѣ многія мѣстныя санитарныя власти проявляли большую враждебность къ Mansion house council и пренебрегали его требованіями въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, такъ что въ концѣ-концовъ ему приходилось прибѣгать къ высшему авторитету.

Какъ игнорировался лондонскій центральный комитетъ и даже высшая власть мѣстными санитарными властями, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Въ 1887 г. Mansion house council нашелъ много санитарныхъ недостатковъ въ приходѣ Rotherhithe, и министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе его ходатайства, назначилъ публичное засѣданіе для обсужденія санитарнаго положенія данной мѣстности. Лондонскій центральный комитетъ представилъ въ это засѣданіе списокъ 918 домовъ, въ которыхъ его члены нашли 1,304 различныхъ санитарныхъ недостатковъ. Послѣ обсужденія этого вопроса уполномоченные отъ высшихъ властей рекомендовали мѣстнымъ санитарнымъ властямъ произвести измѣненіе въ своей санитарной организаціи, изслѣдовать санитарное положеніе всѣхъ домовъ въ своемъ приходѣ, улучшить водоснабженіе ватерклозетовъ и мощеніе дворовъ, увеличить число инспекторовъ и побольше пользоваться своими правами относительно поддержанія домовъ въ чистотѣ и здоровомъ состояніи.

Послѣ этого въ 1892 г. лондонскій центральный комитетъ произвелъ новое изслѣдованіе того же прихода и нашелъ, что мѣстныя власти ничего не сдѣлали для улучшенія его санитарнаго положенія. Тогда онъ послалъ въ лондонское городское управленіе (London County Council) новый списокъ, въ которомъ было обозначено 899 домовъ, имѣющихъ 2,234 санитарныхъ недостатковъ, съ просьбой заставить мѣстныя власти произвести необходимыя работы. Только послѣ этого были приведены въ исполненіе мѣры, рекомендованныя высшей властью.

По поводу этого случая лондонскій центральный комитетъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ говоритъ:

«Относительно санитарныхъ улучшеній въ West Ham, Tottenham, St. Saviour's, Rotherhithe и Deptford мы должны замѣтить, что ни одинъ изъ этихъ округовъ не принималъ необходимыхъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока нашъ комитетъ не оказывалъ на нихъ сильнаго давленія при помощи аппеляціи къ высшимъ властямъ, какъ-то: къ London county council и къ local government board. Только въ такомъ случаѣ они принимали дѣйствительныя мѣры для улучшенія санитарнаго положенія своихъ участковъ. Мѣстныя власти, которыя отказывались выполнять наши требованія съ перваго же раза и были принуждаемы къ этому высшими властями, чувствовали противъ насъ нѣкоторое раздраженіе. Но къ счастью для Лондона такихъ приходовъ въ немъ меньшинство. Мы съ своей стороны должны замѣтить, что когда мѣстныя власти на нашей сторонѣ, мы чувствуемъ себя въ болѣе удобномъ положеніи, нежели въ противномъ случаѣ. Это служитъ доказательствомъ, что наше присутствіе въ приходахъ имѣетъ значеніе и мы можемъ сказать, что мы способны совершать полезный трудъ».

Иногда домовладѣльцы вмѣстѣ съ санитарными властями устраивали лондонскому центральному комитету неожиданные сюрпризы вродѣ слѣдующаго.

Въ приходѣ Whitechapel вниманіе мѣстнаго комитета санитарной помощи было привлечено нѣкоторыми санитарными недостатками одного дома на South Street. Въ январѣ 1896 г. онъ сообщилъ объ этомъ мѣстнымъ властямъ съ просьбой произвести необходимыя улучшенія. Въ апрѣлѣ того же года былъ сдѣланъ вторичный осмотръ и найдено все въ прежнемъ положеніи. Тогда одинъ изъ членовъ комитета повидался лично съ санитарнымъ врачомъ Whitechapel's и просилъ его устранить найденные санитарные недостатки. Санитарный врачъ, не отрицая ихъ существованія, показалъ явное нежеланіе исправить ихъ. Послѣ этого мѣстный комитетъ подалъ жалобу на домовладѣльца въ судъ. Передъ подачей жалобы домъ былъ снова осмотрѣнъ и найденъ въ прежнемъ положеніи. Разсмотрѣніе жалобы въ судѣ было назначено на 28 августа. Наканунѣ этого дня одинъ изъ членовъ комитета опять посѣтилъ домъ и нашелъ, что владѣлецъ не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію найденныхъ санитарныхъ недостатковъ. Но затѣмъ послѣдній вдругъ проявилъ большую энергію и въ день суда одинъ изъ членовъ комитета нашелъ, что устранены многіе санитарные не-

достатки. А такъ какъ разсмотрѣніе дѣла было отсрочено до 8 октября, то домовладѣлецъ успѣлъ исправить и все остальное.

При разборѣ этого дѣла мѣстный санитарный врачъ, санитарный инспекторъ и уборщикъ мусора высказались въ пользу домовладѣльца. Потому судъ отклонилъ жалобу и возложилъ судебныя издержки на центральный комитетъ.

Такимъ образомъ мѣстныя санитарныя власти, для помощи которымъ былъ созданъ Mansion house council, сами стараются разрушать его полезную дѣятельность. Этотъ случай явно показываетъ ихъ желаніе уронить въ общественномъ мнѣніи репутацію центральнаго комитета, выставляя на видъ, что онъ возбуждаетъ неосновательное судебное преслѣдованіе противъ домовладѣльцевъ.

Публичныя засѣданія, которыя назначались въ local governement board вслѣдствіе жалобъ лондонскаго центральнаго комитета на антисанитарное положеніе того или другого округа, выяснили также то обстоятельство, что многія мѣстныя санитарныя власти крайне небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ.

Въ Англіи, по закону, мѣстныя власти имѣютъ право установить число лицъ, которое можетъ помѣститься въ домѣ, сдаваемомъ въ наемъ или занятомъ болѣе, нежели одной семьей. Власти имѣютъ право подвергнуть такой домъ регистраціи, установить для него извѣстныя санитарныя требованія и санитарный надзоръ надъ выполненіемъ послѣднихъ.

На этотъ законъ local governement board указывалъ мѣстнымъ властямъ еще въ 1883 г. и выяснилъ имъ его необходимость. Но въ 1885 г. изъ 39 мѣстныхъ лондонскихъ властей только въ 19 была сдѣлана регистрація этихъ домовъ и Mansion house council приводитъ такой случай.

Вышеупомянутый законъ былъ изданъ еще въ 1866 г. Въ одномъ лондонскомъ приходѣ, гдѣ было много домовъ, подлежащихъ регистраціи и надзору, была избрана коммиссія, которая должна выработать обязательныя постановленія для этой цѣли. Черезъ восемнадцать лѣтъ, когда общественное вниманіе было привлечено къ улучшенію жилищъ бѣднаго населенія, оказалось, что избранная коммиссія не проявляла никакихъ признаковъ жизни. Публичное засѣданіе въ Mile End'скомъ приходѣ показало, что тамъ были выработаны и утверждены въ 1883 г. обязательныя постановленія относительно наемныхъ домовъ, но въ продолженіе цѣлаго года изъ десяти тысячъ домовъ, которые подлежали регистраціи, было зарегистровано только 29.

Лондонскому центральному комитету удалось доказать, что бездѣятельность мѣстныхъ санитарныхъ властей нерѣдко зависитъ отъ того, что въ ихъ средѣ находятся заинтересованныя лица. Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи былъ слѣдующій.

Въ округѣ Hackney находились дома, совершенно непригодные для человѣческаго обитанія. Попытки мѣстнаго комитета санитарной помощи обратить на нихъ вниманіе мѣстныхъ властей остались безъ всякаго резуль-

тата. Тогда Mansion house council рѣшилъ, что съ этими домами надо поступить на основаніи закона, который говоритъ: если четверо или болѣе домовладѣльцевъ сдѣлаютъ оффиціальное представленіе санитарному врачу, что домъ представляетъ опасность для здоровья жильцовъ, то санитарный врачъ обязанъ произвести изслѣдованіе этого дома и полученные результаты довести до свѣдѣнія мѣстныхъ санитарныхъ властей.

Оффиціальное представленіе санитарному врачу было сдѣлано членами мѣстнаго комитета. Послѣ этого санитарный врачъ произвелъ изслѣдованіе указанныхъ домовъ и донесъ мѣстнымъ властямъ, что, по его мнѣнію, нѣкоторые изъ нихъ совершенно непригодны для человѣческаго обитанія.

При этомъ выяснилось, что владѣлецъ вышеупомянутыхъ домовъ былъ членъ vestry (приходскаго совѣта) и санитарной коммиссіи, предсѣдатель строительной коммиссіи и занималъ еще нѣсколько общественныхъ должностей въ томъ же приходѣ.

По поводу приведеннаго случая Mansion house council замѣчаетъ: «Когда отъ подобныхъ лицъ зависятъ чиновники, обязанные примѣнять на практикѣ санитарные законы, то трудно ожидать, чтобы послѣдніе выполняли свою обязанность какъ слѣдуетъ».

Онъ указываетъ также случаи, доказывающіе тягостное положеніе санитарнаго врача при подобныхъ условіяхъ. По его словамъ, очень хорошій санитарный врачъ прихода St. Pancras изъ чувства самоуваженія былъ вынужденъ отказаться отъ своей должности. Подобные случаи тамъ бывали не одинъ разъ.

На основаніи своихъ наблюденій, Mansion house council пришелъ къ заключенію, что для лучшаго веденія санитарнаго дѣла необходимо поставить санитарныхъ врачей и инспекторовъ въ болѣе независимое положеніе отъ мѣстныхъ властей. Благодаря его агитаціи въ новый лондонскій санитарный законъ (The Public Health (London) Act., 1891) вошелъ параграфъ, въ которомъ говорится, что мѣстныя власти могутъ назначать и удалять санитарныхъ врачей и инспекторовъ только съ согласія local government board.

Въ публичныхъ засѣданіяхъ, назначенныхъ для обсужденія санитарныхъ условій данной мѣстности, Mansion house council не одинъ разъ указывалъ на недостаточное число санитарныхъ инспекторовъ сравнительно съ числомъ населенія. Въ публичномъ засѣданіи въ приходѣ Mile End его представители указывали на то, что одинъ санитарный инспекторъ не можетъ слѣдить за санитарнымъ положеніемъ цѣлаго округа, въ которомъ считается болѣе ста тысячъ жителей. Потому очень многія жалобы остаются неизслѣдованными и многіе санитарные недостатки неустраненными. Въ публичномъ засѣданіи въ Shorditih выяснилось, что тамъ въ 1867 году было назначено два санитарныхъ инспектора и съ тѣхъ поръ это число не увеличивалось до 1889 г., когда Mansion house council началъ посылать свои жалобы мѣстнымъ санитарнымъ властямъ. Тогда послѣднія нашли возможнымъ назначить еще одного санитарнаго инспектора. Вообще дѣятельность лондон-

ского центральнаго комитета вызвала значительное усиленіе мѣстнаго санитарнаго персонала, главнымъ образомъ санитарныхъ инспекторовъ, на обязанности которыхъ лежитъ преимущественно наблюденіе надъ санитарнымъ положеніемъ домовъ и надзоръ надъ качествомъ провизіи. Въ послѣднемъ своемъ отчетѣ (за 1896 г.) Mansion house council приводитъ число санитарныхъ инспекторовъ, бывшихъ въ Лондонѣ въ 1885 г. и 1896 г. Въ 1885 г. ихъ было всего 92, а въ 1896 г.—242, число увеличилось болѣе, нежели вдвое. За это время лондонское населеніе увеличилось въ гораздо меньшей пропорціи. Въ нѣкоторыхъ приходахъ число санитарныхъ инспекторовъ увеличилось съ одного до четырехъ-шести.

На необходимости постояннаго санитарнаго надзора надъ лицами бѣднаго населенія Mansion house council постоянно настаивалъ и указывалъ, что только надзоръ можетъ устранить разные крупные и мелкіе санитарные недостатки, которые безпрерывно появляются въ разныхъ мѣстахъ. Нельзя не согласиться, что это требованіе было въ высшей степени справедливо.

Лондонскія мѣстныя власти часто приводили въ свое оправданіе оригинальную причину отсутствія жалобъ со стороны жильцовъ. Слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, если жилецъ не жалуется, то, значитъ, онъ доволенъ санитарнымъ положеніемъ своей квартиры и власти могутъ не обращать вниманія на то, что представляетъ изъ себя его жилище. Послѣднее можетъ быть грязно, полуразрушено, безъ воды и дневного свѣта, но жилецъ молчитъ или даже утверждаетъ, что онъ доволенъ. Основываясь на этомъ, власти могутъ спокойно оставить данную квартиру въ ея невозможномъ положеніи, т.-е. другими словами, считать жильца, часто совершенно невѣжественнаго, компетентнымъ въ рѣшеніи санитарныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ здоровье цѣлаго общества. Очевидно, что ни одинъ человѣкъ, сознающій важное значеніе санитарныхъ мѣропріятій, не можетъ согласиться съ такою оригинальною постановкой дѣла. Потому нельзя не признать, что лондонскій центральный комитетъ, дѣйствуя въ видахъ улучшенія народнаго здравія, вполнѣ справедливо требовалъ, чтобы санитарные осмотры производились властями самостоятельно, не ожидая жалобъ, другими словами, не считая невѣжественныхъ жильцовъ компетентными въ рѣшеніи санитарныхъ вопросовъ.

Дѣятельность лондонскаго центральнаго комитета послужила толчкомъ къ оздоровленію цѣлаго городского участка въ одномъ изъ лондонскихъ приходовъ Bethnal Green. Mansion house council нашелъ тамъ множество различныхъ санитарныхъ недостатковъ и настойчиво требовалъ ихъ устраненія. Но мѣстныя санитарныя власти показывали полное равнодушіе какъ къ санитарному положенію своего округа, такъ и къ требованіямъ центральнаго комитета. Тогда послѣдній обратился съ жалобой къ local government board, который испросилъ у министра внутреннихъ дѣлъ позволеніе произвести изслѣдованіе данной мѣстности и назначить публичное обсужденіе ея санитарнаго положенія. Изслѣдованіе и публичное засѣданіе

состоялись въ 1887 г. и показали справедливость жалобъ центральнаго комитета. Санитарное положеніе даннаго округа было очень неудовлетворительно. Онъ вообще населенъ бѣднотой и потому почти весь отличался многими санитарными недостатками. Но одинъ сравнительно небольшой клочокъ земли, величиной около 15 акровъ, отличался, повидимому, особенно дурными условіями какъ въ санитарномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Тамъ находилось болѣе 700 маленькихъ публичныхъ домовъ. Улицы были темны, грязны и до того застроены, что отъ нихъ оставался только узкій проходъ. Было не мало глухихъ переулковъ. Дома были малы, стары, полуразрушены и чрезвычайно сыры. Цѣлыя улицы были застроены домишками, которые до того вросли въ землю, что полъ ихъ оказывался на 2—3 фута ниже уровня почвы. Въ нихъ существовало полное отсутствіе вентиляціи и было очень дурное освѣщеніе дневнымъ свѣтомъ. Водоснабженіе и удаленіе нечистотъ находилось въ самомъ печальномъ положеніи. Въ этихъ полуразрушенныхъ домахъ жило болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Въ большинствѣ случаевъ семья занимала только одну комнату. Смертность доходила здѣсь до 40 на 1,000 и была вдвое выше общей лондонской смертности.

На этотъ клочокъ земли было обращено особенное вниманіе и лондонское городское управленіе съ разрѣшенія парламента произвело его экспропріацію. Всѣ старыя постройки, за исключеніемъ школъ, церквей и нѣкоторыхъ фабрикъ, были уничтожены. Въ настоящее время вмѣсто прежнихъ узкихъ, темныхъ и глухихъ улицъ устроена центральная площадь, отъ которой въ видѣ радіусовъ расходятся улицы, шириною въ пятьдесятъ-шестьдесятъ футовъ. На отчужденной землѣ лондонское городское управленіе теперь почти окончило постройку домовъ, предназначенныхъ для рабочаго населенія. Такимъ образомъ благодаря дѣятельности центральнаго комитета Лондонъ избавился отъ нездороваго центра, который постоянно служилъ источникомъ разныхъ нравственныхъ и физическихъ болѣзней. Кромѣ того, вслѣдствіе его настойчивости въ Bethnal Green увеличенъ санитарный персоналъ (въ 1885 г. тамъ было три санитарныхъ инспектора, а въ 1896 г. ихъ число увеличилось до шести) и установленъ болѣе строгій санитарный надзоръ надъ жилищами.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что дѣятельность лондонскаго центральнаго комитета была плодотворна и оказываетъ большое вліяніе на улучшеніе жилищъ бѣднаго населенія. Онъ способствуетъ послѣднему тѣмъ, что слѣдитъ за санитарными законами и указываетъ, какія измѣненія надо въ нихъ произвести, чтобы они могли легче прилагаться къ жизни и принести наибольшую пользу. Онъ оказываетъ давленіе на санитарныя власти, принуждаетъ ихъ къ исполненію своихъ обязанностей, къ увеличенію санитарнаго персонала и самъ помогаетъ имъ тѣмъ, что разыскиваетъ санитарные недостатки. Его существованіе было вызвано бездѣятельностью многихъ лондонскихъ приходовъ, избранники которыхъ изъ личныхъ выгодъ или вслѣдствіе равнодушія, или невѣжества пренебрегали санитарными

улучшеніями и предоставляли все на волю судьбы. Вслѣдствіе ихъ бездѣйствія въ Лондонѣ создались такіе антисанитарные участки, какъ выше описанный въ Bethnal Green. Лондонскому центральному комитету удалось вывести мѣстныя санитарныя власти изъ ихъ апатіи и нѣсколько оживить ихъ дѣятельность. Благодаря ему, приходскія власти начали проявлять большій интересъ къ санитарному положенію своихъ участковъ и съ большею энергіей заниматься устраненіемъ разныхъ санитарныхъ недостатковъ. Заслуга немаловажная, принимая во вниманіе, что при улучшеніи жилищъ дѣло касается лицъ, которыя въ матеріальномъ отношеніи сильно заинтересованы въ поддержаніи антисанитарнаго положенія домовъ, имъ принадлежащихъ. Заставить людей жертвовать своими личными интересами въ пользу общаго блага довольно мудрено и лондонскій центральный комитетъ совершилъ въ этомъ отношеніи своего рода подвигъ.

Ему удалось также пробудить въ интеллигентномъ обществѣ и въ самомъ бѣдномъ населеніи интересъ къ улучшенію жилищъ. Печатая свои отчеты и воззванія, привлекая мѣстную прессу къ обсужденію санитарныхъ вопросовъ даннаго округа, онъ обращалъ вниманіе на свою дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждалъ интересъ къ санитарнымъ вопросамъ. На послѣднее оказало извѣстное вліяніе то обстоятельство, что членами Mansion house council состоятъ «лэди и джентльмены, которые имѣютъ свободное время и желаютъ способствовать улучшенію жилищъ». Въ его трудахъ могли принимать участіе лица, которыя обладали только временемъ и желаніемъ. При вступленіи въ общество отъ нихъ не требовалось никакихъ познаній въ санитарныхъ дѣлахъ. Подобныя свѣдѣнія члены пріобрѣтали потомъ, частью практически, частью теоретически. Знакомясь при такихъ условіяхъ ближе съ санитарными вопросами, многія лица, которыя прежде имѣли очень смутное или не имѣли вовсе никакого представленія, наприм., о траппѣ въ сточной трубѣ, затѣмъ начали придавать ему важное значеніе. Такимъ образомъ въ глазахъ цѣлаго общества санитарныя мѣры начали пріобрѣтать все большее и большее значеніе, а дѣятельность лондонскаго центральнаго комитета начала обращать все большее и большее вниманіе. Mansion house council пользуется извѣстностью не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ. Въ его послѣднемъ отчетѣ мы находимъ указаніе на то, что изъ разныхъ мѣстъ: изъ Франціи, Бельгіи, Голландіи, Америки и проч., къ нему начинаютъ обращаться съ просьбой сообщить свѣдѣнія о своей организаціи и дѣятельности съ цѣлью создать подобные же комитеты въ различныхъ городахъ.

Тайна успѣха, достигнутаго лондонскимъ центральнымъ комитетомъ санитарной помощи, несомнѣнно, заключается прежде всего въ самомъ обществѣ, среди котораго онъ возникъ. Въ лондонскомъ образованномъ обществѣ нашлось достаточное число лицъ, которыя безкорыстно отдали часть своего времени на улучшеніе жилищъ бѣднаго населенія. Подобные люди не остановились передъ не особенно пріятной обязанностью войти въ жилище бѣдняка съ цѣлью осмотрѣть въ немъ сточныя трубы, ватерклозеты,

полы, дворы и т. д. и довести до свѣдѣнія тѣхъ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ, найденные санитарные недостатки. Въ Лондонѣ нашлись также люди, которые дѣлаютъ денежныя пожертвованія для поддержанія дѣятельности Mansion house council. Онъ существуетъ исключительно частными пожертвованіями и никакихъ субсидій отъ правительства не получаетъ. Благодаря денежной поддержкѣ лондонскій центральный комитетъ можетъ пользоваться платнымъ трудомъ и содержитъ четырехъ платныхъ санитарныхъ инспекторовъ для удостовѣренія въ справедливости присылаемыхъ ему жалобъ.

Вторая причина того, что дѣятельность Mansion house council дала такіе большіе результаты, заключается въ той настойчивости и энергіи, съ которой онъ преслѣдуетъ свою цѣль. Ему становится извѣстнымъ, что въ такомъ-то домѣ существуютъ антисанитарныя условія. Его членъ отправляется туда и удостовѣряется въ справедливости жалобы. Затѣмъ мѣстный комитетъ обращается къ домовладѣльцу съ требованіемъ произвести необходимыя улучшенія. Послѣдній отказывается или не обращаетъ на это никакого вниманія. Тогда Mansion house council проситъ мѣстныя власти принять мѣры для устраненія существующаго зла. Послѣднія пренебрегаютъ его требованіями и бездѣйствуютъ. Центральный комитетъ время отъ времени повторяетъ свое изслѣдованіе и обращеніе къ мѣстнымъ властямъ. Это тянется цѣлые мѣсяцы и даже годы. Наконецъ Mansion house council обращается къ высшей власти съ жалобой на бездѣятельность мѣстной, добивается того, что справедливость его требованій доказана и мѣстнымъ санитарнымъ властямъ рекомендуется выйти изъ ихъ апатіи. Но даже послѣ этого центральному комитету приходится слѣдить за послѣдними и вторичнымъ обращеніемъ къ высшимъ властямъ оживлять ихъ дѣятельность. Съ трудомъ, шагъ за шагомъ, ему приходится достигать своей цѣли и только благодаря своей настойчивости онъ успѣлъ добиться многого.

Его успѣху, несомнѣнно, много способствовала также печать, которая принимала дѣятельное участіе въ обсужденіи санитарныхъ вопросовъ и на своихъ страницахъ давала мѣсто описанію разныхъ санитарныхъ недостатковъ. Извѣстное вліяніе на успѣхъ его дѣятельности оказало и то обстоятельство, что въ числѣ его членовъ находятся очень вліятельныя лица. Лондонскій лордъ-мэръ состоитъ его президентомъ, архіепископъ кентерберійскій, маркизъ Салисбюри и главный раввинъ—его вицепрезиденты. Засѣданія центральнаго комитета происходятъ въ зданіи лондонской городской думы.

Антисанитарныя условія жилищъ бѣднаго населенія въ нашихъ большихъ городахъ и недостаточный санитарный надзоръ надъ ними—общеизвѣстный фактъ, потому нельзя не пожелать, чтобы въ нихъ создавались общества, подобныя лондонскому центральному комитету.

М. Покровская.

Ада Негри *).

(Посвящается Н. И. Калистовой).

„Pace!... Lavoro!... Pane!...“ **)

„Sono cento, son mille, son milioni
Son orde sconfinate
Sommerso rombo di lontani tuoni
Han le file serrate“ ***).

Круговоротъ жизненныхъ явленій, ихъ поводовъ и причинъ въ постоянномъ движеніи и все на свѣтѣ происходитъ «почему-нибудь». Къ сожалѣнію, природа, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ нашего пониманія, не задалась идеей дѣйствовать «для чего-нибудь», предоставивъ человѣчеству находить лишь утѣшеніе въ объясненіи себѣ причинъ того или другого явленія. Видоизмѣненіе талантовъ и ихъ характера также не случайно, конечно. Оно есть всегда выраженіе уже назрѣвшаго, хотя часто безсознательнаго настроенія, какъ запахъ полей отъ готоваго къ жатвѣ колоса.

Именно въ Италіи должна была народиться муза, подобная Негри, и теперь какъ разъ время, когда экономическій и соціальный строй этой страны долженъ былъ найти себѣ выраженіе въ такихъ словахъ горя и слезъ.

Соки Италіи исторически высасывались тѣмъ или другимъ паразитомъ. Раздѣленная сперва между маленькой горстью патриціевъ, она представляетъ возмутительный строй «латифундіи», въ которомъ граждане превращаются въ рабовъ и работаютъ на немногихъ богачей; затѣмъ папство набрасываетъ свой черный саванъ на эту смѣющуюся, несмотря на слезы, страну и всѣми силами старается разложить душу и тѣло своей жертвы. Но могучее солнце согрѣваетъ сквозь саванъ папскихъ рабовъ. Просыпаются они какъ одинъ человѣкъ, встаютъ подъ знамена перваго изъ своихъ

*) Читано 15 января въ союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей.

**) „Мира... Работы... Хлѣба“...

***) „Ихъ сотни, ихъ тысячи, ихъ милліоны, ихъ безпредѣльныя орды,
Наводняющій гулъ далекихъ звуковъ. Ряды ихъ сдвинуты“.
См. *Ada Negri:* Fatalità. „I Vinti“, p. 61.

гражданъ, идутъ за Гарибальди на новую жизнь, которая свѣтится имъ заманчивымъ блескомъ справедливости и любви... Но это отчасти грустная, историческая иллюзія. Настаетъ опять страшное время, настаетъ царство желѣза, крови, огня... Гарибальди не думалъ, освобождая свою страну, что отдаетъ ее въ новое ярмо, которымъ Криспи скуетъ и затянетъ ее... Жила бы эта благословенная страна, окруженная лазурнымъ моремъ, подъ живительными лучами своего солнца, самымъ географическимъ положеніемъ предназначенная къ обособленной политической жизни, жила бы внѣ всякихъ тройственныхъ союзовъ, страшныхъ побѣровъ, Сицилійскихъ «вечерень» новѣйшей формаціи и вообще того грустнаго положенія, куда привела ее теперь эта погоня за титуломъ «di Grande Nazione».

Милитаризмъ истощилъ Италію какъ ни одну страну. Только климатъ спасаетъ ещё ее... но число голодныхъ и несчастныхъ увеличивается съ каждымъ днемъ, съ увѣренностью одѣты и сыты одни солдаты... О ужасъ о позоръ этого европейскаго помѣшательства, превратившаго народъ въ какого-то одичавшаго скорпіона, высасывающаго и пожирающаго самого себя подъ звуки барабана и лживыхъ, трезвонныхъ словъ...

Хлѣба, хлѣба!—стонетъ Италія,—хлѣба въ обмѣнъ этихъ пушекъ и шпоръ, купленныхъ цѣною столькихъ слезъ и голодныхъ дней...

Хлѣба, хлѣба—leit-motiv всей поэзіи Негри.

I.

Въ 15 километрахъ отъ Павіи, въ пустынной, болотистой части *) ломбардской долины, гдѣ часто дуютъ холодные вѣтры, а зимой бываютъ и снѣжныя метели, расположилась посреди однообразныхъ рисовыхъ плантацій, изрытыхъ мелкими канавками, тихое мѣстечко Motta-Visconti. Здѣсь не болѣе 3,000 жителей, тружениковъ рабочихъ, забывшихъ, въ борьбѣ за скудный кусокъ хлѣба, все, что дѣлается внѣ ихъ села. День за днемъ ходятъ они на фабрику, гдѣ прядутъ шелкъ — главное произьодство этой страны. Дни накопляются въ мѣсяцы, мѣсяцы растутъ въ длинные годы все той же, трудовой, усталой жизни, въ которой забота о завтрашнемъ днѣ поглощаетъ всѣ ихъ силы и помыслы. Были бы сыты ихъ бѣдныя, оборванныя дѣти. Заброшенныя на произволъ судьбы, скитаются они по уличкамъ неприглядnаго Motta-Visconti **), обучаются слишкомъ родствен-

*) „L'implacabil malattia
Che infesta la risaia".

(Безжалостная болѣзнь, заражающая рисовыя плантаціи.) См. *Ada Negri*: „Tempeste". „Invano", p. 238.

**) Quando lo vedo fra i carri e sul selciato
Col calzoncini a brani
Gettare i sasti nelle gambe ai cani
Già ladro, già corrotto e già sfrontato".
(Когда я вижу его между телѣгами на мостовой

ному итальянцу «dolce far niente». И единственнымъ оазисомъ, очагомъ мысли для этихъ бѣдныхъ дѣтей—школа, куда они бѣгутъ такъ весело и такъ шумно, гдѣ они слышатъ новыя для нихъ рѣчи, гдѣ они узнаютъ, что міръ великъ и прекрасенъ и что ихъ Motta-Visconti не центръ всего мірозданія. Ихъ учитъ молодая, симпатичная учительница Ада Негри... Ея поэтическій образъ, полный прелести и самоотверженія, напоминаетъ намъ столько нашихъ, не воспѣтыхъ еще героинь, тамъ, въ глуши, далеко въ снѣгахъ претерпѣвшихъ жуткую нужду во имя идеала и любви и вмѣстѣ съ Адой Негри повторяющихъ:

„O bimbi, o bimbi, attenti...“ *)

Надо надѣяться, что хотя ко времени общей грамотности на Руси, народится и поэтъ, который сумѣетъ воспѣть этихъ самоотверженныхъ, великихъ своей скромностью героинь. Никогда итальянская учительница не сравнится съ учительницей въ русской глуши, гдѣ жить почти что значитъ похоронить себя... Въ Италіи немыслимы эти разстоянія въ нѣсколько десятковъ верстъ отъ города, какъ у насъ, да и самые маленькіе города-то тамъ, вродѣ Сіенны или Орвіетто, напримѣръ, представляютъ историческіе центры культуры съ памятниками искусства и большой цивилизаціи.

Тамъ храмы чудной архитектуры, живопись и скульптура великихъ мастеровъ, типичныя историческія постройки на каждомъ шагу, а у насъ все та же заснувшая физіономія города, съ безконечной шириной и грязью улицъ и убогой постройкой жилищъ... Да, велика русская женщина, ради идеи ушедшая работать въ русскую глушь.

Ада Негри не ради идеи пошла въ народъ. Она родилась и выросла въ немъ. Дочь рабочаго, умершаго въ больницѣ:

„Ты умеръ тутъ, и моей матери не было,
Ты умеръ тутъ въ отчаяніи, одинъ“ **).

и работницы одной изъ окрестныхъ шелковыхъ фабрикъ, Ада Негри, получивъ мѣсто въ нормальной школѣ, естественно оказалась въ положеніи учительницы своихъ собратьевъ по рожденію.

Мать Негри—простая крестьянка безъ всякаго образованія—была выдающейся для своей среды женщиной, и ея вліяніе оказалось крайне благотворнымъ для молодой писательницы; труженица-прядильница воспитала въ своей даровитой дочкѣ уваженіе и любовь къ труду. Ада Негри отплатила

Въ разорванныхъ штанишкахъ,
Бросающимъ каменья въ ноги собакамъ
Уже воромъ, уже испорченнымъ и уже нахаломъ.)

См. *Ada Negri*: Fatalità. „Birichino di strada“, p. 15.

*) „Малютки, малютки, внимайте“...

См. *Ada Negri*: Tempeste. „I sacrifici, Maestro“, p. 35.

**) „Tu qui spirasti, e mia madre non v'era
Tu qui spirasti desolato, solo“.

См. *Ada Negri*: Tempeste. „A l'Ospedale Maggiore“, p. 77.

матери горячей любовью и за отрадное дѣтство и за всѣ заботы ея. Стихотвореній десять посвятила она нѣжно любимой матери. То она вспоминаетъ свое дѣтство, болѣе веселые годы матери, ея пѣсни:

„Мама, хотѣлось бы забыть, что я поэтъ
И снова стать дитей“ *).

И въ другомъ стихотвореніи та же мечта вернуться къ дѣтству, все та же жажда ласки, такой, какою мать ласкала ее ребенкомъ:

„Мама, тутъ, въ тиши, близъ тебя,
Склонивъ голову подъ твоими ласками
На твоихъ колѣняхъ, стать снова ребенкомъ
Разсказать тебѣ непобѣжденныя печали своего сердца“ **).

То въ стихотвореніи «Pietà» она произноситъ трогательную молитву за жизнь матери:

„Помилуй ту, которая страдаетъ,
Помилуй ту, которая умираетъ“ ***).

А мать-работницу, своимъ тяжелымъ трудомъ выростившую сына, единственную отраду, надежду и жизнь свою, Ада Негри, въ параллель своей судьбѣ, воспѣла въ «Madre Operaia».

„Научи меня добродѣтели,
Которая выноситъ, которая прощаетъ“ ****).

проситъ она у вдовы, которой посвящена также одна изъ ея вещей. И еще цѣлый рядъ стихотвореній: «A te mamma», «Madre», «Sinite Parvulos» навѣянъ любовью и поклоненіемъ матери, образъ которой рисуется такимъ идеальнымъ, умиротворяющимъ, что невольно вспоминаешь мадоннъ Мурильо или Андрея дель-Сарто. Когда наступитъ время болѣе справедливаго порядка, когда теорія братства восторжествуетъ надъ алчностью и эгоизмомъ людей, будемъ надѣяться, что она не лишитъ дѣтей главнаго облагораживающаго вліянія,—вліянія матери во всей его полнотѣ.

Для Ады Негри чувство матери и его вліяніе имѣло огромное значеніе не только въ образованіи ея характера, но и таланта. Оно создало ей ту атмосферу любви, въ которой человѣкъ дѣлается болѣе чуткимъ ко всему

---

*) „Madre, vorrei scordar che son poeta
E ritornar bambina“.

См. *Ada Negri*: Fatalità. „Nenia materna“, p. 95.

**) „Madre, qui, nel silenzio, a te viccina
China la testa fra le tue carezze
Sui tuoi ginocchi, ritornor bambina
Dirti del cor l'indomite tristezze“.

См. *Ada Negri*: Fatalità. „Pur vi rivedo ancor“, p. 110.

***) „Pietà di lei che soffre
Pietà di lei che muore“.

См. *Ada Negri*: Fatalità. „Pietà“, p. 131.

****) „M'apprendi la virtu che supporta, che perdona“...

прекрасному, оно дало ей тотъ подъемъ духа, ту увѣренность въ себѣ, безъ которой невозможно никакое творчество.

«Благослови меня, о мама... Для тебя, для тебя одной хочу бороться, надѣяться и быть стойкой, — говоритъ она въ стихотвореніи «A te Mamma» *). — И когда я чувствую, въ какихъ сумеркахъ ужаснаго, жаднаго круговорота бьется моя мысль, и я смотрю на тебя, мама! И ты представляешься мнѣ такой гордой, великой, чистой, столько свѣта блеститъ въ твоихъ ясныхъ очахъ, столько благородства въ лицѣ, движеніи и улыбкѣ, что я чувствую, какъ обновляюсь для тебя...»

Это стихотвореніе напоминаетъ намъ параллельное въ нашей литературѣ:

„И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты,—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою,
Во мнѣ спасла живую душу ты“ **).

Ада Негри и Некрасовъ сошлись даже почти въ выраженіяхъ поклоненія матери. Она въ началѣ своего жизненнаго пути уже смотритъ на мать какъ на свою путеводную звѣзду, онъ, на склонѣ лѣтъ, все хорошее въ себѣ объясняетъ вліяніемъ своей дорогой подвижницы-матери.

II.

Ада Негри поистинѣ «дочь народа». Проживъ все свое дѣтство и юность въ народной средѣ, переживъ вмѣстѣ съ нимъ столько матеріальнаго горя и нуждъ, она любитъ этихъ обездоленныхъ, какъ дѣйствительно близкихъ себѣ людей, любитъ, жалѣетъ и плачетъ съ ними. Пока у нея во всѣхъ стихотвореніяхъ полное преобладаніе чувства. Она не задается ни однимъ вопросомъ о причинѣ или исходѣ этого вѣчнаго страданія. Ея поэзія носитъ рефлекторный характеръ и есть какъ будто безсознательное отраженіе того, что она, или другіе, кругомъ нея, переживаютъ. Она видитъ рабочаго, изнывающаго безъ заработка, впечатляется контрастомъ его геркулесовскаго торса съ безработицей его положенія и пишетъ «Disoccupato». Отнесись она сознательнѣе къ такой темѣ, пойми она всю драматичность положенія во всей его совокупности, какую бы сильную вещь она могла написать... Но здѣсь нѣтъ ни того трагизма, ни той силы, которую сулитъ самый сюжетъ. Кузнецъ Копе, напримѣръ, куда драматичнѣе и сильнѣе «Disoccupato».

*) См. *Ada Negri:* Tempeste. „A te Mamma“, p. 3.
**) *Некрасовъ.*

Ужасная картина работы въ шахтѣ поразила ее, и она пишетъ «L'Incendio della miniera». Кругомъ нея всѣ трудятся, въ потѣ лица зарабатываютъ кусокъ хлѣба, ея собственная мать, чтобы прокормить свою малютку, на долгіе часы уходитъ на фабрику, и Ада учится уважать трудъ, любить только тѣхъ, кто трудятся, и пишетъ «I Vinti», «Operaio» и, наконецъ, «Ai lavorato», гдѣ она спрашиваетъ у влюбленнаго въ нее человѣка, умѣетъ ли онъ работать, и работалъ ли онъ? И такъ идеализируетъ она трудъ, что всѣ, кто не плебеи, кто не работаютъ, представляются ей ничтожными, достойными ея презрѣнія:

„Посреди праднаго
Веселья дремлющихъ потерянныхъ часовъ
Ты вертишься, золотой телецъ,
Ты вертишься средь бала, картъ и проститутокъ,
Я же не продаю своихъ поцѣлуевъ и своего сердца“ *).

Да, она полюбила бы плебея, но не полюбитъ раба.

Это одно изъ очень сильно написанныхъ стихотвореній Негри. Здѣсь столько вызова, презрѣнія, сознанія нравственнаго превосходства своей рабочей среды надъ праздной буржуазіей, живущей на средства того же рабочаго, что въ немъ уже говоритъ сознаніе, а не только звучитъ печаль:

„Но кто же ты? Чего ты ждешь отъ меня, несчастный,
Разслабленный рабъ въ позолоченномъ омутѣ?
Очисти мнѣ дорогу и иди.
Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла,—иди,—я презираю тебя,
Разслабленный выродокъ разслабленнаго строя...“ **).

Констатируя постоянно ненормальное состояніе рабочаго, Ада Негри, безсознательно для себя самой, можетъ быть, наводитъ читателя на массу чувствъ и мыслей, вызывая стремленіе измѣнить хоть что-нибудь въ несправедливомъ строѣ, въ которомъ мы всѣ живемъ,—другими словами, она будитъ въ насъ совѣсть; въ будущей исторіи послужатъ ея стихотворенія иллюстраціями не періода борьбы, а предшествующаго борьбѣ момента, когда ощущеніе не успѣло еще переродиться въ сознаніе. Ея творчество можно уподобить первобытному искусству, когда человѣкъ изображалъ только то, что видѣлъ; нигдѣ не разсуждаетъ она; въ ея стихотвореніяхъ не найти ни одной ясно сознанной идеи. Набрасывая картину того или

---

*) „Fra gli ozi
Lieti di sonnolente ore perdute
Torna fra balli, carte e prostitute,
So non vendo i miei baci ed il mio cuor“.
См. *Ada Negri:* Fatalità, „Hai lavorato“, p. 191.

**) „Ma tu chi sei?... Da me che speri, o debole
Schiavo languente fra dorato lezzo
Sgombrami il passo, e va
Non m'importa di te—va—ti disprezzo
Fiacco liberto d'una fiacca età...“
См. *Ada Negri:* Fatalità, „Hai lavorato“, p. 191.

другого положенія, она предоставляетъ читателю выводить свои заключенія и дополнять образы той или другой заключительной мыслью. Но нѣкоторыя картины такъ жизненно-сильны, впечатлѣніе такъ ярко, что для того, кто способенъ воспринимать и развивать дальше извѣстное впечатлѣніе, открывается широкое поле выводовъ.

III.

Родилась Ада Негри 8 февраля 1870 года въ мѣстечкѣ Лоди, гдѣ и прошла курсъ нормальной школы. Ея учителемъ былъ Паоло Тедески.

Затѣмъ, получивъ мѣсто учительницы въ Motta-Visconti, гдѣ въ это время работала ея мать, она переселилась къ ней и предалась обученію 80-ти маленькихъ учениковъ. Надо думать, что Ада Негри не считала учительство своимъ призваніемъ; по многимъ ея стихотвореніямъ видно, что она жаждетъ иной дѣятельности, иныхъ впечатлѣній; идеализировала же она его до такой степени, что стихотвореніе «Maestra»—одна изъ трехъ вещей, собранныхъ подъ названіемъ «I Sacrifici».

Въ часы досуга, въ длинные темные вечера, предоставленная самой себѣ, безъ общества, въ которомъ могла бы отдохнуть, безъ книгъ почти, въ которыхъ могла бы забыться, она мечтала и часто плакала... И мало-по-малу, непроизвольно для нея самой, ея вздохи стали складываться въ звучныя риемы, ея грустныя пѣсни превратились въ мощные стихи и изъ тихаго Motta-Visconti облетѣли весь міръ.

Въ литературѣ Ада Негри дебютировала 17-ти лѣтъ стихотвореніемъ «Nenia materna», появившемся въ маленькомъ журналѣ *Margerita*. Затѣмъ она напечатала «Rosa morente» (Умирающая роза), «Vegliardo» (Старецъ), «Ofelia» (Офелія), «Bimbi e fiori» (Дѣтки и цвѣты), «Vile» (Подлый), «Vola» (Полетъ), «Perchè» (Зачѣмъ), «Proscritto» (Изгнанникъ).

Наконецъ, въ 1893 году появился томикъ ея стихотвореній, озаглавленный «Fatalità», съ предисловіемъ Sofia Bisi Allbini *), а въ 1896 году стихотворенія, собранныя подъ заглавіемъ «Tempeste». «Fatalità» имѣла огромный успѣхъ. Послѣ его появленія, комиссія изъ трехъ извѣстныхъ литераторовъ Alexandro Ancona, Marco Faborrini и Gridoro del Lungo нашла

*) Въ этомъ предисловіи г-жа Альбини, желая опоэтизировать образъ Ады Негри, описала его въ самыхъ фантастическихъ краскахъ, говоря, что въ ея жилищѣ вмѣсто стеколъ вставлена была бумага, что единственной мебелью служилъ ящикъ съ книгами, что Ада Негри ни разу въ жизни не была въ театрѣ и т. д.

Нѣкая Catherina Pigorini-Beri построила цѣлую статью на этихъ подробностяхъ (въ газ. *Fanfulla*) и, возбудивъ по этому поводу непріятную для Ады Негри полемику, вызвала ее на письмо, которое было напечатано въ *Corriere della Sera*. Въ этомъ письмѣ юная поэтесса, благодаря г-жу Альбини за доброе чувство, побудившее окружить этими легендами ея имя, сожалѣетъ, что г-жа Альбини не ограничилась одною правдой, которой было бы достаточно, чтобы доказать, что всѣ стихотворенія ея были прочувствованы и что она искренно и всею душой любила и ненавидѣла, мучилась и плакала.

Аду Негри достойной премiи Gianinno Milli, состоящей изъ 1,800 франковъ годовой стипендiи.

Послѣ смерти Milli эта стипендiя оставалась безъ назначенiя, такъ какъ должна была принадлежать выдающейся по таланту женщинѣ или дѣвушкѣ, при непремѣнномъ условiи ея бѣдности. Положенiе Ады Негри сразу перемѣнилось и подобно Байрону она могла бы сказать, что однажды проснулась знаменитой. Ея скромное жилище въ Motta-Visconti сдѣлалось мѣстомъ настоящаго литературнаго паломничества, сюда начали присылать ей полныя восторга письма, писатели—свои сочиненiя. Ея стихотворенiя читались всюду, въ гостиныхъ и мастерскихъ: всѣ вдругъ заговорили о ней. Извѣстный нѣмецкiй критикъ Гейзе напечаталъ большую статью объ ея стихотвореniяхъ въ *Deutsche Rundschau*, D. Papa цѣлую книгу о ней. Ее называли Сафо новой Италiи, превозносили во всѣхъ странахъ свѣта, на всѣхъ языкахъ. Правительству пришлось скоро уступить общественному мнѣнiю и назначить юную Негри преподавательницей нормальной школы въ Миланѣ. Такимъ образомъ ей открылись двери въ болѣе широкую жизнь.

Переѣхавъ въ Миланъ, Ада Негри сразу очутилась въ атмосферѣ поклоненiя, въ вихрѣ новыхъ для нея впечатлѣнiй. Но она не успѣла ни переработать ихъ, ни найти новыя выраженiя своему таланту. Она вышла замужъ. Ея мужъ, инженеръ Garlanda, выдающiйся техникъ и фабрикантъ. Онъ вдовъ и уже отецъ многочисленнаго семейства.

Не только въ произведенiяхъ, но и въ наружности Ады Негри свѣтится огонекъ ея индивидуальности... Она сильная брюнетка, съ задумчивыми, глубокими глазами, съ той особенной прелестью выраженiя, которое дано только дѣйствительно чуткимъ по своему внутреннему мiру людямъ. Да, красота индивидуальности—одухотворенная красота, талантъ—могучiй двигатель порывовъ, средство благороднаго вліянiя, когда оно въ благородныхъ рукахъ.

Но увы, таланты Ады Негри наполовину зарыты... М. В. Ватсонъ въ своей книгѣ о ней обѣщаетъ намъ новый сборникъ, который Ада Негри готовитъ, говорятъ, подъ названiемъ «Maternità». Но со времени ея замужства прошло уже 3 года, въ которые она не напечатала ни строчки.

IV.

Стихотворенiя, собранныя въ «Fatalità», значительно превышаютъ по своему достоинству сборникъ «Tempeste». Здѣсь есть нѣсколько совершенно законченныхъ художественныхъ картинъ и очень оригинально задуманныхъ пьесъ. Одна изъ самыхъ интересныхъ вещей «Autopsia» *):

«Слушай, худощавый докторъ, ты, который острымъ и холоднымъ ножомъ рѣжешь и мучаешь мое обнаженное тѣло, знаешь ли ты, кѣмъ я

*) См. переводъ въ стихахъ Г. Булгакова, № 7329, *Новое Время*.

была? Тутъ, въ этой ужасной похоронной комнатѣ, разскажу я тебѣ свое прошедшее. Выросла я на каменьяхъ мостовой, никогда не знала я своего дома или родныхъ; скиталась я безъ имени, босая и полуодѣтая, въ туманѣ и вѣтрахъ. «Узнала я безсонныя ночи и безпокойную думу о завтрашнемъ днѣ, напрасныя просьбы, скрытое отчаяніе и дни безъ хлѣба. Узнала я всю безконечную усталость и темную нищету, прошла я посреди суровыхъ враждебныхъ людей, посреди боязни и слезъ. И, наконецъ, однажды, на больничномъ ложѣ черная птица вонзила въ меня свои когти. И такъ, умерла я одна, понимаешь, умерла, какъ потерянный песъ, не услыхавъ ни одного слова надежды или спасенія. Какъ блеститъ и чернѣетъ и какъ густа моя пышная коса. Безъ единаго поцѣлуя похоронятъ ее въ ледяную землю! Какъ дѣвственно и гибко мое тѣло, какъ оно подвижно. И теперь, жадный, нетерпѣливый поцѣлуй твоего ножа растлѣваетъ его... Что же, рѣжь, рви, мучай меня, неустанный и нѣмой. Наслаждайся моими сосудами и насыться моимъ проданнымъ тѣломъ... Щупай, улыбаясь зловѣщимъ образомъ. Не все ли равно? Я теперь уже тлѣнъ. Ищи въ моемъ желудкѣ, ищи ужасную тайну голода... Вонзи свой кинжалъ до глубины сосудовъ и вырви сердце. Ищи въ моемъ сердцѣ, ищи величественную тайну страданія. Вся нагая подъ твоимъ взглядомъ, я еще страдаю, знаешь ли это?... Моими стеклянными зрачками я еще смотрю на тебя. О, ты меня не забудешь: потому что на моихъ устахъ послѣднимъ усиліемъ страсти звучитъ предсмертное хриплое проклятіе».

Проникнутое отчаяніемъ за бѣдныхъ страдальцевъ, это стихотвореніе кончается даже словомъ «Maledezione». Это—крикъ измученной души, это—проклятіе судьбѣ и своему страданію.

Большое горе, сильное страданіе такъ поглощаютъ обыкновенно свою жертву, что все то, что соприкасается съ нимъ, представляется ничтожнымъ и маловажнымъ по сравненію съ этою конкретной и живой болью. Ада Негри распространяетъ это субъективное чувство на всю свою братію. Если прочесть внимательно всѣ ея стихотворенія и сдѣлать общій выводъ ея идей, не касаясь художественности ихъ изображенія и патетичности нѣкоторыхъ пьесъ, придется такъ оформить ея общественное міросозерцаніе, стремленія ея души и ума: народъ, трудящійся, изнемогающій народъ—страдаетъ. Онъ лишенъ всѣхъ утѣшеній, у него нѣтъ даже насущнаго хлѣба. Другіе, тамъ, всѣ тѣ, кто не работаетъ руками, наслаждаются всѣми земными благами. Пока обездоленные на этомъ жизненномъ пиру не получатъ всего, что имѣютъ ихъ жадные братья, ей нѣтъ ни до чего дѣла, пускай все остановится, она не знаетъ, ничего не хочетъ знать, внѣ этого желанія.

Культура въ широкомъ смыслѣ слова нисколько не занимаетъ пока ее. Хлѣба, хлѣба проситъ она для своихъ ближнихъ, это ея вѣчный и единственный напѣвъ. Нельзя не согласиться съ критикомъ Гейзе, который говоритъ о ней: «Однако, даже такіе читатели, которые считаютъ себя свободными отъ эгоистическаго квіэтизма «буржуа» и удѣляютъ поэту право

выражать «то, что его мучаетъ» въ виду страданій его ближнихъ, даже пылкіе почитатели мужества и таланта Ады Негри, принимающей такъ близко къ сердцу экономически слабыхъ, скорбятъ о томъ, что она не обращаетъ никакого вниманія на свѣтлыя стороны новѣйшаго культурнаго міра и рисуетъ намъ свое время въ видѣ выхваченной въ искаженномъ видѣ картины изъ вогнутаго зеркала.

Она нигдѣ не указываетъ на нравственныя цѣлебныя средства больного общества, о примѣненіи которыхъ такъ настойчиво заботятся серьезные и любвеобильные общественные дѣятели. Антитеза между счастливцами и злосчастными, изнуренными чрезмѣрною работой, рисуется ея восхищенной фантазіей непримиримою въ будущемъ. Неужели ей никогда не приходила въ голову мысль, что есть другіе, не менѣе трудные вопросы, достойные жизненной борьбы, помимо борьбы за существованіе, что и между «высшимъ десяткомъ тысячъ» очень немногіе избавлены отъ горя просиживать ночи на своей постели, обливаясь горькими слезами, что жизнь даже для избранныхъ не пустая игра, а задача, которую каждый долженъ рѣшить при напряженіи всѣхъ своихъ силъ, часто удрученный еще виною и скорбью, завидуя иногда работнику въ шахтѣ, зарабатывающему скудный хлѣбъ для своей семьи. Эта область жизни ей неизвѣстна. Если она и поднимается иногда въ высшіе общественные слои, взоръ ея помрачается предубѣжденіями и чудовищныя каррикатуры встаютъ передъ ней».

Обнаруживъ нѣкоторую узость и односторонность пониманія человѣческой культуры и сложности соціальныхъ ошибокъ, Ада Негри остается все-таки великолѣпной въ своей области. Ея картины матеріальной нужды, холода и голода неподражаемы. И языкъ ея, когда она говоритъ о нищетѣ, полонъ увлеченія и захватывающаго экстаза.

Во всей непосредственности своей молодости Ада Негри не всегда минорно относится къ нищетѣ. Въ pendant къ «Autopsia» можно назвать стихотвореніе, написанное въ мажорномъ тонѣ: «Buon di miseria» — тоже вызовъ нищетѣ, но тутъ Негри старается смѣяться ей въ лицо и несмотря на то, что нищета наступаетъ, она поетъ гимнъ жизни.

«Пою гимнъ жизни» *). Сколько движенія, сколько смѣлости, сколько жажды жизни въ этомъ стихѣ, напримѣръ:

„Ты злишься: на что?
Моя молодость, моя жизнь.
Ты не увидишь, не увидишь меня побѣжденной
Въ роковой борьбѣ,—
На разбросанныхъ развалинахъ моихъ страданій
Все же сверкаютъ мои двадцать лѣтъ **).

---

*) „Canto l'inno alla vita!"...
A. Negri. Fatalità „Buon di miseria", 49.

**) „T'accanisci: che vale?
E mia la giovinezza, è mia la vita?

Цѣлый рядъ стихотвореній Негри посвященъ изображенію нищеты и тяжелой участи рабочаго: «Birichino di strada» (Уличный плутишка), «Autopsia» (Отопсія), «I Vinti» (Побѣжденные), «Mano nell'Ingranaggio» (Рука въ машинѣ), «La macchina romba» (Гудитъ машина), «Salvete» (Вамъ мой привѣтъ) и въ сборникѣ Tempeste: «Sgombero forzato» (Выгнанные), «L'Incendio della miniera» (Пожаръ въ шахтѣ), «Disoccupato» (Безъ работы), «A l'Ospedale maggiore» (Въ главномъ госпиталѣ), «Sciopero» (Стачки), «Fine de Sciopero» (Конецъ стачки), «Fanciullo» (Ребенокъ), Nota di cronaca» (Замѣтка хроники), «Invano» (Напрасно), «Operaio» (Рабочій), «I Grandi» (Великіе).

„Одѣнешь ты честную блузу рабочаго
Или каторжника?
Увижу тебя трудящимся или осужденнымъ
За работой въ тюрьмѣ, или въ больницѣ"? *),—

спрашиваетъ она уличнаго нищаго? Онъ покинутъ на произволъ судьбы родителями, которые работаютъ на фабрикѣ. Ада Негри съ такой субъективностью, съ такимъ участіемъ человѣка, прошедшаго черезъ то же чувство, относится къ нему:

„И я жила въ печаляхъ и слезахъ,
И я цвѣтокъ съ шиповъ,
И у меня мать была въ мастерской,
И я знала страданіе... тебя люблю я" **).

Это выраженіе «voler bene», синонимное любви, одно изъ характерныхъ въ итальянскомъ языкѣ, прекрасно передающее психологію примитивнаго чувства, когда только любимому человѣку люди желали добра. «I Vinti» сильно прочувствованное стихотвореніе, трогательная пѣснь тѣхъ, которыхъ тысячи, которыхъ безпредѣльныя орды.

Мы пришли изъ жилищъ безъ дровъ...
. . . . . .
Что за ненависть тяготѣетъ надъ нами? Что за рука

Nella pugna fatale
Non mi vedrai, non mi vedrai sfinita
Su le sparse rovine e su gli affanni
Brillano, i miei vent'anni".
A. Negri. Fatalità. „Buon di Miseria", 49.

*) „L'onesta blusa avrai del manovale
O quella del forzato?
Ti rivedro bracciante o condannato
Sul lavoro, in prigione o nell'Ospedale"?...
A. Negri. Fatalità. „Birichino di Strada", 15.

**) „Anch'io vissi nel lutto e nelle pene
Anch'io son fior di spina,
E l'ebbi anch'io la madre all'officina
E anch'io seppi il dolore... ti voglio bene".
A. Negri. Fatalità. „Birichino di strada", 15.

Неизвѣстная отвергла насъ?...
Зачѣмъ слѣпая судьба кричитъ намъ: „Напрасно...
Спасенія!... Мы побѣжденные *)“...

«Mano nell'Ingranaggio» и «La macchina romba»—оба прекрасны въ своемъ родѣ. Такъ и видишь эту несчастную молодую женщину, у которой только что оторвало машиной руку, такъ и слышишь этотъ свистъ, грохотъ и лязгъ тысячъ колесъ, сливающихся въ одинъ общій гулъ и уносящій къ небесамъ своимъ «роковымъ ура» **).

«Salvete» благословеніе всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ, незнающимъ отдыха или вознагражденія. Въ воображеніи Негри проходитъ цѣлый рядъ трудящихся: тутъ и утомленный, несмотря на мускулистыя руки рабочій, тутъ и усталыя дѣти, тутъ и постарѣлые лбы и раненыя тѣла и обезображенныя лица и вся, вся безконечная, надломленная, грязная чернь...

«Пою тебя, о разбросанная, о трудолюбивая, о великая человѣческая семья» ***)...

Стихотворенія тѣхъ же мотивовъ въ сборникѣ Tempeste, какъ-то менѣе сильны; впечатлѣніе производимое ими блѣднѣе, нѣтъ той непосредственности настроенія и красокъ. Можно думать, что Ада Негри уже писала ихъ съ тенденціей, понявъ, что въ этихъ мотивахъ одинъ изъ секретовъ ея успѣха. Тутъ ихъ гораздо больше, чѣмъ въ Fatalità, но сюжеты слишкомъ драматичны и глубоки для ея юнаго пера. Величественная по ужасу картина пожара въ шахтѣ (L'Incendio della miniera), психологическая драма атлета, для котораго нѣтъ работы («Disoccupato»), стачки, во всей разновидности ихъ поводовъ и послѣдствій (Sciopero, Fine de Sciopero), все слишкомъ сильные, слишкомъ серьезные мотивы, чтобы ихъ трактовать однимъ чувствомъ, безъ должной подготовки. Чувство всегда хорошо—но не всегда достаточно... Вотъ почему изъ этого рода стихотвореній ей болѣе удалось трогательное изображеніе умирающаго ребенка, который даже во снѣ не можетъ перенестись въ болѣе счастливый міръ. Онъ стонетъ, дрожитъ и въ бреду ему слышится зловѣщій шумъ машины, катящіеся цилиндры, быстрый и мощный полетъ гигантскаго ремня. И испуган-

---

*) Noi veniam delle case senza fuoco
. . . . . .
. . . . . .
Qual odio pesa su di noi?... Qual mano
Ignota ci ha respinta?...
Ferchè il cieco destin ci grida: Invano?...
Pietà!... Noi siamo i vinti“.
A. Negri. Fatalità. „I Vinti“, 15.

**) „Si slancia il fatidico hurra“...
A. Negri. Fatalità. „La macchina romba“, 67.

***) „Te canto, o sparsa, o laboriosa, o grande
Famiglia umana!...“
A. Negri. Fatalità. „Salvete“, 127.

ный, въ агоніи, прежде чѣмъ отдыхать навѣки, его умирающія кости вспоминаютъ свою тяжелую прежнюю работу *).

Или въ стихотвореніи «Sgombero forzato» картина поруганной нищеты: «Телѣга, лохмотья, мебель въ червоточинѣ, стыдливо стоитъ подъ дождемъ... и кровать вспоминаетъ несчастную любовь, которую она пріютила для того, чтобы породить на голодъ эти тщедушные члены двухъ малютокъ. И скрипитъ она въ ознобѣ. Кто даетъ право женщинѣ - рабынѣ и плохо питаемой создавать за поцѣлуй другую жизнь тоски? Любовь для бѣдняка—преступленіе» **). Въ этомъ стихѣ вся теорія мальтузіанства и достаточно чувства, когда она рисуетъ несчастную чету и ихъ двухъ младенцевъ, выгнанныхъ на улицу хозяевами и идущихъ подъ дождемъ, сами не зная куда. Но, опять, какъ-то совсѣмъ некстати и не мотивировано предыдущей картиной послѣднее четверостишіе:

«Эта испорченная, голая мебель, которая въ грязи подвигается въ будущее; эта нищета, загораживающая дорогу, представляется исходомъ баррикадъ» ***). Тѣ, кто идутъ на баррикады, едва ли такъ низко сгибаютъ голову,—они знаютъ, куда идутъ...

Любовь рабочаго тоже воспѣта молодой поэтессой. Въ противовѣсъ аристократамъ, которые, по ея мнѣнію, неспособны на сильное чувство и поцѣлуи которыхъ она называетъ «un molle baccio» ****), она хочетъ быть «цвѣткомъ», въ которомъ «заключается сѣмя изобилія, оплодотворенное Богомъ» *****), она хочетъ любить рабочаго, котораго называетъ «королемъ молота»:

„Люблю его, онъ властелинъ наковальни,
Онъ король молота,
Высокій, коренастый, сильный, красивый,
Рядомъ съ нимъ кажусь я ребенкомъ“ ******).

На ту же тему написано «Fior di Plebe» («Цвѣтокъ черни») и стихотвореніе, удачно названное «Bacio pagano» («Языческій поцѣлуй»). Здѣсь воспѣта по-истинѣ языческая любовь, чувственная, матеріальная, безъ малѣйшей утонченности чувствъ, того алькова, которому Негри послала упрекъ въ стихотвореніи «L'Ultima duca», или той идеализаціи, безъ которой уже не можетъ любить интеллигентный человѣкъ нашего времени. «Во-

*) См. *Ada Negri*: Tempeste. „Fanciullo“, 155.
**) См. *Ada Negri*. Tempeste. „Sgombero forzato“, 7.
***) См. *Ada Negri*: Tempeste. „Sgombero forzato“, p. 7.
****) „Вялый поцѣлуй“.
*****) „Il fior, che un seme di dovizia serra
Il Dio che lo feconda!...“
Ada Negri: Tempeste. „Ferino“, p. 70.
******) „Io l'amo—egli è il signor della fucina
Egli è il re del martello
Alto, robusto, nerboruito e bello
A lui dappresso sembro una bambina“.
Ada Negri: Fatalità. „Popolana“, p. 71.

кругъ искренняго и здороваго поцѣлуя жизнь вселенной поетъ хвалу» *), и дальше: «Трепещетъ поцѣлуй опьяняющій и оплодотворяющій» **). Чтобы такъ желать любить, чтобы сумѣть назвать поцѣлуй здоровымъ, чтобы дать эту матеріальную картину любви въ самой простотѣ жизненныхъ красокъ и не оттолкнуть читателя, нужно быть поистинѣ дочерью природы, нужно жить посреди полей и луговъ, въ постоянной близости расцвѣтающей земли и улыбающагося неба...

Всѣ инстинкты сильны и живы въ ней. Инстинктъ материнства уже дрогнулъ въ ея душѣ («Istinto materno», «Figlio», «Sorrisi») и она не стыдится его, напротивъ, она радуется этому новому чувству, просто и откровенно говоритъ о немъ:

„Я вызываю . . . . . .
. . . . . .
Эту божественную розу, выросшую на солнцѣ,
Этотъ взрывъ сосудовъ, дающій
Всю нашу жизнь другой жизни“ ***).

И этотъ инстинктивный характеръ есть главная сила поэзіи Негри. Ея мысли, вѣрнѣе—чувства, всегда искренни, правдивы, жизненны. Какъ чудесны, напримѣръ, нѣкоторыя строфы «Immortale» и «Terra». Они такъ и дышатъ юностью, страстью, движеніемъ. Какой-то потокъ жизни и жажды ея льется изъ этихъ нетерпѣливыхъ и смѣлыхъ словъ:

„Хочу, хочу жить и всегда имѣть двадцать лѣтъ,
Коснуться всѣхъ пространствъ полетомъ всѣхъ крыльевъ,
Смѣяться, наслаждаться, любить“ ****).

Или:

„Нѣтъ болѣе печали, нѣтъ скуки,
Нѣтъ болѣе горя, нѣтъ борьбы,
Все движеніе, здоровье, надежда и радость
Къ землѣ... Къ землѣ...“ *****).

---

*) „Inneggia intorno al bacio schietto e sano
Potentamente l'universa vita“.

**) „Freme il bacio che inebbria e che feconda“.
Ada Negri: Fatalità. „Bacio pagano“, p. 79.

***) „Io questo invoco . . . . . .
. . . . . .
Questa rosa divina al Sol fiorita
Questo schianto di viscere che dona
Tutta la vita nostra a un altra vita“.
Ada Negri: Tempeste. „Istinto materno“, p. 61.

****) „Il voglio, io voglio vivere eaver sempre vent'anni,
Sfiorar tutti gli spazii col vol di tutti i vanni,
Rider, gioire, amar“.
Ada Negri: Tempeste. „Immortale“, p. 95.

*****) „Più tristezza non v'ha, non v'ha più noia
Più miseria non v'ha, non v'ha più guerra
Tutto è moto, è salute, è speme, è gioia
Alla terra... alla terra...“
Ada Negri: Tempeste. „Terra“, p. 32.

Чудесный призывъ къ землѣ и къ работѣ. Толстой могъ бы взять себѣ его эпиграфомъ ко всѣмъ своимъ послѣднимъ статьямъ, гдѣ онъ громитъ городскую цивилизацію и зоветъ къ землѣ... Но у Ады Негри этотъ призывъ еще жизненнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ у нашего великаго романиста.

Въ силу этой свѣжести чувства такъ хороши и лирическія стихотворенія Негри. Изъ нихъ цѣлый рядъ стихотвореній, какъ «Il Figlio» («Сынъ»), «Tu pur verrai» («Ты все же придешь»), «Un anno dopo» («Годъ спустя»), «L'Immortale» («Безсмертный»), «Non tornare» («Не возвращайся»),—отражаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ея собственную, несчастную любовь, которой она долго была вѣрна. Также и стихотвореніе «Strana» («Странная»), въ которомъ прелестнымъ, поэтическимъ языкомъ говорится все о той же безотвѣтной любви на фонѣ таинственной, одухотворенной природы... «Зеленому, шумящему лѣсу вѣтеръ шепчетъ этотъ разсказъ, темная, облачная ночь внимаетъ ему... Но мало-по-малу поднимается вѣтеръ, рвется, проникаетъ, свиститъ, разрушаетъ, и разносится голосъ громкаго, ужаснаго плача, долгаго и стонущаго крика тоски... И лѣсъ дрожитъ».

Нѣкоторые критики даже предпочитаютъ лирическія стихотворенія Негри всѣмъ остальнымъ ея вещамъ.

Нашъ талантливый литературный діагностъ П. И. Вейнбергъ перевелъ два стихотворенія именно изъ этой области ея творчества: «Senza Ritmo» («Безъ размѣра») и «Non tornare» («Не возвращайся»).

Страстными, прелестными стихами въ стихотвореніи «Senza Ritmo» оплакиваетъ Ада Негри молодой талантъ красавицы Ниче, которая должна умереть отъ чахотки. Чудные звуки музыки Бетховена говорятъ болѣе словъ; они говорятъ о страстномъ желаніи жить, о всемъ томъ морѣ страданія, которое должна испытывать, погибая, любимая жена и счастливая мать:

„Сидишь ты, къ роялю склонясь;
Лица твоего я не вижу,
Не вижу печально мечтающихъ глазъ,
Въ которыхъ томится любви безпредѣльная жажда
И скрытыя слезы
Какъ будто бы вѣчно дрожатъ.
Кидаюсь я ницъ предъ тобой, и цѣлую я бѣлое платье,
Склоняюсь въ слезахъ я, земная, къ небесной, тебѣ,
Тебѣ, уходящей отсюда, быть можетъ, ужъ завтра.
И въ робкихъ аккордахъ мнѣ слышится: „ты,
Которая жить остаешься и жадно
Любовь призываешь къ себѣ,
О, не теряй, не теряй ни минуты,—люби!
Люби нелюбимыхъ, страдающихъ здѣсь безнадежно;
Ты, слабая, ты, одинокая будь
И бодрой, и мощной, для всѣхъ одинокихъ и слабыхъ;
Старайся жить такъ, чтобъ холодная смерть
Тогда лишь могилу для тѣла тебѣ отворила
Когда у души твоей будетъ сознанье,
Что она, раздѣлившись на тысячи тысячъ частей,
Расплывшись мильонами атомовъ свѣтлыхъ,

Любовный дала поцѣлуй
Всѣмъ одинокимъ и кроткимъ, и плачущимъ въ мірѣ...
Люби! Безконечна любовь,—оттого,
Что и скорбь безконечна..." *).

При такомъ преобладаніи чувства, какъ замѣчается въ стихотвореніяхъ Негри, теоретическая работа могла бы только испортить ихъ. Она, говорятъ, никогда не работала надъ своими произведеніями, никогда не перечитывала и не поправляла ихъ. Ея стихотворенія выливались изъ-подъ ея пера непринужденной, безсознательной почти струей, какъ льется ароматъ фіалки, согрѣтой теплотой солнечныхъ лучей. И вспомнивъ, что ей недавно минуло 20 лѣтъ **), многое сдѣлается понятно въ ея поэзіи и мы не рѣшимся требовать отъ нея того, чего она еще не можетъ дать. Гейзе въ своей послѣдней статьѣ о ней подсмѣивается надъ чрезмѣрнымъ самодовольствомъ молодой поэтессы. Онъ отмѣчаетъ необыкновенно повышенный тонъ, въ которомъ она говоритъ о себѣ въ стихотвореніяхъ: «Ego sum», называя себя башней надъ могилой друзей, «Risveglio», «L'Ora», и снисходительно качаетъ головой, когда въ стихотвореніи «A te mamma» Ада Негри объявляетъ себя сильной и стойкой подобно дубу:

„Во мнѣ возраждается
Дикій дубъ, не сгибающійся отъ вѣтра" ***).

Но такъ ли виновата она? На то дана человѣку молодость, чтобы, преувеличивая свое значеніе и свои силы, достигать многаго. Скептицизмъ вообще, а тѣмъ болѣе скептицизмъ и недовѣріе къ себѣ никогда не были двигателями человѣчества. Пусть это чувство остается удѣломъ осени и зимы нашего бытія, когда уже все пройдено, все испытано, все понято...

А разъ есть увѣренность въ себѣ, недалеко и самообольщеніе. У Ады Негри, сравнительно, его мало. Почти всѣ ея темы альтруистическаго содержанія; она вѣчно живетъ съ другими и за другихъ. Какъ сравнить ее съ Башкирцевой, напримѣръ, у которой нѣтъ ни одной мысли, ни одного чувства внѣ ея самой. Интересно, что у Ады Негри есть стихотвореніе въ 24 строфахъ, посвященное Маріи Башкирцевой; вѣроятно, итальянская поэтесса знала Башкирцеву, не читая ее сама, а по статьямъ, проникшимъ и въ итальянскую газетную печать; иначе, демократическій складъ ея души и чуткость къ горю другихъ людей, возмутились бы эгоистическимъ міросозерцаніемъ и тѣмъ исключительнымъ себялюбіемъ, которымъ пропитанъ дневникъ Маріи Башкирцевой. Впрочемъ, очевидно, ее тоже, какъ многихъ другихъ, плѣнилъ романтическій образъ рано погибшаго таланта. Возмути-

*) *Ада Негри*: „Senza Ritmo". Въ переводѣ П. И. Вейнберга (см. *Всемірная Иллюстрація* 27 іюля 1896 г.).

**) Ей было не болѣе 20 лѣтъ, когда она писала стихотворенія, вошедшія въ сборникъ Fatalità.

***) „Riviva in me l'altera
Quercia selvaggia, che non crolla al vento".
Ada Negri: Tempeste. „A te mamma", p. 3.

тельное насиліе смерти надъ молодымъ существомъ, этотъ тѣмъ болѣе ужасный законъ, когда онъ предъявляетъ свои права и уничтожаетъ молодую жизнь, полную силъ и обѣщаній, впечатлилъ Негри болѣе всего и она кончаетъ вопросомъ безпощадной смерти, которая не щадитъ ни красоты, ни молодости:

„Ничего, значитъ, отъ насъ, ничего не остается?
Я бросаю въ потемкахъ въ ужасѣ крикъ
Возмущенной души.
Но земля не знаетъ, Богъ не отвѣчаетъ,
Въ безконечности поглощается стонъ,
Какъ камень въ волнѣ" *).

Да, не слѣдуетъ забывать крайнюю молодость, читая Негри.—Понятно, что будь ей не 20 лѣтъ, когда она писала свои стихотворенія, требованія, предъявленныя ей, были бы совсѣмъ иныя и то, что иногда вызываетъ теперь улыбку, вызвало бы тогда, можетъ быть, гримасу, у скептика читателя. Общее сужденіе о ней также преждевременно.

V.

Благодаря чему же Ада Негри сдѣлалась такъ быстро всемірно-извѣстной? Такъ ли великъ ея поэтическій талантъ? Такъ ли оригинальны руководящія ея идеи? Безспорно, Ада Негри талантлива, но при другихъ обстоятельствахъ этому таланту пришлось бы дольше стучаться въ преддверіе извѣстности. Языкъ ея страстенъ, подчасъ увлекателенъ, но далеко не всегда безукоризненъ, иногда даже не литературенъ. Въ чемъ же причина такого увлеченія поэзіей Ады Негри, такого успѣха этихъ двухъ маленькихъ томовъ «Fatalità» и «Tempeste»?

Въ ея мотивахъ и еще—въ ея личномъ образѣ. Она систематично затрогиваетъ область, рѣдко вдохновляющую поэзію, она адвокатъ—обездоленныхъ и несчастныхъ, она плачетъ о всѣхъ обиженныхъ судьбой и людьми. Достаточно было нѣкоторымъ критикамъ назвать ее «соціалисткой», чтобы возбудить къ ней общій интересъ. Соціализмъ на виду. Разрѣшеніе выдвигаемыхъ имъ вопросовъ на очереди не только у науки, но у цѣлыхъ народовъ. Убѣжденные его сторонники естественно интересуются всѣмъ и выставляютъ все то, что можетъ украсить ихъ слова, убѣдить лишнее сердце; индифферентные къ ихъ теоріямъ растроганы картиной собственной участи молодой поэтессы, ея личнаго горя, ея судьбы. И тутъ образъ Ады Негри, интересный и романтическій, ея 20 лѣтъ, ея жизнь въ глуши за-

*) „Nulla dunque di noi, nulla più restà...
Io lancio al buio l'angoscioso grido
Dell'anima in tempesta
Ma la terra—non sa, Dio non risponde
Ne l'Infinito il gemito s'inghiotto
Come sasso ne l'onde".
A. Negri: Fatalità. „A. Maria Baschkirtzeff", p. 197.

канчиваютъ впечатлѣніе и влекутъ къ ней всѣ чуткія души, несутъ симпатіи разнообразнѣйшихъ людей. Утомленный горожанинъ, ищущій новизны, склонная къ романтизму молодость, старики, очарованные уже утраченною ими жизненностью, рабочій, за котораго подымается ея юный голосъ, соціалистъ ученый и соціалистъ въ душѣ—всѣ находятъ интересъ въ ея поэзіи.

Сама Ада Негри едва ли была убѣжденной соціалисткой; по ея поэзіи видно, что она не проводитъ ни одной соціальной мысли, а потому не доходитъ ни до одного крайняго вывода... Молодость или буржуазность, которую Негри отрицаетъ только съ матеріальной стороны, ограниченность наблюденій или ограниченность міросозерцанія, но Ада Негри возмущается мало; она плачетъ, плачетъ и плачетъ. Ея плачъ искренень, онъ вызываетъ симпатіи, онъ рисуетъ образы, онъ приводитъ въ извѣстное настроеніе читателя. Субъективность многихъ мотивовъ ея горя увеличиваетъ интересъ къ ней, подкупаетъ тѣхъ, которые съ такой жадностью стремятся проникнуть въ душу писателя, поднять занавѣсу отвлеченности, матеріализировать каждое впечатлѣніе, если возможно—каждое чувство.

И вотъ, будучи интересной, подчасъ близкой такой массѣ людей, Ада Негри сдѣлалась необыкновенно быстро не только итальянской, но почти всемірной извѣстностью. Статьи о ней стали появляться во всевозможныхъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, швейцарскихъ журналахъ и газетахъ. Къ намъ она проникла благодаря фельетону г. Булгакова *). Затѣмъ М. В. Ватсонъ напечатала статью въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, отмѣтивъ публицистическій характеръ поэзіи Негри. Недавно вышла небольшая книга, въ которой г-жа Ватсонъ даетъ много интересныхъ переводовъ изъ Ада Негри и съ большимъ увлеченіемъ говоритъ объ ея талантѣ, а въ *Мірѣ Божьемъ* появилась о ней статья г. Фриче.

Иностранцы большею частью трактовали ее съ одной точки зрѣнія—общественно-соціальнаго характера ея поэзіи. Въ Италіи были и критики ея литературныхъ заслугъ, но полемика о ней также вертѣлась на значеніи мотивовъ ея поэзіи. Югъ и сѣверъ Италіи лишній разъ высказывали по поводу нея всю разницу своей культуры, темперамента, вкусовъ и міросозерцанія. Всѣ, кто бывалъ въ Италіи, знаютъ, какая бездна лежитъ между ломбардцемъ и неаполитанцемъ. Помимо разницы самого склада темперамента и характера, это разные совсѣмъ люди по развитію. Развѣ мыслимы въ Миланѣ эти почти языческія процессіи, гдѣ съ музыкой и всей оффиціальной торжественностью носятъ разукрашенную статую св. Іануарія, въ процессіи котораго оффиціально участвуетъ самъ городской голова Неаполя. Развѣ мыслимы эти ежедневныя чудеса, превращенія сгущенной крови этого же Іануарія въ жидкую,—чудо, повторяющееся 8 дней подъ рядъ въ маѣ и сентябрѣ въ церкви его имени, гдѣ безсовѣстный и самодовольный патеръ продѣлываетъ этотъ фокусъ передъ изступленнымъ на-

*) См. *Булгакова*: „Ада Негри“. *Новое Время*, № 7329.

родомъ, гиканьемъ юродивыхъ, причитаніемъ и рыданіемъ женщинъ. Цѣлыя столѣтія раздѣляютъ сѣверъ Италіи отъ юга и то, что понятно ломбардцу, ненавистно неаполитанцу, вносящему въ область мысли всю нетерпимость, отличающую и его религію *).

И Ада Негри явилась тѣмъ поводомъ раздора, за который такъ яростно хватаются люди различныхъ убѣжденій, радующихся случаю прокричать погромче свои мысли и, если можно, уничтожить противника. Сама Ада Негри не высказалась въ этомъ спорѣ. Пока она извѣстна намъ только въ сферѣ своего чувства, которое сумѣла передать и своимъ читателямъ.

Молодость всегда нѣсколько односторонняя, и слава юной Негри, что темой своихъ стихотвореній она выбрала тѣхъ, кто страдаетъ, тѣхъ, чей плачъ такъ часто заглушается свистомъ и грохотомъ машинъ, тѣхъ, чью обездоленную жизнь и преждевременную смерть стараются забыть даже лучшіе изъ счастливыхъ буржуа.

С. Кавосъ-Дехтерева.

---

*) „Италія даетъ цифры, говорящія о рѣзкой разницѣ между сѣверомъ и югомъ, а центръ является и въ этомъ отношеніи переходной ступенью. Статистика 1875—76 гг. и послѣдующихъ лѣтъ показываетъ, что въ то время, какъ Піэмонтъ, Ломбардія, Лигурія, венеціанская провинція все болѣе и болѣе дѣлаются грамотными, въ южныхъ провинціяхъ: Калабріи, Пуліи, Базиликатѣ и проч., очень мало прибавляется грамотныхъ,—почти въ одинаковой степени все время.

Въ 1881 году безграмотныхъ, начиная съ 6-лѣтняго возраста, на 1,000 жителей было: въ сѣверной Италіи 40,86, центральной—64,61, южной—75,19.

Новѣйшія данныя болѣе подробны". См. *З.*: „Двѣ Италіи", *Вѣстникъ Европы* 1898 г., декабрь.

Очеркъ народнаго образованія въ Архангельской губерніи *).

I.

Прошлое народнаго образованія въ этомъ отдаленномъ углу Россіи такъ же темно, какъ плачевно его настоящее.

Строго говоря, до начала нынѣшняго столѣтія нужды народнаго образованія на всемъ русскомъ сѣверѣ совершенно игнорировались, и лишь съ начала XIX вѣка правительство сочло нужнымъ учредить въ главнѣйшихъ населенныхъ пунктахъ края такъ называемыя *народныя училища*. Но этими главнѣйшими пунктами были лишь города, да и то далеко не всѣ. Въ дошедшемъ до насъ первомъ достовѣрномъ «*Описаніи Архангельской губерніи въ хозяйственномъ, коммерческомъ, философскомъ, историческомъ, топографическомъ, статистическомъ, физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ*», составленномъ извѣстнымъ фонъ-Пошманомъ въ 1802 году, видно, что въ то время существовало *главное народное училище* въ г. Архангельскѣ и мореходная школа, учрежденная въ 1786 г. «По перенесеніи архіерейскаго пребыванія изъ Холмогоръ въ г. Архан-

*) Чтобы не пестрить текста ссылками, мы приводимъ здѣсь полный списокъ источниковъ, которыми мы пользовались для этой статьи. Подавляющее ихъ большинство носитъ оффиціальный характеръ, что объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ никто не дѣлалъ сводки данныхъ, относящихся къ области народнаго образованія въ Архангельской губерніи и вообще въ печати, кромѣ двухъ-трехъ десятковъ корреспонденцій, рисующихъ состояніе народнаго образованія въ томъ или другомъ уголкѣ губерніи и притомъ въ разное время, ничего не было. Такимъ образомъ настоящая статья является *первымъ* систематическимъ сводомъ данныхъ народнаго образованія въ Архангельской губ.

Источниками намъ служили:

Фонъ-Пошманъ: „Описаніе Архангельской губ.“, т. I и II, 1802 г.

Народное Образованіе: „Отчетъ коммиссіи о нуждахъ народнаго образованія въ Архангельской губ. 1869 г.“.

Справочная книжка для Архангельской губ. за 1860 г.

Справочная книжка Архангельской губ. за 1868 г.

Памятная книжка Архангельской губ. за 1869 г.

гельскъ,—говоритъ Пошманъ,—переведена была въ 1792 г. епископомъ Антоніемъ оттуда и семинарія, которая заведена была въ 1772 г. преосвященнымъ Варнавою. Въ семинаріи сей обучаются дѣти священническія и церковныхъ причетниковъ, латинскому и греческому языкамъ, географіи, ариѳметикѣ, риторикѣ, философіи и богословію. Въ библіотекѣ при сей семинаріи находящейся, считается до 2,000 книгъ, латинскихъ, россійскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ и французскихъ». Очевидно, потребность въ духовенствѣ, сколько-нибудь подготовленномъ къ выполненію лежащихъ на немъ обязанностей, въ томъ числѣ и обязанности духовнаго руководительства невѣжественнымъ населеніемъ, сознана была значительно раньше, чѣмъ

Губернскія Вѣдомости за 1869 г.

Губернскія Вѣдомости за 1877 г.

Отчетъ архангельскаго статистическаго комитета за 1876 г.

" " " " " 1877 "

" " " " " 1878 "

" " " " " 1879 "

" " " " " 1880 "

" " " " " 1881 "

" " " " " 1882 "

" " " " " 1883 "

" " " " " 1884 "

" " " " " 1885 "

" " " " " 1886 "

Справочная книжка и календарь Архангельской губ. за 1888 г.

Обзоръ 25-мѣтней дѣятельности московскаго земства: „Попеченіе о народномъ образованіи" (1865—1890 г.)

Отчетъ архангельскаго епархіальнаго училищнаго совѣта за 1891—92 учебн. годъ.

Тоже за 1892—93 г.

Тоже за 1893—94 г.

Тоже за 1894—95 г.

Тоже за 1895—96 и 1896—97 гг.

Архангельскія Епархіальныя Вѣдомости за 1897 г., №№ 9 и 10, и 99 г.

Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губ. на 1895 г.

Краткій очеркъ развитія и состоянія церковныхъ школъ въ архангельской епархіи со времени открытія ихъ въ 1884 г.

Извлеченіе изъ всеподд. отчета оберъ-прокурора святѣйш. синода за 1889—90 и 1890—91 учебн. годъ.

Отчетъ архангельск. статист. комит. за 1894 г.

Тоже за 1895 г.

Тоже за 1896 и 1897 гг.

Приложенія ко всеподдан. отчету Архангельск. губ. о состояніи Архангельской губ. за 1893 г.

Тоже за 1894 г.

Тоже за 1895 г.

Тоже за 1896 г.

Тоже за 1897—98 гг.

А. Острогорскій: „О современномъ состояніи начальнаго образованія въ Россіи". *Образ.* 1895 г., №№ 7—8.

Епархіальныя Вѣдомости 1896 г., №№ 7, 9, 11, 12 и 14.

прямая нужда въ непосредственномъ образованіи низшихъ слоевъ населенія. Только спустя 14 лѣтъ по учрежденіи семинаріи (въ 1786 г.) именнымъ указомъ императрицы Екатерины II въ Архангельскѣ было открыто *главное народное училище*, «съ приличнымъ распоряженіемъ отъ приказа общественнаго призрѣнія». «Отъ коммиссіи же учрежденія училищъ въ Россіи присланы были учители». «Сіе училище,—добавляетъ фонъ-Пошманъ,—существуетъ еще и донынѣ, съ которымъ соединено и мореходное училище, содержимое на иждивеніе приказа общественнаго призрѣнія».

Впрочемъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка мы уже застаемъ въ Архангельскѣ еще школы, а именно: «школы при церквахъ лютеранской и реформатской, въ которыхъ дѣти иностранцевъ и *нѣкоторыхъ россіянъ* обучаются первымъ основаніямъ вѣры и языкамъ: нѣмецкому, голландскому и французскому, также ариѳметикѣ, географіи и исторіи». Существуетъ еще въ то же время «при гарнизонѣ» училище, въ которомъ солдатскихъ дѣтей обучаютъ «грамотѣ, правописанію, ариѳметикѣ и геометріи».

Таковы были въ то время образовательныя средства большого губернскаго портового города, съ громадною отпускной и ввозной торговлей, съ населеніемъ почти въ два десятка тысячъ! Что можно было сказать объ уѣздныхъ городахъ и деревнѣ?

Между прочимъ, несомнѣнно, что школы при «реформатской и лютеранской церквахъ» удовлетворяли нуждамъ не однихъ иностранцевъ,—русская интеллигенція того времени («нѣкоторые россіяне») не прочь была отдать своихъ дѣтей въ науку «нѣмцамъ», тѣмъ болѣе, что русское «главное народное училище» обучало почти одной грамотѣ и ариѳметикѣ. Насколько это послѣднее удовлетворяло нуждамъ народа, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ указаній, какъ нѣтъ указаній и на то, какъ великъ былъ запросъ на грамотность со стороны народа. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ это время въ самомъ архангельскомъ округѣ не существовало ни одной школы; не существовало ихъ, конечно, и въ другихъ округахъ края.

У фонъ-Пошмана мы находимъ только указанія на училища въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ,—безъ сомнѣнія, такой добросовѣстный изслѣдователь края, какъ онъ, не преминулъ бы упомянуть въ своихъ детальныхъ описаніяхъ быта, нравовъ, даже зданій и одежды мѣстнаго населенія о томъ, какъ и чему это населеніе учится, но такихъ указаній у Пошмана нѣтъ.

По книгѣ этого изслѣдователя можно только судить о томъ, что въ г. Холмогорахъ «по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія, въ 1786 г., устроено малое народное училище», и что «принимаютъ въ оное дѣтей обоего пола съ шести лѣтъ и обучаютъ россійской грамотѣ, правописанію, катехизису, ариѳметикѣ, Священной исторіи» и даже «христіанскому нравоученію». То же самое находимъ и въ г. Мезени, съ тою только разницей, что «училище сіе,—по словамъ Пошмана,—небольшое, раздѣленное на два класса. Въ немъ, по методѣ народныхъ училищъ, дѣти обоего пола обучаются...» тѣмъ же предметамъ и еще «христіанскому закону». Въ

г. Онегѣ мы снова встрѣчаемся съ такимъ же училищемъ; въ Кеми, повидимому, совсѣмъ нѣтъ ни одной школы, а относительно Колы (почти 1,000 человѣкъ жителей въ то время) у Пошмана есть только краткое указаніе такого содержанія: «Впрочемъ, ни училища, и никакихъ иныхъ заведеній, ни фабрикъ въ семъ городѣ не имѣется». Такимъ образомъ, въ 8 городахъ съ населеніемъ въ общей сложности почти въ 30,000 душъ обоего пола насчитывается всего *четыре* народныхъ училища и *два* спеціальныхъ (морское и духовная семинарія въ губернскомъ городѣ). Все же населеніе губерніи, внѣ городовъ, достигаетъ почти 200 тыс. душъ обоего пола и русскаго происхожденія (лопари и самоѣды въ общей сложности не достигали 6—7 тысячъ душъ) и для удовлетворенія своихъ потребностей въ образованіи *не имѣютъ ни одной школы*.

Спустя десять лѣтъ послѣ учрежденія Екатериной главнаго и малыхъ народныхъ училищъ въ 1796 г., Архангельская губернія окончательно была наименована губерніей и перестала быть частью вологодскаго намѣстничества. Съ этого времени въ губерніи существуютъ уже общегубернскія учрежденія и дѣло народнаго образованія перестаетъ быть дѣломъ одного только приказа общественнаго призрѣнія; каждое отдѣльное вѣдомство начинаетъ заботиться объ образованіи подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Но заботы эти еще долгое время остаются на бумагѣ, и все дѣло почти вплоть до 40-хъ годовъ текущаго столѣтія ограничивается канцелярскою перепиской съ одной стороны, и принужденіемъ крестьянскихъ обществъ къ открытію школъ—съ другой. Въ отчетахъ различныхъ вѣдомствъ того времени постоянно фигурируютъ уже десятки школъ въ селахъ и даже въ деревняхъ, но изъ описаній Архангельской губерніи, составленныхъ въ то время, видно, что въ дѣйствительности дѣло народнаго образованія сводилось почти къ нулю. Такое положеніе вещей длится вплоть до 60-хъ годовъ, когда, благодаря общему подъему общественнаго настроенія, вызванному главнымъ образомъ крестьянскою реформой, даже такіе отдаленные углы, какъ крайній сѣверъ, хотя и оставшійся въ значительной степени дореформеннымъ угломъ, начинаютъ испытывать на себѣ вліяніе эпохи реформъ. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ организація народнаго образованія принимаетъ въ общихъ чертахъ тотъ видъ, который она имѣетъ въ настоящее время. Кромѣ учрежденія должности директора, организуется наблюдательный комитетъ, играющій роль училищнаго совѣта; значительная часть школъ, фигурировавшихъ до сихъ поръ только въ отчетахъ подлежащихъ вѣдомствъ и приказа общественнаго призрѣнія, становятся дѣйствительно фактически существующими школами. Однако, ихъ еще очень мало и дѣло въ нихъ поставлено безусловно плохо. Потребность въ лучшей постановкѣ дѣла подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, требовавшаго полнаго упорядоченія этого дѣла, приводитъ къ тому, что дореформенная, не имѣющая земскихъ учрежденій Архангельская губернія обращаетъ на себя вниманіе министерства народнаго просвѣщенія, по иниціативѣ котораго уже въ 1868 г., по представленію директора народныхъ училищъ, учреждается

особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи. Коммиссія эта, впрочемъ, задалась очень скромными цѣлями; въ программѣ ея дѣятельности отнюдь не фигурируетъ радикальное преобразованіе всей системы народнаго образованія,—преобразованіе, требуемое самою жизнью и ея запросами, выразившимися, наприм., въ недвусмысленной формѣ цѣлой серіи приговоровъ крестьянскихъ обществъ, преимущественно удѣльнаго вѣдомства, которыя, какъ выяснила упомянутая коммиссія, въ учреждаемыя ими по распоряженію администраціи училища, *высылали* учениковъ по приговору обществъ, а не по желанію родителей, «изъ которыхъ нѣкоторые, проживая въ отдѣльныхъ отъ училища селеніяхъ, весьма тяготились приговоромъ, такъ что *вмѣсто своихъ дѣтей даже нанимали подставныхъ изъ проживающихъ въ селеніи*, въ которомъ находилось училище». Кстати сказать, число учениковъ въ каждомъ изъ училищъ удѣльнаго вѣдомства было разъ навсегда ограничено 40 челов., и въ эти училища не принимали иначе, *какъ по приговору общества*,—собственнаго желанія учиться или учить своихъ дѣтей было недостаточно.

Коммиссія, обсуждавшая нужды народнаго образованія, какъ выражается ея «отчетъ», *нашла*, что всѣ существующія училища распредѣляются между тремя вѣдомствами—удѣльнымъ, бывшей палатой государственныхъ имуществъ и церковнымъ. Наибольшее число школъ падаетъ на долю церковнаго вѣдомства,—ихъ насчитывается въ 1868 г. 112 съ 1,566 учащимися, обучаемыми безмездно приходскимъ духовенствомъ. Какъ и чему обучались «безмездно» въ этихъ школахъ, увидимъ ниже.

Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ школы содержались на особый 6½ коп. сборъ, введенный въ 1868 г., школъ этихъ насчитывалось всего 38 съ 1,804 учащимися. Въ 8 школахъ удѣльнаго шенкурскаго имѣнія насчитывалось 232 учащихся, т.-е. цифра ихъ далеко не достигала нормальной, установленной удѣльнымъ вѣдомствомъ (по 40 учащ. на каждую школу).

Считая въ 7 уѣздахъ (кромѣ Кольскаго) 2,785 населенныхъ мѣстъ, можно вычислить, что въ Архангельскомъ уѣздѣ въ то время приходилось всего *по 2 учащихся на селеніе*, въ Мезенскомъ и Кемскомъ—*по одному*, а въ остальныхъ—*дробь*, т.-е. на нѣсколько селеній приходился одинъ учащійся. Впрочемъ, этотъ разсчетъ справедливъ только при предположеніи, что въ дѣйствительности существовали всѣ 112 церковно-приходскихъ школъ, но послѣднее обстоятельство очень сомнительно, такъ какъ изъ донесенія директора народныхъ училищъ въ томъ же 1868 г. видно, что «опредѣлить число дѣйствительно существующихъ приходскихъ школъ весьма трудно, ибо многія сегодня существуютъ, завтра по разнымъ причинамъ закрываются».

Строго говоря, фактически существуютъ въ то время только училища удѣльнаго вѣдомства, бывшей палаты государственныхъ имуществъ и лишь немногія изъ церковно-приходскихъ,—въ остальныхъ церковно-приходскихъ школахъ дѣло обученія поставлено такъ плохо, что крестьянскія общества,

наприм., не находятъ возможнымъ платить причту за обученіе своихъ дѣтей болѣе 5 рублей въ годъ, доводя эту цифру лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ до 25 рублей въ годъ. Что дѣло обученія въ нихъ было поставлено очень неудовлетворительно, косвенно доказывается еще и тѣмъ, что, среднимъ числомъ, каждый ученикъ учился въ нихъ не менѣе *пяти лѣтъ*, причемъ въ теченіе этого времени обучался только письму, чтенію, началамъ ариѳметики и Закона Божьяго. Стоимость содержанія всѣхъ школъ того времени не превышала 10,656 рублей въ годъ, т.-е. на каждаго учащагося затрачивалось до 3 р., а слѣдовательно полное обученіе ученика обходилось около 15 р. Таковы, конечно, среднія цифры,—въ дѣйствительности обученіе обходилось гораздо дороже, если исключить 1,566 учениковъ церковно-приходскихъ школъ, «обучавшихся» безмездно. Дѣйствительно, удѣльное вѣдомство, наприм., ежегодно затрачивало по 230 руб. на училище, съ неполнымъ комплектомъ учащихся.

Такъ же неудовлетворительно было поставлено дѣло образованія и государственныхъ крестьянъ. Училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ было, какъ мы сказали, 38. Всѣ они раздѣлялись на три группы: исключительно для мальчиковъ исключительно для дѣвочекъ и смѣшанныхъ. Съ 1867 г. всѣ эти училища перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, заставшаго довольно плачевную картину. Лишь въ 3-хъ изъ 38 училищъ было учениковъ свыше комплекта, т.-е. выше 50 человѣкъ, въ остальныхъ численность учениковъ была порою значительно ниже. Впрочемъ, не одна дурная постановка дѣла была причиною упадка школъ. Насколько извѣстно, вѣдомство государственныхъ имуществъ задавалось очень широкими цѣлями: въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ оно вводило, кромѣ обученія по обычной программѣ народныхъ училищъ, еще и преподаваніе ремеслъ и началъ сельскаго хозяйства. Для этой цѣли оно приглашало спеціалистовъ-учителей, а съ внѣшней стороны—не жалѣло средствъ на устройство школьныхъ помѣщеній. «Между послѣдними,—говоритъ комиссія, изслѣдовавшая состояніе народнаго образованія въ Архангельской губерніи, — особеннаго вниманія заслуживаютъ бывшія ремесленно-хозяйственныя учебныя заведенія, которыя имѣютъ собственные дома, поражающіе своей громадностью». Благія начинанія вѣдомства государственныхъ имуществъ въ значительной степени, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многіе источники, разбились о невѣжественность и косность населенія, подозрительно относившагося къ затѣямъ чиновниковъ.

Во всякомъ случаѣ, дѣло обученія мальчиковъ еще кое-какъ, черезъ пень колоду, шло. Но обученіе дѣвочекъ шло совсѣмъ плохо. Кромѣ 5-ти «ремесленно-хозяйственныхъ» училищъ для дѣвочекъ, существовало еще 9 обыкновенныхъ, но ученицъ и въ тѣхъ, и въ другихъ, въ среднемъ, было не болѣе 12 на каждое учрежденіе, причемъ было даже 2 такихъ училища, въ которыхъ были учительницы, но не было ученицъ. Сама комиссія въ лицѣ директора народныхъ училищъ нашла возможнымъ соединить женскія училища «за ихъ ненадобностью» съ мужскими, а на осво-

бодившіяся средства «улучшить бытъ преподавателей» и открыть новыя училища смѣшаннаго типа. И само населеніе на многихъ сходахъ выразило такое же желаніе, поставивъ вопросъ о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проектируя закрыть спеціально женскія школы, такъ какъ, по мнѣнію сходовъ, дѣвочекъ «вовсе не слѣдуетъ обучать».

При разбросанности селеній существовавшія школы далеко не удовлетворяли даже наличной, не особенно замѣтной потребности въ нихъ. Въ силу этого со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы крестьянскихъ обществъ на то, что они платятъ деньги, но дѣтей своихъ не обучаютъ, благодаря отдаленности училищъ. Однако, несмотря на видимое широкое отношеніе къ образовательнымъ нуждамъ народа, бывшая палата государственныхъ имуществъ не обращала вниманія на эти жалобы, хотя законность ихъ и была очевидна, и даже не воспользовалась ни разу своимъ правомъ перемѣщать черезъ извѣстный промежутокъ времени училища изъ одного селенія въ другое.

Въ общемъ получается картина полной почти дезорганизаціи школьнаго дѣла,—нѣтъ единообразія въ планѣ, нѣтъ учителей, нѣтъ подчасъ учениковъ, многія школы существуютъ только на бумагѣ. Вообще говоря, коммиссія, изслѣдовавшая состояніе народнаго образованія, прежде всего, силою вещей должна была обратить вниманіе на чисто даже внѣшнее упорядоченіе дѣла. Не было центральнаго органа, который бы вѣдалъ дѣла народнаго образованія, не было слѣдовательно и контроля надлежащаго, особенно въ церковно-приходскихъ школахъ, гдѣ преподаваніе въ лучшемъ случаѣ велось урывками. Въ виду этого, тогдашній директоръ народныхъ училищъ настаиваетъ на организаціи училищнаго совѣта, большинство административныхъ членовъ коммиссіи всецѣло присоединяется къ нему, высказывая при этомъ пожеланіе, чтобы ближайшее наблюденіе за учебной частью было возложено на попечителей, существованіе и желательность которыхъ были уже предусмотрѣны «положеніемъ о народныхъ училищахъ» 1864 года.

Но долго еще не удавалось создать института попечителей, по крайней мѣрѣ, въ хроникѣ народнаго образованія въ Архангельской губерніи вплоть до 70-хъ годовъ отмѣчается только два случая существованія попечителей. Поэтому долгое время школы всѣхъ вѣдомствъ остаются безъ всякаго призора и контроля, особенно, повторяемъ, церковно-приходскія, въ которыхъ, по выраженію директора народныхъ училищъ, «самые добросовѣстные священники заявляютъ, что они по многосложнымъ обязанностямъ никогда не будутъ въ состояніи исполнить учительскую должность добросовѣстно, особенно въ многолюдныхъ приходахъ, раскинутыхъ на далекое разстояніе».

Еще болѣе яркими красками характеризуетъ состояніе народнаго образованія въ началѣ 70-хъ годовъ губернская администрація въ лицѣ архангельскаго губернатора. Онъ нашелъ, что *всѣ* училища находятся *одинаково* въ неудовлетворительномъ состояніи и «не соотвѣтствуютъ мѣрѣ потребности въ народномъ образованіи». По его словамъ, «значительная часть цер-

ковно-приходскихъ училищъ, учрежденныхъ при церквахъ и состоящихъ на попеченіи сельскаго приходскаго духовенства, существуетъ только по имени и общая численность ихъ, приводимая въ оффиціальныхъ документахъ, *многимъ выше* наличнаго количества училищъ, дѣйствительно и постоянно посѣщаемыхъ. Преподаватели въ этихъ училищахъ, священно- и церковно-служители, за занятія свои не получаютъ никакого вознагражденія, и, кромѣ того, при обширномъ пространствѣ здѣшнихъ сельскихъ приходовъ бываютъ, и на продолжительное время, часто отвлекаемы отъ своихъ преподавательскихъ обязанностей исполненіемъ требъ».

Вообще же губернаторъ нашелъ, что, «при разбросанности населенныхъ мѣстъ Архангельской губ., дѣятельность какихъ-нибудь сорока или пятидесяти сельскихъ училищъ совершенно теряется, и *если бы даже число ихъ удвоилось, то все-таки огромное большинство крестьянскаго населенія осталось бы безъ всякихъ средствъ образованія*».

При такихъ обстоятельствахъ естественно снова выдвигается вопросъ о расширеніи предѣловъ школьнаго образованія. Единственно возможнымъ путемъ, достигающимъ этой цѣли, является, по мнѣнію администраціи края, система выдачъ извѣстнаго вознагражденія за каждаго обученнаго грамотѣ, какимъ бы способомъ это обученіе ни было достигнуто. Дѣйствительно, въ такой системѣ ощущалась настоятельная нужда—по переписи 1865 года *всѣхъ* грамотныхъ (въ томъ числѣ считалось городское населеніе и интеллигентные классы) въ Архангельской губерніи было 25,573 чел., причемъ въ городахъ и посадахъ ихъ было 10,197 чел., или 1 грамотный на троихъ неграмотныхъ, а въ уѣздахъ, т.-е. деревнѣ, 15,376, или 1 грамотный на 15 неграмотныхъ. Процентъ этотъ для такой дореформенной губерніи, какъ Архангельская, являлся въ то время хотя и значительнымъ абсолютно, но относительно очень незначительнымъ даже въ сравненіи съ показателями образованія въ такихъ губерніяхъ, гдѣ въ то время также еще не были введены земскія учрежденія и гдѣ, слѣдовательно, дѣло народнаго образованія вѣдалось тѣмъ же приказомъ общественнаго призрѣнія. Но къ началу 70-хъ гг. указанное отношеніе числа грамотныхъ къ общему числу населенія, для Архангельской губерніи, осталось почти неизмѣннымъ; между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ, земскихъ, губерніяхъ оно значительно уменьшилось, въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти наполовину; Архангельская губернія являлась такимъ образомъ въ ряду отсталыхъ.

Однако, проектируемая мѣра не была осуществлена, хотя именно въ Архангельской губерніи она явилась бы наиболѣе цѣлесообразной въ виду обширности губерніи (740,367 кв. верстъ), и невозможности контролировать постановку учебнаго дѣла иначе, какъ только испытаніями окончившихъ курсъ обученія по опредѣленной программѣ. Главнымъ, однако, тормозомъ всего дѣла былъ недостатокъ средствъ. Кромѣ $6^1/_2$ копеечнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, достигавшаго 5,163 р. ежегодно и почти такой же суммы, затрачиваемой удѣльнымъ вѣдомствомъ, дѣло народнаго образованія не располагало другими средствами,—министерскихъ школъ еще

не существовало, не существовало слѣдовательно и особаго фонда изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

Благодаря этому, desiderata какъ упомянутой нами «коммиссіи о нуждахъ народнаго образованія», такъ и проекты губернатора остались неосуществимыми, причемъ нѣкоторая часть этихъ проектовъ, какъ, наприм., увеличеніе сбора съ государственныхъ крестьянъ и организація единаго учрежденія, контролирующаго и ведущаго дѣло народнаго образованія, и до сихъ поръ не осуществлены. До сихъ поръ наблюденіе за школами сосредоточено въ рукахъ «дирекціи народныхъ училищъ», состоящей изъ директора и одного инспектора, и, конечно, канцеляріи при нихъ, въ силу чего правильное и частое посѣщеніе школъ, особенно сельскихъ, физически невозможно. Впрочемъ, исключеніемъ являются школы духовнаго вѣдомства, которыя вѣдаются епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, а въ уѣздахъ состоятъ въ вѣдѣніи особыхъ наблюдателей, и въ этомъ отношеніи выгодно отличаются отъ свѣтскихъ. Въ числѣ неосуществленныхъ desiderata было и чрезвычайно любопытное ходатайство объ «обязательствѣ крестьянъ отдавать дѣтей своихъ, по крайней мѣрѣ, мальчиковъ отъ 9 до 12-лѣтняго возраста, въ ученье или въ учрежденныя сельскія школы, или лицамъ, получившимъ право обученія»; при этомъ предполагалось «возложить отвѣтственное за симъ наблюденіе на членовъ волостныхъ правленій и на мировыхъ посредниковъ». Обращаетъ на себя вниманіе и еще одно ходатайство, шедшее со стороны администраціи, которая «въ видахъ безотлагательнаго увеличенія образовательныхъ средствъ сельскаго населенія» поручила мировымъ посредникамъ «составить предположенія объ открытіи воскресныхъ въ селеніяхъ школъ».

Но миновало время подъема общественнаго настроенія и воскресныя школы, кое-гдѣ появившіяся въ очень, впрочемъ, небольшомъ числѣ, какъ-то сошли на нѣтъ и отошли въ область преданія.

Къ 1870 г. дѣло народнаго образованія въ Архангельской губерніи въ концѣ концовъ осталось почти на точкѣ замерзанія. Только въ городахъ училищная часть была поставлена на надлежащую высоту, школьное же дѣло въ деревнѣ, повидимому, даже до нѣкоторой степени регрессировало. По крайней мѣрѣ, тѣ данныя, которыя мы находимъ въ отчетѣ статистическаго комитета за этотъ годъ, рисуютъ очень плачевное состояніе дѣла. Въ этомъ отчетѣ комитетъ даетъ краткую, но яркую характеристику состоянія народнаго образованія: «для распространенія образованія въ народѣ,— говоритъ онъ,—въ Архангельской губерніи существуетъ два рода школъ: волостныя или сельскія и церковно-приходскія; первыя болѣе или менѣе обезпечены,—наставники въ нихъ, по большей части священники и церковнослужители, получаютъ вознагражденіе, доходящее иногда до 150 руб. Вторыя школы даровыя и *многія* изъ нихъ существуютъ только номинально. Въ этихъ школахъ причты учатъ безвозмездно и потому *тогда, когда хотятъ*». «Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, — продолжаетъ отчетъ, — дѣло народнаго образованія ограничивается тѣмъ, что мальчики въ теченіе

4-лѣтняго или 5-лѣтняго обученія выучиваются *кое-какъ читать и писать;* свѣдѣній же, которыя были бы полезны крестьянамъ въ ихъ быту, въ этихъ школахъ они не получаютъ. Поэтому простой народъ, не видя особенной пользы отъ этого образованія, относится къ школамъ *совершенно равнодушно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже враждебно*».

«Самая грамотность распространена неравномѣрно: при разбросанности селеній на большомъ пространствѣ, большею частью небольшими поселками, сельскія училища существуютъ только для тѣхъ поселеній, въ которыхъ они находятся; другія деревни той же волости, далеко отстоящія отъ той деревни, гдѣ находится школа, пользоваться ею не могутъ, между тѣмъ какъ въ сборѣ на содержаніе училищъ участвуетъ все сельское населеніе губерніи. Церковно-приходскія школы въ этомъ отношеніи страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, такъ какъ приходы большею частью состоятъ изъ нѣсколькихъ деревень, находящихся не въ особенно близкомъ сосѣдствѣ, а потому и приходскія училища существуютъ главнымъ образомъ для той деревни, гдѣ находится церковь».

Въ общемъ, считая даже номинально существующія церковно-приходскія школы, въ Архангельской губерніи въ описываемое время при населеніи въ 280,000 чел. православнаго населенія насчитывалось школъ волостныхъ и сельскихъ 54, церковно-приходскихъ—92; при этомъ учащихся въ первыхъ было—2,133, во вторыхъ—1,039, всего слѣдовательно—3,172. Другими словами, общая цифра учащихся уменьшилась по сравненію съ началомъ 60-хъ годовъ. Произошло только увеличеніе числа школъ, содержимыхъ на средства крестьянъ (на 6 школъ), но уменьшилось, и, конечно, безъ ущерба для народнаго просвѣщенія, число, въ сущности фиктивно существующихъ, школъ церковно-приходскихъ

Нѣсколько иначе, и именно въ лучшую сторону, какъ мы уже сказали, обстояло дѣло образованія въ городахъ. Но, къ сожалѣнію, въ нихъ благами образованія пользовались главнымъ образомъ привилегированныя сословія. Такъ, во всѣхъ приходскихъ, уѣздныхъ, 11-ти частныхъ школахъ (въ г. Архангельскѣ) и друг. городскихъ школахъ, числомъ 43, обучалось дѣтей дворянъ, чиновниковъ, духовенства и купцовъ 1,283 чел., между тѣмъ какъ общее число учащихся равнялось 1,456 чел., т.-е. на долю низшаго слоя городского населенія приходилось всего 154 учащихся или 10%. Впрочемъ, потребность въ образованіи и привилегированныхъ сословій далеко не удовлетворялась полностью. На это указываетъ прежде всего фактъ существованія большого числа частныхъ школъ (11-ти) на-ряду съ казенными и общественными.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія въ это время взяло на себя содержаніе исключительно уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ городахъ, для сельскаго же населенія имъ не было устроено ни одной школы. Изъ 5 существовавшихъ въ 1870 г. сельскихъ училищъ почти всѣ, за исключеніемъ 3—4, содержатся на средства подушнаго сбора съ крестьянъ, а эти 3—4 училища, какъ, наприм., *ломоносовское*, Холмогорскаго уѣзда, содер

жится на счетъ процентовъ съ особаго капитала, собраннаго пожертвованіями, или *набережское*, Пинежскаго уѣзда, содержится на счетъ куща Сусанова, но при доплатѣ изъ средствъ сбора съ крестьянъ.

Духовное вѣдомство, повидимому, лучше понимало свои нужды. Кромѣ семинаріи, на которую расходуется изъ суммъ церковнаго вѣдомства 17,502 руб., изъ мѣстныхъ средствъ (т.-е. изъ средствъ, собираемыхъ духовенствомъ) 13,728 рублей и изъ суммъ государственнаго казначейства 3,734 руб., епархіальное духовенство имѣетъ въ это время для удовлетворенія своихъ образовательныхъ нуждъ: уѣздное духовное училище въ Шенкурскѣ, въ Архангельскѣ такое же духовное училище для мальчиковъ и особое женское епархіальное училище, на которыя расходуется въ общей сложности около 20 тыс. рублей на 172 учащихся обоего пола.

На особыя спеціальныя средства въ 1870 г. содержатся еще нѣкоторыя учебныя заведенія, до извѣстной степени служившія интересамъ низшихъ слоевъ населенія. Но таковыхъ было очень мало: 1) архангельское ремесленное училище въ Соломбалѣ съ 22 учащимися (мѣщанъ и солдатскихъ дѣтей),—содержалось оно изъ прибылей общественнаго банка; 2) шкиперское училище въ Архангельскѣ съ 33 учащимися, преимущественно дѣтьми мѣщанъ и крестьянъ,—содержалось оно на средства министерства финансовъ, изъ сбора за патенты на почетное гражданство, и 3) шкиперское училище въ Кеми съ 18 учащимися, изъ крестьянъ и мѣщанъ,—содержалось на средства министерства финансовъ.

Таковы были наличныя образовательныя средства населенія Архангельской губерніи къ началу 70-хъ годовъ.

II.

Со второй половины 70-хъ годовъ, т.-е. со времени школьной реформы, мѣняется нѣсколько картина народнаго образованія и въ Архангельской губерніи. Правда, перемѣны эти касаются, главнымъ образомъ, городскихъ учебныхъ заведеній и только отчасти отражаются на деревнѣ. По даннымъ 1876 г. видно, что число церковно-приходскихъ школъ значительно уменьшилось, ихъ остается всего около 60 во всей губерніи. Очевидно, епархіальное начальство трезво взглянуло на дѣйствительность и оставило только тѣ школы, которыя существовали фактически, а не на бумагѣ, и частью вызвало къ жизни тѣ школы, которыя хотя и существовали фактически, но влачили довольно жалкое существованіе, вслѣдствіе нерегулярности занятій въ нихъ и другихъ причинъ.

Сравнительно крупнымъ фактомъ въ жизни народныхъ школъ со времени реформы школьнаго дѣла явилось участіе министерства народнаго просвѣщенія въ расходахъ на содержаніе сельскихъ, чисто-народныхъ школъ. До сихъ поръ главнымъ источникомъ расходовъ на народное образованіе былъ $6^1/_2$ к. сборъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и средства, даваемыя сельскими обществами и удѣльнымъ вѣдомствомъ. Съ этого вре-

мени въ расходахъ на народное образованіе главное участіе принимаютъ министерство народнаго просвѣщенія, вѣдомство духовное и сельскія общества.

Сборъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, остававшійся въ теченіе десятковъ лѣтъ почти неизмѣннымъ (около 5,000 р.), является лишь незначительною частью общегубернскихъ расходовъ на начальное образованіе.

Впрочемъ, число школъ, начиная съ 1876 по 1884 г. включительно, остается одно и то же, и только начиная отъ 1884 г., когда повсемѣстно начали учреждаться церковно-приходскія школы по Высочайшему повелѣнію, число школъ нѣсколько увеличивается, а съ 1886 г. даже значительно увеличивается. Дѣйствительно, въ 1877 г. приходилась 1 школа на 2213,7 человѣка, а черезъ десять лѣтъ, т.-е. въ 1886 г., уже на *1675,4* человѣка. А *одинъ учащійся* въ этотъ же періодъ времени въ 1877 г. на 39,3 чел. населенія, а въ 1886 г. на 32,7 чел. населенія. Особенно увеличился % учащихся дѣвочекъ. Такъ въ 1877 г. приходился 1 учащійся на 25,4 чел. всего мужского населенія и 1 учащаяся на 78,7 человѣка всего женскаго населенія. А черезъ десять лѣтъ цифры эти измѣнились и главнымъ образомъ въ пользу дѣвочекъ. Именно: въ 1889 г. приходился 1 учащійся на 21,1 чел. всего мужскаго населенія и 1 учащаяся на 67 чел. всего женскаго населенія.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что состояніе народнаго образованія рѣзко измѣняется къ концу указаннаго десятилѣтія. Мы уже упомянули, что сравнительно большее развитіе народнаго образованія въ эти годы было обусловлено учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ. Однако, сами по себѣ взятыя, приведенныя выше данныя свидѣтельствуютъ, какъ выражается отчетъ статистическаго комитета за 1886 г., «только о неудовлетворительномъ положеніи народнаго образованія въ Архангельской губерніи». Правда, и въ остальной Россіи дѣло народнаго образованія въ то время стояло не особенно высоко, если взять для сравненія массовыя цифры. Такъ, по даннымъ школьной статистики за 1878 г., въ Россіи одна школа приходилась на 3,076 чел. населенія и 1 учащійся на 74 чел. Въ сравненіи съ Архангельской губерніей, гдѣ за десятилѣтній промежутокъ времени, съ 1877 по 1886 г., въ среднемъ выводѣ 1 учащійся приходится на 42,8 чел. населенія, дѣло народнаго просвѣщенія въ Россіи вообще стояло на очень низкой ступени развитія. Таковы, конечно, огульныя цифры. Въ частности, въ земскихъ губерніяхъ указанное отношеніе было гораздо благопріятнѣе: это—во-первыхъ; а во-вторыхъ, въ Архангельской губерніи, гдѣ преобладали церковно-приходскія школы, безъ сомнѣнія, цифра учащихся, фигурировавшая въ отчетахъ, была выше дѣйствительной и самое дѣло в этихъ школахъ было поставлено такъ, что въ значительной мѣрѣ ослабля впечатлѣніе, получаемое отъ сопоставленія голыхъ цифръ...

Итакъ, къ 1887 г. общее число учебныхъ заведеній въ Архангельск губерніи достигло цифры 191, въ этомъ числѣ въ городахъ было 44 и в уѣздахъ—147. Въ городахъ, кромѣ 7 частныхъ школъ, по программѣ по

ходящихъ къ типу сельскихъ училищъ, было 5 двухклассныхъ училищъ, 13 одноклассныхъ, остальныя учебныя заведенія удовлетворяли образовательныя нужды привилегированныхъ сословій. Мы говоримъ объ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія; духовное вѣдомство въ городахъ имѣло всего 4 учебныя заведенія, изъ нихъ только одно подходило по типу къ сельской школѣ. Остальныя учебныя заведенія находились подъ вѣдѣніемъ другихъ вѣдомствъ и носили спеціальный характеръ (шкиперскіе курсы, ремесленныя училища, фельдшерско-ветеринарныя и повивальныя школы и т. д.). Изъ общаго числа учебныхъ заведеній въ городахъ на одинъ Архангельскъ приходилось 28 учебныхъ заведеній, или 63,6%, но относительно числа учащихся Архангельскъ ничѣмъ почти не отличается отъ какого-нибудь глухого уголка, вродѣ Пинеги. Если въ Архангельскѣ одна школа приходилась на 630,3 челов., то въ уѣздныхъ городахъ, въ среднемъ выводѣ, одна школа приходилась на 650 чел. Въ общемъ въ городахъ было 44 ученика на 28,270 чел., т.-е. одна школа на 642,5 чел. Въ уѣздахъ дѣло обстояло, конечно, еще хуже. Всѣхъ школъ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія было 78 (изъ нихъ двухклассныхъ только *пять*), церковно-приходскихъ 65 и спеціальныхъ учебныхъ заведеній 4 (ремесленныя и шкиперскія училища). Всего, слѣдовательно, въ деревнѣ было 147 школъ, что составляло одну школу почти на 2 тыс. чел. (1918,3). Въ среднемъ, по всей губерніи: одна школа приходилась на 1675,4 чел., одинъ учащійся приходился на 21,1 мужск. пола, одна учащаяся приходилась на 67 женскаго пола. Всего учащихся какъ въ городскихъ, такъ и въ деревенскихъ школахъ было 9,810 чел.; изъ нихъ 7,335 мальч. и 2,475 дѣв., т.-е. число учившихся дѣвочекъ относилось къ числу учившихся мальчиковъ какъ 1:3 или составляло 33% всего числа учившихся мальчиковъ. Считая въ то время число мальчиковъ школьнаго возраста въ 24,541, а дѣвочекъ въ 25,586, получимъ такое отношеніе: число учившихся мальчиковъ составляло около 30% всѣхъ мальчиковъ школьнаго возраста; число учившихся дѣвочекъ — около 10% всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста. Или, другими словами, 1 учащійся приходился на 3 не учащихся и 1 учащаяся — на 10 не учащихся.

Впрочемъ, это отношеніе придется нѣсколько уменьшить, если мы возьмемъ въ разсчетъ лишь одно сельское населеніе и учебныя заведенія типа сельскихъ школъ, ибо изъ всего числа учащихся на долю сельскаго населенія падало только 74%; остальныя учащіяся распредѣлялись между привилегированными сословіями.

Сравнивая эти данныя съ данными за тотъ же періодъ времени, относящимися къ земскимъ губерніямъ, мы видимъ, что въ то время состояніе народнаго образованія въ Архангельской губ. было хуже даже, чѣмъ въ самыхъ неудовлетворительныхъ въ этомъ отношеніи земскихъ губерніяхъ, каковы, наприм., Новгородская и Смоленская.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи дѣло народнаго просвѣщенія подвигалось впередъ очень медленно. Собственно говоря, дальнѣйшее развитіе его совершалось почти исключительно на счетъ расширенія сѣти церковно-приходскихъ школъ.

1884 годъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ Архангельской губерніи. Съ этого года въ Архангельской губерніи появляется новый типъ школы—*школа грамоты*, призванная играть въ судьбахъ народнаго образованія Архангельской губ. съ этого времени рѣшающую роль.

Въ сожалѣнію, полныхъ данныхъ о ходѣ развитія церковно-приходскаго школьнаго дѣла ни въ печати, ни даже въ архивѣ епархіальнаго училищнаго совѣта не сохранилось. Имѣются данныя въ видѣ «подробнаго отчета» за 1884 г. и затѣмъ вплоть до 1891—92 учебнаго года никакихъ данныхъ, кромѣ чисто-цифровыхъ, имѣющихся въ отчетахъ статистическаго комитета и всеподданнѣйшихъ отчетахъ архангельскаго губернатора, не имѣется. Однако, и имѣющіяся налицо данныя достаточно рисуютъ картину развитія церковной школы въ Архангельской губерніи. Населеніе губерніи въ 1884 г. равнялось почти 350 тыс. душъ обоего пола, принадлежащихъ къ 284 приходамъ (въ настоящее время приходовъ нѣсколько болѣе 300). Какъ извѣстно, въ этомъ году указомъ синода духовенство было призвано къ участію въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Съ момента полученія этого указа и начинается новая эра въ исторіи просвѣщенія народа. Въ этомъ же году былъ учрежденъ епархіальный совѣтъ, который и началъ свои дѣйствія немедленно съ признанія 28, оставшихся къ тому времени, церковно-приходскихъ школъ открытыми и постановленіемъ объ открытіи новыхъ 15 школъ въ наиболѣе многолюдныхъ приходахъ. Слѣдующимъ дѣйствіемъ совѣта было затребовать отъ приходскаго духовенства болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія какъ о существовавшихъ уже школахъ, такъ и объ открытыхъ вновь. Свѣдѣнія эти дали довольно плачевные результаты. Состояніе школъ оказалось въ высокой степени неудовлетворительнымъ; по выраженію анонимнаго исторіографа церковной школы въ Архангельской губ., скорѣе грѣшащаго въ сторону оптимистическаго отношенія къ фактамъ, чѣмъ, наоборотъ, состояніе школъ «далеко не было блестящимъ, вслѣдствіе скудости въ матеріальномъ отношеніи, которая являлась слѣдствіемъ бѣдности населенія въ однихъ приходахъ, равнодушнаго отношенія къ школѣ, а иногда даже и прямого нежеланія имѣть ее—въ другихъ».

Любопытно, что сейчасъ же за этою грустною иллюстраціей отношенія населенія къ школѣ, упомянутый исторіографъ выражаетъ свою радость по поводу того «сочувствія къ просвѣщенію» со стороны населенія, которое выразилось въ томъ, что на имя епархіальнаго совѣта вскорѣ стали получаться «ходатайства какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ изъ крестьянъ объ открытіи въ ихъ селеніяхъ церковныхъ школъ». Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—«многочисленныя ходатайства» крестьянъ обыкновенно заканчивались просьбой открыть школу «на казенный счетъ».

Совѣтъ естественно не могъ удовлетворить желанія крестьянъ, такъ какъ въ то время имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 2,500 р. Однако, ростъ школъ шелъ безостановочно, такъ какъ параллельно росли и средства, которыми располагалъ совѣтъ. Къ концу 1885 г. школъ было уже 61, изъ нихъ церковно-приходскихъ 44, остальныя—школы грамоты, а къ 1893 г. ихъ уже было 176, — изъ нихъ 116 церковно-приходскихъ и 60 школъ грамоты.

Число же учащихся въ нихъ возросло въ четыре раза—съ 1,021 чел. въ 1884—85 учеб. г. до 4,682 къ началу 1893 года. Къ этому году число школъ церковно-приходскихъ и школъ грамоты далеко оставило за собой число школъ всѣхъ остальныхъ вѣдомствъ. На 97 училищъ этихъ вѣдомствъ приходилось, какъ мы видѣли, 176 ц.-приходскихъ. Но превосходство этихъ послѣднихъ было только видимое. Несмотря на то, что первыхъ школъ было всего 97, въ нихъ обучалось около $7^1/_2$ т. чел. (7,429) тогда какъ въ 176 ц.-пр. училищахъ лишь около $4^1/_2$ т., т.-е. относительно почти въ *4 раза меньше.*

За весь истекшій періодъ времени, съ 1884 по 1891 г., епархіальный совѣтъ обращалъ свое вниманіе главнымъ образомъ на увеличеніе *количества* школъ, о качествѣ же ихъ, повидимому, онъ мало хлопоталъ. Видимо, послѣ медоваго времени «многочисленныхъ» ходатайствъ крестьянскихъ обществъ объ открытіи у нихъ церковныхъ школъ, наступила эпоха довольно «спокойнаго» къ нимъ отношенія,—настолько «спокойнаго», что даже не безпристрастный исторіографъ церковной школы долженъ, скрѣпя сердце, признаться, что «часто предложенія совѣта объ открытіи школы въ приходѣ *не встрѣчало сочувствія и поддержки со стороны крестьянъ*». Въ двухъ приходахъ (Олангскомъ и Калгалакшскомъ) совсѣмъ «не было школъ *по нежеланію* крестьянъ»... «Въ Керетскомъ приходѣ въ 1891—92 г. школа была закрыта вслѣдствіе *несочувственнаго отношенія* къ ней крестьянъ»... И такіе случаи повторялись, по словамъ анонимнаго исторіографа, «часто», что, кстати сказать, не мѣшаетъ тому же исторіографу немедленно за перечнемъ указанныхъ выше (и другихъ) фактовъ, прибавить: «конечно, подобныхъ случаевъ было мало, но все-таки съ ними приходилось считаться».

Очевидно, неудовлетворительная постановка дѣла въ церковныхъ школахъ была главной причиной «несочувствія», «нежеланія» и проч. со стороны крестьянъ. На это еще разъ и довольно ясно указываетъ постоянное стремленіе крестьянъ не принимать матеріальнаго участія въ ц.-приходскихъ школахъ. Отчетъ епархіальнаго совѣта за 1891—92 г. это именно констатируетъ, жалуясь на то, что школъ, отчасти хотя содержимыхъ на средства крестьянъ, «очень мало».

Трудно было ожидать, чтобы дешевая церковная школа, руководимая не всегда даже священникомъ, занятымъ обыкновенно исполненіемъ требъ въ своемъ огромномъ, большею частью, приходѣ, могла привлечь симпатіи

крестьянъ. Ученіе въ ней шло кое-какъ, нерѣдко «въ свободное время»; обстановка самихъ школъ была ниже всякой критики; школамъ, наприм. въ 50 случаяхъ приходилось ютиться въ «квартирахъ членовъ причта», какъ выражается отчетъ, т.-е., говоря прямѣе, въ какомъ-нибудь чуланѣ, ибо, насколько извѣстно, при бѣдности причтовъ, нельзя ожидать, чтобъ они уступали нужныя ихъ семьямъ комнаты и помѣщались бы въ чуланахъ. Въ 19 случаяхъ школы помѣщались въ «церковныхъ трапезахъ», въ 12 даже въ «церковныхъ сторожкахъ». Не лучше были и наемныя помѣщенія. Такъ, въ отчетѣ за 1891 — 92 г. говорится: «помѣщеніе Ухтостровской школы «довольно» плохо: полы полусгнили, въ окна дуетъ, дѣти и учительница угораютъ»... Наемныя помѣщенія Шиленгской, Конецгорской и Устьваенгской школъ (Шенкурскаго уѣзда) неудобныя: одно тѣсно, другое недостаточно свѣтло, послѣднее холодно, тѣсно, угарно. По отчету Пинежскаго отдѣленія удобства помѣщеній для церковныхъ школъ «крайне сомнительны» и т. д. и т. д. О ночлежныхъ пріютахъ для дѣтей, несмотря на особенную въ нихъ надобность въ Арх—ской губерніи, съ ея разстояніями, почти не можетъ быть и рѣчи. Къ 1892 г. ихъ было всего 4.

Не менѣе плохо было поставлено и снабженіе школъ книгами. Отчетъ 1892 г. говоритъ, что «книгами снабжены были далеко не всѣ школы въ достаточномъ количествѣ, «недоставало» даже Евангелій, недоставало учебниковъ по Закону Божію, а нѣкоторыя школы «особенно нуждались въ учебныхъ по *всѣмъ* предметамъ книгахъ». По отчету Холмогорскаго отдѣленія совѣта, «единства въ употребленіи учебниковъ еще не достигнуто», «по русскому, наприм., языку не имѣется въ каждой школѣ достаточнаго числа экземпляровъ одной и той же книги. И такихъ примѣровъ десятки.

Естественно, что отъ «неимѣнія учебниковъ въ школахъ, какъ и слѣдовало ожидать,—констатируетъ анонимный исторіографъ,—происходилъ большой ущербъ для самого дѣла обученія». «Безъ нихъ,—наивно добавляетъ онъ,—обученіе дѣтей въ начальной школѣ почти немыслимо. Въ школахъ, скудно снабженныхъ учебниками, оно не могло идти хорошо»...

Библіотекъ при школахъ, заключавшихъ бы въ себѣ книги для внѣкласснаго чтенія, не было фактически. И дѣйствительно, въ отчетѣ за 1891—92 г. мы читаемъ: «библіотеки недостаточно снабжены были какъ учебными книгами и пособіями, такъ и пособіями для внѣкласснаго чтенія. Епархіальный училищный совѣтъ не имѣетъ средствъ для пріобрѣтенія не только книгъ для чтенія, но и учебниковъ. Въ Мезенскихъ школахъ книгъ весьма мало; Онежскія—также очень скудны книгами для внѣкласснаго чтенія. Тоже въ кемьскихъ и кольскихъ школахъ».

Послѣднее пятилѣтіе въ исторіи развитія школы ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось. Численность школъ по прежнему растетъ, но качественная сторона дѣла улучшается очень медленно. Самый ростъ школъ въ количественномъ отношеніи въ ущербъ качественному, особенно замѣтный въ первое время послѣ толчка, даннаго имъ въ 1884 г., идетъ уже не такъ

интенсивно, какъ раньше. При ближайшемъ знакомствѣ со всей исторіей развитія церковной школы рѣзко бросается въ глаза эфемерность, такъ сказать, существованія ея. Ни средствъ она не имѣетъ достаточно, ни учебныхъ пособій, ни симпатіями населенія не пользуется и все растетъ и растетъ. Вглядѣвшись пристальнѣе въ условія, опредѣляющія ея столь быстрый ростъ, невольно замѣчаешь фиктивность этого роста,—фиктивность, обусловленную чисто внѣшними причинами. Самый главный въ ряду этихъ причинъ былъ указъ синода 1884 г. Указъ этотъ создалъ по всей Россіи тысячи новыхъ школъ, ни на іоту не измѣнивъ условій, въ какихъ вообще существовала школа до сихъ поръ, въ частности школа церковно-приходская. Этотъ же указъ создалъ и архангельскія церковныя школы. Духовенство, всегда не отличавшееся особеннымъ рвеніемъ въ области духовнаго просвѣщенія народа, нисколько не переродилось подъ вліяніемъ упомянутаго указа; послѣдній былъ для него просто «приказомъ» сверху,—приказомъ, неисполненіе котораго ведетъ за собой замѣчанія, указанія на равнодушное отношеніе къ дѣлу, и т. д. Кто хорошо знаетъ жизнь провинціи вообще, въ частности жизнь того особаго міра, который рѣзко выдѣляется своими специфическими особенностями, міра «епархіальнаго», тотъ, конечно, пойметъ, что высочайше выраженное желаніе, указъ синода, настоятельное подчеркиваніе его сущности высшимъ епархіальнымъ начальствомъ, были достаточно сильными мотивами для извѣстнаго рода дѣятельности, и вотъ въ результатѣ появляется масса школъ, на двѣ-трети существующихъ номинально.

По оффиціальнымъ даннымъ за послѣднее пятилѣтіе, ростъ церковной школы шелъ чрезвычайно энергично. А именно, въ 1893 г. было 117 церковно-приходскихъ и 68 школъ грамоты, всего 185 школъ, а къ началу 1898 года число церковно-приходскихъ возросло до 134, чйсло же школъ грамоты (и миссіонерскихъ) выросло до громадной цифры 121. Всего, слѣд., къ началу 1898 г. ихъ было 255, т.-е. за пять лѣтъ число школъ возросло на 40% (на 70 школъ).

Число учащихся въ церковныхъ школахъ тоже значительно возросло (почти на 40%). Какъ мы уже говорили выше, къ началу 1898 г. всего въ церковныхъ школахъ обучалось 7,643 чел., между тѣмъ какъ въ 1893 году ихъ было только 4,731. Уже съ первыхъ дней существованія церковной школы она стала играть значительную роль, говоря вообще. Особенно же это замѣтно на исторіи развитія народнаго образованія въ Арх—ской губерніи, гдѣ, наприм., уже въ 1893 г. учащіеся въ церковныхъ школахъ составляли 35% всего числа учащихся въ губерніи; въ слѣдующемъ году ихъ было 39%, затѣмъ—42%, и наконецъ, къ началу 1898 года—44,2%. Принимая во вниманіе краткость періода существованія церковной школы, можно думать, что успѣхи, сдѣланные ею, по-истинѣ громадны. Но такъ кажется только на первый взглядъ. Если мы возьмемъ для сравненія цифры оканчивающихъ курсъ въ этихъ школахъ, то

увидимъ, что развитіе этихъ послѣднихъ шло скорѣе въ экстенсивную сторону, чѣмъ въ глубину. Если въ 1893 г. окончило курсъ 403, то въ слѣдующемъ году цифра эта понизилась до 387, а къ началу 1897 года достигло только 513, т.-е., другими словами, въ то время, когда число учащихся въ этихъ школахъ возросло на 40%, число оканчивающихъ въ нихъ курсъ возросло едва на 25%. Но еще краснорѣчивѣе говорятъ въ данномъ случаѣ абсолютныя цифры. А онѣ говорятъ слѣдующее:

въ 1893 г.	въ 185	ц.	школ.	оконч.	кур.	463	ч.,	т.-е.	по	$2^1/_2$	ч.	на	школ.
» 1894 »	» 215	»	»	»	»	387	»	»	»	$1^3/_4$	»	»	
» 1895 »	» 243	»	»	»	»	523	»	»	»	$2^1/_6$	»	»	
» 1896 »*)	» 255	»	»	»	»	513	»	»	»	2	»	»	

Краснорѣчіе этихъ цифръ таково, что дѣлаетъ дальнѣйшіе комментаріи излишними, но оно еще усугубляется, если обратить вниманіе на то, что число оканчивающихъ курсъ въ церковныхъ школахъ склонно къ пониженію. Безъ сомнѣнія, въ отчетахъ епархіальнаго совѣта этихъ цифръ нельзя найти. Всѣ отчеты послѣднихъ лѣтъ гласятъ, что дѣло народнаго просвѣщенія въ Архангельской губерніи въ рукахъ духовенства идетъ въ общемъ хорошо, школы улучшаются, симпатіи населенія растутъ и т. д. Но цифры быстро разрушаютъ эту иллюзію. Достаточно взглянуть, во что обходится средняя стоимость церковной школы, чтобъ убѣдиться въ иллюзорности данныхъ всевозможныхъ «отчетовъ».

Такъ на содержаніе церковныхъ школъ тратилось:

въ 1893 г.	$15.284_{,37}$	р.,	т.-е.	по	83	р.	на	школу
» 1894 »	$21.692_{,43}$	»	»	»	100	»	»	»
» 1895 »	$24.519_{,68}$	»	»	»	103	»	»	»
» 1896 »	$17.613_{,74}$	»	»	»	108	»	»	»

Очевидно, такая «дешевая» школа могла, въ среднемъ, выпускать только по 2 ученика въ годъ! Послѣ этого становится понятнымъ, постоянно встрѣчающееся въ «отчетахъ» архангельскаго губернатора, выраженіе, гласящее, что церковныя школы «содѣйствуютъ» дѣлу народнаго образованія въ губерніи. Это «содѣйствуютъ» упоминается обыкновенно въ концѣ отчета о состояніи народнаго просвѣщенія, которому отводится довольно видное мѣсто. Между тѣмъ число церковныхъ школъ болѣе чѣмъ въ два раза превосходитъ число учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ. Микроскопичность результатовъ церковнаго образованія дѣлаетъ дѣйствительно понятнымъ упомянутое скромное «содѣйствіе»...

Все, что мы сказали о школахъ церковнаго вѣдомства за періодъ времени до 1891—92 г., цѣликомъ можно отнести и къ послѣднему пятилѣтію. Впрочемъ, начиная съ 1892—93 г. отчеты епархіальнаго совѣта

*) Данныхъ за 1897 г. нѣтъ, но нѣтъ никакого основанія думать, что дѣло улучшилось за этотъ годъ.

становятся какъ будто еще болѣе оптимистическими. Если вѣрить имъ всецѣло, то школьное дѣло въ рукахъ духовенства преуспѣваетъ. Въ дѣйствительности, какъ мы уже отмѣчали, растетъ только число школъ и улучшается до извѣстной степени вся та показная сторона дѣла, которая можетъ быть легко зарегистрирована въ отчетахъ. Но временами и въ отчетахъ прорываются указанія, рисующія дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ. Такъ, въ отчетѣ 1892—93 г. тотчасъ послѣ дифирамбическаго описанія того довѣрія, которое оказывается населеніемъ церковной школѣ, говорится: «но однимъ только расположеніемъ къ школамъ населеніе почти и ограничивается». «Многіе приходы отказываются даже дать для школы помѣщеніе и отопленіе». Въ слѣдующемъ 1893—94 г. «отчетъ» еще болѣе усиливаетъ дифирамбическій тонъ, утверждая, что «населеніе, цѣня религіозно-нравственное направленіе церковныхъ школъ, охотно отдаетъ дѣтей своихъ въ эти школы, во *многихъ мѣстахъ даже охотнѣе, чѣмъ въ начальныя народныя училища другихъ вѣдомствъ. Вообще оно болѣе расположено къ церковнымъ школамъ, чѣмъ къ какимъ-либо другимъ*»... Но тутъ же добавляется опять: «средства на содержаніе школъ церковныхъ населеніе въ большинствѣ случаевъ даетъ все-таки очень мало»...

Что касается воскресныхъ и праздничныхъ чтеній въ церковныхъ школахъ, то ихъ, какъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, такъ и раньше, было «очень мало», велись они «въ немногихъ школахъ», въ сущности, какъ говоритъ прямой подсчетъ, всего въ 4—5 школахъ изъ двухсотъ.

Ночлежныхъ пріютовъ для дѣтей было къ 1897 г. всего 9.

Состояніе школъ грамоты еще печальнѣе, чѣмъ церковно-приходскихъ. Мы не будемъ слѣдить за ихъ развитіемъ, начиная съ 1884 г., такъ какъ, вообще говоря, исторія ихъ въ Архангельской губерніи ничѣмъ не отличается отъ исторіи вообще школъ въ любомъ уголкѣ Россіи. Возьмемъ относящіяся сюда данныя только за 1896 годъ *),—и въ малой каплѣ водъ, какъ извѣстно, отражается солнце.

Всѣхъ школъ грамоты въ этомъ году было 119 (въ томъ числѣ 5 миссіонерскихъ); изъ нихъ одна воскресная. Составъ преподавателей въ нихъ былъ слѣдующій: 82 священника, 11 діаконовъ, 45 псаломщиковъ, 11 учителей и 25 учительницъ. По образовательному цензу преобладали лица съ низшимъ образованіемъ, и въ этомъ отношеніи школы грамоты вообще мало отличались отъ церковно-приходскихъ. Относительно успѣшности занятій въ этихъ школахъ, къ сожалѣнію, въ епархіальныхъ отчетахъ находится очень мало свѣдѣній, но о воспитательной сторонѣ довольно много. Такъ, отчетъ 1895—96 года говоритъ о томъ, что въ школахъ грамоты «наблюдаются тѣ же, что и въ церковно-приходскихъ школахъ, благонравіе и скромность, ревностное и неопустительное (за рѣдкими исключеніями) посѣщеніе храмовъ Божіихъ, участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, не-

*) Данныя за 1897 г. не опубликованы.

укоснительное исполненіе христіанскаго долга исповѣди и св. причастія и т. п.». Указывая на эти успѣхи въ воспитательномъ отношеніи, епархіальный совѣтъ полагаетъ, что это необходимо тѣмъ болѣе цѣнить, что достигается это при затратѣ только... *по 46 р. 86 коп. на школу* въ среднемъ выводѣ. Но эта дешевизна, повидимому, имѣетъ и дурную сторону, такъ какъ въ 119 школахъ грамоты въ 1896 г. окончило курсъ всего 108 человѣкъ, *т.-е. менѣе, чѣмъ одинъ на школу*. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ среднемъ выводѣ на одну школу грамоты приходилось по 22 учащихся.

В. Маноцковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Русская дипломатія въ XVIII вѣкѣ.

(*Александренко:* «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в.». 2 т. 1897 г.).

Настоящее изслѣдованіе г. Александренка—историческое. Онъ избралъ своею темой исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей на протяженіи XVIII вѣка,—перваго столѣтія вступленія нашего отечества въ семью европейскихъ народовъ и учрежденія имъ среди нихъ постоянныхъ посольствъ. Остановился же авторъ на Англіи, какъ по характеру своихъ спеціальныхъ занятій, такъ и еще болѣе въ виду важности и интереса этихъ сношеній вообще: Лондонъ уже тогда былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ и культурныхъ центровъ міра.

I.

Главный интересъ изучаемой нами книги заключается въ *матеріалахъ*, которыми пользовался авторъ, и въ ея историческомъ содержаніи. Эти матеріалы являются первоисточниками и совершенно недоступны русской публикѣ. Авторъ извлекъ ихъ изъ архивовъ: лондонскаго государственнаго, изъ рукописнаго отдѣленія Британскаго музея, парижскаго мин. ин. дѣлъ, Бастиліи въ Парижѣ и отчасти изъ нашихъ: государственнаго въ Петербургѣ, таможеннаго департамента (бывшаго коммерцъ-коллегіи) и московскаго гос. архива мин. ин. дѣлъ. Про нашъ архивъ таможеннаго департамента авторъ мимоходомъ отмѣчаетъ, что въ немъ заключается много богатѣйшаго матеріала по исторіи русскихъ консуловъ не только XVIII, но даже отчасти и XIX вѣка. Въ одномъ мѣстѣ, говоря о сношеніяхъ Петра Великаго съ претендентомъ (Іаковомъ III), авторъ ссылается на письма объ этомъ, которыя были присланы ему шерифомъ г. Глесго, Эрскиномъ Мёрреемъ, изъ его фамильнаго архива.

Эти матеріалы авторъ изучилъ весьма тщательно. Онъ посвятилъ имъ даже цѣлый томъ въ 412 стр., напечатавъ ихъ частью съ оригиналовъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ, частью въ русскомъ переводѣ. По-

мѣщенные въ порядкѣ соотвѣтствующихъ отдѣловъ перваго его тома, они много содѣйствуютъ интересу и пониманію всей работы г. Александренка.

Назовемъ хотя нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе любопытные: записки кн. Куракина объ англійскихъ партіяхъ въ парламентѣ (1711 г.); парламентскій актъ 1709 г. о привилегіяхъ дипл. агентовъ, понынѣ дѣйствующій (оригиналъ и русскій переводъ); описаніе Сенявичемъ основанія греческой церкви въ Лондонѣ (1741 г.); множество грамотъ: кредитивныхъ и отзывныхъ нашимъ посламъ, а равно отрывки изъ ихъ реляцій въ Петербургъ; депеша Фокнера, посла въ Константинополѣ, къ герцогу Ньюкаслю (1736 г.); о неизбѣжности паденія Турціи; о воззрѣніяхъ Петра В. на отношенія къ христіанамъ, ей подвластнымъ; описаніе гр. Чернышевымъ англійскаго церемоніала (1747 г.); инструкція Панина русскимъ студентамъ (1765 г.), отправленнымъ въ англійскій университетъ, и позднѣйшее письмо его же (1772 г.) къ Мусину-Пушкину о мотовствѣ и долгахъ русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ; описаніе Мусинымъ-Пушкинымъ организаціи англійскаго банка (1766 г.), особенностей государственнаго строя Англіи (1768 г.); другая его записка о внутреннемъ бытѣ этой страны (1773 г.); письмо Бецкаго къ гр. Панину объ основахъ его системы воспитанія русскаго юношества (1772 г.); документы, относящіеся къ акту вооруженнаго нейтралитета изъ лондонскаго архива; отзывы гр. С. Р. Воронцова о членахъ кабинета Георга III и о самомъ этомъ королѣ (1785 г.); записка Фика о государственныхъ учрежденіяхъ Швеціи (1718 г.) и т. д.

II.

Отъ матеріаловъ переходя къ *исторической* части въ разбираемомъ сочиненіи, мы не можемъ не отмѣтить въ немъ много интересныхъ сторонъ. Мы узнаемъ причины, вызвавшія къ жизни первыя русскія постоянныя посольства. Они составляли при Петрѣ какъ бы его особую гражданскую армію на важнѣйшихъ европейскихъ постахъ, которая всѣ указанія и наставленія получала непосредственно отъ своего монарха. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы можемъ выяснить себѣ особенности политическихъ системъ нашихъ государей (Петра В., Екатерины II, Павла), какъ и главныхъ представителей ихъ, послѣдовательно смѣнявшихся въ Лондонѣ за XVIII ст. (кн. Куракина, кн. Кантемира, гр. Мусина-Пушкина, гр. С. Р. Воронцова). Въ общемъ направленіи политическихъ сношеній Россіи съ Англіею за этотъ періодъ особенно рѣзко выступаютъ двѣ черты: ихъ, по преимуществу, мирный и дружественный характеръ и разностороннія воздѣйствія, чрезъ посредство дипломатіи, Англіи на наше отечество.

Россія нуждалась тогда въ Англіи, частью для проведенія своихъ военно-морскихъ реформъ, частью для полученія отъ нея субсидій, частью для созданія изъ нея оплота противъ интригъ Франціи въ Швеціи, Турціи и Польшѣ, но ей не удавалось заключить съ нею политическаго союза (вплоть до послѣднихъ лѣтъ Екатерины II). Но все-таки, по замѣчанію

автора, любопытенъ фактъ, что въ Англіи XVIII в. не было органовъ (даже печати), которые систематически относились бы враждебно къ Россіи, какъ это стало впослѣдствіи въ XIX ст. Причинами этого антагонизма явились: вооруженный нейтралитетъ и опасенія за Турцію вслѣдствіе политики и войнъ Екатерины. Тогда же высказываются (въ 1791 г.) первыя мысли о походѣ русскихъ въ Индію. Авторъ останавливается на договорахъ Россіи съ Англіею 1734, 66, 93, 95 и 97 гг.

Для Англіи же сношенія съ Россіей были особенно важны и выгодны ради торговыхъ ея цѣлей, охранявшихся названными договорами, главнымъ образомъ торговыми; изъ нихъ англичане особенно считали для себя выгоднымъ трактатъ 1734 г. Русская же внѣшняя торговля находилась тогда въ рукахъ иностранцевъ и русскіе купцы рѣдко посѣщали Англію. Первые наши консулы появляются тамъ лишь съ 1773 г., но и они были иностранцы, не знавшіе и не любившіе Россіи.

Авторъ, кромѣ изученія матеріаловъ, проявляетъ и знакомство съ соотвѣтствующею историческою литературой, какъ иностранною, такъ и отечественною.

III.

Теоретическое значеніе работы г. Александренка заключается въ томъ, что онъ, съ фактами и актами въ рукахъ, изучилъ всѣ стороны и проявленія дипломатической службы, какою она была въ XVIII ст. Впрочемъ, избравъ устройство этой службы у насъ въ Россіи центромъ своей работы, авторъ далеко не вездѣ ограничивается одною Англіей или предѣлами лишь XVIII в. У него есть ссылки на другія страны (наприм., по вопросамъ объ аудіенціяхъ, о штатахъ) и онъ сравниваетъ нерѣдко порядки XVIII в. съ предшествовавшими ему эпохами. Мы находимъ у автора богатыя библіографическія указанія по посольскому праву вплоть до нашихъ дней, но особенно цѣнно въ его книгѣ то, что онъ останавливается на мнѣніяхъ древнѣйшихъ писателей по этому отдѣлу международнаго права: Викфоръ, Кальеръ, Бильфельдъ, Мабли, не говоря уже о такихъ авторитетахъ, какъ Гроцій, Бинкерсгукъ, Ваттель, Мозеръ. Авторъ излагаетъ спеціально и ученіе Гроція о внѣземельности, бывшее основнымъ во всемъ посольскомъ правѣ до послѣдняго времени.

Неудовлетворительною является глава объ источникахъ: въ ней нельзя между прочимъ одобрить и того, что на первый планъ поставлены источники національные; о международныхъ нѣтъ и рѣчи, хотя обычаи, въ дѣлѣ регулированія правъ посланниковъ, предшествовали закону. Зѣчъ или Цухеусъ почему-то называется Заучъ. Упоминая о направленіяхъ въ литературѣ посольскаго права (древнѣйшей), авторъ говоритъ о нихъ очень коротко и не отдѣляетъ одно отъ другого съ достаточною ясностью: чѣмъ, наприм., отличается у него утилитарное направленіе отъ позитивнаго? Регламентъ института международнаго права о правахъ и привилегіяхъ послан-

никовъ ему представляется «неудачнымъ», но онъ не поясняетъ, въ чемъ состоитъ эта неудача.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію назначенія русскихъ дипломатическихъ агентовъ, авторъ разсматриваетъ вопросы о возникновеніи института постоянныхъ посланниковъ вообще, объ ихъ рангѣ и общихъ отличительныхъ признакахъ. Интересна глава объ условіяхъ при назначеніи дипломатическихъ агентовъ (національность, сословность, образованіе, возрастъ и т. д.). Подробно говорится и объ актахъ, выдаваемыхъ имъ: кредитивной грамотѣ, инструкціи, паспортѣ, при этомъ указывается на отличительныя черты инструкцій сравнительно съ прежними наказами въ московскомъ періодѣ: они носятъ теперь большій международный характеръ. Вообще авторъ оттѣняетъ отличіе дипломатической службы въ Россіи XVIII в. сравнительно съ предшествующимъ царскимъ періодомъ. Очень подробно разсматриваетъ г. Александренко функціи дипломатическихъ агентовъ. До учрежденія Россіею консульскихъ постовъ въ Англіи (въ 1773 г.) они завѣдовали тамъ всѣми сношеніями нашего отечества. Авторъ разбиваетъ ихъ, безъ должнаго систематическаго порядка, на слѣдующія рубрики: функціи политическія, торговыя, административно-полицейскія и научно-литературныя. Все это относится къ мирному времени; затѣмъ слѣдуетъ еще глава о дѣятельности дипломатическихъ агентовъ во время войны: на территоріи нейтральныхъ, а потомъ воюющихъ.

Этотъ отдѣлъ полонъ живого интереса именно потому, что показываетъ намъ разностороннее воздѣйствіе, какъ уже сказано, Англіи черезъ посредство нашей дипломатіи на Россію. Тутъ роль нашихъ дипломатическихъ агентовъ выходила далеко за рамки профессіональнаго ихъ характера. Экономическое развитіе Англіи, морское могущество, высокій уровень своеобразной ея культуры должны были обращать на нее вниманіе всѣхъ пытливыхъ умовъ и въ особенности нашихъ правителей, вступившихъ съ мощной руки Петра на путь рѣшительныхъ реформъ и сближенія Россіи съ Европой. Въ реляціяхъ и письмахъ нашихъ пословъ того времени помѣщено не мало любопытныхъ свѣдѣній о политическихъ особенностяхъ и положеніи Англіи (у кн. Куракина и гр. Воронцова), объ ея экономической жизни (у Мусина-Пушкина), о литературномъ движеніи (у кн. Кантемира) и т. д. Имъ поручается нашимъ правительствомъ, между прочимъ, доставлять ему свѣдѣнія объ устройствѣ въ Лондонѣ банка, биржи, о взимаемыхъ тамъ сборахъ съ судовъ, о существующихъ въ Англіи трактатахъ, тарифахъ и т. д. Дипломатическіе агенты руководятъ русскою молодежью, обучавшеюся въ Англіи, и ведутъ контроль за ея занятіями. Въ числѣ е- былъ и Десницкій, обучавшійся въ Глезго, сдѣлавшійся потомъ профес- ромъ въ Московскомъ университетѣ и котораго справедливо называю отцомъ русской юриспруденціи. Гр. С. Р. Воронцовъ, самъ имѣвшій дѣт и заботившійся объ ихъ воспитаніи, отдавалъ преимущество англійск системѣ образованія передъ французской. Въ Англіи же завершили св политическое образованіе и первые совѣтники императора Александра I

реформаціонную эпоху его царствованія (Кочубей, Новосильцевъ, Мордвиновъ). Словомъ, дипломатическіе агенты выступали нерѣдко въ роли вообще посредниковъ по научнымъ вопросамъ и сношеніямъ: кн. Кантемиръ, наприм., устроилъ обмѣнъ учеными изданіями между петербургскою и парижскою академіями въ 40-хъ годахъ XVIII в.

Обо всемъ этомъ много находимъ матеріала въ книгѣ г. Александренка.

Впрочемъ, онъ останавливается и на вопросахъ чисто-юридическихъ. Ученіе, наприм., о неподсудности дипломатическихъ агентовъ по дѣламъ гражданскимъ у него излагается по ученіямъ Гроція, Бинкерсгука, Ваттеля и Мартенса, т.-е. наиболѣе авторитетныхъ интернаціоналистовъ того времени, причемъ дѣлается сравненіе этого ученія съ мнѣніями новѣйшихъ писателей.

Неподсудность уголовная дипломатическихъ агентовъ представляется по писателямъ съ конца XVI в.

Глава объ обезпеченіи неподсудности ихъ вообще путемъ закона заключаетъ въ себѣ данныя по законодательствамъ различныхъ странъ и спеціально Россіи: приводится декларація Бестужева-Рюмина, высказывающая взгляды русскаго правительства на привилегіи дипломатическихъ агентовъ. Англійскій билль о нихъ 1709 г. былъ вызванъ инцидентомъ съ представителемъ Россіи, Матвѣевымъ, и случай этотъ разсказанъ съ большою подробностью. Кромѣ того, авторъ остановился на вопросѣ о томъ, какъ билль этотъ толковали суды и какъ примѣнялся онъ на практикѣ.

Вопросъ о свободѣ дипломатическихъ агентовъ отъ податей и пошлинъ обсуждается по правиламъ различныхъ государствъ.

По части полицейскаго надзора дипломатическихъ агентовъ онъ, по словамъ автора, простирался при Воронцовѣ даже на поляковъ и французскихъ агитаторовъ и достигъ до примѣненія рескрипта 1798 г. о совершенномъ воспрещеніи свободнаго въѣзда иностранцевъ въ Россію. Но, наблюдая за другими дипломатическими агентами прошлаго вѣка, приходится убѣждаться, что и за ними самими наблюдали.

Особенно деликатны были отношенія дипломатическихъ агентовъ къ англійской печати, которая отвоевала себѣ уже тогда свободу отъ контроля не только со стороны короны, но и парламента, и причиняла представителямъ Россіи не мало хлопотъ. Нашъ авторъ обращаетъ вниманіе на указъ 1720 г. о мѣрахъ борьбы дипломатическихъ агентовъ съ иностранною печатью, на инструкцію Остермана Кантемиру о томъ же и приводитъ характерную по этому вопросу резолюцію Екатерины II. Впрочемъ, онъ касается и судебной охраны противъ оскорбленій путемъ печати. Любопытно, что, съ другой стороны, гр. Воронцовъ организовалъ кампанію въ англійской печати противъ англійскаго же правительства въ 1791 году и тѣмъ предотвратилъ угрожавшую тогда войну Англіи противъ Россіи по поводу турецкихъ дѣлъ.

Не менѣе подробно слѣдитъ авторъ за функціями дипломатическихъ агентовъ во время войны и изучаетъ все, что относится до формъ и по-

рядка дипломатическихъ сношеній (языкъ, шифры и правила ихъ употребленія, курьеры и т. д.).

Словомъ, въ его книгѣ мы имѣемъ подробнѣйшее изученіе дипломатической службы въ Россіи за XVIII в. (хотя и не исключительно въ предѣлахъ только этого столѣтія и вовсе не на одной лишь англійской территоріи), изученіе этой важной отрасли государственнаго управленія во всѣхъ ея изгибахъ, на исторической и бытовой почвѣ, и не лишенное въ цѣломъ юридическаго обоснованія и освѣщенія.

Главная мысль, къ которой приходитъ авторъ въ заключеніе своей книги, состоитъ въ томъ, что дѣятельность дипломатическихъ агентовъ изъ системы личныхъ интригъ постепенно принимаетъ характеръ общественнаго служенія, по мѣрѣ того, какъ она становится болѣе доступною гласности и контролю со стороны общественнаго мнѣнія и печати.

За исключеніемъ небольшихъ и нынѣ уже устарѣвшихъ работъ Лешкова и Капустина, исторія русской дипломатіи почти не затронута въ наукѣ. На Западѣ эта отрасль давно уже разрабатывается въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Книга г. Александренка представляетъ интересъ не только по собраннымъ въ ней матеріаламъ и свѣдѣніямъ, но и какъ дополненіе къ печатаемымъ нынѣ проф. Мартенсомъ трактатамъ Россіи съ Англіей.

Гр. Л. Камаровскій.

Земство и крестьянское хозяйство.

1. Сбытъ крестьянскаго хлѣба.

I.

Содѣйствіе поднятію экономическаго уровня крестьянской массы занимало до недавняго времени одно изъ послѣднихъ, если не самое послѣднее мѣсто въ ряду мѣропріятій нашихъ земствъ. Положеніе 1864 года, перечисляя дѣла, подлежащія вѣдѣнію земскихъ учрежденій, упоминаетъ «попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности» (п. VI, ст. 2), но совершенно умалчиваетъ о сельскомъ хозяйствѣ *). Какъ это ни странно, но Положеніе 1864 г. исключало изъ сферы непосредственнаго воздѣйствія земскихъ учрежденій тотъ именно промыселъ, изъ котораго они должны были черпать свои главные финансовые рессурсы. Земство по закону не только не обязано было заботиться о развитіи сельскаго хозяйства, но и всякія начинанія земскихъ учрежденій въ этой области могли быть остановлены губернаторомъ на основаніи ст. 94. Положеніе 1890 г. исправило странный недосмотръ составителей закона 1864 г., поставивъ въ ряду задачъ земства «воспособленіе мѣстному *земледѣлію*, торговлѣ и промышленности». Но и эта редакція едва ли можетъ быть признана удовлетворительной. Въ Положеніи говорится о земледѣліи, а не о земледѣльческомъ *населеніи*. Если держаться буквы закона, то изъ сферы компетенціи земскихъ учрежденій исключено все то, что не касается непосредственно земледѣльческаго *промысла*, хотя бы имѣло прямое отношеніе къ «пользамъ и нуждамъ» лицъ, занимающихся этимъ промысломъ. За примѣрами ходить не далеко. Всѣмъ еще памятно разъясненіе сената о томъ, что безплатная

*) Что терминъ „промышленность“ съ точки зрѣнія законодателя не обнимаетъ собою земледѣльческаго промысла, видно изъ того, что нашъ законъ вездѣ употребляетъ это слово въ его узкомъ значеніи. Въ Уставѣ о промышленности ничего не говорится о сельскомъ хозяйствѣ, которому отведено особое мѣсто въ Уставѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Положеніе 1890 г. говоритъ о „земледѣліи, торговлѣ и промышленности (п. IX, ст. 2), какъ о трехъ самостоятельныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

юридическая помощь крестьянскому населенію не можетъ быть отнесена къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій. Если принять во вниманіе, что земельныя отношенія регулируются у насъ весьма сложными и запутанными юридическими нормами, что вся жизнь крестьянина вертится вокругъ земельнаго надѣла, составляющаго фундаментъ его благосостоянія, то не трудно понять, что отсутствіе надлежащей юридической помощи можетъ отразиться весьма гибельнымъ образомъ на интересахъ крестьянскаго хозяйства. Но при упадкѣ крестьянскаго хозяйства не можетъ быть рѣчи о развитіи земледѣлія въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ около $^3/_4$ всей пахотной площади приходится на долю крестьянъ *). «Попеченіе о земледѣліи» у насъ неизбѣжно должно быть синонимомъ попеченія о крестьянствѣ. Всякая мѣра, направленная къ улучшенію жизненныхъ условій сельскаго населенія, ведя къ поднятію хозяйственнаго уровня крестьянства, къ увеличенію производительныхъ силъ $^4/_5$ населенія, тѣмъ самымъ ведетъ къ развитію земледѣлія. Безплатная юридическая помощь крестьянскому населенію, содѣйствуя подъему его благосостоянія, явилась бы, слѣдовательно, хотя и косвеннымъ, но все же могучимъ факторомъ въ поднятіи земледѣльческаго промысла вообще. Рѣшеніе сената *по существу* идетъ въ разрѣзъ съ закономъ, но если держаться *буквы*, то другого рѣшенія сенатъ и не могъ вынести. Не трудно было бы привести цѣлый рядъ другихъ случаевъ, когда редакція закона, говорящаго о промыслѣ, но не о людяхъ, этимъ промысломъ занимающихся, давала въ руки противниковъ земской иниціативы оружіе для парализованія мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію быта крестьянъ.

Указанные недостатки Положеній 1864 и 1890 гг., въ связи съ неудовлетворительностью дѣйствующей выборной системы, являются, можетъ быть, одной изъ главныхъ причинъ вялой дѣятельности земства въ области коренныхъ улучшеній крестьянскаго хозяйства. Если окинемъ бѣглымъ взглядомъ 35-лѣтнюю дѣятельность земскихъ учрежденій, то сразу бросится въ глаза отсутствіе сколько-нибудь важныхъ мѣръ для исцѣленія недуговъ того самаго населенія, которое служитъ финансовой опорой земскаго самоуправленія. Дальше палліативовъ, временныхъ и незначительныхъ заплатъ и починокъ земство не пошло. Корень зла въ крестьянской жизни остался внѣ воздѣйствія органовъ самоуправленія. Другая черта земской дѣятельности, которая тоже не можетъ укрыться отъ взоровъ даже поверхностнаго наблюдателя, заключается въ томъ, что и палліативныя мѣры придпринимались въ экономической сферѣ несравненно рѣже, чѣмъ въ другихъ областяхъ народной жизни. По справедливому заявленію гл. М. В. Духовского **) земство спеціализировалось на нѣсколькихъ предметахъ, обративъ свое особенное вниманіе на школьное и медицинское дѣло, между тѣмъ какъ дѣло

*) Въ 50 губ. Европейской Россіи вся пахотная площадь составляетъ 106,666.47 дес., а изъ надѣльной крестьянской земли подъ пашню находится 74,318.310 дес.

**) *Журналы московск. губ. земск. собр. 1889 года*, стр. 130.

помощи экономическимъ нуждамъ населенія отодвинуто на задній планъ Въ то время, какъ земская медицина, наприм., получила значительное развитіе во всей земской Россіи и достигла опредѣленной, довольно удовлетворительной организаціи,—относительно экономическихъ мѣропріятій до сихъ поръ еще не рѣшенъ даже вопросъ о разграниченіи компетенціи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. И что всего замѣчательнѣе, пререканія о томъ, кому первому сказать «э», возникаютъ именно на почвѣ экономическихъ вопросовъ. Когда губернское земство устраиваетъ губернскія больницы или посылаетъ санитарные отряды въ пораженныя эпидеміей мѣста, ни одному уѣздному гласному не придетъ въ голову протестовать противъ вторженія губернскаго земства въ сферу компетенціи уѣздныхъ земствъ. Но стоитъ губернскому собранію заикнуться, наприм., о введеніи агрономической организаціи, какъ тотчасъ начнутся нескончаемые разговоры о томъ, должна ли эта организація сосредоточиться въ рукахъ губернскаго земства или уѣздныхъ. Наши земскіе дѣятели даже *въ принципѣ* еще не уяснили себѣ своихъ обязанностей по отношенію къ подъему экономическаго благосостоянія народной массы. О планомѣрной дѣятельности не можетъ быть рѣчи, разъ не намѣчены ни конечная цѣль, ни исходная точка. До чего смутно сознаніе активныхъ земскихъ дѣятелей о необходимости общеэкономическихъ мѣропріятій, которыя направлены были бы къ устраненію, насколько это возможно при существующихъ условіяхъ земской дѣятельности, основныхъ причинъ ненормальнаго положенія народнаго хозяйства, видно изъ того, что только въ немногихъ губерніяхъ существуютъ экономическіе совѣты (и экономическія отдѣленія или бюро при управахъ), цѣль которыхъ заключается въ объединеніи дѣятельности земства на экономической почвѣ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ при земскихъ управахъ имѣются какія угодно отдѣленія,—медико-санитарное, ветеринарное, продовольственное (завѣдываніе выдачей продовольственныхъ ссудъ), дорожное, страховое,—только экономическое отдѣленіе блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Всякое отдѣленіе работаетъ въ своей спеціальной, узкой сферѣ, чиня разныя прорѣхи въ крестьянскомъ зипунѣ и не замѣчая, что ихъ работа уподобляется работѣ Данаидъ. Ветеринары весьма добросовѣстно слѣдятъ за состояніемъ издыхающаго отъ безкормицы крестьянскаго скота; врачи съ не меньшей добросовѣстностью, доставившей имъ почетную извѣстность, лѣчатъ цынгу и брюшной тифъ, развивающіеся вслѣдствіе систематическаго «недоѣданія»; страховые агенты изощряютъ свои способности на правильной оцѣнкѣ крестьянскихъ хатъ, съ которыхъ зимою соломенныя крыши разбираются для поддержанія послѣдней скотины; продовольственное отдѣленіе тщательно учитываетъ продовольственныя ссуды, которыя стали такой же неизбѣжной принадлежностью крестьянской семьи, какъ розги по приговору волостного суда. Машина работаетъ, только нѣтъ самаго главнаго винта,—того винта, который дѣйствовалъ бы на причину зла, а не лишь на его проявленія. Всякому хорошо извѣстно, что и медицина, и ветеринарія, и страхованіе имѣютъ смыслъ тогда, когда населеніе хоть сколько-нибудь

обезпечено въ своихъ насущныхъ нуждахъ. Разъ у крестьянина земли имѣется столько, что «и курицу некуда выгнать», а живой и мертвый инвентарь находятся въ такомъ состояніи, что затрудняютъ веденіе хозяйства и прадѣдовскими пріемами, не говоря уже о какихъ-либо улучшеніяхъ; разъ на-ряду съ такимъ жалкимъ состояніемъ факторовъ производства, оказываются и крайне ненормальныя условія сбыта, въ силу которыхъ крестьянинъ вынужденъ осенью вывозить на базаръ тотъ самый хлѣбъ, который ему придется весною купить обратно, но уже за болѣе дорогую цѣну, переплачивая на этой операціи солидную цифру въ пользу кулаковъ и скупщиковъ; разъ существуютъ такія основныя причины, въ корнѣ подтачивающія благосостояніе сельскаго населенія, создающія богатую почву для развитія эпидемій, эпизоотій и пр., и пр.,—то не ясно ли, что вся разнообразная дѣятельность земства теряетъ raison d'être, если нѣтъ планомѣрной организаціи, направленной къ улучшенію общихъ экономическихъ условій крестьянской жизни?

Послѣ памятнаго 1891 года нѣкоторыя земства рѣшили, повидимому, выступить на путь широкихъ экономическихъ мѣропріятій. Но и тутъ о *планомѣрной, систематической* работѣ, преслѣдующей въ разныхъ направленіяхъ одну, строго опредѣленную цѣль, не можетъ быть рѣчи. Земство принимало мелочныя, частичныя мѣры, но не выработало цѣльной системы серьезныхъ экономическихъ мѣропріятій. Большинство земствъ ограничилось введеніемъ агрономической организаціи, устройствомъ опытныхъ и показательныхъ полей, совершенно забывая ту аксіому, что безъ капитала немыслимы улучшенія культуры. Если въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство приходитъ крестьянамъ на помощь въ дѣлѣ покупки земли, скота и сельско-хозяйственныхъ орудій, содѣйствуя, такимъ образомъ, улучшенію условій производства, то сбытъ крестьянскаго хлѣба остается въ томъ же хаотическомъ состояніи, и въ общемъ почти ничего не дѣлается для избавленія крестьянъ отъ цѣпкихъ рукъ скупщиковъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство осенью выдаетъ крестьянамъ ссуды подъ залогъ хлѣба, избавляя ихъ этимъ путемъ отъ необходимости обращаться къ скупщикамъ; но тутъ же упускается изъ виду, что кулакъ-скупщикъ закабаливаетъ крестьянъ еще весною, когда они нуждаются въ кредитѣ для продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ. Нигдѣ мы не найдемъ *сочетанія* мѣръ, имѣющихъ цѣлью дѣйствовать на *всѣ* стороны крестьянскаго хозяйства. Неудивительно поэтому, если подобныя частичныя начинанія земствъ не даютъ желаемыхъ результатовъ: благотворное дѣйствіе того или другого мѣропріятія парализуется другими неблагопріятными условіями, которыя не устраняются.

Къ числу явленій, до сихъ поръ меньше всего привлекавшихъ вниманіе земства, относится сбытъ полевыхъ продуктовъ. О вредномъ вліяніи посредниковъ въ хлѣбной торговлѣ вообще у насъ много было говорено и писано, но во всѣхъ этихъ толкахъ и писаніяхъ имѣлась въ виду главнымъ образомъ внѣшняя торговля и совершенно почти умалчивалось о внутренней и въ особенности о базарной торговлѣ хлѣбомъ, въ которой больше

всего заинтересованы крестьяне. А между тѣмъ базарная торговля не меньше внѣшней нуждается во вмѣшательствѣ какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ органовъ, ибо господствующіе въ ней «обычаи» и порядки занимаютъ не послѣднее мѣсто въ ряду факторовъ, подрывающихъ экономическое благосостояніе народной массы.

Но какую роль играетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ хлѣбная торговля? Не представляется ли ея значеніе въ крестьянскомъ бюджетѣ столь ничтожной, что ею можно пренебречь, какъ безконечно-малой величиной? Не сохранило ли крестьянское хозяйство всѣхъ свойствъ натуральнаго хозяйства? Не является ли оно по сію пору «самоудовлетворяющейся единицей», не нуждающейся въ отчужденіи своихъ продуктовъ? Посмотримъ, что говорятъ цифры и факты.

Въ извѣстномъ трудѣ, изданномъ министерствомъ финансовъ подъ редакціей проф. Чупрова и Посникова *), г. Маресс сдѣлалъ подсчетъ сбора хлѣбовъ съ крестьянской земли (надѣльной, купчей и арендуемой) въ сравненіи съ количествомъ продуктовъ, необходимыхъ для продовольствія населенія и прокормленія скота, считая по 26,5 п. на душу. Оказывается, что только въ 6 губерніяхъ (Тамбовской, Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Оренбургской и Области Войска Донского) крестьянская запашка въ цѣломъ не только представляется достаточной для удовлетворенія продовольственныхъ и кормовыхъ потребностей населенія, но и можетъ дать еще свободный для продажи остатокъ, равный приблизительно 46 мил. п. Пять губерній (Херсонская, Саратовская, Самарская, Симбирская и Волынская) могутъ считаться обезпеченными въ продовольственныхъ и кормовыхъ средствахъ, но избытковъ для продажи онѣ не даютъ. Въ 19 губерніяхъ (Курской, Пензенской, Воронежской, Ярославской, Тульской, Кіевской, Уфимской, Смоленской, Костромской, Вятской, Орловской, Рязанской, Полтавской, Харьковской, Казанской, Нижегородской, Ковенской, Псковской и С.-Петербургской) имѣется достаточно хлѣба для собственнаго продовольствія, но кормовая потребность ихъ сполна уже не покрывается. Наконецъ, въ остальныхъ 17 губерніяхъ (Олонецкой, Новгородской, Пермской, Витебской, Могилевской, Гродненской, Владимірской, Подольской, Минской, Архангельской, Астраханской, Калужской, Тверской, Виленской, Московской, Вологодской и Черниговской) крестьянамъ обычно не хватаетъ собственнаго хлѣба даже для пропитанія, причемъ дефицитъ достигаетъ 67,9 мил. п. Слѣдовательно, если судить по величинѣ крестьянской запашки и нормѣ потребностей, то крестьянскій хлѣбъ можетъ идти въ продажу только въ 12,8% всего числа (47) губерній Европейской Россіи. Но г. Маресс въ своихъ вычисленіяхъ взялъ слишкомъ низкую продовольственную норму— 19 пудовъ на душу безъ различія пола и возраста. Эту цифру г. Маресс вывелъ теоретически, между тѣмъ какъ изслѣдованіе крестьянскихъ бюд-

*) *Вліяніе неурожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ*, ст. *Производство и потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ*.

жетовъ показываетъ, что количество *дѣйствительно* потребляемаго хлѣба равно 23 п. (18 п. озимого и 5 п. ярового) *). Если сюда прибавить 7,5 п. на душу для прокормленія скота, то общая норма потребностей повысится до 30,5 п. Принимая эту цифру, мы найдемъ, что избытками владѣютъ только 3 губерніи (Таврическая—41,6 п., Область Войска Донского—38,6 п., Оренбургская—39,3 п.), а 2 губерніи приближаются къ требуемой нормѣ: Бессарабская имѣетъ 29,5 п. на душу, Екатеринославская—27,2 п.

Само собою разумѣется, что сдѣланный нами выводъ даетъ только самое общее представленіе объ обезпеченности разныхъ губерній продовольственными и кормовыми средствами. Въ дѣйствительности губернія и даже уѣздъ не представляетъ собою чего-либо вполнѣ однообразнаго во всѣхъ своихъ частяхъ. Въ одной и той же губерніи могутъ оказаться мѣстности, обладающія избытками, на-ряду съ мѣстностями, не обезпеченными даже въ продовольственныхъ средствахъ. Дифференціація наблюдается даже въ предѣлахъ болѣе мелкихъ дѣленій губерніи, каковы: уѣздъ, волость, селеніе. Чтобъ опредѣлить степень дифференціаціи крестьянской массы въ отношеніи обезпеченности продовольственными и кормовыми средствами, г. Маресъ взялъ за исходную точку количество надѣльной земли на ревизскую душу, приходящееся въ среднемъ на общину. Другими словами, г. Маресъ принимаетъ общину какъ нѣчто однородное въ своемъ составѣ, какъ абстрактное цѣлое, не знающее различія землевладѣнія въ своихъ предѣлахъ. Образовавъ, такимъ образомъ, три группы: 1) группу общинъ, не обезпеченныхъ продовольствіемъ (менѣе 19 п. на душу), 2) группу общинъ, обезпеченныхъ продовольственными средствами и отчасти кормовыми (19—26½ п.) и 3) группу общинъ, имѣющихъ избытки хлѣба (болѣе 26½ п.), г. Маресъ приходитъ къ слѣдующему выводу:

	Количество населенія (въ %%), относящагося къ группамъ:		
	I.	II.	III.
Черноземная полоса	64,3	24,5	11,2
Нечерноземная »	81,7	13,3	5,0
Европейская Россія	70,7	20,4	8,9

Т.-е. число крестьянъ, могущихъ, судя по размѣрамъ надѣльнаго землевладѣнія, отчуждать хлѣбъ на сторону, достигаетъ 8,9% во всей Европейской Россіи, 5% въ нечерноземной полосѣ и 11,2% въ черноземной.

Этотъ процентъ нѣсколько повысится, если принять во вниманіе не только надѣльныя земли, но и арендуемыя. Тогда окажется:

	Черноземная полоса.	Европейская Россія.
къ I группѣ относится . . .	35,1%	52,3%
ко II » » . . .	42,7%	31,8%
къ III » » . . .	22,2%	15,9%

*) *Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губ.*, вып. VII, стр. 100—103.

Въ нечерноземной полосѣ сборъ съ арендуемыхъ земель составляетъ всего 5% сравнительно со сборомъ, получаемымъ съ надѣльной пашни; слѣдовательно, здѣсь аренда не можетъ оказать замѣтнаго вліянія на состояніе продовольственныхъ средствъ. То же слѣдуетъ сказать о купчихъ земляхъ для всей Европейской Россіи, съ которыхъ сборъ составляетъ сравнительно со сборомъ съ надѣльной земли:

въ черноземной полосѣ	5,6%
» нечерноземной »	9,1%

По даннымъ земской статистики, въ 108 уѣздахъ 19 губерній насчитывается только 5,3% хозяевъ съ купчими землями.

Пріемъ, при помощи котораго получены указанные выводы, не можетъ не казаться слишкомъ грубымъ. Община не представляетъ собою однороднаго цѣлаго; дифференціація совершается и въ ея предѣлахъ; рядомъ съ дворами, вовсе не обезпеченными въ продовольственныхъ средствахъ, встрѣчаются домохозяйства, имѣющія возможность продавать часть своихъ продуктовъ безъ ущерба какъ для семьи, такъ и для скота. Поэтому при опредѣленіи степени обезпеченности крестьянскаго населенія правильнѣе было бы взять за исходную точку не общину, а дворъ, домохозяйство. Провѣрить такимъ путемъ полученный выше результатъ для *всей* Россіи не является возможнымъ, такъ какъ данныя земской статистики, представляющей единственный надежный источникъ для нашей цѣли, даютъ необходимый матеріалъ только для нѣкоторыхъ губерній. Однако, и имѣющихся свѣдѣній достаточно, чтобъ убѣдиться въ правильности вычисленій г. Маресса.

Если свести въ одно цѣлое разбросанныя по разнымъ сборникамъ данныя и сгруппировать ихъ съ интересующей насъ точки зрѣнія, то получится слѣдующее:

	% дворовъ, не имѣющихъ избытковъ.	Имѣющихъ избытки.
Таврическая губ.	41,1	48,9
Елисаветградскій у., Херсонск. губ.	82,8	17,2
Александрійскій у., » »	83,2	16,8
Пирятинскій у., Полтавской губ. .	80,6	19,4
Кобелякскій у., » » .	68,1	31,9
Саратовская губ. (5 уѣздовъ) . .	49,8	40,2
Новоузенскій у., Самарской губ. .	61,4	38,6
Тверская губ.	99,7	0,3
	% дворовъ, не продающихъ хлѣба.	Продающихъ хлѣбъ.
Воронежская губ. (9 уѣздовъ) . .	38,8	61,2
Чардынскій у., Пермской губ. . .	86,8	0,3

Для 23 селеній сѣверо-западной части Мамадышскаго у., Казанской губ., имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

	% дворовъ, сбывавшихъ избытки хлѣба на сторону.
Въ группѣ домохозяевъ, имѣющихъ и лошадь и корову	14%
» группѣ домохозяевъ, имѣющихъ корову, но не имѣющихъ лошади .	20%
» группѣ домохозяевъ, не имѣющихъ ни коровы, ни лошади.	13%

Въ Гдовскомъ у., С.-Петербургской губ. 58% всего числа надѣльныхъ семей покупаютъ хлѣбъ. Въ Московской губ. зарегистровано всего 140 указаній относительно продажи ржи, но лишь 13 изъ нихъ относятся къ селеніямъ, гдѣ своего хлѣба не только хватаетъ всѣмъ «до новаго», но еще и остается у нѣкоторыхъ домохозяевъ излишекъ на продажу.

Итакъ, если судить по размѣрамъ землевладѣнія, то сбытъ долженъ играть незначительную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ. «Это основной, доминирующій фактъ, повсемѣстно характеризующій собою русское крестьянское хозяйство. Изъ общей массы населенія выдѣляется только очень небольшая группа (около $^1/_6$), производящая зерно съ избыткомъ, который и отчуждается. Масса же населенія производитъ зерно только для своихъ потребностей, причемъ больше половины всѣхъ крестьянъ своей земледѣльческой дѣятельностью даже не зарабатываютъ необходимыхъ средствъ пропитанія» *). Очевидно, группа, имѣющая избытки хлѣба для продажи на сторону, заключаетъ въ себѣ наиболѣе состоятельныхъ домохозяевъ.

II.

Дѣйствительность однако не соотвѣтствуетъ теоретическому выводу, сдѣланному въ предыдущей главѣ. Къ продажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ прибѣгаютъ не только дворы, имѣющіе избытки, но и такіе, которые совершенно не обезпечены ни продовольственными, ни кормовыми средствами. Объясняется это тѣмъ, что «въ крестьянскомъ хозяйствѣ многихъ мѣстностей Россіи время наступленія необходимѣйшихъ расходовъ не совпадаетъ съ моментами полученія доходовъ. Такъ, платежи за арендуемыя земли и уплата нѣкоторыхъ налоговъ обычно производится раннею осенью, почти тотчасъ по уборкѣ хлѣба». Осенью же обыкновенно наступаетъ срокъ платежа по займамъ. «Между тѣмъ, въ это время года бываютъ очень слабы промысловые заработки, доставляющіе крестьянскому хозяйству денежныя средства. Поэтому, крестьяне бываютъ вынуждены продавать хлѣбъ въ осенніе мѣсяцы» **). Въ это время на рынокъ выбрасывается огромная масса крестьянскаго хлѣба, который продается при самыхъ невыгодныхъ для продавцовъ условіяхъ. При бездорожицѣ и отсут-

*) „Вліяніе урожаевъ“, т. I, стр. 52.

**) „Вліяніе урожаевъ“ и т. д., т. I, стр. XVIII.

ствіи солидныхъ покупателей [1]), значительное предложеніе хлѣба низводитъ цѣну его до минимума. Понятно, для того, чтобы достать нужное количество денегъ, крестьяне вынуждены продать хлѣба гораздо больше того количества, какое потребовалось бы продать, если бы цѣна хлѣба была болѣе или менѣе нормальная. Въ Вятской губ., напр., осенью овесъ продается нерѣдко за 12—15 к. пудъ [2]). Вынужденная и убыточная продажа крестьянскаго хлѣба въ осенніе мѣсяцы при самомъ неблагопріятномъ состояніи рынка—явленіе, изъ года въ годъ повторяющееся во всей Россіи. Въ земскихъ статистическихъ [3]) изданіяхъ и сборникахъ постановленій земскихъ собраній можно найти не мало указаній на фактъ усиленнаго сбыта крестьянскаго хлѣба осенью. Такъ, въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губ. «продажа крестьянскаго хлѣба является въ большинствѣ случаевъ вынужденной и несвоевременной, какъ результатъ экономическаго благосостоянія населенія». Сбытъ хлѣба начинается осенью; рѣдкіе додерживаютъ излишки его до зимы; продается онъ большею частью «по необходимости»: для уплаты податей и недоимокъ, а также для выкупа заложенныхъ вещей у разныхъ кредиторовъ. Въ Орловскомъ уѣздѣ избытки продовольственныхъ средствъ имѣютъ всего 15,4% всего числа дворовъ. Однако, къ продажѣ часто прибѣгаютъ и крестьяне, вовсе не имѣющіе избытковъ продовольственныхъ средствъ. Происходитъ это вслѣдствіе нужды въ деньгахъ осенью для уплаты податей. «Овесъ часто также сбывается крестьянами въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это могло бы быть сдѣлано безъ ущерба для хозяйства» [4]). Въ Слободскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, «общій сборъ продуктовъ сельскаго хозяйства едва ли покрываетъ продовольственную нужду мѣстнаго населенія, и экспортъ при этихъ условіяхъ является аномаліей, вызванной ненормальностью всего уклада экономической жизни земледѣльцевъ. Вскорѣ послѣ жатвы нужда въ денежныхъ средствахъ для уплаты податей и хозяйственныхъ заготовокъ къ приближающейся зимѣ заставляетъ населеніе усиленно предлагать на рынкѣ продукты только что снятаго урожая» [5]). Въ Полтавской губерніи «осень является обыкновенно временемъ наиболѣе усиленной продажи хлѣба, особенно для крестьянъ, нуждающихся въ деньгахъ для уплаты за арендуемую землю, взноса повинностей и проч.» [6]). Корреспонденты статистическаго отдѣленія Нижегородской губерніи [7]) пишутъ: «Крестьяне нерѣд-

---

[1]) Крупныя торговыя фирмы открываютъ конторы для закупки хлѣба только съ установленіемъ зимняго пути.

[2]) *Журн. вятск. губ. зем. собр.* XXV очер. сессіи, т. I, стр. 617—618.

[3]) Къ сожалѣнію, земская статистика обращаетъ мало вниманія на условія быта крестьянскаго хлѣба; данныя объ этой сторонѣ крестьянскаго хозяйства можо найти лишь въ немногихъ сборникахъ.

[4]) *Сборн. стат. свѣд. по Орловской губ.*, т. VI, в. 2, 1892 г., стр 125; т. VIII, 895 г., стр. 178.

[5]) *Матер. по стат. Вятской губ.*, т. XI, ч. 1, 1897 г., стр. 69.

[6]) *Обзоръ сельск. хоз. Полтавской губ. за 1895 г.*, стр. 209.

[7]) Изъ неизданныхъ матеріаловъ о хлѣбной торговлѣ.

ко продаютъ свой хлѣбъ (въ селѣ Гагинѣ, Сергачскаго уѣзда) осенью, когда покупателей пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстностей совершенно нѣтъ, а покупаютъ мѣстные торговцы, конечно, по цѣнѣ самой низкой, потому что велятъ собирать подати, и нерѣдко (хлѣбъ) продается за половину цѣны». «Бѣдные люди продаютъ по необходимости хлѣбъ осенью, на исправленіе нуждъ, а состоятельные выжидаютъ того времени, когда хлѣбъ въ цѣнѣ повысится».

Несвоевременная продажа хлѣбовъ приводитъ къ тому, что даже такіе дворы, которые при другихъ условіяхъ имѣли бы избытокъ продовольственныхъ средствъ, принуждены вывозить на рынокъ чрезмѣрное количество продуктовъ, лишая себя необходимаго. Не говоримъ уже о менѣе состоятельныхъ крестьянахъ, не обладающихъ избытками. Въ результатѣ—и тѣмъ, и другимъ приходится зимою, а особенно весною, прибѣгать къ покупкѣ продуктовъ какъ для своего прокормленія, такъ и для разныхъ хозяйственныхъ нуждъ.

По словамъ г. Чаславскаго, «большую часть хлѣба, идущаго въ продажу въ примосковномъ районѣ, составляетъ хлѣбъ крестьянскій. Большинство крестьянъ можетъ получать съ своихъ земель лишь столько, сколько необходимо для прокормленія ихъ семей, какъ бы ни была плодородна почва. Поэтому если они и продаютъ хлѣбъ съ своихъ надѣловъ, то исключительно яровой; озимый же продается ими только въ силу необходимости, для уплаты податей и налоговъ. Продавая обыкновенно озимый хлѣбъ осенью, они покупаютъ его для продовольствія зимою и весною *). По словамъ г. Борковскаго, въ верхне-волжскомъ районѣ «на практикѣ количество покупаемаго крестьянскаго хлѣба иногда увеличивается совершенно независимо отъ условій производства крестьянскаго хлѣба, и объясняется это тѣмъ, что многіе крестьяне, не имѣя чѣмъ выплатить подати и разныя повинности, продаютъ часть своего хлѣба (ржаного) тотчасъ послѣ уборки съ поля, а потомъ нѣсколькими мѣсяцами зато раньше обращаются къ покупному» **). Этотъ фактъ подтверждается и земско-статистическими изслѣдованіями, и показаніями мѣстныхъ земскихъ дѣятелей. Такъ, наприм., въ 1881 году коммиссія мосальскаго уѣзднаго земскаго собранія заявила: «Крестьяне, нерѣдко нуждаясь въ кредитѣ, въ теченіе осени и зимы продаютъ весь урожай ярового хлѣба, а зимою занимаютъ его на крайне невыгодныхъ условіяхъ или покупаютъ. Такой жалкій порядокъ обсѣмененія яровыхъ полей получилъ такое распространеніе и настолько вѣлся въ крестьянское хозяйство, что образовалось цѣлое сословіе промышленниковъ, почти исключительно занимающихся ссудою хлѣбомъ вообще, а яровыми въ о(-бенности» ***). Въ Орловскомъ уѣздѣ записи мѣстнаго изслѣдованія, отно(-

*) *Труды экспед. для изслѣд. хлѣбной торг. и производ. въ Россіи*, т. III, в. , 1873 г., стр. 5—6.

**) Ibid., т. II, 1872 г., стр. 13.

***) *Г. П. Сазоновъ*: „Обзоръ дѣятельности земствъ по народному продов(-ствію", т. II, 1893 г., стр. 404.

щіяся до продажи полевыхъ произведеній большинствомъ населенія, почти всегда сопровождаются записями о слѣдующей затѣмъ покупкѣ ихъ *). Тоже сообщаютъ изъ Полтавской, Вятской, Нижегородской и другихъ губерній **).

Продавая свой хлѣбъ осенью по низкой цѣнѣ, крестьяне зимою и весною при покупкѣ зерновыхъ продуктовъ платятъ высокія цѣны. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ ***), весеннія цѣны на рожь и овесъ превышали осеннія на:

		Рожь.	Овесъ.
1896—97 годъ:	черноземная полоса . .	2,3%	11,3%
» »	нечерноземн. » . .	1,4%	14,8%
1897—98 »	черноземная » .	20,3%	26,7%
» »	нечерноземн. » .	21,8%	28,0%
1898—99 »	черноземная » . .	1,9%	1,3%
» »	нечерноземн. » . .	4,7%	10,5%

Этотъ фактъ подтверждается и земской статистикой. Такъ, наприм., въ Нижегородской губ. осеннія цѣны были ниже (—) или выше (+) весеннихъ на:

	Рожь.	Пшеница.	Овесъ.
Въ 1893 году	—24%	—28 %	—50,5%
» 1894 »	—15%	—10,5%	+ 5 %
» 1895 »	—11%	—12 %	—24 %
» 1896 »	— 7%	— 6,5%	—20 %
За 1893—1896 г. въ среднемъ	—14%	—14 %	—22 %

Въ Полтавской губерніи весною 1895 года цѣна пуда ржи возросла противъ осенней на 40,9%, ячменя на 62,5%. Въ Орловскомъ уѣздѣ разница между весенними и осенними цѣнами, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, выражается въ слѣдующемъ видѣ:

Цѣна за пудъ въ коп.	Осенью продажная.	Весною покупная.	Разница въ %%.
Ржи	46,7	51,9	10
Овса	42,1	55,6	32

Въ Вятской губ. среднія цѣны за 1888—91 гг. равны:

	Осень.	Весна.	Разница въ %%.
Рожь	65	90	38
Овесъ	37	60	62 ****)

*) *Сборникъ статист. свѣд. по Орловской губ.*, т. VIII, стр. 178.

**) *Обзоръ сельск. хоз. Полтавской губ. за 1895, 1896 и 1897 годы*; *Матеріалы по статист. Вятской губ.*, т. XI, ч. 1, 1897 г., стр. 69; *Журн. вятск. губ. земск. собр.*, XXV очер. сессіи, т. II, 1891 г., стр. 617—618; неизданные матеріалы о хлѣбной торговлѣ Нижегородской губ.

***) „1896, 1897, 1898 и 1899 гг. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". Изд. мин. земледѣл. и госуд. имущ.

****) *Сельско-хоз. обз. Нижегор. губ.* за 1896 г.; *Обз. сельско-хоз. Полтавск. губ.* за 1895 г.; *Сб. стат. свѣд. по Орловск. губ.*, т. VIII, 1895 г.; *Мат. по стат. Вятск. губ.*, т. XI, ч. I; *Журн. Вятск. губ. з. с.* XXV, т. II, стр. 617—618.

Потери крестьянъ не ограничиваются уплатой разницы между высокими весенними и низкими осенними цѣнами. Для продажи своего хлѣба мужикъ ѣдетъ въ городъ, на ближайшую станцію желѣзной дороги или на сосѣдній базаръ, а весною, чтобы купить хлѣбъ, ему приходится ѣхать обыкновенно туда же. Въ селахъ, лежащихъ далеко отъ торговыхъ пунктовъ, хлѣбъ осенью сбывается окрестнымъ мелкимъ скупщикамъ, которые хранятъ его у себя до весны, а затѣмъ, когда наступаетъ нужда въ хлѣбѣ, привозятъ его обратно изъ города или своего мѣстожительства въ деревню. Расходы по доставкѣ хлѣба въ городъ и затѣмъ по перевозкѣ его изъ города въ деревню ложатся цѣликомъ на крестьянъ. Этимъ объясняется, почему осеннія цѣны на продукты въ городѣ выше, чѣмъ въ деревнѣ, а весною, наоборотъ, деревенскія цѣны выше городскихъ. Въ Орловскомъ уѣздѣ, наприм., разница эта достигаетъ въ среднемъ 10 коп. на пудъ ржи.

Отдѣльные крестьяне переплачиваютъ еще больше, такъ какъ не всѣ имѣютъ возможность купить необходимые имъ продукты на деньги и бываютъ вынуждены брать въ долгъ и подъ работу. Переплата въ этомъ случаѣ достигаетъ въ Орловскомъ уѣздѣ 9,4 коп. для ржи и 16,4 коп. для овса. Вся разница между продажной осенней городской цѣной и весенней покупной деревенской достигаетъ въ Орловскомъ уѣздѣ 24,6 коп. для пуда ржи и 39,4 коп. для пуда овса. По разсчету г. Голубева *), на этой «торговой» операціи крестьяне въ общемъ теряютъ около 90—115 милл. руб. въ годъ.

Продаваемый осенью крестьянскій хлѣбъ не поступаетъ на рынокъ, а остается въ рукахъ мѣстныхъ скупщиковъ, которые сохраняютъ его, чтобы зимою и весной употреблять для удовлетворенія спроса тѣхъ же крестьянъ, которые осенью продавали его. Масса крестьянскаго населенія весною выкупаетъ у скупщиковъ свой же хлѣбъ, такъ что операція продажи зерновыхъ продуктовъ осенью и покупки ихъ весною является для крестьянъ не чѣмъ инымъ, какъ *займомъ денегъ подъ залогъ хлѣба за крупные проценты*. Такую квалификацію крестьянскаго сбыта даютъ и спеціальные изслѣдователи хлѣбной торговли, и земская статистика, и органы земскаго самоуправленія **).

До сихъ поръ мы разсматривали условія крестьянской хлѣбной торговли, не принимая во вниманіе одного изъ крупнѣйшихъ золъ деревенской жизни—дѣятельности скупщиковъ. Мы имѣли дѣло съ нѣсколько искусственной обстановкой, такъ какъ обычный, естественный порядокъ вещей состоитъ въ томъ, что крестьянинъ покупаетъ и продаетъ свои продукты черезъ посредство скупщиковъ, въ карманахъ которыхъ остается не мало мужицкихъ рублей. Роль посредниковъ этого рода слишкомъ извѣстна, чтобы

*) *Юридич. Вѣстникъ*, 1892 г., кн. 10.

**) См., наприм., *Борковскій*, назв. соч., стр. 13; *Сб. стат. свѣд. по Воронежской губ.*, т. I; *Сб. стат. свѣд. по Орловской губ.*, т. VIII; *Матер. къ оцѣнкѣ земель Новгор. губ.*, вып. VIII; *Матер. по стат. Вятской губ.*, т. XI, ч. I; *Журн. Вятск. губ. з. с. XXV о. с.*, т. II, стр. 617—618.

нужно было здѣсь подробно на ней останавливаться. Мы ограничимся поэтому самой общей, схематической характеристикой ихъ вліянія на крестьянскую хлѣбную торговлю, пользуясь по преимуществу отзывами земскихъ дѣятелей и земскими статистическими изслѣдованіями.

Дѣятельность скупщиковъ начинается еще зимою или весною, когда крестьянинъ нуждается въ продовольственныхъ и кормовыхъ средствахъ и въ сѣменахъ для обсѣмененія полей. Если у него нѣтъ наличныхъ денегъ (а это чаще всего), то онъ обращается къ богачу-скупщику и беретъ у него въ долгъ или хлѣбъ, или деньги наличностью. При этомъ крестьянинъ платитъ за хлѣбъ копеекъ на 15—20 дороже противъ базарной цѣны и нерѣдко выдаетъ обязательство продать весь будущій урожай скупщику. Въ случаѣ, если бы крестьянинъ не исполнилъ своего обязательства, онъ лишается кредита на будущее время. При пріемѣ хлѣба скупщики устанавливаютъ совершенно произвольныя цѣны, такъ какъ крестьянинъ не знакомъ съ состояніемъ рынка и всецѣло находится въ рукахъ своего кредитора. Независимо отъ этого, въ Одесскомъ уѣздѣ, наприм., скупщики установили обычай сбрасывать на мѣшокъ 3 фунта и походу на «разсыпку» 1 фунтъ. Если принять въ разсчетъ только этотъ фунтовой походъ, то и тогда на 700 тыс. четвертей, продаваемыхъ населеніемъ Одесскаго уѣзда при среднемъ урожаѣ, оно теряетъ 35 тыс. пудовъ. Вообще, скупка на мѣстахъ производства, какъ и всѣ вообще внѣбазарныя сдѣлки, сопровождаются весьма часто разными обманами и злоупотребленіями со стороны скупщиковъ. Стачки, обвѣшиваніе, въ особенности на десятичныхъ вѣсахъ, обсчитываніе, сбавки противъ условленной цѣны практикуются въ широкихъ размѣрахъ. Какъ мѣстный житель, скупщикъ хорошо знакомъ съ условіями крестьянской жизни и ловко пользуется нуждою мужика, чтобы купить у него хлѣбъ за безцѣнокъ. Гласный курскаго губернскаго земскаго собранія Волковъ приводитъ такой примѣръ: за крестьяниномъ недоимка въ 15 руб., а у него есть по справочной цѣнѣ на 20 руб. хлѣба, за который кулакъ, зная, что становой описалъ скотину мужика, даетъ только 10 руб.; конечно, крестьянинъ продаетъ зерно кулаку, чтобы не лишиться скотины и избѣжать другихъ непріятностей *).

Но возьмемъ тотъ случай, когда обстоятельства сложились настолько благопріятно для крестьянина, что онъ весною не попалъ въ кабалу кулака и имѣетъ возможность осенью вывезти свой хлѣбъ на базаръ. И въ этомъ случаѣ ему рѣдко удается воспользоваться вольной рыночной цѣной, такъ какъ скупщики употребляютъ всѣ старанія, чтобы помѣшать ему войти въ непосредственныя сношенія съ торговцемъ, не говоря уже о потребителѣ. Они цѣлыми партіями встрѣчаютъ крестьянъ не только по улицамъ къ базару, но и по окраинамъ города и за городомъ по всѣмъ дорогамъ, не до-

*) См., наприм., *Сбор. херсонскаго земства,* 1898 г., № 9, стр. 127—128; *Сазонов*: „Вопросы хлѣбной торговли, разработанные земск. учр.“, стр. 269, 272; его же: „Дѣят. земства по народн. продов.“, т. II, стр. 406; неизд. матер. Нижегородск. губ. земства и др.

пускаютъ остановиться на базарѣ или проѣхать къ лавкамъ настоящихъ торговцевъ. Крестьяне, не зная рыночной цѣны, «попадаются впросакъ,— продаютъ хлѣбъ и другія произведенія по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ цѣна рыночная». Козловская (Тамбовской губ.) уѣздная земская управа даетъ любопытную характеристику мѣстныхъ скупщиковъ. Они дѣлятся на три разряда. Къ 1-му относятся факторы, служащіе крупнымъ торговцамъ; получивъ порученіе отъ хозяина о закупкѣ хлѣба, они выходятъ на базаръ ночью, осматриваютъ каждый въѣзжающій возъ, сортируютъ и, сторговавшись въ цѣнѣ, отправляютъ къ хозяину. 2-й разрядъ—кулаки-ловители. Они съ вечера отправляются на заставы и ожидаютъ привоза хлѣба; какъ только появляются воза, они окружаютъ ихъ всей компаніей, торгуются, бранятся, угрожаютъ; если ничто не помогаетъ, берутъ лошадь подъ уздцы и ведутъ къ торговцу, который всегда радъ такимъ гостямъ, тамъ обмѣриваютъ и разсчитываютъ по цѣнѣ, на которую торговецъ и не соглашался. Когда же крестьяне ускользнутъ и явятся на базаръ, эти кулаки, раздѣливъ между собою ихъ воза, садятся на нихъ и продаютъ, какъ хозяева, а настоящіе хозяева присутствуютъ лишь какъ свидѣтели. Если такой возъ не продастся, то сидѣвшій на немъ кулакъ отправляется съ нимъ къ извѣстнымъ ему торговцамъ; походъ этотъ продолжается иногда до вечера, и крестьянинъ отдаетъ хлѣбъ первому встрѣчному и по какой угодно цѣнѣ. 3-й разрядъ—кулаки-грабители. Они завѣдуютъ всѣмъ базаромъ; это самостоятельные и безобразнѣйшіе хозяева его, безъ ихъ вмѣшательства нельзя рѣшительно ничего купить съ воза, даже курицы или десятка яицъ. Въ своемъ искусствѣ сбивать цѣны на крестьянскіе продукты скупщики доходятъ до виртуозности. Гл. Семеновъ сообщилъ Спасскому (Курской губ.) уѣздному земскому собранію, что скупщики при покупкѣ и ссыпкѣ хлѣба у крестьянъ прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему: сторговавъ на площади продуктъ за извѣстную цѣну, пріемщикъ, ссыпавъ пудовъ пять, объявляетъ, что остальное онъ не приметъ по условленной цѣнѣ, и подъ различными предлогами совѣтуетъ отдать его по гораздо меньшей или получить разсчетъ за ссыпанное зерно, а съ остальнымъ отправляться куда угодно. Крестьянинъ отлично знаетъ, что разсчетъ ему выдадутъ не скоро, а продуктъ на площади теперь не продать и по предлагаемой низкой цѣнѣ, почему и вынужденъ согласиться на требованія скупщика. Въ Лысковѣ (Нижегородской губ.) вся хлѣбная торговля находится въ рукахъ скупщиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «праховъ» (они «изъ праха деньги куютъ», объясняютъ мѣстные жители). Смотря по различію подвоза, прахи бываютъ трехъ родовъ: одни занимаются операціями по крестьянскому хлѣбу, другіе—по чувашскому, третьи—по помѣщичьему. За свое посредничество они берутъ и съ купца, и съ продавца: съ перваго—условленный процентъ съ каждой четверти, со второго — прибавку вѣса къ каждой четверти, отъ 5 до 1 фунтовъ. Это, въ сущности, выходитъ, что они, по выраженію одного мѣстнаго жителя, «съ одного вола двѣ шкуры деруть». Прахъ и мошенникъ въ Лысковѣ—слова почти однозначащія; прахъ норовитъ надуть и производитель

и купца, что ему почти всегда и удается. «Нечего прибавлять,—говоритъ такой знатокъ Поволжья, какъ Гацисскій,—какими эволюціями выражаютъ прахи свою дѣятельность по отношенію къ крестьянамъ, сбывающимъ свой хлѣбъ по мелочамъ: тутъ они пускаютъ въ ходъ всѣ запасы своей энергіи и держатся, главнымъ образомъ, принципа подпаиванія». Въ Нижегородской губ. крестьянскій хлѣбъ, прежде чѣмъ дойти до потребителя, проходитъ черезъ руки цѣлаго ряда посредниковъ—подбѣговъ, возовыхъ, ссыщиковъ, верховыхъ, крупныхъ торговцевъ, и не трудно представить себѣ, какъ убыточна вся эта серія промежуточныхъ инстанцій для крестьянина-продавца съ одной стороны и для потребителя съ другой. Дѣятельность скупщиковъ сводитъ къ минимуму и безъ того незначительную сумму, которую крестьянинъ выручаетъ отъ продажи своихъ продуктовъ при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ *).

Итакъ, сбытъ крестьянскихъ продуктовъ не имѣетъ ни одного изъ признаковъ, характеризующихъ обмѣнъ по теоріи экономистовъ: тутъ нѣтъ отчужденія продуктовъ своего труда, совершаемаго съ цѣлью пріобрѣсть продукты *чужого* труда; тутъ нѣтъ свободной конкурренціи, игры спроса и предложенія, устанавливающей рыночную цѣну товара; тутъ нѣтъ и юридической свободы сдѣлокъ, составляющей обязательную принадлежность современнаго обмѣна. Крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время купить этотъ самый хлѣбъ, но по болѣе высокой цѣнѣ; цѣна устанавливается односторонней волей покупателя - скупщика; «свободное самоопредѣленіе» продавца исчезаетъ подъ вліяніемъ злоупотребленій и открытыхъ насилій кулаковъ. Эта своеобразная торговая операція, совершаемая «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», является однимъ изъ сильныхъ факторовъ крестьянскаго разоренія, лишая земледѣльца и тѣхъ крохъ, которыя онъ можетъ получить отъ обработки клочка земли при архаическихъ техническихъ пріемахъ и крайне недостаточномъ сельско-хозяйственномъ инвентарѣ.

III.

Самыя условія сбыта крестьянскаго хлѣба показываютъ, что должно сдѣлать земство для устраненія убыточности этой своеобразной торговли. Чтобъ избавить крестьянъ отъ необходимости продавать свой хлѣбъ осенью по низкой цѣнѣ и весною покупать по высокой, слѣдовало бы организовать выдачу ссудъ подъ залогъ продуктовъ. Нуждаясь осенью въ деньгахъ, крестьянинъ отдаетъ въ земскій складъ извѣстное количество хлѣба (или другихъ продуктовъ своего труда), получаетъ подъ залогъ его ссуду, а тѣмъ весною или въ любой другой срокъ, когда у него появились деньги и онъ нуждается въ заложенномъ продуктѣ, онъ выкупаетъ его цѣли-

*) См., наприм., *Сазоновъ:* „Вопросы хлѣбной торговли", стр. 258, 260, 265, 267—268; *Нижегородскій Сборникъ*, т. V, стр. 65—68 и др.

комъ или по частямъ, уплативъ полученную сумму. Нѣкоторая, болѣе зажиточная часть крестьянства имѣетъ, какъ мы видѣли, дѣйствительные избытки, которые продаются окончательно, но продажа эта совершается на весьма невыгодныхъ условіяхъ, благодаря ея несвоевременности и участію въ ней скупщиковъ. Для устраненія этого зла можно было бы организовать закупку крестьянскихъ продуктовъ съ цѣлью продажи ихъ крупнымъ фирмамъ. Крестьяне при этомъ получали бы за свой хлѣбъ рыночную цѣну, а складъ, купившій его, могъ бы, не спѣша съ продажей, выждать удобнаго момента. Складъ несомнѣнно продалъ бы хлѣбъ по болѣе высокой цѣнѣ, такъ какъ онъ входилъ бы въ непосредственныя сношенія съ крупными фирмами и выступалъ бы на рынокъ въ благопріятное для продажи время. Разница между продажной и покупной цѣной (за вычетомъ расходовъ) возвращается крестьянамъ. Наконецъ, весьма часто скупщикъ закабаливаетъ крестьянъ еще весною, а также послѣ снятія жатвы, но до ея уборки, выдавая имъ авансы и обязывая ихъ за то запродать ему будущій урожай. Въ этомъ случаѣ мѣсто скупщика могъ бы занять складъ, выдавая нуждающимся авансы и взявъ съ нихъ обязательство продать складу соотвѣтственную часть будущаго урожая по рыночной цѣнѣ. Совокупность перечисленныхъ трехъ операцій должна сосредоточиваться въ однихъ и тѣхъ же складахъ, устроенныхъ въ возможно большемъ числѣ пунктовъ, какъ можно ближе къ населенію, чтобъ избавить послѣднее отъ необходимости возить хлѣбъ на большія разстоянія. Дѣятельность складовъ поставила бы сбытъ крестьянскаго хлѣба *въ обычныя условія купли-продажи*. Мы особенно напираемъ на подчеркнутыя слова, такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о мѣрѣ благотворительности, а объ устраненіи ненормальныхъ условій сбыта. Очерченная организація должна имѣть въ виду только эту сторону крестьянскаго хозяйства. Само собою разумѣется, что она внесетъ лишь крупицу улучшеній въ крестьянскую жизнь, что для коренного подъема народнаго благосостоянія необходимо дѣйствовать на *всѣ* стороны крестьянскаго хозяйства; мѣропріятія, направленныя къ устраненію невыгодности сбыта, одни, безъ другихъ мѣръ, не въ состояніи кореннымъ образомъ улучшить условія крестьянской жизни. Но въ то же время, для того, чтобы организація сбыта имѣла успѣхъ и не оказалась мертворожденнымъ дѣтищемъ, при ея примѣненіи необходимо считаться съ условіями времени и мѣста. Для ея осуществленія потребуются громадныя основныя и оборотныя средства, и если она будетъ построена на основахъ благотворительности, то окажется зданіемъ, построеннымъ на пескѣ: земство не имѣетъ возможности вкладывать такія крупныя суммы, безъ надежды вернуть ихъ, въ дѣло, которое, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ само окупить себя *). Поэтому въ осно

*) Иное дѣло—тѣ мѣропріятія, въ которыхъ принципъ *Leistung für Gegenleistung* не можетъ быть примѣненъ; таковы, наприм., мѣры, направленныя къ поднят о сельско-хозяйственной техники (агрономическая организація земствъ и пр).

торгово-ссудныхъ операцій должно быть положено не филантропическое начало, а чисто коммерческое: онѣ должны вестись такъ, чтобы склады работали безъ убытка. Вотъ почему при выдачѣ ссудъ и при продажѣ закупленнаго хлѣба непремѣнно долженъ взиматься извѣстный процентъ для покрытія расходовъ; вотъ почему, если заложенный хлѣбъ не выкупленъ къ сроку, по прошествіи льготнаго времени онъ долженъ быть проданъ; вотъ почему при выдачѣ авансовъ съ крестьянъ берется обязательство продать или заложить извѣстную часть будущаго урожая учрежденію, выдавшему авансъ. Конечно, можетъ случиться, что крестьянинъ не въ состояніи выкупить заложенный хлѣбъ, потому что надежды на зимній заработокъ не оправдались; можетъ случиться, что если крестьянинъ отдастъ количество хлѣба, соотвѣтствующее полученному имъ авансу, то онъ лишится того, что необходимо для пропитанія въ ближайшіе же мѣсяцы. Но это ужъ не касается торгово-ссудной организаціи. Тутъ населенію должна прійти на помощь раціональная постановка мелкаго кредита и народнаго продовольствія. Для воздѣйствія на крестьянское хозяйство во всей его цѣлости, рядомъ съ организаціей сбыта должны существовать многія другія мѣропріятія, цѣль которыхъ—поднятіе народнаго благосостоянія. Торгово-ссудныя операціи тогда только могутъ разсчитывать на успѣхъ, если онѣ не будутъ давать крупныхъ убытковъ, а устраненіе нежелательныхъ явленій, которыми можетъ сопровождаться подобная организація, должно всецѣло падать на долю другихъ мѣропріятій.

Безубыточность должна быть обязательнымъ, но и единственнымъ принципомъ торгово-ссудныхъ операцій: къ прибыли складъ не долженъ стремиться.

Если, за покрытіемъ текущихъ расходовъ и отчисленіемъ извѣстнаго % для погашенія затраченнаго основного капитала и для составленія запаснаго на случай убытковъ, остается излишекъ, то онъ долженъ быть возвращенъ кліентамъ склада. Вся организація имѣетъ въ виду благо крестьянъ, и потому у нихъ должно быть взято какъ можно меньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ все, что не идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ безубыточности и представляетъ серьезныя выгоды для крестьянской массы, должно быть принято во вниманіе. Поэтому при выдачѣ ссудъ подъ залогъ хлѣба должно отказаться отъ правила, принятаго въ частныхъ учрежденіяхъ и даже въ государственномъ банкѣ,—правила, въ силу котораго размѣръ ссуды обязательно долженъ быть меньше стоимости залога. При организаціи, о которой мы говоримъ, установленіе такого правила въ корень подорвало бы значеніе склада, лишило бы его самой важной категоріи кліентовъ—наиболѣе нуждающихся и низвело бы роль его къ минимуму. Большинство крестьянъ продаетъ свой хлѣбъ изъ нужды; количество, предназначаемое къ продажѣ, опредѣляется обыкновенно суммой наличныхъ денегъ, потребной для уплаты податей и для удовлетворенія другихъ настоятельныхъ нуждъ. Если складъ будетъ выдавать не полную рыночную стоимость хлѣба, а наприм., $^3/_4$, то крестьянинъ найдетъ для себя болѣе выгоднымъ (въ дан-

ный моментъ, конечно) продать свой продуктъ скупщику и получить полную стоимость, хотя бы по нѣсколько меньшей цѣнѣ; въ послѣднемъ случаѣ за то же количество хлѣба получится большая денежная сумма. Такъ, наприм., если крестьянинъ имѣетъ 10 пуд. ржи, то, продавая скупщику по 60 коп., онъ получитъ 6 руб., а закладывая въ складъ по 65 коп. пудъ и получая $^3/_4$ стоимости, онъ будетъ имѣть всего 4 р. $87^1/_2$ коп. Конечно, весною, чтобы купить 10 пуд. ржи, ему придется заплатить не 6 руб., а 7, между тѣмъ какъ, если бы онъ осенью не продалъ своего хлѣба, а заложилъ въ складъ, онъ теперь имѣлъ бы 10 пуд. хлѣба за 4 р. $97^1/_2$ коп. (если считать, что складъ взимаетъ въ свою пользу 2%). Но дѣло въ томъ, что крестьянину въ данный моментъ необходимо имѣть не 4 р. $87^1/_2$ к., а 6 р.; въ противномъ случаѣ, быть можетъ, будетъ продана его послѣдняя скотина. Разсчитывать на выгоды, реализація которыхъ предстоитъ черезъ полгода, можетъ тотъ, кто совершаетъ ту или другую операцію ради барыша; но разъ хлѣбъ отчуждается подъ вліяніемъ гнетущей нужды, разъ деньги нужны немедленно во что бы то ни стало, то человѣкъ рѣшается на менѣе выгодную операцію, лишь бы деньги получить немедленно и какъ можно больше. По этимъ же соображеніямъ нужно признать безполезной для крестьянъ организацію склада на комиссіонныхъ началахъ. Если бы даже складъ выдавалъ болѣе или менѣе крупные авансы, то все же продавцу пришлось бы довольно долго ждать, пока его хлѣбъ будетъ проданъ, и ему выдадутъ остальную часть денегъ. Вотъ почему, по отношенію къ болѣе зажиточной категоріи крестьянъ, которые желали бы не получить ссуду подъ хлѣбъ, а окончательно продать его, можно рекомендовать только покупку складомъ крестьянскаго хлѣба за свой счетъ, съ уплатой полной рыночной стоимости его и съ тѣмъ, чтобы прибыль, полученная при продажѣ зерна, за нѣкоторымъ вычетомъ, была возвращена продавцу; принятіе же хлѣба на комиссію, хотя бы съ выдачей аванса, совершенно не подходитъ къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ крестьянинъ отчуждаетъ свои продукты. Наконецъ, выдача авансовъ подъ будущій урожай должна составлять обязательную составную часть операцій склада, хотя она заключаетъ въ себѣ значительный рискъ. Въ противномъ случаѣ крестьянинъ окажется закабаленнымъ прежде, чѣмъ наступитъ возможность пользоваться услугами склада. Въ такомъ положеніи будетъ именно бѣднѣйшая часть сельскаго населенія, которая ощущаетъ острую нужду уже весною, а во время полевыхъ работъ еле перебивается. Кредитъ, оказываемый въ этотъ моментъ кулакомъ, является для мужика настоящимъ благодѣяніемъ, и онъ охотно выдастъ ему обязательство о запродажѣ будущаго урожая. Если крестьянинъ своего обязательства не исполнитъ, то онъ въ лучшемъ случаѣ лишится кредита въ будущемъ году,—фактъ весьма важный для человѣка, не имѣющаго запасовъ и съ трудомъ сводящаго концы съ концами. Складъ долженъ принять въ вниманіе указанное обстоятельство, иначе онъ лишится значительной до кліентовъ.

Посмотримъ теперь, что сдѣлало въ этомъ направленіи земство.

Въ 1866 году крестецкое (*Новгородской губ.*) уѣздное земское собраніе, по предложенію гласнаго Татищева, рѣшилось въ видѣ опыта обратиться къ новому способу оказанія крестьянамъ пособія на обсѣмененіе полей. Оно постановило позаимствовать 5 тыс. руб. изъ губернскаго депозита съ выдачей этой суммы членамъ управы, гласнымъ и другимъ довѣреннымъ лицамъ, которыя на отпущенныя имъ деньги должны были осенью закупить сѣмянной овесъ и до весны сохранять въ особыхъ помѣщеніяхъ, а весною распродать крайне нуждающимся крестьянамъ по заготовительной цѣнѣ, съ набавкою незначительнаго процента, для уплаты губернскому земству процента на занятый капиталъ и для возмѣщенія издержекъ по храненію овса. Постановленіе это въ точности было исполнено управою. На занятыя отъ губерн. земства 5,000 руб. десятью лицами (членами управы и гласными) закуплено было въ разныхъ пунктахъ уѣзда 1,823½ четв. овса на 4,771 р. 25 к. и все это количество частью распродано весною нуждающимся крестьянамъ, а частью тѣмъ же, у которыхъ овесъ былъ купленъ, по заготовительной цѣнѣ съ надбавкою 5%. Весь разсчетъ по этой операціи оконченъ къ 1 іюля, причемъ оказалась чистая прибыль въ 140 р. 56 к. Означенная мѣра всѣми лицами, завѣдывавшими покупкой и продажей овса, а также и самимъ населеніемъ была признана весьма полезною для крестьянъ, такъ какъ представила возможность бѣднѣйшимъ изъ нихъ уплатить повинности, не прибѣгая къ продажѣ сѣменнаго овса, и въ то же время не допустила сильнаго пониженія цѣнъ на овесъ осенью въ мѣстахъ его скупки. Въ 1867 году земское собраніе, въ виду общепризнанной пользы, вновь постановило занять въ губернскомъ земствѣ такую же сумму на закупку овса, и съ того времени ежегодно до 1877 г. производило эту операцію черезъ гласныхъ и старшинъ на средства губернскаго земства, увеличивъ оборотъ до 10 тыс. р., а размѣръ процентовъ до 10, причемъ на второй же годъ операція закупки и распродажи овса перешла на выдачу денегъ подъ залогъ овса, т.-е. на возвращеніе закупленнаго осенью овса тѣмъ же лицамъ, которыя его продали.

Пріемъ производился гласными и волостными старшинами и овесъ хранился въ амбарахъ, принадлежащихъ самимъ гласнымъ, или же въ волостныхъ магазинахъ. Съ 1877 по 1891 гг., когда въ уѣздномъ земствѣ образовался свой запасный капиталъ, займы у губернскаго земства прекратились и выдача ссудъ производилась изъ этого капитала, причемъ общій оборотъ достигалъ 39 тыс. руб. (въ 1882 г.). Размѣръ процента, взимаемаго за ссуду, съ 10 понизился до 8, изъ которыхъ одна половина шла въ пользу завѣдующихъ складами, а другая въ пользу земства. При этомъ выдача наличныхъ денегъ за заложенный хлѣбъ постепенно прекращается, а вмѣсто этого деньги прямо засчитываются самой управой въ уплату каменныхъ и земскихъ повинностей съ крестьянъ, согласно высылаемыхъ волостными правленіями объявленій. Число складовъ увеличивается и кресть-

яне закладываютъ уже хлѣбъ каждый въ своемъ селеніи. Непосредственное завѣдываніе складами, то-есть пріемъ и выдача хлѣба, возлагается на сельскихъ старостъ подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью волостныхъ старшинъ. Въ теченіе этихъ лѣтъ земству, за неимѣніемъ наличнаго капитала въ такомъ значительномъ размѣрѣ, приходилось дѣлать заемъ въ мѣстномъ обществѣ взаимнаго кредита и закладывать процентныя бумаги въ государственномъ банкѣ, но убытка при этомъ земство не потерпѣло, уплативъ проценты за занятыя деньги изъ полученной прибыли. Въ 1890 и 1891 гг. за несвоевременный выкупъ овса, кромѣ установленныхъ %, взималась пеня по 1 коп. съ рубля за каждый просроченный мѣсяцъ, но въ 1891 году земское собраніе, отмѣнивъ взиманіе % и пени, постановило производить выдачу ссудъ подъ залогъ хлѣба изъ суммъ продовольственнаго капитала крестьянъ, на что открыло кредитъ до 75 тыс. руб. съ тѣмъ, что крестьяне обязаны отвести для склада безплатное помѣщеніе, содержать сторожа, застраховать заложенный хлѣбъ, платить вознагражденіе завѣдующему складомъ по 2 коп. съ каждаго взятаго рубля и занятую сумму возвратить: за овесъ къ 15 мая, за рожь—къ 1 іюля; въ противномъ же случаѣ, черезъ двѣ недѣли послѣ срока хлѣбъ продается и излишне-вырученная сумма поступаетъ въ пользу владѣльца хлѣба. Число складовъ уменьшено въ нѣкоторыхъ волостяхъ до одного, такъ какъ при большомъ ихъ количествѣ надзоръ за ними и страхованіе ихъ дѣлается затруднительнымъ. Но въ общемъ по ѣзду въ 1891—92 году было въ 12 волостяхъ 80 складовъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время операція по выдачѣ ссудъ подъ залогъ хлѣба представляется въ слѣдующемъ видѣ. Осенью, по полученіи разрѣшенія земскаго собранія, крестьяне одного или нѣсколькихъ селеній свозятъ закладываемый хлѣбъ въ особое отводимое ими для этой цѣли помѣщеніе, составляютъ приговоръ съ обозначеніемъ количества заложеннаго хлѣба и причитающейся за него ссуды и съ обязательствомъ охранять его подъ круговой отвѣтственностью. Приговоръ представляется старшинѣ, который обязанъ освидѣтельствовать хлѣбъ, застраховать его на средства крестьянъ въ губернскомъ земствѣ (премій и сборовъ за полгода выходитъ немного менѣе 1 коп. на рубль) не ниже испрашиваемой ссуды, запечатать амбаръ и приговоръ представить на заключеніе земскаго начальника. Послѣ этого приговоръ высылается въ земскую управу при объявленіяхъ для взноса въ казначейство въ уплату повинностей той суммы, которая слѣдуетъ къ выдачѣ за заложенный хлѣбъ. Управа, по повѣркѣ приговоровъ, перечисляетъ деньги по казначейству изъ своего депозита и полученныя квитанціи разсылаетъ въ волостныя правленія для выдачи сельскимъ старостамъ. Весною хлѣбъ выдается заложившимъ его крестьянамъ по уплатѣ полученной ссуды съ добавленіемъ 2%. Всѣ собранныя деньги съ % старшины и старосты сдаютъ въ казначейство въ депозитъ уѣздной управы, а по окончаніи операціи полученные % управа раздѣляетъ поровну между старшиною и старостой, завѣдующимъ

складомъ. Крестьяне, привозя въ залогъ овесъ или рожь въ склады, большею частью ставятъ ихъ тамъ или въ куляхъ, или въ своихъ же бочкахъ, получая квитанцію за особымъ нумеромъ, который отмѣчается на принадлежащемъ каждому залогѣ, такъ что весною каждый изъ крестьянъ беретъ свой собственный хлѣбъ. Ссуда подъ хлѣбъ всегда выдается не въ полную его стоимость, а нѣсколько ниже, каждый разъ по цѣнамъ, устанавливаемымъ земскимъ собраніемъ. Особыхъ спеціально-выстроенныхъ помѣщеній для склада хлѣба нѣтъ, такъ какъ крестьяне Крестецкаго уѣзда перешли съ хлѣбнаго на денежный сборъ. Склады хлѣба устраиваются въ отводимыхъ крестьянами амбарахъ, принадлежащихъ односельчанамъ же, и такъ какъ число складовъ по уѣзду весьма значительное, то закладываемый хлѣбъ возможно помѣщать въ обыкновенныхъ крестьянскихъ амбарахъ, не прибѣгая къ устройству особыхъ большихъ магазиновъ *). Изъ доклада крестецкой управы уѣздному земскому собранію сентябрьской сессіи 1894 г. видно, что въ концѣ 1893 г. выдано ссудъ: подъ залогъ $1{,}010^{1}/_{16}$ четв. ржи и $13{,}361^{7}/_{8}$ четв. овса, всего на 39,362 р. 70 к. Въ уплату выданной ссуды по 1 сентября 1897 г. поступило 39,361 р. 94 к. Не выкупленнаго хлѣба къ опредѣленному для выкупа сроку оставалось незначительное количество, которое и было продано на сумму 304 р. 98 к., *безъ убытка для земства.*

Изъ этого краткаго очерка не трудно усмотрѣть наиболѣе крупные недостатки крестецкой системы. Во-первыхъ, земство ограничивается выдачею ссудъ подъ залогъ хлѣба, не прибѣгая къ самостоятельной закупкѣ продуктовъ за свой счетъ и не выдавая авансовъ весною подъ будущій урожай; земство не исчерпываетъ указанныхъ нами выше трехъ способовъ содѣйствія сбыту крестьянскаго хлѣба, почему и помощь, оказываемая крестецкимъ земствомъ населенію, представляется односторонней и недостаточной. Во-вторыхъ, ссуда соразмѣряется съ количествомъ причитающихся государственныхъ и земскихъ сборовъ и притомъ никогда не достигаетъ полной рыночной стоимости заложеннаго хлѣба. Хлѣбная операція не избавляетъ поэтому населенія отъ спѣшной распродажи хлѣба для удовлетворенія разныхъ хозяйственныхъ нуждъ; многіе изъ крестьянъ при особенно острой нуждѣ предпочтутъ обратиться къ скупщику, чтобы получить полную стоимость продаваемаго хлѣба, хотя бы по болѣе низкой цѣнѣ. Въ-третьихъ, ближайшее завѣдываніе операціей находится въ рукахъ старостъ и старшинъ, которые весьма часто заинтересованы совсѣмъ въ другую сторону. Крестецкому земству не разъ приходилось принимать энергичныя мѣры для устраненія неудобствъ, возникавшихъ отъ неисправности сельскаго и волостного начальства **). Въ-четвертыхъ, выдача ссудъ обставлена слишкомъ сложными формальностями. Когда размѣръ ссуды огра-

*) *Записка о ходѣ хлѣбной операціи по Крестецкому уѣзду Новгородской губ.*

**) См. *Сазоновъ*: „Дѣят. земства по народному продовольствію“, т. II, стр. 415.

ничень суммою, необходимою для уплаты налоговъ, то неудобства процедуры, которой сопровождается полученіе ссуды, представляются, пожалуй, не очень ощутительными; но если бы крестецкое земство пожелало расширить ссудную операцію, то немедленно обнаружилась бы крайняя обременительность предписанныхъ формальностей, въ силу которыхъ полученіе ссуды чрезвычайно замедляется, между тѣмъ какъ крестьянину деньги обыкновенно нужны немедленно. Условія, предлагаемыя кулаками, въ этомъ отношеніи оказались бы болѣе удобными для крестьянъ.

Л. С. Закъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Папскій секретарь и гуманистъ Поджіо Брачіолини.

Глава изъ неоконченнаго труда покойнаго профессора М. С. Корелина о гуманистѣ Лаврентіи Валлѣ.

Когда Лаврентій Валла только что вступалъ въ жизнь, Поджіо, гораздо старше его, былъ уже старожиломъ при куріи и успѣлъ пройти хорошую школу. По своему происхожденію онъ, какъ и большинство гуманистовъ, былъ плебей, хотя и не безъ старинныхъ семейныхъ традицій. Въ одной изъ своихъ инвективъ онъ разсказываетъ, что его родъ извѣстенъ уже 35 лѣтъ, что въ ихъ семьѣ хранится много военныхъ знаковъ и что его прапрадѣдъ съ честью палъ на полѣ битвы, защищая родину. Но отецъ Поджіо оставилъ военную карьеру своихъ предковъ, сдѣлался нотаріусомъ, разорился и убѣжалъ отъ кредиторовъ съ родины, оставивши въ нищетѣ всю семью.

Поджіо, по собственному признанію, пришелъ во Флоренцію искать лучшаго будущаго съ 5 солидами въ карманѣ. Здѣсь онъ нашелъ покровительство у флорентійскихъ гуманистовъ — Салютати, Никколи, а чрезъ нихъ познакомился и съ самимъ Козимо. Но эта протекція не избавила его отъ настоящей нужды: онъ долженъ былъ зарабатывать свой хлѣбъ перепискою манускриптовъ. Во Флоренціи опредѣлилось направленіе Поджіо. Здѣсь подъ руководствомъ Джіованни да Равенна онъ изучалъ латинскій языкъ и сдѣлалъ въ немъ весьма значительные успѣхи. Главное вниманіе при изученіи древности Поджіо, какъ и Бруни, сосредоточилъ на ея формальной сторонѣ, на знаніи преимущественно латинскаго языка, на умѣньи выражаться красиво и изящно по-латыни. Подъ старость, уже будучи флорентійскимъ канцлеромъ, онъ даетъ молодому другу такую программу для гуманистическихъ занятій. Дѣлаютъ обыкновенно такъ: «прежде всего со всей заботливостью и тщательностью изучаютъ латинскую литературу,—пишетъ онъ,—зачитываются Цицерономъ (Cicerone legendo conterant) и пріобрѣтаютъ такой навыкъ въ чтеніи и письмѣ, что болѣе нельзя бояться позабыть правила. Тогда уже обращаются къ философіи, чтобы философскими сентенціями придать блескъ и красоту рѣчи (ornatum

orationis illustrent), однако отдаютъ столько времени философіи, что этимъ не прерывается изученіе краснорѣчія». Самъ Поджіо слѣдовалъ этой системѣ и сравнительно поздно началъ писать; этой же программы держались и его современники, потому что она обусловливалась практическими потребностями: такія знанія и хвалили, и хорошо оплачивали.

Пребываніе во Флоренціи не только дало знанія Поджіо, но и создало для него литературныя связи. Къ своимъ меценатамъ онъ всегда сохранялъ самую теплую привязанность. Салютати онъ называлъ «общимъ отцомъ всѣхъ ученыхъ» и съ благоговѣніемъ вспоминалъ о немъ, когда его уже не было въ живыхъ. Еще ближе его отношенія къ Никколи: ему адресовано большинство писемъ, ему сообщаетъ онъ о своихъ находкахъ; противъ его литературныхъ враговъ (а Никколи перессорился почти со всѣми гуманистами) Поджіо всегда готовъ вступить въ самую отчаянную борьбу; изъ-за него онъ поссорился одно время съ Бруни, изъ-за него началъ полемику противъ Филельфо. Когда Никколи умеръ, онъ написалъ ему панегирикъ и въ своихъ письмахъ всегда говоритъ съ глубокимъ почтеніемъ о своемъ покровителѣ. «Какого отца я имѣлъ, которому былъ бы болѣе обязанъ, чѣмъ Николаю»?—пишетъ онъ Марсупини по смерти Никколи:—онъ былъ моимъ родителемъ отъ юности; онъ былъ моимъ другомъ потомъ, онъ былъ поощрителемъ и помощникомъ въ моихъ занятіяхъ; совѣтомъ, книгами, матеріальными средствами, онъ всегда поддерживалъ меня, помогалъ мнѣ, какъ сыну, какъ другу, онъ всегда побуждалъ меня къ добродѣтели, къ занятію науками, къ изученію изящныхъ искусствъ». Въ этомъ введеніи къ будущему надгробному панегирику за реторической формой скрывается искреннее чувство. «Ты представишь себѣ, каково мое настроеніе,—говоритъ въ томъ же письмѣ Поджіо, такъ какъ помню нашу дружбу, которая, превосходно начавшись, въ теченіе 36 лѣтъ не только не ослабѣвала и не перерывалась ссорою, но частыми письмами и взаимными услугами поддерживалась и возростала». Доказательство убѣдительное, если принять въ соображеніе характеръ Никколи. Эта привязанность Поджіо къ флорентійскому кружку черта весьма для него характерная. Хотя неблагодарность не принадлежитъ къ числу его пороковъ, но причина этихъ отношеній лежитъ глубже, тѣмъ болѣе, что благодѣянія Никколи и его компаніи въ сущности весьма преувеличены. Поджіо себѣ самому преимущественно былъ обязанъ за свою карьеру. Дѣло объясняется отчасти натурою Поджіо, отчасти его общественнымъ положеніемъ. По своимъ наклонностямъ онъ былъ человѣкъ очень ласковый, легко сходился и привязывался къ людямъ, если только они не задѣвали его личности, не касались его интересовъ, въ противномъ случаѣ другъ мгновенно превращался во врага. Большинство современниковъ гуманистовъ были соперники Поджіо или по службѣ, или по литературной дѣятельности; интересы переплетались, сталкивались, и для полемики представлялась масса случаевъ. Флорентійскіе друзья находились въ благопріятномъ положеніи съ этой стороны: они стояли особнякомъ, были много старше Поджіо и, что

особенно существенно, Поджіо рано занялъ самостоятельное положеніе. Случаевъ къ столкновеніямъ не представлялось, и Поджіо смотрѣлъ на нихъ какъ на свою семью, готовую всегда оказать необходимую поддержку. Лишенный другихъ связей, онъ ощущалъ потребность привязанности, и флорентійскіе друзья были наиболѣе подходящимъ для нея объектомъ.

Съ окончаніемъ образованія нужно было искать мѣста и денегъ. Наиболѣе удобный путь представляла для этого курія. По ходатайству Салютати, чрезъ посредство папскаго секретаря Монтепульчіано Поджіо получилъ мѣсто scriptor'a при куріи Бонифація IX въ 1404 г. Но единственная цѣль, ради которой онъ служилъ папству, достигалась медленно и съ большимъ трудомъ. Причина этой неудачи заключалась отчасти въ тяжеломъ положеніи куріи въ началѣ XV вѣка, отчасти въ личныхъ свойствахъ Поджіо: онъ не умѣлъ понимать обстоятельствъ и пользоваться ими, не умѣлъ снискивать дружбу тѣхъ, кто могъ его обогатить. Позже его поступившій Бруни успѣлъ сдѣлаться богачомъ ко времени Констанцскаго собора, тогда какъ Поджіо именно въ это время сдѣлалъ попытку перемѣнить родъ службы, разочаровавшись въ куріи какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она получила новую силу и когда онъ самъ былъ сдѣланъ при Іоаннѣ XXIII секретаремъ.

Къ Констанцскому собору и къ его задачамъ Поджіо былъ совершенно равнодушенъ. Этимъ временемъ онъ желалъ воспользоваться во-первыхъ для того, чтобы поискать неизвѣстныхъ въ Италіи произведеній античныхъ писателей и, во-вторыхъ, чтобы завязать новыя выгодныя знакомства. При достиженіи первой цѣли онъ имѣлъ чрезвычайный успѣхъ: въ различныхъ монастыряхъ, куда онъ дѣлалъ многочисленныя экскурсіи, оказалось значительное количество манускриптовъ, совсѣмъ новыхъ для гуманистовъ. Съ настоящей страстью, не щадя ни денегъ, ни труда, онъ производилъ свои попытки и нашелъ неизвѣстныя или извѣстныя только въ отрывкахъ сочиненія Цицерона, Квинтиліана и другихъ, что дѣйствительно создало ему репутацію въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ. Къ тому же времени относится его первое литературное произведеніе—похоронная рѣчь въ честь кардинала Забареллы. Новыя знакомства тоже были завязаны, и Поджіо, разсчитывая на свою репутацію, сдѣлалъ попытку воспользоваться ими для достиженія той же самой цѣли, которую имѣлъ въ виду, поступая на службу въ курію. Самымъ подходящимъ для этого лицомъ казался ему Бофоръ, епископъ Винчестерскій. Поджіо принялъ его предложеніе поступить въ его свиту и отправился съ нимъ въ Англію.

Англійскій біографъ Поджіо и его итальянскій переводчикъ и комментаторъ недоумѣваютъ относительно причинъ, заставившихъ принять его такое рѣшеніе. Шепгёрдъ предполагаетъ даже, что его религіозное свободомысліе, выразившееся въ одномъ письмѣ къ Бруни, сочувственномъ къ Іерониму Пражскому, служило однимъ изъ мотивовъ его удаленія изъ куріи. Дѣйствительно, разставаніе Поджіо съ куріей было нѣсколько странно: вмѣстѣ съ новымъ папой онъ отправился изъ Констанца, слѣдовалъ за нимъ до

Мантуи, и отсюда вдругъ съ необычайной поспѣшностью, не простясь съ друзьями, уѣхалъ въ Англію. Кромѣ того, его первыя письма къ друзьямъ съ новаго мѣста служенія проникнуты антипатіей къ куріи и къ новому папѣ. «Я вернусь къ вамъ лѣтомъ,—пишетъ онъ позже къ Никколи,—потому что откладываю свое возвращеніе до тѣхъ поръ, пока узнаю, что курія отъ васъ удалилась; пока она у васъ, я не охотно уйду отсюда, потому что не хотѣлъ бы быть тамъ по многимъ причинамъ». И такимъ образомъ выражается онъ не одинъ разъ. Но причины этого загадочнаго, повидимому, поведенія были гораздо проще. Письмо къ Бруни не повредило Поджіо, какъ это видно изъ дальнѣйшей его жизни: на него не обратили никакого вниманія. Поджіо ушелъ изъ куріи просто потому, что она не оправдала его надеждъ, и его удаленіе въ Англію было не бѣгствомъ отъ опасности, а погоней за наживой. Открытіе имъ новыхъ памятниковъ, за которые гуманисты восторженно сулили ему безсмертіе, возвысили его самолюбіе: онъ считалъ себя настоящимъ героемъ. «Если Маркъ Туллій,—пишетъ онъ Гуарино по поводу найденнаго Квинтиліана,—проявляетъ великую радость по случаю возвращенія изъ изгнанія Марка Марцелла, и притомъ въ то время, когда въ Римѣ было много подобныхъ Марцелловъ... то что должны дѣлать ученые люди, и въ особенности занимающіеся краснорѣчіемъ, когда мы спасли не только отъ изгнанія, но и почти отъ самой гибели исключительный и единственный цвѣтъ римскаго имени, по уничтоженіи котораго ничего не осталось бы, кромѣ Цицерона. Клянусь (mehercule), если бы мы не пришли къ нему на помощь, ему неизбѣжно пришлось бы погибнуть въ самомъ скоромъ времени». Но Мартинъ V не раздѣлялъ общаго одушевленія и не вознаградилъ заслуги: Поджіо не получилъ никакихъ наградъ отъ новаго папы; естественно, что онъ былъ возмущенъ такимъ къ себѣ отношеніемъ и что стремился найти себѣ болѣе щедрыхъ покровителей. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ онъ даетъ именно такое объясненіе своему поведенію: «Нѣкогда я, какъ ты знаешь,—пишетъ онъ Никколи,—побуждаемый негодованіемъ и наградой, которая предполагалась весьма большою, удалился изъ куріи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы за короткое время труда и рабства пріобрѣсти на будущее время спокойствіе и свободу, которую я больше всего люблю. И такъ я пошелъ туда, полагаясь не столько на свое мнѣніе, сколько на всѣхъ другихъ, которые меня весьма сильно побуждали къ этому». Симпатіи къ гуситству не играли при этомъ никакой роли.

Но надежды Поджіо не осуществились и на этотъ разъ. Его новый господинъ не обращалъ на него вниманія, почти постоянно находился въ отсутствіи, «кочевалъ, какъ Скиѳъ», по выраженію Поджіо. Но это его еще не особенно огорчало: получая въ изобиліи готовое содержаніе, онъ предавался научнымъ занятіямъ и наслаждался покоемъ. Но вскорѣ настроеніе начинаетъ измѣняться: сношенія съ далекой Италіей рѣдки и затруднительны, друзья пишутъ мало и весьма немногіе, а главное—до самой важной существенной цѣли было еще весьма и весьма далеко. «Я предал

забвенію, какъ мертвый,—жалуется онъ Никколи,—и достаточно испыталъ, какую вѣру можно давать словамъ. Дѣйствительно, вознагражденіе Поджіо было весьма скудно и совсѣмъ не соотвѣтствовало его ожиданіямъ. «Господинъ мой далъ мнѣ, наконецъ, кое-что, пишетъ онъ Никколи.—Гора разрѣшилась отъ бремени и родила мышь, которая гложетъ уши (aures corrodit); онъ далъ мнѣ маленькую бенефиційку (beneficiolum parvum) и большое бремя, потому, что при 120 флоринахъ дохода нужно исполнять церковныя обязанности (est enim curata ecclesia CXX florenorum in fructibus), что мнѣ не нравится». Поджіо не имѣлъ охоты принять тягости священническаго сана, да и доходъ отъ бенефиціи оказался меньше номинальной цифры. Онъ просилъ замѣнить это чѣмъ-нибудь другимъ, и ему обѣщали синекуру, но дѣло затягивалось и положеніе становилось все невыносимѣе. «Въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ,—пишетъ онъ Никколи—я не предавался гуманистическимъ занятіямъ, не прочелъ ни одной книги, относящейся къ краснорѣчію». Оставаться дольше въ Англіи не было никакого основанія.

Пребываніе въ Англіи было болѣе чѣмъ безплодно для основныхъ стремленій Поджіо. Значительная часть жизни была уже позади, а цѣль не только не была достигнута, но и не найденъ еще вѣрный и надежный путь для ея достиженія. «Уже 20 лѣтъ нахожусь я въ трудахъ,—пишетъ онъ,—чтобы приготовить что-нибудь въ запасъ для нашего земного странствованія, и кажется, теперь начинаю новую игру, нагромождая одну неизвѣстность на другую».

Между тѣмъ Поджіо получилъ два предложенія: кардиналъ Аламано Адимари звалъ въ Римъ на прежнее мѣсто при куріи, и Пьетро Ламбертески приглашалъ на какую-то должность въ Венгрію. Положеніе было крайне мучительно. Не говоря уже о собственныхъ стремленіяхъ къ будущему обезпеченному досугу, Поджіо чувствовалъ настоящую нужду въ деньгахъ для поддержанія своей семьи. «Со всѣхъ сторонъ давятъ меня стѣснительныя обстоятельства, — пишетъ онъ флорентійскому другу: — дома мать требуетъ денегъ; мѣсто умершаго отца занялъ другой, т.-е. братъ, который, ничего не дѣлая, хочетъ жить моимъ потомъ». Онъ очень хорошо знаетъ, чего хочетъ, но, наученный горькимъ опытомъ, колеблется въ выборѣ средствъ, не можетъ остановиться на какомъ-либо рѣшеніи: «чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ больше запутываюсь, какъ птица, попавшая въ сѣти»—съ отчаяніемъ говоритъ онъ въ одномъ письмѣ.—Возвращаться въ курію ему не хотѣлось: тамъ «трудно или даже невозможно работать»; кромѣ того, ему тяжело «рабство», которое связано съ этимъ положеніемъ. Но все это его не особенно устрашаетъ; главная бѣда, что папство обѣднѣло. «Курія такъ слаба, что не можетъ поддержать самоё себя,—пишетъ онъ изъ Англіи.—Я хотѣлъ уйти отсюда съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы быть при куріи; но она въ такомъ состояніи, что не только не слѣдуетъ идти туда, но оттуда нужно уйти, если бы кто тамъ и находился. На родинѣ я не могу долго оставаться по недостатку средствъ, искать же

средствъ къ жизни новымъ занятіемъ легко сказать, но на дѣлѣ чрезвычайно трудно. Что, можетъ быть, не скажу тяжелѣе, но бѣдственнѣе, какъ всегда снова начинать жизнь?» Но Поджіо не испугался новизны, когда Ламбертески предложилъ ему какую-то выгодную должность въ Венгріи. Его письмо по этому поводу весьма характерно. Чужая страна, незнакомые люди, новая должность—все это кажется ему неважнымъ, пустымъ дѣломъ сравнительно съ той главной жизненной задачей—пріобрѣсти обезпеченный досугъ. «Я хочу, чтобы ты зналъ прежде всего то,—пишетъ онъ Никколи,—что я свободу и досугъ для научныхъ занятій предпочитаю всему прочему... и если я увижу, что этого можно достигнуть, то пойду не только къ сарматамъ, но даже къ скиѳамъ». Но предложеніе Ламбертески почему-то затянулось, и Поджіо послѣ четырехлѣтняго отсутствія снова вернулся въ курію.

Приходилось начинать съ начала, и карьера шла медленно. Ни Мартинъ V, ни Евгеній IV не обнаруживали особенной щедрости по отношенію къ Поджіо. Онъ получилъ мѣсто безъ особенныхъ ходатайствъ, былъ виднымъ лицомъ въ куріи, папа къ нему былъ благосклоненъ, онъ не зналъ нужды, но до обезпеченности было еще далеко. «Я клирикъ, пишетъ онъ въ 1426 г.,—имѣю бенефицію; но у меня нѣтъ никакого помѣстья (patrimonium)». Этотъ недостатокъ казался ему до такой степени существеннымъ, что онъ думаетъ даже вернуться въ Англію. Однако должность такъ была доходна при установившихся порядкахъ, что Поджіо успѣлъ кое-что скопить. Когда при Евгеніи IV начались смуты и безпорядки и онъ самъ принужденъ былъ бѣжать изъ Рима, Поджіо во время этого бѣгства попалъ въ руки солдатъ Пиччинино и долженъ былъ выкупиться изъ плѣна своими средствами. Возмущенный этимъ фактомъ и утративши всякую надежду на хорошіе доходы въ будущемъ, онъ рѣшилъ оставить курію, купить виллу около Флоренціи, и въ декабрѣ 1435 года, 54 лѣтъ отъ роду женился на 17-лѣтней дѣвушкѣ изъ аристократической фамиліи Буондельмонте. Его письма за эту эпоху дышатъ полнымъ счастьемъ: онъ въ восторгѣ отъ жены, необыкновенно доволенъ своей семейной обстановкой и вполнѣ наслаждается деревенской жизнью. Такое настроеніе продолжается довольно долго. Дѣйствительно, отсутствіе нужды, досугъ для научныхъ занятій и почетъ отъ ученыхъ друзей и высокихъ сановниковъ церкви могъ доставить ему полное удовлетвореніе. Когда увеличивалась его семья или даже только ожидалось ея прибавленіе, онъ оповѣщалъ своихъ друзей о своемъ счастьѣ и отовсюду получалъ поздравленія и подарки, изъ которыхъ нѣкоторые свидѣтельствуютъ о полной интимности отношеній. Епископъ Моденскій ему кумъ; отъ епископа Феррарскаго онъ получилъ въ подарокъ какихъ-то особенныхъ куръ, архіепископъ Равенны посылаетъ ему соленую рыбу, ему дѣлаетъ подарки епископъ Реджіо и многіе другіе. Но все это не удовлетворяетъ Поджіо: свое положеніе онъ не находитъ достаточно обезпеченнымъ. Въ концѣ 1442 г. онъ выражаетъ желаніе вернуться въ курію и мотивируетъ его недостаточностью средствъ. «По винѣ

времени, чтобы не сказать папъ, которые рѣдко заботились о хорошихъ людяхъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—мое хозяйство до сихъ поръ мало обезпечено и гораздо скуднѣе (tenuior), чѣмъ требуютъ заслуги порядочнаго (haud ignobilis) человѣка, столь долго и съ честью вращавшагося при куріи... Меня побуждаетъ не честолюбіе имѣть обширнѣйшее помѣстье или большія средства или какую-нибудь государственную должность, но сокрушаетъ скудость моего хозяйства, которое въ такомъ состояніи, что не можетъ держаться своими средствами, если я не захочу сдѣлаться изъ оратора земледѣльцемъ (ex oratore arator)». Обезпеченнаго досуга не было, и Поджіо въ слѣдующемъ году вернулся къ куріи. Еще цѣлыхъ десять лѣтъ съ небольшими перерывами служилъ онъ папамъ, пока, наконецъ, щедрость Николая V не удовлетворила его желаніямъ. Семидесяти-трехлѣтнимъ старикомъ оставилъ онъ службу, на которой былъ почти 50 лѣтъ, и промѣнялъ ее не на досугъ и отдыхъ, а на должность канцлера Флорентійской республики. Въ письмахъ къ друзьямъ онъ объясняетъ свое рѣшеніе заботой о будущности дѣтей. Новымъ положеніемъ онъ недоволенъ: «есть только одно утѣшеніе,—пишетъ онъ,—именно надежда на сыновей, о положеніи и пользѣ которыхъ слѣдуетъ больше заботиться, чѣмъ о своемъ спокойствіи и свободѣ». Потомъ начались служебныя непріятности, которыя до того усилили недовольство Поджіо, что онъ не стѣсняясь раскаивается въ своемъ согласіи принять новую должность и сожалѣетъ о куріи. «Я пришелъ на родину крайне безпокойную,—пишетъ онъ кардиналу св. Ангела,—которая часто принуждаетъ меня раскаиваться въ принятіи рѣшенія оставить курію, гдѣ я состарѣлся съ выгодой и съ честью». Но въ сущности Поджіо былъ больше правъ, когда жаловался на папъ десять лѣтъ тому назадъ. Его товарищи-сослуживцы, Бруни и Лоски, гораздо раньше добились общей для всѣхъ нихъ цѣли. Поджіо тоже разбогатѣлъ, но слишкомъ поздно. «Въ это время (т.-е. во время канцлерства) Поджіо былъ весьма богатъ,—разсказываетъ Веспасіано,—потому что долгое время былъ при римскомъ дворѣ. Онъ имѣлъ не малую сумму наличныхъ денегъ, помѣстья, много домовъ во Флоренціи, прекраснѣйшую обстановку и много цѣнныхъ книгъ, такъ что ему не было надобности заботиться о пріобрѣтеніи». Но пользоваться этими богатствами не хватало силъ и къ обезпеченному досугу пропала охота. Въ послѣднихъ письмахъ Поджіо часто жалуется на подагру, которая иногда вынуждаетъ его лежать въ постели; а кромѣ того, подъ старость въ немъ проявляется та страсть къ пріобрѣтенію, противъ которой онъ написалъ въ молодости свой первый моральный трактатъ. Чѣмъ болѣе чувствуетъ онъ недовольство своей новой должностью, тѣмъ теплѣе и теплѣе говоритъ онъ о куріи, и въ послѣднихъ письмахъ проскальзываетъ плохо скрытая мысль о возвращеніи на папскую службу. Стремленіе къ покою и отдыху исчезло: старикъ сдѣлался жаденъ.

Медленная и долго не вполнѣ успѣшная карьера наложила замѣтный отпечатокъ на характеръ Поджіо и оказала сильное вліяніе на его воззрѣнія. Индивидуализмъ, инстинктивное чувство права на удовлетвореніе всѣхъ

потребностей личности—общая черта въ характерѣ гуманистовъ; но ни у одного изъ нихъ она не проявилась съ такою ясностью, съ такою разносторонностью и съ такою силой, какъ у Поджіо. По разнообразію своихъ интересовъ, онъ вполнѣ новый человѣкъ, полная противоположность средневѣковому аскету; онъ живетъ и руководится только личными вкусами, только личными симпатіями и исключительное господство этого стимула дѣлаетъ его эгоистомъ самой чистой воды. Мотивы поступковъ Поджіо совершенно ясны и понятны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; въ его эгоизмѣ есть что-то наивное, дѣтски-откровенное; онъ почти не скрываетъ своихъ побужденій, какъ бы ни были они эгоистичны. Если въ немъ и происходитъ борьба, то она не имѣетъ въ себѣ ничего драматическаго вслѣдствіе практическаго и часто низменнаго характера ея причинъ. Его нравственная физіономія опредѣляется его вкусами, которые въ сущности не были дурны.

Итальянскій комментаторъ англійскаго біографа Поджіо находитъ въ немъ «теплый энтузіазмъ ко всему тому, что справедливо, благородно и славно». Энтузіазма не было, но Поджіо имѣлъ вкусъ, даже способность безкорыстнаго, эстетическаго наслажденія проявленіемъ этихъ свойствъ въ человѣкѣ. Самый характерный примѣръ такого рода представляетъ его отношеніе къ Іерониму Пражскому на Констанцскомъ соборѣ. Поджіо въ восторгѣ отъ его поведенія; но этотъ восторгъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ энтузіазмомъ, который ведетъ къ прозелитизму. Онъ любуется реформаторомъ, какъ талантливымъ актеромъ въ хорошей драмѣ, какъ благороднымъ героемъ въ романѣ, какъ ученымъ и краснорѣчивымъ ораторомъ въ судѣ или на форумѣ.

«Признаюсь,—пишетъ онъ Бруни,—что я никогда никого не видалъ, кто бы при защитѣ дѣла, въ особенности уголовнаго (in causa dicenda praesertim capitis) болѣе приближался бы къ краснорѣчію древнихъ, которыми мы такъ восхищаемся. Удивительно было видѣть, какими словами, какими аргументами, съ какимъ лицомъ, съ какимъ видомъ, съ какою увѣренностью отвѣчалъ онъ противникамъ и, наконецъ, закончилъ рѣчь (causam peroravit)». Поджіо удивляется его учености, такъ какъ въ тюрьмѣ нельзя было приготовиться къ такой рѣчи, и любуется его мужествомъ. «Смѣлый и безстрашный стоялъ онъ, не только презирая смерть, но и стремясь къ ней, такъ что можно было сказать, что это второй Катонъ». Разсказавши, какъ умиралъ Іеронимъ, Поджіо говоритъ: «Никогда ни одинъ стоикъ съ такимъ твердымъ и мужественнымъ духомъ не переносилъ смерти, къ которой этотъ человѣкъ, казалось, стремился. Муцій переносилъ не съ такою твердостью сожженіе одного члена, какъ тотъ сожженіе всего тѣла; Сократъ выпилъ ядъ не съ такою охотою, съ какою онъ подвергся огню». Это сочувствіе къ чешскому еретику дало поводъ Шепгёрду заподозрить Поджіо въ наклонности къ гуситству. Дѣйствительно, Поджіо съ удовольствіемъ разсказываетъ, какъ Іеронимъ перечислялъ пороки духовенства, какъ онъ «заставлялъ краснѣть или молчать» пытавшихся дѣлать ему относительно этого возраженія, и въ этомъ отношеніи вполнѣ ему сочувствуетъ,

потому что отцы реформаціонныхъ соборовъ не были ему симпатичны. «Никогда не произнесъ онъ ничего недостойнаго хорошаго человѣка,—говоритъ Поджіо,—такъ что если онъ такъ же вѣровалъ, какъ говорилъ, то нельзя было найти никакой справедливой причины не только для его казни, но и для самаго легкаго наказанія (offensionis)». Тѣмъ не менѣе Поджіо не только далекъ отъ всякаго интереса къ гуситству, но и не чувствуетъ ни малѣйшаго желанія вникнуть въ это ученіе или даже поближе познакомиться съ нимъ. «Слѣдуетъ сожалѣть,—говоритъ онъ,—что столь благородный и выдающійся талантъ обратился къ изученію ереси (haeresis studia), если только справедливо то, въ чемъ его обвиняютъ. Не мое дѣло судить о столь важномъ предметѣ... Я успокоиваюсь на мнѣніи тѣхъ, которые считаются болѣе мудрыми». Восхваляя Іеронима, Поджіо заботливо старается отмѣтить свое подчиненіе авторитету мудрецовъ: онъ называетъ его «превосходнымъ мужемъ, кромѣ вѣры (egregius praeter fidem)». «О, мужъ достойный вѣчной памяти среди людей!—восклицаетъ онъ и прибавляетъ:—я не хвалю его, если онъ замышлялъ что-нибудь противъ установленій церкви; я удивляюсь его учености, обширнымъ знаніямъ, красотѣ и пріятности рѣчи и остротѣ отвѣтовъ, но я боюсь, что все это дано ему природой на его же собственную гибель». Поскольку Поджіо интересовался религіей, онъ всегда оставался папистомъ и поведеніе Іеронима было совсѣмъ чуждо его наклонностямъ: онъ могъ только любоваться такими добродѣтелями.

Но Поджіо имѣлъ хорошія побужденія и слѣдовалъ имъ, если это не вредило его интересамъ. Прежде всего, онъ человѣкъ добрый и ласковый. «Я не всегда говорю, что чувствую,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—но и я доставляю удовольствіе слушателямъ и, бо́льшую склонность къ похвалѣ, чѣмъ къ порицанію, считаю признакомъ гуманности». Переписка Поджіо служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ справедливости его словъ: онъ чрезвычайно ласковъ со всѣми своими корреспондентами, къ какому бы кругу они ни принадлежали, осыпаетъ ихъ похвалами, обнаруживаетъ желаніе быть ихъ самымъ близкимъ другомъ. Неблагодарность не была его порокомъ: онъ признателенъ за всякую мелкую услугу и охотно преувеличиваетъ ея значеніе. Но отъ такого настроенія былъ чрезвычайно легокъ переходъ къ лести, когда это нужно было въ личныхъ интересахъ, и Поджіо былъ однимъ изъ самыхъ беззастѣнчивыхъ льстецовъ среди гуманистовъ. Безпричинно обидѣть человѣка онъ не чувствовалъ ни малѣйшей охоты. «Не думаю,—говоритъ онъ,—чтобъ я во всю свою жизнь и въ особенности послѣ того, какъ пришелъ въ Римъ, сдѣлалъ что-нибудь, что клонилось бы къ чьей-нибудь обидѣ: я никогда никому не былъ въ ягость, никого сознательно не оскорбилъ, ни къ кому не обнаружилъ резрѣнія». Поджіо и здѣсь правъ, потому что имѣетъ въ виду только ѣхъ, кого онъ не считалъ противъ себя виновными. Но если кто-нибудь атрогивалъ его интересы, Поджіо становился самымъ ожесточеннымъ рагомъ и не останавливался ни передъ какими средствами для того, чтобы овредить своему противнику. Не говоря уже объ инвективахъ, такое от-

ношеніе къ людямъ съ полною ясностью проявляется въ эпизодѣ, случившемся по поводу посвященія его перевода «Кироπедіи» Альфонсу Аррагонскому. Любовь неаполитанскаго короля къ наукѣ и его щедрость къ новымъ ученымъ пользовались широкою извѣстностью среди гуманистовъ и соблазнили Поджіо. Но онъ поступилъ очень осторожно и чтобы расположить его къ себѣ, послалъ ему черезъ Фачіо, своего друга, крайне льстивое письмо ранѣе посвященія перевода. Затѣмъ послѣдовалъ и самый переводъ съ такимъ посвященіемъ, за которое онъ надѣялся на самое богатое вознагражденіе. Но его разсчеты не оправдались: награды не послѣдовало вслѣдствіе интригъ Валлы, какъ думалъ Поджіо. Тогда папскій секретарь началъ борьбу съ могущественнѣйшимъ государемъ Италіи. Сначала онъ написалъ по адресу того же Фачіо письмо, наполненное еще сравнительно легкими упреками Альфонсу: «Ты пишешь,—говоритъ онъ,—что мое сочиненіе порицали передъ королемъ; я понимаю, кого имѣешь ты въ виду; но вся вина лежитъ на мнѣ, потому что я издалъ книгу именемъ того, кто въ ея оцѣнкѣ руководится болѣе чужимъ, чѣмъ своимъ сужденіемъ. Меня обманули разсказы людей, превозносившихъ ученость этого государя; но, какъ я вижу, онъ руководствуется при оцѣнкѣ талантовъ не своимъ мнѣніемъ, но словами другихъ, что свойственно всякому неопытному человѣку. Нѣтъ у него, я вижу, различія между хорошимъ и дурнымъ. Онъ дѣлаетъ кое-что только изъ хвастовства, чтобъ показаться покровителемъ ученыхъ людей». Альфонсъ обвиняется уже въ несамостоятельности, свойственной невѣжеству, и въ хвастовствѣ, но еще мягко, элегически. Прошелъ еще годъ, а награды все не было. Тогда Поджіо отправляетъ новое письмо по тому же адресу и объявляетъ короля неблагодарнымъ дуракомъ. «Ты доказываешь,—пишетъ онъ,—что слѣдуетъ переносить и презирать глупости нѣкоторыхъ людей, всѣ старанія которыхъ сводятся къ порицанію, и твое мнѣніе справедливо. Но глупость князей слѣдуетъ и переносить, и избѣгать ея, потому что она пагубнѣе и связана съ бо́льшимъ вредомъ. Вѣрь мнѣ, нѣтъ ничего хуже глупости; она уничтожаетъ всякое справедливое сужденіе и въ соединеніи съ властью, прорывается въ формѣ всевозможныхъ злодѣяній» (erumpitur in omne facinus). И далѣе въ томъ же письмѣ говорится: «Неблагодарность—самое дурное дѣло и питательница всѣхъ пороковъ; не можетъ быть никакой добродѣтели въ томъ человѣкѣ, въ которомъ царитъ этотъ порокъ». Но Фачіо — придворный Альфонса, и нельзя было надѣяться, что онъ позаботится о распространеніи такихъ писемъ. Поэтому Поджіо обращается къ инвективѣ. Нападать открыто на Альфонса онъ не смѣетъ, а избираетъ обычную форму письма къ незнакомому человѣку и въ немъ, не называя имени короля, осыпаетъ его всевозможными ругательствами. На этотъ разъ адресатомъ былъ избранъ венгерскій воевода. Поджіо прославляетъ его за подвиги противъ турокъ, о чемъ онъ много слышалъ, и противопоставляетъ его доблестямъ преступленія тѣхъ государей, которые проливаютъ христіанскую кровь (Альфонсъ велъ въ это время войну противъ Венеціи). Въ этомъ письмѣ онъ уже не стѣсняется въ вы-

раженіяхъ: такихъ государей, по его мнѣнію, «слѣдуетъ считать не князьями, но преступными разбойниками, не королями, но нечестивыми тиранами, не вѣрными, но вѣроломными врагами Бога». Чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, къ кому относятся всѣ эти эпитеты, Поджіо вслѣдъ за этимъ написалъ письмо къ венеціанцу Пьетро Томазіо, высказывая въ немъ горькое раскаяніе, что въ предисловіи къ «Киропедіи» расхвалилъ Альфонса и заявляя, что «онъ въ прочихъ экземплярахъ уничтожилъ имя короля, такъ что можно понять, что сочиненіе посвящено вообще какому-нибудь хорошему королю или князю»; онъ высказываетъ сочувствіе республикѣ и въ доказательство этого ссылается на свое письмо къ воеводѣ. «Въ этомъ письмѣ,—говоритъ онъ,—я стараюсь не столько превознести тѣхъ, кто ведетъ войну съ невѣрными, сколько проклинаю воюющихъ по несправедливымъ причинамъ противъ христіанъ». Наконецъ, послѣдовало щедрое вознагражденіе за посвященный переводъ, и Поджіо вдругъ рѣзко перемѣнилъ свое мнѣніе объ Альфонсѣ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ онъ осыпаетъ его всевозможными похвалами, называетъ «счастливымъ украшеніемъ своего вѣка» и увѣряетъ въ своей неизмѣнной любви и глубокомъ уваженіи къ щедрому меценату. Но эпизодъ съ Альфонсомъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Поджіо и удвоилъ его осторожность при посвященіяхъ его литературныхъ трудовъ. Намѣреваясь посвятить трактатъ de miseria humani generis Сигизмунду Малатестѣ, онъ посылаетъ его Роберту да Римини, приближенному этого князя, съ такою инструкціей: «Если тебѣ покажется, что эта вещь пріятна князю, то въ началѣ книги поставь посвященіе (titulum); если же сочиненіе не понравится тебѣ или ему, то возврати его съ тѣмъ же посланнымъ, которому я приказалъ ждать два дня и принести назадъ книгу. Я найду другого, кому трудъ мой не будетъ въ тягость. Прежде чѣмъ передать князю книгу, старательно развѣдай его настроеніе и если окажется, что онъ не рѣшается или колеблется принять подарокъ, или считаетъ его недостойнымъ своей доблести, то, прошу тебя, возврати ее назадъ».

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы Поджіо не затрогивались, онъ по своей натурѣ былъ весьма расположенъ къ той дружбѣ, которая предписывалась гуманистическою модой. «Быть пріятнымъ и любимымъ многими, а въ особенности тѣми, которые за свою добродѣтель и сами достойны любви, весьма богатое и цѣнное достояніе», говоритъ Поджіо въ одномъ изъ своихъ писемъ. И въ этомъ случаѣ онъ выражаетъ свое дѣйствительное чувство, только передаетъ его не совсѣмъ точно. Въ друзьяхъ онъ цѣнилъ не добродѣтель, а ихъ къ себѣ отношеніе: его привязанность къ человѣку обусловливалась расположеніемъ и услугами, которыя ему оказывались. Самый близкій, повидимому, его другъ—Никколи далеко не блисталъ добродѣтелями; но Поджіо вѣрилъ въ его дружбу и высоко ее цѣнилъ. Поджіо часто повторяетъ, что общность занятій и теоретическихъ интересовъ создаетъ взаимную пріязнь: наука—источникъ дружбы—общее мѣсто въ его перепискѣ; но это не составляло ни малѣйшаго пре-

пятствія для инвективъ противъ товарищей-гуманистовъ. Чѣмъ въ дѣйствительности вызывалась дружба Поджіо, показываетъ одно его выраженіе въ письмѣ къ Пьетро Томазіо. Діалогъ Поджіо de avaritia встрѣченъ былъ довольно холодно и въ особенности флорентійскими друзьями. Но Томазіо написалъ по этому поводу хвалебное письмо, которое привело Поджіо въ совершенный восторгъ: «За твое сужденіе обо мнѣ, полное привязанности, расположенія и любви, я отвѣчу дружбой». Другой недостатокъ дружбы Поджіо заключался въ томъ, что она была очень неглубока. Когда его друга и благодѣтеля Козимо де-Медичи постигло несчастіе, онъ написалъ ему краснорѣчивое утѣшеніе: «Несомнѣнная дружба проявляется во всѣхъ частяхъ этого письма»,—говоритъ Шепгёрдъ. На нападки Филельфо, направленныя противъ Козимо и Никколи, онъ сталъ отвѣчать только тогда, когда Медичи вернулся во Флоренцію, а раньше молчалъ изъ страха, какъ замѣчаетъ расположенный къ нему біографъ, хотя непосредственной опасности совсѣмъ не представлялось. Дружба, пока это нисколько не затрогиваетъ личныхъ интересовъ, пока это выгодно, или по меньшей мѣрѣ не опасно—таково правило Поджіо.

Изъ другихъ добродѣтелей Поджіо самъ указываетъ въ своей перепискѣ на двѣ — на искренность и умѣренность. «Если кто-нибудь изъ нашихъ, пишущихъ по-латыни, пишетъ ясно и откровенно,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—то я единственный человѣкъ, въ письмахъ котораго нѣтъ никакихъ экивоковъ... Я достаточно откровененъ и языкомъ, и перомъ, хотя не такъ, какъ тотъ монахъ изъ обсервантовъ, который совсѣмъ голымъ проповѣдовалъ недавно народу въ Ананіи». Поджіо могъ бы съ полнымъ правомъ сослаться въ подтвержденіе этихъ словъ на тѣ мѣста въ своей перепискѣ, гдѣ, находясь вдали отъ куріи, онъ говоритъ объ ея порядкахъ, или на тѣ мѣста своихъ сочиненій, гдѣ идетъ рѣчь объ умершихъ уже папахъ. Но въ такомъ удобномъ для безпристрастія положеніи онъ находился сравнительно рѣдко: откровенности мѣшала или дружба, или вражда, или надежда на выгоды, или боязнь потерь. Не болѣе успѣшно было его стремленіе къ умѣренности. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не былъ жаднымъ скупцомъ, накоплявшимъ богатства, не пользуясь ими. Наслаждаясь короткимъ досугомъ, онъ пишетъ Никколи еще въ 1429 году: «Я доволенъ своимъ состояніемъ и своими дѣлами и не желаю большаго... Иногда я имѣю время для научныхъ занятій, свободный отъ заботы объ общественныхъ дѣлахъ, которую я предоставляю высшимъ. Живу свободнымъ, пока можно, и это доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе; не страдаю ни честолюбіемъ, ни жадностью къ собиранію богатствъ; если что даютъ, принимаю съ благодарностью; если чего недостаетъ, не мучаюсь отъ огорченія, хотя теперь у меня нѣтъ ни въ чемъ недостатка для почетной и свободной жизни». Къ сожалѣнію, такое настроеніе не часто посѣщало Поджіо. Выраженное имъ ощущеніе довольства было болѣе предвкушеніемъ того состоянія, которое ему казалось идеальнымъ, чѣмъ настоящею дѣй-

ствительностью. Потребности все росли и еще долго недоставало ему наличныхъ средствъ для ихъ удовлетворенія.

Сравнительная неуспѣшность карьеры раздражала и усиливала личныя потребности, которыя и безъ того чувствовались весьма живо. Повинуясь требованіямъ индивидуализма, Поджіо въ жизни и въ воззрѣніяхъ сбросилъ аскетическія цѣпи, которыя были наложены на личность средневѣковымъ католицизмомъ. Семья и государство, трудъ и собственность, разумъ и свобода, наука и даже искусство—все, отъ чего долженъ былъ отказываться идеальный человѣкъ предшествующей эпохи, для Поджіо имѣло и теоретическое значеніе, и практическую цѣну. Онъ былъ вполнѣ новый человѣкъ и не только по своимъ лучшимъ стремленіямъ, но и по источнику своихъ недостатковъ. Индивидуалистическія стремленія, лежавшія въ основѣ наступившей эпохи, проявлялись въ немъ слишкомъ рѣзко и вслѣдствіе реакціи прошлому, и вслѣдствіе недостатка теоретической сдержки, которую позже давали религія и философія. Индивидуализмъ извращался довольно часто или въ сухой эгоизмъ, или въ нравственную распущенность.

Любовь, женщина и семья — эти самыя ненавистныя для монаха грѣховныя цѣпи, которыя наиболѣе крѣпко привязываютъ человѣка къ двумъ источникамъ грѣха, къ міру и плоти, и служатъ однимъ изъ вѣрныхъ орудій для третьяго, т.-е. для дьявола,—не только не внушаютъ Поджіо и тѣни аскетическаго ужаса, но имѣютъ для него необыкновенную привлекательность. Онъ съ наслажденіемъ увлекается соблазномъ, не ощущаетъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти и не видитъ въ немъ никакого грѣха. Въ письмѣ изъ Бадена отъ 16 мая 1416 года, весь тонъ котораго чрезвычайно характеренъ въ этомъ отношеніи, онъ не только съ веселостью и наслажденіемъ описываетъ соблазнительныя картины, но и «удивляется простотѣ тѣхъ, которые не обращаютъ на нихъ своихъ взоровъ, или ничего не замѣчаютъ, или говорятъ объ этомъ дурно». Противоположность такого настроенія монашескому благочестію кажется тѣмъ рѣзче, что Поджіо былъ совершенно чуждъ поэтическаго одушевленія не только Петрарки, но даже и Бокачіо. Въ немъ говоритъ обыкновенно простая чувственность, которую сдерживаетъ только разсчетливость, опасеніе повредить своей карьерѣ. Собираясь покинуть Англію, Поджіо настолько затянулъ свои сборы, что Никколи заподозрилъ, не задерживаютъ ли его тамъ сирены. Поджіо даже обидѣлся за такое предположеніе и, чтобы его опровергнуть, напоминаетъ пріятелю свое поведеніе въ болѣе ранней молодости. «Если ты думаешь, что теперь, въ этомъ возрастѣ, я сталъ глупѣе, чѣмъ былъ прежде въ молодости, то жестоко ошибаешься. Отъ такихъ дѣлъ, какъ ты знаешь, я никогда не уклонялся, потому что я человѣкъ, но изъ-за нихъ я никогда не забывалъ своей пользы (ab utilitate mea diverti). Эти страсти меня возбуждали, но никогда не побѣждали. Я слышалъ,— говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, — что Гуарино взялъ себѣ жену красивую, молодую и, что самое важное, съ хорошимъ приданымъ». Это житейское благоразуміе, трезвое до пошлости, съ годами усилилось и настоятельно требовало выбрать, на-

конецъ, родъ жизни. Поджіо предстояло два пути: окончательно сдѣлаться духовнымъ лицомъ или жениться. Первое рѣшеніе имѣло бы за себя «пользу»: духовное званіе при куріи представляло много шансовъ для дальнѣйшей карьеры; кромѣ того, года ушли и женитьба представляла значительный рискъ. Поджіо видѣлъ все это, долго колебался и размышлялъ и, тѣмъ не менѣе, рѣшился обзавестись семьей. Въ письмахъ къ своимъ знакомымъ, написанныхъ послѣ женитьбы, онъ излагаетъ свои колебанія и указываетъ на причины, обусловившія его рѣшеніе. «Ты знаешь,—пишетъ онъ одному духовному лицу,—что я до сихъ поръ велъ какъ бы неопредѣленный образъ жизни. Но такъ какъ священство было противно моей натурѣ и я находился въ такомъ возрастѣ, что нужно было, наконецъ, выбрать извѣстную формулу жизни, я рѣшилъ жениться, чтобы не проводить остальной жизни въ уединеніи и сиротствѣ. Итакъ, хотя я уже былъ въ преклонномъ возрастѣ, выбралъ, однако, молодую дѣвушку, выдающуюся не только красотой, но и тѣми добродѣтелями, которыя обыкновенно прославляются въ женщинахъ. Ты скажешь, что это позже, чѣмъ слѣдовало, и я съ этимъ согласенъ; но лучше когда-нибудь, чѣмъ никогда». Подъ старость Поджіо отступилъ отъ своего обычнаго правила—ставить на первый планъ пользу, и это была уступка естественному и сильному стремленію, какъ онъ убѣдился въ этомъ и самъ. «Отъ супружеской жизни я получилъ высшее удовольствіе и полное спокойствіе души», писалъ онъ два года спустя послѣ женитьбы. Такое счастье пришло слишкомъ поздно, но Поджіо утѣшалъ себя тѣмъ, что раньше онъ не могъ бы жениться на своей теперешней женѣ, «которая успокоиваетъ всѣ его заботы и вполнѣ соотвѣтствуетъ и его характеру, и его натурѣ».

Но совершенно естественное и здоровое чувство, въ силу неблагопріятныхъ условій времени, переходило иногда въ распущенность и цинизмъ. Въ Поджіо эти послѣднія свойства проявились съ несомнѣнной ясностью. Характерной въ этомъ отношеніи иллюстраціей могутъ служить его *Facetiae,* одно изъ самыхъ популярныхъ произведеній гуманистической литературы. Англійскій біографъ Поджіо весьма шокированъ этой книгой и сравниваетъ ее съ *Гермафродитомъ* Бекаделли, одной изъ самыхъ непристойныхъ книгъ, какія знаетъ всеобщая литература; его переводчикъ и комментаторъ старается смягчить приговоръ тѣмъ соображеніемъ, что это только шутки. Оправданіе не убѣдительное, потому что и Бекаделли шутилъ, тѣмъ не менѣе, между этими произведеніями есть разница: *Facetiae* неприличны, но не сплошь; въ *Гермафродитѣ* нѣтъ насмѣшекъ надъ церковью, тогда какъ Поджіо и его источники издѣваются и надъ духовными лицами, и надъ религіозными церемоніями. Но и въ послѣднемъ произведеніи не мало цинизма и пошлости. Это—сборникъ анекдотовъ, которые разсказывали другъ другу куріальные чиновники въ особой комнатѣ при папской канцеляріи, которую они называли «вральней» (bugiale, officina). Циническая окраска разговоровъ не представляетъ ничего характернаго для эпохи: это—обычныя бесѣды старыхъ холостяковъ всѣхъ временъ и народовъ.

Но характерно для Поджіо, что онъ счелъ достойнымъ перевести ихъ на латинскій языкъ и повѣдать о нихъ ученому міру, и еще характернѣе, что, будучи уже женатымъ старикомъ, онъ съ большимъ интересомъ относится къ своему произведенію и распространяетъ его. Спустя 9 лѣтъ послѣ свадьбы онъ пишетъ пріятелю, что слышалъ еще много разсказовъ и что онъ прибавитъ къ своему произведенію еще нѣкоторыя вещи, «далеко не лишенныя соли» (non insulsae). Прошло еще 7 лѣтъ, и семидесятилѣтній Поджіо пишетъ, что «къ *Шуткамъ* ежедневно что-нибудь прибавляется». При такомъ настроеніи въ старости, не удивительно, что Поджіо былъ большимъ почитателемъ книги Бекаделли. Появленіе *Гермафродита* привело Поджіо въ настоящій восторгъ. Онъ называетъ книгу «забавнымъ и преисполненнымъ удовольствія произведеніемъ». «Я наслаждался,—пишетъ онъ автору,—и разнообразіемъ содержанія, и элегантностью стиховъ и, въ то же время, удивлялся, что столь безстыдныя и столь нелѣпыя вещи разсказаны тобою такъ красиво и такъ складно. Многое нѣсколько постыдное (turpiuscula) выражено такъ, что кажется, будто это происходитъ въ дѣйствительности, а не только разсказъ, и я думаю, что на это можно смотрѣть не какъ на твои измышленія шутки ради, но какъ на факты. Итакъ, хвалю твою ученость, веселость стихотворенія, шутки и соль и съ своей стороны приношу тебѣ благодарность за то, что ты разбудилъ отъ сна латинскихъ музъ, которыя спали слишкомъ долго». Правда, въ концѣ этого письма Поджіо совѣтуетъ автору написать что-нибудь посерьезнѣе, а позже, когда книга вызвала много неблагопріятныхъ отзывовъ, отправилъ ему длинное посланіе, въ которомъ доказывалъ, что необходимо соблюдать приличія. Но содержаніе *Гермафродита* продолжало ему нравиться и послѣ, потому что циникомъ онъ остался до глубокой старости.

Нивелирующее вліяніе церкви, проповѣдовавшей космополитическое единство католическаго христіанства и равнодушіе къ земной родинѣ во имя небеснаго отечества, утратило свою силу въ началѣ новой исторіи. Патріотическое чувство, проявившееся съ несомнѣнной ясностью во всѣхъ религіозныхъ движеніяхъ, направленныхъ на освобожденіе индивидуальной совѣсти, проявилось и у гуманистовъ, но здѣсь оно было ослаблено крайностями индивидуализма. Замѣтнѣе всего это и у Поджіо. Поджіо любитъ Италію и гордится ею. «Итальянцы превосходили нѣкогда прочія племена и націи всѣми видами добродѣтелей, да и теперь никѣмъ не превзойдены», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ. Порицая кардинала Чезарини за его стремленія и указывая ихъ опасность для мира Италіи и гибельность для самой церкви и въ особенности для ея высшихъ сановниковъ, онъ прибавляетъ: «но о васъ я мало забочусь; меня трогаетъ бѣдствіе Италіи». Италія не только дорога Поджіо, какъ родина, но онъ гордится ею, какъ страною новыхъ ученыхъ занятій, какъ источникомъ истинной науки. Въ письмѣ къ одному ученому иностранцу онъ говоритъ: «я удивляюсь, что нашелъ человѣка, столь преданнаго краснорѣчію и изящнымъ искусствамъ, вдали отъ Италіи, которая кажется родиной для этихъ занятій». Столкновенія

Поджіо съ иностранцами обострили его патріотизмъ, а неудачи въ Англіи довели до національной исключительности. «Поджіо имѣлъ къ своей родинѣ, — говоритъ его біографъ,— то гордое пристрастіе, которое всегда составляло отличіе итальянскаго характера». Дѣйствительно, въ своихъ письмахъ онъ называетъ «варварами» англичанъ и еще съ большимъ презрѣніемъ относится къ нѣмцамъ. Въ письмѣ по поводу пораженія чехами кардинала Чезарини онъ такъ характеризуетъ эту націю. «О, винныя бочки, рожденныя для ѣды и для сна. Германская нація нѣкогда была воинственна, а теперь вмѣсто оружія сражаются ньянствомъ, виномъ, а гдѣ его не достаетъ, необходимо будетъ у нихъ недостатокъ и въ храбрости. Поэтому я думаю, что недостатокъ вина, а не враги, которыхъ вы даже не видали, навели на нихъ страхъ и обратили въ столь позорное бѣгство». Но ни любовь къ родинѣ, ни гордость ея заслугами, ни презрѣніе къ другимъ народамъ не могутъ приковать Поджіо къ Италіи, если жить въ другомъ мѣстѣ представляетъ болѣе выгоды. За хорошее вознагражденіе онъ готовъ ѣхать хоть къ скиѳамъ и совсѣмъ отказаться отъ родины. «Гдѣ бы ни жить, лишь бы только хорошо жить,—пишетъ онъ.—Отечество меня мало трогаетъ, потому что я всегда считалъ въ высшей степени справедливымъ извѣстное изреченіе: отечество тамъ, гдѣ хорошо». Такое настроеніе появлялось у Поджіо всякій разъ, когда ему представлялась возможность перемѣнить мѣсто службы. Гораздо позже онъ пишетъ изъ Рима Никколи, что готовъ «подобно ласточкамъ мѣнять воздухъ и искать страны, гдѣ нѣтъ непогоды». «Я не привязываюсь къ имени родины,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—и ту страну считаю за отечество, гдѣ могу жить вдали отъ заботъ». Патріотизмъ Поджіо не имѣетъ отвлеченнаго, теоретическаго характера, мечты Кола ди Ріенци и его единомышленниковъ совершенно ему чужды; онъ любитъ преимущественно свою Флоренцію, весьма интересуется ея судьбами, называетъ ея согражданъ «наши», составилъ ея исторію въ такомъ духѣ, что авторъ эпиграммы, написанной по этому случаю, называетъ его хорошимъ гражданиномъ и плохимъ историкомъ. Тѣмъ не менѣе и эта его привязанность была весьма и весьма не глубока. «Если не могу быть во Флоренціи, буду въ другомъ мѣстѣ,—говоритъ онъ,—мѣста для меня безразличны (nihil me movent); гдѣ спокойствіе, тамъ будетъ хорошо, тамъ будетъ и родина». Дѣйствительно, уже занимая почетное мѣсто въ родной республикѣ, встрѣтя нѣсколько служебныхъ непріятностей, онъ готовъ снова покинуть Флоренцію.

Къ политической жизни и общественнымъ дѣламъ Поджіо обнаруживаетъ еще болѣе равнодушія, чѣмъ къ родинѣ, хотя ему совершенно чуждо то отчасти презрительное, отчасти враждебное отношеніе къ государству, которымъ отличались передовые люди предшествующей эпохи. Онъ интересуется политикой; въ его перепискѣ изъ всѣхъ періодовъ его дѣятельности найдется не мало писемъ, въ которыхъ изображается, а иногда и обсуждается современное положеніе общественныхъ дѣлъ. Онъ говоритъ объ отношеніяхъ Флоренціи къ герцогу миланскому, и объ интригахъ Ал

фонса противъ куріи, и объ опасности для Италіи со стороны турокъ, и возможности вредныхъ послѣдствій отъ соборовъ,—словомъ, почти всѣ крупныя событія этого времени отразились въ его перепискѣ. Но вмѣшиваться активно въ эту жизнь Поджіо чувствуетъ мало охоты. «Я знаю, что тебѣ уже извѣстно,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Никколи,—въ какомъ положеніи находятся наши дѣла, но въ худшемъ, чѣмъ теперь, они быть не могутъ... Я опасаюсь, чтобы наша Италія не была растерзана сначала нами, а потомъ варварами, которые будутъ сильны нашею слабостью. Но пусть думаютъ объ этомъ тѣ, кому это болѣе важно; я занимаюсь наукой, насколько позволяютъ служебныя дѣла». Причина этого равнодушія къ общественной дѣятельности заключается въ томъ же индивидуализмѣ. Поджіо желаетъ полной свободы, не хочетъ подчиняться стѣсненіямъ, отсюда—стремленіе къ обезпеченному досугу, когда можно жить на всей своей волѣ. Самое желаніе занимать общественныя должности кажется ему суетностью и недоразумѣніемъ. «Хотя нѣтъ такой цѣны, которая могла бы побудить ученаго человѣка подчинить свою свободу общественному рабству, однако это рабство считается почетнымъ, потому что отъ людей ускользаетъ то, что прикрывается и украшается блескомъ и величіемъ богатства». Въ силу этого идеалъ Поджіо—деревня. Подобно крайнимъ индивидуалистамъ всѣхъ временъ и народовъ, его отталкиваетъ городъ съ его шумомъ, заботами, стѣсненіями и огорченіями; онъ стремится въ деревню, но не въ уединенье, которое онъ ненавидитъ; онъ хочетъ жить въ тишинѣ, вдали отъ политической жизни, но окруженный друзьями и наслаждаясь семейнымъ счастьемъ. Этотъ «сладкій и вѣрный покой должно предпочесть,—по его мнѣнію,—всѣмъ почестямъ и высокимъ должностямъ». Поджіо только урывками и на короткое время удавалось осуществлять такое блаженное состояніе,—къ политической дѣятельности онъ былъ всегда равнодушенъ. Политическихъ трактатовъ нѣтъ среди его сочиненій, и въ письмахъ онъ рѣдко, и то больше по обязанности службы, выступаетъ съ памфлетомъ или съ такимъ произведеніемъ, которое соотвѣтствуетъ статьѣ въ современномъ оффиціозномъ журналѣ. Поджіо выходилъ изъ пассивности только въ томъ случаѣ, когда это касалось его непосредственныхъ интересовъ. Такъ, страхъ передъ нашествіемъ турокъ заставилъ его даже упрекать Николая V за то, что онъ тратитъ деньги на постройки, когда Италіи грозитъ страшный врагъ. Если позже онъ принялъ почетную должность въ родномъ городѣ, то, по его собственному объясненію, это было сдѣлано въ интересахъ дѣтей. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ играло роль и честолюбіе, но не подлежитъ сомнѣнію, что высокая должность не дала Поджіо того счастья, о которомъ онъ мечталъ.

Аскетическое отношеніе къ собственности давно уже сдѣлалось пустымъ звукомъ для самихъ проповѣдниковъ этого идеала. Нѣтъ ничего удивительнаго, что это житейское благо стояло на первомъ планѣ для Поджіо, какъ это видно уже изъ его біографіи. Болѣе новаго и оригинальнаго заключается въ отношеніи къ труду. Общественное положеніе

гуманистовъ вынуждало ихъ достигать своихъ цѣлей личными усиліями и неустанной работой. Трудъ прямо и посредственно давалъ все; было ясно для каждаго, что только этимъ средствомъ можно достигнуть желаемаго, но за то это средство вѣрное. У Поджіо такое сознаніе было яснѣе или, по крайней мѣрѣ, выражено яснѣе, чѣмъ у другихъ гуманистовъ: «omnia vincit labor improbus» — любимое изреченіе въ его перепискѣ, въ особенности въ ранніе годы. На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ Поджіо и въ старости. Когда онъ уже былъ канцлеромъ во Флоренціи, нѣкто Аламано Ринучини произнесъ публичную рѣчь, въ которой жаловался, что въ родномъ городѣ слишкомъ мало ученыхъ и краснорѣчивыхъ людей, и совѣтовалъ пригласить ихъ изъ другихъ мѣстъ. Поджіо пришелъ въ негодованіе отъ такой рѣчи, называлъ ее непатріотической и глупой. Во Флоренціи есть ученые люди, а учителей, по его мнѣнію, совсѣмъ не нужно. Краснорѣчію слѣдуетъ учиться по великимъ образцамъ, по книгамъ и добиваться его безъ чужой помощи, своимъ собственнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, даже въ достиженіи того, что онъ считаетъ высшею цѣлью человѣческаго существованія, на первомъ планѣ стоитъ личный трудъ, и самоучка представляется Поджіо идеаломъ настоящаго ученаго. Но, кромѣ труда, для обогащенія нужно было служить, т.-е. отказаться отъ собственной свободы и признать чужой авторитетъ. Стремленіе къ свободѣ—одна изъ первыхъ и самыхъ сильныхъ потребностей индивидуализма. Поджіо чувствуетъ ее весьма живо, и это одна изъ главныхъ причинъ его нежеланія вернуться изъ Англіи на прежнюю службу въ курію. «Я цѣню и папство, и его членовъ гораздо ниже, чѣмъ думаютъ, потому что желаю быть свободнымъ, а не публичнымъ рабомъ», пишетъ онъ къ Никколи. Эта любовь къ свободѣ простирается гораздо далѣе личныхъ отношеній: Поджіо умѣетъ цѣнить и наслаждаться свободой мысли и слова и высоко ставитъ такой политическій порядокъ, который обезпечиваетъ эти блага. Въ его книгѣ *De Nobilitate* заключается много выходокъ противъ Венеціи, за которую вступился Григорій Коррери. Поджіо въ своемъ письмѣ отвѣчаетъ вѣжливо, дѣлаетъ уступки, извиняется за ошибки, потому что критикъ—лицо высокопоставленное и вліятельное. Тѣмъ не менѣе онъ открыто выставляетъ своему критику существенный недостатокъ его родины. «Если бы мнѣ былъ предоставленъ выборъ,—пишетъ онъ,—то я предпочелъ бы быть мужикомъ у насъ, чѣмъ у васъ горожаниномъ безъ свободы говорить, шутить, а иногда и порицать (loquendi et jocandi et quandoque reprehendendi libertate sublata)». Но и любовь къ свободѣ, какъ и все прочее, жертвовалась другому, болѣе сильному стремленію,—стремленію къ обезпеченности. Чтобы скорѣе и вѣрнѣе достигнуть цѣли, Поджіо не только служитъ, но даже рабствуетъ. Въ одномъ письмѣ изъ Рима онъ излагаетъ Никколи свои служебные принципы: «Нужно быть готовымъ по мановенію, чтобы не оскорбить чувства достоинства (religio) государей, которые при сдѣланномъ промахѣ болѣе склонны къ негодованію, чѣмъ къ извиненію... Самъ я стараюсь проявить что-нибудь меня достойное и проникнуть въ желаніе государя, который

какъ кажется, довольно ласковъ со мною. Дѣлъ у меня немного; но меня развлекаютъ весьма многія размышленія, и я всего боюсь, передъ всѣмъ трепещу».

Болѣе благотворное вліяніе имѣлъ индивидуализмъ на развитіе раціоналистическаго міросозерцанія. Освободившись отъ всякихъ внутреннихъ сдержекъ, подчиняясь только для видимости внѣшнему авторитету, гуманисты руководились разумомъ или, правильнѣе говоря, разсчетомъ. Подчиняясь своимъ влеченіямъ, они стремились къ тому, что называли счастьемъ, «подъ руководствомъ разума». На такой точкѣ зрѣнія стоялъ и Поджіо. «Природа, родительница всѣхъ вещей,—пишетъ онъ,—дала роду человѣческому разумъ и разсудокъ (intellectum et rationem), какъ превосходныхъ руководителей для хорошей и счастливой жизни, и лучше ихъ ничего нельзя придумать». Вѣры въ непогрѣшимость и нравственную обязанность выводовъ разума у Поджіо не было; до новаго проявленія раціонализма еще было далеко, и поведеніе Поджіо показываетъ, что разумъ былъ у него вождемъ, но не главнокомандующимъ, и получалъ предписанія отъ вкусовъ, наклонностей и даже страстей. Разумъ долженъ былъ изыскивать средства для исполненія ихъ требованій, находился у нихъ въ подчиненномъ положеніи; но зато въ вопросахъ теоретическихъ, отвлеченныхъ, не имѣющихъ отношенія къ личнымъ дѣламъ, онъ не зналъ болѣе надъ собой никакого авторитета. Его высшее проявленіе, наука, могла пользоваться полною свободой.

Отношеніе Поджіо къ научнымъ занятіямъ — самая симпатичная черта его характера. Это его единственная идеальная привязанность, но привязанность сильная и глубокая. Онъ не совсѣмъ ясно понимаетъ значеніе науки и настоящій ея смыслъ, но тѣмъ не менѣе горячо любитъ ее. «Я путешествовалъ по многимъ странамъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—видѣлъ многія мѣста, наблюдалъ природу и нравы многихъ народовъ, пользовался расположеніемъ многихъ папъ, но, размышляя обо всемъ этомъ, припоминая пережитое, видя, какъ все это было суетно и хлопотливо я нахожу, что ничто такъ не прочно и постоянно, ничто не возстановляетъ лучше духъ, ничто не доставляетъ болѣе спокойствія, какъ науки и тѣ занятія, которымъ мы предавались съ ранней юности». Тѣ знанія, которыя считались необходимыми для гуманиста, Поджіо пріобрѣтаетъ не по обязанности только, не исключительно изъ выгоды, но относится къ нимъ съ искреннимъ жаромъ. Въ письмахъ изъ Англіи онъ выражаетъ страстное желаніе познакомиться въ подлинникѣ съ греческою литературой: «я пылаю къ ней страстью, возрастающею со дня на день,—пишетъ онъ Никколи.—Я каждый день выучиваюсь чему-нибудь, конечно, до сихъ поръ только поверхностно»,—говоритъ онъ по поводу своихъ занятій Аристотелемъ.—Главная причина, почему вернулась любовь къ греческой литературѣ, заключается въ томъ, чтобы съ этимъ писателемъ, нѣмымъ и нелѣпымъ на чужомъ языкѣ, познакомиться на его собственномъ». Предлагаемое мѣсто въ Германіи или въ Венгріи кажется ему привлекательнымъ «особенно

потому, что представляется возможность заняться греческою литературой». «Я страстно желаю,—говоритъ онъ въ письмѣ по этому поводу,—изучить греческій языкъ, чтобъ избѣжать тѣхъ тяжелыхъ переводовъ, которые такъ меня мучаютъ, что гораздо болѣе непріятности въ ихъ чтеніи, чѣмъ удовольствія въ изученіи». Все, что относится къ древности, Поджіо собираетъ и изучаетъ съ величайшимъ интересомъ. Мы видѣли, какъ онъ отыскивалъ рукописи, съ какою ревностью копировалъ надписи. Проѣхавши однажды въ Ферентинумъ, Поджіо могъ остаться одинъ только день въ этомъ городѣ, а дѣло было лѣтомъ, жара страшная; тѣмъ не менѣе онъ обошелъ весь городъ, все осмотрѣлъ и списалъ находившіяся тамъ надписи. «Для меня составляло величайшій трудъ прочитать эти письмена, — пишетъ онъ,— и тѣ, которыя на башнѣ крѣпости, такъ какъ ихъ разбирать приходится издали и по большей части они уже изглажены древностью, и тѣ, которыя на скалѣ, поэтому я обливался потомъ много часовъ и потѣлъ въ полдень на солнцѣ». Исправленіе письменныхъ памятниковъ, возстановленіе и критика найденныхъ рукописей составляютъ важный предметъ занятій Поджіо. Онъ не только понимаетъ важность такой работы,—манускрипты историческаго содержанія, не подвергшіеся предварительно такой обработкѣ, онъ называетъ «сновидѣніемъ, а не исторіей», но чувствуетъ искреннее негодованіе при видѣ искаженныхъ рукописей и съ увлеченіемъ занимается ихъ исправленіемъ.

Съ неменьшимъ увлеченіемъ относится Поджіо и къ искусству. Интересъ къ древности не ограничивался у него письменными памятниками; античное искусство также привлекаетъ его вниманіе и не только, какъ остатокъ прошлаго. Потребность эстетическаго наслажденія проснулась вслѣдъ за пробужденіемъ индивидуализма, и Поджіо одинъ изъ первыхъ гуманистовъ сильно увлекается искусствомъ. «У меня есть комната, — пишетъ онъ, — наполненная мраморными головами, изъ которыхъ одна изящная, цѣльная, а другія съ отбитымъ носомъ, но и эти доставляютъ удовольствіе хорошему художнику. Ими и нѣкоторыми картинами, которыя собираю, я хочу украсить свою Валдарнинскую академію, гдѣ желаю найти себѣ спокойствіе». Поджіо пріобрѣтаетъ статуи съ большею охотой, чѣмъ даже манускрипты. О покупкѣ кодексовъ въ его перепискѣ почти совсѣмъ ничего не говорится, между тѣмъ онъ обращается къ весьма многимъ лицамъ и даже незнакомымъ, чтобы получить памятники искусства. Увлеченіе искусствомъ до такой степени въ немъ сильно, что онъ самъ начинаетъ сомнѣваться, не заходятъ ли слишкомъ далеко его симпатіи, приличны ли онѣ въ такой мѣрѣ ученому человѣку и старается найти для нихъ объясненія и оправданіе. Франческо да Пистоія, отправляясь въ Грецію, получилъ порученіе отъ Поджіо купить для него тамъ древнихъ статуй. Въ это же время Поджіо писалъ нѣкоему Суфрето, собирателю античныхъ мраморовъ, что ничто не могло бы доставить ему такого удовольствія, какъ еслибъ онъ удѣлилъ ему изъ своей богатой коллекціи одну или нѣсколько вещей. Суфрето исполнилъ просьбу и послалъ Поджіо три бюста Юноны, Минервы и

Вакха, считавшіеся тогда произведеніями Поликлета и Праксителя. Поджіо усомнился, что правда эти головы принадлежали такимъ знаменитостямъ, тѣмъ не менѣе написалъ по этому поводу восторженное письмо. «Когда я вижу, что въ мраморѣ воспроизводятся силы самой природы, талантъ художника производитъ на меня сильное впечатлѣніе,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ.—Многіе страдаютъ различными болѣзнями, а же въ особенности одержимъ той, что, можетъ быть, слишкомъ и болѣе, чѣмъ слѣдуетъ ученому мужу, восхищаюсь этими мраморами, изваянными выдающимися художниками. Хотя самая природа выше того, что дѣлается на подобіе ей, тѣмъ не менѣе я принужденъ восхищаться искусствомъ того, который въ нѣмой вещи такъ выражаетъ одушевленное существо, что, кажется, ему недостаетъ только дыханія».

Но, несмотря на любовь къ наукѣ и увлеченіе искусствомъ, Поджіо не былъ ни настоящимъ ученымъ, ни истиннымъ художникомъ. Со страстью изучая древность, усвоивая ея языкъ и стиль, необходимыя условія для краснорѣчія, Поджіо повиновался только своимъ наклонностямъ. Онъ занимался древнею литературой, потому что это ему нравилось, потому что въ ней онъ находилъ выраженіе и оправданіе своему настроенію. Но въ то же время онъ считалъ необходимымъ теоретически оправдать свои занятія, отыскать для нихъ такую цѣль и отмѣтить въ нихъ такой результатъ, который позволялъ бы уважать себя за нихъ и требовать такого же уваженія отъ другихъ. Новыя знанія доставляли почести и богатства, чувствовалась потребность оправдать такое положеніе, и Поджіо находитъ оправданіе не въ наукѣ, не въ искусствѣ, а въ болѣе высокомъ нравственномъ уровнѣ ученаго человѣка и въ его способности учить добродѣтели другихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу объ изученіи литературы.

Едва ли найдется вопросъ, который столько разъ подвергался бы обсужденію и въ печати, и съ каѳедры, какъ вопросъ о роли литературы и о методахъ ея изученія. Но, несмотря на это, новая попытка въ этомъ направленіи, представляемая книгою Лакомба *), полна самаго живого и глубокаго интереса.

Эта книга является продолженіемъ другого сочиненія того же автора, озаглавленнаго: *L'Histoire considérée comme science*, вышедшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ и переведеннаго на русскій языкъ.

Въ трехъ томахъ задуманнаго имъ обширнаго труда, Лакомбъ намѣревался охватить три крупнѣйшія отрасли человѣческой культуры: экономику, политику и искусство. Вниманію читателей предлагается авторомъ въ настоящую минуту третій томъ, посвященный, впрочемъ, пока только одному изъ искусствъ, а именно литературѣ.

Въ первой части разбираемаго сочиненія Лакомбъ дѣлаетъ попытку научнаго обоснованія исторіи литературы; вторая часть представляетъ собою рядъ очерковъ, посвященныхъ психологіи писателя и публики, выясненію требованій и вкусовъ послѣдней и ея роли въ созданіи художественныхъ произведеній; въ третьей части авторъ касается вопроса о прогрессѣ въ литературѣ, о сравнительной оцѣнкѣ отдѣльныхъ эпохъ и писателей и излагаетъ свой взглядъ на роль литературы въ жизни человѣка. Заключительныя главы посвящены изученію художественнаго языка, этого могущественнаго орудія въ рукахъ писателей.

Оригинальность и мѣткость взглядовъ автора, блескъ его характеристикъ и историко-литературныхъ иллюстрацій, тонкость психологическаго анализа, красота и легкость языка дѣлаютъ эту книгу въ высокой степени интересною не только для критиковъ и историковъ литературы, но и для большой публики, для тѣхъ «читателей», изученію которыхъ авторъ отводитъ въ ней такое значительное мѣсто.

Постараемся, насколько возможно, въ общихъ чертахъ передать сущность положеній автора.

---

*) *Introduction à l'histoire littéraire* (chez Hachette).

I.

Подъ именемъ «литературы» какой-нибудь страны разумѣлось до сихъ поръ все или почти все, что было когда-либо въ этой странѣ написано. На-ряду съ произведеніями изящной словесности сюда относились и сочиненія по естественнымъ наукамъ, по географіи, по психологіи, по политической экономіи... Разумѣется, до тѣхъ поръ, пока литература будетъ не предметомъ, а совокупностью самыхъ разнородныхъ предметовъ, нельзя надѣяться на открытіе въ ней постоянныхъ отношеній, общихъ законовъ. Если бы мы пожелали сдѣлать попытку въ этомъ направленіи, то первый шагъ, съ котораго мы должны были бы начать, это — установить точно предѣлы литературы. Тутъ возникаетъ вопросъ, въ силу чего удалить изъ нея одно и удержать другое? Несмотря на огромное количество написаннаго по исторіи литературы, ни у одного изъ авторовъ нельзя найти и намека на тотъ принципъ, которымъ можно было бы при этомъ руководствоваться. Лучшую помощь, по мнѣнію Лакомба, можетъ оказать въ данномъ случаѣ психологія.

Все, что говорится или пишется человѣкомъ, имѣетъ всегда опредѣленную цѣль.

Человѣкъ говоритъ или для того, чтобы передать извѣстный фактъ, высказать извѣстную истину, въ каковомъ случаѣ онъ занимается *наукой*, или же съ цѣлью вызвать въ своихъ слушателяхъ или читателяхъ совершенно безкорыстное, въ смыслѣ практическихъ результатовъ, волненіе, эмоцію, — въ этомъ случаѣ онъ занимается *литературой*. Когда, наконецъ, человѣкъ заявляетъ, что данное дѣло слѣдуетъ сдѣлать тамъ-то, извѣстнымъ образомъ (т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ совѣтуетъ, приказываетъ, устанавливаетъ правила или законы), то онъ занимается *практикою*.

Эти три цѣли должно строго отличать другъ отъ друга. Если онѣ соединяются въ какомъ-нибудь произведеніи всѣ, то одна изъ нихъ является все-таки преобладающею.

Итакъ, въ область литературы входятъ всѣ произведенія, внушенныя художнику желаніемъ вызвать въ людяхъ безкорыстную въ практическомъ смыслѣ эмоцію. Но это еще не все.

Писатели, равно какъ и ораторы, обладаютъ исключительнымъ средствомъ покорять своихъ читателей или слушателей: это — легкость и красота ихъ рѣчи. Можно, не раздѣляя ни одной идеи, ни одного чувства автора, читать его съ наслажденіемъ, исключительно благодаря его слогу.

Художественное наслажденіе, испытываемое при этомъ, само по себѣ безкорыстно. Слѣдовательно, произведенія, способныя его вызвать, согласно сдѣланному опредѣленію, должны входить въ область литературы. Это значительно расширяетъ послѣднюю, такъ какъ, благодаря слогу, въ нее приходится включить цѣлый рядъ сочиненій, по предмету своему относящихся къ другой области (таковы: естественная исторія Бюффона, философскія сочиненія Бекона, историческіе труды Мишле, Тэна, Ренана и др.).

Итакъ, литература охватываетъ собою, во-первыхъ, всѣ сочиненія, которыя должны быть отнесены къ ней по существу, а, во-вторыхъ, множество произведеній, принадлежащихъ къ ней по слогу.

Установивъ предѣлы литературы, Лакомбъ указываетъ на причины, побуждающія человѣка къ литературному творчеству.

Искусство, въ общемъ, есть подражаніе дѣйствительности, художественная симуляція, отъ которой ничто, будь то вещь, дѣйствіе или даже внутреннее душевное движеніе человѣка, не можетъ укрыться.

Нѣкоторые, въ особенности многіе біологи, удивляются существованію искусства, считая его безполезнымъ въ прямомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, въ смыслѣ сохраненія вида; но это объясняется тѣмъ, что они слишкомъ преувеличиваютъ въ данномъ случаѣ значеніе инстинкта самосохраненія. На самомъ дѣлѣ, онъ силенъ въ человѣкѣ только въ ту минуту, когда человѣку угрожаетъ неизбѣжная гибель: когда гибель грозитъ издали, человѣкъ рѣдко съ нимъ совѣтуется и далеко не всегда его слушается. Въ ужасѣ спасаясь отъ руки другого, человѣкъ превосходно губитъ себя самъ. Въ качествѣ примѣра достаточно указать на потребленіе возбуждающихъ и спиртныхъ напитковъ, которому предаются всѣ дикіе и цивилизованные народы, зная его пагубныя послѣдствія. Человѣкъ ищетъ не сохранить, а предохранить себя. Онъ ищетъ не удлинить свою жизнь, а ощущать ее съ возможно большею силой и полнотой. Ощущеніе, эмоція—вотъ его конечная цѣль. Жадно ища ощущеній, онъ долженъ былъ изобрѣсти художественную симуляцію.

Безъ сомнѣнія, волненіе вызываемое въ человѣкѣ симуляціей реальной жизни, несравненно слабѣе того, которое вызывается самою жизнью; но огромное преимущество перваго заключается въ томъ, что человѣкъ можетъ вызывать его въ себѣ по желанію, можетъ повторять его несчетное количество разъ или, наоборотъ, прекращать, какъ только оно становится непріятнымъ.

Среди воспоминаній о пережитыхъ эмоціяхъ человѣкъ болѣе склоненъ останавливаться на пріятныхъ и избѣгать мучительныхъ. Направляя свое воображеніе въ эту сторону, онъ дѣлаетъ первый шагъ на пути къ сознательному художественному творчеству. Чтобы вызвать въ себѣ воспоминанія, волнующія его пріятнымъ образомъ, онъ перебираетъ ихъ всѣ. Разсказывая себѣ мысленно прошлыя событія, онъ придаетъ имъ то или другое освѣщеніе, дѣлаетъ ихъ болѣе трагическими, или болѣе привлекательными. Онъ соединяетъ, сближаетъ воспоминанія, отдѣленныя другъ отъ друга временемъ или мѣстомъ, комбинируетъ ихъ различнымъ образомъ. Это уже творчество, которое вскорѣ задѣваетъ еще одинъ уголокъ человѣческой души—самолюбіе. Видя волненіе и восторгъ въ своихъ слушателяхъ, обязанныхъ ему новыми эмоціями, художникъ начинаетъ уважать себя, гордиться своимъ вліяніемъ и оказываемымъ ему одобреніемъ. Возможенъ и обратный порядокъ, т.-е. иногда самолюбіе, желаніе отличить-

ся, выдѣлиться, привлечь на себя вниманіе, служитъ первымъ стимуломъ художественнаго творчества.

Къ потребности въ подражаніи и самолюбію, этимъ главнымъ факторамъ художественнаго творчества, примѣшиваются иногда и второстепенныя причины, дѣйствующія на художника возбуждающимъ образомъ. Таково, наприм., опьяненіе, производимое быстротою движенія (въ танцахъ), шумомъ (музыки), яркими красками (въ живописи); извѣстную долю вліянія оказываетъ и половой инстинктъ (танцы); большую роль играетъ и общность переживаемаго волненія.

Подражаніе мало-по-малу превращается для подражателя въ конечную цѣль, удовлетвореніе которой приноситъ ему эстетическое наслажденіе, и онъ начинаетъ стремиться къ творчеству ради самого творчества, ради упражненія и проявленія этимъ путемъ своей силы.

Послѣ этого бѣглаго обзора главнѣйшихъ психическихъ факторовъ художественнаго творчества, Лакомбъ переходитъ къ различнымъ методамъ изученія литературы. Исторія литературы чаще всего являлась рядомъ біографій знаменитыхъ писателей, произведенія которыхъ разбирались и обсуждались въ хронологическомъ порядкѣ. Отдѣльные очерки могли быть превосходны, но между ними не было внутренней связи.

Позже историки начали группировать свои очерки вокругъ какого-нибудь великаго имени (таковъ, наприм., Поръ-Рояль съ Паскалемъ во главѣ, созданный Сенъ-Бёвомъ). Хотя въ такихъ случаяхъ и замѣчалось стремленіе къ системѣ, къ устраненію связи между отдѣльными писателями, но въ большинствѣ случаевъ эта связь носила слишкомъ внѣшній и поверхностный характеръ. Тэнъ впервые подмѣтилъ общность вліяній, испытываемыхъ писателями: вліяніе расы, отмѣченное имъ въ его исторіи англійской литературы, и вліяніе среды и момента, которому подвергаются всѣ писатели, принадлежащіе одной и той же эпохѣ.

Идея «среды», которую Лакомбъ не отдѣляетъ отъ «момента», весьма плодотворна. Она лишаетъ литературное произведеніе случайности, видя въ немъ не исключительный продуктъ генія его автора, а результатъ безсознательной совмѣстной работы болѣе или менѣе значительнаго количества людей, принадлежащихъ къ одному поколѣнію или къ одной эпохѣ. Ускользая отъ случайности, литературное произведеніе переходитъ такимъ образомъ въ состояніе феномена, болѣе или менѣе обусловливаемаго необходимостью. Отдавая должное методу Тэна, Лакомбъ упрекаетъ его лишь въ томъ, что, увлекшись идеями среды, момента и расы, Тэнъ отводитъ слишкомъ мало мѣста основнымъ чертамъ тѣлесной и духовной организаціи человѣка, его постояннымъ потребностямъ и стремленіямъ, постояннымъ процессамъ его мышленія,—словомъ, той вѣчной основѣ, которая стоитъ выше преходящихъ условій, и на которую уже оказываютъ свое вліяніе и среда, и моментъ, и раса, которую Лакомбъ называетъ совокупностью моментовъ.

Признавая всю важность вліянія среды и момента, Лакомбъ не можетъ, однако, игнорировать и роли личности въ исторіи литературы.

Разобрать, что̀ въ данномъ литературномъ произведеніи принадлежитъ личности, и что̀—окружающимъ ее условіямъ и эпохѣ—дѣло трудное, и даже знать только, что въ немъ соединены эти различные элементы, весьма полезно. Про Расина, напримѣръ, можно сказать, что онъ обладалъ исключительною глубиной и тонкостью психологическаго анализа, но это выливалось у него въ формѣ его вѣка. XVII в. превосходно зналъ человѣка, но главнымъ образомъ человѣка принадлежавшаго къ извѣстному классу, человѣка свѣтскаго; народныя массы имъ игнорировались. Итакъ, высота, достигнутая Расиномъ въ качествѣ знатока человѣческой души, должна быть раздѣлена. До той ступени, до которой доходитъ средній уровень писателей, она принадлежитъ времени, эпохѣ; выше она составляетъ исключительную особенность его личности. Средній уровень можно опредѣлить приблизительно, изучая среднихъ писателей данной эпохи, которые часто бываютъ ничтожны въ художественномъ отношеніи, но важны для исторіи, такъ какъ позволяютъ изучить публику, ея вкусы и требованія.

Итакъ, если изучать исторіи литературы систематически, т.-е. съ одной стороны основательно изучать автора, личность, а съ другой стороны—публику, толпу, то въ писателѣ можно, какъ въ зеркалѣ, увидать всѣ ближайшія и отдаленныя вліянія, которымъ онъ подвергался, равно какъ и окружавшія его условія, которыя оставили на немъ свои слѣды. Затѣмъ можно прослѣдить и то вліяніе, которое онъ, въ свою очередь, оказывалъ на публику. Словомъ,—говоритъ Лакомбъ,—надо разсматривать личность какъ *событіе*, несущее на себѣ слѣды простыхъ *учрежденій* и являющееся зародышемъ учрежденій будущихъ.

Событія и учрежденія тѣсно переплетаются между собою въ исторіи. Какъ только мы имѣемъ дѣло съ актомъ, одинаково выполняемымъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ лицъ, то мы назовемъ его *учрежденіемъ*. Учрежденіемъ,—говоритъ Лакомбъ,—будетъ всякая черта въ дѣйствіи, работѣ, или произъеденіи какого-нибудь человѣка, которая напоминаетъ собою другую черту, уже видѣнную нами въ дѣйствіи, работѣ или произведеніи другого человѣка или другихъ людей. Учрежденіе имѣетъ степени. Сходства бываютъ болѣе или менѣе распространенныя, объединяющія большое или малое количество предметовъ или дѣйствій.

Въ исторіи литературы учрежденіемъ слѣдуетъ считать, напримѣръ, принципъ трехъ единствъ классическаго театра съ той минуты, какъ онъ практикуется нѣсколькими писателями и признанъ нѣсколькими критиками. Метафора, имѣвшая успѣхъ и встрѣчающаяся у нѣсколькихъ поэтов общепринятый оборотъ фразы; взглядъ на Гомера, одинаково высказанны Расиномъ, Лафонтеномъ, Буало и т. п.,—все это учрежденія.

Событіемъ, *случаемъ* во всѣхъ отдѣлахъ исторіи, а слѣдовательно въ исторіи литературы называется одинокій фактъ. Событіе встрѣчает въ дѣйствіи лишь одного человѣка; это—своеобразная черта, продуктъ

характера. Событіе есть нѣчто абсолютное. Всѣ учрежденія начинаются съ состоянія исключительности, съ событія. Первая французская трагедія, въ которой соблюдены три единства, «Софонизба» Мэрэ, является событіемъ, пока она не нашла себѣ подражателей. Въ ту минуту, какъ они нашлись, событіе породило учрежденіе.

Наука является совокупностью истинъ, выражающихъ собою то, что между одними и другими явленіями существуетъ извѣстное постоянное сходство; поэтому наука изучаетъ сходные феномены: изъ одинокихъ, своеобразныхъ фактовъ или явленій науки создать нельзя. Слѣдовательно, всякій, кто желаетъ трактовать исторію литературы научно, долженъ прежде всего отличать въ ней событія отъ учрежденій или, что то же, случайное отъ необходимаго; первымъ его шагомъ будетъ сравненіе между ними сходства. Затѣмъ уже можно перейти и къ выясненію причинъ, т.-е. къ установленію связи между даннымъ сходствомъ и другими, болѣе широкими и болѣе постоянными.

Разницу между событіемъ и учрежденіемъ не всегда бываетъ легко уловить, и историку литературы надо особенно бояться смѣшивать событіе съ учрежденіемъ и дѣлать изъ нихъ одинаковые выводы. Между тѣмъ страсть къ обобщеніямъ слишкомъ часто увлекаетъ историка. Выхвативъ у писателя какую-нибудь индивидуальную черту, онъ приписываетъ ее всему поколѣнію, всей эпохѣ, всему народу. Сплошь и рядомъ можно встрѣтить фразы въ родѣ слѣдующей: Бомарше, въ качествѣ *истаго сына вѣка*, соединялъ доброту сердца съ глубокою развращенностью. Можно ли сказать это про сына XVIII в., и чѣмъ будутъ тогда другіе его сыны: Тюрго, Монтескьё, Лафайетъ, Малербъ?...

Приступая къ изслѣдованію причинъ, должно помнить, что причины выясняются только путемъ различныхъ измѣненій въ ихъ результатахъ. Говоря словами Ог. Конта, динамика вещей объясняетъ ихъ статику. Измѣняемость существуетъ въ исторіи, хотя она и не въ нашей власти. Подобно тому, какъ въ естественныхъ наукахъ, наприм. въ физикѣ, прежде всего надо знать, какой опытъ долженъ быть продѣланъ въ данномъ случаѣ, такъ же и въ исторіи прежде всего надо знать, какое измѣненіе слѣдуетъ изучить. Выборъ историческаго измѣненія, которое слѣдуетъ изучить для уясненія данной задачи, соотвѣтствуетъ изобрѣтенію опыта въ естественныхъ наукахъ.

Измѣненіе предполагаетъ два состоянія: предыдущее и послѣдующее. Оба должны быть по возможности однородны и возможно ближе другъ къ другу по времени.

Въ качествѣ примѣра Лакомбъ останавливается на томъ направленіи исторіи французской литературы, которое извѣстно подъ именемъ *классицизма*. Припомнивъ непосредственную смѣну его *романтизмомъ*, сравнивъ эти два направленія между собою и отмѣтивъ въ качествѣ наиболѣе характерной черты, отличающей классицизмъ, сокращеніе симпатіи, альтруистическаго чувства, онъ отыскиваетъ прецедентъ, обладающій спо-

собностью дѣлать людей менѣе доступными чувству симпатіи. Этотъ прецедентъ—не что иное какъ господство во Франціи въ XVII в. дворянства, аристократической касты, и ея вліяніе на литературу той эпохи. Выводъ этотъ совпадаетъ со словами Тэна, сказавшаго: «Классицизмомъ мы обязаны господству салоновъ».

Отыскавъ причину и убѣдившись въ томъ, что она способна была вызвать данное явленіе, надо обозрѣть еще всѣ остальныя силы, дѣйствовавшія въ ту же эпоху въ обществѣ, съ цѣлью изслѣдовать, не могла ли какая-нибудь изъ нихъ оказать хотя бы частичнаго вліянія на наше явленіе.

Закончивъ этотъ опытъ по отношенію къ Франціи, надо изучить всѣ явленія сходныя съ французскимъ классицизмомъ, сначала въ сосѣднихъ, а затѣмъ и въ болѣе отдаленныхъ странахъ. Явленіе подобное французскому классицизму Лакомбъ находитъ въ Англіи, въ литературѣ временъ королевы Анны. Изслѣдовавъ это явленіе въ Англіи и подкрѣпивъ такимъ образомъ первый опытъ, можно перейти къ Италіи, Германіи и т. д.

Разумѣется подобнаго рода изслѣдованія не могутъ быть дѣломъ одного лица. Исторія, разрабатываемая научно, болѣе чѣмъ какая-либо другая наука, требуетъ легіоновъ работниковъ...

II.

Самолюбіе, которое Лакомбъ отмѣчаетъ въ писателѣ въ качествѣ фактора художественнаго творчества, присуще и публикѣ. Между человѣкомъ, пріобрѣтающимъ произведенія искусства, и человѣкомъ, выполняющимъ ихъ, разница, въ сущности, не велика. Обладатель красиво убраннаго жилища, картинной галлереи, собранія статуй гордится ими, вѣритъ тому, что они отличаютъ его, поднимаютъ его въ глазахъ его согражданъ Можно выдѣлиться и привлечь къ себѣ вниманіе и не пріобрѣтая произведеній искусства. Человѣкъ, любящій какое-нибудь искусство (наприм. литературу), уважаетъ себя за это, считаетъ себя выше другихъ, которые этого лишены; онъ вступаетъ въ споръ съ людьми, которые также любятъ литературу, но по своему; если противникъ унижаетъ его любимаго писателя, то онъ сердится, и не столько изъ любви къ этому писателю, сколько изъ оскорбленнаго самолюбія.

Талантливое литературное произведеніе для людей, говорящихъ на томъ языкѣ, на которомъ оно написано, становится предметомъ ихъ гордости, ихъ общею славою; иногда оно способно даже замѣнить недостатокъ политическаго единства, сплотить вокругъ себя людей единымъ си - нымъ чувствомъ. Гомеръ служилъ связующимъ звеномъ между всѣми г - ками; нѣмцы объединились прежде всего въ поклоненіи Гёте и Шилле ; столицею Италіи въ теченіе многихъ вѣковъ, за неимѣніемъ другой, с - жилъ культъ Данта и Аріоста.

Итакъ, одинъ изъ главныхъ факторовъ художественнаго творчес ,

самолюбіе, является общимъ для художника и для любителя. Другой факторъ, чисто-художественная потребность, достигаетъ въ художникѣ особенной силы по мѣрѣ ея удовлетворенія. Въ обыкновенномъ человѣкѣ эта потребность еще слабѣе. Итакъ, первый шагъ на пути художественнаго творчества принадлежитъ артисту. Публика, отыскавъ въ себѣ сочувствіе къ произведенію художника, одобряетъ его, вызывая его такимъ образомъ на новые плоды, которые, въ свою очередь, являются подтвержденіемъ вкуса публики. Это взаимодѣйствіе художника и публики весьма важно и способно поднять искусство на значительную высоту.

Поступательное движеніе искусства совершалось бы, однако, медленно, если бы къ этимъ основнымъ факторамъ его развитія не примѣшивались другія причины, способныя особенно поднять спросъ на художественныя произведенія и вызвать этимъ особенный подъемъ силъ въ художникѣ. Въ числѣ этихъ причинъ первое мѣсто занимаетъ національное самолюбіе или гордость. Исторія даетъ массу примѣровъ, въ которыхъ расцвѣтъ искусствъ совпадалъ съ разгаромъ борьбы между различными государствами или городами,—борьбы, возникавшей часто на почвѣ экономическихъ или политическихъ отношеній и охватывавшей затѣмъ другія области, какъ искусства.

По мѣрѣ оживленія спроса со стороны публики художники отвѣчаютъ большимъ или меньшимъ обиліемъ произведеній. Чѣмъ настоятельнѣе требованія публики, тѣмъ большее количество лицъ пытаютъ свои силы на художественномъ поприщѣ и тѣмъ вѣроятнѣе, что эта волна захватитъ и подниметъ высоко надъ толпою какого-нибудь человѣка, дѣйствительно, богато одареннаго. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе конкуррентовъ, тѣмъ интереснѣе работа и усилія каждаго отдѣльнаго художника. Такъ создаются эпохи расцвѣта въ искусствѣ, блещущія большою производительностью, нѣсколькими геніальными и множествомъ второстепенныхъ талантовъ.

Какъ бы ни былъ одаренъ человѣкъ, но ему надо еще много работать, чтобы создать въ области искусства нѣчто хорошее. Геніальныя произведенія долго обдумывались и выполнялись путемъ упорнаго труда, при помощи заранѣе сдѣланныхъ опытовъ и набросковъ и благодаря легкости и искусству, пріобрѣтеннымъ упорнымъ изученіемъ и навыкомъ. Наибольшее количество труда вкладывается часто въ произведеніе, въ которомъ всего меньше можно было его подозрѣвать, и наоборотъ.

Въ искусствѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности, человѣкъ ничего не дѣлаетъ даромъ. Вознагражденіемъ для художника могутъ служить деньги, хотя настоящимъ вознагражденіемъ его является слава. Количество труда, вкладываемое въ произведеніе художникомъ, находится въ зависимости отъ поощренія, которое оказываетъ ему публика; въ этомъ заключается главная роль послѣдней по отношенію къ художнику. Не будучи въ состояніи подарить его талантомъ, она сообщаетъ ему бо́льшую или меньшую настойчивость въ трудѣ, роль котораго въ искусствѣ весьма значительна.

Однако, та же самая публика, которая поощряетъ художника къ творчеству, которая поддерживаетъ его духовно и матеріально, которая своею требовательностью пріучаетъ его къ упорному труду и тщательности выполненія,—та же самая публика препятствуетъ до нѣкоторой степени развитію оригинальнаго таланта, стѣсняетъ его полетъ. Это объясняется тѣмъ, что у каждой публики есть свои вкусы, свои симпатіи и антипатіи.

Если публика велика, т.-е. если искусствомъ интересуются нѣсколько классовъ общества, то она не однородна и вслѣдствіе этого не согласна. Чѣмъ пестрѣе общественное мнѣніе, тѣмъ менѣе давленія можетъ оно оказать на писателя, не переставая, однако, возбуждать его къ творчеству Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ писатель относительно свободенъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда искусствомъ интересуется одинъ какой-нибудь классъ, то надо весьма тщательно изучить его составъ, характеръ, занятія, вкусы, образъ жизни и т. п., прежде чѣмъ установить его вліяніе на художника; это вліяніе, вслѣдствіе своей однородности, можетъ быть весьма значительнымъ.

Большая публика сочувствуетъ извѣстнымъ литературнымъ формамъ не въ силу какихъ-либо глубокихъ внутреннихъ убѣжденій, а больше въ силу привычки и, слѣдовательно, консервативна. Та сравнительно небольшая часть ея, которая состоитъ изъ писателей и профессіональныхъ критиковъ, болѣе компетентная въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, но несвободная отъ нѣкоторой доли пристрастія и зависти, старается превзойти всѣхъ своею требовательностью и проницательностью и дѣйствуетъ на автора стѣсняющимъ образомъ, такъ какъ онъ особенно боится ея мнѣнія.

Итакъ, писатель стремится къ свободному, даже случайному творчеству. Большая публика требуетъ только, чтобъ онъ творилъ, не оказывая почти на него своего давленія. Небольшой кружокъ избранной публики (писатели, свѣтскіе люди, критики) настойчиво требуетъ отъ него вкуса и весьма мало поощряетъ его къ творчеству.

Что касается самого писателя, то наиболѣе характерною чертой его Лакомбъ считаетъ его неспособность отдѣлять невидимыя душевныя движенія и состоянія человѣка отъ ихъ видимаго, внѣшняго проявленія. Результаты своихъ наблюденій надъ окружающими онъ выражаетъ не въ отвлеченныхъ положеніяхъ, какъ то сдѣлалъ бы ученый, а облекаетъ ихъ въ плоть и кровь, придаетъ имъ тотъ или другой живой образъ. Абстракція холодна, и только индивидуальныя черты способны вызывать въ человѣкѣ эмоцію. Слѣдовательно только при наличности этого свойства, которое Лакомбъ называетъ «литературнымъ воображеніемъ», для писателя возможно достиженіе его главной цѣли — возбужденія въ читателѣ желательной эмоціи.

Приступая къ созданію литературнаго произведенія, писатель прежде всего имѣетъ въ виду интересы эмоціи, т.-е. думаетъ о томъ чувствѣ, которое онъ хочетъ вызвать въ читателѣ. Съ этимъ, однако, не всѣ согласны Нѣкоторые писатели говорятъ, что прежде всего они обдумываютъ «идею»

своего произведенія. Перенося центръ тяжести на идею, на замыселъ произведенія, они впадаютъ въ весьма распространенное заблужденіе и начинаютъ считать себя проповѣдниками отвлеченныхъ идей.

Между тѣмъ идея, замыселъ художественнаго произведенія, по мнѣнію Лакомба, сырой матеріалъ, доступный весьма многимъ, и способный принять какую угодно форму. На одну и ту же мысль можно написать два совершенно различныхъ произведенія по вызываемому ими чувству, которое и есть въ сущности единственный и настоящій сюжетъ художественнаго произведенія.

Писатель—это существо, въ которомъ непрерывно происходитъ скрытое, но сильное броженіе, которое ищетъ себѣ выхода, стремится излиться, сообщиться окружающимъ. Чтобы принять извѣстную форму и развиться, это волненіе нуждается въ темѣ, въ идеѣ. Масса темъ проходитъ ежедневно передъ глазами писателя и въ исторіи, и въ окружающей жизни, но онъ на нихъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія до той минуты, пока вдругъ одна изъ нихъ не остановитъ его на себѣ: писатель почувствовалъ соотвѣтствіе, таинственную связь между этою темою и глухимъ броженіемъ, происходящимъ въ немъ; эмоціональная тенденція, волновавшая его, нашла, куда устремиться. Вотъ зародышъ будущаго произведенія. Это же тяготѣніе къ волненію извѣстнаго рода и извѣстнаго оттѣнка, повліявшее на выборъ сюжета, руководитъ авторомъ и въ дальнѣйшемъ при выполненіи произведенія. Она притягиваетъ къ себѣ всѣ обстоятельства, всѣ мелочи, всѣ страсти и характеры, которые однородны съ нею, и отталкиваетъ отъ себя все, что ей противно и чуждо.

Эта скрытая, полусознательная работа, происходящая въ писателѣ, въ итогѣ производитъ на читателя впечатлѣніе, тожественное съ впечатлѣніемъ автора, и настолько цѣльное, чтобы взволновать его съ желательною силой.

Писатель, обладая въ высокой степени искусствомъ выражаться (большимъ запасомъ словъ, легкими и разнообразными оборотами рѣчи) и употребляя это орудіе противъ читателя, съ цѣлью извѣстнаго воздѣйствія на него, не ускользаетъ отъ ея вліянія и самъ, т.-е. растрогивается, разгорячается по мѣрѣ того, какъ пишетъ. Эти ощущенія, которыя Лакомбъ называетъ самовнушеніемъ, возвратнымъ дѣйствіемъ символа, подкрѣпляютъ и усиливаютъ въ немъ первоначальную эмоцію, давшую толчокъ къ работѣ. Отыскиваніе въ предметахъ чертъ, способныхъ вызвать волненіе въ читателѣ, радость и довольство собою при находкѣ подходящихъ выраженій и образовъ, перспектива успѣха,— все это заставляетъ писателя необычайно сильно сознавать себя въ минуты творчества. Воспоминаніе объ этихъ минутахъ внушаетъ ему мысль о томъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ необыкновенно сильнаго чувства. Поэты называютъ это состояніе божественнымъ и ничего не говорящимъ терминомъ «вдохновенія». Вдохновеніе сходитъ на писателя только во время и въ силу самой работы.

Въ чемъ же коренится могущество писателя, заставляющаго людей плакать и смѣяться по своему произволу? Обладаетъ ли онъ большею сравни-

тельно съ обыкновенными смертными чувствительностью, способностью болѣе сильно ощущать переживаемое? Нѣтъ.

Поэтъ чувствуетъ не болѣе сильно, чѣмъ остальные смертные. Главная его заслуга въ томъ, что онъ умѣетъ ярко передавать и запечатлѣвать въ памяти другого то, что простыми смертными сознается смутно, и не будучи повѣдано другимъ, умираетъ въ нихъ. Преимущество писателя не въ силѣ переживаемаго. Многіе люди, совершенно не умѣющіе разсказывать о своихъ страданіяхъ, а тѣмъ менѣе изливать ихъ въ стихахъ, очень хорошо умѣютъ умирать отъ нихъ.

Больше того: когда поэта постигаетъ какое-нибудь несчастье, то онъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени сохраняетъ сначала молчаніе. Въ этомъ онъ сходенъ съ остальными смертными. Только когда время нѣсколько залѣчитъ его раны, уста его раскрываются. Значитъ принципомъ творчества является далеко не интенсивность переживаемыхъ чувствъ, а, наоборотъ, болѣе или менѣе спокойное состояніе духа, такъ какъ поэтъ работаетъ надъ эмоціями уже стихшими.

Взамѣнъ этого чувствительность поэта обладаетъ необыкновенною ясностью. Несмотря на переживаемыя имъ страданія или радости, онъ не перестаетъ все время ясно читать въ своей душѣ. Онъ твердо помнитъ всѣ душевныя состоянія, черезъ которыя онъ проходилъ. Отчасти это зависитъ отъ словесной памяти, которою поэтъ обладаетъ въ высшей степени. Каждое ощущеніе тотчасъ же воплощается у него въ слова, между тѣмъ какъ у обыкновеннаго человѣка ощущенія безформенны, безтѣлесны,—онъ только чувствуетъ радость или горе. Писатель и чувствуетъ и продумываетъ ихъ одновременно.

Чѣмъ сильнѣе будутъ впечатлѣнія, переживаемыя писателемъ, тѣмъ, конечно, произведеніе будетъ болѣе захватывающимъ. Но нельзя забывать того, что если писатель не вложитъ массу упорнаго труда въ обдумываньe, разборъ и воплощеніе ихъ во внѣшніе знаки, то все переживаемое имъ будетъ безполезно: переживать умѣетъ всякій смертный.

Чувствительность поэта обладаетъ еще однимъ особеннымъ свойствомъ. Обыкновенный человѣкъ, испытавшій долгое или сильное чувство, приходитъ въ состояніе апатіи, въ которомъ ему трудно бываетъ понять свои прошлыя ощущенія. Писатель много времени спустя послѣ испытаннаго ощущенія можетъ вызвать въ себѣ кое-что изъ этой силы, которую оно имѣло. Такъ что наклонность изливать передъ людьми то, что онъ чувствуетъ, привычка наблюдать за собою и трудъ созданія своего особеннаго языка, заставляя писателя утрачивать въ силѣ ощущеній, даютъ ему возможность выигрывать въ ихъ продолжительности, благодаря частымъ возвратамъ къ нимъ.

Разбирая созданіе художникомъ характеровъ, страстей и эмоцій, Лакомб находитъ, что литературный характеръ несравненно проще реальнаго. Трехъ четырехъ чертъ достаточно, чтобы дать читателю впечатлѣніе лица хорошо охарактеризованнаго. Слишкомъ детально разработанный характеръ пер

стаетъ быть живымъ и превращается въ сухой документъ. Создаются характеры путемъ самонаблюденія и наблюденія надъ окружающими. Художникъ изображаетъ самого себя, но не такимъ, каковъ онъ есть, а какимъ онъ желалъ бы быть, и вслѣдствіе относительной простоты литературнаго характера писатель можетъ создать ихъ такимъ образомъ множество. Въ этомъ случаѣ онъ является въ сущности лирикомъ, прибавляющимъ къ самонаблюденію небольшую дозу творчества.

Лучшимъ, но, къ сожалѣнію, рѣдкимъ путемъ для созданія характеровъ Лакомбъ считаетъ тщательное наблюденіе писателемъ окружающихъ. Чаще, однако, характеры создаются на основаніи прочитаннаго или услышаннаго; писатели, занимающіеся комбинаціей прочитаннаго, въ сущности мнимые художники, которые не должны бы имѣть мѣста въ искусствѣ. Между тѣмъ, владѣя слогомъ, они часто пользуются даже успѣхомъ.

Обладая огромнымъ запасомъ наблюденій, авторъ отбираетъ среди нихъ сходныя черты и создаетъ изъ нихъ характеръ. Имѣя, наприм., общее понятіе о лицемѣріи, скупости, ревности, онъ долженъ выдумать самое трудное и главное—особый и правдоподобный способъ проявленія этихъ свойствъ.

Изображеніе необычайно бурныхъ страстей и эмоцій, которыя автору не приходилось переживать самому, достигается при помощи воображенія. Испытывать эти чувства въ слабой степени приходится каждому человѣку, а воображеніе помогаетъ автору усиливать ихъ степень до желательныхъ размѣровъ. Такъ создавалъ свои характеры Шекспиръ, которому, какъ извѣстно, никогда не случалось задушить свою жену, подобно Отелло, или испытать состояніе Макбета, узнающаго объ убійствѣ своихъ дѣтей, но которому, какъ и всякому человѣку, были знакомы и ревность, и горечь потери любимаго существа. Воображеніе даетъ возможность писателю усилить эти простыя чувства, онъ ставитъ себя въ положеніе даннаго лица, долго обдумываетъ мельчайшія детали окружающей его обстановки и начинаетъ писать. Тутъ является рефлекторное дѣйствіе слова на его внутреннее состояніе, которое возноситъ автора на слѣдующую ступень вдохновенія. Въ эти минуты авторъ всецѣло забываетъ себя.

Кромѣ характеровъ и отдѣльныхъ страстей и эмоцій въ каждомъ литературномъ произведеніи необходима еще *интрига,* пріятно волнующая читателя, возбуждающая его мысль, воображеніе и чувствительность и приковывающая къ себѣ его вниманіе.

Заканчивая характеристику писателя, Лакомбъ останавливается еще на весьма распространенномъ въ публикѣ мнѣніи о томъ, что литературный талантъ является въ человѣкѣ показателемъ исключительной души и рѣдкаго характера. Это заблужденіе объясняется прежде всего тѣмъ, что читатель видитъ писателя только въ лучшія его минуты и съ лучшей его стороны и предполагаетъ у этихъ свойствъ продолжительность. Во-вторыхъ, подмѣчать въ писателѣ дурныя его стороны мѣшаетъ читателю то чувство благодарности и восторга, которое онъ къ нему испытываетъ.

Всякое литературное произведеніе, волнующее средняго читателя, до-

казываетъ, что авторъ его обладаетъ талантомъ; слѣдовательно, литературный талантъ, это—даръ или умѣнье трогать. Читатель-любитель различаетъ въ писателѣ еще искусство композиціи, особыя качества языка. Ясно, что искусство замысла зависитъ отъ чисто-умственныхъ качествъ писателя. Что же касается его языка, то предстоитъ еще рѣшить, насколько онъ является продуктомъ его характера. Относительно умѣнья волновать людей несомнѣнно, что человѣкъ, возбуждающій въ другомъ чувствительность, долженъ самъ обладать ею въ исключительной степени.

Но чувствительность бываетъ разная. Какъ мы уже видѣли, чувствительность поэта, обладая нѣкоторыми особыми свойствами, не превосходитъ чувствительности обыкновеннаго человѣка. Сверхъ того, у однихъ писателей она носитъ эгоистическій оттѣнокъ, направлена на ихъ особу. У другихъ она носитъ болѣе альтруистическій характеръ, являясь способностью растрогиваться тѣмъ, что происходитъ съ другими. Несмотря на то, что эта вторая форма чувствительности присуща всѣмъ писателямъ на ряду съ первою, и даже является какъ бы однимъ изъ необходимѣйшихъ условій таланта, вліяніе ея, однако, на поведеніе и характеръ ея обладателя, равно какъ и связь ея съ истыми добродѣтелями,—добротой и справедливостью,—весьма незначительны.

Казалось бы, что человѣкъ, живо представляющій себѣ радости и горести другихъ людей, имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы быть честнымъ и склоннымъ къ добру и справедливости.

На самомъ же дѣлѣ часто неблагопріятныя условія уничтожаютъ въ немъ эту счастливую склонность. Если, напримѣръ, человѣкъ одаренъ отъ природы слишкомъ сильными страстями или большими потребностями, если судьба поставила его въ условія слишкомъ ожесточенной борьбы съ окружающимъ, то изъ чувствительности его ничего не выйдетъ, кромѣ угрызеній совѣсти, раскаянія, мечты о нравственности, которой онъ никогда не достигнетъ, и поступки его могутъ идти совершенно въ разрѣзъ съ этой мечтой (Руссо).

Словомъ, настоящая доброта существуетъ въ дѣйствіи; справедливость также безусловно дѣятельна. Между тѣмъ чувствительность даже въ своей высшей формѣ есть не болѣе, какъ стремленіе къ добру. Надежда на будущее, сожалѣніе или раскаяніе въ прошедшемъ, она только мечта, далекая отъ дѣйствительности.

Если эта мечта искренна и сопровождается волненіемъ, которое сообщается другимъ, то для литературы этого достаточно. Художественная цѣль достигнута, и отъ автора, въ качествѣ автора, большаго нельзя и требовать. Что же касается его какъ человѣка, то мечта, желаніе или сожалѣн не можетъ, разумѣется, замѣнить дѣйствительной добродѣтели и не обезпе чиваетъ ея присутствія.

Весьма видную роль въ тонѣ писателя играетъ его самолюбіе. Самолюбіе можетъ проявляться двояко: или въ формѣ гордости, или въ фор тщеславія. Если въ писателѣ преобладаетъ гордость, т.-е. уваженіе к

своей личности, то его тонъ рѣзокъ, догматиченъ, вызывающъ. Когда же авторъ сопровождаетъ свою рѣчь оговорками, объясненіями, смягченіями, когда онъ не говоритъ, а скорѣе предлагаетъ, то это обличаетъ въ немъ тщеславнаго, ищущаго прежде всего уваженія другихъ.

Гордый писатель является чаще всего лирикомъ (В. Гюго). Когда гордецъ сознаетъ, что у него недостаетъ какого-нибудь качества, то онъ его презираетъ (Руссо и его отношеніе къ наукѣ). Тщеславный писатель въ такихъ случаяхъ охотнѣе молчитъ.

Гордецъ часто ищетъ одиночества, оскорбленный своимъ несогласіемъ съ людьми, и часто подпадаетъ вліянію природы. Онъ живо чувствуетъ ее и талантливо воспроизводитъ, что̀ ведетъ его прямымъ путемъ къ созданію прекраснаго. Тщеславный писатель имѣетъ свои достоинства, изъ которыхъ главное—умъ.

Всякій писатель, какъ и всякій человѣкъ, склоняется болѣе или къ пессимизму, т.-е. къ боязни, презрѣнію, антипатіи, или къ оптимизму, т.-е. къ надеждѣ, уваженію, чувству симпатіи.

Питая симпатію къ одной соціальной категоріи, писатель ощущаетъ антипатію къ противоположнымъ категоріямъ, и обратно—всякая антипатія предполагаетъ симпатію.

Важно то, что одинъ авторъ выражаетъ исключительно свои симпатіи: облечь съ одинаковымъ успѣхомъ въ литературную форму свои антипатіи ему не удается (Ламартинъ и др.). Другой, наоборотъ, выражаетъ свои антипатіи, заставляя угадывать свои симпатіи (Мольеръ, сатирики, юмористы).

Симпатія измѣняетъ свой видъ, расширяется или суживается подъ вліяніемъ природныхъ свойствъ писателя и соціальныхъ условій, его окружающихъ. Интересъ писателя или ограничивается однимъ классомъ (писатель-аристократъ), или распространяется на нѣсколько классовъ, если не на всѣ (писатель-демократъ). Не слѣдуетъ думать только, чтобы писатель обладалъ въ то же время и политическими убѣжденіями, обозначаемыми этими именами. В. Гюго, будучи легитимистомъ въ политикѣ, носилъ уже въ себѣ зачатки того литературнаго демократа, которымъ онъ сдѣлался позже.

Чѣмъ интенсивнѣе чувство симпатіи, тѣмъ оно обыкновенно у̀же. Руссо, Диккенсъ—исключенія. Если симпатія охватываетъ широкій кругъ, то она слаба. Бальзакъ, Гёте лишены жара; симпатія ихъ граничитъ съ любознательностью и разсудочностью ученаго.

Между симпатіями автора въ обыкновенномъ смыслѣ слова и его литературными симпатіями существуетъ значительная разница. Разъ что авторъ рѣшается выразить какія-нибудь чувства, то они превращаются для него въ родъ испытанія, пробнаго камня, на которомъ онъ или обнаружитъ свой талантъ, или потерпитъ неудачу. Небольшой личный опытъ можетъ натолкнуть писателя на изображеніе бурной страсти или зла (которымъ онъ отнюдь не симпатизируетъ въ жизни); если онъ ихъ хорошо пойметъ и хорошо изобразитъ, какъ на свой взглядъ, такъ и на взглядъ публики, то онъ начинаетъ испытывать къ нимъ нѣчто вродѣ благодарности и даже

симпатіи. Этимъ объясняются рецидивы въ искусствѣ. Расинъ, столько разъ и съ такимъ совершенствомъ изображавшій въ своихъ произведеніяхъ чувство ревности, симпатизировалъ ему, разумѣется, только въ искусствѣ, но отнюдь не въ жизни.

III.

Переходя къ оцѣнкѣ и сравненію между собою литературныхъ эпохъ и явленій, Лакомбъ полагаетъ, что прогрессъ въ видѣ накопленія матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ, существующій во всякомъ правильно-организованномъ и мирномъ обществѣ, не можетъ остаться чуждымъ и литературѣ.

Получая вслѣдствіе прогресса цивилизаціи болѣе богатый и разнообразный объектъ для воспроизведенія, художникъ въ то же время, благодаря росту и накопленію наукъ, изучающихъ человѣка, долженъ все яснѣе и яснѣе различать человѣческую душу.

Каждое произведеніе можетъ имѣть множество достоинствъ, равно какъ и множество недостатковъ. Чтобы сравнивать литературныя произведенія между собою, прежде всего надо условиться, какое достоинство слѣдуетъ считать въ нихъ наиболѣе существеннымъ. Принявъ его за родъ общей мѣрки, можно съ его помощью приступить къ сравненіямъ.

Въ каждомъ литературномъ произведеніи Лакомбъ различаетъ два элемента: эмоціональный и психологическій. Эмоцію, вызываемую литературнымъ произведеніемъ, за мѣрку взять нельзя, такъ какъ она слишкомъ субъективна, слишкомъ неопредѣленна и случайна, между тѣмъ какъ психологическая правда, заключающаяся въ произведеніи, вполнѣ независима и объективна и существуетъ въ данномъ произведеніи въ опредѣленномъ неизмѣнномъ количествѣ. Слѣдовательно, единственнымъ, хотя и не вполнѣ совершеннымъ мѣриломъ при сравненіи литературныхъ произведеній надо признать заключающуюся въ нихъ психологическую правду. Если обратиться къ историкамъ литературы и критикамъ, то можно убѣдиться въ томъ, что правдоподобіе вымышленнаго лица—единственный критерій, на которомъ основаны, хотя часто и безсознательно, всѣ ихъ оцѣнки и сужденія.

Пользуясь этимъ критеріемъ при сравненіи писателей, можно смотрѣть какъ на второстепенныя вещи на внѣшнюю форму произведеній, на соціальныя условія, обстановку и внѣшность ихъ героевъ и т. п.; мы ищемъ внутренняго человѣка. Сравнивая такимъ образомъ Бальзака и Гомера, мы затруднимся, кому отдать изъ нихъ преимущество, такъ какъ, несмотря на все внѣшнее несходство ихъ происхожденій, герои ихъ одинаково правдивы для своихъ эпохъ.

Признавъ, что въ литературѣ существуетъ прогрессъ въ видѣ накопленія психическаго богатства, Лакомбъ находитъ, что это психическое богатство персонажей, эмоцій, чувствъ и страстей,—словомъ, творчество, есть

главное положительное качество литературы. Отсутствіе недостатковъ (невоздержанности, непристойности, изысканности, манерности, аффектаціи),—словомъ, хорошій вкусъ; вотъ ея другое качество (отрицательное). Творчество и вкусъ—главныя условія всякой литературы.

Если въ первомъ изъ нихъ, въ творчествѣ, можно наблюдать движеніе впередъ, то относительно втораго (вкуса) ясно, что господство его не непрерывно. Причина тѣхъ періодовъ анархіи, которыми оно прерывается, кроется въ глубинѣ человѣческой души. Существуетъ общій, одинаково вѣрный какъ для ума, такъ и для чувства, психологическій законъ, который заключается въ томъ, что разъ испытанное чувство при повтореніяхъ ощущается слабѣе и въ концѣ концовъ перестаетъ ощущаться вовсе.

Какая-нибудь эпоха, овладѣвъ качествами, обусловливающими хорошій вкусъ (умѣренность, благоразуміе, скромность, уваженіе себя и читателя), по истеченіи нѣкотораго времени пресыщается ими. Тогда какая-нибудь нескромность, вещь съ точки зрѣнія эстетики низкая, можетъ понравиться, вслѣдствіе того, что способна оживить эмоцію. Этотъ упадокъ—временный и не имѣетъ значенія въ общемъ итогѣ, такъ какъ законъ приведшій къ нему не перестаетъ существовать и дѣйствовать на умы. Недостатки, смѣнившіе собою пріѣвшіяся качества, пріѣдаются въ свою очередь; дурной вкусъ смѣняется снова хорошимъ, и законъ, заставившій насъ пасть, выноситъ насъ снова наверхъ.

Итакъ, литературная эволюція чрезвычайно сложна и трудно уловима. Въ качествѣ наиболѣе существенныхъ чертъ ея можно отмѣтить, во-первыхъ, тенденцію къ накопленію психологическаго богатства, а во-вторыхъ, почти необходимыя въ ней временныя паденія, искупающіяся приблизительно такими же подъемами.

При сравненіи между собою литературныхъ эпохъ, нельзя ограничиваться сравненіемъ ихъ представителей; нельзя также, на основаніи упадка того или другаго литературнаго рода, выводить заключеніе объ упадкѣ всей эпохи. Что изъ того, что въ XVIII в. трагедія бѣднѣе, чѣмъ въ XVII в., если, съ другой стороны, романъ его несравненно богаче? Только подведя итогъ каждой эпохѣ въ отдѣльности и затѣмъ сравнивъ эти итоги между собою, можно сдѣлать выводъ.

Про цѣлыя эпохи можно сказать то же, что и про отдѣльныя личности. Чѣмъ болѣе человѣкъ разбрасывается, тѣмъ хуже отзывается это на его трудахъ. Бываютъ эпохи, когда при общемъ прогрессѣ замѣчается частный упадокъ, а именно въ литературѣ.

Допуская существованіе причинъ, тормозящихъ движеніе впередъ литературы и благопріятствующихъ въ то же время общему прогрессу, Лакомбъ находитъ однако, что всего чаще литературный прогрессъ, несмотря на всю свою реальность, остается не отмѣченнымъ, благодаря массѣ предразсудковъ и условностей, скрывающихъ его отъ критиковъ.

Многіе, напримѣръ, ставятъ XVII в. выше XVIII в. по качеству его литературной производительности. Объясняется же это заблужденіе тѣмъ,

что XVII в. былъ по преимуществу вѣкомъ изящной словесности, между тѣмъ какъ чисто-литературной репутаціи XVIII в. сильно вредитъ его плодовитость и громкая извѣстность на поприщѣ политическихъ и философскихъ трудовъ.

Нѣкоторыя ставятъ еще изображеніе сильныхъ душевныхъ движеній и страстей, способныхъ привести къ трагической развязкѣ, выше изображенія скромныхъ, незамѣтныхъ человѣческихъ чувствъ, забывая, что вся суть въ единственномъ мѣрилѣ между ними — въ богатствѣ психологическихъ чертъ, въ полнотѣ и цѣльности изображаемаго.

Отрѣшившись отъ суевѣрнаго преклоненія передъ трагическимъ, XVIII в. сумѣлъ открыть въ обыкновенныхъ людяхъ, живущихъ будничною жизнью, страсти, чувства и характеры, достойные серьезнаго художественнаго воспроизведенія (Бомарше, Руссо). Главная заслуга XVIII в. не въ театрѣ, а въ романѣ, который, давая автору болѣе простора, лучше подходитъ къ энциклопедической культурѣ этого вѣка. Дѣйствующія лица здѣсь болѣе тонки, болѣе детальны, болѣе индивидуальны, а поэтому и болѣе жизненны, т.-е. въ смыслѣ психологическаго богатства XVIII в. превосходитъ XVII в.

Если признать даже, что отдѣльные писатели XVII в., какъ Мольеръ и Расинъ, имѣли болѣе таланта, чѣмъ отдѣльные писатели XVIII в., вродѣ Мариво и Прево, противъ чего трудно спорить, то это будетъ касаться лишь сравнительной величины талантовъ и, являясь чисто-личнымъ вопросомъ, имѣетъ мало значенія для исторіи литературы. Для историка литературы важно только знать,—въ этомъ весь вопросъ,—прибавлено ли что-нибудь данной эпохой къ наслѣдію, полученному ею отъ предшествующихъ эпохъ подъ какимъ бы то ни было видомъ и какимъ бы то ни было путемъ.

Наличность прогресса въ томъ же единственно-возможномъ для литературы видѣ Лакомбъ усматриваетъ и въ XIX в. при сравненіи его съ XVIII и XVII вв. Делавинь, Пикаръ, Скрибъ, Дюма - отецъ, Понсаръ, Дюма - сынъ, Сарду, Пальеронъ, Додэ, Лабишъ, Гондинэ, Мельякъ и друг. представляютъ богатѣйшій въ психологическомъ отношеніи театръ, открывшій сравнительно съ XVII и XVIII вв. множество новыхъ сторонъ и чертъ въ такихъ чувствахъ, которыя считались уже хорошо извѣстными, множество новыхъ состояній сердца и ума. Что касается романа, то Бальзакъ, Стендаль, Сю, Дюма, Мериме, Флоберъ, Додэ, Золя, Мопассанъ, Бурже и многіе другіе составляютъ такое цѣлое, которое трудно даже сравнивать съ тѣмъ, чѣмъ обладали XVII и XVIII вв. Лирическая поэзія, почти не существовавшая въ теченіе двухъ предыдущихъ столѣтій, достигла также небывалаго расцвѣта въ лицѣ Гюго, Ламартина, Виньи, Мюссе, Барбье, Леконта-де-Лиля, Эредіа, Сюлли-Прюдома, Коппэ, Беранже, Моро, Лапрад и Ришпена. Она открыла всѣ виды эмоцій, которыя можетъ вызвать в человѣкѣ внѣшняя природа, и внушила интересъ и симпатію къ скромном положенію, скромнымъ радостямъ и горестямъ низшихъ классовъ.

Въ числѣ крупнѣйшихъ недостатковъ, тормозящихъ прогрессъ литературы, Лакомбъ указываетъ на *пристрастіе къ сверхъестественному*, и

которое входятъ мистическій, героическій и чудесный элементы. Второй недостатокъ—*догматизмъ*, являющійся въ началѣ противовѣсомъ первому, но превращающійся въ бичъ въ свою очередь, когда онъ достигаетъ большихъ размѣровъ. Къ нему надо отнести всю такъ называемую дидактическую поэзію.

Особенно опасною формой догматизма Лакомбъ считаетъ морализированіе, убивающее въ литературномъ произведеніи всякую жизнь, всякое непосредственное чувство. Далѣе Лакомбъ указываетъ на *подражаніе*, которое является у писателя въ результатѣ сильнаго и живого чувства восторга передъ кѣмъ-нибудь изъ его славныхъ предшественниковъ. Этимъ недостаткомъ отмѣчены всѣ первыя произведенія молодыхъ писателей. Сильный и оригинальный талантъ вскорѣ освобождается отъ этого недостатка, но слабымъ умамъ эта опасность можетъ угрожать на всю жизнь, тѣмъ болѣе, что этотъ путь является наиболѣе легкимъ и обусловливается, во-первыхъ, осторожностью, а во-вторыхъ, тѣмъ, что публика и критика, преклоняющіяся передъ авторитетомъ прошлаго, требуютъ, чтобы молодой писатель уважалъ традиціи и соблюдалъ правила и завѣты старыхъ мастеровъ.

Всѣ литературныя произведенія раздѣляются Лакомбомъ на двѣ группы: лирическую поэзію, въ которой писатель раскрываетъ себя, свое личное «я», и драматическую поэзію, въ которой, наоборотъ, авторъ заставляетъ своихъ героевъ говорить, чувствовать и дѣйствовать каждаго за себя. На рубежѣ этихъ двухъ группъ стоитъ смѣшанный родъ эпическій, въ которомъ авторъ то предоставляетъ поле дѣйствія вымышленнымъ лицамъ, то выступаетъ на сцену самъ, объясняя, оправдывая или осуждая ихъ, и который все-таки ближе примыкаетъ къ драматической поэзіи.

Степень и качество волненія, вызываемаго въ читателѣ литературнымъ произведеніемъ, устанавливаютъ извѣстнаго рода іерархію между различными отраслями литературы.

Волненіе, вызываемое въ читателѣ драматургомъ и романистомъ, гораздо сильнѣе, прочнѣе и разнообразнѣе волненія, возбуждаемаго въ немъ лирикомъ. Это объясняется тѣмъ, что жизнь, изображаемая первыми, гораздо богаче и разнообразнѣе сама по себѣ, чѣмъ лирическое раскрытіе одного лица.

Съ точки зрѣнія техники роль лирика, разсказывающаго о томъ, что онъ чувствуетъ, несравненно легче роли того, кто улавливаетъ чужіе характеры съ такимъ совершенствомъ, что они кажутся намъ живыми. Слѣдовательно, объективный писатель-романистъ и драматургъ—выше лирика.

Въ ряду различныхъ литературныхъ произведеній Лакомбъ отводитъ первое мѣсто изображенію характера, такъ какъ характеръ охватываетъ все остальное. За нимъ слѣдуютъ изображенія отдѣльныхъ страстей, чувствъ, нравовъ. Послѣднее мѣсто онъ отводитъ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ главную роль играетъ интрига, т.-е. рядъ запутанныхъ событій.

Настоящимъ вмѣстилищемъ характеровъ является *романъ*. *Трагедія* представляетъ лучшую форму для изображенія страсти и преимущественно

страсти, достигшей апогея. *Драма*, въ сравненіи съ трагедіей, даетъ нѣсколько болѣе простора изображенію среды и характеровъ.

Ни романъ (за исключеніемъ описательныхъ эпизодовъ), ни драма не нуждаются въ художественномъ языкѣ. Поэтому для людей, ставящихъ выше всего въ литературѣ хорошій слогъ, романъ и драма будутъ ниже *лирики*. Эти люди вводятъ иногда въ заблужденіе и драматурговъ, заставляя ихъ пренебрегать главнымъ условіемъ драматическихъ произведеній—характернымъ языкомъ.

Комедію принято считать ниже драмы и лирики. Публика не прощаетъ автору безчувственности, которую заставляетъ предполагать въ немъ веселый тонъ, несмотря на то, что эта безчувственность чисто-внѣшняя, необходимая для данной минуты, и не имѣетъ ничего общаго съ постояннымъ характеромъ. Съ точки же зрѣнія искусства художникъ, придерживающійся веселаго или насмѣшливаго тона, не менѣе глубокъ и сложенъ, чѣмъ трагическій писатель. Выставляя смѣшныя черты, онъ заставляетъ угадывать и настоящую сторону вещей.

Переходя затѣмъ къ лирикѣ, Лакомбъ находитъ, что всѣ качества стиха, всѣ его стилистическія красоты, происходятъ и являются необходимымъ дополненіемъ одного основного его свойства: его музыкальности, достигаемой двумя средствами: размѣромъ и риѳмой. Картинность и музыка стиха возвышаютъ все, что бы въ немъ ни выражалось. Риѳма и размѣръ запечатлѣваютъ въ памяти заключенную въ немъ идею. Музыка поэтическаго языка дѣлаетъ еще то, что онъ кажется постоянно взволнованнымъ, что въ немъ всегда слышатся взволнованные звуки, а это весьма важно въ литературѣ, конечная цѣль которой—эмоція.

Настоящее мѣсто стиха—это лирика. Для театра и романа стихъ мало пригоденъ, такъ какъ стѣсняетъ свободу выраженій, необходимую для этого рода произведеній. Эпическія поэмы въ стихахъ въ наше время также рѣдки: стихи въ большомъ количествѣ утомляютъ читателя. Лирическія произведенія въ своемъ успѣхѣ обязаны во многомъ формѣ, которая часто мѣняется, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что они менѣе долговѣчны, чѣмъ проза, и что забвеніе касается часто даже величайшихъ поэтовъ.

Итакъ, по мнѣнію Лакомба, высшая форма литературнаго искусства—созданіе характеровъ, индивидуализація. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы живописаніе страстей и чувствъ было оставлено. Все должно существовать, не исключая и романовъ съ интригой. Разнообразіе есть богатство; для разнообразія должны существовать и низшіе виды литературныхъ произведеній: все не можетъ быть одинаково.

Переходя, наконецъ, къ той роли, которую литература играетъ в жизни человѣка, Лакомбъ находитъ, что, не имѣя въ виду исправлен нравственности читателей, настоящая литература, тѣмъ не менѣе, глубоко нравственна. Для достиженія такого результата она должна быть всегд только правдивою.

Авторъ, сознательно или безсознательно, ежеминутно ставитъ перед

читателемъ нравственныя задачи, которыя послѣдній рѣшаетъ, одобряя или порицая извѣстныя дѣйствія, проникаясь симпатіей или антипатіей къ выведеннымъ лицамъ.

Очевидно, что реальная жизнь также даетъ матеріалъ для сужденія съ нравственной точки зрѣнія, для возбужденія симпатій или антипатій. Но воображаемая жизнь имѣетъ надъ нею преимущество безконечнаго разнообразія и полноты. Каждый человѣкъ видитъ обыкновенно вокругъ себя лишь узкую сферу жизни, не расширяющую его горизонта. Когда онъ читаетъ, другое человѣчество встаетъ передъ его глазами,—страсти, интересы, положенія, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ.

Множество характеровъ и положеній проходитъ въ жизни передъ глазами человѣка, но часто какъ разъ въ тѣ минуты, когда онъ поглощенъ своими интересами, привязанностями,—плохое условіе, чтобы судить вѣрно, а особенно—чтобы симпатизировать. Литературное чтеніе застаетъ его въ минуты нравственнаго безкорыстія и свободы, или, лучше сказать, оно обезпечиваетъ ихъ ему. Отрѣшаясь отъ своихъ личныхъ цѣлей и почти отъ своего характера, человѣкъ можетъ любить то, что ему нравственно чуждо, что противорѣчитъ ему и даже осуждаетъ его. Будучи эгоистомъ, онъ восхищается самопожертвованіемъ, скупецъ очаровывается мотомъ.

На это косвенное вліяніе литературы на нравственность до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія. Но какъ только у литературы появляется желаніе морализировать, то она перестаетъ быть литературою и обращается въ прикладное искусство. Къ художнику часто предъявляютъ требованіе, заключающееся въ томъ, чтобы порокъ въ концѣ концовъ былъ всегда наказанъ. Лакомбъ находитъ этотъ пріемъ весьма рискованнымъ. Надо бояться, говоритъ онъ, человѣческой склонности сочувствовать чужому несчастію (особенно въ литературѣ). Достаточно самаго небольшого несоотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ, чтобы смягчить или даже совсѣмъ изгладить изъ ума читателя впечатлѣніе проступка. Стоны Федры заставляютъ забыть о ея преступности. Не безъинтересенъ тотъ фактъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда произведеніе такъ живо изображаетъ порокъ, что вызываетъ глубокое отвращеніе къ нему, хотя и оставляетъ его ненаказаннымъ (т.-е. повидимому достигаетъ цѣли), читатель все-таки зачастую негодуетъ на автора и заявляетъ, что сочиненіе безнравственно и опасно. Онъ воображаетъ, что то, что его возмутило, можетъ соблазнить его сосѣда!

Разсматривая вліяніе литературы на умъ человѣка и сравнивая его съ вліяніемъ науки, Лакомбъ находитъ, что собственно литература, театръ, романъ, поэзія, давая массу самыхъ разнообразныхъ типовъ, оттѣнковъ чувствъ, игру страстей, т.-е. рядъ индивидуальныхъ чертъ, и возстановляя передъ глазами читателя, такимъ образомъ, какъ бы вторую дѣйствительность, изощряетъ одну изъ основныхъ способностей человѣческаго духа, а именно способность распознаванія, дѣлая человѣка болѣе чуткимъ и проницательнымъ по отношенію къ эмоціональной сторонѣ людей, ко всѣмъ ихъ чувствамъ, страстямъ и эмоціямъ.

Единственный авторитетный органъ истины есть наука, литература—проводникъ чувствъ. Литература можетъ оказать огромныя услуги правому дѣлу, можетъ живо распространить по свѣту истинную идею; но въ истинѣ идеи и въ правотѣ дѣла надо убѣдиться помимо литературы, такъ какъ у нея нѣтъ другого способа доказательства, какъ тронуть, что, увы, дѣлалось часто и въ пользу ложныхъ идей и неправыхъ дѣлъ.

Труднѣе всего убѣдить въ этомъ самихъ литераторовъ. Самолюбіе заставляетъ ихъ считать себя во что бы то ни стало проповѣдниками идей. Между тѣмъ, отъ художника нельзя и требовать спекулятивныхъ идей; въ его функцію не входитъ имѣть ихъ, и было бы удивительно, еслибъ онъ ихъ имѣлъ. Тѣми дарами, которыми онъ обладаетъ, опредѣлено, что ихъ у него не будетъ. Это необходимая расплата за гигантское развитіе въ немъ другихъ духовныхъ сторонъ.

Резюмируя сказанное, литература вноситъ ясность въ чувство человѣка по отношенію къ своей собственной жизни, заставляетъ насъ входить въ жизнь и душу другихъ людей, открываетъ намъ людей сходныхъ съ нами, нравственный унисонъ человѣчества. Не слѣдуетъ забывать также и того великаго благодѣянія, о которомъ часто забывали: литература развиваетъ въ насъ чувство природы.

Чистое и прикладное искусства, наука, религія—все это орудія въ рукахъ человѣка для достиженія всеобщей цѣли—счастья. Но каждое изъ нихъ обладаетъ спеціальной, лишь ему одному свойственной силой, и нельзя требовать отъ одного того, что въ состояніи дать только другое.

Многіе умы склонны ошибаться относительно истиннаго назначенія литературы, подобно тому какъ другіе ошибаются во всемогуществѣ религіи. Литература не можетъ дать «міросозерцанія»; причина ясна,—у нея нѣтъ необходимаго метода для достиженія общихъ истинъ, синтетическихъ взглядовъ. Настоящій литераторъ, конечно, какъ и ученый, руководится наблюденіемъ и опытомъ; но они ведутъ его къ частной, а не къ абсолютной истинѣ.

Литература не создана и для того, чтобы снабжать насъ правилами для нашего поведенія въ жизни. Ни въ практикѣ, ни въ теоріи литература не изобрѣла ничего новаго.

Большою ошибкой было преувеличивать роль литературы, на нее не разъ возлагались такія надежды, которыя неминуемо должны быть обмануты. Въ нашемъ стремленіи къ тріединой цѣли: быть правдивымъ, справедливымъ и любящимъ, мы подвигались бы гораздо быстрѣе, еслибъ яснѣе различали дѣйствительную связь между цѣлью и средствами.

Необходимо знать, что литература сама по себѣ не дѣлаетъ насъ ни правдивыми, ни справедливыми,—она дѣлаетъ насъ только болѣе чуткими и, слѣдовательно, болѣе любящими.

Если не ошибаюсь,—заключаетъ Лакомбъ,—то и эта роль достаточно прекрасна.

А. Ч.

Парламентаризмъ въ Японіи *).

1898-й годъ будетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи внутренней политики Японіи. Ни важныя событія на крайнемъ Востокѣ, ни чувствительные результаты сильнаго экономическаго кризиса, разстроившаго дѣла, не могли остановить японскихъ политиковъ, страстныхъ въ борьбѣ и рѣшившихся побѣдить. Ихъ настойчивость имѣла успѣхъ: они получили право контроля надъ правительствомъ,—право, которое японская конституція вначалѣ не думала имъ предоставлять. Такимъ образомъ, Японія, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, перешла отъ абсолютной монархіи, бывшей ея удѣломъ въ теченіе двадцати вѣковъ, къ парламентскому образу правленія.

Послѣ революціи 1868 года, возстановившей микадо во всѣхъ его правахъ, страна сдѣлалась мѣстами открытой для иностранцевъ. Первымъ чувствомъ, явившимся отъ соприкосновенія съ западными идеями, было стремленіе къ европейской формѣ правленія. Ничѣмъ не нарушая своей лояльности относительно царствующей династіи, японскій народъ захотѣлъ принять нѣкоторое участіе въ дѣлахъ. Въ докладной запискѣ къ императору Итагаки, Гото и др. ходатайствовали объ учрежденіи представительнаго собранія, и хотя правительство нашло, что время для этого еще не наступило, но чтобы показать, что оно не имѣетъ въ виду всегда противиться общественному мнѣнію, оно организовало элементарное совѣщательное собраніе: губернаторы провинцій собирались разъ въ годъ въ Токіо,—нѣчто вродѣ національнаго совѣта. Въ 1875 г. сдѣланъ былъ шагъ дальше: императоръ издалъ декретъ объ учрежденіи сената, въ члены котораго выбирались заслуженные люди страны, причемъ собраніе это получало отчасти законодательныя права. Но нарождавшаяся пресса находила эти уступки недостаточными и громко требовала конституціи.

Въ 1880 году Итагаки организовалъ политическую группу «*Jiyou-to*», либеральную партію, главой которой онъ состоитъ и теперь. Немного спустя, графъ Окума подалъ въ отставку, чтобъ образовать *Kaishin-to*, или про-

*) *Far East*: Parlamentarisme japonais (*La Revue de Paris*).

грессистскую партію, руководительство которой онъ сохранялъ въ теченіе послѣднихъ восемнадцати лѣтъ. Затѣмъ были основаны *Kokoumin Kyokai*, или національ-уніанистская партія и еще другая группа Daido Danketsou, организованная Гото и недолго существовавшая.

Руководимая опытными политиками, кампанія сдѣлалась болѣе дѣятельной и послѣдовательной, и въ 1881 году императоръ, еще разъ уступая ихъ давленію, возвѣстилъ въ императорскомъ рескриптѣ, что онъ составляетъ комитетъ изъ юрисконсультовъ и государственныхъ людей, на обязанность которыхъ возлагается выработать конституцію. Обнародованіе ея было обѣщано на 1890 годъ, но, не дожидаясь этого срока, японская хартія была дана 11-го февраля 1889 года и сопровождалась большимъ національнымъ празднествомъ.

По этой конституціи, «императоръ есть верховный глава государства; онъ удерживаетъ за собой всѣ права суверенитета». Законодательную власть онъ раздѣляетъ съ представительнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ: палаты пэровъ, выбираемыхъ изъ членовъ императорской фамиліи и заслуженныхъ людей, назначаемыхъ императоромъ, и палаты представителей, состоящей изъ членовъ, выбираемыхъ сообразно закону. Императоръ утверждаетъ законы, предписываетъ ихъ обнародованіе и осуществленіе, но при этомъ всякій законъ требуетъ согласія двухъ палатъ. Такимъ образомъ, проектъ, вотированный палатами, дѣлается закономъ только послѣ санкціи императора, который въ свою очередь не можетъ издать законъ безъ согласія палатъ.

Статья 55 устанавливаетъ отвѣтственность министровъ, но только относительно императора. До сихъ поръ японскіе министры независимы отъ палатъ; палаты не имѣютъ права интерпеллировать кабинетъ и покончить пренія выраженіемъ недовѣрія, результатомъ чего является отставка министровъ. Все, что можетъ сдѣлать парламентъ, это запросить министровъ; если они не отвѣчаютъ, или если ихъ отвѣтъ находятъ неудовлетворительнымъ, имъ вручаютъ *представленіе*. Если оно остается безъ результата, представляютъ *адресъ* императору, который и дѣлается судьей возникшаго разногласія. Когда конфликтъ между палатой и кабинетомъ очень обостряется, императоръ распускаетъ палату. Этимъ правомъ онъ пользовался до сихъ поръ очень широко. Ни одна палата не доходила до конца своихъ полномочій, и пять распущеній слѣдовали одно за другимъ.

Всегда очень трудно возстановить удовлетворительнымъ образомъ исторію политическихъ партій какой бы то ни было страны, но эта задача дѣлается особенно трудной, когда дѣло касается Японіи. Суть въ томъ, что до послѣдняго времени разнообразныя группы японскихъ политиковъ носили только имя той или другой партіи. Имъ всегда недоставало ясной и опредѣленной программы. Что очень осложняетъ политическую жизнь Японіи, это—существованіе фактически феодализма, уничтоженнаго по закону 1871 года. Съ тѣхъ поръ четыре большихъ клана: *Satsouma*, *Choshou*, *Toza* и *Hizen*—держали въ своихъ рукахъ правленіе. Могущество этихъ

клановъ объясняется прочностью старыхъ идей и феодальныхъ нравовъ, которые нельзя было уничтожить однимъ росчеркомъ пера, а также и тѣмъ дѣятельнымъ участіемъ, которое ихъ члены принимали въ реставраціи микадо въ 1868 году. Въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ того, какъ вошли въ силу парламентскія учрежденія, старые люди государства, пользовавшіеся властью благодаря довѣрію къ нимъ императора, могли править государствомъ, не считаясь съ партіями, но потомъ требованія парламентской жизни заставили ихъ вступить въ союзъ съ этими партіями. Такъ маркизъ Ито долженъ былъ соединиться съ либералами, когда послѣ войны съ Китаемъ онъ хотѣлъ провести свою знаменитую программу объ увеличеніи арміи. Графъ Матсуката въ свою очередь соединился съ прогрессистами, а Ито—съ либералами и съ націоналъ-уніонистами. Такимъ образомъ, произошла странная комбинація старыхъ клановъ и новыхъ партій. Это вызвало страшный хаосъ, но большой кризисъ, начавшійся въ іюнѣ 1898 годъ, измѣнилъ положеніе партій и даже режимъ страны.

Давно уже пресса и люди, занимающіеся политикой, добивались, чтобы палатѣ представителей дали право контроля надъ общей политикой, какъ это дѣлается во Франціи и Англіи, гдѣ министры отвѣтственны передъ страной. Старые государственные люди отказывались уступить желаніямъ новыхъ политиковъ, находя, что нація недостаточно еще развита для этого. Результатомъ такого положенія вещей были постоянныя сраженія между парламентомъ и министерствомъ, — сраженія, заканчивавшіяся распущеніемъ палаты и поддерживавшія въ странѣ опасное волненіе избирательной борьбы. Дѣла отъ этого страдали, и парламентъ, почти всегда отсрочиваемый, не справлялся со своей законодательной задачей. Примѣромъ возникавшихъ безпорядковъ можетъ служить то, что уже три года палаты не вотировали полнаго бюджета, уже три года страна живетъ по смѣтамъ, составленнымъ на 1896 годъ! Вскорѣ и нація присоединилась къ людямъ, требовавшимъ дѣйствительной отвѣтственности министровъ передъ представительнымъ собраніемъ.

Кабинетъ Ито, принявшій дѣла въ январѣ 1898 года, нѣкоторое время пользовался поддержкой либеральной партіи и нѣкоторыхъ другихъ группъ палаты представителей, но вскорѣ сторонники его отшатнулись отъ него. Сильный довѣріемъ императора, кабинетъ Ито хотѣлъ править безъ поддержки парламента. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль все шло хорошо, но однажды президентъ совѣта вздумалъ представить большую программу финансовой реформы, которая между другими мѣрами требовала увеличенія поземельнаго налога. Палата единогласно отвергла его проектъ. Увѣренный, что эта мѣра, по справедливости, необходима, такъ какъ японскіе землевладѣльцы пользуются огромными привилегіями, кабинетъ поддерживалъ свой проектъ и, въ виду враждебнаго отношенія палаты, рѣшился прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ: 10 іюня президентъ совѣта прочелъ палатѣ императорскій декретъ о распущеніи.

Эта мѣра имѣла самый неожиданный результатъ. Двѣ большія политическія партіи палаты, которыя на этотъ разъ сошлись въ общей оппозиціи министерству, рѣшились соединиться въ одну группу. Эта идея кажется фантастичной и невѣроятной, если вспомнить, что по нѣкоторымъ капитальнымъ вопросамъ эти группы высказывали совершенно противоположныя идеи; тѣмъ не менѣе, 23 іюня новая партія была окончательно сформирована подъ именемъ *Kensei-to,* или конституціонной партіи. Основной статьей программы *Kensei-to* было учрежденіе парламентскаго правленія.

Президентъ совѣта рѣшился тогда произвести столь желаемую реформу. Сначала онъ было думалъ противопоставить коалиціи своихъ противниковъ партію, которой еще до ея рожденія дали названіе *правительственной партіи.* Нѣсколько націоналъ-уніонистовъ и депутатовъ, стоящихъ всегда за правительство, какое бы оно ни было, должны были образовать ядро этой партіи. Былъ собранъ большой совѣтъ во дворцѣ подъ предсѣдательствомъ императора. На этотъ совѣтъ были приглашены нѣкоторые ветераны японской политики и между ними маршалъ Іамагата. Маркизъ Ито высказался тогда за конституціонную реформу и предлагалъ передать свою власть одному изъ своихъ политическихъ друзей, а самому стать во главѣ новой партіи. Но старые государственные люди отнеслись враждебно ко всякой уступкѣ, измѣнявшей политическій режимъ страны и уменьшавшей въ нѣкоторой степени прерогативы императора. Нѣкоторые высказались даже за полную отмѣну конституціи и за возвращеніе къ абсолютной власти.

Эта оппозиція утвердила президента совѣта въ мысли отказаться отъ власти. Но, заявляя императору объ отставкѣ кабинета, онъ честно указалъ ему на двухъ предводителей партіи Kensei-to, способныхъ составить министерство,—на графа Окума, лидера прогрессистовъ, и на графа Итагаки, лидера либераловъ. Императоръ немедленно призвалъ ихъ, и черезъ 24 часа кабинетъ былъ составленъ съ графомъ Окума во главѣ.

Между либералами и прогрессистами, соединившимися для общаго дѣла, было слишкомъ много разногласій, чтобы ихъ союзъ былъ проченъ. Тогда какъ либералы требовали послѣ войны съ Китаемъ увеличенія арміи, прогрессисты стояли за уменьшеніе военныхъ издержекъ. Либералы поддерживали проектъ своего лидера, графа Итагаки, о покупкѣ государствомъ всей желѣзнодорожной сѣти, а прогрессисты боялись пуститься въ такое предпріятіе.

Раздоры возникли не только въ *Kensei-to,* но и въ самомъ кабинетѣ. Предводители двухъ группъ, оба министра, постоянно противорѣчили другъ другу въ печати. Графъ Окума не разъ выражалъ въ столичныхъ газетахъ неудовольствіе противъ своихъ коллегъ-либераловъ. Графъ Итагаки въ свою очередь, излагалъ свои взгляды на положеніе вещей. *Kensei-* вслѣдствіе этихъ раздоровъ, раздробилась вскорѣ на множество секцій, з вистливыхъ и шумливыхъ.

Черезъ нѣсколько недѣль по сформированіи кабинета, встрѣченнаго такою радостью, въ газетахъ стали появляться извѣстія объ его неизбѣжномъ паденіи. Чтобы дать представленіе о перемѣнѣ общественнаго мнѣнія,

говоритъ *Far East,*— приведемъ выдержки изъ газетъ, относившихся прежде совершенно сочувственно къ кабинету:

«Два графа, взявшіе на себя трудъ организовать парламентское правленіе,—говорила *Nichi Nichi Shimboun,*—совершенно въ этомъ не успѣли. Они абсолютно ничего не сдѣлали въ области финансовъ. Большая часть ихъ времени уходитъ на улаживаніе затрудненій, возникающихъ по всякому поводу между двумя группами, находящимися подъ ихъ руководительствомъ. Къ тому же кабинетъ не независимъ. Онъ рабски исполняетъ приказанія главнаго комитета *Kensei-to,* который разъ или два раза въ недѣлю сообщаетъ свои взгляды министрамъ и диктуетъ, какія мѣры они должны принимать. Назначенія и отозванія высшихъ сановниковъ дѣлаются этимъ комитетомъ. При такихъ условіяхъ кабинетъ никоимъ образомъ не заслуживаетъ названія правительства».

Kokoumin Shimboun выражается еще рѣзче: «Правительство,— говоритъ эта газета,—скорѣе делегація партій, чѣмъ кабинетъ, составленный изъ министровъ, потому что его члены не что иное какъ лакеи политиковъ. Все управляется и приказывается комитетомъ *Kensei-to,* а кабинетъ не можетъ даже собраться на совѣщаніе безъ санкціи комитета. Такое положеніе вещей существовало въ странахъ только на зарѣ революцій».

Во время выборовъ, происходившихъ въ августѣ, либералы и прогрессисты сражались между собой, какъ и въ прежнія времена. Тѣмъ не менѣе, ни одна изъ партій не хотѣла взять на себя отвѣтственности за разрывъ. Японскія газеты опредѣляли очень удачно положеніе вещей: «Либералы и прогрессисты,—говорила *Osaka Asahi,*—какъ бы несогласные мужъ и жена, которые постоянно ссорятся, но никакъ не рѣшаются разстаться». *Kokoumin* сравнивала *Kensei-to* со змѣей, разрѣзанной на двѣ части и не могущей ни двинуться впередъ или назадъ, ни остаться спокойной».

Но неожиданный инцидентъ съ однимъ изъ прогрессистскихъ членовъ кабинета вызвалъ кризисъ.

Озаки, прежде чѣмъ сдѣлаться министромъ народнаго просвѣщенія, былъ однимъ изъ первыхъ журналистовъ Японіи. Онъ принадлежалъ къ той блестящей фалангѣ японцевъ, которая жила долгое время въ Европѣ и вынесла оттуда просвѣщенные и гуманные вкусы, не переставая быть хорошими патріотами. Получивъ назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія, онъ въ рѣчи, обращенной къ воспитателямъ юношества, рекомендовалъ обратить самое большое вниманіе на развитіе нравственности среди ихъ учениковъ. «Нравы портятся,—сказалъ онъ,—съ новымъ благосостояніемъ, которое сопровождаетъ экономическое развитіе страны, мы видимъ наступленіе царства денегъ. Нигдѣ въ свѣтѣ деньги не имѣютъ такого значенія, какъ у насъ, и если черезъ тысячу лѣтъ Японія сдѣлается республикой, то возможно, что она, не колеблясь, выберетъ своимъ главою Митсуи или Ивазаки, между тѣмъ какъ въ демократической странѣ, уважающей себя,— какъ, наприм., въ Соединенныхъ Штатахъ,—никому не придетъ въ голову выбрать въ президенты Вандербильта или Астора».

Это указаніе на республику, хотя бы и въ такомъ отдаленномъ будущемъ, вывело изъ себя старыхъ японскихъ консерваторовъ и шовинистовъ. Искажая мысль молодого министра, они дошли до того, что обвинили его въ оскорбленіи величества. Противъ Озаки повели яростную кампанію, и его «республиканская рѣчь» сдѣлалась излюбленной темой оппозиціи. Либералы не приминули при этомъ случаѣ напасть на своихъ союзниковъ, и графъ Итагаки отъ ихъ имени потребовалъ немедленной отставки министра. Послѣдній, энергично поддерживаемый графомъ Окума, долго отражалъ нападенія, но, наконецъ, долженъ былъ подать въ отставку, когда этого потребовалъ самъ императоръ, подстрекаемый его врагами.

Либералы пожелали передать вакантный портфель кому-нибудь изъ своихъ, но президентъ совѣта представилъ на утвержденіе императору одного прогрессиста.

Тогда либералы, рѣшившись взять на себя иниціативу разрыва, придумали удивительную комбинацію. Такъ какъ они были нѣсколько многочисленнѣе прогрессистовъ, то одни могли составить полноправное собраніе. Потому, не дожидаясь общаго собранія, назначеннаго на 1 ноября, они собрались 30 октября и единогласно вотировали за распущеніе *Kensei-to*. Затѣмъ они рѣшили возстановить *Kensei-to*, исключивъ изъ него прогрессистовъ. Послѣдніе возмутились, заявивъ, что конституціонная партія не можетъ быть распущена безъ ихъ согласія. Ихъ пререканіямъ положила конецъ полиція, такъ какъ законъ требовалъ, чтобы всякая новоорганизованная партія представляла полиціи протоколъ собранія объ образованіи новаго общества. Кромѣ того, полиція должна получать извѣщеніе о распаденіи партіи. Либералы поспѣшили исполнить всѣ требуемыя закономъ формальности, послѣ чего полиція объявила полноправной новоорганизованную партію. Либералы заняли бюро этой партіи и отказались впустить туда прогрессистовъ. Тогда обѣ стороны прибѣгли къ помощи *sochi*. Такъ называются молодые люди, профессія которыхъ состоитъ въ томъ, что они принимаютъ участіе въ политическихъ передрягахъ съ дубинами и ножами въ рукахъ. Такихъ *sochi* насчитываютъ въ Токіо до двухъ тысячъ, они служатъ тѣлохранителями политикамъ и работаютъ особенно усердно во время выборовъ, чѣмъ и объясняется большое количество актовъ насилія въ теченіе избирательнаго періода. Въ описываемомъ случаѣ прогрессисты послали *sochi* въ домъ, занятый ихъ противниками, но послѣдніе, защищаемые своими *sochi*, остались господами положенія.

На другой день, когда прогрессисты собрались идти на большое собраніе, назначенное ими заранѣе, они получили приказъ министра внутреннихъ дѣлъ,—лидера либераловъ,—приказъ, предписывающій полиціи запретить, какъ незаконное, собраніе бывшаго *Kensei-to*. Принужденные уступить силѣ, прогрессисты тѣмъ не менѣе предъявили протестъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ относительно ихъ прежнихъ союзниковъ и рѣшили немедленно образовать новую группу *Kensei-hon-to*, или «настоящую конституціонную партію». Такимъ образомъ одна политическая партія, руководимая первымъ

министромъ и имѣющая въ числѣ своихъ сторонниковъ еще двухъ членовъ кабинета, публично обвиняла другую партію, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ во главѣ, «въ несправедливомъ, произвольномъ и незаконномъ поступкѣ».

Между тѣмъ либералы, отомстивъ своимъ противникамъ, покинуля партію. Графъ Итагаки и оба его коллеги подали въ отставку. Графъ Окума, увѣренный, что онъ найдетъ прогрессистское большинство въ палатѣ, ухватился за этотъ случай, чтобы образовать однородный кабинетъ, и предложилъ императору замѣнить прогрессистами министровъ, вышедшихъ въ отставку. Но императоръ не счелъ нужнымъ исполнить это желаніе. При такихъ условіяхъ графу Окума и его коллегамъ по кабинету ничего не оставалось, какъ сложить съ себя полномочія.

Императоръ, не зная, какой группѣ довѣрить власть, такъ какъ силы обѣихъ враждующихъ партій казались ему почти равными, былъ принужденъ учредить подъ предсѣдательствомъ маркиза Іамагаты кабинетъ изъ людей, стоявшихъ внѣ партій. О взглядахъ старыхъ людей государства и въ особенности маршала Іамагаты было говорено раньше. Они не соглашались ни на какую уступку и отвергали парламентское правленіе. Маршалъ Іамагата, рѣшившійся поддерживать борьбу противъ палаты, составилъ свой кабинетъ изъ людей энергичныхъ, преданныхъ его взглядамъ. Большинство портфелей было вручено военнымъ, даже министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ адмиралъ.

Противъ кабинета были всѣ группы палаты, и новый конфликтъ былъ очень возможенъ, тѣмъ болѣе, что составленное въ первыхъ числахъ ноября новое министерство должно было предстать въ парламентѣ 7 ноября, день открытія представительнаго собранія. Эта церемонія была отложена на 3 декабря, по случаю отъѣзда императора на большіе маневры. Кабинетъ воспользовался этой отсрочкой, чтобъ упрочить свое существованіе. Онъ находился передъ такой альтернативой: или его собственное распаденіе, или распущеніе палаты. Маршалъ Іамагата понималъ, что ни тотъ, ни другой выходъ не могутъ удовлетворить общественное мнѣніе, и потому рѣшился пойти на уступки и подыскать себѣ союзниковъ. Сначала онъ было обратился къ либераламъ, взгляды которыхъ болѣе подходили къ его собственнымъ взглядамъ, но либералы соглашались оказать ему поддержку только въ томъ случаѣ, если онъ имъ передастъ значительное количество портфелей. Какъ разъ въ это время въ дѣло вмѣшались нѣсколько значительныхъ торговыхъ людей, обезпокоенныхъ продолжительностью кризиса.

Депутація, составленная изъ купцовъ и промышленниковъ, явилась къ маршалу Іамагатѣ и изложила ему, какіе печальные результаты будетъ имѣть новое распущеніе палаты на торговлю страны. На другой же день послѣ этого посѣщенія президентъ совѣта отправился на совѣщаніе къ маркизу Ито, только что вернувшемуся изъ Китая. Желаемое примиреніе совершилось, и кабинетъ сразу получилъ въ палатѣ большинство тридцати голосовъ.

Теперешній союзъ либераловъ съ кланомъ Іамагаты указываетъ, конечно, на нѣкоторое сближеніе старыхъ государственныхъ людей съ новыми партіями, но тѣмъ не менѣе между ними остается пропасть.

Японскій политикъ—это произведеніе новаго режима. Послѣ 1868 г., когда страна сдѣлалась доступной европейскимъ вѣяніямъ, масса молодыхъ людей изъ среднихъ классовъ, сыновей фермеровъ, купцовъ бросилась на изученіе западныхъ новинокъ, къ чему ихъ поощряло само правительство. Одновременно съ образованіемъ они пріобрѣли и непомѣрную гордость. Окончивъ ученіе и получивъ дипломы, они захотѣли употребить свои знанія на служеніе своей странѣ, но тутъ они увидѣли, что безъ имени, безъ прошлаго они не могутъ надѣяться достигнуть высшихъ должностей; тогда они устремились въ политику, чтобы разрушить могущество клановъ. Отказавъ въ кредитѣ, который требовался для морскихъ сооруженій въ 1893 г., ораторы оппозиціи объявили, что проектъ самъ по себѣ кажется прекраснымъ, но что они не имѣютъ довѣрія къ людямъ, стоящимъ во главѣ морского дѣла. «Прежде чѣмъ приступить къ какой-нибудь реформѣ,—говорили они,— нужно освободить морское вѣдомство отъ подавляющей тиранніи клана *Satsouma*. Гражданину почти нѣтъ возможности достигнуть важной должности въ гражданской службѣ, если онъ не принадлежитъ къ *Choshou*, ни въ арміи и морскомъ вѣдомствѣ, если онъ не *Satsouma*. Вотъ чего мы больше не желаемъ».

Несмотря на вліяніе европейскихъ идей и на внѣшніе признаки новаго жизненнаго строя, японецъ попрежнему остается подъ господствомъ клановъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: еще только тридцать лѣтъ тому назадъ имъ управляли *Daïmyo*, или феодалы, въ рукахъ которыхъ императоръ былъ нѣмою тѣнью. «Нашъ императоръ,—говоритъ японскій историкъ,—цѣлыя столѣтія прожилъ за ширмами, онъ никогда не спускалъ ногъ на землю, ничто не доходило до его священныхъ ушей». Эти 250 *Daïmyo* владѣли огромными землями и имѣли на своей службѣ цѣлыя войска. Такіе порядки болѣе не существуютъ, но могущество клановъ еще живо, благодаря гражданской и военной іерархіи, широко организованной на привилегіи рожденія. Во главѣ арміи, въ особенности морского вѣдомства, играющихъ такую важную роль въ политикѣ современнаго японца и составляющихъ самую вѣрную поддержку правительства противъ разрушительныхъ тенденцій парламентскаго большинства, большею частью стоятъ *Satsouma*.

Такимъ образомъ вышеизложенныя осложненія—не простой конфликтъ между политическими и парламентскими партіями, это—японская форма классической дуэли между могущественной и хорошо дисциплинированной олигархіей и честолюбивой, но плохо еще организованной демократіей.

С. В. Л—а.

Сатирикъ-анекдотистъ.

(Собраніе сочиненій С. Н. Терпигорева (С. Атавы). Шесть томовъ. Спб.).

Дурно направленная сила души дурно и дѣйствуетъ, а хорошо направленная и дѣйствуетъ хорошо; но срамъ и горе народу, у котораго нѣтъ того, что бы могло быть дурно или хорошо направляемо!

Бѣлинскій.

Для краснаго словца не пощадитъ ни матери, ни отца.

Пословица.

I.

Въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ извѣстнаго диспута Костомарова съ Погодинымъ о происхожденіи Руси, кто-то остроумно замѣтилъ: до сихъ поръ мы не знали, куда идемъ, а теперь не знаемъ и откуда. Это было сказано почти сорокъ лѣтъ назадъ, а много ли съ тѣхъ поръ уяснились наши понятія на этотъ счетъ? Относительно происхожденія Рюрика и К° можно и не безпокоиться особенно, но вопросъ: куда идемъ?—не можетъ не интересовать насъ живѣйшимъ образомъ. Конечно, на все воля Божія и, какъ говорится, пути Провидѣнія неисповѣдимы, а все-таки... Все-таки хочется заглянуть въ будущее, и если нѣтъ твердыхъ основъ для мысли, для убѣжденія, то хоть погадать, пофантазировать хочется. Право же, это естественно. Какъ бы то ни было, вѣдь Россія намъ немножко своя, не чужая, вѣдь мы въ минуты патріотическаго экстаза называемъ ее *матерью* своею и не напрасно: голосъ непосредственнаго чувства громко говоритъ намъ, что мы любимъ ее именно сыновнею любовью, ея стыдъ — нашъ стыдъ, ея слава—наша слава, ея горести и радости—наши, наши, да еще въ такой мѣрѣ, въ какой мы далеко не ощущаемъ личныхъ своихъ удачъ и неудачъ. Что тамъ личная, чья бы то ни было судьба!

Лишь Господь помогъ бы дереву ожить,
О погибшихъ листьяхъ нечего тужить!

Этотъ мотивъ очень ярко выражается въ нашей литературѣ, въ особенности художественной. Давно уже замѣчено, что мы, русскіе, плохіе

индивидуалисты и хорошіе общинники, плохо устраиваемъ свою личную судьбу и всегда готовы на жертвы ради общеземскаго, государственнаго, «мірского» дѣла. Эта черта, повторяю, ярко выразилась въ нашемъ литературномъ творчествѣ. Изображаетъ художникъ какія-нибудь частныя явленія, но мысль его постоянно готова обратиться къ общему, ко всей своей странѣ, въ ея настоящихъ и будущихъ судьбахъ. Вотъ наши Чичиковы, Собакевичи, Маниловы, Ноздревы, Плюшкины,—длинная-длинная вереница чисто-русскихъ характеровъ и типовъ... Но не въ нихъ дѣло, не о томъ забота писателя, а вотъ о чемъ: «Русь! Куда же несешься ты? Дай отвѣтъ! Не даетъ отвѣта». Вотъ мужики, которыхъ у петербургскаго парадnаго подъѣзда постигла горькая бѣда-неудача, но, замолвивъ за нихъ энергичное слово, поэтъ съ тревогой обращается мыслью къ общему, къ цѣлому, ко всему русскому народу:

Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,
И духовно на вѣки почилъ?

Трудно найти писателя болѣе уравновѣшеннаго и даже апатичнаго, нежели Гончаровъ, но и онъ однажды не выдержалъ и съ неподдѣльнымъ лиризмомъ заговорилъ о великой бабушкѣ-Россіи. На вершинахъ русской литературы я знаю только *двухъ* писателей, которые не тревожились за Россію, никогда не задавались вопросомъ, куда она идетъ, — и это какъ разъ тѣ писатели, которые дали намъ наиболѣе яркія и *общія* изображенія русской жизни. Эти писатели — Пушкинъ и Левъ Толстой. Перечитайте *Евгенія Онѣгина* и *Войну и миръ:* какое спокойствіе, какая увѣренность, какая *прочность и удовлетворенность чувства!* Другіе наши писатели тревожатся (Салтыковъ, Бѣлинскій), сомнѣваются (Глѣбъ Успенскій, Герценъ), негодуютъ (Грибоѣдовъ, Некрасовъ), отчаиваются (Тургеневъ, Чаадаевъ), даже ревнуютъ (Достоевскій, Иванъ Аксаковъ), а эти двое просто и спокойно любятъ, безъ рефлексій и подозрѣній. Сомнѣваться въ Россіи или тревожиться за ея будущее имъ, очевидно, и въ голову не приходитъ («увижу ли, друзья», и пр.—выраженіе отнюдь не сомнѣнія, а радостной надежды). Не въ русскомъ крестьянствѣ они не сомнѣваются (это есть и у Энгельгардта, и у г. Златовратскаго), а именно въ Россіи, во всей совокупности русскихъ людей, безъ различія сословій и состояній. Въ этомъ смыслѣ Толстой былъ правъ, говоря устами Левина: «я самъ народъ». Это значитъ—«я самъ Россія», т.-е. ничему русскому себя не противопоставляю, ни отъ чего русскаго себя не отдѣляю, все русское понимаю и въ себѣ самомъ совмѣщаю, отъ высокаго до низкаго, отъ доблестей до пороковъ. Смѣло, очень смѣло! Но такова привилегія исключительно даровитыхъ людей: они не умнѣе и не образованнѣе, а какъ-то шире другихъ замѣчательныхъ людей и благодаря этой своей духовной широкости вмѣщаютъ въ себѣ больше тѣхъ стихій и элементовъ, изъ которыхъ складывается національная психія. Имъ сомнѣваться въ Россіи и тревожиться

нее?! Но вѣдь не сомнѣваются же они въ себѣ, чувствуютъ свои силы, видятъ ихъ проявленіе и знаютъ, что онѣ и впредь дремать не станутъ, а вѣдь они съ Россіей—одно, они, во-истину, «сами—Россія». Что-жъ имъ вопрошать: куда ты несешься, Русь? Они идутъ вмѣстѣ съ нею и, нисколько не боясь за себя, нисколько не опасаются и за нее. Въ объективномъ смыслѣ достовѣрно одно: путь не близокъ; въ субъективномъ смыслѣ достовѣрно тоже одно: что бы ни случилось, что бы на пути ни встрѣтилось,—въ грязь лицомъ не ударимъ. «Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ, да глупъ, а мы видали виды».

Такой патріотизмъ есть просто самочувствіе духовно-здороваго человѣка и по виду онъ такъ простъ, что, кажется, и анализировать тутъ нечего, не о чемъ даже говорить, на дѣлѣ же изъ новѣйшей нашей литературы (я имѣю и буду дальше имѣть въ виду только писателей) только Пушкинъ и Толстой оказываются на высотѣ этого чувства, а изъ старыхъ стариковъ къ нимъ можно присоединить Ломоносова. Полюбуемся на счастіе этихъ избранниковъ, полюбуемся ихъ спокойствіемъ, происходящимъ не отъ равнодушія, а отъ полноты вѣры въ себя и въ свою родину, но учиться намъ тутъ, собственно говоря, нечему: выше головы не прыгнешь. Мы не можемъ сказать о себѣ: «мы сами Россія», потому что Россія велика и разнообразна, а мы малы, односторонни, узки. По своей душѣ заключать о великой національной душѣ—мы не имѣемъ права. Вы и я, положимъ, реалисты и по натурѣ, и по убѣжденіямъ, и для насъ, въ силу этого, всякаго рода мистицизмъ представляется слабостью или даже просто болѣзнью человѣческаго духа. Но вотъ Толстой, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности провозгласившій, что единственнымъ любимымъ героемъ его всегда будетъ только одна *правда*. Онъ реалистъ побольше насъ съ вами, но въ то же время онъ и необузданный мистикъ, не отступающій даже передъ такими логическими трущобами, въ которыхъ напрасно было искать *правды*, нашей реалистической правды. Что-жъ это значитъ и какъ это объяснить? Значитъ только то, что Толстой ближе къ Россіи, болѣе похожъ на Россію, на собирательнаго русскаго человѣка, нежели мы съ вами, хотя мы и чистокровные русскіе люди. Логическая правда, сама себѣ никогда не противорѣчащая, на нашей сторонѣ, но психологическая правда, сама себѣ безпрестанно противорѣчащая, всецѣло на сторонѣ Толстого. Развѣ нашъ народъ не таковъ, въ самомъ дѣлѣ? И въ крестьянствѣ, и въ дворянствѣ, и въ духовенствѣ, и въ купечествѣ, и въ мѣщанствѣ, въ деревнѣ также какъ и въ городѣ (и даже на фабрикѣ)—мы безъ труда найдемъ людей, которые не удовлетворяются матеріальнымъ благополучіемъ и практическимъ дѣломъ, а стремятся къ чему-то идеальному, высшему, успокаивая это стремленіе самыми разнообразными способами — отъ аскетизма и мистицизма до умышленнаго самоотупленія. Это не простонародная, а общенародная, національная наша черта, и я прошу читателя запомнить это замѣчаніе, такъ какъ въ немъ — основная идея предлагаемой статьи. Тертигоревъ былъ сатирикомъ нашего дворянства, и такъ какъ онъ стоялъ

главнымъ образомъ на психологической почвѣ, то его сатира очень легко можетъ быть распространена на всѣ другія наши сословія. Объ этомъ, впрочемъ, дальше.

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ сказалъ:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,—
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить.

Да, это хорошо для тѣхъ, кто, какъ Пушкинъ и Толстой, всѣми фибрами своего существа ощущаетъ свое единство съ громаднымъ организмомъ націи, но мы можемъ повѣрить не раньше, нежели поймемъ умомъ. Вотъ откуда наша тревога, наши безпокойные вопросы, наши сомнѣнія и иногда даже (какъ у Чаадаева) наше отчаяніе. Можно любить инстинктивною любовью того, кого не понимаешь, но какъ служить тому, кого не понимаешь, о комъ не можешь сказать съ увѣренностью, въ чемъ онъ нуждается и чего хочетъ? Что, наприм., вотъ это за чудеса такія:

Русь не шелохнется,
Русь—какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая,—
Встали—не бужены,
Вышли—непрошены и пр.

Мы хотѣли бы доискаться, что это за чудодѣйственная *искра сокрытая*, которая въ нужную минуту разгорается въ душѣ русскаго народа? Какъ называется эта искра? Обрѣтали ли мы ее когда нибудь въ собственной душѣ? А дальше характеристика становится еще непонятнѣе:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка—Русь!

Вотъ не угодно ли это *понять умомъ*: убогая—обильная, забитая—всесильная (варіантъ: могучая—безсильная)—возможно ли такое странное сочетаніе противоположныхъ, взаимно другъ друга исключающихъ свойствъ? Въ области индивидуальной психіи возможно,—мы имѣемъ на этотъ счетъ въ высшей степени авторитетное свидѣтельство вотъ какого рода:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ
Но лишь божественный глаголъ

До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

Что такое поэтъ сказалъ о себѣ? Онъ буквально сказалъ: я бываю убогъ, я бываю обиленъ, я бываю могучъ, я бываю безсиленъ. Слава Богу, мы какъ будто начинаемъ понимать. Если соединеніе силы со слабостью и величіе съ малостью возможно въ душѣ поэта-сына, то оно возможно и въ душѣ родины - матери. Пушкинъ не просто русскій человѣкъ, онъ русскій человѣкъ *по преимуществу*, онъ удачнѣйшій (именно удачнѣйшій, а не любимѣйшій) сынъ своей родины - матери, онъ «весь въ мать», въ могучую-безсильную матушку - Русь, и вотъ почему, говоря о себѣ, онъ о ней говоритъ, рисуя свой портретъ, онъ даетъ вѣрный абрисъ ея колоссальнаго образа. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какое удивительное сходство! *Молчитъ его святая лира*, Русь не шелохнется; *душа вкушаетъ хладный сонъ*,—Русь какъ убитая; *но лишь божественный глаголъ до слуха чуткаю коснется*,—а загорѣлась въ ней искра сокрытая; *душа поэта встрепенется какъ пробудившійся орелъ*—встали небужены, вышли непрошены, жита по зернышку горы накошены... «Ну, вылитая, вылитая мать!»—какъ говорятъ нянюшки.

Вѣрна, значитъ, была характеристика Некрасова и подлинную, значитъ, правду сказалъ о себѣ Пушкинъ: ихъ свидѣтельства взаимно провѣряютъ и дополняютъ другъ друга. Все-жъ-таки мы съ точностью хотимъ знать, какъ называется «искра сокрытая», въ чемъ состоитъ «божественный глаголъ», заставившій встрепенуться душу русскаго человѣка? Тютчевъ—третій поэтъ, иллюстраціями котораго я пользуюсь, тотъ самый Тютчевъ, который сказалъ, что Россію *аршиномъ общимъ не измѣрить*, высказался на этотъ счетъ весьма неопредѣленно, но не незначительно:

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

Въ этихъ восьми стихахъ заключаются двѣ мысли, изъ которыхъ одна вызываетъ возраженія, а другая требуетъ поясненій. Чего собственно не пойметъ у насъ гордый взоръ иноплеменный? Мнѣ припоминается здѣсь одинъ эпизодъ, разсказанный покойнымъ Энгельгардтомъ въ его «Письмахъ». Энгельгардтъ ѣхалъ въ Смоленской губерніи въ одномъ вагонѣ съ какой-то француженкой, которая, глядя въ окно, безпрестанно восклицала:—ah, quelle pays! pas de culture! Энгельгардтъ (одинъ изъ типичнѣйшихъ русскихъ людей, несмотря на свою нѣмецкую фамилію) пришелъ въ раздраженіе: «ну да (я цитирую на память) я и самъ вижу, что pas de culture! вотъ по этимъ самымъ мѣстамъ твой Наполеонъ, да еще какой! настоя-

щій!—безъ оглядки бѣжалъ во-свояси. У васъ цѣлые города сдавались четыремъ прусскимъ уланамъ, а пусть-ка эти уланы попробовали бы взять хоть бы наше Батищево, шишъ бы взяли!» Прекрасно, но все-таки француженка была въ значительной мѣрѣ права; глядя на эти бѣдныя селенія, эту скудную природу, ея иноплеменный взоръ довольно вѣрно проникъ въ дѣло: мало культуры, образованія, науки. А факты, которые припомнилъ и которыми утѣшился нашъ патріотъ, она легко могла бы обратить въ свою пользу: потому, молъ, вы, господа русскіе, и храбры, и самоотверженны, что вамъ нечего терять, и нечего жалѣть. Любой изъ нашихъ городовъ представляетъ культурную сокровищницу, созданную усиліями длиннаго ряда поколѣній культурныхъ людей, тогда какъ всякіе ваши Батищевы, большія и малыя, сегодня сгорятъ, а завтра вновь выстроятся,—лѣсу и соломы вамъ не занимать стать. По словамъ вашего писателя, самой Москвѣ вашей пожаръ много способствовалъ къ украшенію,—такъ что ужъ тутъ говорить! Кто голъ какъ соколъ, тому сполагоря геройствовать, а намъ есть что поберечь. Ничего другого въ вашей «наготѣ смиренной» нельзя усмотрѣть.

Таковы возраженія. А поясненій требуетъ красивая аллегорія Тютчева о томъ, что Христосъ благословилъ нашу землю на страданья. Какая на первый взглядъ безотрадная мысль! Правда, русскій простой человѣкъ любитъ утѣшать себя примѣромъ Христа: *Христосъ терпѣлъ и намъ повелѣлъ*,—говоритъ онъ,—но вѣдь мы-то знаемъ, что ничего подобнаго Христосъ не повелѣвалъ. Не для усугубленія и не для увѣковѣченія человѣческихъ страданій, а для ихъ искупленія приходилъ Христосъ. Если правильно раскрывать аллегорію Тютчева, то ея смыслъ обнаружится въ томъ, что ученіе Христа нигдѣ не нашло для себя столь благородной почвы какъ именно въ душѣ русскаго народа, нигдѣ не сохранилось въ такой чистотѣ какъ въ православіи. Вспомните нашихъ славянофиловъ (къ которымъ принадлежалъ Тютчевъ) и въ особенности вспомните Достоевскаго, который нѣсколько разъ и съ величайшимъ увлеченіемъ доказывалъ, что католичество—религія не христіанская. Славянофилы наши были отлично умные люди, авторитетъ Достоевскаго не подлежитъ сомнѣнію и до сихъ поръ продолжаетъ расти, полнѣйшая искренность этихъ лучшихъ русскихъ людей никѣмъ никогда не заподозрѣвалась—должна же быть въ ихъ утвержденіяхъ хоть какая-нибудь частица истины! Не можетъ того быть, чтобы ими руководило только чувство наивнаго національнаго бахвальства! Пусть такое утвержденіе, что католичество—религія не христіанская представляетъ собою чудовищную неправду, пусть вообще многія положенія славянофиловъ являются прямо абсурдами, все-таки не можетъ того быть, что на ихъ сторонѣ была только ложь, а на сторонѣ ихъ противниковъ—вс истина. Позвольте-ка, что вотъ это такое:

Въ рабствѣ спасенное,
Сердце свободное—
Золото, золото

Сердце народное!
Сила народная,
Сила могучая:
Совѣсть спокойная
Правда живучая!
Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается.

Это сказалъ поэтъ, котораго противники славянофиловъ—западники—всегда и справедливо считали *своимъ*. Некрасовъ и Тютчевъ—обоймите другъ друга,—вы единомышленники по важнѣйшему изъ вопросовъ, по вопросу о сущности и свойствахъ русскаго національнаго духа! Я это утверждаю рѣшительно. Ученіе Христа есть ученіе о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ; проповѣдь евангелія есть проповѣдь альтруизма. Эта проповѣдь обошла изъ конца въ конецъ «всю тебя, земля родная», и повсюду встрѣтила страстный созвучный отголосокъ. Вотъ мысль Тютчева, освобожденная отъ всякихъ лирическихъ, мистическихъ и другихъ покрововъ. Что же это значитъ? Намъ сказано: «блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ». Мы съ особою, по утвержденію Тютчева, любовью, съ особою готовностью встрѣтили Христа и приняли Его благословеніе и это значитъ... очевидно вотъ что значитъ:

Въ рабствѣ спасенное,
Сердце свободное—
Золото, золото
Сердце народное!

Спрашивается теперь, противорѣчатъ другъ другу наши два поэта, теоретически стоящіе во враждебныхъ лагеряхъ, или говорятъ разными словами совершенно одно и то же?

Все ближе и ближе подходимъ мы къ опредѣленію «искры сокрытой» или «божественнаго глагола». Посовѣтуемся еще съ Толстымъ. Конечно, вы помните Каратаева, это «олицетвореніе всего русскаго» по опредѣленію самого Толстого. «Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Это такая черта, которая одна опредѣляетъ собою весь психическій міръ человѣка или народа. *Карьеристомъ*, искателемъ *только* личнаго благополучія такой человѣкъ и такой народъ органически быть не можетъ. Вопросы личнаго благосостоянія для него хороши и важны—«пока что, пока жизнь протекаетъ побудничному, пока не зоветъ къ себѣ ничто высшее и общее, пока... зачѣмъ искать выраженія, когда есть геніальное готовое?—пока *не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ*. Ѳерапонтычъ того же Толстого еще лучше уяснитъ намъ дѣло. Ѳерапонтычъ—кулакъ, зажиточный лавочникъ, выжига, который какъ кощей торгуется съ подводчиками, желающими получить съ него семь р. за подводу до Дорогобужа отъ Смоленска, къ ко-

торому уже подходятъ войска Наполеона. Онъ ровно ничего не понимаетъ въ томъ, что происходитъ въ Россіи, убѣжденъ, что французовъ въ Смоленскъ начальство не пуститъ, «потому—сила», и только граната, разорвавшаяся около его дома и ранившая кухарку, заставила его воскликнуть: «Злодѣй! Что-жъ ты это дѣлаешь?» Недоумѣніе его великолѣпно выразилось въ этомъ наивномъ восклицаніи. Но событія скоро разсѣяли это недоумѣніе, и Ѳерапонтычъ кричитъ нашимъ солдатамъ: тащи, ребята, все изъ лавки! Не доставайся дьяволамъ! Алпатычъ! Рѣшилась! Расея! Рѣшилась! Самъ подпалю!» Послѣднее восклицаніе относилось къ собственному постоялому двору, составляющему основу матеріальнаго благополучія Ѳерапонтыча.

Это не патріотизмъ только, свойственный въ равной съ нами мѣрѣ и англичанину, и французу, и нѣмцу. Больше это или меньше, но во всякомъ случаѣ это не то чувство привязанности къ своему *мѣсту* и симпатіи къ своимъ соплеменникамъ, которое мы называемъ патріотизмомъ. У евреевъ нѣтъ территоріальнаго отечества и нѣтъ, стало быть, патріотизма въ обыкновенномъ смыслѣ, но та психическая черта, которую я выясняю, развита у нихъ въ высокой степени. Это—черта, которая довольно хорошо характеризуется народнымъ выраженіемъ: нашихъ не тронь. Англійскій еврей, французскій еврей, русскій, нѣмецкій еврей живутъ въ разныхъ условіяхъ и на различной почвѣ, но они другъ другу *свои*. Они связаны общностью историческихъ традицій (въ число которыхъ я включаю и религію) и главное—психологическою близостью, родственностью духа. Не во гнѣвъ будь сказано нашимъ ультра-націоналистамъ, я не вижу различія между идеей еврейскаго «кагала» и идеей нашего «міра». И тамъ, и здѣсь одно общее властное требованіе: подчиненіе всякой личной воли и личнаго интереса общей волѣ и общему интересу. Наши націоналисты какъ-то ухитряются въ одно время и восторгаться русскимъ «міромъ» и всячески шпынять «кагалъ». Будьте же логичны, господа, вѣдь это явленія одного и того же порядка! «Кагалъ» есть еврейскій міръ, «міръ» есть русскій кагалъ. Историческое и психологическое происхожденіе ихъ точно также одно и то же. Разсѣяннымъ по лицу земли евреямъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами, для того, чтобы не пропасть, нужно было цѣпко держаться другъ за друга. А развѣ наше положеніе приблизительно было не такое же? Поселенные на какомъ-то колоссальномъ гладкомъ подносѣ или блюдѣ, мы были открыты со всѣхъ сторонъ для всевозможныхъ хищническихъ поползновеній со стороны нашихъ сосѣдей, которые всѣ сплошь были нашими врагами. Хорошо и господамъ англичанамъ съ гордостью говорить теперь: my House is my castle (мой домъ, мой замокъ), когда они на своемъ, отдаленномъ защищенномъ, островкѣ устроились такъ, что уже получили гражданскія гарантіи на девять лѣтъ (въ 1215 г.) раньше противъ того, какъ мы получили первый подзатыльникъ отъ татаръ (въ 1224 г.),—подзатыльникъ, бывшій только предвѣстникомъ двухсолѣтняго иноземнаго, иновѣрнаго и варварскаго ига! Да, это была хорошая школа, не хуже, пожалу

еврейской, для выработки въ себѣ мірского, общиннаго духа! Гордому индивидуализму развиваться тутъ было трудненько, надо было жаться другъ къ другу, искать плечомъ плеча и локтемъ локтя, надо было... какъ, бишь, сказалъ Толстой о Каратаевѣ? «Жизнь Каратаева не имѣла смысла для него, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Да, вотъ это самое и надо было. Отдѣльная жизнь не имѣла смысла, потому что не имѣла обезпеченія, ставилась ни во что, какъ жизнь дерева въ лѣсу. Такъ было у насъ и при татарахъ, и до татаръ, и послѣ татаръ, въ Кіевскій, Московскій и Петербургскій періоды нашей исторіи,—вплоть до 19 февраля 1861 года, когда явилась нѣкоторая возможность для русскаго человѣка жить не только для государства, или для начальства, или для барина, или для общины, но и для самого себя. Процессъ этотъ, т.-е. процессъ развитія личнаго начала, возникъ только вчера (38 лѣтъ назадъ!), и какими путями онъ дальше пойдетъ—это знаютъ твердо только гг. Струве и Туганъ-Барановскій, а я не знаю. Но въ чемъ состояла и до сихъ поръ состоитъ «искра сокрытая», освѣтившая и согрѣвшая нашъ тяжкій историческій путь — это я знаю, инстинктивно чувствую и сознательно понимаю. Въ чемъ же?—А вотъ въ этомъ самомъ: Эй, ребята, плохо дѣло, наша барка на мель сѣла! Эй, ухнемъ! Эй, зеленая сама пойдетъ!... Алпатычъ! Самъ подпалю! Не доставайся дьяволамъ!

«Я вижу,—иронически скажетъ мнѣ читатель,—что вы горячій патріотъ, но все-таки что же именно *вы* хотите сказать? Пушкинъ, Ломоносовъ, Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тютчевъ, западники, славянофилы... При чемъ собственно вы-то тутъ, г. Протопоповъ?» Вопросъ этотъ неудобенъ для меня лишь въ томъ смыслѣ, что заставляетъ меня опять возвращаться на свои собственные слѣды, какъ это въ послѣднее время со мной случается—и право же не по моей винѣ, а по свойству самыхъ темъ. Повторяться непріятно, цитировать самого себя просто даже какъ-то неловко, конфузно; но пусть же разсудитъ самъ мой насмѣшливый читатель—кстати или не кстати присоединить къ предыдущему изложенію вотъ эти слова: «Понятіе народа есть прежде всего понятіе антропологическое, расовое, этнографическое. Мой костромской землякъ крестьянинъ Иванъ Петровъ ни на волосъ не болѣе и не менѣе русскій нежели я, дворянинъ и кандидатъ университета Сидоръ Макаровъ. Мы смотримъ на міръ различно и видимъ неодинаково, потому что онъ глядитъ невооруженными, а я вооруженными глазами, наши частные интересы могутъ находиться въ противорѣчіи, наши личные характеры могутъ не подходить другъ къ другу, но коренная психическая основа наша совершенно одинакова, потому что источникъ ея лежитъ именно въ расѣ, въ породѣ, въ національности. Различіе между мужикомъ и интеллигентомъ—различіе культурное, а не психическое. Нашъ Сидоръ Макаровъ есть не кто иной какъ образованный Иванъ Петровъ. Они вѣрятъ не въ одно и то же, но ихъ вѣра, какъ нравственное свойство, одинакова, ихъ главнѣйшіе душевные процессы совершаются тожде-

ственно. Кающійся дворянинъ и кающійся мужикъ каются не въ одномъ и томъ же, но потребность къ покаянію, къ очищенію своей совѣсти, и способности къ нему у нихъ однѣ и тѣ же. Не тѣ результаты и не тѣ формы, но самое содержаніе процесса одно и то же. Способность къ энтузіазму, доходящему до полнаго самоотверженія, потребность въ какомънибудь авторитетѣ, общительность, добродушіе, отсутствіе предусмотрительности, совѣстливость и проч.; всѣ эти положительныя и отрицательныя нравственныя свойства съ одинаковымъ удобствомъ можно наблюдать и въ русскомъ народѣ, и въ русской интеллигенціи. Насъ разъединяютъ съ народомъ не чувства, не симпатіи, а воззрѣнія. Въ торжественныя историческія минуты, когда общая цѣль до того ясна, что для теоретическихъ разногласій не остается мѣста, всѣ мы сливаемся въ одномъ чувствѣ, безъ различія степени образованія и развитія, въ чувствѣ любви къ своему отечеству». Это я писалъ 7—8 лѣтъ назадъ на страницахъ этого же журнала (статья *Н. Е. Петропавловскій*). Такъ въ нашемъ вопросѣ—вотъ я при чемъ. Моя посильная поправка состоитъ въ томъ, что, говоря о русскомъ народѣ, нѣтъ никакой надобности и нѣтъ логической возможности отдѣлять русскую интеллигенцію отъ русскаго народа. «Золото, золото сердце народное»—это не чье-то чужое, а наше собственное сердце. «Не поймет и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный»,—почему же? Это наше дѣло заставить его понять. Отъ имени русскаго народа мы можемъ говорить съ какимъ угодно *гордымъ иноплеменникомъ* и беремся объяснить ему не поэтическими метафорами, а отъ разума — что̀ именно сквозитъ и тайно свѣтитъ въ нашей смиренной наготѣ. Мы не смѣемъ сказать, какъ Толстой, «мы сами—народъ», потому что мы только часть его; но, не будучи его олицетвореніемъ, мы являемся его выраженіемъ и потому смѣемъ и должны говорить отъ имени народа. Мы духовно настроены съ народомъ въ унисонъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ основномъ тонѣ и потому не боимся сфальшивить. Каратаевъ и Пьеръ Безухій—развѣ не духовные близнецы? Пьеръ провѣрялъ свои намѣренія и дѣйствія мнѣніемъ Каратаева («что сказалъ бы онъ?»), но въ этомъ не было непремѣнной необходимости: Каратаевъ былъ тотъ же Безухій, но не вооруженный образованіемъ. Что говорить долго? Русская литература есть прекраснѣйшее выраженіе національнаго, *общенароднаго* духа, но она создана безъ участія и даже безъ вѣдома народа, создана интеллигенціей, да еще, главнымъ образомъ, дворянской, т.-е. такой, которая по экономическимъ и политическимъ условіямъ своего существованія стояла во враждебныхъ отношеніяхъ къ крѣпостному народу. Если, такимъ образомъ, противорѣчіе между столь серьезными интересами, какъ интересы экономическіе и политическіе, не уничтожило крѣпкаго духовнаго единства между народомъ и интеллигенціей, то теперь-то ужъ намъ нечего бояться «сфальшивить»: останемся только самими собою, тѣми Пьерами Безухими, которые, совершенно какъ всѣ Каратаевы, не видятъ смысла въ жизни эгоистической, въ существованіи только для себя и про себя. «Эй, ухнемъ!» Эта пѣсня всегда поется хо

ромъ, но непремѣнно съ запѣвалой, а такимъ историческимъ запѣвалой всегда была и есть наша интеллигенція. Кто освободилъ народъ? Закрѣпостила народъ невѣжественная, да еще чуждая, пришлая сила, а раскрѣпостила чистокровная *русская* и дѣйствительно образованная интеллигенція.

Увы! Всѣ эти соображенія были совершенно чужды Терпигореву, и именно оттого его сатира—не сатира, а только фельетонъ, занятный анекдотъ...

II.

Если вы хотите составить правильное понятіе о какомъ-нибудь человѣкѣ,—постарайтесь узнать его *искреннее* мнѣніе о самомъ себѣ. Древняя мудрость гласила, что всего труднѣе *познать самого себя*, но я не то имѣю здѣсь въ виду: не *истиннаго*, а только *искренняго* мнѣнія о самомъ себѣ добейтесь отъ человѣка, и какъ бы ни далеко это мнѣніе отстояло отъ подлинной правды,—въ вашихъ рукахъ все-таки будетъ превосходный матеріалъ для сужденія о личности этого человѣка. То же самое и въ литературѣ: самооцѣнка, сдѣланная какимъ-нибудь писателемъ, настоящій кладъ для критики. Въ настоящемъ случаѣ мы этимъ кладомъ обладаемъ: Терпигоревъ далъ себѣ небольшую, но содержательную характеристику, съ обсужденія которой мы и начнемъ *свою* характеристику этого талантливаго писателя. Вотъ что сказалъ Терпигоревъ о себѣ:

«Отъ характера это, отъ склада ума, отъ развитія, или я не знаю отъ чего это еще происходитъ, но только я органически не могу ни въ комъ переносить аффектаціи, ходульности, треска фразъ и т. д. Не лежитъ у меня сердце, не выношу я этого. Мнѣ сейчасъ станетъ или смѣшно это, или мною овладѣетъ вдругъ такая скука, почти безотчетная тоска, и я при первой же возможности уйду. Точно такъ же я не могу читать ни одной повѣсти, разсказа, романа, гдѣ не только все основано на кричащихъ эффектахъ, но гдѣ есть хотя малѣйшая ходульность въ отношеніяхъ авторовъ къ выводимымъ ими героямъ. Я не переношу и сейчасъ бросаю книгу и ужъ никакой силой я не могу заставить себя вновь приняться за нее. То же самое и со всякимъ дѣломъ, которое основано не по мнѣ и весь успѣхъ котораго разсчитанъ на одни эффекты, а не на скромную суть дѣла. Я могу сказать это о себѣ, потому что изъ всѣхъ моихъ написанныхъ разсказовъ, очерковъ и повѣстей нѣтъ ни одного, который былъ бы хотя немного разсчитанъ на эффектныя мѣста въ немъ, на громкія фразы. Я написалъ много слабыхъ, чрезвычайно слабыхъ, не отдѣланныхъ и даже не додѣланныхъ вещей, но въ нихъ нѣтъ ни одной даже попытки на ходульность, на битье фразами, ихъ трескомъ и блескомъ. Въ этомъ, впрочемъ, мнѣ не отказывали и, надѣюсь, и дальше не будутъ отказывать и мои критики. Говори какъ знаешь, какъ умѣешь, какъ было или должно быть дѣло на самомъ дѣлѣ—и это въ милліоны разъ любезнѣе. Что можетъ быть выше простоты? Что можетъ быть благороднѣе ея?» (т. VI, стр. 522).

Такъ говоритъ Терпигоревъ о себѣ и, при всей кажущейся безпритязательности его самооцѣнки («много слабыхъ, чрезвычайно слабыхъ вещей»), въ умѣ читателя самъ собою складывается такой силлогизмъ: если нѣтъ ничего выше и благороднѣе простоты и если этимъ свойствомъ, т.-е. простотою Терпигоревъ, по его словамъ, обладалъ въ высокой степени, то... то что намъ дѣлать съ заключеніемъ, неотразимо-логически слѣдующимъ изъ этихъ двухъ посылокъ? Принять его мы не можемъ во имя здраваго смысла, а не принять не можемъ во имя логики. Ясно, что есть нѣчто неладное въ посылкахъ Терпигорева и изъ нихъ двухъ въ которой же именно? Первая посылка безусловно вѣрна: простота—великое достоинство, великая красота и великое благородство. Что можетъ быть проще хотя бы вотъ этой картины:

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа,
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ
Куртины, кровли и заборъ,
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ—
Все ярко, все бѣло кругомъ.

Это не стихи, не какіе-то тамъ четырехстопные ямбы, это—живая разговорная рѣчь, это—сама безыскусственность. Но въ этой простотѣ и безыскусственности—высшее торжество искусства. Неужели *этого* рода и этого полета простотой обладалъ Терпигоревъ? А вотъ выслушаемъ его до конца,—выше я привелъ только первую половину его самооцѣнки:

«Изъ моей долголѣтней практики или жизни,—какъ назвать,—я вынесъ то убѣжденіе, что чѣмъ выше дѣло, тѣмъ оно проще идетъ, естественнѣе и не нуждается ни въ какихъ эффектахъ. Эффектъ только портитъ его, лишая правды и благородства. То же самое и о людяхъ. Чѣмъ выше, развитѣе, толковѣе, ученѣе человѣкъ, тѣмъ онъ тише, скромнѣе, доступнѣе. Только однимъ выскочкамъ, бездарностямъ и посредственностямъ нужны и эффекты, и трескъ, и шумъ, и звонъ, и блестки. Ничего этого не нужно истинному достоинству. Это одинъ изъ самыхъ характерныхъ, самыхъ существенныхъ его признаковъ. Я говорю это и всѣми силами стараюсь подражать этому, удерживая себя, если иной разъ, къ удивленію своему, вдругъ замѣчаю въ себѣ какой-то позывъ къ эффекту, къ громкой или хлесткой (всегда бездушной) фразѣ. Повторяю, меня всегда тянуло и тянетъ къ простотѣ и къ простому, тихому, скромному человѣку».

Это настоящій панегирикъ простотѣ, понимаемой какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ превознесъ ее въ романѣ *Война и Миръ* и самъ Тол

стой. Въ «простотѣ» Толстой усмотрѣлъ даже, какъ вѣроятно помнитъ читатель, основную стихію нашего національнаго духа. Каратаевъ—«олицетвореніе всего *русскаго*, добраго, круглаго, вѣчное олицетвореніе духа *простоты* и правды»: это—подлинныя слова Толстого. Толстой превознесъ Кутузова предъ Наполеономъ за то, что «Кутузовъ никогда не говорилъ о 40 вѣкахъ, которыя смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству, о томъ, что онъ намѣренъ совершить или совершилъ; онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ, и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи». Какъ видите, Толстой характеризуетъ Кутузова совершенно тѣми же чертами, какими Терпигоревъ характеризовалъ самого себя. «Простая, скромная и *потому* истинно величественная фигура», такъ говоритъ Толстой о Кутузовѣ въ другомъ мѣстѣ. Послѣ этого что-жъ намъ критиковать Терпигорева? Онъ былъ простъ, скроменъ, говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи и *потому* является истинно величественной фигурой въ нашей литературѣ.

До русскихъ полководцевъ намъ здѣсь не можетъ быть дѣла (хотя, въ скобкахъ, мы и напомнили бы Толстому объ учителѣ Кутузова—Суворовѣ, который ужъ какъ былъ ни простъ и ни скроменъ, но являетъ собою въ исторіи фигуру покрупнѣе нежели любимый герой Толстого); но какъ намъ быть съ писателями? *Простыхъ* писателей у насъ множество, но великихъ писателей очень мало. Образчикъ литературной простоты, одинаково удовлетворяющей и насъ, и Толстого съ Терпигоревымъ, приведенъ выше, а что сказать вотъ объ этихъ стихахъ того же поэта:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа:
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ, весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ...
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ...
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Простоты, въ смыслѣ Толстого, Каратаева и Терпигорева, нѣтъ и тѣни въ этихъ страстно-энергическихъ словахъ. Поэтъ, во-первыхъ, говоритъ здѣсь о самомъ себѣ, говоритъ, во-вторыхъ, въ хвалебномъ тонѣ, говоритъ, въ-третьихъ, не обыкновеннымъ разговорнымъ, а *высокимъ* языкомъ («всякъ сущій языкъ» «лира» и пр.). Все это, съ точки зрѣнія каратаевской простоты, грѣхи великіе. Но если въ этихъ стихахъ нѣтъ простоты, то развѣ нѣтъ въ нихъ величія? «Нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды»—говоритъ Толстой и вторитъ ему Терпигоревъ; но развѣ простота и правда одно и то же? Можно быть простымъ, не будучи прав-

дивымъ, и можно быть правдивымъ не будучи простымъ. Не о словахъ я спорю, а о понятіяхъ. Всякій подъемъ чувства, всякій порывъ страсти выводятъ человѣка изъ его обычнаго равновѣсія, лишаютъ его привычной простоты, но развѣ зло и неправда—это душевныя бури?

Простота простотѣ рознь, и бываетъ между прочимъ такая простота, о которой нашъ народъ говоритъ, что она хуже воровства. Терпигоревъ не употреблялъ «хлесткихъ словъ», въ немъ не замѣтно «ходульности», онъ не искалъ «кричащихъ эффектовъ»—все это онъ сказалъ о себѣ совершенно справедливо. Но *аффектацію простоты* подмѣтить у него очень нетрудно—вотъ въ чемъ дѣло. Онъ пишетъ свои повѣсти *ультра* - разговорнымъ языкомъ, такимъ, какимъ мы всѣ дѣйствительно ведемъ между собою устные разговоры, но какимъ никто изъ насъ не пишетъ. «Вообразите, иду я сейчасъ по Невскому проспекту и только что сталъ подходить къ думѣ, — а я шелъ не по тротуару, а, знаете, около самыхъ магазиновъ Гостинаго двора, подъ крышей,—да, такъ вотъ, говорю, иду это я, какъ вдругъ...» и пр. Не буквально такъ, но вродѣ того *разсказывалъ* читателю Терпигоревъ свои повѣсти. Очевидно, для сообщенія своимъ разсказамъ еще большей правдоподобности, онъ всегда съ точностью указываетъ и время, и мѣсто дѣйствія, и такая обстоятельность подкупаетъ читателя. «Три года назадъ, глубокой осенью, эдакъ въ половинѣ или концѣ октября, шелъ я по Кадетской линіи Васильевскаго острова на Петербургскую Сторону. Только что я прошелъ церковь Екатерины Великомученицы и сталъ подходить къ Тучкову мосту, какъ вдругъ...» и пр. Какъ вѣрно,—ахъ, какъ все вѣрно!—воскликнетъ читатель-петербуржецъ.—Какъ же, конечно, ближайшій путь съ Острова на Петербургскую Сторону черезъ Тучковъ мостъ, тутъ еще конка ходитъ до Каменноостровскаго проспекта,—ну, какъ же, знаю, знаю! Все вѣрно! И церковь Екатерины знаю! Рядомъ съ ней трактиръ «Лондонъ», такъ я, бывало, частенько тамъ чай и пиво пилъ. Ахъ, какой простой и правдивый писатель этотъ г. Терпигоревъ!

«Вы сочиняете пародіи,—строго замѣтитъ мнѣ читатель,—а я жду отъ васъ серьезной критики. Развѣ Терпигоревъ ея не заслуживаетъ?» Смѣю увѣрить читателя въ полнѣйшей серьезности моихъ намѣреній. Дѣло въ томъ, что, благодаря этой своей хронологической и топографической обстоятельности описаній, Терпигоревъ умышленно или неумышленно скрываетъ отъ читателя весьма слабую правдоподобность своихъ встрѣчъ и приключеній. Конечно, на ловца и звѣрь бѣжитъ, но Терпигоревъ былъ что-то ужъ слишкомъ счастливымъ ловцомъ: какъ только онъ облюбовалъ какого-нибудь героя, такъ ужъ заранѣе знайте, что онъ «совершенно случайно» разъ пятнадцать встрѣтитъ его то на Морской, то въ Коломнѣ, то на углу Греческаго проспекта и Шестой Рождественской, «возлѣ будки, гдѣ продаются пироги». Вы говорите: я пародирую? Такъ я вамъ представлю документальныя доказательства. Вотъ, наприм., повѣсть Терпигорева *Неутолимая* (т. II)—не худшая и не лучшая въ ряду прочихъ его произведеній. Обстоятельность описаній поразительная: и гдѣ, и какъ, и что, и когда—все помнитъ

авторъ до подробностей. «Это было въ шестьдесятъ второмъ или въ шестьдесятъ третьемъ году». Такъ начинается повѣсть. Въ этомъ году авторъ случайно познакомился съ дочерью своихъ деревенскихъ сосѣдей Варенькой,—она же «неутолимая». «Помню, я ужасно сконфузился, когда меня представляли ей» (стр. 267). Въ тотъ же вечеръ, въ домѣ родителей Вареньки, авторъ видѣлъ (самъ видѣлъ!), какъ одинъ гость-офицеръ «нагнулся къ ней и, какъ бы разсматривая ноты, вскользь поцѣловалъ ее въ щеку. Она нѣсколько отшатнулась, что-то сказала и громко разсмѣялась» (стр. 268). Поцѣловалъ *вскользь,* отшатнулась *нѣсколько,* разсмѣялась *громко,*—экая память богатая у человѣка! Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, подошла зима и по первому снѣгу авторъ со своимъ человѣкомъ пошли на охоту за зайцами. На обратномъ пути — «прошли этакъ съ версту — назади колокольчики... ближе, ближе... видимъ, четыре экипажа другъ за другомъ. Что за поѣздъ?» (стр. 275). Оказалось, съ родителями ѣдетъ въ Петербургъ Варенька... Ну, поговорили, то да се, авторъ Варенькѣ убитаго зайца подарилъ. Прощайте, до свиданія въ Петербургѣ! «Изъ дому отъ отца я получалъ сто рублей въ мѣсяцъ. Я жилъ тогда на Васильевскомъ Островѣ и нанималъ за двадцать пять рублей двѣ большихъ, очень недурно меблированныхъ комнаты» (стр. 278). Авторъ и думать забылъ о Варенькѣ, но однажды, «какъ-то въ одну изъ субботъ, возвращаясь изъ университета домой обѣдать», онъ зашелъ въ лавку и купилъ свѣчей. «Я несъ ихъ подъ мышкой. Я шелъ о чемъ-то задумавшись. «Сергѣй Николаевичъ, куда это вы?»—окликнулъ меня очень знакомый женскій голосъ» (стр. 279). Разумѣется, это оказалась Варенька... На Масленицѣ, въ тотъ же годъ, авторъ поѣхалъ съ товарищами-студентами прокатиться. «На Каменноостровскомъ насъ то и дѣло обгоняли тройки. Изъ одной, обгонявшей насъ, кто-то громко крикнулъ мое имя. Я, разумѣется, оглянулся» (стр. 286). Надо ли говорить, кто окликнулъ автора. «Это была Варенька». Но вотъ Варенька вышла замужъ за одного офицера, авторъ уѣхалъ въ деревню и «прошло два года». «Ни тамъ, въ Тамбовѣ, ни здѣсь, въ Петербургѣ, я не встрѣчался съ Варенькой и ея мужемъ». Вы думаете и конецъ повѣсти? Какъ бы не такъ! «Однажды я шелъ по той сторонѣ Гостинаго двора, которая къ думѣ, и изъ какого-то магазина, какъ разъ въ то время, когда я проходилъ мимо него, дверь отворилась и вышла...» Отгадайте, кто? Неужто Варенька? Она самая, читатель, смотрите стр. 294. Ну, поговорили, старое вспомнили, три-четыре страницы и прибавилось къ повѣсти. «Прошло еще три или четыре года». Поѣхалъ авторъ въ художественный клубъ на костюмированный вечеръ, смотрѣть какихъ-то «бухарцевъ, хивинцевъ, ташкентцевъ,—не помню ужъ». Нельзя же все помнить! Только идутъ эти бухарцы по заламъ клуба и «возлѣ каждаго шла маска» (стр. 298). Дальше и говорить не стоитъ: одна изъ масокъ оказалась Варенька... Прошло еще сколько-то времени. «Я ужъ позабылъ теперь по какому именно случаю у Дорота былъ ужинъ. Часа въ два или три я ѣхалъ куда-то по Невскому. На Полицейскомъ мосту мнѣ попался навстрѣчу зем-

лякъ-директоръ» (стр. 306). Землякъ зазвалъ автора къ Дороту на ужинъ и на ужинѣ, въ числѣ «этихъ дамъ», оказалась, разумѣется, Варенька... «Въ эту же зиму, такъ, должно быть, въ февралѣ» авторъ заѣхалъ на студенческій балъ, заглянулъ въ извѣстную «мертвецкую» и увидѣлъ тамъ даму, которая декламировала стихи передъ толпою студентовъ. Дама эта... ну, мимо! «Дня черезъ два я столкнулся съ ней на Невскомъ» (стр. 313)— и въ результатѣ еще нѣсколько страницъ. Авторъ уѣхалъ въ деревню и заѣхалъ въ гости къ своему «дяденькѣ»—Варенька въ любовницахъ у дяденьки. «Прошло два года. По обыкновенію, лѣто я жилъ въ деревнѣ, зиму— въ Петербургѣ» и узналъ, что «неутолимая» «удрала въ Сибирь съ какимъ-то золотопромышленникомъ». Все? Какъ же: «одинъ мой знакомый инженеръ, ѣздившій въ Сибирь дѣлать какія-то изысканія, разсказывалъ» и т. д. (стр. 323). Изъ Сибири бывшая Варенька уѣхала въ Парижъ, гдѣ «полюбила всѣмъ сердцемъ одного молодого кафра и на дняхъ ѣдетъ съ нимъ на мысъ Доброй Надежды, гдѣ у него бриллiантовыя розсыпи»... Неужели даже теперь не конецъ? Неужели Варенька будетъ преслѣдовать насъ даже изъ Южной Африки, неужели она найдетъ возможнымъ повѣстить о себѣ даже изъ тѣхъ безвѣстныхъ краевъ, откуда теперь весь цивилизованный міръ никакъ не можетъ добиться страстно ожидаемой правды? Очень просто. «Года три или четыре тому назадъ изъ кругосвѣтнаго плаванія вернулась въ Кронштадтъ наша эскадра. У меня очень много знакомыхъ моряковъ» (стр. 327) и т. д., — дальше не стоитъ продолжать, авторскій шаблонъ читателю извѣстный: пили чай съ знакомымъ морякомъ, который и разсказалъ и пр., и пр. Ну, все? А вотъ слушайте: «я не знаю, прошелъ ли мѣсяцъ послѣ этого разговора, какъ я опять сидѣлъ въ Лѣтнемъ саду за тѣмъ же столикомъ и пилъ чай. Я замѣтилъ, что какая-то довольно прилично одѣтая, высокая, худая женщина очень часто проходитъ мимо насъ и всматривается въ меня» (стр. 328). Довольно! кричитъ обозленный и возмущенный читатель. А, довольно! Такъ ужъ не досказывать, кто была эта дама? Нѣтъ, доскажу—и пусть это будетъ моею местью за то, что вы упрекнули меня въ пародированьи нашего автора: это была... это была... это была неизбѣжная, неустранимая, *неутолимая* Варенька! Ни деревня, ни Петербургъ, ни Сибирь, ни Парижъ, ни даже Южная Африка не могли насъ спасти отъ безчисленныхъ «случайныхъ» встрѣчъ съ нею.

Такова была обычная манера Терпигорева. Это была не «простая», а, такъ сказать, упрощенная манера, совсѣмъ, однако же, не чуждая претензій на эффектъ. «Звонкихъ фразъ» Терпигоревъ дѣйствительно не употреблялъ, но неужели нѣтъ «ходульности», т.-е. искусственности, придуманности въ его картинахъ и положеніяхъ? А что касается до пристрастія къ эффектамъ, то достаточно обратить вниманіе хоть на то, съ какимъ непостижимымъ постоянствомъ Терпигоревъ упоминаетъ о своей «нервности» и «впечатлительности», въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ. Отъ сценъ крѣпостной жизни ужъ чего только съ нимъ не было: и обмороки, и слезы, и припадки изступленія и пр. Вотъ изъ шести лежащихъ передо мною томовъ ег

произведеній я беру наудачу третій и разыскиваю свои отмѣтки. На стр. 296 читаемъ: «Я помню, меня при этомъ какъ-то словно надавило чѣмъ-то въ темя и потомъ застучало въ вискахъ». На стр. 330: «У меня задрожала нижняя губа и слезы такъ и брызнули изъ глазъ, радостныя, восторженныя слезы, легкія, благодатныя». На стр. 339: «У меня вдругъ хлынули слезы, неудержимыя, горячія». Не хочу умножать примѣровъ, но завѣряю читателя, что вмѣсто трехъ приведенныхъ могъ бы привести еще хоть сотню. Такая назойливость автора очень скоро утомляетъ читателя. Вообще трудно указать писателя, который бы повторялся такъ часто и такъ «просто», какъ Терпигоревъ. Въ журнальномъ и газетномъ теченіи дѣятельности Терпигорева эти его повторенія оставались незамѣтными для читателя (сегодня прочелъ, а завтра забылъ), но въ отдѣльномъ изданіи, да еще при чтеніи сплошь, залпомъ, съ Терпигоревымъ становится почти невыносимо бесѣдовать... «Да ужъ слышалъ я это отъ васъ, сто тысячъ милліоновъ разъ слышалъ я это отъ васъ,—будетъ, довольно!» хочется вамъ крикнуть автору, но безполезно, Терпигоревъ неумолимъ: его безчисленные «дяденьки», «тетеньки», «племянники», «земляки» и пр. продолжаютъ свое шествіе передъ вами какъ «войска» на сценѣ, т.-е. въ одну дверь солдаты выйдутъ, а въ другую тѣ же самые солдаты войдутъ, опять выйдутъ, опять войдутъ. Подумаешь, ихъ тысячи, а ихъ всего-то десять человѣкъ! Точь въ точь такъ и у Терпигорева: у него есть десятокъ хорошо изученныхъ типовъ, но персонажей у него сотни, если не тысячи, и всѣ они представляютъ собою только слабыя видоизмѣненія основныхъ типовъ. Конечно, это общая бѣда всѣхъ талантовъ средней руки, къ которымъ принадлежитъ и Терпигоревъ, но, должно быть, вслѣдствіе скорописанія и многописанія Терпигорева, этотъ недостатокъ обнаруживается у него съ особою яркостью.

«Сатирикъ-анекдотистъ»—этими двумя словами довольно точно обрисовывается литературная личность и литературное значеніе Терпигорева: онъ много поменьше, нежели истинный сатирикъ, какимъ былъ у насъ Салтыковъ, и много побольше нежели веселый анекдотистъ, вродѣ, наприм., г. Лейкина. Ни опредѣленнаго міросозерцанія, ни широкаго общественнаго идеала, необходимыхъ для истиннаго сатирика, у Терпигорева не было. Съ другой стороны онъ не могъ относиться къ жизни съ тою птичьей беззаботностью, которая отличаетъ настоящаго неунывающаго анекдотиста. Эта двойственность поддерживалась въ немъ и условіями его личной жизни. Условія эти съ одной стороны поставили его лицомъ къ лицу съ такой общественно-психологическою темой (дворянское «оскудѣніе»), относиться къ которой *вполнѣ* легкомысленно было невозможно, невозможно по самой сущности сюжета: «оскудѣніе» переплеталось съ такими картинами крѣпостной жизни, изъ которыхъ веселенькаго анекдота не выкроишь. Отойти, отказаться отъ этого сюжета Терпигоревъ не могъ, потому что около этого именно сюжета группировались всѣ его наиболѣе живыя наблюденія. Но не могъ онъ и овладѣть этимъ сюжетомъ, овладѣть какъ хозяинъ,

какъ мастеръ, не могъ подняться на ту высоту обобщенія, которая одна только и даетъ истинное разумѣніе предмета. Терпигоревъ поэтому какъ-то,—если такъ позволено будетъ выразиться,—терся объ свою излюбленную тему, не скользилъ только по ней, а кое-что и откалупывалъ отъ нея. Это «кое-что» въ общемъ является даже чѣмъ-то значительнымъ, но въ пропорціи далеко не соотвѣтствующей значенію предмета. Сказать ли откровенно? Если бы не высоко-интересная тема главнаго произведенія Терпигорева («Оскудѣніе») о немъ, какъ о повѣствователѣ, врядъ ли бы и говорить стоило, какъ не стоитъ говорить о произведеніяхъ Горбунова и г. Лейкина. Но въ томъ-то и дѣло, что наблюденія Терпигорева относились (по волѣ судьбы) къ самымъ нѣдрамъ или основамъ русской жизни, его полуанекдотическіе разсказы даютъ не только поводъ, но и матеріалъ для анализа вопросовъ нашей національной психологіи, а это не бездѣлица.

Обратимся теперь спеціально къ «Оскудѣнію», т.-е. главнымъ образомъ къ самому предмету этого произведенія.

М. Протопоповъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Письма о современномъ искусствѣ.

II.

Мнѣ не удалось быть на открытіи московскаго литературно-художественнаго кружка. Но, по сообщенію газетъ, открытіе прошло съ большимъ оживленіемъ, съ большимъ подъемомъ чувствъ, произнесено было много хорошихъ словъ, хорошихъ пожеланій. И въ добрый часъ! Пора, давно пора литературно-художественнымъ силамъ Москвы сплотиться въ одну тѣсную семью, начать жить общими интересами, общими силами прокладывать новые пути къ процвѣтанію и литературы, и изящныхъ искусствъ.

Сумѣетъ ли «Кружокъ» осуществить предстоящія ему задачи? Сумѣетъ ли онъ выполнить основную свою цѣль *способствовать развитію литературы и изящныхъ искусствъ* и ближайшую цѣль — положить твердое, незыблемое основаніе *общенія литераторовъ и художниковъ?* Конечно, сумѣетъ, если слова эти неугасаемымъ свѣтомъ будутъ озарять фронтонъ входа въ кружокъ, если кружокъ этотъ будетъ дѣйствительно литературно-художественный *кружокъ*, а не исказится по инертности членовъ его въ лишній московскій *клубъ*, въ которомъ скучающіе или же веселящіеся (les extremités se touchent) представители свободныхъ профессій будутъ искать развлеченія въ картахъ. Припомнимъ исторію учрежденія кружка, припомнимъ тѣ мытарства, которыя прошелъ уставъ его, припомнимъ, что въ первоначально утвержденномъ уставѣ было исключено право женщинъ быть членами кружка, что учредители входили съ новымъ ходатайствомъ, въ которомъ просили включить въ уставъ это право и что ходатайство это было въ концѣ-концовъ уважено, — припомнимъ все это и скажемъ: неужели же вся эта энергія учредителей окажется напрасной, неужели результатомъ ея явилось лишь то, что мы въ «кружкѣ» литературно-художественномъ будемъ имѣть право созерцать въ числѣ партнеровъ по винту извѣстную драматическую артистку или пѣвицу, и что участіе ихъ въ литературно-художественномъ общеніи выразится въ томъ, что мы услышимъ изъ устъ извѣстной артистки многозначущее не только въ карточной игрѣ слово «пасъ».

Не будетъ этого, мы твердо вѣримъ въ жизненность новаго *просвѣтительнаго* общества. Цѣли художественныя, цѣли культуры должны быть и будутъ на первомъ планѣ въ жизни «кружка». Но для того, чтобы такъ было, нужно, конечно, прежде всего, чтобы въ кружкѣ съ первыхъ же шаговъ его жизни воцарилось дѣйствительное общеніе литераторовъ и художниковъ,—общеніе, основанное на общности духовныхъ интересовъ. Починъ такого общенія уже сдѣланъ. Въ кружкѣ организованы литературныя субботы. Въ первую субботу, 16 октября, кн. А. И. Урусовъ читалъ о Гёте и Пушкинѣ, рѣчь посвященную памяти двухъ національныхъ поэтовъ, юбилеи которыхъ праздновались въ этомъ году. Въ слѣдующую субботу читалъ В. А. Гольцевъ о Пушкинѣ и лицеѣ. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи этихъ рѣчей. Рѣчь кн. Урусова будетъ помѣщена имъ въ *Мірѣ Искусствъ*, рѣчь В. А. Гольцева напечатана въ *Курьерѣ* (№ 294). Но вотъ что жалко. Масса публики внимательно слушаетъ лекторовъ, но какъ только кончилось чтеніе, *общеніе* кончается, слушатели разбиваются на группы, появляются карточные столы, и обаяніе литературно-художественнаго вечера пресѣкается безжалостной рукой, или вѣрнѣе руками, начинающими снимать и сдавать карты.

Да не подумаютъ читатели, что мы стоимъ за безусловное изгнаніе картъ изъ «кружка». Зачѣмъ желать невозможнаго? Но пусть онѣ стоятъ, какъ въ уставѣ, на *шестомъ* мѣстѣ,—вотъ все, что мнѣ думается, мы вправѣ требовать отъ литературно-художественнаго кружка. Отчего бы послѣ такихъ литературныхъ чтеній не организовать бесѣдъ по поводу только что выслушанной рѣчи. Въ такой непринужденной, истинно «литературно-художественной бесѣдѣ» незамѣтно пройдетъ часъ—два времени и произойдетъ дѣйствительное *общеніе*, и каждый такой вечеръ, проведенный кружкомъ лицъ, живущихъ и поклоняющихся одному богу—свободному искусству, все прочнѣе и выше будетъ возводить зданіе *единенія* литераторовъ и художниковъ.

И «кружокъ» можетъ занять одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ среди просвѣтительныхъ учрежденій не только Москвы, но и всей Россіи, которая такъ бѣдна еще этими учрежденіями!

Итакъ, за общую работу, господа литераторы и художники, общими силами послужимъ развитію литературы и изящныхъ искусствъ и будемъ высоко держать знамя литератора, художника и артиста!

Намъ слишкомъ дорого это новое Общество, мы обѣщаемъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за его жизнью и съ чувствомъ неподдѣльной, искренней радости отмѣчать на этихъ страницахъ все свѣтлое и хорошее что дастъ намъ всѣмъ, любящимъ литературу и искусство, новый кружокъ.

А вѣдь какъ жаждемъ мы этого подъема силъ въ области искусства какъ непривѣтливо смотритъ на насъ дѣйствительность! За прошлый мѣсяцъ мнѣ пришлось отмѣтить лишь *одну* новинку родной драматической литературы, драму г-жи О. Шапиръ «Глухая стѣна». Прошелъ октябрь и н принесъ даже обѣщанной намъ на этотъ мѣсяцъ новинки — новой пьес

кн. А. Сумбатова «Закатъ», такъ какъ по болѣзни автора первое представленіе «Заката», имѣвшее состояться въ бенефисъ артиста Рыбакова, перенесено на ноябрь.

Правда, въ октябрѣ состоялось на сценѣ «Художественно-Общедоступнаго театра» первое представленіе «Дяди Вани» Ан. Чехова. Но сцены изъ деревенской жизни,—такъ названо авторомъ его произведеніе,—нельзя причислить къ новинкамъ нашей драматической литературы. «Дядя Ваня» знакомъ намъ ужъ нѣсколько лѣтъ. Но, какъ бы то ни было, на сценѣ это произведеніе Ан. Чехова представлено не было, и поэтому мы вправѣ считать его за новинку этого сезона.

Мнѣ живо припомнилось на первомъ представленіи «Дяди Вани» то настроеніе, которое господствовало въ зрительномъ залѣ въ прошломъ сезонѣ на первомъ представленіи «Чайки». То же до болѣзненности напряженное вниманіе, тѣ же оживленные, страстные разговоры въ антрактахъ, тѣ же единодушныя глубоко-искреннія привѣтствія зрителей по адресу отсутствовавшаго любимаго писателя.

Но будемъ соблюдать очередь. Первое представленіе «Дяди Вани» состоялось лишь 26 октября. Въ началѣ же этого мѣсяца мы присутствовали на первомъ представленіи «Идіота», драмы, передѣланной изъ романа Достоевскаго. Литературно-художественнаго значенія она, конечно, не имѣетъ никакого. Скажу нѣсколько словъ по поводу этой передѣлки. Горячіе споры возбудила она. Былъ поставленъ вновь вопросъ о томъ, имѣетъ ли драматургъ право передѣлывать не имъ написанное беллетристическое произведеніе въ драму, комедію и т. д. Вопросъ шелъ, конечно, о правѣ, такъ сказать, этическомъ. Большинство, повидимому, склонно думать, что не имѣетъ. И, мнѣ кажется, главнымъ образомъ, потому, что никто не можетъ припомнить ни одной дѣйствительно удачной передѣлки романа въ драму. Ну, а если бы такая удачная передѣлка явилась? Если бы нашелся драматургъ, который сумѣлъ бы, воспользовавшись фабулой романа и даже цѣликомъ нѣкоторыми драматическими сценами его, написать произведеніе, по художественному значенію своему не уступающее художественнымъ достоинствамъ романа? Что тогда? Мы все-таки продолжали бы стоять на своемъ и твердить, что передѣлка чужого беллетристическаго произведенія не допустима? Мнѣ думается, протестующіе голоса умолкли бы тогда, и мы съ наслажденіемъ прослушали бы такую драму.

Если такъ, то и вопросъ объ этическомъ правѣ на драматическія передѣлки получаетъ иное освѣщеніе. Не слѣдуетъ выступать противъ нихъ quand même. Передѣлывать романъ въ драму, заимствовать сюжетъ—вполнѣ дозволительно,—лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить «заимствованія» сюжетовъ для драмъ и комедій Шекспиромъ, Гёте («Фаустъ»),—но передѣлыватель романа въ драму долженъ обладать *талантомъ* по меньшей мѣрѣ равнымъ таланту писателя, романъ котораго онъ хочетъ передѣлать въ драму. У насъ же, къ сожалѣнію, передѣлывателями являются или совершенно неизвѣстныя въ литературѣ лица, или, въ лучшемъ случаѣ,

драматическихъ дѣлъ мастера, которые на передѣлку романа въ драму смотрятъ глазомъ опытнаго закройщика, перекраивающаго старое хорошо сшитое пальто въ плохую пиджачную пару.

Разумѣется, при этихъ условіяхъ передѣлокъ романовъ въ драмы совсѣмъ почти и не будетъ, ибо писатель съ именемъ, съ творческимъ замысломъ, предпочтетъ въ большинствѣ случаевъ написать *свое,* не заимствованное, а передѣлывателемъ въ большинствѣ случаевъ явится авторъ неизвѣстный, причемъ «передѣлываемымъ» окажется также въ большинствѣ случаевъ авторъ весьма извѣстный.

Во французской драматической литературѣ передѣлки извѣстныхъ романовъ въ драму встрѣчаются въ особенности часто, но тамъ кореннымъ основаніемъ такихъ передѣлокъ является *участіе самого автора романа* въ передѣлкѣ романа въ драму. При этихъ условіяхъ, конечно, совершенно отпадаютъ всякія нареканія на передѣлывателей. Послѣдніе даютъ въ общемъ сотрудничествѣ свой опытъ, знаніе сцены, архитектонику драмы, а авторъ романа—ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ идея его произведенія, развитіе характеровъ дѣйствующихъ лицъ сохранены были въ драмѣ во всей ихъ художественной неприкосновенности. При такихъ условіяхъ передѣлка можетъ стать творчествомъ и претендовать на такое же самостоятельно-оригинальное художественное значеніе, какъ и романъ автора, послужившій *основаніемъ* для драмы.

Но такія передѣлки возможны только, такъ сказать, inter vivos, когда авторъ романа живъ, но если онъ умеръ? Возможна ли передѣлка романа умершаго писателя въ драматическое произведеніе?

Въ большинствѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ—нѣтъ! Пусть живутъ произведенія знаменитыхъ романистовъ, пусть зачитываются ими долгіе годы десятки и сотни тысячъ старыхъ и юныхъ читателей, но не будемъ пытаться перекраивать ихъ въ драмы, хотя бы романы этого знаменитаго писателя изобиловали чуть ли не готовыми драматическими сценами.

Сколько такихъ сценъ, поражающихъ по силѣ вложеннаго въ нихъ драматизма, вы найдете въ романахъ Ѳ. М. Достоевскаго! Но зачѣмъ, зачѣмъ увлекаться этими, такъ сказать, готовыми для драмы сценами и ради этихъ сценъ искажать, коверкать весь романъ? Сомнѣнья нѣтъ, высоко-драматическая сцена, въ которой Достоевскій остается Достоевскимъ, въ которой *передѣлыватель* взялъ на себя скромную роль *переписчика,* въ исполненіи талантливыхъ артистовъ, сумѣвшихъ воплотить болѣзненно-геніальные образы писателя, будетъ имѣть успѣхъ, зрители съ особенно-приподнятымъ чувствомъ прослушаютъ эти драматическія сцены, но тѣмъ глубже, тѣмъ горше будетъ ихъ разочарованіе, ихъ досада, ихъ негодованіе, когда вслѣдъ за такой сценой они должны будутъ лицезрѣть собственную стряпню передѣлывателя. Потускнѣютъ сразу молніей прорвавшіе тьму передѣлки яркіе образы романа, и тусклымъ свѣтомъ тщетныхъ потугъ драматической кройки будетъ свѣтить со сцены, на которой двигаются уже не яркіе образы писателя, а какіе-то жалкіе обрывки, осколки этихъ образовъ.

Что сдѣлалъ г. Субботинъ изъ романа Достоевскаго «Идіотъ»? Я ставлю вопросъ намѣренно только объ одномъ г. Субботинѣ, ибо что сдѣлалъ второй «авторъ» передѣлки, г. Крыловъ, ясно безъ вопроса: опытная рука драматическихъ дѣлъ мастера прошлась по всей «передѣлкѣ» и придала ей шаблонно-«сценическій» лоскъ.

Итакъ, что сдѣлалъ г. Субботинъ? Онъ воспользовался *первымъ днемъ* пріѣзда героя романа, «идіота» кн. Мышкина въ Петербургъ и взялъ изъ этого одного дня три сцены. Вышло три дѣйствія. Послѣдняя, заключительная сцена романа составила 5-й актъ. А такъ какъ въ драмѣ пять дѣйствій, то, слѣдовательно, все содержаніе романа, *вся жизнь* «идіота» втиснута авторами въ *одинъ* актъ! Одно это указаніе на конструкцію драмы ясно указываетъ на всю нехудожественность передѣлки. Нельзя ради двухъ-трехъ готовыхъ драматическихъ сценъ искажать романъ! Я смѣло могу ограничиться этой краткой замѣткой объ «Идіотѣ» гг. Субботина и Крылова, такъ какъ самостоятельнаго литературно-драматическаго значенія она ровно никакого не имѣетъ. Все, что есть въ драмѣ хорошаго, принадлежитъ Достоевскому, все неудачное—авторамъ передѣлки. Исполнители отнеслись къ предстоявшей имъ тяжелой задачѣ съ большой вдумчивостью. Г-жа Ермолова, видимо, много и даже страстно поработала надъ ролью Настасьи Филипповны. Въ извѣстной сценѣ въ домѣ Иволгиныхъ, когда она, нежданная, является въ семью своего суженаго мужа, она была безукоризненно хороша. Слабѣе, вѣрнѣе сказать, съ меньшей увѣренностью провела она безумно-трагическую сцену празднества именинъ Настасьи Филипповны. Я говорю о впечатлѣніи моемъ послѣ перваго представленія. Въ данномъ случаѣ положительно необходимо сдѣлать эту оговорку. Тотъ нервно-истеричный подъемъ, который долженъ царить во всей этой тяжелой до кошмара сценѣ, слишкомъ зависитъ отъ субъективно-нервнаго настроенія артиста. И я увѣренъ, что сколько разъ ни играй г-жа Ермолова эту сцену, ей не удастся сыграть ее всегда съ одинаковой силой. Но данныя таланта г-жи Ермоловой говорятъ за то, что исполненіе ею роли Настасьи Филипповны можетъ дойти до высокой степени нервнаго подъема, и тогда впечатлѣніе отъ этой сцены 3-го акта «Идіота» можетъ быть до болѣзненности сильнымъ. Объ игрѣ остальныхъ исполнителей драмы я не могу писать подробно. Авторы передѣлки изъ большинства дѣйствующихъ лицъ драмы безжалостно вырѣзали ту душу, которую вложилъ имъ авторъ романа. Кн. Мышкинъ-идіотъ, Ганя Иволгинъ, Аглая Епанчина, Парфенъ Рогожинъ—всѣ они обезличены въ передѣлкѣ до неузнаваемости, и артистамъ, изображавшимъ ихъ, приходилось бороться съ непосильной задачей: заставить зрителей слушать ихъ, такъ сказать, «между строкъ», и восполнять образы изображаемыхъ ими лицъ тѣми фразами, мыслями и дѣйствіями, которыя въ драматической передѣлкѣ выпущены, и, что еще хуже, не слушать ихъ вовсе, когда эти герои передѣлки начинаютъ говорить тѣ фразы, выражать тѣ мысли, совершать тѣ поступки, которые придуманы авторами передѣлки.

Довольно объ этомъ отрицательномъ явленіи нашей современной драматической литературы,—переходимъ къ свѣтлой страницѣ истекшаго мѣсяца и поговоримъ о «Дядѣ Ванѣ», Ант. Чехова.

Много споровъ, много разногласій и въ печати, и въ обществѣ возбудило это произведеніе. Одни находили, что «Дядя Ваня» та же «Чайка», что вся сила этихъ драматическихъ произведеній заключается въ томъ *настроеніи*, которое выноситъ зритель, а настроеніе это грустно-пессимистическое, безотрадное. Идя по этому пути, одинъ изъ московскихъ критиковъ дошелъ до сравненія драматическаго произведенія Ант. Чехова, съ будничнымъ сѣренькимъ пейзажемъ, который, по словамъ критика, такъ незамѣтенъ въ природѣ и такъ красивъ на полотнѣ! Если все значеніе драматическихъ произведеній Ант. Чехова сводить къ одному настроенію, если не видѣть въ нихъ изображенія жизни и непремѣнно, слѣдовательно, *житейской борьбы*, то сравненіе драмы съ пейзажемъ, пожалуй, и возможно понять. Но правильно ли такъ суживать значеніе драмъ Ант. Чехова, правильно ли думать, что «нудные» люди, «ненужные» люди живутъ безъ борьбы, безъ интереса? Быть можетъ, несмотря на всю ихъ кажущуюся порой «ненужность», они борются, страдаютъ, плачутъ и смѣются, точно такъ же какъ борются и страдаютъ, плачутъ и смѣются люди сильные духомъ, реформаторы общественныхъ теченій!

Мнѣ кажется, отказываться отъ анализа драматическихъ произведеній такого чуткаго жизненнаго писателя какъ Ант. Чеховъ, значитъ, не понимать этихъ произведеній. Герои драмъ Чехова—не герои въ смыслѣ Наполеона I, правда, но это настоящіе герои, тѣ незамѣтные герои, которые умираютъ безъ надгробныхъ рѣчей, на могилѣ которыхъ не ставятъ пышныхъ мавзолеевъ, но костями которыхъ бѣлѣетъ безконечное поле житейской битвы.

«Хмурые» люди, «нудные» люди, «эпизодическіе» люди—всѣ они испиваютъ чашу жизни до дна, борются за интересъ, живутъ этимъ интересомъ и погибаютъ, не достигнувъ этого интереса. Въ этой, какъ будто безплодной борьбѣ весь трагизмъ ихъ положенія, на почвѣ этой кажущейся имъ безплодности борьбы зарождается и расцвѣтаетъ ихъ пессимизмъ. Но, несмотря на этотъ пессимизмъ, они продолжаютъ борьбу, ибо, сами не сознавая того, продолжаютъ вѣрить въ свою собственную созидательную силу. «Ничего я не хочу, ничего мнѣ не нужно, ничего я не люблю», говоритъ докторъ Астровъ старой нянѣ Маринѣ и тутъ же задумывается надъ вопросомъ, помянутъ ли его и ему подобныхъ, на нивѣ житейской работающихъ, тѣ, «которые будутъ жить черезъ сто-двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь *пробиваемъ дорогу*». «Пробивать дорогу»—не значитъ жить одними настроеніями, это значитъ—жить полно жизнью хотя бы и незамѣтнаго героя.

Докторъ Астровъ искрененъ, когда говоритъ о скукѣ, глупости, грязи жизни, но онъ еще болѣе искрененъ, когда онъ сломя голову скачетъ тридцать верстъ, чтобы помочь больному, или сажаетъ березку, мечтая о томъ

чтобы помочь человѣческому счастью, хотя бы счастье это стало возможнымъ только черезъ *тысячу лѣтъ*.

Въ драмахъ Чехова, конечно, встрѣчаются и болѣе неустойчивые характеры, чѣмъ докторъ Астровъ; эти болѣе неустойчивыя натуры не выдерживаютъ жизненной борьбы и гибнутъ или насильственной смертью, подобно молодому Треплеву въ «Чайкѣ», или же *замираютъ* живыми, подобно дядѣ Ванѣ, но и они не безцѣльно, не безъидейно проживаютъ свой вѣкъ, и они «пробиваютъ дорогу» тѣмъ, которые будутъ жить черезъ сто-двѣсти, а можетъ быть и тысячу лѣтъ и будутъ *счастливѣе* ихъ.

Я постарался охарактеризовать общую идейную сторону жизни и страданій героевъ Чеховскихъ драмъ, а теперь подойдемъ поближе и вдумаемся въ только-что видѣнное нами на сценѣ драматическое произведеніе писателя. Я не знаю, какая изъ драмъ написана раньше, «Чайка» или «Дядя Ваня», но во всякомъ случаѣ въ нихъ есть очень много общаго и общаго именно *въ основѣ* драматическаго дѣйствія. Какъ въ первой, такъ и во второй драмѣ, въ центрѣ поставлено одно лицо, около котораго, какъ вокругъ солнца, вращаются всѣ остальныя лица, которое является какъ бы пружиной, приводящей въ дѣйствіе сложный механизмъ коллизіи человѣческихъ страстей, но само въ драмѣ играетъ лишь *пассивную* роль. Въ «Чайкѣ» этимъ лицомъ является беллетристъ Борисъ Алексѣевичъ Тригоринъ, въ «Дядѣ Ванѣ»—отставной профессоръ Александръ Владиміровичъ Серебряковъ.

Но насколько ярко выписана въ «Чайкѣ» фигура Тригорина, настолько неясно изображенъ авторомъ Серебряковъ.

Тригоринъ — извѣстный, болѣе того, знаменитый писатель, онъ безпощадно выписанъ Чеховымъ, безъ всякихъ прикрасъ такимъ, каковъ онъ есть. Нина Зарѣчная находитъ его «великимъ, прекраснымъ» и она по-своему права; зритель или читатель понимаетъ, что Нина можетъ его находить такимъ; молодой Треплевъ считаетъ Тригорина «рутинеромъ, захватившимъ первенство въ искусствѣ», и зритель опять-таки совершенно ясно сознаетъ, что правъ по-своему молодой Треплевъ, и правъ не только потому, что ревнуетъ Тригорина къ Нинѣ, а правъ потому, что Тригоринъ можетъ дѣйствительно казаться для Нины, Аркадиной и имъ подобныхъ чуть ли не геніемъ, а для Треплева, Дорна и многихъ другихъ—заурядными писателемъ.

На берегу озера съ дѣтства живетъ молодая дѣвушка; любитъ озеро, какъ чайка, и счастлива, и свободна, какъ чайка. Но случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее...—вотъ сюжетъ *для небольшого разсказа*, по мнѣнію Тригорина,—сюжетъ *драмы* для А. Чехова. Гибнетъ чайка, гибнетъ молодой Треплевъ, любившій Нину... Зрители всею душой чувствуютъ всю драму. Ничего недоговореннаго, ничего недосказаннаго въ ихъ впечатлѣніи не остается.

Не то въ сценахъ изъ деревенской жизни «Дядя Ваня».

Подобно Тригорину, отставной профессоръ Серебряковъ является тѣмъ центромъ, вокругъ котораго группируются цѣлый рядъ лицъ, цѣлый рядъ

страстей. Серебряковъ, подобно Тригорину, по мнѣнію однихъ, является чуть ли не геніемъ, вѣщающимъ людямъ «новое слово» (старуха Войницкая, мать дяди Вани), по мнѣнію другихъ—лжеучителемъ, «двадцать лѣтъ читающимъ и пишущимъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ» (дядя Ваня, дочь Серебрякова отъ перваго брака Соня, вторая жена Серебрякова Елена Андреевна), но вотъ въ чемъ глубокая разница между отношеніями окружающихъ лицъ къ Тригорину и Серебрякову. Тригоринъ весь на-лицо передъ читателемъ, поэтому, повторяю, понятно для читателя и увлеченіе къ Тригорину Нины и Аркадьиной, понятно и отрицательное отношеніе къ нему молодого Треплева. Отставной профессоръ Серебряковъ, — весь въ тѣни; всего того, что читателю безусловно необходимо знать о Серебряковѣ, въ драмѣ нѣтъ: тотъ Серебряковъ, который могъ «глаголомъ жечь сердца людей», могъ заставить поклоняться ему и умнаго и образованнаго Ивана Войницкаго, и чуткую натуру Сони, наконецъ, красивую молодую дѣвушку Елену Андреевну, вышедшую за него замужъ, если не по любви, то *по увлеченію*,—остается для читателя загадкой. Все обаяніе, силу, мощь этого человѣка мы не видимъ въ драмѣ, о ней говорятъ, говорятъ всѣ дѣйствующія лица и въ особенности горячо дядя Ваня, какъ о томъ, что *было*, но чего уже нѣтъ теперь ни слѣда. Съ самаго начала драмы и передъ глазами окружающихъ его лицъ и зрителей, не геніальный, ни даже лже-геніальный ученый, а «старый сухарь», «ученая вобла», по образному выраженію дяди Вани; и только одна выжившая изъ ума старуха Войницкая, «однимъ глазомъ смотрящая въ могилу, а другимъ—ищущая въ своихъ умныхъ книжкахъ зарю новой жизни», продолжаетъ еще преклоняться передъ геніемъ профессора Серебрякова. Но старуха Войницкая не можетъ быть для насъ свидѣтелемъ, мы не вѣримъ ея показаніямъ и отбрасываемъ ихъ, какъ недостовѣрныя.

Между тѣмъ на почвѣ этой утерянной вѣры въ геній профессора, правда, тѣсно связанной любовнымъ аффектомъ дяди Вани къ женѣ профессора Еленѣ Андреевнѣ, разыгрывается драма, доводящая дядю Ваню даже до выстрѣла въ эту безличную куклу отставного профессора.

Правъ ли дядя Ваня въ своемъ разочарованіи въ геній профессора, права ли Соня, пожертвовавшая всей своею молодою жизнью на служеніе этому генію, права ли Елена Андреевна, увлекшаяся геніемъ и теперь тоже разочаровавшаяся,—все это вопросы, и отвѣта на нихъ въ драмѣ мы не находимъ.

Мирно, въ хорошей, творческой работѣ текла жизнь обитателей усадьбы Сорина; посѣтилъ ее «разрушитель» Тригоринъ—и посѣщеніе это вызвало драму, вполнѣ понятную для зрителя.

Мирно протекала жизнь обитателей усадьбы Серебрякова, посѣтилъ ее «разрушитель» Серебряковъ—и посѣщеніе это вызвало драму, непонятную для зрителя, потому что непонятна, не доказана «разрушительная» мощь Серебрякова.

Конечно, столкновеніе дяди Вани съ Серебряковымъ можно объяснить

просто, до банальности просто. Влюбился дядя Ваня въ Елену Андреевну, на этомъ основаніи возненавидѣлъ до тѣхъ поръ боготворимаго имъ профессора и, убѣдившись въ тщетности своихъ любовныхъ чувствъ къ Еленѣ, послѣ того, какъ сталъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ Елена Андреевна цѣлуется съ докторомъ Астровымъ,—въ состояніи запальчивости и раздраженія, усугубленномъ эгоистичнымъ предложеніемъ профессора продать имѣніе и лишить такимъ образомъ дядю Ваню родного его угла,—пустилъ въ профессора двѣ пули, съ цѣлью лишить его жизни, но промахнулся, за каковое преступленіе дядя Ваня подлежитъ на основаніи ст. 1455 ул. о нак. N—скому окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей...

Но неужели къ этому банальному объясненію сведемъ мы весь художественный замыселъ драматурга? Конечно, нѣтъ. Мы привели это объясненіе лишь потому, что намъ пришлось услышать его, намъ указывали на то, что въ основѣ драмы «Дядя Ваня» лежитъ прежде всего любовь его къ Еленѣ Андреевнѣ, что въ этой любви скрытъ весь узелъ драмы... Знаменитое: «cherchez la femme» увлекло нѣкоторыхъ критиковъ-«слѣдователей» и заставило ихъ переоцѣнить значеніе любовнаго аффекта дяди Вани.

Не на немъ зиждется идейный интересъ драмы, а именно на разрушительной силѣ такихъ лже-учителей, какъ Тригоринъ въ «Чайкѣ», какъ *долженъ бы быть* Серебряковъ въ «Дядѣ Ванѣ».

Но разрушительная мощь Серебрякова авторомъ не доказана, и въ этомъ-то заключается слабая сторона сценъ изъ деревенской жизни «Дядя Ваня». Вотъ почему «Дядя Ваня» значительно уступаетъ «Чайкѣ», гдѣ все ясно, все доказано.

Несмотря однако на этотъ основной недостатокъ, пьеса полна такихъ жизненныхъ сценъ, рисуетъ намъ такъ художественно-просто глухую жизнь «нудныхъ» людей, что мы готовы забыть объ этомъ недостаткѣ и искренно восхищаемся отдѣльными картинами, написанными сильной, увѣренной рукой художника.

Литературно-художественный театръ, которому принадлежитъ честь постановки второго драматическаго произведенія Ант. Чехова, отнесся къ ней съ присущимъ этому театру художественнымъ вкусомъ.

Превосходны декораціи, художественно задуманныя и исполненныя талантливымъ художникомъ В. А. Симовымъ, прекрасно до самыхъ послѣднихъ мелочей выдержанъ стиль обстановки деревенской жизни въ старой помѣщичьей усадьбѣ. Менѣе удовлетворительна была игра артистовъ. Въ особенности неправильно задумана была талантливымъ г. Лужскимъ роль Серебрякова. Въ изображеніи Серебрякова онъ подчеркнулъ особенно ярко стороны смѣшныя, низводящія отставного профессора и полу-бога до степени стараго башмака (даже не «ученой воблы»), и личность Серебрякова, и безъ того неясная, окончательно окаррикатурилась и превратилась въ одинъ большой нуль.

Не удовлетворилъ насъ своей игрой и г. Вишневскій, которому поручена была заглавная роль сценъ. Дядя Ваня — умный, образованный че-

ловѣкъ, чуткій, впечатлительный, нервный, «нудный», по выраженію автора, человѣкъ больной воли, сказали бы мы, а г. Вишневскій изобразилъ дядю Ваню по внѣшнему виду неряшливымъ, обросшимъ дикой бородой мужчиной; въ интонаціяхъ его голоса, въ жестахъ, походкѣ проглядывала скорѣе какая-то развинченная грубая сила, и весь духовный обликъ дяди Вани получилъ совершенно ложное толкованіе.

Г-жа Книппер, игравшая роль Елены Андреевны, слишкомъ ужъ подчеркивала «усталость» лѣнивой женщины. Правда, дядя Ваня говоритъ про Елену Андреевну: «Полюбуйтесь, ходитъ и отъ лѣни шатается», но не слѣдуетъ увлекаться этой характеристикой и доводить ее до аффектаціи. Елена Андреевна сама характеризуетъ себя несравненно глубже, когда она говоритъ: — «не знаю, что мнѣ дѣлать». Вотъ основная черта характера Елены Андреевны. Героевъ и героинь Чеховскихъ драмъ нужно играть *просто*, безъ аффектаціи прежде всего, ибо аффектація чужда таланту писателя.

Изъ исполнителей «сценъ» слѣдуетъ выдѣлить г. Станиславскаго и г-жу Лилину. Г. Станиславскій былъ очень хорошимъ врачомъ Астровымъ; г-жа Лилина тепло и въ нѣкоторые моменты, въ особенности въ сценѣ 4-го дѣйствія, художественно изобразила намъ Соню Серебрякову. Тихій голосъ артистки былъ проникнутъ убѣжденной покорностью и горячей вѣрой въ то, что и для дяди Вани, и для Сони, «для всѣхъ людей безъ радостей», наступитъ часъ, когда и ихъ жизнь станетъ «тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка», и наступитъ время вѣчнаго отдыха, и благодаря этой прекрасной игрѣ артистки, прекрасная заключительная сцена драмы произвела на зрителей глубокое впечатлѣніе и заставила забыть многія шероховатости исполненія артистами другихъ сценъ драмы.

Въ общемъ, несмотря на недостатки въ исполненіи отдѣльныхъ ролей, сцены изъ деревенской жизни Ант. Чехова на Художественно-Общедоступномъ театрѣ производятъ сильное впечатлѣніе: недостатки игры исполнителей блѣднѣютъ на художественно-стильномъ фонѣ постановки.

Чтобы завершить мои обязанности лѣтописца, я долженъ бы былъ остановиться еще на дѣятельности «Новаго театра» за октябрь мѣсяцъ. Дѣятельность эта выразилась въ возобновленіи Шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь» и постановкѣ въ 1-й разъ старинной испанской комедіи Моретто «Донна Діана», въ стихотворномъ переводѣ В. Александрова. Приходится за недостаткомъ мѣста ограничиться констатированіемъ факта. «Сонъ въ лѣтнюю ночь», повидимому, очень понравился московской публикѣ. Комедія въ теченіе мѣсяца шла чуть ли не десять разъ и всегда при полномъ зрительномъ залѣ. Разыгрывается комедія молодыми артистами Нового театра дружно, поставлена комедія... Но о постановкѣ я именно и хотѣлъ поговорить подробнѣе. Это — чрезвычайно интересный вопросъ. Къ этого-то вопроса о художественности театральныхъ постановокъ я и начну свое слѣдующее письмо.

—инъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, г. редакторъ, понимая въ широкомъ смыслѣ новое названіе преобразованнаго вами отдѣла *О современномъ искусствѣ*, прошу помѣстить слѣдующее мое письмо о сценическомъ искусствѣ и его положеніи въ Москвѣ, а равно нѣкоторыя замѣчанія на письмо г. —ина. Можетъ быть, открытое выясненіе стоящаго на очереди и неотложнаго вопроса о положеніи сценическаго искусства поможетъ осуществленію тѣхъ практическихъ мѣръ, которыя необходимо приблизятъ это искусство къ его идеалу.

По отношенію къ сценическому искусству намъ всегда приходится сталкиваться съ разрѣшеніемъ двухъ вопросовъ. Этимъ сценическое искусство существенно отличается отъ другихъ родовъ искусства и потому въ практическомъ отношеніи представляетъ особыя затрудненія. Посредникомъ между зрителемъ и личностью художника, поэта, ваятеля, архитектора являются произведенія самихъ творцовъ. Здѣсь нѣтъ передачи, второе лицо отсутствуетъ, впечатлѣніе и оцѣнка происходятъ сразу и непосредственно. Иначе въ сценическомъ искусствѣ (отчасти и въ музыкѣ). Тутъ между авторомъ и зрителемъ стоитъ актеръ. Всѣ отношенія мѣняются, и совершенно ложно мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что эти отношенія только усложняются, они именно *мѣняются*. Потому и драматическое искусство должно быть совершенно выдѣлено изъ цикла другихъ искусствъ, къ нему прилагаются другія мѣрки. Передъ зрителемъ могутъ быть два генія—авторъ и актеръ. Изъ сочетанія геніальности обоихъ создается художественный образъ. Вотъ почему правы тѣ, которые идутъ смотрѣть пьесу,— имъ нуженъ только авторъ, вотъ почему правы и тѣ, которые идутъ смотрѣть актера. Пусть, кто видѣлъ, вспомнитъ, какъ Росси игралъ Людовика XI. Кромѣ самого Росси въ труппѣ не было никого, кто бы заслуживалъ названіе актера. Сама пьеса (Казиміра Делавиня)—одна изъ лучшихъ драмъ переходнаго періода псевдо-классицизма въ романтизмъ, но, и какъ всѣ пьесы того же автора, не освободилась еще отъ вліянія старыхъ образцовъ и не блещетъ особой оригинальностью. Между тѣмъ зритель забывалъ, что онъ находится въ театрѣ, онъ достигалъ того состоянія, когда человѣкъ весь переходитъ

въ созерцаніе. Это тѣ моменты, ради которыхъ живетъ человѣчество. Занавѣсъ опускался и никто не апплодировалъ. Зритель переживалъ еще состояніе восхищенія, хотя волшебникъ уже ушелъ. Критикъ молчалъ въ зрителѣ, и только черезъ нѣсколько минутъ вернувшійся анализъ низводилъ зрителя на землю и напоминалъ ему, что онъ только зритель, а передъ нимъ былъ актеръ, который заставилъ человѣка-зрителя забыть, что онъ человѣкъ, ограниченный мѣстомъ и временемъ. Вотъ что дѣлалъ Росси безъ труппы, безъ сыгравшагося ансамбля силой своей геніальности, силой личнаго творчества. Это была лучшая роль Росси, по крайней мѣрѣ, во время послѣднихъ его пріѣздовъ въ Москву. Авторъ исчезалъ, гигантъ актеръ заслонялъ его своимъ свѣтомъ. Можетъ быть, благодаря этой непосредственности общенія между творцомъ-актеромъ и зрителемъ сценическое искусство достигало своихъ высшихъ предѣловъ. При такомъ положеніи природа сценическаго искусства сводилась къ тѣмъ требованіямъ и условіямъ, которыя въ главномъ характеризуютъ остальныя искусства, именно отсутствію второго лица, въ данномъ случаѣ—автора. Невольно сейчасъ же является вопросъ, какъ же быть съ двумя геніями, когда они неминуемо должны столкнуться? Возможно ли сліяніе двухъ геніевъ въ художественномъ образѣ? Мы отвѣчаемъ безъ оговорокъ: нѣтъ, невозможно. Всегда передъ зрителемъ будетъ находиться прежде всего тотъ, кто къ нему ближе, кто непосредственнѣе вліяетъ на него силою своей личности. Вотъ почему мы никогда не можемъ видѣть того, что написалъ Шекспиръ. Мы видѣли не Гамлета Шекспира, а Гамлета Росси. Это не въ униженіе Росси, а въ похвалу. Сила автора-генія и заключается въ той необъемлемой широтѣ творчества и созданныхъ имъ образовъ, изъ которой актеръ-геній можетъ черпать безъ конца свои интерпретаціи. Эта неистощаемость и есть залогъ жизни геніальнаго творчества автора, залогъ его безсмертія, идеала человѣчества и смыслъ человѣческаго существованія. А съ другой стороны, геніальность актера навсегда обрекаетъ зрителя видѣть не то, что написалъ авторъ, а то, что дастъ актеръ. Всѣмъ извѣстно, какъ часто въ Маломъ театрѣ плохія пьесы разыгрывались съ такимъ мастерствомъ, что не критиканствующая публика, а непосредственные зрители приходили въ восторгъ, а съ другой стороны, скверные актеры, играя даже Шекспира, никогда не дождутся апплодисментовъ.

Я нарочно указываю на то, что въ сценическомъ искусствѣ главную роль играетъ личность актера, его индивидуальность. Въ послѣднее время въ нашей печати, и особенно въ московской, поднялись толки объ упадкѣ у насъ драмы, о «заѣвшей рутинѣ», о новомъ директорѣ Императорскихъ театровъ. Г. — инъ называетъ теперешнее время жизни Малаго театра в менемъ недомоганія, прошлой славы и т. п., хотя и вѣритъ въ возро деніе, но вѣритъ что-то плохо. Средство помочь дѣлу, это — уничтожи «заѣвшую рутину» и послать опытныхъ режиссеровъ. Первое справедли вообще, рутина — нехорошее дѣло и ее уничтожить надо, но второе: слать режиссеровъ,—нѣтъ, это уже не вѣрно. Невольно припоминается

вѣтъ Карамзина: послать въ главные города Россіи 50 хорошихъ губернаторовъ и... благосостояніе Россіи упрочено навсегда. Г. —инъ забываетъ, что безъ актеровъ ничего и режиссеры не сдѣлаютъ. Но даже и съ актерами? Что выйдетъ? Что можетъ выйти? Что вышло? Г. —инъ не затрудняясь отвѣчаетъ и даже даетъ примѣръ: Художественно-Общедоступный театръ гг. Немировича и Станиславскаго. Доказательство—необычайный успѣхъ, хотя и здѣсь г. —инъ все-таки ставитъ «но». Положимъ, это «но» заключается даже въ похвальномъ — въ излишней любви и страсти къ дѣлу и, какъ временное увлеченіе, вполнѣ устранимо. Главный залогъ жизни театра на-лицо, это—«режиссеры». Г. —инъ высказывается по этому поводу очень ясно: «Режиссеръ—это душа дѣла; нѣтъ этой души, нѣтъ и жизни въ дѣлѣ». Но г. —инъ въ своемъ увлеченіи (потому что его восторги по поводу Художественно-Общедоступнаго театра нельзя назвать иначе, какъ увлеченіемъ) просмотрѣлъ самое главное, что въ Художественно-Общедоступномъ театрѣ актера нѣтъ. Тамъ есть ансамбль. Считайте его какимъ хотите,—прекраснымъ, превосходнымъ, это дѣло личнаго вкуса, но въ этомъ ансамблѣ всѣ подъ одинъ аршинъ. Кто играетъ?—не извѣстно, да и не хочется знать кто. Очень хорошо и характерно въ этомъ отношеніи высказалась одна московская газета по поводу постановки на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра драмы Гауптмана «Извозчикъ Геншель», именно по поводу сцены въ пивной. Прошелъ офицеръ, очень хорошо прошелъ, совершенно такъ, какъ ходятъ нѣмецкіе офицеры. Кто игралъ роль этого офицера? Какъ кто?—«Какой-нибудь Петровъ или Ивановъ». Итакъ, личность актера не нужна. Пьеса смотрится съ интересомъ, потому что репертуаръ театра подбирается осмотрительно и умно, даже съ осторожностью, и разъ пьеса не идетъ, она сейчасъ же снимается съ репертуара, какъ былъ снятъ, напримѣръ, «Шейлокъ». Игра отдѣльнаго артиста смотрится тоже съ интересомъ, она ровна, не перевѣшиваетъ игры другихъ и интересна какъ игра предыдущаго или послѣдующаго актера, но и только интересна. Эта игра не захватываетъ васъ, не подымаетъ отъ земли, вамъ понравится пьеса, можетъ быть даже больше чѣмъ понравится, но только смыслъ пьесы, ея содержаніе. Актеры тутъ мало при чемъ, вы выйдете изъ театра и скажете: «хорошо», но ваша личность останется не удивленной, все время вы смотрѣли критикуя и оцѣнивали, говоря: да, хорошо,—но и только. Безсознательно для васъ, васъ все время давилъ тотъ хорошо спѣвшійся хоръ, изъ котораго вы видѣли отдѣльныхъ хористовъ, но не актеровъ. Можно замѣтить, какъ мы уже говорили, что самое важное въ театрѣ—это сама пьеса, тогда актеръ имѣетъ мало значенія, но тогда и сценическое искусство теряетъ свой смыслъ и геніальность актера не при чемъ, да и проще, — тогда возьмите книгу и прочитайте пьесу. Итакъ, дѣло не въ режиссерѣ и не режиссеръ душа и жизнь сцены, а геніальный актеръ.

М. Кречетовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наказъ земскимъ начальникамъ.—Разъясненіе правительствующаго сената относительно 121 ст. уст. о цензурѣ и печати.—Итоги уѣздныхъ земскихъ собраній.

Газеты принесли интересное извѣстіе объ изготовленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ наказа земскимъ начальникамъ. Въ настоящее время проектъ наказа уже выработанъ и разосланъ на заключеніе губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Изъ законовъ, изданныхъ за послѣднее десятилѣтіе, едва ли найдется другой, который вызвалъ бы къ себѣ такое страстное отношеніе со стороны общества и печати, какъ законъ 12 іюля 1889 года. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что законъ этотъ явился воплощеніемъ извѣстныхъ общихъ принциповъ и указывалъ на опредѣленное направленіе внутренней политики. Притомъ онъ касался основныхъ вопросовъ крестьянской жизни, которые съ 61 г. и до настоящаго времени всегда привлекали къ себѣ особенное вниманіе общества. Встрѣченный ликованіями и восторгами одпихъ органовъ печати, законъ 12 іюля 1889 года вызвалъ къ себѣ критическое отношеніе со стороны органовъ противоположнаго лагеря. Одни надѣялись, что «твердая власть», поставленная близко къ народу, явится лучшею панацеей противъ всѣхъ его нуждъ и бѣдъ, другіе, наоборотъ, не ожидали ничего хорошаго отъ смѣшенія въ лицѣ земскаго начальника судебной и административной власти и отъ широкаго проведенія въ Положеніи 1889 г. принципа «личнаго усмотрѣнія».

Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. За это время правительствомъ не было предпринято никакихъ существенныхъ измѣненій въ институтѣ земскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ ломка и передѣлки, такъ часто сопровождающія у насъ болѣе или менѣе крупныя реформы, не могли исказить смыслъ и значеніе закона 12 іюля 1889 г., и начала, положенныя въ основаніе его, имѣли полную возможность проявиться въ жизни.

Если мы теперь обратимся къ итогамъ дѣятельности новаго института за минувшія десять лѣтъ, то не придемъ къ утѣшительнымъ выводамъ. Крестьянскій бытъ остается въ настоящее время такъ же неустроенымъ и представляетъ такую же массу трудныхъ задачъ, требующи

разрѣшенія, какъ и въ моментъ введенія института земскихъ начальниковъ. Только недавно министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ указалъ на отсутствіе твердаго правопорядка, какъ на одно изъ главныхъ золъ крестьянской жизни. Съ другой стороны, истекшее десятилѣтіе дало указанія и на прямые недостатки въ дѣятельности земскихъ начальниковъ. Главнымъ изъ этихъ недостатковъ было стремленіе къ возможному расширенію своей дискреціонной власти, которая и безъ того является слишкомъ широкой въ самомъ законѣ. Личный починъ и усмотрѣніе иногда принимали такія формы, которыя доводили иныхъ изъ земскихъ начальниковъ до скамьи подсудимыхъ. Всѣмъ памятны нѣкоторые уголовные процессы, вызвавшіе въ свое время много шума. Давленіе на мірскіе приговоры, иногда въ ущербъ интересамъ крестьянъ, о коихъ земскіе начальники призваны имѣть попеченіе, и въ пользу частныхъ лицъ, стало явленіемъ нерѣдкимъ. Правительствующему сенату приходилось часто, по жалобамъ крестьянъ, отмѣнять приговоры, постановленные подъ явнымъ и незаконнымъ воздѣйствіемъ земскихъ начальниковъ, что, конечно, отнюдь не способствовало устойчивости крестьянскаго правопорядка. Не мало неправильностей констатировано и въ отношеніи земскихъ начальниковъ къ волостнымъ судамъ. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что многіе земскіе начальники, особенно на первыхъ порахъ, обнаружили пристрастіе къ примѣненію тѣлесныхъ наказаній.

Такимъ образомъ жизнь накопила богатый матеріалъ для оцѣнки закона 12 іюля 1889 г., и наказъ, изготовляющійся нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, является первою попыткой разобраться въ этомъ матеріалѣ и сдѣлать изъ него соотвѣтствующіе выводы. Газетныя сообщенія о содержаніи наказа крайне скудны, но и изъ этихъ сообщеній можно вывести заключеніе, что указанія опыта не прошли безслѣдно, и что наказъ, по идеѣ его составителя, долженъ, повидимому, явиться нѣкоторымъ коррективомъ къ положенію о земскихъ начальникахъ.

Наказъ касается, главнымъ образомъ, административной дѣятельности земскихъ начальниковъ и въ этомъ отношеніи даетъ нѣсколько весьма интересныхъ и характерныхъ указаній. Такъ, говоря объ отношеніи земскаго начальника къ крестьянскому самоуправленію, наказъ даетъ земскому начальнику право, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ возлагаетъ на него обязанность присутствовать только при открытіи общественнаго схода, при производствѣ же выборовъ и обсужденіи дѣлъ онъ присутствовать не долженъ; при провѣркѣ приговора волостного схода по жалобѣ одной пятой части домохозяевъ волости, земскій начальникъ долженъ допросить не менѣе двухъ третей всѣхъ участвовавшихъ въ постановленіи приговора; при провѣркѣ приговоровъ о переходѣ отъ общиннаго землевладѣнія къ участково-подворному онъ также долженъ допросить на мѣстѣ не менѣе двухъ третей участниковъ схода. По отношенію къ волостному суду земскій начальникъ имѣетъ право назначать дни его засѣданій, а также разсмотрѣніе дѣлъ внѣ очереди, но самое рѣшеніе дѣла онъ долженъ предоставлять свобод-

ному убѣжденію судей. При назначеніи судомъ тѣлеснаго наказанія земскій начальникъ долженъ посредствомъ справки о личности, дѣлахъ и здоровьи приговореннаго удостовѣряться въ томъ, что нѣтъ основаній для замѣны ему тѣлеснаго наказанія другимъ, а если о такой замѣнѣ проситъ самъ осужденный и получаетъ отказъ, то мотивы отказа должны быть точно указаны.

Несмотря на всю отрывочность этихъ свѣдѣній, нельзя не замѣтить, что наказъ стремится ограничить дискреціонную власть земскаго начальника и вообще поставить дѣятельность его въ болѣе опредѣленныя рамки, чѣмъ это было сдѣлано закономъ 12 іюля 1889 г. Ничего удивительнаго послѣ этого нѣтъ, что наказомъ крайне недовольны такіе органы печати, какъ *Гражданинъ* и *Московскія Вѣдомости*. *Гражданинъ* съ грустью замѣчаетъ, что «авторъ проекта наказа, очевидно, юристъ и какъ таковой раздѣляетъ общее предубѣжденіе лицъ своей профессіи противъ дискреціонной власти земскаго начальника и соединенія въ одномъ лицѣ судебной и административной власти, и потому стремится обставить послѣднюю такими формальностями и обрядностями, которыя оставляютъ очень мало мѣста свободному почину и усмотрѣнію земскаго начальника».

Московскія Вѣдомости также скорбятъ объ ударѣ, который наноситъ наказъ «свободному почину» земскаго начальника. Газета замѣчаетъ, что наказъ, издающійся въ разъясненіе какого-нибудь закона, долженъ быть составленъ въ духѣ и направленіи этого закона. Между тѣмъ способъ огражденія самостоятельности сельскихъ и волостныхъ сходовъ, проектированный наказомъ, противорѣчитъ самому духу учрежденія земскихъ начальниковъ.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, мы находимъ въ противорѣчіи между наказомъ и духомъ учрежденія земскихъ начальниковъ доказательство того, что въ правительственныхъ сферахъ подорвана вѣра въ благотворность принциповъ, легшихъ въ основаніе закона 12 іюля 1889 года. Вотъ почему мы и полагаемъ, что наказъ является лишь первою попыткой къ измѣненію этого закона. Измѣненіе окажется тѣмъ болѣе необходимымъ, что наказъ едва ли достигнетъ своей цѣли, такъ какъ земскій начальникъ, даже и не присутствуя на сходахъ, будетъ имѣть полную возможность оказывать давленіе на ихъ приговоры чрезъ подчиненныхъ ему сельскихъ должностныхъ лицъ.

Въ октябрьской книжкѣ *Вѣстника Права* напечатанъ имѣющій важное значеніе для періодической печати указъ перваго общаго собранія правительствующаго сената по дѣлу о прекращеніи *Московской Газеты*. Газета эта была прекращена еще въ 1894 г. на основаніи 121 ст. Уста о цензурѣ и печати, по которой считается прекратившимся всякое издан уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ-либо причинамъ не появлявше ся въ теченіе года. Въ настоящемъ случаѣ изданіе было признано прек щеннымъ оттого, что многія лица, представленныя издателемъ канди

тами на званіе редактора, не были въ этомъ званіи утверждены министромъ внутреннихъ дѣлъ. Правительствующій сенатъ, разсматривавшій дѣло по жалобѣ издателя *Московской Газеты*, разъяснилъ, что употребляемое въ ст. 121 выраженіе «по какимъ-либо причинамъ» не можетъ быть распространяемо на такіе случаи, относительно которыхъ въ цензурномъ уставѣ содержатся особыя указанія. Сенатъ обращаетъ вниманіе на различіе между прекратившимися и прекращенными изданіями: хотя для возобновленія тѣхъ и другихъ одинаково требуется разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, законъ именуетъ прекращенными тѣ изданія, которыя прекращены по распоряженію правительства, а прекратившимися тѣ, которыя перестали выходить по причинамъ, зависящимъ отъ самого издателя. Неутвержденіе въ званіи редактора лицъ, представленныхъ издателемъ, не подходитъ подъ дѣйствіе ст. 121 цензурнаго устава и не можетъ имѣть для изданія послѣдствій, указанныхъ въ этой статьѣ. Противоположное толкованіе закона,—говоритъ сенатъ,—было бы равносильно признанію за министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ лишь дискреціонное право утверждать или не утверждать редактора, также и дискреціоннаго права прекращать повременныя изданія, такъ какъ въ каждомъ повременномъ изданіи въ случаѣ смерти редактора, отказа его отъ своихъ обязанностей или утраты имъ своего званія по силѣ 123 ст. цензурнаго устава, можетъ наступить такое положеніе дѣлъ, при которомъ отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ зависитъ не утверждать въ теченіе года редактора и затѣмъ объявить изданіе прекратившимся. Между тѣмъ въ цензурномъ уставѣ строго проводится раздѣленіе частно-гражданской и литературно-политической сторонъ изданія: предоставляя министру внутреннихъ дѣлъ широкія полномочія по отношенію къ второй, уставъ изъемлетъ изъ вѣдѣнія администраціи частно-гражданскія отношенія, вытекающія изъ права собственности даннаго лица на изданіе, а прекращеніе его допускаемо лишь въ особомъ порядкѣ по распоряженію перваго департамента правительствующаго сената на основаніи ст. 108 цензурнаго устава. Хотя въ 1882 г. и состоялось Высочайшее повелѣніе о прекращеніи повременныхъ изданій по коллегіальному рѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокурора св. синода совмѣстно съ министромъ, возбудившимъ вопросъ, а затѣмъ 28 марта 1897 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, однако оба эти узаконенія, по взгляду сената, вносятъ лишь частичное измѣненіе въ цензурный уставъ, не касаясь установленнаго закономъ различія между отношеніями издательскими частно-гражданскими и редакторскими литературно-политическими. Не отрицая дискреціоннаго характера принадлежащей министру внутреннихъ дѣлъ власти утверждать или не утверждать редакторовъ повременныхъ изданій, сенатъ разъясняетъ, что сущность дискреціонной власти въ томъ и состоитъ, что послѣдовавшія въ предѣлахъ этой власти распоряженія зависятъ исключительно отъ усмотрѣ-

нія должностного лица, и предвидѣть, куда и по какимъ причинамъ клонится это усмотрѣніе, частное лицо не въ состояніи, а правительствующій сенатъ не можетъ вмѣнять ему такое предвидѣніе въ обязанность. Если частное лицо представитъ министру внутреннихъ дѣлъ одного за другимъ цѣлый рядъ кандидатовъ на званіе редактора, то этимъ самымъ оно въ достаточной степени доказываетъ свое желаніе и намѣреніе издавать газету, и если это намѣреніе не можетъ осуществиться по причинѣ неутвержденія его кандидатовъ министромъ въ званіи редактора, то газета не выходитъ въ свѣтъ по причинѣ, не зависящей отъ издателя. Въ виду этихъ соображеній правительствующій сенатъ отмѣнилъ обжалованное издателемъ *Московской Газеты* распоряженіе министра о признаніи этой газеты прекратившейся, указавъ просителю, что съ жалобой на медленность главнаго управленія ему слѣдуетъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Несмотря на такое ограниченіе дискреціоннаго права министра, все-таки за нимъ остается право не утверждать по личному усмотрѣнію представленныхъ издателемъ редакторовъ и тѣмъ самымъ фактически прекратить изданіе на неопредѣленный срокъ. Все же отнынѣ, благодаря разъясненію сената, въ рукахъ издателя остается хоть голое право на продолженіе изданія,—право, которое можетъ быть продано или получить осуществленіе при наступленіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ настоящее время происходятъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже закончились уѣздныя земскія собранія. Собранія эти, опредѣляющія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ теченіе земской жизни и наглядно выражающія настроеніе, господствующее въ данный моментъ въ обществѣ, всегда привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе печати. Мы остановимся здѣсь на наиболѣе интересныхъ моментахъ настоящихъ собраній.

Въ казанскомъ уѣздномъ собраніи обсуждался, между прочимъ, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Представляя собранію доклады, переданные по этому вопросу на обсужденіе уѣздныхъ земствъ губернскимъ собраніемъ, управа высказалась, съ своей стороны, противъ сохраненія общиннаго землевладѣнія.

Взглядъ свой управа мотивируетъ слѣдующимъ образомъ. При общинномъ землевладѣніи незначительные надѣлы распредѣляются между всѣми членами общины; послѣдніе получаютъ въ большинствѣ случаевъ равные участки земли, недостаточные по своей доходности для прокормленія семьи. Съ увеличеніемъ же населенія участки эти дробятся и становятся все менѣе доходными. Помимо этого, на доходность участковъ дѣйствуютъ по[illegible] жающимъ образомъ плохая обработка, неурожаи и т. д. Въ результатѣ лучается то, что община ничуть не спасаетъ крестьянина отъ нужды лишь является помѣхой къ увеличенію владѣльческихъ участкомъ пут[illegible] перехода земли въ руки умѣлыхъ владѣльцевъ. Круговая порука тол[illegible] усиливаетъ эти недостатки общиннаго землевладѣнія. При подвижномъ владѣніи земля будетъ сосредоточена въ рукахъ тѣхъ, кто умѣетъ ее об[illegible]

батывать; производительность ея увеличится и вслѣдствіе этого увеличится доходность цѣлой страны. Бояться за участь населенія, говоритъ въ заключеніе управа, выброшеннаго изъ деревни, едва ли слѣдуетъ, потому что и внѣ деревни есть многочисленные пути къ заработкамъ; плохой земледѣлецъ можетъ оказаться хорошимъ ремесленникомъ, рабочимъ и т. д.

Собраніе поручило обсудить доклады объ общинѣ совѣщанію, составленному изъ гласныхъ крестьянъ. Совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что общинное землевладѣніе должно быть замѣнено подворнымъ и земля должна быть распредѣлена между членами общины на началахъ собственности съ правомъ продажи ея лицамъ, принадлежащимъ къ тому же сельскому обществу, но не болѣе 50 дес. въ однѣ руки.

Собраніе, которому доложены были результаты совѣщанія, большинствомъ голосовъ высказалось за желательность перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному.

По обыкновенію, уѣздныя собранія удѣлили много вниманія вопросамъ народнаго просвѣщенія. Отмѣтимъ нѣсколько выдающихся въ этомъ отношеніи постановленій. Александровское (Екатеринославской губ.) собраніе приняло докладъ управы о введеніи всеобщаго обученія. Въ докладѣ намѣчены пункты для открытія школъ, установлена очередь для ихъ открытія и исчислены необходимыя для этого средства. По разсчету управы нужно открыть 26 двуштатныхъ и 20 одноштатныхъ школъ. Собраніе разсчитываетъ чрезъ пять лѣтъ осуществить свой проектъ введенія въ уѣздѣ всеобщаго обученія. Кромѣ того собраніе высказалось въ пользу учрежденія на средства губернскаго земства органа, завѣдующаго школьнымъ дѣломъ, образованія школьнаго фонда и подготовки народныхъ учителей, а также рѣшило ходатайствовать предъ губернскимъ земствомъ о принятіи послѣднимъ участія въ расходахъ на внѣшкольное образованіе. Затѣмъ земское собраніе увеличило жалованье завѣдующихъ библіотеками-читальнями до 180 р. и уполномочило управу ходатайствовать о расширеніи каталога допущенныхъ въ эти библіотеки книгъ. Поручено было также управѣ выработать проектъ объ учрежденіи должности офени-книгоноши.

Осуществленіемъ нормальной сѣти школъ занято и курское уѣздное земство. Земское собраніе рѣшило открыть въ будущемъ году пять новыхъ школъ. Чтобъ осуществить намѣченный планъ введенія всеобщаго обученія, земству остается открыть еще 25 школъ. Такимъ образомъ, если оно будетъ ежегодно открывать по 5 школъ, чрезъ пять лѣтъ всеобщее обученіе будетъ введено въ уѣздѣ. Собраніемъ удовлетворено ходатайство сельскихъ обществъ о постройкѣ 6 новыхъ зданій для школъ съ пособіемъ отъ уѣзднаго и губернскаго земствъ. Зданія эти земское собраніе рѣшило построить еще въ прошломъ году, но съ тѣмъ, чтобы на постройку былъ отпущенъ казенный лѣсъ, о чемъ и было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство. Такъ какъ мѣстное управленіе государственными имуществами ходатайство отклонило, то дѣло это и поступило вторично на разсмотрѣніе уѣзднаго собранія. Заслуживаетъ еще вниманія принятый собраніемъ

докладъ о воспитаніи дѣтей учителей и учительницъ земскихъ школъ. Прошлое губернское собраніе постановило приходить на помощь лицамъ, учащимъ въ земскихъ школахъ, пособіемъ до 40 р. въ годъ на стипендіата при условіи такой же ассигновки со стороны уѣзднаго земства. Такимъ образомъ губернское земство значительно облегчило уѣзднымъ земствамъ заботу въ этомъ направленіи. Въ курскомъ земствѣ до сихъ поръ оказывали учителямъ пособіе на воспитаніе дѣтей каждый разъ по особому ходатайству. Теперь земское собраніе высказалось за постоянную организацію этого дѣла при пособіи отъ губернскаго земства. Кромѣ того собраніемъ былъ возбужденъ и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о пособіи и другимъ малообезпеченнымъ служащимъ земства, какъ, наприм., фельдшерамъ, акушеркамъ и т. п.

Всеобщее обученіе рѣшило ввести и кологривское (Костромской губ.) земское собраніе. Для осуществленія его требуется открыть въ уѣздѣ 26 школъ. Собраніе разсрочило устройство ихъ на 9 лѣтъ съ тѣмъ, чтобъ ежегодно открывать по 3 школы.

Тульское уѣздное собраніе также рѣшило ввести всеобщее обученіе, но въ виду того, что для этого требуется огромная сумма въ 70 тыс. рублей, собраніе постановило обратиться къ правительству съ просьбой о помощи.

Судогодское земское собраніе (Владимірской губ.), признавъ въ принципѣ необходимымъ введеніе всеобщаго обученія, разсрочило это дѣло на 15 лѣтъ, въ виду отсутствія у земства свободныхъ средствъ. 15 лѣтъ— немножко долгій срокъ, но хорошо хоть то, что нынѣшнее собраніе, не въ примѣръ прежнимъ, отнеслось сочувственно къ вопросамъ народнаго просвѣщенія. Между прочимъ, собраніе постановило ходатайствовать предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ учрежденіи во Владимірской губерніи сельской учительской семинаріи, объ организаціи съѣздовъ народныхъ учителей, о снабженіи всѣхъ школъ достаточными школьными библіотеками, согласилось съ проектомъ губернской земской управы о замѣнѣ школьныхъ попечителей особымъ коллективнымъ учрежденіемъ—школьными попечительствами и рѣшило открыть пять народныхъ библіотекъ.

Интересенъ вопросъ, поднятый мологскимъ (Ярославской губ.) земствомъ объ устройствѣ образцовыхъ училищъ, въ которыхъ кандидаты на учительскія должности могли бы наглядно знакомиться съ правильнымъ веденіемъ школьнаго дѣла. Собраніе постановило возбудить предъ губернскимъ земствомъ ходатайство объ устройствѣ въ каждомъ уѣздѣ по одному образцовому начальному училищу съ высшимъ окладомъ жалованья учителю, имѣющему спеціальную педагогическую подготовку, и съ обстановкой, котор дала бы возможность земскимъ учителямъ, при посѣщеніи ими образцова училища, возобновлять свои знанія и усвоивать новѣйшіе пріемы обучен

Подобный же вопросъ былъ возбужденъ и на казанскомъ уѣздномъ с браніи, по иниціативѣ гласнаго Ключникова. Послѣдній, въ представл номъ имъ по этому поводу докладѣ, рекомендовалъ учредить въ Каза образцовую школу, которая должна служить для практической подготов

учителей и для провѣрки педагогическихъ способностей лицъ, которыя заявляютъ желаніе получить учительскую должность. Провѣрка эта будетъ производиться особой коммиссіей при посредствѣ уроковъ, которые кандидатъ долженъ дать въ образцовой школѣ ея ученикамъ. Послѣ продолжительныхъ преній, собраніе рѣшило обратиться къ губернскому земству съ просьбой реформировать существующую въ Казани учительскую семинарію, согласно проекту г. Ключникова, или открыть при ней особое отдѣленіе исключительно для подготовки земскихъ учителей и учительницъ.

Далеко не такъ благосклонно отнеслось казанское собраніе къ предложенію предсѣдателя управы г. Бекетова объ увеличеніи жалованья учителямъ и учительницамъ до 240 р. вмѣсто 180 и до 200 р. для помощниковъ и помощницъ учителей и учительницъ. Противъ этого предложенія энергично выступилъ гласный г. Юшковъ. По его мнѣнію, огульное увеличеніе жалованья учителямъ не вызывается никакими экономическими соображеніями. Притомъ же по его мнѣнію, большинство казанскаго учительскаго персонала не стоитъ и того, что имъ еще даютъ, такъ какъ ихъ педагогическая дѣятельность часто не приноситъ никакой пользы.

Это огульное и несправедливое порицаніе дѣятельности учителей не встрѣтило ни малѣйшаго протеста въ собраніи. Напротивъ, рѣчь г. Юшкова вызвала одобреніе со стороны *всѣхъ* гласныхъ. «Отклонить, отклонить!—раздались голоса гласныхъ.—До которыхъ это поръ у насъ будетъ расти смѣта расходовъ? Во имя будущаго нужно стремиться не къ увеличенію, а къ сокращенію расходной смѣты».

Собраніе единогласно отклонило предложеніе г. Бекетова. А между тѣмъ всего-то смѣта должна была возрасти отъ увеличенія жалованья учителямъ на 1,800 руб.

Вообще надо замѣтить, что недостатка въ голосахъ, враждебныхъ народному образованію, въ настоящихъ собраніяхъ не было. Особенно въ этомъ отношеніи интересно лаишевское (Казанской губ.) земское собраніе. Еще въ прошломъ году собраніе это, по предложенію гласнаго г. Догеля, профессора Казанскаго университета, рѣшило передать часть земскихъ школъ въ вѣдѣніе епархіальнаго вѣдомства, для чего уполномочило управу войти въ соглашеніе съ духовнымъ вѣдомствомъ относительно условій, на которыхъ можетъ совершиться передача школъ. Въ настоящемъ собраніи предсѣдатель управы доложилъ, что управа до сихъ поръ не получила отвѣта на свое отношеніе отъ духовнаго вѣдомства, а потому предложилъ вопроса о передачѣ школъ не дебатировать и оставить открытымъ въ ожиданіи отвѣта отъ духовнаго вѣдомства. Хотя это предложеніе ничуть не затрогивало принципіально постановленія прошлогодняго собранія о передачѣ школъ въ вѣдѣніе епархіальнаго вѣдомства, тѣмъ не менѣе гласный Догель счелъ нужнымъ произнести длинную рѣчь противъ земскихъ школъ. По его мнѣнію, отъ передачи школъ земство значительно выиграетъ въ экономіи, а сами школы — въ качествѣ. Напрасно возражали г. Догелю, что, какъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, епархіальное вѣдомство, принимая

отъ земства школы, потребуетъ никакъ не менѣе 250 руб. ежегодной субсидіи на каждую школу, кромѣ еще содержанія помѣщенія, отопленія и найма сторожа, а не 120 р., какъ полагали на прошлогоднемъ собраніи, напрасно указывали ему, что едва ли школы улучшатся въ качественномъ отношеніи, такъ какъ, по заявленію самихъ духовныхъ лицъ, близко стоящихъ къ школьному дѣлу, церковно-приходскія школы находятся въ крайне плохомъ положеніи,—г. Догель упорно стоялъ на своемъ и въ отвѣтъ на возраженія лишь сыпалъ массу голословныхъ обвиненій противъ земской школы. «Земскія школы,—говорилъ онъ,—существуютъ болѣе 30 лѣтъ, но сколько-нибудь просвѣщенъ ли нашъ народъ? Нѣтъ, нисколько. Крестьянинъ, получившій образованіе въ школѣ еще въ дѣтствѣ, ко времени отбыванія воинской повинности все забываетъ. Оказывается, гдѣ же онъ просвѣщается?—Въ учебной командѣ. Смѣшно сказать, школы существуютъ 30 лѣтъ, а не найдешь среди крестьянъ ни одного грамотнаго приказчика. На что же, спрашивается, современныя земскія школы и чему онѣ служатъ? Въ нашемъ Лаишевскомъ уѣздѣ ихъ еще мало, а, какъ говорятъ, въ Свіяжскомъ полно. Но на что онѣ?» И т. д., столь же умно и основательно.

Собраніе рѣшило оставить вопросъ о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству открытымъ.

Кромѣ проф. Догеля, въ лаишевскомъ земствѣ есть еще нѣсколько интересныхъ экземпляровъ общественныхъ дѣятелей. Такъ, въ томъ же собраніи гл. кн. Крапоткинъ предлагалъ для улучшенія земской школы «гнать въ шею плохого учителя», а гл. Юшковъ, на одномъ изъ недавнихъ собраній, когда зашла рѣчь о прибавкѣ жалованья учителямъ и учительницамъ, заявилъ, что никакихъ прибавокъ не нужно, такъ какъ деньги все равно пойдутъ на наряды и шляпки учительницъ. При этомъ г. Юшковъ позволялъ себѣ совершенно некстати касаться частной жизни учителей и учительницъ и даже изображалъ, какъ учительницы подъ зонтикомъ ходятъ.

Какъ видите, гг. Юшковъ и Крапоткинъ не далеко ушли отъ г. Догеля.

Не особенно утѣшительныя извѣстія сообщаютъ газеты и о курмышскомъ (Симбирской губ.) земскомъ собраніи. Это собраніе отличалось какою-то необыкновенною скоропалительностью, окончившись въ 5 часовъ. Гласные, прибывшіе на другой день изъ далекихъ мѣстъ уѣзда, застали собраніе уже закрывшимся. Несмотря на кратковременность собранія, управа успѣла представить нѣсколько несимпатичныхъ докладовъ. Такъ, въ области земской медицины управа представила докладъ о прекращеніи дарового отпуска лѣкарствъ и дарового лѣченія въ больницахъ. Въ этомъ докладѣ современная постановка земской медицины названа «благотворительностью», и выражалось мнѣніе, что если земство не перестанетъ благотворить населенію, то ему въ недалекомъ будущемъ грозитъ полное банкротство. К счастью, докладъ этотъ вызвалъ энергичный отпоръ со стороны нѣкоторы гласныхъ, настоявшихъ на передачѣ его въ подготовительную коммиссі которою онъ и былъ отвергнутъ. По народному образованію управа ни кого доклада не представила. Прочитанъ лишь бы[illegible] докладъ училищн

совѣта, въ которомъ предлагалось школъ вновь въ текущемъ году не строить и вообще съ этимъ дѣломъ подождать. Докладъ былъ поддержанъ предсѣдателемъ управы и нѣсколькими гласными, которые находили какіе бы то ни было новые расходы по народному образованію «несвоевременными». Большинство собранія, однако, высказалось за ассигнованіе 2 тыс. рублей на устройство новыхъ школъ.

Рѣчи противъ народнаго просвѣщенія раздавались еще въ переяславскомъ и нѣкоторыхъ другихъ земствахъ, но мы пройдемъ мимо нихъ,—логика обскурантовъ вездѣ одна и та же,—чтобы остановиться на крайне своеобразномъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто въ казанскомъ уѣздномъ собраніи. Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій въ собраніе явилась скромно одѣтая молодая дѣвушка, быстро подошла къ предсѣдателю и дрожащимъ отъ волненія голосомъ попросила разрѣшенія сказать ей нѣсколько словъ. Въ это время, весь блѣдный, вскакиваетъ предсѣдатель управы г. Бекетовъ и говоритъ, что всѣ заявленія, какія намѣрена здѣсь сдѣлать дѣвушка, носятъ чисто-интимный характеръ и не подлежатъ разсмотрѣнію земскаго собранія. Однако, гласные рѣшили выслушать дѣвушку. «Господа,—начала дѣвушка,—я семь лѣтъ состояла учительницей земской школы Казанскаго уѣзда... Моя фамилія Б. Господа! предсѣдатель управы С. А. Бекетовъ, пользуясь своимъ положеніемъ и властью, моею безпомощностью и беззащитностью, обезчестилъ меня, сдѣлавъ меня матерью ребенка, а затѣмъ, мало того, что заставилъ меня отказаться отъ должности учительницы, но и совершенно бросилъ меня съ ребенкомъ на произволъ судьбы». Сцена эта произвела самое удручающее впечатлѣніе на собраніе. Невозмутимъ остался одинъ только г. Бекетовъ, который заявилъ, что г-жа Б. уволена отъ должности въ 1897 году «за несовсѣмъ безупречное поведеніе». «Неправда! — возразила г-жа Б.— Я подала въ отставку по требованію Бекетова. Господа! — продолжала она.— Вы честные, вы добрые, вы не дадите мнѣ умереть съ голоду. Ахъ, дайте, дайте мнѣ возможность вновь честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба! Дайте мнѣ возможность вновь заниматься тѣмъ дѣломъ, которое я любила и люблю! Господа! Насъ много... не у одной меня такъ же разбита жизнь»... Рыданія прервали рѣчь г-жи Б.

Собраніе затѣмъ посвятило этому инциденту два дня. Рѣшено было зачислить г-жу Б. кандидаткой на первую учительскую должность; кромѣ того, между гласными состоялась подписка въ пользу г-жи Б., давшая 201 руб., въ числѣ которыхъ 150 руб. подписано было самимъ г. Бекетовымъ, но эти 150 руб. г-жа Б. возвратила обратно.

Случай этотъ, по предложенію гл. Корсакова, собраніе рѣшило передать для разслѣдованія прокурору.

Въ рѣчи г-жи Б. обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, слова: «насъ много... не у одной меня такъ же разбита жизнь...» Неужели это правда, и случай съ г-жей Б. не единственный? Надо надѣяться, что прокурорскій надзоръ прольетъ полный свѣтъ на это дѣло.

Не обошлось безъ прокурорскаго надзора и на камышловскомъ (Перм-

ской губерніи) собраніи, но здѣсь онъ выступилъ на сцену противъ желанія гласныхъ, по единоличному приглашенію предсѣдателя. Дѣло въ томъ, что предсѣдатель собранія, г. Бырдинъ, оказался человѣкомъ чрезвычайно рѣшительнымъ и энергичнымъ. На каждомъ шагу онъ обрывалъ гласныхъ, говорилъ имъ дерзости и даже удалялъ изъ зала засѣданія.

То и дѣло въ собраніи происходили сцены подобнаго рода:

— Я думаю...—начинаетъ какой-либо гласный.

— Намъ нисколько не интересно, что вы думаете, — обрываетъ предсѣдатель.

— Мнѣ кажется...—робко замѣчаетъ другой гласный.

— Васъ не спрашиваютъ...

— Но...

— Лишаю васъ слова...

— Однако...

— Прошу оставить залъ засѣданія.

Такими пріемами предсѣдатель совершенно терроризировалъ гласныхъ, которые не рѣшались говорить и только мимикой выражали одобреніе или неодобреніе вотируемымъ предложеніямъ. Но вотъ въ одномъ засѣданіи поднимается городской голова Васильевъ и замѣчаетъ, что пренія излагаются въ журналѣ неправильно. Къ заявленію г. Васильева присоединились и нѣкоторые другіе гласные. Тщетно предсѣдатель звонилъ, кричалъ, лишалъ слова строптивыхъ гласныхъ, тѣ совершенно вышли изъ повиновенія и продолжали протестовать. Тогда г. Бырдинъ закрылъ засѣданіе на 10 минутъ, а когда открылъ его снова, то оказалось, что онъ пригласилъ товарища прокурора для усмиренія «бунта».

Эффектъ получился необыкновенный!

Къ коллекціи земскихъ дѣятелей, которые произносятъ горячія рѣчи противъ народнаго образованія, изображаютъ наглядно въ собраніяхъ, «какъ учительницы подъ зонтикомъ ходятъ», соблазняютъ народныхъ учительницъ, а потомъ сами же и выгоняютъ за «плохое поведеніе», ведутъ себя на земскихъ собраніяхъ подобно какому-нибудь щедринскому генералъ-майору Отчаянному, намъ остается прибавить еще кирсановскихъ земцевъ (Тамбовской губ.), которые додумались—до чего бы вы думали, читатель?—до необходимости уничтожить земство... Представивъ земскому собранію докладъ по вопросу объ измѣненіи 14 и 123 ст. Пол. о земск. учр., управа, между прочимъ, распространилась о не всегда безошибочно дѣйствующемъ выборномъ началѣ и о большей государственной опытности дворянства сравнительно съ другими сословіями и, въ заключеніе, пришла къ выводу, что «земство можно на смарку», а замѣнить его долженъ приходъ *). «Тол тогда,—говоритъ управа,—когда всѣ мѣстные жители сомкнутся для вс нія всѣхъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ въ эти естественныя едини когда представители этихъ приходовъ будутъ облечены не только хоз

*) *Курьеръ*, № 304.

ственною властью, но и полицейской, такъ какъ люди ютятся вмѣстѣ не только для постройки фельдшерскаго пункта или школы, но, главнымъ образомъ, въ виду общественной безопасности, когда приходы будутъ органически связаны съ начальственнымъ самоуправленіемъ уѣзда въ лицѣ земскихъ начальниковъ, какъ съ ихъ высшей инстанціей, только тогда земскія собранія сдѣлаются вѣрнымъ зеркаломъ мѣстной жизни».

Земская управа, представляющая докладъ о необходимости уничтожить земство... Безподобное testimonium paupertatis, себѣ самолично выданное.

Интересно, между прочимъ, то мѣсто доклада, гдѣ говорится о «начальственномъ самоуправленіи уѣзда въ лицѣ земскаго начальника». Мысль о замѣнѣ земства «начальственнымъ самоуправленіемъ» земскаго начальника положительно заслуживаетъ увѣковѣченья. Извольте послѣ этого говорить, что не можетъ «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ россійская земля рождать!»...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Война англичанъ съ Трансваальскою и Оранжевою республиками, объявленіе которой не дѣлаетъ чести ни справедливости, ни государственной мудрости нынѣшнихъ правителей Великобританіи, сопровождается покуда результатами, неожиданными для англичанъ и крайне обидными для славы ихъ оружія. Буры вездѣ перешли въ наступленіе, осаждаютъ и берутъ непріятельскіе города, и ихъ пораженіе, по всей видимости, еще такъ далеко, что о немъ, несмотря на прибытіе къ англичанамъ сильныхъ подкрѣпленій, говорить преждевременно. Европейскія правительства не желаютъ вмѣшиваться въ войну, и при такихъ условіяхъ окончательный исходъ ея не можетъ выпасть въ пользу буровъ, если англичанамъ не будутъ созданы очень серьезныя затрудненія въ Египтѣ или Индіи.

Грустное чувство вызываетъ эта одинокая борьба маленькаго народа съ однимъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и могущественныхъ государствъ новаго времени. Очень характерна сообщенная и въ нашихъ газетахъ прокламація, съ которою выступилъ президентъ Оранжевой республики. Вотъ ея текстъ:

Граждане Оранжевой республики! Моментъ, котораго мы желали бы избѣжать, моментъ, когда мы видимъ себя вынужденными поднять вооруженную руку противъ несправедливости и насилія, — наступилъ. Наша сестра, республика, расположенная по сѣверную сторону рѣки Ваала,—въ опасности. На нее нападаетъ врагъ, который ни передъ чѣмъ не останавливается, врагъ, готовившійся къ этому нападенію уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изыскивая всевозможные предлоги для совершенія насилія, нынѣ совершающагося. Конечная цѣль этого врага—уничтожить самое существованіе южно-африканской націи.

Мы связаны съ нашею сестрой, Южно - Африканскою республикой, не только узами крови, взаимными симпатіями и общими интересами, но и договоромъ, вызваннымъ самою жизнію. Договоръ этотъ обязываетъ насъ подать ей руку помощи случаѣ несправедливаго на нее нападенія. Уже давно, къ сожалѣнію, мы дол были опасаться, что минута эта близится. Мы не можемъ равнодушно видѣть, к попираютъ права сосѣдней республики, и какъ угрожаютъ нашей собственной бодѣ, купленной столь дорогою цѣной. Мы призваны встать какъ одинъ человѣк встрѣчу этой несправедливости, полагая надежды наши на Всевышняго, Который допуститъ, мы въ томъ увѣрены, чтобы правда и право были попраны. Пору намъ наше правое дѣло предъ лицомъ Бога и всего свѣта!

Видитъ Богъ, что мы старались жить въ доброй дружбѣ съ могучимъ непріятелемъ нашимъ, несмотря на всѣ несправедливости, которыя онъ допускалъ по отношенію къ намъ. Но теперь,—заявляемъ это торжественно предъ лицомъ Всемогущаго,—мы вынуждены взяться за оружіе.

Насъ вынуждаетъ къ этому несправедливость, проявленная по отношенію къ нашимъ братьямъ, и убѣжденіе, что потеря ими самостоятельности грозила бы вскорѣ и намъ тѣмъ же.

Самые торжественные договоры и обѣщанія не спасли нашу сестру, Южно-Африканскую республику, отъ несправедливыхъ притязаній, нескончаемыхъ вмѣшательствъ въ ея дѣла и, наконецъ, открытаго нападенія, направленнаго на ея погибель.

Горькій опытъ убѣдилъ насъ самихъ, что ни въ чемъ нельзя довѣрять Великобританіи, какъ бы торжественны обѣщанія ея ни были, когда во главѣ ея стоитъ правительство, попирающее ногами договоры и изыскивающее всевозможныя оправданія насиліямъ.

Вспомнимъ, какъ Англія вмѣшалась безо всякаго законнаго повода въ наши дѣла въ то время, когда мы только-что побѣдили племя черныхъ варваровъ на нашей западной границѣ. Вспомнимъ, какъ, въ нарушеніе существующихъ договоровъ, она захватила себѣ часть нашей территоріи, которая являлась для нея привлекательною вслѣдствіе обнаруженія мѣсторожденія драгоцѣнныхъ камней. Несмотря на существованіе торжественнаго договора между нашимъ государствомъ и Великобританіей, англійское правительство много разъ старалось попирать наши права самостоятельной народности, и еще недавно въ оффиціальныхъ актахъ высказала притязанія на господство во всей Африкѣ, а слѣдовательно и надъ нашимъ государствомъ.

До настоящаго времени Великобританія отказывала Южно-Африканской республикѣ въ возвращеніи ей прежнихъ правъ въ международныхъ отношеніяхъ, — правъ, которыхъ она лишилась безо всякой вины со своей стороны. Прямой смыслъ условій, на которыя республика должна была согласиться, вынужденная обстоятельствами, былъ извращенъ. Все это послужило Англіи лишь поводомъ къ новымъ проявленіямъ насилія и къ поддержанію въ республикѣ революціонной пропаганды, благопріятной для Великобританіи.

Никакого удовлетворенія или вознагражденія не было предложено республикѣ за всѣ несправедливости, допущенныя со стороны англійскаго правительства. Ни малѣйшей благодарности не было проявлено за великодушіе, съ которымъ республика, по просьбѣ Англіи, обошлась съ британскими подданными, которые заслужили смертную казнь и конфискацію имущества. Напротивъ, теперь, когда были открыты въ странѣ золотыя розсыпи, Англія не постыдилась поставить невозможныя условія. Невозможными называю я ихъ потому, что съ принятіемъ ихъ, тѣ, которые слезами, потомъ и кровью отвоевали страну для цивилизаціи, лишились бы главнѣйшихъ правъ своихъ, а власть перешла бы въ руки иноземцевъ, грабящихъ страну и подчиняющихъ ее иностранному правительству. Еслибъ эти условія были приняты, то самостоятельной и свободной республики не существовало бы болѣе. Давно уже англійскія войска были стянуты къ границѣ, чтобы принудить республику къ принятію этихъ условій, чтобы сѣять смуту и чтобы поддерживать опасныя поползновенія тѣхъ, которые одержимы лишь алчностью и жаждой золота. Вѣнцомъ дѣла явилось рѣшеніе Англіи взяться за оружіе. Мы знаемъ, что тысячи англичанъ вмѣстѣ съ ами возмущаются этимъ произволомъ и попираніемъ всякой правды и справедливости.

Да падетъ пролитая кровь на главы виновныхъ, и да разсудитъ Провидѣніе всѣхъ по ихъ дѣяніямъ.

Граждане Оранжевой республики! Встаньте какъ одинъ человѣкъ, чтобы побороть гнетателя и попирателя нашихъ правъ!

Пусть въ неизбѣжной для насъ борьбѣ каждое дѣйствіе ваше будетъ достойно христіанина и гражданина свободной страны. Предадимъ себя волѣ Всевышняго, въ

упованіи, что оружіе наше положитъ конецъ этой борьбѣ. Безъ помощи Его люди безсильны. Да благословитъ Онъ наши войска! Подъ этимъ знаменемъ пойдемъ мы въ бой за свободу и отчизну!

Данъ за моею подписью и за государственною печатью Оранжевой республики въ Блумфонтенѣ. М. Т. Стейнъ, президентъ республики.

Очень кстати припоминаетъ *Недѣля* благородный образъ дѣйствія Гладстона во время вспыхнувшей при немъ войны съ тѣми же бурами. Убѣдившись въ несправедливости англійскихъ требованій, великій государственный человѣкъ телеграфировалъ командующему войсками въ Южной Африкѣ: «Мы виноваты передъ бурами. Заключите перемиріе». Золотыя слова, которыя такъ исключительно рѣдко при подобныхъ условіяхъ произносятся въ исторіи!

Несмотря на отчаянныя усилія реакціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ и на интриги пронырливаго Мелина, кабинетъ Вальдека Руссо одержалъ блестящую парламентскую побѣду. Лѣтомъ, при вступленіи во власть, министерство получило большинство въ двадцать голосовъ, теперь,—послѣ преній объ общей политикѣ кабинета,—въ 125 голосовъ. У республиканцевъ нашлись, наконецъ, достойные, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельные и энергичные вожди. Если энергія эта не ослабнетъ, если среди самихъ республиканцевъ (партію Мелина мы, конечно, сюда не включаемъ) не возникнетъ недоразумѣній и разлада,—есть полное основаніе думать, что къ выставкѣ во Франціи наступитъ успокоеніе умовъ и что мирный и міровой праздникъ пройдетъ благополучно.

Франціи могутъ, конечно, грозить осложненія и съ другой стороны, въ области международныхъ отношеній. Еще не устранена опасность войны съ Англіей изъ-за Египта. Отомщеніе за Фашоду входитъ въ планы немалочисленныхъ французскихъ шовинистовъ. Нынѣшній кабинетъ, занятый серьезными внутренними вопросами, не имѣетъ никакой склонности вступать на путь приключеній; но образъ дѣйствія англичанъ, главнымъ образомъ Чемберлена, принимаетъ нерѣдко такой вызывающій характеръ, что можетъ лишить терпѣнія вообще теперь сдержанное и немного трусливое французское общественное мнѣніе. Съ другой стороны, если силы Англіи, кромѣ войны съ бурами, должны будутъ пойти и на борьбу въ Индіи или Египтѣ, то великое будетъ искушеніе воспользоваться затрудненіями высокомѣрной соперницы.

Вообще должно признать, что международныя отношенія и внутреннее состояніе европейскихъ державъ оставляютъ желать многаго. Достаточно, напримѣръ, обратить вниманіе на то, что дѣлается на Балканскомъ по. островѣ. Скандальное неправосудіе Милана и подчинившагося ему корс Александра не было бы мыслимо, если бы австро-венгерское правительс серьезнѣе поддерживало справедливыя желанія нашего правительства.

Такое же то скрытое, то явное соперничество между европейскими д жавами и ихъ недовѣріе другъ къ другу мѣшаютъ удовлетворить вопі щимъ нуждамъ и законнѣйшимъ требованіямъ армянскаго населенія Тур

Вожди этого несчастливаго народа не упускаютъ случая обращать вниманіе и правительствъ, и общественнаго мнѣнія Европы на горькую долю турецкихъ армянъ. Такъ во время гаагской конференціи въ Варнѣ былъ созванъ митингъ, на которомъ присутствовало три тысячи человѣкъ. Митингъ постановилъ обратить вниманіе конференціи на то, что вотъ уже двадцать одинъ годъ турецкое правительство не исполняетъ шестьдесятъ первой статьи Берлинскаго договора. Митингъ ходатайствуетъ, чтобы въ Турціи были даны, наконецъ, гарантіи жизни, имущества и чести христіанскому армянскому населенію.

И нѣтъ такихъ гарантій...

Сама Австро-Венгрія представляетъ теперь, благодаря страстной національной борьбѣ, очень печальную картину. Шумныя уличныя демонстраціи и уличныя стычки, причемъ оказываются и раненые, и убитые, прискорбно дополняютъ безобразныя парламентскія сцены. Введены они были, какъ орудіе систематической борьбы противъ правительства, чтобы затормозить законодательную дѣятельность палаты, нѣмцами-централистами. Теперь къ такой тактикѣ прибѣгаютъ младочехи. Министерство Клари отмѣнило изданныя графомъ Бадени распоряженія, уравнивавшія въ предѣлахъ Богеміи и Моравіи чешскій языкъ съ нѣмецкимъ, и этимъ заставило чеховъ перейти въ непримиримую оппозицію.

Престарѣлый Ригеръ взываетъ къ соглашенію между враждующими народностями. «Его аргументація,—говорятъ петербургскія *Новости*,—столько же проста, сколько и основательна. Чеховъ съ нѣмцами связываютъ общія историческія воспоминанія и родственныя связи. Борьба съ нѣмцами невозможна, потому что въ культурномъ отношеніи они выше чеховъ. Наконецъ, этой борьбой чехи толкаютъ нѣмцевъ въ объятія прусскаго германизма. Лучше помириться, согласиться другъ съ другомъ и сообща работать для взаимнаго развитія» *).

Газета находитъ, что Ригеръ правъ, что дальнѣйшая борьба австрійскихъ славянъ поведетъ лишь къ усиленію пангерманизма и положеніе чеховъ можетъ еще ухудшиться.

Однако, прибавимъ мы, существуетъ Россія и другіе славянскіе народы, для которыхъ участь чеховъ не можетъ быть безразличною.

Но положимъ, что совѣтъ Ригера хорошъ; какъ его исполнить? *Новости* принуждены согласиться, что на это Ригеръ отвѣта не даетъ: «Если бы,—говоритъ газета,—національные споры можно было рѣшить третейскимъ судомъ, то самъ австрійскій императоръ, стоящій превыше всѣхъ партій и народностей, могъ бы какъ нельзя лучше рѣшить этотъ споръ. Но императоръ въ качествѣ главы династіи не можетъ принять на себя такой роли. Остается разрѣшить споръ законодательнымъ путемъ, провозгласивъ въ принципѣ равноправность двухъ языковъ, чешскаго и нѣмецкаго, въ Чехіи и Моравіи. Въ этихъ провинціяхъ почти всѣ чехи понима-

*) *Новости*, № 287.

ютъ по-нѣмецки и наоборотъ. Поэтому судебнымъ и другимъ правительственнымъ мѣстамъ не трудно примѣнять принципъ равноправности языковъ. Но навязывать чехамъ нѣмецкій языкъ во что бы то ни стало, какъ языкъ государственный и обязательный, было бы столь же жестоко, какъ и несправедливо. Но теперь, въ виду отмѣны декретовъ графа Бадени, совершается, именно, эта жестокая несправедливость, и Чехія и Моравія объяты мятежнымъ движеніемъ. Отмѣна декретовъ уже дорого обошлась чешскому народу. Безпорядки, насилія, убійства, кровавыя усмиренія, — вотъ что было послѣдствіемъ мѣры, принятой безъ должной осмотрительности. Министерству графа Клари слѣдуетъ успокоить чеховъ и для этого внести въ рейхсратъ проектъ закона объ языкахъ.

Что же касается совѣта Ригера, то лучшимъ способомъ его исполненія были бы переговоры между представителями чешской и нѣмецкой партій въ австрійскомъ рейхсратѣ. И чехи, и нѣмцы должны понять, что соглашеніе необходимо и что страна не можетъ остаться въ столь безпокойномъ и почти революціонномъ настроеніи».

Но въ такомъ случаѣ, что же практически мудраго сказалъ Ригеръ?

Противъ преобладанія нѣмцевъ въ Австро-Венгріи боролись не одни славяне. Мадьяры искусно и настойчиво уже достигли своей цѣли. Значительно развитымъ національнымъ самоуправленіемъ пользуются поляки. Положеніе чеховъ во многихъ отношеніяхъ труднѣе, уже потому, что они, такъ сказать, запоздали, а страна ихъ почти охвачена нѣмецкимъ кольцомъ. Но отъ этого ихъ требованія и стремленія не становятся менѣе справедливыми. И съ итальянцами придется считаться австро-нѣмецкимъ централистамъ, но тутъ на помощь имъ является вражда между итальянцами и славянами на адріатическомъ побережьѣ Габсбургской монархіи.

Въ ноябрьской книжкѣ римскаго журнала *Rivista politica e letteraria* напечатана любопытная статья неизвѣстнаго автора о часѣ, пробившемъ въ Австріи для славянъ и итальянцевъ (*L'ora degli Slavi e gl'italiani de l'Austria*). Еще Криспи по заключеніи берлинскаго договора, когда во главѣ кабинета въ Цислейтаніи сталъ графъ Таафе, высказалъ эту мысль о прозвучавшемъ въ Австріи часѣ славянъ и прибавилъ, что Италія горько поплатится за свои ошибки на берлинскомъ конгрессѣ. Славяне растутъ въ силѣ и подымаются не только противъ нѣмцевъ-централистовъ, но и противъ перемѣшаннаго съ ними итальянскаго населенія адріатическаго побережья.

Нельзя не признать, что идея націонализма, отпраздновавшая свою побѣду сначала въ Италіи,—при содѣйствіи Наполеона III, потомъ въ Германіи,—несмотря на его противодѣйствіе,—принесла и приноситъ много зла. Когда объединяется сплошное въ смыслѣ расы населеніе, то это можно лишь привѣтствовать. Но тамъ, гдѣ населеніе перемѣшалось, гдѣ существуютъ одноплеменныя самостоятельныя государства—сосѣди, тамъ національная идея творитъ много бѣдъ, тормозитъ правильное развитіе каждаго племени и всего государства. Много лѣтъ славяне Австріи и отчасти Ту-

ціи возлагали большія надежды на Габсбургскую монархію, мечтали о монархической Швейцаріи, гдѣ мирно и равноправно уживались бы и нѣмцы, и мадьяры, и славяне, и румыны, и итальянцы. Событія грозно опровергли эти надежды и мечтанія. Высокій авторитетъ престарѣлаго императора Франца-Іосифа сдерживаетъ въ значительной степени разбушевавшіяся страсти; но онъ уже безсиленъ устранить ихъ или въ должной мѣрѣ смягчить національную вражду, которая раздираетъ имперію. Францъ-Іосифъ царствуетъ полвѣка, и рѣдкій монархъ испытывалъ столько тяжкихъ испытаній и въ государственномъ, и въ личномъ смыслѣ слова. Его будущій наслѣдникъ начнетъ царствовать безъ того авторитета, которымъ пользуется Францъ-Іосифъ, и тогда внутреннее состояніе Австріи можетъ еще ухудшиться. Плохо кончаетъ она *XIX* столѣтіе.

Дѣло Дрейфуса и происки реакціонеровъ затормозили развитіе французскаго законодательства; но теоретически политическіе вопросы продолжаютъ разрабатываться. Много вниманія удѣляется на застарѣлый недостатокъ французскаго государственнаго устройства (и при республикѣ, какъ при имперіи), на избытокъ административной централизаціи. Префектъ, непосредственно подчиненный министру внутреннихъ дѣлъ, и низшіе чиновники пользуются огромною властью, а роль мѣстнаго самоуправленія весьма ограничена, что не даетъ странѣ достаточнаго простора для правильнаго органическаго развитія.

Этому вопросу посвящена интересная статья въ *Revue politique et parlementaire* *). Авторъ—убѣжденный и рѣшительный сторонникъ децентрализаціи. Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—во Франціи между государствомъ и индивидуумомъ помѣщаются два административныя единства: департаментъ и община. Департаменты, созданные въ 1789 году, отличаются искусственностью, прямолинейною централизаціей; общины ближе къ жизни, представляютъ элементарные интересы мѣстнаго населенія. Децентрализація и свобода поэтому особенно умѣстны въ общинѣ.

Мы не останавливаемся на историческомъ очеркѣ автора и отмѣтимъ только его заключенія.

Коммиссія, учрежденная декретомъ 16 февраля 1896 года, имѣла цѣлью, какъ это формулировалъ Рибо, упростить и освѣжить административный организмъ, уничтожить лишнія колеса и безполезныя формальности, дать болѣе свободы плодотворному авторитету мѣстнаго самоуправленія. Практически изъ трудовъ коммиссіи покуда ничего не вышло; но собранный ею матеріалъ важенъ и убѣдителенъ. Жанъ Имбаръ де ла Туръ особенно настаиваетъ на финансовой независимости департаментскихъ, муниципальныхъ и общинныхъ совѣтовъ, конечно, подъ контролемъ законодательной власти при помощи администраціи.

---

*) *Jean Imbart de la Tour*: „Décentralisation et Liberté dans la Commune“ (*Revue pol. et parl.*, 10 octobre).

Особенностью разсужденія автора является предложеніе референдума. Необходимо заинтересовать населеніе непосредственно въ вопросахъ самоуправленія. Всѣмъ полноправнымъ гражданамъ общины должно быть предложено высказывать свое мнѣніе по стоящимъ на очереди существеннонажнымъ задачамъ мѣстнаго управленія. Авторъ энергично опровергаетъ сближеніе между такимъ референдумомъ и плебисцитомъ, противъ котораго онъ самъ рѣшительно и вполнѣ основательно вооружается. Референдумъ, по мысли Ж. І. де ла Тура, долженъ касаться лишь мѣстныхъ вопросовъ и голосоваться лишь въ предѣлахъ соотвѣтствующей единицы самоуправленія. Это нѣчто вродѣ нашего мірского схода, только, въ виду значительности территоріи, отвѣты полагаются письменными. Референдумъ при такихъ условіяхъ будетъ выводить органы мѣстнаго самоуправленія изъ затрудненія при сложныхъ и отвѣтственныхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ эти органы сомнѣваются взять на свою исключительную отвѣтственность.

Не входя въ оцѣнку собственно этого предложенія, мы подчеркиваемъ въ статьѣ французскаго публициста лишь всевозрастающее во Франціи стремленіе къ оживленію національной жизни при содѣйствіи органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Поѣздка императора Вильгельма въ Англію возбудила много толковъ. Англійская печать хотѣла видѣть въ ней знаменіе тѣснаго союза съ Германіей. Но поѣздкѣ предшествовало свиданіе германскаго императора съ Его Величествомъ императоромъ Николаемъ II; ей приданъ былъ семейный характеръ. Хотя безъ политическихъ переговоровъ дѣло, конечно, не обойдется, но теперь, намъ кажется, Вильгельмъ II явился въ Англіи скорѣе съ примирительною миссіей, чѣмъ съ воинственными замыслами...

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь 1899 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія.—Политическая экономія, статистика.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники, пособія.—Народныя изданія.—Справочныя книги, словари. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы» —*октябрь*.—«Міръ Божій»,—*октябрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го октября по 1-е ноября 1899 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Мелочи жизни“. Разсказы *И. А. Салова*.—„Между фантазіей и дѣйствительностью“. Повѣсти и разсказы. *Н. Пружанскаго*.

Мелочи жизни. Разсказы И. А. Салова Ц. 1 р. 25 к. Имя г. Салова и его литературная физіономія хорошо извѣстны нашимъ читателямъ. Поэтому мы не будемъ дѣлать экскурсій въ прошлое творчества этого писателя, а прямо приступимъ къ разбору послѣдней книжки его разсказовъ *Мелочи жизни*. Въ этой книжкѣ, довольно объемистой, собраны четыре разсказа: *Соловьятники*, *Паукъ*, *Крапивники* и *Змѣчка*. Прежде всего о *Соловьятникахъ*.

Авторъ вводитъ насъ въ интересный мірокъ любителей соловьинаго спорта и съ присущей ему живостью рисуетъ картины Поволжья и соловьиной охоты. Центральная фигура разсказа—Флегонтъ Гаврилычъ Павильоновъ не претендуетъ на что-либо оригинальное, но, во всякомъ случаѣ, это—живо набросанная фигура страстнаго охотника. Павильоновъ служилъ въ какой-то канцеляріи и былъ уволенъ „по слабости зрѣнія“. Формуляръ, кажется, довольно лаконичный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень полный и ясный Когда внимательно вчитаешься въ разсказъ, становится понятнымъ, какъ этотъ Павильоновъ—страстный охотникъ, хотя и не „созерцатель“ въ духѣ Тургеневскаго Калиныча—долженъ былъ томиться за перепиской скучныхъ и чуждыхъ ему бумагъ. Лѣсъ и пѣнье соловья—родная стихія Павильонова, онъ отдаетъ имъ всего себя и терпѣливо переноситъ невзгоды и случайности профессіи соловьинаго охотника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказа, авторъ съ полной откровенностью обнажаетъ грѣшки Павильонова, но, несмотря на это, у читателя, все-таки, остается ободряющее и отрадное впечатлѣніе.

Полной противоположностью *Соловьятникамъ* является второй разсказъ *Паукъ*. Уже одно заглавіе даетъ понять, что здѣсь придется имѣть дѣло съ какой-то паутиной, въ срединѣ которой сидитъ непріятное насѣкомое и сосетъ кровь своей жертвы. И дѣйствительно, Брюхановъ — паукъ въ полномъ смыслѣ этого слова, въ его паутину по-

пало все окрестное населеніе, и онъ, съ жадностью вампира, пьетъ изъ него кровь. Типъ кулака-міроѣда достаточно разработанъ въ беллетристикѣ, но все же разсказъ г. Салова читается съ интересомъ, хотя, говоря откровенно, онъ не оставляетъ сильнаго впечатлѣнія. Есть трагическій злодѣй, его достойные сотрудники, масса жертвъ, слегка затронуты нѣкоторые изъ „проклятыхъ деревенскихъ вопросовъ, но все это нѣсколько вяло и бѣдно. *Крапивники*... однимъ этимъ словомъ нашъ народъ мѣтко опредѣлилъ происхожденіе и дальнѣйшую судьбу „незаконныхъ“ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сорную траву при дорогѣ, всѣ могутъ топтать этихъ несчастныхъ и безправныхъ людей. Въ имѣніи богатаго помѣщика разыгрывается старая исторія. Сынъ помѣщика, блестящій гвардеецъ, влюбляется въ дворовую дѣвушку Агашу. Онъ живетъ съ ней довольно долго, какъ будто любитъ ее, но, въ концѣ концовъ, все-таки, женится на дѣвушкѣ „своего круга“, а Агашу оставляетъ съ двумя дѣтьми и нѣкоторымъ капитальцемъ. Вотъ этотъ-то „капиталецъ“ и соблазняетъ конторщика Ананія Иваныча. Онъ женится на Агашѣ и первое время живетъ съ ней мирно. Но потомъ у Ананія Иваныча является наклонность къ рюмочкѣ, онъ помаленьку опускается и тиранитъ жену. Агаша не выдерживаетъ и умираетъ въ злѣйшей чахоткѣ. Но послѣ нея остаются двое дѣтей „крапивниковъ“, которыхъ ненавидитъ Ананій Иванычъ. Что переносятъ эти дѣти, трудно описать, но авторъ описываетъ это очень живо. Одинъ ребенокъ вскорѣ тоже „не выдерживаетъ“ и умираетъ въ горячкѣ, а другой уходитъ въ городъ и попадаетъ въ гимназію. Несомнѣнно, этотъ выдержитъ и будетъ, наконецъ, „человѣкомъ“ съ нѣкоторыми правами.

Разсказъ *Крапивники* оставляетъ хотя и грустное, но сильное впечатлѣніе. Читатель ясно сознаетъ все безправіе „незаконныхъ“ дѣтей и несправедливое отношеніе къ нимъ нашихъ гражданскихъ законовъ. Страшнымъ анахронизмомъ кажется 136 ст. X тома, которая лишаетъ дѣтей наслѣдства послѣ ихъ матери, а всѣ права предоставляетъ второстепеннымъ родственникамъ. Когда прочитаешь разсказъ, какъ-то особенно хочется, чтобы, наконецъ, взошла заря правды и справедливости надъ мракомъ невыносимаго существованія бѣдныхъ, несчастныхъ дѣтей, ничуть не виновныхъ въ своемъ „незаконномъ“ рожденіи.

Послѣдній разсказъ *Злючка* проникнутъ тѣмъ же безотраднымъ тономъ, какъ и два предыдущіе. Авторъ вводитъ насъ въ семью деревенскаго міроѣда, гдѣ всѣ живутъ только жаждой наживы, всѣ... за исключеніемъ дочери міроѣда Вѣрочки. Съ дѣтства она была непокорной и протестующей натурой,—ей были чужды и противны спекуляціи родныхъ, и она съ рѣдкой храбростью громила безсердечіе и безчестность отца. Познакомившись съ дочерью сосѣдней помѣщицы, наслышавшись и начитавшись о другой жизни, болѣе содержательной и интересной, Вѣрочка всей душей рвется изъ родительскаго дома, но, конечно, уйти ей некуда,—она томится, изнываетъ и, наконецъ, смерть примиряетъ ее съ постылой жизнью. Едва ли читатель пожалѣетъ, что Вѣрочка умерла: такія натуры не примиряются съ обстоятельствами жизнь для нихъ является сущей пыткой. Но все-таки очень отрад сознавать, что и въ этомъ темномъ царствѣ, въ этомъ гнѣздѣ хище чества можно встрѣтить свѣтлый лучъ, который является живымъ уп ромъ мрачной жизни, полной беззаконія и всяческой неправды. Мож быть увѣреннымъ, что закоренѣлый грабитель-міроѣдъ устыдится себ когда вспомнитъ иногда смѣлыя обличенія своей дочери и, если онъ не исправится, то все же, можетъ быть, хоть немножко сократитъ себ

Между фантазіей и дѣйствительностью. Повѣсти и разсказы. Н. Пружанскаго. Спб., 1900 г Ц. 1 р. 30 к. Какъ беллетристъ, г. Пружанскій занимаетъ очень скромное мѣсто въ литературѣ, но все же онъ его занимаетъ. Многочисленныя произведенія г. Пружанскаго, изданныя отдѣльными книжками и напечатанныя въ фельетонахъ разныхъ газетъ, читаются съ нѣкоторымъ интересомъ, но они сейчасъ же и забываются. И не то, чтобы г. Пружанскій бралъ для своихъ произведеній неинтересные сюжеты,—нѣтъ, въ этомъ отношеніи ему можно отдать справедливость: *Отверженный*, *Дѣти рока*, *Герои жизни* и т. п., говорятъ за себя уже по однимъ заглавіямъ. Но у него нѣтъ того огня, отъ котораго летятъ искры въ умъ и сердце читателя. Въ большинствѣ своихъ произведеній г. Пружанскій не изображаетъ и не проповѣдуетъ, а просто *говоритъ*.

Все-таки, „несмотря на все вышеизложенное", какъ говорятъ чиновники, мы съ нѣкоторымъ ожиданіемъ развернули новую книжку разсказовъ г. Пружанскаго. Въ этой книжкѣ „на первыхъ роляхъ" выпущена повѣсть „Исаакъ коваль". Несомнѣнно, г. Пружанскому извѣстно, что, вообще, принято читать книгу съ начала, но если, какъ умный виночерпій, онъ хотѣлъ въ этомъ случаѣ угостить насъ „виномъ добрымъ", то его разсчеты совершенно не удались. Обстановка повѣсти очень благодарная,—тутъ есть и польскіе паны, и евреи, и такой интересный религіозный обрядъ, какъ „Судный день", но на этой канвѣ вышитъ ужъ очень простоватый узоръ. Въ самомъ дѣлѣ, въ кузницѣ, на проѣзжей дорогѣ, Исаакъ коваль, „человѣкъ гигантскаго роста, плечистый", спѣшитъ окончить работу, чтобы попасть на праздникъ.

Въ экипажѣ польскаго магната лопнула ось. Конечно, онъ приказываетъ ковалю немедленно исправить поврежденіе. Коваль, несмотря на угрозы и предложеніе хорошей платы, не соглашается взяться за работу, такъ какъ ему нужно приготовиться къ празднику.

Можетъ быть, помѣщику такъ и пришлось бы засѣсть на проѣзжей дорогѣ, но тутъ на сцену является прелестная полька, любительница „спорта и желѣзныхъ мускуловъ". Коваль и пани производятъ другъ на друга сильное впечатлѣніе.

Не трудно предугадать, что пани, „любившая укрощать дикихъ лошадей", укротила и непокорнаго кузнеца. Помѣщикъ съ женой уѣхали, но у коваля что-то осталось, что̀ именно—онъ и самъ не разберетъ, но что-то грѣшное, нехорошее.

На еврейскомъ праздникѣ кузнеца преслѣдуетъ образъ дивной польки и, наконецъ, не стерпѣвъ мукъ Тантала, онъ, правовѣрный еврей, рѣшается идти въ имѣніе помѣщика. Не далеко отъ цѣли своего путешествія Исаакъ встрѣчаетъ свою чаровницу. Та было и забыла о кузнецѣ, но плечистая фигура коваля пробуждаетъ ея „врожденные" инстинкты и она привозитъ его въ охотничій домикъ.

Здѣсь, конечно, разыгрывается сцена обольщенія, — правовѣрный еврей, несмотря на свой стоицизмъ, отрекается и отъ семьи, и отъ вѣры отцовъ. Придя домой, онъ сознаетъ гнусность своего поступка,— терзается такъ, что его вѣрная Сарра начинаетъ кое-что смекать и, въ концѣ-концовъ, все это заканчивается сценой раскаянія. Коваль умиленъ величіемъ души своей супруги и заднимъ числомъ говоритъ о ея добродѣтеляхъ. Не споримъ, все это бываетъ, но, вѣдь, и не такія еще вещи творятся на свѣтѣ! Во всякомъ случаѣ, животному культу въ миніатюрѣ, капризу взбалмошной женщины не стоило посвящать почти 100 страницъ.

Лучшее мѣсто повѣсти, именно—праздникъ „Судный день", описанъ очень вяло, и авторъ, очевидно, хорошо знакомый съ еврейскими обрядами, допускаетъ важную ошибку: тѣ обрядности, которыя онъ приписываетъ „Судному дню", совершаются въ Гошъ-Гашано (новый годъ).

Положимъ, *наборщикъ* исправляетъ автора въ своемъ примѣчаніи, но это, конечно, рекомендуетъ только типографію, гдѣ печатался разсказъ г. Пружанскаго.

Болѣе интересенъ второй разсказъ сборника—„Стасекъ изъ-подъ земли". „Въ деревню съ трехлѣтнимъ мальчикомъ пришла нищая, осталась въ деревнѣ ночевать и умерла". Мальчика было некуда дѣть и его взялъ рабочій Стефанъ. Очень характерна фраза Стефана: „Отдайте мнѣ мальчика! У меня *была собачка, да околѣла*, такъ вмѣсто собачки я возьму мальчика..."

Эта фраза ярко говоритъ, какъ жилось бѣдному ребенку, пока онъ не поселился въ шахтѣ, гдѣ ему поручили уходъ за лошадьми. До юношескаго возраста Стасекъ не видѣлъ ни свѣта, ни воздуха,—онъ только нюхалъ вонь, видѣлъ грязь и ни одного раза никто не заговорилъ съ нимъ какъ съ человѣкомъ. Онъ ничего не зналъ, но въ его умѣ невольно возникали тревожныя мысли о разныхъ явленіяхъ, которыхъ онъ не умѣлъ себѣ объяснить.

Послѣ одного приключенія, Стасекъ сталъ на виду у людей и его, однажды, пригласили въ гости. Здѣсь авторъ не можетъ отрѣшиться отъ любезнаго ему культа животности и Стасека онъ заставляетъ прежде всего волноваться „упругими формами" красивой дивчины. Эти „формы" долго не даютъ покою бѣдному парню, но авторъ, наконецъ, сжалился и закончилъ разсказъ бракомъ, хотя и не легальнымъ въ силу обстоятельствъ. И послѣ брака Стасекъ „задумывается", но г. Пружанскій, очевидно, не долюбливающій излишнихъ размышленій, совѣтуетъ ему бросить это безполезное занятіе. А напрасно,—нельзя же въ самомъ дѣлѣ успокоиться на томъ, что этотъ несчастный человѣкъ проснется только для „упругихъ формъ".

Есть въ книжкѣ г. Пружанскаго разсказъ „Изъ-за прислуги",—въ немъ авторъ пытается въ тривіальной формѣ затронуть семейныя отношенія, ревность и т. п., но все кончается и очень тривіально, и очень фантастично. Впрочемъ, и заглавіе самой книжки: „Между фантазіей и дѣйствительностью", разрѣшаетъ автору не особенно заботиться о правдоподобіи.

Съ интересомъ читается набросокъ „Водоносъ" и разсказъ „Экстраординарное приключеніе". Другіе разсказы, въ особенности—святочные, съ успѣхомъ могли бы пойти въ новогоднихъ номерахъ газетъ, но начинять ими отдѣльную книжку едва ли стоило.

Издана книжка недурно, бумага добропорядочная, но ошибки встрѣчаются, въ особенности замѣчается легкомысліе въ отношеніи знаковъ препинанія.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи". Кн. 49.—„Твореніе Платона". Пер. *Владим Соловьева.*—„Гипнотизмъ и внушеніе". *В. Вундта.* — „Нѣмецкіе университеты". *Паульсена.*—„Когда люди будутъ любить другъ друга". *Аметистовой.*

Вопросы Философіи и Психологіи. Книга 49 (IV). 1899 г. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества при содѣйстві С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Послѣ значительн

лѣтняго перерыва вышла IV книга нашего философскаго журнала, который какъ разъ въ этомъ мѣсяцѣ кончаетъ первое десятилѣтіе своего существованія. Вызванный къ жизни энергіей покойнаго Н. Я. Грота, онъ, несомнѣнно, сыгралъ важную и плодотворную роль въ умственномъ развитіи образованнаго русскаго общества, и можно отъ души пожелать журналу-юбиляру, чтобы онъ успѣшно и бодро продолжалъ свою просвѣтительную дѣятельность. — Послѣдній выпускъ *Вопросовъ* открывается третьимъ отдѣломъ обширнаго трактата Б. Н. Чичерина *Философія права*. На этотъ разъ маститый авторъ изслѣдуетъ природу нравственности и ея отношенія къ юридическимъ нормамъ. Если теоретическія воззрѣнія г. Чичерина и его взгляды на эмпирическое объясненіе морали представляютъ много спорныхъ пунктовъ, то нельзя не воздать должнаго свѣтлымъ и прогрессивнымъ элементамъ его гражданскаго міросозерцанія, которое онъ отъ своихъ молодыхъ дней и до сихъ поръ сохранилъ во всей счастливой цѣльности. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать слѣдующія строки, начертанныя старою рукой, но проникнутыя силой юношескаго увлеченія: „Когда внѣшняя власть вторгается въ область, которая можетъ опредѣляться только совѣстью, она переступаетъ границы своего права. Отсюда глубокое внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ преслѣдованіи еретиковъ... Когда она (церковь), безсильная дѣйствовать убѣжденіемъ, хочетъ внутреннее движеніе чувства и совѣсти замѣнить внѣшнимъ насиліемъ, когда она во имя религіи любви проповѣдуетъ истребленіе отщепенцевъ огнемъ и мечомъ, и когда государство, подчиняясь ея зову, слѣдуетъ за нею по этому пути, то подобное извращеніе самыхъ высокихъ нравственныхъ требованій составляетъ одно изъ самыхъ возмутительныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Ни въ чемъ высокое нравственное значеніе свѣтскаго просвѣщенія не выразилось такъ ярко, какъ въ признаніи въ новѣйшее время свободы совѣсти, какъ самаго священнаго и неприкосновеннаго изъ человѣческихъ правъ. Въ государствѣ, сознающемъ нравственныя требованія, никакое стѣсненіе иновѣрцевъ въ свободномъ отправленіи своей вѣры и въ гражданскихъ правахъ не должно быть терпимо. Государство, которое не уважаетъ правъ совѣсти, не можетъ требовать отъ подданныхъ, чтобъ они руководствовались ея внушеніями“ (стр. 507, 508). Какъ просты, въ сущности, эти благородныя мысли, и какъ далеки онѣ отъ печальной дѣйствительности! И, быть можетъ, есть нѣчто трагическое въ томъ, что сѣдой мыслитель и ученый, на склонѣ своей жизни, посвященной праву, долженъ повторять ихъ только какъ pia desideria, какъ неосуществленныя грёзы и завѣтныя чаянія...—Проф. А. В. Васильевъ въ интересной статьѣ *Взгляды О. Конта на философію математики* убѣдительно показываетъ, что знаменитый философъ и въ области математики высказалъ много предположеній, которыя подтвердились дальнѣйшимъ развитіемъ этой науки. „Въ исторіи философіи математики,—говоритъ авторъ,—имя Конта будетъ всегда занимать видное и важное мѣсто, и математикъ, прочитавшій первый томъ *Положительной философіи*, вынесетъ всегда изъ этого чтенія большую пользу какъ отъ мыслей, въ немъ заключающихся, такъ и еще болѣе, можетъ быть, отъ того уваженія къ математическому методу, которымъ проникнута вся книга, которымъ проникнута была вся жизнь О. Конта, видѣвшаго въ математическомъ методѣ наиболѣе яркое проявленіе „позитивнаго духа“ (стр. 559).—Н. А. Иванцовъ даетъ начало любопытнаго изслѣдованія о *Франциск Бэконѣ и его историческомъ значеніи*.—Л. М. Лопатинъ, въ

статьѣ *Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія*, со свойственной ему изящной тонкостью мысли и слова, резюмируетъ свои взгляды на сознаніе, высказанные имъ въ прежнихъ работахъ, и обѣщаетъ въ дальнѣйшихъ очеркахъ отвѣтить на представленныя ему возраженія.—В. Ѳ. Чижъ изображаетъ намъ *Тургенева какъ психопатолога*. Тема, несомнѣнно, искусственная и изысканная: какъ-то странно искать патологическихъ картинъ въ такомъ ясномъ и здоровомъ творчествѣ, какое характеризуетъ Тургенева. Проф. Чижъ напоминаетъ въ своей статьѣ (она еще не кончена) содержаніе *Отчаяннаго;* художественнымъ чутьемъ Тургеневъ, по словамъ автора, предвосхитилъ выводы психіатрической науки и поразительно вѣрно нарисовалъ типъ вырождающагося. Но у Тургенева въ этомъ вырождающемся видна живая и трепетная, и въ сущности *нормальная* человѣческая душа, а въ интерпретаціи г. Чижа мы встрѣчаемъ какой-то скорбный листъ, клиническую исторію болѣзни.—Э. Л Радловъ въ краткомъ *Очеркѣ исторіографіи исторіи философіи* характеризуетъ нѣсколько старыхъ и новыхъ книгъ по исторіи философіи.—С. А. Соллертинскій въ интересно задуманномъ этюдѣ *О происхожденіи воспитательскаго дѣла и объ основныхъ опорахъ его существованія въ человѣческой исторіи* доказываетъ, что сознательное воспитываніе, педагогическая функція имѣютъ своимъ главнымъ источникомъ и первоначальнымъ стимуломъ чувство физической чести родителей: послѣдніе, въ особенности отецъ, стремятся къ тому, чтобы ихъ дѣти служили свидѣтелями ихъ физической зрѣлости и мощи; стимулъ же моральной чести является гораздо позднѣе.—Выпускъ журнала по обыкновенію заканчивается разнообразнымъ критико-библіографическимъ отдѣломъ и извѣстіями о предстоящихъ въ Парижѣ, во время всемірной выставки, международныхъ философскомъ и психологическомъ конгрессахъ.

Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1899 г. Цѣна 1 р. 50 к. Этому изданію порадуются въ Россіи представители всѣхъ оттѣнковъ философской мысли. Едва ли можно найти у насъ лицо, которому болѣе, чѣмъ Вл. С. Соловьеву, пристало бы переводить великаго идеалиста древности. Конгеніальный истолкователь знаменитаго греческаго философа, В. С. Соловьевъ съ любовью и тщательнымъ вниманіемъ выполняетъ свой достойный трудъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ такъ называемые сократическіе діалоги, эти незрѣлыя еще произведенія едва пробудившейся діалектической мысли. Принадлежность большинства ихъ Платону сильно заподозрѣна ученой критикой XIX в., но переводчикъ, исповѣдуя въ данномъ вопросѣ болѣе консервативныя убѣжденія и, какъ онъ выражается, относясь критически къ этой критикѣ, считаетъ подлинными почти всѣ дошедшіе до насъ діалоги. Каждый изъ нихъ онъ сопровождаетъ особымъ „разсужденіемъ“, глубокимъ и блестящимъ. Самый переводъ сдѣланъ сообразно правилу, которое побуждало г. Соловьева „обрусить Платона и оплатонизировать русскій языкъ“. Не желая „продавать свое гусиное или стальное перо за пи чую тростинку Платона“, переводчикъ очень близко, быть можетъ, слиш комъ близко, слѣдовалъ греческому тексту, и въ нѣкоторыхъ мѣстах перевода чистота и легкость русскаго языка сознательно принесены в жертву буквальности. Открывающій книгу предварительный очеркъ со держитъ въ себѣ біографію Платона, краткій обзоръ извѣстнаго в наукѣ платоновскаго вопроса, т.-е. вопроса о подлинности и хронол гіи діалоговъ, и, наконецъ, изложеніе собственнаго взгляда перево

чика на внутренній строй и развитіе Платоновой философіи. Въ общихъ чертахъ этотъ взглядъ сводится къ тому, что казнь Сократа, учителя Платона, казнь праведника и торжество зла заставили Платона усомниться въ подлинности нашего міра, гдѣ совершаются такія преступленія. Не умственная, а нравственная потребность вызвала идеологическое міровоззрѣніе Платона. „Недолжное" можетъ быть только въ „несущемъ", а сущее, дѣйствительно реальное — это не обманчивый міръ явленій, это—вѣчный міръ прекрасныхъ и совершенныхъ идей, царство блага и правды. Впослѣдствіи Платонъ между этими двумя мірами создалъ объединяющую связь—любовь (эросъ), которая сочетаетъ въ себѣ и небесную, и земную природу, примиряетъ идеальный моментъ съ чувственнымъ. Дальнѣйшая попытка Платона осуществить идеи въ реальной формѣ государства привела его къ печальному отреченію отъ принциповъ Сократа и философіи. Въ своихъ „Законахъ", этомъ панегирикѣ деспотизма и рабства, онъ сталъ даже на точку зрѣнія тѣхъ, кто казнилъ Сократа „за его свободное отношеніе къ авторитету „города" въ дѣлахъ религіи и общественной нравственности".

Гипнотизмъ и внушеніе. В. Вундта. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Колубовской. Изданіе второе. Эта книжка извѣстна уже русскимъ читателямъ. Вундтъ ставитъ гипнотизмъ на почву строго-научнаго физіологическаго объясненія и снимаетъ съ него какую бы то ни было оккультическую маску. Если бы мы признали наличность таинственныхъ явленій, мы должны были бы утверждать существованіе двухъ совершенно различныхъ міровъ. „Одинъ—это міръ Коперника, Галилея, Ньютона, Лейбница и Канта; другой—это маленькій міръ стучащихъ духовъ и медіумовъ, и все, что ни происходитъ въ большомъ, въ этомъ маленькомъ мірѣ поставлено вверхъ дномъ. Тяготѣніе, дѣйствіе свѣта, законы нашей психофизической организаціи—все это начинаетъ колебаться, лишь только г-жѣ Леони въ Гаврѣ вздумается впасть въ магнетическій сонъ". Вундтъ очень остроумно предостерегаетъ отъ увлеченія гипнотизмомъ и отъ преувеличенія его роли въ наукѣ и жизни.

Нѣмецкіе университеты. Ф. Паульсена. (Переводъ съ нѣмецк. Н. Вернадской). Изданіе магазина „Книжное Дѣло". Цѣна 40 к. Профессоромъ Паульсеномъ поставлена очень интересная задача дать общій очеркъ современнаго состоянія нѣмецкаго университета, прослѣдивъ его историческое развитіе; выяснить отношенія профессоровъ къ своему преподаванію, ихъ положеніе, указать на благотворность свободы преподаванія и свободы ученія, какъ на характерныя черты нѣмецкаго университета. Мы не можемъ сказать, чтобы эта книга захватывала насъ, но, прочтя ее, мы получаемъ ясное представленіе о нѣмецкомъ университетѣ. Главныя достоинства ея краткость и ясность. Къ этому надо еще прибавить, что *) въ русской литературѣ нѣтъ общихъ обзоровъ строя нѣмецкихъ университетовъ. Имѣются лишь нѣкоторые переводы рѣчей Гельмгольца и др. и книга проф. Циглера *Нѣмецкій студентъ XIX в.*

„Нѣмецкій университетъ,— говоритъ Паульсенъ,— государственное учрежденіе, государство его основываетъ и содержитъ и онъ подчиненъ государственному управленію". Но онъ имѣетъ и свое собственное самоуправленіе: избираетъ правленіе, имѣетъ большое вліяніе на замѣщеніе каѳедръ. Въ этомъ мы замѣчаемъ его сходство съ нашимъ

*) Предисловіе Вернадской.

университетомъ. Какой же внутренній духъ нѣмецкихъ университетовъ, какія преслѣдуетъ онъ цѣли?

„Отличительную черту нѣмецкаго университета составляетъ то, что онъ одновременно служитъ и лабораторіей научнаго изслѣдованія, и учрежденіемъ для полученія научнаго образованія". Первое мѣсто въ немъ занимаетъ чисто-научное образованіе. Читаютъ лекціи въ нихъ профессора,—большею частью самостоятельные ученые. Имя профессора и имя ученаго нераздѣлимо связаны между собою Въ Германіи „общее правило—совмѣщеніе профессуры съ занятіями науками". Паульсенъ даже говоритъ, что если разговариваютъ о какомъ-либо ученомъ, то сейчасъ же спрашиваютъ, гдѣ онъ преподаетъ; а если окажется, что—нигдѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что онъ обиженъ. Это обстоятельство, т.-е. совмѣщеніе профессуры съ занятіями науками, имѣетъ громадное значеніе. „Нѣмецкая молодежь сталкивается съ вождями умственной жизни народа, получаетъ тамъ глубокія и прочныя впечатлѣнія". Нерѣдко профессора даютъ толчокъ для выработки студентами собственнаго міросозерцанія. Несомнѣнно, гораздо большее вліяніе могутъ оказывать мыслители-профессора, излагая свои собственныя мнѣнія, съ убѣжденіемъ и любовью, чѣмъ профессора, читающія лекціи по тетрадямъ, излагающіе чужія мысли. Паульсенъ стоитъ за устное живое преподаваніе. Онъ нападаетъ на чтеніе готовой лекціи: „Прочитанная лекція безжизненна, она не можетъ внушать того чувства реальности, которое даетъ лекція, сказанная лекторомъ. Въ ней недостаетъ напряженія, приковывающаго вниманіе какъ слушателя, такъ и лектора А для этого необходимо возбужденіе свободнаго творчества и рискъ неудачи". Проф Паульсенъ объясняетъ склонность къ философскому мышленію, увлеченіе общими идеями, отличающія, по общему признанію, нѣмецкій складъ ума тѣмъ, что образованіе вырастаетъ на почвѣ живого, устнаго преподаванія. Другою существенною отличительною чертой нѣмецкаго университета является свобода преподаванія и ученія

Профессора необходимо должны обладать свободой преподаванія. Самостоятельный ученый не будетъ научнымъ изслѣдователемъ, если онъ не можетъ критически относиться къ предмету своего преподаванія. Въ университетахъ, въ которыхъ свобода преподаванія стѣснена, получаются печальные результаты.

Если лекціи профессора будутъ подвергаться стѣсненіямъ, само міросозерцаніе его будетъ подавлено, то какіе же могутъ получатся результаты

Кромѣ свободы преподаванія, должно отмѣтить и свободу ученія. Студентъ воленъ слушать какого хочетъ профессора, перемѣнять ихъ, составлять себѣ свой собственный планъ занятій, словомъ, ему предоставляется свобода дѣйствій. „Идея нѣмецкаго университета,—говоритъ Паульсенъ,—заключается въ томъ, чтобы изъ юношей сдѣлать самостоятельныхъ мужей, самостоятельныхъ умомъ и волей, и выработать въ нихъ сознаніе собственной отвѣтственности. Пользоваться с бодой, самому принимать рѣшенія и собою управлять, этому мо научить лишь на свободѣ".

Переводъ Н. Вернадской удовлетворителенъ. Въ концѣ книги п ложены: 1) перечень университетовъ въ предѣлахъ Германской импе съ обозначеніемъ года основанія и 2) литература о нихъ.

Когда люди будутъ любить другъ друга? Аметистова (Ног воспитаніе и образованіе дѣтей). Харьковъ. Аномаліи и пато

гическіе случаи часто подчеркиваютъ характерныя особенности жизни, затушеванныя въ нормальномъ явленіи общимъ гармоническимъ впечатлѣніемъ. Съ этой точки зрѣнія они представляютъ иногда значительный интересъ. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что чудовищно странная брошюра г-жи Аметистовой, при всемъ ея своеобразіи,—характерный показатель современнаго состоянія русской педагогической мысли.

„Все жалуются, что людей нѣтъ. Ахъ, бѣдные! А женщины, а дѣти, а учащаяся молодежь обоего пола—не *люди?* Люди, да еще самаго перваго сорта! Да и къ тому же ихъ цѣлые милліарды. Организуйте ихъ!

„У Вагнера есть сказка: „Отчего міръ не устроенъ?“ и существуетъ дѣтская игра въ *туалетъ*. И въ этой игрѣ есть моментъ, въ который говорится: „барыня требуетъ весь туалетъ“. Вотъ эта барыня и есть жизнь. Она состоитъ изъ всего и требуетъ всѣхъ. Такъ, вотъ, міръ-то оттого и не устроенъ, что барыня—жизнь-то требуетъ весь туалетъ, а ей подаютъ одинъ его предметъ—мужчину“ (стр. 16).

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ своеобразной феминисткой... Г-жа Аметистова очень недовольна современнымъ воспитаніемъ: оно не создаетъ у дѣтей привычки любви, исполнено бездушія и чаще всего является насиліемъ надъ нравственною личностью ребенка.

„Поймите, что, вѣдь, это пытка, достойная инквизиторовъ, не давать воли естественнымъ желаніямъ ребенка, а вмѣсто нихъ всучивать чуждыя ему потребности быть нарядным. Вѣдь красивѣе ребенка и безъ того нѣтъ ничего. Съ кого же амуровъ пишутъ? *Пусть онъ будетъ запачканъ, лишь бы жила его душа, и никто не мѣшалъ бы его радостямъ.* Мальчикъ-слесарь, какимъ выйдетъ изъ кузницы, такимъ преспокойно и шествуетъ по всѣмъ улицамъ, такъ же, какъ и трубочистъ, какимъ вылѣзетъ изъ трубы. Таково положеніе вещей!“ (стр. 5).

Дѣтскія гулянья г-жа Аметистова хотѣла бы передать наблюденію и руководству „женщинъ-ботаниковъ, геологовъ, зоологовъ, *гимназіарховъ*, врачей“ (стр. 6). Только въ такомъ случаѣ правильное воспитаніе привело бы къ неисчислимымъ результатамъ.

„Какъ знать, можетъ быть и летать человѣкъ научился бы, если бы началъ съ дѣтства, какъ летаютъ въ воздушномъ шарѣ на привязи“ (стр. 7).

Воспитываться должны дѣти, постоянно путешествуя съ „цѣлымъ штатомъ лицъ: педагогичекъ, ботаниковъ, геологовъ, зоологовъ, женщинъ-врачей, фельдшерицъ, сестеръ милосердія“ и „воспитанной прислугой, наприм., ученой поварихой, бонной“. „Такая система воспитанія спасла бы матерей и вообще лицъ женскаго пола отъ отупляющаго домосѣдства и внесла бы оживленіе въ общество“ (стр. 8).

„Пора направить корабль—воспитаніе по естественному теченію, какъ сдѣлалъ Нансенъ съ своимъ кораблемъ „Фрамъ“ (стр. 8). Раньше нужно воспитывать руки, а потомъ уже мозгъ. Пора положить конецъ педагогической рутинѣ, какъ это сдѣлала когда-то Екатерина II, разрубивъ Гордіевъ узелъ, порвавъ связь семьи и школы. „До идеала нашего, до Христа, мы еще не дошли. Вотъ въ этомъ-то и задача, какъ этого достичь! Зато какіе были бы прелестные люди, а главное ихъ было бы легіоны, настоящіе почетные легіоны! И это не утопія“ (стр. 9—10).

Для этого, прежде всего, нужно укрѣпить въ дѣтяхъ свойство „довольствоваться *пищей и одеждой*“ (стр. 10).

„Въ дѣтскихъ путешествіяхъ окажется настоящая почва для проявленія любви къ ближнему.

„Съ дѣтей на желѣзныхъ дорогахъ берутъ половину; вотъ эта выгода и будетъ использована ими. Теперь есть вагоны-салоны, вагоны-церкви, такъ почему же не быть *вагонамъ-дѣтскимъ*, которые могли бы останавливаться на *станціяхъ-школахъ*, гдѣ дѣти со своимъ штатомъ могли бы останавливаться на столько времени, сколько потребуется *для предметныхъ уроковъ изъ самой природы* и по народовѣдѣнію. Можно сортировать дѣтей по ихъ болѣзнямъ и отправляться съ ними на однородные между собою курорты, наприм., въ Славянскъ, въ Старую Руссу и т. д., по предписанію врача. Должно, кромѣ того, сортировать дѣтей по ихъ наклонностямъ, и учительницы ихъ должны соотвѣтствовать ихъ характеру, наприм.: къ живымъ дѣтямъ — бойкую и веселую учительницу, къ дѣтямъ съ музыкальными способностями — музыкантшу, къ дѣтямъ художникамъ—художницу. Это будетъ экономія общественныхъ силъ, и дѣти не будутъ испытывать мукъ Тантала. Учительницы и весь штатъ долженъ понять, что *онъ—для дѣтей*“ (стр. 10—11). Въ педагогической системѣ г-жи Аметистовой первую и даже единственную роль играютъ женщины, и это понятно съ ея точки зрѣнія: женщины—„менѣе испорченные люди“ (стр. 9).

„Надо, чтобы дѣтскій трудъ оплачивался. Пора и имъ выйти изъ рабства у взрослыхъ! Всѣ учрежденія для дѣтей должны бы имѣть на службѣ дѣтей же, только подъ контролемъ образованныхъ лицъ, слѣдящихъ *за срокомъ работы и частой смѣной одной пары* служащихъ дѣтей *другой парой*, чтобы *предупреждать* переутомленіе. Разумѣется, дѣтская служба должна быть и съ правомъ ребенка заявить контролершѣ о желаніи своемъ оставить эту службу, или о желаніи перейти на другую. Между дѣломъ дѣти учатся другъ у друга грамотѣ, а грамотные идутъ дальше также при помощи своихъ болѣе знающихъ сверстниковъ“ (стр. 11—12).

Новая ланкастерская система взаимнаго обученія должна идти такъ.

„При взаимномъ обученіи дѣтей, грамотному ребенку надо выдать тетрадь, раздѣливъ каждую ея страницу надвое. На лѣвой половинѣ—урокъ методики грамоты въ самомъ простомъ изложеніи руководительницы, обнимающій собою содержаніе одного урока. На другой половинѣ малолѣтній учитель напишетъ вопросы, на которые не сумѣлъ отвѣтить своимъ ученикамъ, и которые разрѣшитъ ему руководительница. Она должна давать простой урокъ малолѣтнимъ учительницамъ и учителямъ въ затрудняющихъ ихъ случаяхъ. Такимъ образомъ осуществится въ дѣйствительной жизни „игра въ школу“, любимая дѣвочками. Это же подготовитъ и будущій учительскій персоналъ и разовьетъ и *выдѣлитъ* учительницъ и учителей (?) по призванію“ (стр. 12—13). Но если мужчины вообще отстраняются отъ педагогическаго дѣла, зачѣмъ тогда „учителя по призванію?“

Дѣти затѣмъ должны служить въ дѣтскихъ больницахъ. Списокъ дежурствъ „долженъ находиться въ рукахъ у каждаго изъ служащихъ дѣтей, чтобы они, въ случаѣ надобности, могли бы попросить своихъ товарищей отдежурить за нихъ, обязуясь, въ свою очередь, отплатить имъ тѣмъ же“ (стр. 13).

Но прежде всего и больше всего „надо учить дѣтей тому, чему ихъ не учатъ: учить жить самостоятельно“ (стр. 13).

„Когда забеременѣетъ дѣвушка или женщина, для нихъ должны быть устроены *колоніи для беременныхъ* съ соотвѣтствующимъ дѣлу ме

дицинскимъ персоналомъ и съ самой простой, но здоровой обстановкой и устроенной по послѣднему слову науки, гдѣ бы ихъ берегли отъ *огорченій*.

Состоятельныя беременныя вносили бы за себя плату, а несостоятельныя платили бы за себя работой, которую разрѣшали бы имъ женщины-врачи. Для всѣхъ новорожденныхъ, какъ для *наслѣдниковъ цивилизаціи*, должны быть устроены безчисленныя *ясли, по послѣднему слову науки*, но очень скромныя, наприм., съ бѣлыми некрашенными столами и проч. въ этомъ родѣ, чтобы женское „бремя“ не ограничилось милліонами мертвецовъ, а обратилось въ здоровое населеніе, нужды котораго вѣдало бы общество съ самой минуты рожденія гражданина и *удовлетворяло бы* ихъ „*кооперативно*“ съ колыбели до могилы“ (стр. 16). Мы исчерпали всѣ главныя идеи г-жи Аметистовой. Имъ нельзя отказать въ большомъ, хотя нѣсколько неожиданномъ своеобразіи. Если большинство современныхъ педагогическихъ писателей, негодуя на современное воспитаніе и отыскивая новые пути, впадаетъ въ банальности, шаблонъ и труизмы, то г-жа Аметистова, во всякомъ случаѣ, по многимъ своимъ взглядамъ яркое и оригинальное исключеніе среди нихъ. Изумительная путаница идей, безпомощное стремленіе „обнять необъятное“, полная потеря чутья дѣйствительности, конечно, сближаютъ ихъ.

Насколько мы знаемъ, ея устами впервые педагогическая мысль договорилась до „путешествующаго воспитанія“, больничной службы дѣтей и проч.

Будемъ же гордиться нашей соотечественницей! Въ ней, какъ въ фокусѣ, собраны наиболѣе яркія проявленія современнаго педагогическаго недомыслія!

ИСТОРІЯ.

„Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“. *Н. Рожкова.*—„Аланы, по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей“. *Проф. Ю. Кулаковскаго.*—„Буддизмъ“. *Рисъ-Дэвидсъ.*

Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в. Н. Рожкова. М., 1899 г. Цѣна 2 р. 50 к. Экономическое прошлое русскаго народа представляетъ изъ себя самую широкую, а съ точки зрѣнія господствующаго въ наше время направленія въ наукѣ, — самую важную и интересную тему для историческаго изслѣдованія. Но, будучи вопросомъ наиболѣе благодарнымъ, вопросъ объ исторіи народнаго хозяйства является и наиболѣе труднымъ. Задача эта не легка сама по себѣ и плохо разработана или совсѣмъ не разработана въ литературѣ, хотя нѣкоторые отдѣлы экономической исторіи Россіи были изслѣдованы такими учеными, какъ Милюковъ и Лаппо-Данилевскій.

Работа г. Рожкова ставитъ себѣ цѣлью пополнить одинъ изъ самыхъ большихъ пробѣловъ экономической исторіи Московскаго государства и освѣтить почти совершенно темную до сихъ поръ полосу его жизни. Выбора темы нельзя не одобрить: XVI вѣкъ — это та эпоха, когда окончательно сложилась, по крайней мѣрѣ въ своихъ основныхъ элементахъ, экономическая система, болѣе чѣмъ на два вѣка подчинившая себѣ русскую жизнь. Стало быть, анализъ этого періода долженъ имѣть большое значеніе и для пониманія періода послѣдующаго; особенно это вѣрно по отношенію къ крѣпостному праву, основныя линіи котораго начали вырѣзаться какъ разъ въ концѣ взятаго г. Рож-

ковымъ періода. Но еще интереснѣе этотъ періодъ для объясненія послужившихъ ему финаломъ событій смутнаго времени.

Но авторъ задался слишкомъ широкою задачей изслѣдовать хозяйство за цѣлое столѣтіе. Онъ намѣтилъ себѣ при этомъ такую программу, что самое обиліе возникающихъ вопросовъ явилось для него большимъ затрудненіемъ при построеніи работы, не говоря уже объ ея количественной трудности. Авторъ занялъ слишкомъ широкую и растянутую позицію; онъ разбросалъ свои силы на такомъ большомъ протяженіи, что отдѣльные пункты являются слабо защищенными, и общее расположеніе ихъ не особенно хорошо согласовано между собою. Работа лишена, въ виду растянутости и широты темы необходимой стройности и цѣльности, а потому много проигрываетъ въ силѣ и энергіи анализа. Въ книгѣ семь главъ и, собственно говоря, почти каждая изъ нихъ можетъ быть предметомъ особой диссертаціи; столь общій характеръ темы чрезвычайно дробитъ трудъ изслѣдователя. Ширина темы обусловливаетъ и другой недостатокъ работы—нѣкоторую хронологическую шаткость, авторъ беретъ то тотъ, то другой моментъ столѣтія; большая часть данныхъ относится, однако, ко второй половинѣ царствованія Грознаго. Равнымъ образомъ и величина взятой авторомъ территоріи заставляетъ изслѣдованіе разбѣгаться безъ особенной нужды.

Но у его труда есть много крупныхъ и цѣнныхъ достоинствъ. Авторъ одинъ изъ первыхъ обратился къ серьезному изученію писцовыхъ и переписныхъ книгъ и извлекъ изъ архивовъ громадный и чрезвычайно важный матеріалъ. Этотъ матеріалъ обильно заполнилъ прежнюю сухую и малосодержательную схему экономической исторіи XVI вѣка, мѣстами сильно измѣнивъ ее. Онъ поднялъ и попытался рѣшить рядъ новыхъ вопросовъ при помощи свѣжаго матеріала, и даже помимо употребленія, какое г. Рожковъ изъ него сдѣлалъ, самое обиліе фактовъ сообщило бы его работѣ большую цѣнность.

Основная мысль книги—установленіе и объясненіе явленія экономическаго регресса за послѣднія 30 лѣтъ XVI столѣтія въ уѣздахъ, занимавшихъ средину и сѣверо-западъ Центра Московскаго государства и большую часть Новгородско-Псковской области. Авторъ приходитъ къ тому выводу, что „переходъ отъ паровой зерновой системы земледѣлія къ переложной системѣ, наблюдавшійся нами къ концу вѣка въ серединѣ области, не сопровождался здѣсь ни переходомъ отъ земледѣльческой системы хозяйства въ скотоводственной, ни даже установленіемъ равновѣсія между земледѣліемъ и скотоводствомъ; иными словами: въ уѣздахъ, занимавшихъ середину Московскаго Центра, послѣ 60-хъ годовъ замѣчается не только упадокъ земледѣлія, но и плохое состояніе скотоводства“ (стр. 83—84). Та же самая регрессивная замѣна наблюдается и въ Зап. Полѣсьѣ, и здѣсь, какъ и тамъ (въ Центрѣ), въ первой половинѣ вѣка господствовала паровая зерновая система, тогда какъ во второй его половинѣ она смѣнилась рѣзко выраженной переложною системой земледѣлія“ (стр. 104). Разсчетъ г. Рожкова на 72 и 73 страницахъ размѣра луговъ кажется намъ нѣсколько проблематичнымъ. Этотъ регрессъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ то самое время въ остальныхъ областяхъ на сѣверѣ: въ Прикамьѣ, Стеи Поднѣпровьѣ, наблюдается совершенно обратное явленіе: „нельзя замѣтить вездѣ, по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка, все большаго большаго земледѣльческаго прогресса“ (стр. 128).

Чѣмъ же объяснить это чрезвычайно важное и непонятное я леніе. А объяснить его значитъ понять процессъ, совершавшійся

то время въ коренныхъ областяхъ Русскаго государства. Въ концѣ той же первой главы, изъ которой взяты цитированныя выдержки, авторъ дѣлаетъ и соотвѣтствующій отрицательный выводъ: „Не техническими требованіями скотоводства слѣдуетъ объяснять земледѣльческій регрессъ въ Центрѣ и Западномъ Полѣсьѣ. Его невозможно объяснить и одними естественными условіями этихъ областей“... (стр. 128).

Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что „благосостояніе крестьянства на значительной части территоріи Московскаго государства въ XVI в. неуклонно понижалось, что у него оставалось все меньшее количество потребительныхъ цѣнностей?“ Кончая изслѣдованіе распредѣленія продуктовъ производства, г. Рожковъ приходитъ къ выводу, что „не въ условіяхъ распредѣленія, не въ государственномъ обложеніи и не въ измѣненіяхъ земледѣльческаго оброка надо искать причинъ упадка благосостоянія крестьянскаго населенія: владѣльческій оброкъ не росъ, онъ даже нѣсколько понизился, налоги возросли реальнымъ образомъ только въ 80-хъ годахъ, когда упадокъ хозяйства былъ уже совершившимся фактомъ“. Можно даже выставить то положеніе, что „*распредѣленіе* сельскохозяйственнаго дохода измѣнилось подъ вліяніемъ перемѣнъ въ *производствѣ*, а не наоборотъ“ (стр. 265).

Изслѣдовавъ далѣе явленія обмѣна, авторъ приходитъ къ выводамъ, которые его „убѣждаютъ, что и не въ условіяхъ торговли слѣдуетъ искать причинъ упадка сельско-хозяйственнаго производства“ въ указанныхъ выше областяхъ.

Въ своихъ поискахъ за причинами этого своеобразнаго явленія, авторъ, наконецъ, находитъ ключъ къ данному вопросу. Въ концѣ большой и, пожалуй, наилучше-обработанной главы о „Распредѣленіи населенія и колонизаціи“, г. Рожковъ приходитъ къ выводу, что „населенность Центра и Западнаго Полѣсья въ теченіе вѣка постепенно и неуклонно слабѣла, причемъ особенно сильный отливъ населенія изъ этихъ областей на Сѣверъ, въ Поднѣпровье и, главнымъ образомъ, въ Степь и Прикамье наблюдается съ семидесятыхъ годовъ XVI вѣка.

„Одновременно замѣтны и уходъ населенія, и упадокъ системы земледѣлія, и возрастаніе барской пашни, и преобладаніе холопскаго земледѣльческаго труда, и уменьшеніе запашки на дворъ и на рабочаго. Однимъ словомъ, подкладкою земледѣльческаго регресса является запустѣніе, бѣгство населенія... Стоитъ однако же ближе присмотрѣться къ вопросу, чтобъ убѣдиться, что найдена не самая причина, а только нить, руководясь которой, можно дойти до самой цѣли изслѣдованія. Сельско-хозяйственный регрессъ и уходъ населенія—не два особыхъ явленія, а двѣ стороны одного и того же процесса, не разлучимыя другъ отъ друга. Остановиться на объясненіи перваго, т.-е. упадка хозяйства вторымъ, т.-е бѣгствомъ населенія,—значило бы не сдѣлать ни шагу впередъ въ такомъ объясненіи“ (стр. 350—365). Два взгляда на причины этого явленія,—существующіе въ литературѣ, взгляды Соколовскаго и проф. Ключевскаго,—кажутся автору недостаточными, и въ слѣдующей седьмой главѣ о „Распредѣленіи и мобилизаціи земельной собственности“—г. Рожковъ даетъ собственное толкованіе этому своеобразному процессу.

Седьмая глава и представляетъ основной моментъ изслѣдованія. Разбирая: 1) распространеніе формъ землевладѣнія, его размѣры и движеніе, 2) вліяніе формъ и размѣровъ землевладѣнія на сельское хозяйство, 3) условія, опредѣлившія исторію формъ и размѣровъ земельной собственности,—авторъ приходитъ къ выводу, что „помѣстная си-

стема пріучала служилыхъ людей къ кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала техническій уровень сельско-хозяйственнаго производства. Но она сказывалась также и на формахъ производства: хищничество помѣщиковъ и постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ заставляли крестьянъ цѣлыми массами отливать изъ Центра и Зап. Полѣсья, областей съ наиболѣе развитой и господствовавшей уже значительное время помѣстной системой,—въ Степь, Поволжье, Поднѣпровье или на Сѣверъ, хотя и суровый, но почти не знавшій помѣстной системы; оставаясь съ уходомъ крестьянъ безъ рабочихъ рукъ, помѣщики стали все болѣе усиливать приложеніе несвободнаго, холопскаго труда къ земледѣлію и всѣми зависѣвшими отъ нихъ мѣрами закрѣпощать крестьянъ: такъ создавалась рабочая армія, болѣе податливая въ рукахъ владѣльцевъ, чѣмъ старое свободное крестьянство" (стр. 460).

Тотъ же самый выводъ не въ меньшей степени приложимъ къ монастырскому и архіерейскому землевладѣнію (стр. 460).

Вотъ, слѣдовательно, гдѣ кроются причины указаннаго выше регресса. „Причины эти заключаются, главнымъ образомъ, въ постепенномъ ростѣ помѣстнаго и крупнаго монастырскаго землевладѣнія, въ уничтоженіи черныхъ земель и сильномъ сокращеніи служилаго вотчиннаго владѣнія" (стр. 467).

Но почему же въ естественный ростъ народной жизни вторглась посторонняя совершавшемуся процессу сила, почему власть должна была прибѣгнуть—и была въ состояніи прибѣгнуть къ такой насильственной системѣ? Авторъ отдѣлывается отъ вопроса не особенно удачнымъ образомъ: „пора (?) признать,—говоритъ онъ,—что эта форма (помѣстное землевладѣніе)—органическій продуктъ извѣстной стадіи въ развитіи народнаго хозяйства, естественный результатъ натуральнаго хозяйства въ извѣстной стадіи его развитія".

Общій выводъ книги г. Рожковъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, общія экономическія условія времени создали извѣстное распредѣленіе земли по формамъ владѣнія, а господствовавшія формы земельной собственности, помѣстье и монастырская вотчина—повели къ упадку полеваго хозяйства къ переходу отъ паровой зерновой системы къ переложной, къ увеличенію хозяйскаго земледѣльческаго труда, къ сокращенію средней величины запашки на дворъ и на рабочаго, къ задолженности крестьянъ землевладѣльцамъ" (стр. 472). Но, повторяемъ, не понятно, почему натуральное хозяйство черезъ свою же производную форму должно было обратно повліять на себя въ регрессивномъ направленіи: натуральное хозяйство, выходитъ, дурно повліяло на натуральное хозяйство.

Въ частности особенный интересъ представляетъ новый взглядъ автора на обѣленіе боярской пашни (стр. 266, 267 и 268), его попытка опредѣлить распредѣленіе продуктовъ крестьянскаго производства между самими производителями, государствомъ и землевладѣльцами и вывод изъ классификаціи землевладѣнія (стр. 441).

Слишкомъ широкая задача сдѣлала работу громоздкой и нестройн и помѣшала автору въ изображеніи самаго историческаго процесса, авторъ собралъ столько матеріала, часто такъ удачно освѣтилъ е возбудилъ и разрѣшилъ столько интересныхъ вопросовъ, что даже ловко упрекать его, требуя большаго.

Г. Рожковъ въ своемъ трудѣ сосредоточилъ столько свѣта на тем ной области прошедшей русской жизни, съ такою силой анали

фиксировалъ и объяснилъ туманныя по своей отдаленности явленія, что „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ“ можетъ смѣло быть поставленнымъ рядомъ съ такими изслѣдованіями, какъ „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ“, А. С. Лаппо-Данилевскаго, и „Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго“, П. Н. Милюкова, а эти труды врядъ ли чѣмъ уступаютъ любому западному образцу современнаго историческаго изслѣдованія.

Аланы, по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Проф. Ю. Кулаковскаго. Кіевъ, 1899 г. Предполагаемый очеркъ былъ задуманъ авторомъ, какъ предисловіе къ переводу на русскій языкъ одного произведенія византійской литературы XIII вѣка, а именно: *Аланское посланіе епископа Θеодора*, и только, по мѣрѣ обработки свидѣтельствъ объ аланахъ, пріобрѣлъ видъ самостоятельнаго изслѣдованія. Цѣль изслѣдователя—представить въ общее пользованіе лицъ, интересующихся русскою исторіей, свидѣтельства классическихъ и византійскихъ писателей объ аланахъ, въ возможной полнотѣ и надлежащей критической повѣркѣ, почти достигнута, и такимъ образомъ устраняется посредство не всегда надежнаго и уже устарѣвшаго труда Stritter'a *Memorial populorum*. Аланы принимали участіе въ событіяхъ эпохи переселенія народовъ и имѣли свою исторію въ жизни южнорусскихъ степей. Къ выясненію вопроса объ аланахъ недавно привлечены и китайскіе источники,—такова работа англійскаго ученаго Brettschneider'a, по средневѣковой географіи, изъ которой извлечены свидѣтельства объ аланахъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: *Русь и асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ*. Въ столицу Небесной имперіи аланы попали въ пору господства татаръ въ Южной Россіи. Ближайшею задачей проф. Кулаковскаго было привлеченіе классическихъ и византійскихъ писателей объ аланахъ, но онъ нерѣдко обращался за разъясненіемъ собраннаго матеріала къ свѣдѣніямъ „изъ грузинскихъ, армянскихъ и арабскихъ источниковъ“. Онъ не останавливается на вопросѣ о доказательствахъ принадлежности аланъ къ арійской расѣ (иранской ея вѣтви), считая его порѣшеннымъ въ трудахъ языковѣдовъ и между ними проф. Вс. Ѳ. Миллера, въ его *Осетинскихъ этюдахъ*. Но зато почтенный авторъ внимательно собираетъ и выясняетъ данныя объ аланахъ со II вѣка по Р. Х., разсматриваетъ ихъ столкновеніе съ имперіей въ странахъ придунайскихъ, на территоріи Крыма, въ подчиненіи гунновъ, въ связи съ вандалами, движеніе ихъ въ Галліи, на Кавказѣ въ VI вѣкѣ и родственныя узы ихъ царевенъ съ византійскими императорами, упоминанія о нихъ у епископа Ѳеодора Аланскаго, Плано Карпини, Рубруквиса, Барбаро и др.

Буддизмъ. Рисъ-Дэвидсъ. Переводъ съ англійскаго О. П. Семеновой подъ редакціей проф. С. Ф. Ольденбурга. (122 стр.). Сбп., 1899 г. (Изданіе О. Н. Поповой) Ц. 40 к. Лежащій передъ нами русскій переводъ книжки американскаго профессора Т. В. Рисъ-Дэвидса (T. W. Rhys Davids) составляетъ часть (№ 8) второй серіи „Образовательной библіотеки“, изданіе которой предпринято книжнымъ магазиномъ Поповой. По своему содержанію эта книжка представляетъ популярно-научное изложеніе исторіи буддизма въ формѣ лекцій, читанныхъ вышеназваннымъ ученымъ въ теченіе 1894 и 1895 г. въ нѣсколькихъ городахъ Сѣверной Америки, по приглашенію „Американскаго комитета лекцій по исторіи религіи“. Проф. Рисъ-Дэвидсъ считается, среди своихъ собратій по спеціальности, однимъ изъ лучшихъ

знатоковъ буддизма; его перу принадлежатъ какъ нѣсколько изслѣдованій по исторіи буддизма, такъ и переводы нѣкоторыхъ буддійскихъ текстовъ, написанныхъ на оффиціальномъ языкѣ буддистовъ—Пали (одинъ изъ средне-индійскихъ языковъ). Такимъ образомъ, уже само имя автора является достаточною гарантіей достоинства его „лекцій", въ которыхъ онъ задался цѣлью, въ сжатомъ, но ясномъ изложеніи, познакомить большую публику" съ ученіемъ индійскаго реформатора. Всѣхъ этихъ лекцій—шесть. Въ нихъ лекторъ послѣдовательно изложилъ: религіозныя теоріи въ Индіи до буддизма (такъ какъ буддизмъ находится въ генетической связи съ древнѣйшимъ религіознымъ ученіемъ, ведаизмомъ и его эволюціей—брахманизмомъ); источники, на которыхъ основано наше знаніе буддизма; жизнь Будды и его ученіе (лекціи 3 — 5); послѣднюю лекцію авторъ посвятилъ „нѣкоторымъ замѣткамъ по исторіи буддизма" Переводъ читается легко. Сравнительно съ подлинникомъ, въ русскомъ переводѣ сдѣланы кое-какія сокращенія (напримѣръ, удалены библіографическія ссылки) Что же касается приводимыхъ въ книгѣ переводовъ съ восточныхъ текстовъ, то такіе переводы сдѣланы съ подлинниковъ профессоромъ Петербургскаго университета С. Ольденбургомъ, который самъ, какъ извѣстно, занимается изученіемъ буддійской литературы. Ему же принадлежитъ въ настоящемъ изданіи и предисловіе, въ которомъ, рекомендуя книгу американскаго ученаго, онъ, въ то же время, не считаетъ нужнымъ скрывать свое несогласіе съ Рисъ-Дэвидсомъ и нѣкоторыми другими изслѣдователями буддизма во взглядѣ на такъ называемый „палійскій канонъ", какъ на древнѣйшій буддійскій канонъ, какъ на представителя первоначальнаго ученія Будды. Книжку Рисъ-Дэвидса можно рекомендовать какъ для ознакомленія, съ небольшою затратою времени, съ однимъ изъ интереснѣйшихъ религіозныхъ ученій, такъ и для предварительной подготовки къ чтенію болѣе спеціальныхъ и подробныхъ трудовъ по буддизму, главнѣйшіе изъ которыхъ, съ краткими о нихъ замѣтками, приведены проф. Ольденбургомъ въ предисловіи, въ особомъ спискѣ (стр. V—VII).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи". *І. Конрада.*—„Очеркъ изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экомической жизни" Сост. *М. Н. Соболевъ*—„Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1897 г.".

Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по политической экономіи на русскомъ языкѣ съ 1801 по 1898 г. Проф. І. Конрада. 1899 г Насъ нѣсколько удивляетъ, зачѣмъ понадобился переводъ конспекта лекцій проф. Конрада. Этотъ конспектъ изданъ для слушателей профессора, какъ вспомогательное средство при слушаніи ими лекцій, и имѣетъ значеніе только тогда, когда лицо сам будетъ слушать чтенія автора конспекта, въ противномъ случаѣ ко спектъ настолько сухъ и кратокъ, что чтеніе его является прямо бе цѣльнымъ. Такъ, наприм., по поводу значенія картелей Конрадъ г воритъ слѣдующее. „Прежде чѣмъ судить о полезности или вредност такого рода соглашеній, необходимо выждать дальнѣйшихъ указани опыта относительно ихъ развитія. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ изб

гать преувеличивать ихъ значеніе какъ въ ту, такъ и въ другую сторону" (стр. 91). Что вынесетъ читатель о значеніи синдикатовъ, прочтя эту фразу? Ровно ничего. Затѣмъ Конрадъ вовсе не оригиналенъ: онъ хорошій знатокъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, но вовсе не теоретикъ, и ознакомленіе съ его взглядами даже въ болѣе понятномъ изложеніи не представляло бы интереса. Но что придаетъ извѣстную цѣну этой книгѣ, такъ это—библіографическій указатель, онъ и по объему занимаетъ почти столько же, сколько „Очеркъ основныхъ положеній" Конрада. Указатель составленъ недурно, правда, далеко неполно, такъ, наприм., о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ не приведены многочисленныя и цѣнныя статьи, помѣщенныя въ „Сообщеніяхъ", издаваемыхъ с.-петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, и по другимъ вопросамъ много дефектовъ въ указателѣ, но во всякомъ случаѣ при бѣдности нашей библіографической литературы этотъ указатель является для занимающихся очень полезнымъ.

Очерки изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни. Сост. М. Н. Соболевъ. М., 1899 г. Мы имѣемъ дѣло здѣсь съ очень добросовѣстно и ясно составленнымъ, написаннымъ хорошимъ языкомъ учебникомъ для коммерческихъ училищъ. Какъ учебникъ, книга неоригинальна, но сжато излагаетъ основные факты, которыми отмѣчается торговля въ своемъ развитіи, читается она очень легко, притомъ послѣ каждаго отдѣла въ ней приложены повѣрочные вопросы, что въ сильной степени поднимаетъ значеніе книги, какъ учебнаго пособія: прочтя соотвѣтствующій отдѣлъ, учащійся самъ можетъ отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ. Вопросы составлены умѣлою рукой: здѣсь видна преподавательская опытность. Но съ точки зрѣнія выполненія самой работы мы можемъ отмѣтить нѣкоторые недочеты; такъ, наприм., авторъ придерживается устарѣлой періодизаціи: онъ излагаетъ исторію торговли по періодамъ, древній міръ, средніе вѣка и т. д. Въ зависимости отъ этого авторъ характеризуетъ древній міръ чертами натуральнаго хозяйства (стр. 2), будто бы все общество того времени состояло изъ множества обособленныхъ и независимыхъ единицъ, которыя вели самостоятельное хозяйство, не нуждаясь другъ въ другѣ. Только въ позднѣйшее время,—говоритъ далѣе авторъ,—развивается нѣкоторое раздѣленіе труда... И вдругъ при господствѣ этого натуральнаго хозяйства авторъ на слѣдующей же страницѣ описываетъ намъ яркими чертами Финикію—торговое государство, игравшее въ то время роль современной Англіи и во многомъ напоминающую эту послѣднюю. Это какъ-то не вяжется. Очевидно, что въ схему, избранную авторомъ, не укладываются факты развитія торговли, оттого схема у него сама по себѣ, а развитіе торговли идетъ своимъ совершенно независимымъ путемъ. Ошибка сторонниковъ такой періодизаціи, какой держится проф. Соболевъ,—говоритъ Мейеръ („Экономическое развитіе древняго міра" 1898 г., стр. 0) происходитъ изъ ложнаго мнѣнія, будто историческое развитіе народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря, шло непрерывно по восходящей линіи, между тѣмъ это совершенно не такъ: Римъ, наприм., представлялъ на разныхъ ступеняхъ своего развитія совершенно разныя хозяйственныя системы—отъ чисто-натуральнаго хозяйства до капиталистическаго строя,—оттого рисовать одною краской хозяйственный строй древняго міра совершенно нельзя и излагать факты разви-

тія торговли по такой упрощенной схемѣ неудобно, такъ какъ иначе часто факты и схема будутъ тогда идти врозь.

Если мы будемъ характеризовать хозяйство древняго міра, какъ натуральное, то непонятно для насъ широкое развитіе торговли въ Финикіи и Карѳагенѣ,—однимъ словомъ, каждый изъ періодовъ, на которые дѣлитъ авторъ свою исторію, нельзя представлять какъ нѣчто въ хозяйственномъ отношеніи однородное, а какъ извѣстный циклъ смѣны разныхъ хозяйственныхъ системъ, и развитіе торговли слѣдовало бы разсматривать въ связи съ хозяйственными системами, а не по такимъ разнороднымъ рубрикамъ, въ которыя укладывается слишкомъ много. Впрочемъ, авторъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду общепринятое дѣленіе, съ которымъ уже освоился учащійся. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній по поводу періодизаціи, мы отмѣтимъ еще разъ, что книга отличается ясностью и живостью изложенія, а это главное достоинство въ учебникѣ.

Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1897 г. Спб. Отчетъ управленія государственныхъ сберегательныхъ кассъ составленъ съ обычнымъ интересомъ. Пятилѣтніе итоги рисуютъ картину развитія сберегательной операціи въ очень благопріятномъ свѣтѣ, именно, за пятилѣтіе и число вкладчиковъ, и сумма вкладовъ выросли болѣе чѣмъ вдвое. Къ концу 1897 г. числилось выданными 2.448,000 книжекъ, и вкладовъ было всего на сумму въ 510,6 милл. руб. Финансовый результатъ сберегательныхъ кассъ выразился въ чистой прибыли въ 2,62 милл. руб., впрочемъ, значительная часть этой прибыли—1,97 милл. р. поступила отъ операцій съ процентными бумагами (продажи, тиража, конверсіи и обмѣна), слѣдовательно, доходъ въ значительной своей части обязанъ случайнымъ статьямъ, и нынѣшній годъ является первымъ годомъ, когда всѣ расходы покрылись процентами отъ процентныхъ бумагъ, составляющихъ фондъ сберегательныхъ кассъ, въ періодъ же 1893—96 гг. даже часть общихъ расходовъ приходилось покрывать доходами отъ упомянутыхъ случайныхъ источниковъ. Такое положеніе вещей ставитъ кассы въ неустойчивое положеніе: имъ приходится подумать о созданіи какихъ-нибудь новыхъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что какъ показываетъ предварительный отчетъ за прошлый годъ, общая сумма вкладовъ успѣла подняться до 593 милл. руб., и „Отчетъ“ самъ видитъ теперь въ способѣ помѣщенія денежныхъ суммъ главнѣйше въ процентныя бумаги одну изъ неблагопріятныхъ сторонъ. Сократить расходы путемъ пониженія процента, начисляемаго на вклады, какъ это было сдѣлано въ 1894 г., теперь не представляется возможнымъ безъ риска задержать самую сберегательную операцію, такъ какъ 36% и безъ того при нашихъ условіяхъ очень низкій процентъ. Кромѣ того, введеніе особыхъ сберегательныхъ марокъ, обѣщая въ будущемъ, при наличности извѣстныхъ условій, демократизировать сберегательную операцію, выразится вѣроятно въ еще большемъ притокѣ вкладовъ въ сберегательныя кассы. Отсюда вопросъ о наилучшемъ помѣщеніи суммъ, собираемыхъ въ сберегательныя кас получаетъ самое серьезное значеніе и, какъ видно, само управле понимаетъ это. Въ кредитѣ у насъ огромная потребность, и быть жетъ, слѣдовало бы подумать, не возможно ли утилизировать сум притекающія теперь въ сберегательныя кассы въ цѣляхъ коммуна наго земскаго и городского кредита или мелiоративнаго. Наши з ства иногда занимаютъ деньги чуть ли не по ростовщическому п

центу, города для своего благоустройства нуждаются въ средствахъ. Какъ бы то ни было, но вопросъ о помѣщеніи вкладовъ, повторяемъ, очень серьезный вопросъ.

Юридическія книги.

„Гражданское Уложеніе". Книга пятая. — „Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства". *И. Е. Энгельмана.*

Гражданское Уложеніе. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія съ объясненіями. Спб., 1899 г. Томъ I. Ст. 1—276 (LVI+615+II стр.). Томъ II. Ст. 277—504 (659 стр.). Томъ III. Ст. 505 — 718 (568 стр.). Томъ IV. Ст. 719—921 (570 стр.). Томъ V. Ст. 937—1106 (696 стр.). Учрежденная въ 1882 году для составленія проекта гражданскаго уложенія, *редакціонная коммиссія* изготовила къ нынѣшнему году проектъ книги V Уложенія „Объ обязательствахъ". Руководствуясь статьями 9 и 10 закона 8 іюля 1882 г., она отпечатала его для общаго свѣдѣнія и разослала на заключеніе подлежащихъ лицъ и учрежденій (въ суды, высшія учебныя заведенія и т. д.). Признавая, однако, сверхъ того желательнымъ, чтобы этотъ важный для народной жизни законопроектъ подвергся возможно всестороннему обсужденію и въ юридической печати, г. предсѣдатель коммиссіи, д. т. с. Н. Стояновскій, препроводилъ по экземпляру проекта въ редакціи ряда журналовъ и газетъ, въ томъ числѣ и въ редакцію *Русской Мысли*. Современемъ, отвѣчая на призывъ, журналъ помѣститъ разборъ проекта по существу. Но уже теперь, хотя бы въ краткой библіографической замѣткѣ, намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читателя на перечисленные выше томы изданія редакціонной коммиссіи, какъ на выдающееся явленіе русской юридической литературы, независимо даже отъ достоинствъ самого проекта, и отъ вопроса, получитъ ли онъ силу закона. Подобно изданной уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ объяснительной запискѣ къ проекту уголовнаго уложенія, объясненія къ настоящему проекту даютъ читателю полный и, въ общемъ, весьма тщательно обработанный матеріалъ по всѣмъ затронутымъ въ немъ вопросамъ, не исключая тѣхъ обязательственныхъ сдѣлокъ, которыя обыкновенно относятся къ области торговаго права, такъ какъ и эту послѣднюю область почти всю предполагается включить въ гражданское уложеніе. Отдѣльныя постановленія проекта, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, почерпнуты изъ различныхъ западно-европейскихъ кодексовъ. Поэтому авторамъ почти по каждому вопросу обязательственнаго права приходится дѣлать довольно полный сравнительный обзоръ иностранныхъ законодательствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они ставили себѣ, по ихъ словамъ, по крайней мѣрѣ, задачею не сочинить новое совершенно уложеніе, но, оставаясь на исторической почвѣ и не нарушая основныхъ началъ дѣйствующаго права, лишь пересмотрѣть наши гражданскіе законы. Преслѣдуя эту цѣль, авторы объяснительной записки стремятся возможно полно использовать тотъ богатый и съ точки зрѣнія дѣйствующаго права весьма цѣнный матеріалъ, который содержится въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Этотъ систематическій, весьма умѣло составленный обзоръ положеній, высказанныхъ сенатомъ, является, пожалуй, самою интересною частью объяснительной

записки, которая можетъ оказать серьезныя услуги и при истолкованіи и разработкѣ дѣйствующаго права. Словомъ, указанные выше пять объемистыхъ томовъ представляютъ собою едва ли не лучшій и, во всякомъ случаѣ, самый полный трактатъ по обязательственному праву на русскомъ языкѣ. Укажемъ, ради примѣра, на нѣсколько отдѣловъ, которые кажутся намъ особенно удачными. Во введеніи разработанъ вопросъ объ отношеніи торговаго права къ гражданскому и о необходимости, въ будущемъ, объединить ихъ. Довольно полно собраны свѣдѣнія и матеріалы по общей части обязательственнаго права: по договорамъ купли-продажи, найма, подряда и перевозки. Очень цѣнны и, притомъ, почти совершенно новы въ русской литературѣ отдѣлы, посвященные страхованію и ученію объ обязательствахъ, возникающихъ не изъ договоровъ. Наибольшій интересъ представляютъ, однако, объясненія къ статьямъ о договорѣ товарищества, въ числѣ которыхъ, быть можетъ, не совсѣмъ у мѣста, мы находимъ и постановленія объ акціонерномъ товариществѣ. Этому послѣднему отдѣлу особенно везло у насъ, если судить по количеству проектовъ: не говоря уже о старыхъ проектахъ (1866 и 1872 гг.), мы имѣемъ въ данное время какъ бы контръ-проектъ съ мотивами къ проекту, выработанному коммиссіей, состоявшей при министерствѣ финансовъ и обнародованному въ № 24 *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли* за 1898 г. Отдѣленіе восьмое главы о товариществахъ посвящено товариществу трудовому или артели. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ интересною попыткой использовать, сверхъ другихъ матеріаловъ, данныя обычнаго права.

Все сказанное заставляетъ особенно пожалѣть о томъ, что въ продажу поступило лишь очень небольшое количество экземпляровъ проекта (кажется, только 50). Быть можетъ, однако, осуществится слухъ, что онъ выйдетъ вторымъ изданіемъ. Тогда онъ можетъ стать общимъ достояніемъ. Это желательно и въ интересахъ самого проекта, и въ интересахъ читателей-юристовъ.

Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. И. Е. Энгельмана. Юрьевъ, 1899 г. Цѣна 3 р. Авторъ этого учебника, заслуженный профессоръ Юрьевскаго университета, хорошо извѣстенъ русскимъ юристамъ своими работами по исторіи и догмѣ нашего гражданскаго права (о псковской судной грамотѣ, о давности и т. д.). Новый трудъ его,—плодъ многолѣтняго, нынѣ, однако, прерваннаго, университетскаго преподаванія, заслуживаетъ не меньшаго вниманія. При небольшомъ объемѣ и очень сжатомъ изложеніи *Учебникъ гражданскаго процесса* содержитъ весь необходимый матеріалъ, а по важнѣйшимъ вопросамъ принимаетъ также во вниманіе установившуюся судебную практику, причемъ весь этотъ матеріалъ изложенъ въ ясной и стройно проведенной системѣ.

Основной, наиболѣе характерною чертой книги, отличающей ее отъ другихъ учебниковъ гражданскаго процесса (не считая курса г. Малышева, нѣсколько устарѣвшаго, къ тому же представляющагося такою библіографическою рѣдкостью, что II, а въ особенности III т его нельзя пріобрѣсти ни за какую почти цѣну), является стремл автора разработать отдѣльныя проблемы нашего процессуальнаго пр съ точки зрѣнія западной, именно нѣмецкой теоріи, какъ она сло лась еще на почвѣ римско-германскаго (gemeiner) процесса. При эт обычнымъ, чрезвычайно удобнымъ объектомъ для сопоставленія служитъ австрійскій уставъ гражданскаго судопроизводства 1895 несомнѣнно отличающійся своими крупными достоинствами. Быть

жетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, указанное стремленіе препятствуетъ правильному истолкованію нѣкоторыхъ особенностей нашего процесса, не укладывающихся въ эти рамки (наприм., кассаціонный порядокъ отмѣны рѣшеній); но почти всегда автору удается, благодаря ему, освѣтить спорные вопросы съ такой стороны, которая раньше ускользала отъ вниманія нашихъ изслѣдователей и даже сената, такъ какъ они невольно, по генетической ихъ связи, для истолкованія нашего процесса обращались преимущественно къ французскому. Забѣгая впередъ, укажемъ тутъ же, въ видѣ примѣра, на ученіе о распредѣленіи бремени доказательствъ, о силѣ письменныхъ доказательствъ и о порядкѣ оспариванія ихъ. Замѣчанія автора по этому трудному и крайне запутанному нашею практикой вопросу заслуживаютъ особаго вниманія не только при разработкѣ дѣйствующаго права, но и какъ указаніе на удачный исходъ при его реформѣ.

Изложеніе свое авторъ, по обычаю, начинаетъ съ историческаго обзора. Въ этомъ обзорѣ особенно любопытны мѣткія замѣчанія автора по поводу тѣхъ перемѣнъ, которыя были внесены законами 1889 г. въ наше судопроизводство, сравнительно незадолго передъ тѣмъ реформированное на началахъ, выработанныхъ на Западѣ и всецѣло одобряемыхъ наукою. Онъ указываетъ, между прочимъ, на полное почти совпаденіе только что упомянутаго обратнаго движенія съ аналогичнымъ случаемъ отмѣны, въ началѣ XVIII вѣка, Екатериною I, отдѣленія судебной власти отъ административной, введеннаго Петромъ Великимъ по примѣру Запада. Даже мотивы къ этому въ 1727 году приводились почти тѣ же, на которые ссылались и въ 1889 г. Указъ Екатерины I, отмѣняя отдѣльныя губернскія судебныя и административныя мѣста, какъ лишнія, предписываетъ: „Положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ, чтобы подданнымъ тѣмъ показано могло быть облегченіе (т.-е. удешевленіе), а вмѣсто бы разныхъ многихъ канцелярій и судей знали только одну канцелярію". Нечего и говорить, что и послѣдствія этой мѣры должны были оказаться тождественными въ обоихъ случаяхъ. Интересно также, по затронутому вопросу, наблюденіе автора, что детали закона о предметахъ вѣдомства земскихъ начальниковъ цѣликомъ взяты изъ закона, выработаннаго въ 1875 г. для Царства Польскаго, для окраины, находившейся еще на полувоенномъ положеніи.

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ систематическомъ изложеніи процесса,—это потребовало бы сообщенія слишкомъ значительнаго количества техническихъ данныхъ. Укажемъ лишь, что учебникъ распадается на 4 книги, изъ коихъ первая посвящена судоустройству, вторая—тяжущимся сторонамъ, третья самому производству процесса, а четвертая—исполненію судебныхъ рѣшеній. Недостаткомъ этой, весьма стройной въ общемъ, системы оказывается необходимость отнести вопросы объ основныхъ началахъ судопроизводства въ различные отдѣлы и дробить ихъ изложеніе. Такъ вопросъ о значеніи непосредственности и устности производства и ихъ взаимномъ отношеніи какъ бы затерялся въ главѣ объ условіяхъ судебныхъ дѣйствій сторонъ (а не суда). Это обстоятельство, однако, нисколько не отразилось на самомъ изложеніи вопроса, которое можетъ быть отнесено къ наиболѣе удавшимся частямъ учебника. Авторъ сжато, но полно знакомитъ насъ тутъ, между прочимъ, съ поучительнымъ и въ нашей литературѣ, какется, еще не отмѣченнымъ споромъ германскихъ ученыхъ Ваха и Бэра о наченіи и границахъ устности. Вопроса о гласности производства,

кромѣ той же главы объ условіяхъ дѣйствій сторонъ, авторъ касается подробно при изученіи порядка, въ которомъ постановляется рѣшеніе. Тутъ весьма цѣнны замѣчанія о вредѣ тайной, безъ участія сторонъ, постановки гражданскимъ судомъ тѣхъ вопросовъ, на которые предстоитъ дать отвѣтъ въ рѣшеніи. Какъ извѣстно, на дѣлѣ, этотъ порядокъ ведетъ къ тому, что гражданскій судъ обыкновенно совсѣмъ не соблюдаетъ требованія ст. 694 Уст. гр. суд. и постановляетъ рѣшеніе, не успѣвъ точно формулировать спорнаго вопроса, какъ то дѣлаетъ судъ уголовный. Безспорно, эта небрежность является одной изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности большого числа рѣшеній первой инстанціи по гражданскимъ дѣламъ.

Но если по приведеннымъ и по многимъ другимъ вопросамъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто настаивать, преимущественное знакомство автора съ германскою литературой и его симпатіи къ римско-германскому процессу, въ новѣйшей его переработкѣ (австрійскій уставъ 1895 года), оказываютъ ему цѣнныя услуги, то по нѣкоторымъ другимъ тѣ же симпатіи, на нашъ взглядъ, помѣшали ему оцѣнить по достоинству нѣкоторыя преимущества нашего устава,—такого, напримѣръ, чисто-французскаго института, какъ кассація. Проф. Энгельманъ излагаетъ этотъ институтъ и неполно, и относится къ нему недружелюбно, явно предпочитая начало „ревизіоннаго“ пересмотра рѣшеній, при которомъ высшій судъ можетъ касаться и существа рѣшенія. Между тѣмъ, возможностью обойтись нашими поразительно несовершенными гражданскими законами мы обязаны всецѣло тому, что сенатъ сосредоточилъ свои силы на выясненіи и дополненіи чисто-юридическихъ началъ, жертвуя, правда, можетъ быть, иной разъ возможностью добиться болѣе *справедливаго* по существу рѣшенія (хотя, полагаю, это случается довольно рѣдко). Мало того: даже въ Германіи за послѣднее время все чаще раздаются авторитетные голоса въ пользу замѣны „ревизіи“ „кассаціей“ (наприм., бреславльскій проф. Фишеръ).

Настойчиво указывая на достоинство книги и рекомендуя ее вниманію не только учащихъ и учащихся, но и практиковъ, мы не можемъ, однако, умолчать о рядѣ хотя и второстепенныхъ, но серьезныхъ, въ особенности для учебника, недостаткахъ. Прежде всего сюда относятся многочисленныя опечатки, нерѣдко и въ ссылкахъ на статьи, которыя мѣстами могутъ, пожалуй, затруднить пользованіе книгой. Хуже еще замѣченныя нами неточности въ передачѣ статей Уст. гражд. суд., способныя смущать даже знакомаго съ ними читателя. Вотъ примѣръ: на стр. 79 авторъ говоритъ, что къ должностнымъ лицамъ административнаго вѣдомства искъ объ убыткахъ, причиненныхъ ихъ распоряженіями, долженъ быть предъявленъ въ шестимѣсячный срокъ. Между тѣмъ статья 1318 Уст. гражд. суд. гласитъ: „Срокъ на предъявленіе иска полагается трехмѣсячный, со дня объявленія просителю распоряженія... или шестимѣсячный, со дня приведенія распоряженія въ дѣйствіе, если оно исполнено безъ предварительнаго объявленія“. Первый случай—обыкновенный, второй—довольно рѣдкое исключеніе. Эти и подобные имъ недосмотры заставляютъ на закончить эту замѣтку пожеланіемъ, чтобы въ слѣдущемъ изданіи о были исправлены и книга стала бы вполнѣ пригодной для учебны цѣлей.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Изъ царства пернатыхъ". *Дм. Кайгородова.*

Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Сочин. Дмитрія Кайгородова. Изданіе третье. Спб., 1899 г. Ц. 7 р. Первое изданіе этой въ полномъ смыслѣ роскошно изданной книги вышло въ свѣтъ въ 1891 г. и, несмотря на чрезвычайно высокую цѣну, теперь выдерживаетъ уже третье изданіе. Уже это одно обстоятельство свидѣтельствуетъ о внутреннихъ достоинствахъ сочиненія, въ свое время отмѣчавшагося на страницахъ *Русской Мысли*. Настоящее изданіе авторъ дополнилъ 8-ю новыми красочными таблицами, съ изображеніями 23-хъ птицъ, благодаря чему число цвѣтныхъ таблицъ въ книгѣ возросло до 24-хъ, съ 72 птицами, кромѣ многочисленныхъ черныхъ рисунковъ среди текста, изображающихъ не только представителей пернатой породы, но и превосходно исполненные пейзажи, принадлежащіе кисти цѣлаго ряда художниковъ (М. С. Ткаченко, В. Д. Орловскаго, Н. А. Атрыганьева, В. Г. Перова („Птицеловъ"), А. И. Мещерскаго, К. Я. Крыжицкаго, баронессы Е. К. Врангель, Г. П. Кондратенка, гр. В. Л. Муравьева, барона Розена, Ю. Ю. Клевера, А. И. Корзухина). Нечего и говорить, что цвѣтныя таблицы превосходно передаютъ своеобразныя особенности каждой изъ птицъ, являясь, вмѣстѣ съ картинами природы, удачными иллюстраціями къ талантливымъ описаніямъ автора, страстнаго любителя и извѣстнаго знатока русской природы. Помимо иллюстрацій, въ 3-мъ изданіи сдѣланы добавленія и исправленія въ текстѣ, причемъ, напримѣръ, добавлено много мѣстныхъ названій птицъ, что, конечно, дѣлаетъ книгу еще болѣе цѣнной въ смыслѣ болѣе близкаго знакомства читателя съ роднымъ пернатымъ царствомъ. „Цѣль этой книги,—говоритъ авторъ,—возбудить въ русской публикѣ (какъ юной, такъ и взрослой) интересъ къ пернатому царству", и, мы думаемъ, что въ нашей литературѣ едва ли найдется въ настоящее время другой авторъ, который сумѣлъ бы съ бо̀льшимъ искусствомъ достигнуть этой цѣли, нежели Д. Кайгородовъ. Желая познакомить читателя съ каждымъ изъ своихъ воздушныхъ любимцевъ, онъ не забываетъ нарисовать мастерскими штрихами и ту декорацію природы, среди которой живутъ эти, по его выраженію, существа полныя интереса, красоты и поэзіи. Вмѣстѣ съ талантомъ писателя, г. Кайгородовъ располагаетъ также чутьемъ художника, страстью любителя и знаніями ученаго. Мудрено ли, что его книгу съ величайшимъ удовольствіемъ будетъ читать и взрослый образованный человѣкъ, не лишенный вкуса къ красотамъ природы. Приближаются дѣтскіе праздники, и мы думаемъ, что лучшаго подарка для юноши, какъ эта книга, трудно было бы подыскать. Мы должны все-таки замѣтить, что совершенно не понимаемъ необходимости ограждать эти прекрасные очерки г. Кайгородова столь высокимъ тарифомъ отъ доступа ъ менѣе состоятельнымъ читателямъ. Роскошному ихъ изданію нисколько бы не повредило параллельное изданіе книги въ болѣе простомъ видѣ, по доступной цѣнѣ. Высокообразовательное и воспитательное значеніе подобныхъ книгъ заставляетъ желать, чтобъ онѣ имѣли возможно широкое распространеніе.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству". Сост. *П. Н. Соковнинъ*.—„Скотоводство и молочное хозяйство въ разныхъ государствахъ". *А. А. Радцига*.—„Молоко и молочное дѣло". *Проф. Флейшмана*.

Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (по даннымъ на 1898 годъ). Составилъ П. Н. Соковнинъ. Спб., 1899 г. Это четвертый выпускъ весьма полезныхъ ежегодниковъ, издаваемыхъ департаментомъ земледѣлія и знакомящихъ съ тѣмъ разнообразнымъ содѣйствіемъ, которое оказывается русскому сельскому хозяйству со стороны земскихъ учрежденій. Поучительно было сопоставленіе того, что дѣлается въ этомъ направленіи въ губерніяхъ земскихъ и неземскихъ (особенно страдаетъ отъ недостатка общественнаго содѣйствія мелкое хозяйство густонаселеннаго юго-западнаго края).

Изъ 359 уѣздныхъ земствъ въ 1898 году такъ или иначе проявили заботы о мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ 340. Ассигновки на осуществленіе этихъ заботъ еще очень скромны—менѣе $4^1/_2$ милл. рублей, но сравнительно съ тѣмъ, что было тремя годами ранѣе (въ 1894 г. 1.617,000 р.) показываютъ значительное увеличеніе. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мѣстное общественное содѣйствіе сельскому хозяйству будетъ съ теченіемъ времени развиваться. Надо надѣяться, что вновь назначенные въ 16 земскихъ губерніяхъ правительственные уполномоченные *) по сельскому хозяйству воспользуются богатымъ земскимъ опытомъ и помогутъ дальнѣйшимъ земскимъ работамъ.

Въ будущихъ изданіяхъ „Справочныхъ свѣдѣній" мы желали бы видѣть годичный списокъ книгъ и статей, появляющихся въ большомъ количествѣ по вопросамъ о земскомъ содѣйствіи сельскому хозяйству.

Скотоводство и молочное хозяйство въ разныхъ государствахъ. А. А. Радцига. Спб., 1899 г. Ц. 75 к. Брошюра А. А. Радцига заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о численности рогатаго скота и о торговлѣ молочными продуктами въ разныхъ европейскихъ государствахъ, а также нѣкоторыхъ внѣевропейскихъ, какъ поставляющихъ масло и сыръ (Соед. Штаты, Австралія), такъ и нуждающихся въ привозѣ этихъ продуктовъ (Египетъ, Аргентина, Чили). Для Россіи использованы свѣжія свѣдѣнія о численности скота, опубликованныя въ „Ежегодникѣ Мин. Фин." на 1898 годъ; по этимъ свѣдѣніямъ, за послѣднее десятилѣтіе численность рогатаго скота абсолютно не увеличилась, а такъ какъ населеніе возросло, произошла относительная депекорація (спеціально—„дебовинація", какъ выразился бы Ламбль). Главное значеніе въ относительномъ оскудѣніи скотомъ авторъ приписываетъ высокимъ косвеннымъ налогамъ, которые мѣшаютъ поднятію производительности при наличности сельскаго невѣжества.

Молоко и молочное дѣло. Проф. Флейшмана. М., 1890 г. И. Сытина. Ц. 3 р. 50 к. Съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе въ русскомъ переводѣ книги геттингенскаго (прежде кенигсбергскаго) профессора Флейшмана. Авторъ этотъ извѣстенъ русской публикѣ своимъ сочиненіемъ, изданнымъ 20 лѣтъ тому назадъ и появив-

*) Изъ нихъ 14 прошли спеціальную *агрономическую* школу и, стало-быть, рошо усвоили значеніе *общественной* стороны въ сельскомъ хозяйствѣ.

ся по-русски въ прекрасномъ переводѣ В. И. Ковалевскаго: несмотря на значительный объемъ и высокую (восьмирублевую за 2 тома) цѣну, первый томъ этого перевода давно уже разошелся въ продажѣ. Техника молочнаго дѣла идетъ впередъ очень быстрыми шагами, и редакторъ перевода новой книги Флейшмана, профессоръ М. И. Придорогинъ, вполнѣ правъ, утверждая въ предисловіи, что молочное дѣло болѣе, чѣмъ какая-либо иная отрасль промышленнаго сельскаго хозяйства, обосновывается и ведется на теоретическихъ положеніяхъ. Переводъ сдѣланъ со второго нѣмецкаго изданія (1897 г.) Существеннымъ содержаніемъ книги Флейшмана являются семь отдѣловъ: о молокѣ, о низшихъ организмахъ молока, о полученіи и изслѣдованіи молока, о приготовленіи масла, о приготовленіи сыра, о побочныхъ продуктахъ и о молочнохозяйственныхъ предпріятіяхъ. Редакторомъ русскаго перевода прибавлены лишь немногія примѣчанія и небольшое прибавленіе о великорусскомъ молочномъ скотѣ.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ.

„Правописаніе до грамматики". Сборникъ упражненій, сост. *Д. И. Тихомировымъ.*— „Естественно-историческій атласъ". *П. Ю. Шмидта* т *И. В. Палибина.*

Правописаніе до грамматики. Сборникъ упражненій для народныхъ и подготовительныхъ школъ. Составилъ Д. И. Тихомировъ. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе". М., 1899 г. Ц. 10 к. Вопросъ о преподаваніи грамматики въ начальной школѣ за послѣднее время усиленно интересуетъ всѣхъ, кому приходится близко сталкиваться съ дѣломъ первоначальнаго обученія. Жалобы на то, что грамматика изсушаетъ дѣтскій умъ, что она отнимаетъ много времени, которое съ большей пользой можно было бы посвятить на чтеніе,— слышится все чаще и чаще. Вотъ почему давно уже ощущается потребность въ такомъ именно руководствѣ по грамматикѣ, которое, не загромождая дѣтскую память излишней терминологіей давало бы возможность научиться грамотно писать. Лежащая передъ нами книжечка Тихомирова „имѣетъ цѣлію дать возможно полную для подготовительной и народной школы систему орѳографическихъ упражненій, основанныхъ на наименьшемъ количествѣ грамматическихъ знаній". Весь курсъ правописанія авторъ строитъ на основѣ очень немногихъ знаній, и только для усвоенія правилъ объ употребленіи знаковъ препинанія онъ сообщаетъ понятія о предложеніи, подлежащемъ, сказуемомъ и пояснительныхъ словахъ. Что касается тѣхъ частныхъ орѳографическихъ случаевъ, которые не находятъ себѣ объясненій въ элементарной грамматикѣ, то имъ авторъ даетъ мѣсто въ многочисленныхъ упражненіяхъ, такъ что дѣти будутъ усвоивать ихъ практически, путемъ частыхъ повтореній.

Нечего и говорить, что книжка составлена толково, обдуманно, систематично; вездѣ видна рука опытнаго педагога, хорошо знающаго то дѣло, за которое онъ берется. Мы увѣрены, что новая книжка г. Тихомирова получитъ широкое распространеніе, чего она вполнѣ заслуживаетъ.

Естественно-историческій атласъ П. Ю. Шмидта и И. В. Палибина. Выпускъ I. Доказывать необходимость хорошаго атласа для изученія естественной исторіи, конечно, излишне. Вопросъ весь въ томъ, насколько данный атласъ удовлетворяетъ своему назначенію.

Здѣсь нужно различать двѣ стороны дѣла: содержаніе атласа и его выполненіе. Атласъ гг. Шмидта и Палибина весьма полонъ по содержанію: количество животныхъ, въ немъ изображенныхъ, весьма значительно и, кромѣ внѣшняго вида ихъ, даны, — правда, въ небольшомъ количествѣ, — и анатомическіе рисунки. Что касается техническаго выполненія, то оно должно быть названо среднимъ, но отнюдь не хорошимъ. По характеру рисунковъ атласъ этотъ не подходитъ къ какой-либо опредѣленной программѣ естественной исторіи, и это даже не входило въ намѣреніе составителей, которые пишутъ въ предисловіи, что атласъ этотъ не ограниченъ узко-педагогическими рамками и что онъ „можетъ служить пособіемъ не только при преподаваніи, но и при чтеніи недостаточно полно иллюстрированныхъ книгъ по естествознанію, описанію путешествій“ и т. п. При малыхъ размѣрахъ рисунковъ атласомъ этимъ нельзя пользоваться при преподаваніи иначе, какъ если у каждыхъ двоихъ учащихся будетъ по экземпляру атласа; не только показывать издали всему классу, но и показывать группѣ изъ нѣсколькихъ учениковъ одновременно такихъ мелкихъ рисунковъ невозможно. Такъ какъ цѣна атласа по подпискѣ пять рублей, то рекомендовать ученикамъ покупать его врядъ ли удобно. Для класснаго преподаванія естественной исторіи гораздо большее значеніе имѣютъ крупныя таблицы, видимыя одновременно всему классу. Въ виду этого мы полагаемъ, что настоящее изданіе имѣетъ больше значенія для домашняго обученія и самообразованія, чѣмъ для учебныхъ заведеній.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Народные разсказы П. Герасимова. № 1. Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. № 2. Копѣечку бросишь — рубль подберешь. № 3. Дома и у турокъ. № 4. Покойница воскресила. № 5. Наѣхалъ и чуть не въѣхалъ. № 6. Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицаго. Ц. 15 к. № 7. На грѣхъ — минута, на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к. Послѣ значительнаго перерыва мы снова начинаемъ наши ежемѣсячные обзоры народной литературы. Какъ прежде, такъ и теперь мы будемъ понимать подъ этимъ словомъ не тѣ книжки, которыя предназначаются и спеціально фабрикуются „для народа“, не „листовки“ и „двухлистки“, составленныя и изданныя для услады и поученія „низшаго брата“. Подъ народной литературой мы будемъ понимать всѣ тѣ произведенія, и беллетристическія, и научныя, которыя доступны для пониманія читателя, стоящаго, по своему образованію и развитію, *ниже* уровня средней школы. Опредѣленіе это предполагаетъ широкій объемъ понятія. Но такъ и должно быть. Пора констатировать сдѣлавшійся вполнѣ очевиднымъ фактъ: за послѣднія пять-шесть лѣтъ границы между литературой для народа и литературой для „чистой публики“ затушевались, сгладились. Эта послѣдняя литература весьма замѣтно расширила кругъ своихъ читателей, и такое „расширеніе литературы“, Litteratur-extension, быть можетъ, составляетъ одно изъ знаменательнѣйшихъ явленій нашего десятилѣтія. Расширеніе литературы выражается, во-первыхъ, въ появленіи цѣлаго ряда популярныхъ изданій, въ увеличеніи процентнаго отношенія числа этихъ изданій къ числу книгъ, требующихъ отъ своихъ читателей извѣстной подготовки; во-вторыхъ, оно выражается въ поразительномъ удешевленіи книгъ, идущемъ за послѣднее время crescendo. Это удешевленіе коснулось даже классиковъ европей-

ской мысли, каковы, напримѣръ, Дарвинъ, Спенсеръ, Бокль. Сочиненія Дарвина, стоившія еще такъ недавно болѣе 14 рублей, появились въ трехрублевомъ изданіи и разошлись въ количествѣ слишкомъ *восьми* тысячъ экземпляровъ и потребовали новаго изданія; сочиненія Спенсера появились въ изданіи еще болѣе удешевленномъ и полномъ и тоже имѣютъ большой успѣхъ. Бокль въ новомъ изданіи также имѣлъ успѣхъ поразительный, прекрасно иллюстрирующій удивительные размѣры и интенсивность этого „расширенія литературы". Какое основное явленіе происходитъ въ глубинѣ читателей массы? Врядъ ли мы ошибемся, отнеся его главнымъ образомъ къ одному основному факту: факту *нарастанія* читателя,—средняго, хотя и мало подготовленнаго, но напряженно рвущагося къ свѣту и къ знанію читателя,—читателя, удовлетворяющаго свою жажду знанія, за неимѣніемъ учебныхъ заведеній и другихъ образовательныхъ учрежденій, съ помощью хорошихъ и дешевыхъ книгъ. Этотъ читатель, въ погонѣ за разрѣшеніемъ наболѣвшихъ, „проклятыхъ" вопросовъ, выдвинутыхъ жизнью, если такъ можно выразиться, ломится въ книгу, толкается въ каждую книжку, имѣющую мало-мальски интересное для него заглавіе, и спрашиваетъ себя: не въ ней ли отвѣтъ на эти наболѣвшіе вопросы?... Правда, огромное число книгъ не про него писано,—и жаргонъ въ нихъ особый, и слова имѣютъ какое-то особенное,—условное, переносное значеніе; и мысль автора сквозитъ черезъ эти слова какъ бы черезъ густую кисею. Но что̀ нужды? Читатель сидитъ и надъ такой книжкой, ломаетъ голову, придаетъ непонятнымъ или полупонятнымъ словамъ и фразамъ автора *свой* смыслъ, а не тотъ, какой придаетъ ему авторъ; находитъ въ книгѣ *свое* пониманіе, *свое* настроеніе, и то, въ чемъ раньше читатель былъ неувѣренъ, въ чемъ еще сомнѣвался, вдругъ послѣ прочтенія не вполнѣ понятной и не вполнѣ понятой книги вдругъ дѣлается яснымъ. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, даже не вполнѣ понятая книга можетъ дать и даетъ такимъ читателямъ нѣчто нужное, нѣчто важное, многозначительное. Съ ея помощью такой читатель дѣлаетъ первый шагъ, за которымъ слѣдуетъ рядъ другихъ: то *свое*, что̀ оформилось съ помощью непонятой книги, подвергается критикѣ, анализу, матеріалъ для котораго копится и „изъ воздуха", изъ окружающей среды, изъ другихъ книгъ, болѣе легко усвояемыхъ, и т. д. Крайне интересно, крайне важно изучать это *читательское непониманіе*,—въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются двоякаго рода силы: идеи книги съ одной стороны, насущнѣйшія потребности данной личности—съ другой; словно двѣ рѣки текутъ въ сознаніи сначала рядомъ одна съ другой, не смѣшиваясь, на подобіе Бѣлому и Голубому Нилу; лишь съ теченіемъ времени то и другое смѣшивается и получается при этомъ нѣчто среднее,—и приспособленное, и нужное для данной личности, данныхъ условій. Нечего и говорить, что такой средній, „жаждущій" читатель при первой возможности и въ руки не возьметъ „листовки", которая, по выраженію одного изъ такихъ читателей (фабричнаго рабочаго), „то-же, что профильтрованная водица", она не можетъ удовлетворить читателя. Пишущій эти строки продѣлалъ такой опытъ: онъ взялъ каталогъ одной почтенной книгопродавческой фирмы, въ которомъ были помѣщены книги разныхъ авторовъ и издателей, и подсчиталъ, какія темы и основныя идеи въ этихъ книжкахъ преобладаютъ. Оказалось, изъ 100 книжекъ около 10% трактовали о любви къ ближнему, около 32% о смиреніи, покорности, самоуниженіи, самоуничиженіи, непротивленіи, раскаяніи, и т. п., около 4% были написаны на тему „не ходи въ городъ", около

15%—на тему „мужикъ пьяница“, около 3%—на тему о самодѣятельности, энергичной борьбѣ за общественные интересы, о личной иниціативѣ. Правда, и эти 100 книжекъ были взяты случайно, и основныя идеи ихъ могли подтасоваться случайно, но всякій, кто мало-мальски знакомъ съ наличностью оффиціально-народной литературы, тотъ знаетъ, что выборъ темъ въ этой литературѣ поразительно скуденъ, что поучительности въ ней хоть отбавляй, что поученія эти въ высшей степени односторонни. Какая же живая душа удовлетворится ими? Лучше искать малопонятную книгу и находить тамъ „что нужно“, чѣмъ слушать поученія и наставленія на тему „Thue nichts Böses“, какъ говорятъ нѣмцы, или по зернышку клевать спеціально допущенныя до низшаго брата „зернышки и крупины“. Отъ нихъ сытъ не будешь. Въ результатѣ получается вотъ что: на ту самую литературу, которая такъ недавно составляла достояніе „культурныхъ“, „подготовленныхъ“ читателей, вдругъ заявила спросъ цѣлая армія читателей „неподготовленныхъ“, „некультурныхъ“. Требованіе поставлено ясно: эти читатели *требуютъ* и отъ издателей, и отъ авторовъ, чтобы знанія, добытыя наукой, сдѣлались достояніемъ всеобщимъ, чтобы *пониманіе*, правильное пониманіе всего окружающаго,—будь то жизнь міра, природы неодушевленной и одушевленной, жизнь человѣчества, настоящаго, прошлаго, будущаго,—сдѣлалось такимъ же достояніемъ людей некультурныхъ, какъ и культурныхъ; чтобы, наконецъ, за мыслями, чувствами, желаніями, настроеніемъ *этихъ* читателей было признано такое же право гражданства, какое должно быть признано за всѣми людьми вообще, кто бы они ни были. Люди полуграмотные, впервые увидѣвшіе книгу, смотрятъ и на спеціально-народную литературу какъ на манну небесную. Но это продолжается очень недолго: скоро начинается протестъ и поиски за „настоящей книгой“.

Наша задача—облегчать по мѣрѣ силъ эти поиски, указывая лучшія книги, какъ научно-популярныя, такъ и другія, которыя желательны для распространенія въ средѣ этихъ начинающихъ читателей. Мы будемъ искать и рекомендовать не спеціально-народныя книги, а лучшія популярныя книги изъ разныхъ областей науки и искусства. Мы будемъ предъявлять къ каждой изъ указываемой книги слѣдующіе вопросы: что даетъ эта книга читателю, какія знанія, какое пониманіе, какое настроеніе? Мы глубоко убѣждены, что за послѣдніе годы появилось на русскомъ языкѣ столько хорошихъ общедоступныхъ книгъ, что читатели, которыхъ мы всегда будемъ имѣть въ виду,—читатели изъ народа, крестьяне, фабричные,—несомнѣнно имѣютъ возможность найти въ нихъ отвѣты на интересующіе ихъ вопросы: нужно указать на эти книги, напомнить о нихъ. Потребность въ этомъ напоминаніи чувствуется за послѣдніе годы очень сильно: не даромъ появился цѣлый рядъ „программъ для домашняго чтенія“ и каталоговъ*). Правда, много остается желать, но кое-что уже и сдѣлано.

Чтобы полнѣе освѣтить нашу точку зрѣнія, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Та читающая публика, за счетъ которой идетъ на нашихъ глазахъ „расширеніе литературы“,—публика очень чуткая. Она отличн понимаетъ ту фальшь, которая нерѣдко скрывается за „общечеловѣче скими“ поученіями на яко бы христіанскія темы, представляющія из себя своего рода ширмы. И честь и слава этимъ читателямъ, что о

*) Наприм., такіе каталоги приложены къ книгѣ *Маржера*: „Прогрессъ науки“ *Гетчинсона*: „Очеркъ первобытнаго міра“.

отличаютъ друзей отъ враговъ. Въ этомъ отношеніи довольно поучительны книжонки нѣкоего „автора“, борзописца по части морали, г. П. Герасимова, который, ничто же сумняшеся, принялся поучать низшаго брата. О книжкахъ г. Герасимова не стоило бы и говорить, если бы онѣ не были ужъ очень типичны во многихъ отношеніяхъ, какъ своего рода отрыжка былыхъ временъ, когда никакихъ книжекъ кромѣ такой же макулатуры, и не существовало на рынкѣ дешевыхъ изданій. Г. Герасимовъ берется поучать и обличать. Для него несомнѣнно, что главный недостатокъ крестьянъ—чванство, самомнѣніе и т. п. Слѣдующій порокъ—пьянство, слѣдующій—блудъ плотскій. На борьбу съ этими недостатками г. Герасимовъ и выступаетъ. Наприм., въ книжкѣ *Усердіе не по разуму*, образчикомъ чванства у него взяты дворники: одинъ—старшій, наприм., чванно говоритъ: „Старшій дворникъ—чинъ не маленькій... Мы совсѣмъ на манеръ полиціи, только и различны, что не въ военномъ видѣ. Коли кто ко мнѣ съ пренебреженіемъ, такъ я подъ него такую линію подведу, чтобы безъ послабленіевъ, а тамъ—не хотите ли променаду въ участокъ сдѣлать? А тамъ... вотъ и расхлебывайся, коли у тебя есть что“ (стр. 11—12). При такихъ „прынципахъ“ старшой живетъ отлично. Меньшой, подражая ему, дѣлаетъ отъ неразумія массу глупостей, и за это его прогоняютъ изъ дворниковъ. Мораль разсказа такова: толкай въ участокъ съ усердіемъ, но и съ разумѣніемъ. Чванство служитъ темой для разсказа *Копѣечку бросишь—рубль подберешь*. Этотъ разсказъ до такой степени безнадежно бездаренъ, что дочитать его до конца—чрезвычайный подвигъ. Въ разсказѣ *Покойница воскресила* рѣчь идетъ о хорошемъ солдатѣ, который поддался влеченію своего рода солдатскаго Яго, и спился было, но, попавъ въ пьяномъ видѣ въ размытую наводненіемъ могилу, захворалъ и образумѣлъ. И это разсказано на 72 страницахъ! Въ разсказахъ *Напхалъ и чуть не въпхалъ* и *Дома и у турокъ* авторъ распинается на тему *Смерть врагамъ*. Излагать содержанія ихъ не стоитъ.

Такихъ книжекъ, какъ произведеніе г. Герасимова, къ сожалѣнію, очень много на рынкѣ. Есть и такія изъ нихъ, которыя написаны не безъ таланта. Есть такія, гдѣ очень хорошо даже сокрыто авторомъ Wo der Hund ist begraben. Но... у нарождающихся читателей и чутье правды и настроеніе общественное нарождаются и развиваются не по днямъ, а по часамъ. И такія произведенія подвергаются съ ихъ стороны такой рѣзкой и мѣткой критикѣ, какой, быть можетъ, и не снилось нашимъ борзописцамъ.

Изданія О. Н. Поповой. Въ своихъ обзорахъ народной литературы намъ уже приходилось говорить объ изданіяхъ О. Н. Поповой (*Русская Мысль* 1899 г., май); въ настоящее время передъ нами еще нѣсколько книгъ этой серіи, вышедшихъ въ послѣднее время. Нельзя не порадоваться, что произведенія нашихъ образцовыхъ писателей продолжаютъ занимать видное мѣсто въ серіи книжекъ г-жи Поповой. Еще вышли: „Недоросль“—Фонъ-Визина, „Мцыри“, „Демонъ“, „Тамань“—Лермонтова и „Смерть Ивана Ильича“—Л. Толстого. До сихъ поръ отдѣльныя произведенія Лермонтова появлялись только въ изданіяхъ Павленкова и пользовались всегда хорошимъ спросомъ со стороны простого читателя, чему немало способствовала ихъ дешевизна. Говорить что-либо о столь извѣстныхъ произведеніяхъ корифеевъ нашей литературы мы считаемъ излишнимъ, поэтому перейдемъ къ другимъ вновь вышедшимъ книжкамъ разбираемой серіи. Очень недуренъ разсказъ Н. И. Наумова: „Нефедовскій починокъ“. Содержаніе его взято изъ жизни

сибирскихъ поселенцевъ, отбывшихъ наказаніе. Немногочисленное населеніе починка жило мирною трудовою жизнью, пока среди его обитателей не поселился сосланный изъ Великорусской губерніи кабатчикъ; съ этого времени въ починкѣ все перемѣнилось, и честный трудъ уступилъ мѣсто тайной выкуркѣ водки, воровству и т. п. „предпріятіямъ", подъ руководствомъ ловкаго Антона Прокопыча. Въ результатѣ—новыя наказанія, острогъ, плети и т. д. Разсказъ производитъ тяжелое впечатлѣніе; дѣтямъ его давать не слѣдуетъ, взрослые же прочтутъ его съ интересомъ: въ немъ не мало любопытныхъ подробностей изъ жизни поселенцевъ. Въ небольшой повѣсти Нефедова—„Степанъ Дубковъ", выведенъ симпатичный типъ крестьянскаго парня—честнаго, работящаго, съ прямой и открытой душой, для котораго правда выше всего на свѣтѣ. По домашнимъ обстоятельствамъ Степанъ (герой повѣсти) не могъ доучиться даже въ земской школѣ, тѣмъ не менѣе онъ прекрасно сознаетъ пользу чтенія книгъ и много работаетъ надъ созданіемъ сельской библіотеки, которая должна отвлечь деревенскую молодежь отъ кулачныхъ боевъ, пьянства и т. п. праздничныхъ удовольствій. Разсказъ читается съ интересомъ, хотя въ немъ и замѣтна нѣкоторая дѣланность. Съ обычнымъ для автора мастерствомъ написанъ разсказъ Станюковича „Матроска". Для народнаго чтенія онъ издается впервые. Кровавая развязка разсказа хотя и не производитъ гнетущаго впечатлѣнія, тѣмъ не менѣе его можно предложить для чтенія только взрослому читателю. Книжка В. Бруса, „Поэты крестьяне", содержитъ въ себѣ двѣ біографіи нашихъ народныхъ поэтовъ—Сурикова и Дрожжина. Написана книжка хорошо, въ ней живо рисуются тѣ условія, при которыхъ приходилось жить и работать этимъ пѣвцамъ народной жизни; въ концѣ приложено нѣсколько стихотвореній поэтовъ. Было бы желательно видѣть въ изданіяхъ г-жи Поповой біографіи и другихъ нашихъ писателей; этотъ отдѣлъ народной литературы у насъ особенно бѣденъ, между тѣмъ онъ могъ бы служить прекрасной подготовительною ступенью къ знакомству съ исторіей родной литературы.

Изъ переводной беллетристики въ серію вошли три маленькихъ разсказа Гюи-де-Мопассана: „Въ семьѣ", „Нѣмецъ въ плѣну у французовъ" и „Два пріятеля". Въ книжечку „Пѣсни Беранже" вошло семнадцать стихотвореній французскаго поэта и одно стихотвореніе Курочкина, которымъ сдѣланъ и переводъ бо́льшей части стихотвореній сборника. Къ книжкѣ слѣдовало бы приложить краткую біографію Беранже и сказать нѣсколько словъ о его произведеніяхъ, чтобы не оставлять простого читателя въ невѣдѣніи объ авторѣ предлагаемыхъ „пѣсенъ". Четыре книжки разбираемой серіи посвящены популярному изложенію естественно-историческихъ знаній. Двѣ изъ нихъ: „Дерево и его жизнь" и „Кукушка" принадлежатъ перу извѣстнаго популяризатора Д. Н. Кайгородова; книжки эти издавались уже нѣсколько разъ и, благодаря своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ, всегда получали широкое распространеніе; двѣ другія книжки: Бернштейнъ—„Очерки по міровѣдѣнію" и „Земля и человѣкъ", по Э. Реклю, издаются впер вые. Книжечка Бернштейна посвящена популярному изложенію ва нѣйшихъ законовъ физики, написана она просто и снабжена достаточ нымъ количествомъ рисунковъ и чертежей. Вторая книжечка, соста ленная по Реклю, уже по самому своему содержанію требуетъ отъ ч тателя нѣкоторой подготовки. Вотъ ея содержаніе: *Вліяніе приро на судьбу человѣчества. Древность человѣка на землѣ. Вліяніе клим товъ. Вліяніе земной поверхности на человѣчество. Дѣйствіе смѣш*

ныхъ климатовъ. Ходъ исторіи. Воздѣйствіе человѣка на природу. Завоеваніе земли путемъ обработки. Промышленное могущество человѣка. Вліяніе человѣка на животное и растительное царство. Вліяніе человѣка на красоту земли. Прогрессъ человѣчества. Многочисленные прекрасные рисунки, помѣщенные въ текстѣ книжки, значительно увеличиваютъ ея достоинство.

Н. А. Некрасовъ. Біографическій очеркъ Н. Д. Носкова. До сего времени у насъ почти не было популярнаго біографическаго очерка о Некрасовѣ. Предлагаемая брошюра кратко и ясно характеризуетъ жизнь и стихотворенія нашего великаго народнаго поэта, неумолчно взывавшаго благороднымъ словомъ въ защиту „вольныхъ впечатлѣній", друга „неистоваго Виссаріона", сохранившаго до послѣдняго часа братскую любовь къ человѣчеству, ко всему, что несло тяжкій крестъ жизни.

Авторъ причисляетъ Некрасова къ числу людей, связывающихъ слово съ дѣломъ. „По своей натурѣ Некрасовъ не былъ празднымъ мечтателемъ, у котораго въ головѣ планы великіе, а на дѣлѣ ровно ничего не оказывается" (стр. 27), и старается опровергнуть ложный взглядъ на „практичность" поэта. „Съ клеветой неясной, выраженной насмѣшками, полусловами еще долго придется бороться біографу Некрасова, чтобы распутаться въ цѣпкихъ тенетахъ, опутавшихъ имя поэта".

Поэтическую оцѣнку Некрасова мѣстами нельзя назвать совершенно вѣрною и безспорною.

Брошюра, во всякомъ случаѣ, можетъ получить широкое распространеніе, тѣмъ болѣе, что „Некрасовъ настолько крупное историческое имя, безъ пониманія дѣятельности котораго немыслима никакая исторія развитія русской мысли вообще и русской литературы въ частности" (стр. 11). Приложенъ недурно исполненный портретъ „печальника горя народнаго". Изданіе отпечатано на веленевой бумагѣ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Малый Энциклопедическій словарь". Изд. *Брокгауза* и *Ефрона*.—„Путеводитель по Финляндіи". *К. П. Гренгагена.*

Малый Энциклопедическій Словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Вып. I—IV. Спб., 1898—99 гг. Издателямъ большого *Энциклопедическаго Словаря*, пользующагося столь заслуженнымъ успѣхомъ, пришла счастливая мысль составить малый словарь, доступный по цѣнѣ болѣе широкому кругу подписчиковъ. Предполагается 12 выпусковъ (четыре уже вышло). Подписная цѣна безъ пересылки 18 рублей, отдѣльнаго выпуска—1 р. 50 к.

Въ основу новаго изданія положенъ большой словарь, но статьи и передѣлываются, и составляются вновь. Очень полезною особенностью *Малаго Энциклопедическаго Словаря*, приноровленнаго къ потребностямъ новыхъ группъ подписчиковъ, являются приложенія; краткія руководства по различнымъ наукамъ и словари иностранныхъ языковъ. Къ четыремъ появившимся выпускамъ приложены: *Учебникъ алгебры* неизвѣстнаго автора, *Общая анатомія* проф. Лесгафта, *Частная анатомія* д-ра Бурцева (со многими отлично исполненными рисунками), *Астрономія* Фламмаріона (подъ редакціей проф. Витковскаго, съ чертежами, картинами и рисунками), *Библейская исторія* (ветхозавѣтная), краткій очеркъ проф. Лопухина, *Ботаника* Гукера, переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ дополненіями проф. Бе-

кетова (съ пояснительными рисунками), *Краткій словарь англійскаго языка,* составленный лекторомъ Петербургскаго университета г. Тернеромъ, *Геодезія* проф. Витковскаго (съ рисунками), *Гражданскіе законы* г. Вербловскаго (общедоступное изложеніе), *Геологія* г. Агафонова (съ многочисленными и отличными рисунками), *Геометрія* г. Гюнтера и *Государственное право* проф. В. В. Ивановскаго. Приложенія помѣщаются въ концѣ каждаго выпуска, съ отдѣльною нагинаціей. Въ самомъ словарѣ напечатаны хорошія карты Австраліи, Азіи, Америки, Африки, раскрашенные рисунки бактерій и т. д. Мы вернемся, конечно, къ этому быстро подвигающемуся изданію. Четвертый выпускъ оканчивается словомъ *Гебгардъ.*

Путеводитель по Финляндіи. К. П. Гренгагена. Изд. О. Н. Поповой. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к. Масса туристовъ, отправляющихся ежегодно въ живописную нашу сосѣдку на сѣверѣ—Финляндію, давно нуждается въ обстоятельномъ путеводителѣ на русскомъ языкѣ, такъ что подробно научно-практически составленное г. Гренгагеномъ изданіе заслуживаетъ вниманія всѣхъ, заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ. Авторъ въ введеніи даетъ бѣглый очеркъ исторіи финляндскаго народа, подчеркиваетъ его этнографическія особенности и подробно говоритъ объ образованіи и общественной жизни культурно-европейской страны.

Собственно путеводитель начинается отъ Петербурга, слѣдуетъ постепенное описаніе водолѣчебныхъ центровъ, живописныхъ и дачныхъ мѣстностей Карелiи, Саволакса, Нюландіи, коренной Финляндіи, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботрiи.

Текстъ сопровождается изящно исполненными 26-ю мелкими и одною большой картами Финляндіи. Приложенъ краткій русско-шведско-финскій словарь, причемъ шведскія и финскія слова напечатаны русскими буквами. Путеводитель г. Гренгагена для неопытнаго туриста положительный кладъ, въ немъ онъ найдетъ разрѣшеніе мельчайшимъ недоразумѣніямъ, играющимъ солидную роль, въ особенности, въ тонкомъ карманѣ любознательнаго путешественника. Кстати сказать, цѣна роскошному изданію (при 600 стр. съ прил.) недорогая.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы", *октябрь.* — „Міръ Божій", *октябрь.*

Г-жа Дмитріева закончила въ октябрѣ *Вѣстника Европы* свое произведеніе, озаглавленное *Подъ солнцемъ юга.* Начатое еще въ августѣ, произведеніе это названо повѣстью, и между тѣмъ вотъ что мы читаемъ въ послѣднихъ его строкахъ: „Итакъ,—заявляетъ г-жа Дмитріева,—всѣ они (т.-е. персонажи повѣсти), случайно встрѣтившись на дорогѣ жизни, разошлись въ разныя стороны... и, кто знаетъ, встрѣтятся ли они еще когда-нибудь, а если и встрѣтятся, то можетъ быть и *не узнаютъ* другъ друга" (октябрь, *Вѣстн. Евр.*, стр. 490). Никто не станетъ оспаривать, что дорога жизни чрезвычайно трудна, сложна и разнообразна, и что, встрѣтившись на ней случайно съ кѣмъ-нибудь, можно совершенно забыть эту встрѣчу; но нельзя, однако, согласиться съ тѣмъ, будто случайныя встрѣчи хотя бы и нѣсколькихъ людей заразъ и хотя бы это было подъ солнцемъ юга, мыслимы какъ сюжетъ для цѣлой повѣсти. Вѣдь это значитъ застать людей врасплохъ, поглядѣть на нихъ и затѣмъ разогнать ихъ въ разныя стороны. Неужели же случайные ре-

зультаты случайныхъ наблюденій могутъ составить предметъ и содержаніе повѣсти? Конечно, нѣтъ, и если бы повѣсть г-жи Дмитріевой представляла собой нѣчто въ такомъ родѣ, о ней положительно не стоило бы говорить. Но г-жа Дмитріева невѣрно называетъ свое произведеніе повѣстью и невѣрно оцѣниваетъ его подъ конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, повѣсть *Подъ солнцемъ юга* гораздо содержательнѣе, чѣмъ думаетъ ея авторъ: здѣсь описывается прозрѣніе 20-лѣтняго Щигровскаго, который „росъ, какъ принцъ, въ замкнутой обстановкѣ старинаго помѣщичьяго дома, оберегаемый отъ всѣхъ впечатлѣній внѣшняго міра, окруженный непрерывными заботами и попеченіями“ (августъ, стр. 606). У Щигровскаго „не было ни товарищей, ни друзей одного съ нимъ возраста; одиночество сдѣлало его робкимъ и застѣнчивымъ, онъ терялся въ обществѣ и самъ не любилъ новыхъ знакомствъ. Улица, толпа его пугала; онъ зналъ жизнь только по книгамъ и по разсказамъ матери“ (авг., стр. 607, 608). Произошло это оттого, что мать его, когда-то „чопорная и изящная институтка“, разошлась съ мужемъ, человѣкомъ съ „народническими симпатіями“ и погруженнымъ въ заботы объ „улучшеніи положенія обездоленныхъ классовъ“ (авг., стр. 604), за котораго она вышла замужъ по недоразумѣнію. Разойдясь съ мужемъ, мать Щигровскаго стала бояться, какъ бы „ея Юрій не вышелъ похожимъ на отца“, и эта мысль заставляла ее слѣдить за каждымъ малѣйшимъ проявленіемъ характера сына и „удалять отъ него всякія постороннія вліянія“ (стр. 606). Разумѣется, „тепличная атмосфера, въ которой она держала мальчика, не уничтожила въ немъ его природныхъ склонностей, а только на время подавила ихъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ онѣ могли вспыхнуть въ немъ съ обостренною яркостью и силой“ (авг., стр. 607). Такой случай вышелъ *подъ солнцемъ юга*, въ Крыму, гдѣ Щигровскій встрѣтился съ Максютинымъ, „бродягой“, „человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій и безъ будущаго“ (окт., стр. 472). Этотъ Максютинъ хорошо зналъ жизнь „рабочихъ, носильщиковъ и прочаго чернаго люда“, былъ и въ пересыльной тюрьмѣ (стр. 51, 52), наблюдалъ въ разныхъ уѣздахъ Закавказья духоборовъ, которые живутъ въ землянкахъ, питаются впроголодь и проч. Разсказы Максютина, который, сверхъ всего, прекрасно поетъ и рисуетъ, сильно подѣйствовали на Юрія Щигровскаго Оказалось при этомъ, что Щигровскаго-отца Максютинъ зналъ, какъ „довольно извѣстнаго человѣка въ семидесятыхъ годахъ“ (сент., стр. 56), который попалъ въ Сибирь. Такъ какъ мать Щигровскаго говорила сыну, что отецъ его умеръ, то сообщеніе Максютина совершенно ошеломило молодого человѣка: онъ не могъ простить матери ея лжи и страшно страдалъ за отца, жившаго въ нищетѣ и всѣми покинутаго. Онъ бросаетъ мать, переходитъ пока къ Максютину, а потомъ намѣревается отправиться къ отцу, причемъ мысли его принимаютъ такой характеръ: „Я пойду къ отцу. Можетъ быть и тамъ я не найду того, что мнѣ нужно, но я попробую... Неужели двадцатилѣтнее рабство такъ меня искалѣчило, что я никуда не гожусь? Вѣдь работы много, и люди вездѣ нужны; можетъ быть понадоблюсь и я. А если нѣтъ? Если жизнь выброситъ меня, какъ ненужную щепку, и я погибну? Что же, значитъ такъ и нужно“ (окт., стр. 455). Такія мысли, какъ и самый фактъ перерожденія, конечно, и вполнѣ правдоподобны, и вполнѣ естественны, что же касается до случайности встрѣчи Щигровскаго съ Максютинымъ, то эта случайность вполнѣ, такъ сказать, законная и необходимая: подобными случайностями кишитъ жизнь человѣческая, а вѣдь на ловца и звѣрь бѣжитъ: рано или

поздно должно было случиться, что̀ случилось, такъ какъ Щигровскій, конечно, не могъ не прозрѣть.

Другое дѣло—мать Щигровскаго. Ея изображеніе отличается гораздо меньшимъ правдоподобіемъ и особенно загадочнымъ является ея бракъ. На одной и той же страницѣ г-жа Дмитріева, съ одной стороны, называетъ Клавдію Юрьевну Щигровскую „положительной, практической", „холодной и уравновѣшенной натурой", съ другой же стороны разсказываетъ о томъ, какъ она, „будучи молоденькой институткой, увлеклась новыми нѣяніями и, противъ воли родителей, пріѣхала въ Петербургъ учиться" (авг., стр. 603). Мало того: сама Клавдія Юрьевна не могла себѣ дать отчета, какъ ея будущій мужъ покорилъ и увлекъ ее (стр. 603). Не можетъ этого понять и читатель, и такимъ образомъ самое важное—въ уясненіи личности Щигровской—покрыто тайной. Въ этомъ отношеніи никакого свѣта не можетъ пролить и сближеніе со стороны г-жи Дмитріевой брака Щигровской съ эпизодомъ, касающимся Максютина въ Крыму. Надо сказать, что здѣсь Максютинъ познакомился съ двумя барышнями, Анной Павловной и Марьей Павловной. Первая изъ нихъ—очень бойкая и живая дѣвица, вторая—женственная, добрая и сосредоточенная. И вотъ Анна Павловна влюбляется въ Максютина и заявляетъ ему объ этомъ; онъ смущается на нѣсколько мгновеній, но не поддается соблазну, а впослѣдствіи разсуждаетъ, вспоминая бракъ Клавдіи Юрьевны: „Ну, и вышло бы то же, что и съ той... блѣднѣла бы при одномъ воспоминаніи и проклинала бы всю жизнь за одну минуту увлеченія" (окт., стр. 480). На самомъ дѣлѣ между Клавдіей Юрьевной и ея мужемъ, съ одной стороны, и Анной Павловной и Максютинымъ—съ другой, никакой параллели не можетъ быть: Максютинъ—художникъ и пѣвецъ, что же мудренаго въ томъ, что, несмотря на все сходство его міросозерцанія съ міросозерцаніемъ мужа Клавдіи Юрьевны, въ него влюбляется изящная дѣвушка въ образѣ Анны Павловны? Увлеченіе же Щигровскимъ со стороны Клавдіи Юрьевны ни изъ чего не слѣдуетъ. Тутъ кстати сказать, что и относительно Максютина г-жа Дмитріева позволяетъ себѣ нѣкоторую напраслину. Нельзя повѣрить, чтобъ этотъ такъ много испытавшій и такъ полно жившій человѣкъ никогда „не любилъ". Что бы ни говорила г-жа Дмитріева о томъ, что Максютинъ „какъ-то забылъ объ этомъ въ поискахъ дѣла, которому могъ бы отдать свою жизнь" (сент., стр. 29), напраслина налицо, и авторъ не можетъ не быть въ отвѣтѣ за нее.

Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ хорошъ Зорницкій. Этотъ фатоватый и пустой человѣкъ также художникъ, но символистъ и импрессіонистъ; такихъ очень много на свѣтѣ и живутъ они въ свое удовольствіе. Что касается до 16-лѣтняго гимназиста Гриши, то мѣстами слишкомъ онъ уменъ, свѣдущъ, остроуменъ и образованъ. Вообще же произведеніе г-жи Дмитріевой представляетъ соединеніе правдоподобія съ неправдоподобіемъ, хотя перваго больше, и все, что касается Щигровскаго, выхвачено изъ жизни очень правдиво. Если, однако, какъ уже мы сказали, *повѣсть* не должна бы носить такого названія, то это потому, что въ ней обрисовка цѣлаго ряда лицъ интересуетъ автора гораздо больше, чѣмъ какое-либо житейское явленіе, около котораго сосредоточивалось бы дѣйствіе. Самое перерожденіе Щигровскаго вовсе не занимаетъ центральнаго мѣста, такъ какъ, детально изображая и барышенъ, и Максютина, и прочихъ, г-жа Дмитріева даетъ какую-то портретную галлерею и лишаетъ этимъ свое произведеніе цѣльности.

Въ томъ же октябрѣ *Вѣстника Европы* помѣщенъ разсказъ г. Н. Сѣ-

верова изъ швейцарскихъ нравовъ, подъ названіемъ *Помѣшанный*. Здѣсь излагается довольно старая исторія. Нѣкто, итальянецъ Луиджи, человѣкъ съ артистической натурой, попадаетъ въ Женеву, и, полюбивъ m-me Бастаръ, замужнюю дочь своей хозяйки, сходится съ ней. „Луиджи отдался вспыхнувшей страсти со всѣмъ увлеченіемъ итальянца, сросшагося съ понятіемъ, что любовь есть высшее счастье, что любимая женщина — кумиръ“ и поэтому забываетъ ради своего кумира все на свѣтѣ. Между тѣмъ дядя Луиджи, на основаніи старыхъ слуховъ, подозрѣваетъ вѣрность возлюбленной своего племянника и сообщаетъ ему объ этомъ. Луиджи вѣритъ дядѣ, осыпаетъ m-me Бастаръ упреками во лжи, въ хитрости и притворствѣ, а самъ рѣшаетъ порвать съ ней. Не перенесла этого разрыва m-me Бастаръ и, выпивъ „у матери цѣлый флаконъ аконита“, отравилась, у Луиджи же „открылось воспаленіе мозга... потомъ спячка. Поправиться онъ поправился, но разсудокъ вернулся къ нему не вполнѣ“ (стр. 576), и онъ превратился въ бродячаго пѣвца, помѣшательство котораго прежде всего выражалось въ чрезвычайно странномъ костюмѣ“. Такимъ образомъ, передъ нами варіантъ старой темы о значеніи любовной страсти въ человѣческой жизни. И итальянецъ Луиджи, и швейцарка m-me Бастаръ нарисованы довольно выразительно, а такъ какъ, сверхъ того, обстановка разсказа не лишена мѣстнаго колорита и швейцарская жизнь раскрывается передъ читателемъ живо, то его можно назвать интереснымъ.

Относительно „мѣстнаго колорита“, если можно такъ выразиться, въ октябрѣ *Вѣстника Европы* хороши путевые очерки г. Эд. Циммермана, озаглавленные *По Сициліи*. Здѣсь послѣдовательно описаны *Палермо*, *Мессина*, *Тармина и Катанья*, *Сиракузы и Джирженти*. Весьма подробно и обстоятельно авторъ останавливается на достопримѣчательностяхъ названныхъ пунктовъ, на антикварныхъ рѣдкостяхъ, на сицилійскихъ преданіяхъ, на природѣ, бытѣ, нравѣ и экономическомъ положеніи жителей. Историческія воспоминанія занимаютъ въ статьѣ далеко не послѣднее мѣсто, такъ что получается довольно яркая и опредѣленная картина острова Сициліи въ его прошломъ и настоящемъ. Къ этому надо прибавить, что г. Циммерманъ пробуетъ заглянуть и въ будущее острова. По крайней мѣрѣ, указавъ на то, что „къ недостаткамъ аграрныхъ условій въ странѣ примѣшивается еще тяготѣющее надъ населеніемъ двойное бремя клерикализма и милитаризма“ авторъ продолжаетъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что жители единодушно негодуютъ противъ итальянскаго правительства за то, что оно какъ бы забываетъ, насколько Италія обязана Сициліи своимъ объединеніемъ и, въ благодарность за оказанныя услуги, преобразила островъ въ незначительную провинцію. А между тѣмъ эта гордая Тринакрія, памятуя минувшія славныя эпохи, вполнѣ сознаетъ свою способность къ самостоятельному существованію. И въ самомъ дѣлѣ, судя по довольно прозрачнымъ намекамъ въ мѣстной печати, мысль о сепаратизмѣ сильно гнѣздится, особенно въ умахъ интеллигентныхъ классовъ. Въ газетахъ не разъ высказывалась въ видѣ предостереженія такая угроза: если правительство не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ островитанъ, то они сами путемъ революціи добьются своей самостоятельности. Сицилійцы нисколько не сомнѣваются въ возможности отстоять свою независимость вопреки даже тройственному союзу, тѣмъ болѣе, что если Сицилія совершенно отдѣлится отъ Испаніи, то навѣрное можетъ разсчитывать на поддержку со стороны Франціи“. Во всякомъ случаѣ, разсматриваемая статья заслуживаетъ вниманія, и ее можно рекомен-

довать всѣмъ, кто желаетъ ознакомиться съ тѣмъ, что представляетъ изъ себя Сицилія.

Нельзя пройти также молчаніемъ рѣчи А. Ѳ. Кони, произнесенной 26 мая 1899 г., напечатанной въ октябрѣ *Вѣстн. Евр.* и носящей названіе *Нравственный обликъ Пушкина*. Уже и тогда, когда эта рѣчь только что была сказана, о ней было достаточно разговоровъ въ печати, какъ объ явленіи довольно крупномъ и выдающемся; сейчасъ же такіе разговоры снова становятся весьма естественными. Рѣчь эта такъ интересна, что остановиться на ней лишній разъ весьма поучительно. Въ ней прекрасно выяснено отношеніе Пушкина къ людямъ, не менѣе замѣчательно обрисованы „и тѣ нравственныя требованія, которыя онъ предъявлялъ къ самому себѣ". Близкое знаніе біографическихъ матеріаловъ и глубокое пониманіе личности поэта А. Ѳ. Кони обнаруживаетъ на каждомъ шагу; во всякомъ случаѣ ни одной своей догадки, ни одного заключенія онъ не произноситъ голословно и всякое положеніе свое онъ обставляетъ примѣрами самыми яркими и доказательствами самыми убѣдительными. Особенно хорошо слѣдующее мѣсто изъ рѣчи А. Ѳ. Кони: „Картина мрачныхъ сторонъ крѣпостного быта,—говоритъ онъ,—нарисованная Пушкинымъ, *такъ полна, что ему нечего было потомъ добавить, хотя раскатовъ его негодованія хватило бы надолго* (курсивъ нашъ). Мы уже указывали, что судьба была жестока къ лучшимъ упованіямъ его. Употребляя его собственное выраженіе, можно сказать, что относительно многихъ улучшеній общественнаго быта онъ былъ осужденъ на „безкрылое желаніе", что въ груди его „горѣлъ безплодный жаръ". Онъ не дожилъ до страстно желанной минуты увидѣть рабство, падшее по манію царя, и не пережилъ со всѣми лучшими людьми земли Русской великаго дня освобожденія крестьянъ, съ котораго его болѣе счастливый другъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, предлагаетъ начать новый годъ". Итакъ, по словамъ А. Ѳ. Кони, Пушкину *нечего было добавить* къ картинѣ мрачныхъ сторонъ крѣпостного быта, хотя раскатовъ его негодованія хватило бы надолго; какъ мало слова эти похожи на разглагольствованія тѣхъ, кто увѣряетъ, будто Пушкинъ за послѣднія 12 — 13 лѣтъ своей жизни совершенно измѣнилъ себѣ! Но разглагольствующіе настаиваютъ также на томъ, что Пушкинъ презиралъ народъ, и на подобныя увѣренія А. Ѳ. Кони опять-таки отзывается чрезвычайно краснорѣчиво. „Глубокое отвращеніе,—читаемъ мы въ „рѣчи",—къ средѣ, обнимавшей Пушкина со всѣхъ сторонъ, почти во всѣхъ проявленіяхъ тогдашней скудной общественной жизни, жило въ душѣ поэта". „Подите прочь, какое дѣло поэту мирному до васъ!" говоритъ онъ людямъ этой среды, считая ихъ входящими въ составъ „толпы" и вовсе не обозначая этимъ именемъ народа, въ презрѣніи къ которому его силились упрекнуть умышленно не хотѣвшіе понимать его люди. Вся творческая жизнь его, посвященная духовному служенію народу, громко вопіетъ противъ такого обвиненія! Не могъ презирать народъ тотъ, который написалъ: „*льстецъ* скажетъ: *презирай* народъ" (курсивъ А. Ѳ. Кони). „Подъ толпою,—продолжаетъ А. Ѳ. Кони,—он разумѣлъ все низменное, къ какому бы слою общества оно ни прина лежало, всѣхъ читающихъ жадно мемуары и записки выдающихся л дей, съ цѣлью найти щекотливыя разоблаченія или признанія и въ н зости своей радующихся униженію высокаго, слабостямъ могучаго, п тому что „онъ малъ и мерзокъ, какъ мы". „Врете, подлецы!—воскл цаетъ Пушкинъ:—онъ и малъ и мерзокъ, но не такъ, какъ вы,—иначе Вообще, нельзя не признать, что рѣчь А. Ѳ. Кони принадлежитъ

самымъ лучшимъ изъ юбилейныхъ рѣчей и статей о Пушкинѣ; она является прекраснымъ подтвержденіемъ многихъ выводовъ, къ которымъ приходятъ наиболѣе цѣнныя изслѣдованія о Пушкинѣ. Помимо всего другого, сближеніе этой рѣчи съ книгой В. Е. Якушкина напрашивается само собой; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ отдѣловъ только что названной книги обсуждаютъ личность Пушкина съ тѣхъ же сторонъ и въ томъ же самомъ направленіи, какъ мы это видимъ у А. Ѳ. Кони.

Что касается до беллетристики журнала *Міръ Божій*, то въ октябрѣ, какъ и въ сентябрѣ, въ немъ нѣтъ почти ничего законченнаго, и, слѣдовательно, обо всѣхъ новинкахъ этого рода приходится пока отложить сужденіе. Нѣкоторымъ исключеніемъ являются однако очерки г-жи Манасеиной, подъ заглавіемъ *Въ городской школѣ*, которые приведены къ концу въ октябрѣ. Эти очерки и наблюденія написаны почти въ беллетристической формѣ: во всякомъ случаѣ передъ глазами читателя временами дѣйствительно живетъ та самая городская школа, надъ которой авторъ дѣлаетъ свои наблюденія. Мѣстами брошены довольно удачные штрихи въ обрисовкѣ тѣхъ или иныхъ дѣтей, обучающихся въ школѣ, и ихъ родителей, а учительница Вѣра Павловна охарактеризована совсѣмъ ясно. „Окончивъ педагогическіе курсы, она подала прошеніе о зачисленіи ее кандидаткой на мѣсто городской учительницы. Прошеніе было принято, но ждать пришлось очень долго, особенно если принять въ соображеніе то, какъ проходили эти годы ожиданія“. Когда, наконецъ, Вѣра Павловна получила желаемое мѣсто, она все вниманіе направила на новое дѣло: не щадя своихъ силъ, она думала, наблюдала, совѣтовалась съ другими и всю себя положила на пользу своихъ ученицъ. Разочарованія и горькія чувства не заставили однако себя ждать. На первыхъ же пріемныхъ экзаменахъ Вѣрѣ Павловнѣ нельзя было не убѣдиться, что „вакансій не хватаетъ и многимъ надо отказывать“. Понятно, что на новую учительницу при такихъ условіяхъ „пріемъ произвелъ удручающее впечатлѣніе“. „Передъ ея глазами стояла понурая фигура швейцара, мелькали опечаленныя женскія лица. Никогда ей не приходилось выслушивать столькихъ просьбъ! Конечно, она не виновата въ томъ, что пришлось отказать многимъ, но все-таки въ душѣ накопилось смутное сознаніе какой-то виновности передъ людьми, унесшими обиду въ подвалы и чердаки“. Далѣе, однажды въ школу явилась докторша, которая во исполненіе предписанія, должна была произвести осмотръ учащимся дѣвочкамъ, „перевѣшать и перемѣрить“ новенькихъ. Докторша торопилась и, обѣгавъ 5 школъ, хотѣла поскорѣе раздѣлаться съ шестой, чтобъ идти дальше въ седьмую, восьмую и проч. Разумѣется, когда Вѣра Павловна при такихъ условіяхъ попробовала указать на больную дѣвочку, у которой что-то неладно съ ногой, докторша сказала, что больными она займется послѣ; ей нужно было скорѣе кончить со взвѣшиваніемъ и вымѣриваніемъ. Вѣра Павловна пожаловалась тутъ же на отсутствіе вентиляціи въ рекреаціонной залѣ, но услыхала въ отвѣтъ, что объ этомъ надо заявить въ концѣ года. Само собой понятно, что учительница не могла остаться довольна всѣми подобными порядками; но этого мало: при осмотрѣ докторши оказалось, что „у всѣхъ платье было сносное, но бѣлье у всѣхъ безъ исключенія оказалось хуже платья. У нѣкоторыхъ вмѣсто рубашки висѣли какія-то грязныя жалкія тряпки, и старшія ученицы, добросовѣстно выполняя свою обязанность, выворачивали наружу всю эту грязь и убожество нищеты, боявшейся дневного свѣта“. А какъ часто Вѣра Павловна

должна была убѣждаться, что безработица царитъ почти всюду между родителями и родственницами ученицъ и служитъ источникомъ всевозможныхъ бѣдствій.

Тѣмъ не менѣе выдавались для Вѣры Павловны и хорошія минуты. Таковъ былъ день елки въ школѣ. Въ этотъ день Вѣра Павловна „испытала, что значитъ имѣть возможность радовать другихъ". Она поняла, что она не одна, что она нужна всѣмъ этимъ обездоленнымъ дѣтямъ". Вообще, несмотря ни на какія печальныя наблюденія, ни на какія разочарованія, Вѣра Павловна сохранила въ себѣ и энергію, и любовь къ дѣлу, и участіе къ дѣтямъ.

Г-жа Манасеина, авторъ очерковъ, не безъ основанія видитъ въ этомъ доказательство жизненности безкорыстнаго и добросовѣстнаго служенія людямъ при посредствѣ школы. Не даромъ „каждый новый день приносилъ Вѣрѣ Павловнѣ,—по словамъ г-жи Манасеиной,—все новыя и новыя доказательства довѣрія". Ей не было „надобности подстерегать чью-нибудь нужду и волноваться мыслью о томъ, что она узнаетъ о чьемъ-нибудь горѣ позднѣе всѣхъ. Дѣвочки ей первой разсказывали обо всемъ сколько-нибудь важномъ въ ихъ бѣдной радостью, но богатой огорченіями жизни". Такимъ образомъ, права, повторяемъ, г-жа Манасеина, когда всячески желаетъ показать, что Вѣра Павловна, какъ и каждая другая усердная и убѣжденная учительница на ея мѣстѣ, должна была находить большое удовлетвореніе въ соприкосновеніи со своими ученицами въ городской школѣ, хотя ей подчасъ и приходилось очень тяжело, однако, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что судя по тѣмъ же очеркамъ г-жи Манасеиной, едва ли существуетъ полная гармонія между городской школой и жизнью, и школьные порядки оставляютъ желать очень и очень многаго. Во всякомъ случаѣ, нужно, подобно Вѣрѣ Павловнѣ, имѣть не мало присутствія духа, вѣры въ себя и надежды на болѣе свѣтлое будущее, чтобы, послѣ окончанія учебнаго года, думать объ отдыхѣ только ради пріобрѣтенія силъ для новой работы. „Какъ хорошо будетъ,—раздумываетъ Вѣра Павловна именно наканунѣ лѣтнихъ каникулъ,—послѣ отдыха вернуться въ школу и съ новыми силами встрѣтить собравшихся дѣтей,—и какою радостью наполнится ея собственное сердце, если ей хоть сколько-нибудь удастся подойти къ той большой цѣли, о которой такъ ясно и просто сказала ей Бронзова: „Помогите ей сдѣлаться человѣкомъ". Дай Богъ, конечно, всѣмъ, кто похожъ на Вѣру Павловну, дѣлать въ школѣ изъ дѣтей людей въ настоящемъ смыслѣ слова, но не можемъ не выразить своего сомнѣнія относительно осуществимости этого въ настоящее время, такъ какъ изъ тѣхъ же очерковъ г-жи Манасеиной можно убѣдиться, насколько жизнь и школа подчасъ далеки другъ отъ друга и какъ мало между ними солидарности.

Остановимся на *неизданныхъ разсказахъ* Гюи де-Мопассана въ октябрѣ *Міра Божьяго*. По поводу этихъ разсказовъ въ журналѣ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Въ августѣ появился томикъ неизданныхъ разсказовъ Гюи де-Мопассана. Большая часть изъ нихъ вполнѣ отдѣланы и закончены; другіе представляютъ эскизы, послужившіе для романовъ Гюи де-Мопассана. Изъ нихъ мы выбрали пять болѣе характерныхъ для таланта этого автора. Весь сборникъ носитъ названіе „Le père Milon". Выборъ сдѣланный *Міромъ Божьимъ* удаченъ. Какъ ни миніатюрны разсказы, всѣ они въ большей или меньшей степени интересны. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, въ которомъ не обнаружилось бы или остроумія, или наблюдательности, или умѣнья мѣтко сопоставит

тѣ или другія житейскія явленія. Трудно отдать предпочтеніе одному какому-нибудь разсказу. Впрочемъ, пожалуй, разсказъ *Слѣпой* можно поставить выше остальныхъ. Онъ поражаетъ простотой своего сюжета и при всемъ томъ чрезвычайно содержателенъ. Герой этого разсказа—слѣпой. „Онъ никогда не испыталъ ни малѣйшей ласки, мать всегда была съ нимъ рѣзка, но не любила его". Послѣ смерти родителей слѣпого, родственники его, до поры до времени, хоть и тяготились имъ, но все же терпѣли его; однако, настало время, когда слѣпой сталъ настоящимъ посмѣшищемъ. „Иногда ему подсовывали въ тарелку пробки, щепки, листья и всякій мусоръ, который онъ не замѣчалъ", иногда на столъ передъ чашкой, изъ которой онъ ѣлъ, сажали собаку или кошку, „но животное инстинктомъ чувствовало беззащитность этого человѣка, тихонько приближалось къ нему и безшумно начинало ѣсть, деликатно подлизывая похлебку, а когда случайно какой-нибудь звукъ привлекалъ вниманіе бѣдняги, оно осторожно отступало, чтобъ избѣжать удара ложкой, которой онъ замахивался наудачу". Далѣе пошла игра въ пощечины, щедро расточаемыя всѣми на слѣпого. Наконецъ, его стали заставлять нищенствовать и побираться, и это новое издѣвательство явилось причиной смерти слѣпого. „Однажды, зимой, когда земля была сплошь покрыта снѣгомъ и морозъ все крѣпчалъ, зять завелъ его утромъ далеко на большую дорогу, гдѣ онъ долженъ былъ просить милостыню. Онъ оставилъ его тамъ на цѣлый день, а вечеромъ объяснилъ своимъ домашнимъ, что не нашелъ его". Впрочемъ, тутъ же зять выразилъ увѣренность, что слѣпой, конечно, не пропадетъ. Между тѣмъ слѣпой, не различая дороги, подъ покрывшей снѣгомъ ледяною корой, падалъ въ ямы, тщетно отыскивая какое-нибудь жилье, а когда имъ овладѣло оцѣпенѣніе, онъ опустился на землю посреди равнины съ тѣмъ, чтобы больше не встать. Снѣгъ засыпалъ трупъ и, только при наступленіи весны, одинъ изъ проходившихъ случайно поселянъ пошелъ посмотрѣть, что роетъ стая вороновъ, постоянно спускавшаяся и поднимавшаяся надъ равниной, и нашелъ тѣло слѣпого, уже наполовину изъѣденное. „Его блѣдные глаза исчезли, выколотые длинными прожорливыми клювами". Вся жизнь несчастнаго слѣпого разсказана съ удивительною теплотой и задушевностью.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1899 г.

Альбрехтъ, д-ръ. Дешевыя квартиры въ Германіи и самопомощь въ ихъ устройствѣ. Спб., 1899 г. Изд. А. П. Полевицкаго.

Архиповъ, С. Практическое наставленіе къ смоляному и дегтярному производствамъ для крестьянск. хозяйства. М., 1899 г. Ц. 8 к. Изд. „Посредника“.

Базаровъ, В. Трудъ производительный и трудъ образующій цѣнность. Спб., 1899 г. Ц. 40 к. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Бартъ, Пауль. Философія исторіи какъ соціологія. Ч. I. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 75 к. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.

Бекетовъ, М. Что за земля Голландія и какъ живутъ голландцы. М., 1899 г. Ц. 10 к. Изд. „Посредника“.

Березинъ, А. Одинокій трудъ. Статья и стихи. М., 1899 г. Ц. 40 к.

Богдановъ, А. Краткій курсъ экономической науки. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь. Т. XXVIIa (54). Спб., 1899 г.

Будринъ, П. Данныя по культурѣ сельско-хозяйств. растеній на опытной фермѣ въ Н.-Александріи за 1881—98 гг. Варшава, 1899 г. Ц. 80 к.

Бѣжецкій, А. Н. 1) Медвѣжьи углы. Ц. 1 р. 25 к. 2) На пути. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1899 г. Изд. А. С. Суворина.

Бѣлоконскій, И. П. Деревенскія впечатлѣнія. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэръ, П. Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Съ 392 рис. М., 1899 г. Ц. 40 к. Изд. „Посредника“.

Бюхеръ, К. Экономическій строй первобытныхъ народовъ. Одесса, 1899 г. Ц. 25 к.

Gaucher, Е. Лѣченіе сифилиса. Харьковъ, 1900 г.

Гединъ, С. Въ сердцѣ Азіи. Вып. 6-й. Спб., 1899 г. Изд. А. Ф. Девріена.

Гёксли, Т. Р. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологіи. Съ 82 рис. М., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.

Геккель, Эрнстъ. Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка. Спб., 1899 г. Ц. 60 к. Изд. А. Ермолаевой.

Геркнеръ, Г. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Спб., 1899 г. Ц. 3 р. Изд. ред. журн. „Образованіе“.

Г. Р. Разсказы о Польшѣ и полякахъ. Съ 31 рис. М., 1899 г. Ц. 18 к. Изд. „Посредника“.

Гефель. Вліяніе разврата на заболѣванія и смертность. Изд. 2-е. Вып. I и II. Одесса, 1899 г. Ц. 15 к.

Гольдштейнъ, М. Ю. Живое и мертвое. Одесса, 1899 г. Библ. „Слово“.

Горацій, Флаккъ. Оды. Кн. 2-я. Пер. въ стихахъ П. Порфирова. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.

Горькій, М. Очерки и разсказы. Спб., 1899 г. Ц. за три тома 3 р. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Гречушкины, С. и В. Практическій курсъ русской грамматики. М., 1900 г. Ц. 30 к. Изд. кн. маг. В. В. Думнова.

Гумпловичъ, Л. Соціологическіе очерки. Одесса, 1899 г. Библ. „Слово“.

Дюбуа-Реймонъ, Э. Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Спб., 1900 г. Ц. 30 к. Изд. ред. журн. „Образованіе“.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Пс ред. А. І. Степовича. Кіевъ, 1899 г

Жоржъ-Зандъ. 1) Индіана. Ц. 6(2) Приключенія Грибуля. Спб., 1899 Изд. А. С. Суворина.

Золотаревъ, Л. А. 1) Родителя для сыновей. Ц. 25 к. 2) Семья и женс трудъ. Ц. 30 к. 3) Самообразованіе г щины-матери. Ц. 30 к. М., 1899 г

Золя, Эмиль. Плодовитость. Ром. Пер. съ фр. О. Н. Поповой. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, Ив. Исторія русской критики. Ч. 3 и 4. Спб., 1900 г. Ц. 2 р. Изд. журн. „Міръ Божій".

Ивановъ, Н. Н. Задушевныя пѣсни. Воронежъ, 1899 г. Ц. 25 к. „Кольцовская библіотека".

Ивановскій, В. В., проф. Вопросы государствовѣдѣнія, соціологіи и политики. Казань, 1899 г. Ц. 2 р.

Карѣевъ, Н. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III. Вып. VI. Изд. 2-е. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.

Клейнъ, Г. Чудеса земного шара. Съ 93 рис. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. Изд. ред. журн. „Образованіе".

Косткевичъ, М. Д. Полный курсъ кройки и шитья. Спб., 1899 г. Ц. 5 р. Изд. А. Ф. Маркса.

Крандіевская, А. Р. „То было ранней весной" и др. разсказы. М., 1900 г. Ц. 1 р.

Крашенинниковъ, М. Влюбленность и ея лѣченіе въ древности и теперь. Юрьевъ, 1899 г.

Кукольникъ, Несторъ. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Ром. въ 4 ч. Спб., 1899 г. Ц. за 2 т. 50 к. Изд. А. С. Суворина.

Левенстимъ, А. Профессіональное нищенство, его причины и формы. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.

Макъ-Кендрикъ, Д. Г., и Снодграсъ, В. Физіологія органовъ чувствъ. М., 1900 г. Ц. 1 р. 75 к. „Библ. для самообразованія".

Махаловъ, С. Д. Фантазія на трагедію „Гамлетъ" Шекспира. М., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи за 1896—97 гг. Спб., 1899 г.

Де-Мопасанъ, Гюи. Одиночество и др. разсказы. М., 1899 г. Ц. 35 к Изд. „Посредника".

Никифоровъ, Л. П. (перев.). Избранныя мысли Джона Рёскина. М., 1899 г. Ц. 20 к. Изд. „Посредника".

Обзоръ дѣятельн. министерствм земледѣлія и госуд. имуществъ за пятый годъ его существованія. Спб., 1899 г.

Отчетъ о дѣятельности орловской городской публичной библіотеки за 1898 годъ. Вятка, 1899 г.

Отчеты ветеринарнаго отдѣленія саратовской губ. земск. управы за 1897 г. Саратовъ, 1899 г.

Пассекъ, О. Свѣтъ Азіи. Индійское сказаніе. М., 1899 г. Ц. $1^1/_2$ к. Изд. „Посредника".

Петруланъ, М. Х. Какъ мы живемъ и какъ должны жить. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Покровская, М. И. Какъ вести бѣдное хозяйство, чтобы сохранять здоровье. Спб., 1900 г. Ц. 60 к.

Понсетъ-де-Сандонъ, Б. Б. Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Митава, 1899 г.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ системат. курса. М., 1900 г. Ц. 35 к., съ перес. 48 к.

Проходцовъ, И. Обозрѣніе пятнадцатилѣтней дѣятельности Рязанской ученой архивной комиссіи. Рязань, 1899 г.

Ратгаузъ, Д. Собраніе стихотвореній 1893—1900 гг. Спб. и М., 1900 г. Ц. 1 р. Изд. т-ва М. О. Вольфъ.

Ремсенъ. Введеніе къ изученію органической химіи. Изд. 2-е. М., 1900 г. Ц. 1 р. 75 к. „Библ. для самообразованія".

Рожковъ, Н. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. М., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Ройтманъ, Дм. Евгеній Дюрингъ какъ литературный критикъ и его новый критическій пріемъ. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.

Руководство къ плодоводству для практиковъ по Гоше. Вып. 5-й. Спб., 1899 г. Изд. А. Ф. Девріена.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородск. губ. за 1898 г. Новгородъ, 1899 г.

Сборникъ московскаго главн. архива мин. иностран. дѣлъ. Вып. 6-й. М., 1899 г. Ц. 3 р.

Сельско-хозяйственный обзоръ Рязанской губ. за 1897—98 г. Вып. II. Рязань, 1899 г. Изд. ряз. губ. земск. управы.

Трачевскій, А. Учебникъ русской исторіи. Ч. 1 и 2. Спб., 1900 г. Ц. каждой части 1 р. 25 к.

Фолькельтъ, І. Современные вопросы эстетики. Спб., 1900 г. Ц. 75 к. Изд. журн. „Образованіе".

Холодковскій, Н. А., и Силантьевъ, А. Птицы Европы. Вып. 4-й. Спб., 1899 г. Подп. ц. за 10 вып. 14 р. Изд. А. Ф. Девріена.

Череповъ, Н. Гдѣ выходъ? Спб., 1899 г.

Шаховской, А. А. Сочиненія. Спб., 1899 г. Ц. 20 к. Изд. А. С. Суворина.

Шершеневичъ, Г. Ф. 1) Учебникъ торговаго права. Ц. 2 р. 50 к. 2) Курсъ торговаго права. 3-е изд. Ц. 6 р. Казань, 1899 г. Изд. кн. маг. бр. Башмаковыхъ.

Щегловитовъ, А. Т. Кулики своихъ болотъ. Орелъ, 1899 г. Ц. 1 р.

Эндрьюсъ, М. Историческое развитіе соврем. Европы отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени. Т. I и II. М., 1899 г. Ц. 3 р. Изд. К. Т. Солдатенкова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Мелочи жизни". Разсказы. *И. А. Салова.*—„Между фантазіей и дѣйствительностью". Повѣсти и разсказы. *Н. Пружанскаго.* . . . 407

Философія, психологія, педагогика: „Вопросы Философіи и Психологіи". Кн. 49.—„Творенія Платона". Пер. *Владиміра Соловьева.*—„Гипнотизмъ и внушеніе". *В. Вундта.*—„Нѣмецкіе университеты". *Ф. Паульсена.*—„Когда люди будутъ любить другъ друга". *Аметистовой.* 410

Исторія: „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.". *Н. Рожкова.*—„Аланы, по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей". *Проф. Ю. Кулаковскаго.*—„Буддизмъ". *Рисъ-Дэвидсъ* 417

Политическая экономія, статистика: „Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи". *І. Конрада.*—„Очеркъ изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни". Сост. *М. Н. Соболевъ.*—„Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1897 г." 422

Юридическія книги: „Гражданское Уложеніе". Книга пятая.—„Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства". *И. Е. Энгельмана* 425

Естествознаніе: „Изъ царства пернатыхъ". *Дм. Кайгородова.* 429

Сельское хозяйство: „Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству", Сост. *П. Н. Соковнинъ.*—„Скотоводство и молочное хозяйство въ разныхъ государствахъ". *А. А. Радцига.*—„Молоко и молочное дѣло". *Проф. Флейшмана* 430

Учебники, пособія: „Правописаніе до грамматики". Сборникъ упражненій, состав. *Д. И. Тихомировымъ.* — „Естественно-историческій атласъ". *П. Ю. Шмидта* и *И. В. Палибина.* 431

Народныя изданія 432

Справочныя книги: „Малый Энциклопедическій Словарь". *Брокгауза* и *Ефрона.*—„Путеводитель по Финляндіи". *К. П. Гренгагена.* 437

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *октябрь.*—„Міръ Божій", *октябрь.* 438

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1899 г.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
журнала Русская Мысль
(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой)
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русс. суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Въ пользу воскрес. школъ. Сборникъ. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р.

— Литературные очерки. Ц. 1 р.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Женщина. Статьи: Э. Ожешковой, M-me A. Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.

Короленко, Влад. Очерки и разсказы. Книга первая. 6-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій, В. и Орелкинъ, П. Бесѣды во вопросамъ воспитанія и обученія въ народныхъ школахъ. Ц. 75 к.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ 2 предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. 4-е удешевлен. изд. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

Столѣтовъ, А. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.

Разсказъ про смутное время на Руси. Ц. 1½ к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. ½ к.

Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. 1½ к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Ремезовъ, М. Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
— Византія и Византійцы конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
— Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
— Панна Роза. Воликій. Среди цвѣтовъ. Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Горкѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лилька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли".

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.
Пере, Б. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.
Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.
Дюкло. Пастёръ. Заразныя болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.
Бартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 руб.
Гаушпъ, Отто. Герберть Спенсеръ. Ц. 50 коп.
Шериданъ. Школа злословія. *А. В. Пожжева.* Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.
Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.
Андре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.
Бертло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 коп.
Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1899 г.

Берегги. Электро-гомеопатія. Ц. 2 р. 50 коп.
Вѣстникъ Права, № 4 (апр.). Ц. 2 руб., № 5 (май)—ц. 1 р., № 6 (іюнь)—ц. 1 р., № 7 (сентябрь)—ц. 1 р.
Ганнушкинъ, М. Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи. М., 1899 г. Ц. 40 коп.
Геркнеръ. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Ц. 3 р.
Гольцманъ. Паденіе іудейскаго царства. Ц. 2 р.
Гротъ. 1) Къ вопросу о реформѣ логики. Ц. 2 руб. 50 к. 2) Сновидѣніе. 3) Психологія чувствованія. Ц. 3 руб. 50 к.
Догановичъ. Старые и малые. М., 1899 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
Дюбуа-Реймонъ. Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Ц. 30 к.
Забѣлинъ. Русское искусство. Цѣна 80 коп.
Калымовъ. Сборникъ стихотвореній. Кн. I. М., 1899 г. Ц. 25 к.
— Разсказы. М., 1899 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.
Клейнъ. Чудеса земного шара. Ц. 1 р.
Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Т. IV. Ц. 1 р. 75 к.
Котельниковъ, В. Воздѣлываніе простого табака-махорки. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
Кругловъ, А. Любовь и истина. М., 1899 г. Ц. 25 к.
— Большакъ. Спб., 1899 г. Ц. 60 к.
— Св. Василій Великій. М., 1899 г. Ц. 30 к.
— Утро. М., 1899 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.
— Женскій Аѳонъ. М., 1899 г. Ц. 25 к.
— Новая звѣздочка. М., 1898 г. Ц. 25 к.
— Полканъ Собакевичъ. М., 1899 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. VI. Ц. 3 р.
Ладыженскій. О книгахъ и сочиненіяхъ. Вып. I. Съ картин. Ц. 30 к.
Лермонтовъ. Соч. Т. III. Ц. 1 р.
Лѣсковъ. Сочиненія. Т. I—XII. переплетѣ. Ц. 23 р.
Махаловъ. Фантазія на траге Шекспира. Ц. 1 р. 50 к.
Октябрьская книга „Русской Мысл Ц. 1 р.

Покровскій. Родные отзвуки. М., 1899 г. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.
Ратовъ. Женщина передъ судомъ присяжныхъ. Ц. 30 к.
Регель. Типы теплицъ, оранжерей. Спб., 1899 г. Ц. 60 к.
Розенъ, А. Одиссея недавнихъ дней: въ ссылку. М., 1899 г. Ц. 1 р.
Рудзскій, А. Краткій очеркъ исторіи лѣсоустройства. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
Семеновъ. Россія. Т. I. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
Филипповъ. Три замѣчательныхъ старообрядца. Ц. 50 к.
Фитингофъ. Міровыя знаменитости. Ц. 1 р. 50 к.
Фолькельтъ. Современные вопросы эстетики. Ц. 75 к.
Эндрьюсъ. Исторія развитія современной Европы. Ц. 3 р.

НОВАЯ КНИГА

Элиза Ожешкова.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

Томъ второй. Перев. **В. М. Лаврова.**

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія при книжномъ магазинѣ журнала *Русская Мысль* (Б. Никитская, д. Вельтищевой).

Въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова

(Москва, Больш. Никитская ул., д. Вельтищевой)

продаются слѣдующія книги изданія **М. И. Водовозовой:**

Магаймъ. Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Ц. 1 р. 25 к.
Гурвичъ. Экономическое положеніе русской деревни. Ц. 1 р. 25 к.
Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handw. der Staatsw. Ц. 1 р. 50 к.
Народонаселеніе. Статьи оттуда же. Ц. 1 р. 50 к.
Промышленность. Статьи оттуда же. Ц. 1 р. 50 к.
Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Статьи оттуда же. Цѣна 1 р. 50 к.
Исторія труда. Статьи оттуда же. Ц. 1 р. 50 к.
Водовозовъ. Экономическіе этюды. Ц. 2 р.
Эшли. Экономическая исторія Англіи. Ц. 2 р. 75 к.
В. Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. Ц. 1 р. 50 к.
— Развитіе капитализма въ Россіи. Ц. 2 р. 50 к.
К. Бюхеръ. Происхожденіе народн. хозяйства. Ц. 50 к.
—Четыре очерка изъ области народ. хозяйства. Ц. 60 к.
Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Ц. 60 к.
С. Булгаковъ. О рынкахъ. Ц. 1 р. 25 к.
Очерки изъ экономич. и соціальной исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ. Ц. 1 р. 75 к.
Э. Мейеръ. Рабство въ древности. Ц. 40 к.

КОММИССІЯ
ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З. въ Москвѣ.

Цѣль коммиссіи—прійти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ чтенія пополнить пробѣлы своего общаго образованія. Коммиссія издаетъ сборники программъ домашняго чтенія, въ которыхъ публикуетъ всѣ указанія для занятій подъ ея руководствомъ. Руководство Коммиссіи состоитъ въ указаніи книгъ и пособій, необходимыхъ при занятіяхъ, въ постановкѣ провѣрочныхъ вопросовъ, въ разъясненіи недоразумѣній, встрѣчающихся при чтеніи рекомендованныхъ книгъ, въ провѣркѣ отвѣтовъ на постановленные Коммиссіей провѣрочные вопросы и просмотрѣ болѣе или менѣе обширныхъ письменныхъ работъ.

Важнѣйшія книги для чтенія, указанныя Коммиссіей, могутъ быть доставляемы читателямъ черезъ Коммиссію на льготныхъ условіяхъ, которыя обозначены въ каждомъ выпускѣ программъ. (Подробныя правила Коммиссіи и планы программы высылаются безплатно).

ПРОГРАММЫ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ НА 1-Й ГОДЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО КУРСА.

Изданіе пятое, исправленное и дополненное.

Содержаніе:

I. **Математика:** 1) курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика).

II. **Науки физико-химическія:** 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ); 2) химія (введеніе и неорганическая химія).

III. **Науки біологическія** (введеніе).

IV. **Науки философскія:** программа первая (психологія и логика); программа вторая (логика).

V. **Науки общественно-юридическія:** 1) исторія и строеніе общества; 2) политическая экономія.

VI. **Исторія:** 1) первобытная культура; 2) древній Востокъ; 3) Грецiя; 4) Римъ.

VII. **Исторія литературы:** 1) греческой; 2) римской.

Цѣна 35 к., съ пересылкою—48 к., наложеннымъ платежомъ—65 к.

ПРОГРАММЫ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ НА 2-Й ГОДЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО КУРСА.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Содержаніе:

I. **Математика:** 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленія); 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія).

II. **Науки физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ); 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая.

III. **Науки біологическія:** 1) анатомія растеній; 2) споровыя растенія; 3) сравнительная анатомія животныхъ; 4) гистологія и эмбріологія животныхъ.

IV. **Науки философскія:** программа первая (исторія философіи); программа вторая (психологія съ педагогикой).

V. **Науки общественно-юридическія:** 1) общее ученіе о правѣ; 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское); 3) экономическая исторія Англіи.

VI. **Исторія:** 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская до Смутнаго времени.

VII. **Исторія литературы:** 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка).

Программа чтенія по этнографіи.

Цѣна 45 к., съ пересылкой—63 к., наложеннымъ платежомъ—80 к.

ПРОГРАММЫ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ НА 3-Й ГОДЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО КУРСА.

Содержаніе:

I. **Математика:** спеціальный курсъ (исчисленіе безконечно малыхъ).

II. **Науки физико-химическія:** 1) астрономія; 2) метеорологія и климатологія.

III. **Науки біологическія:** 1) общая физіологія; 2) физіологія растеній; 3) физіологія животныхъ.

IV. **Науки философскія:** программа первая (теорія познанія и метафизика); программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи).

V. **Науки общественно-юридическія:** 1) экономическая исторія Россіи; 2) экономія сельскаго хозяйства; 3) экономія промышленности; 4) экономія торговли; 5) гражданское право; 6) уголовное право.

VI. **Исторія:** 1) всеобщая исторія XVI, XVII и XVIII вв. 2) Русская исторія XVI и XVIII вв.

VII. **Исторія литературы:** 1) всеобщая литература XVII и XVIII вв.; 2) русская литература XVIII в.

Цѣна 50 к., съ пересылкой—68 к., наложеннымъ платежомъ—85 к.

ПРОГРАММЫ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ НА 4-Й ГОДЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО КУРСА.

(Выйдутъ изъ печати въ ноябрѣ 1899 г.)

Содержаніе:

I. **Математика**: курсъ спеціальный (механика).

II. **Науки физико-химическія**: динамическая геологія и петрографія.

III. **Науки біологическія**: 1) палеонтологія; 2) біогеографія; 3) теорія эволюціи и дарвинизмъ.

IV. **Науки философскія**: программа первая (этика); программа вторая (исторія философіи).

V. **Науки общественно-юридическія**: 1) международное право; 2) соціальная политика; 3) финансовая наука.

VI. **Исторія**: новѣйшая исторія, начиная съ французской революціи. Русская исторія XIX в.

VII. **Исторія литературы**: 1) всеобщая литература (съ конца XVIII в. до новѣйшаго времени; 2) русская литература XIX в.

Программы чтенія по этнографіи.

Отчетъ Комиссіи домашняго чтенія за 1896 г, съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг.

Цѣна **30** к., съ пересылкой—**48** к., наложеннымъ платежомъ—**53** к.

А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ *University Extension* въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 годъ.

Цѣна **15** к,. съ перес. **17** к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ въ конторѣ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія: Москва, Никитская, д. Рихтера кв. № 8.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XX годъ ОСКОЛКИ годъ XX

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „ОСКОЛКИ“ съ каррикатурами, вступая въ **двадцатый** годъ своего существованія, будетъ **издаваться** въ 1900 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1899 году.

Журналъ „ОСКОЛКИ“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и позможности, откликаться въ легкой и живой формѣ: каррикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью **въ краскахъ**.

Цѣна за журналъ:

Съ доставкой и пересылкой:		Безъ доставки и пересылки:	
На годъ	9 руб.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	5 „	На полгода	4 „ 50 „
На три мѣсяца	3 „	На три мѣсяца	2 „ 50 „
За границу на годъ.	10 „		
„ „ „ полгода . . .	6 „		

Допускается разсрочка подписной платы по личному соглашенію подписчика съ главной конторой журнала „Осколки“.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голике.

L'une des revues les mieux faites en langue française,

L'Humanité Nouvelle,

publie sous la rubrique *Livres et Revues*, des comptes rendus de tous les livres scientifiques et littéraires en toutes les langues. Les auteurs et les éditeurs de ces ouvrages en notre pays ont donc intérêt à envoyer tout ce qu'ils publient à *L'Humanité Nouvelle*, 15, rue des Saints-Pères, Paris. Cette Revue envoie le numéro justificatif.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

Ладыженскій, В. Н.

О КНИГАХЪ И СОЧИНИТЕЛЯХЪ.

Выпускъ I.

(Съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго).

Чтеніе для школъ и народа.

Цѣна **80** коп.

Складъ **изданія при книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль"** (Большая Никитская, д. Вельтищевой).

2-й годъ.

Международный органъ.

ИСКУССТВО
и
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

2-й годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ,

предпринятое съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

подъ редакціей Н. П. СОБКО (съ октября 1898 года),

съ офортами, ксилографіями, фотогравюрами, хромотипіями, исполненными въ первоклассныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

С.-Петербургъ, Мойка, 83.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ за 12 выпусковъ и 24 особыхъ прибавленія (въ общемъ до 1.000 стр. текста и свыше 500 снимковъ въ текстѣ и отдѣльно) безъ дост. 8 р.; съ дост. 9 р.; съ перес. 10 р.; за гран. 12 р.—затѣмъ:

Вмѣстѣ съ прекращеніемъ отнынѣ подписки на минувшій 1898—99 годъ, цѣна на остающіеся въ **небольшомъ количествѣ** полные экземпляры его (1,050 стр. текста въ четверку, съ 610 снимками) повышена съ **8** до **10** руб. безъ пересылки, на которую надо прибавлять по расчету за 23 фунт. съ упаковкой.

31-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ **1900 г.**

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими безплатными приложеніями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1900 года.

52 №№ художественно-литературнаго журнала **„НИВЫ“**, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около **1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ,

весьма значительно дополненное матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ его сочиненій.—Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, съ **портретомъ, факсимиле и автографомъ** Гоголя, съ нѣсколькими **собственноручными его рисунками и съ примѣчаніями** редактора,—будетъ приложено къ **„Нивѣ“** въ теченіе **одного 1900 года**, въ **12 томахъ**, отпечатанныхъ на **хорошо глазированной** бумагѣ, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ **„Сборника Нивы“**, по одному тому въ **началѣ каждаго мѣсяца.** Содержаніе двѣнадцати томовъ слѣдующее:

Томъ I. Біографическій очеркъ, В. И. Шенрока. — **Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.** Повѣсти: Сорочинская ярмарка. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Майская ночь или утопленница. Пропавшая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. Заколдованное мѣсто. **Томъ II. Миргородъ.** Повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. **Томъ III. Повѣсти:** Носъ. Портретъ. Шинель. Коляска. Римъ.—**Комедіи:** Ревизоръ. **Томъ IV. Комедіи:** Приложенія къ комедіи „Ревизоръ“.—Женитьба.—**Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены:** Игроки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. **Томъ V.** Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ первый. **Томъ VI.** Приложенія къ первому тому „Мертвыхъ Душъ“.—Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй. **Томъ VII.** Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. **Томъ VIII.** Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе). **Томъ IX.** Юношескіе опыты. — Арабески. Часть I. **Томъ X.** Арабески. Часть II. **Томъ XI.** Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“ **Томъ XII.** Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.—**Приложенія:** Сганарель. Дядька въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ **„ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“**, выходящихъ при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ **„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“**, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и вышивныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящ. ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1900 г., печатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями: **Безъ доставки:** 1) въ С.-Петербургѣ—**5** р. **50** к. 2) въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи)—6 р. 25 к. 3) въ Одессѣ (въ книжн. маг. „Образованіе“, Ришельевская, № 12)—6 р. 50 к.—**Съ доставкой** въ С.-Петербургѣ—**6** р. **50** к. **Съ пересылкой** во всѣ города и мѣстности Россіи **7** руб. За границу **10** р.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала **„НИВА“** (А. Ф. **МАРКСУ**), Малая Морская, д. № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
1900 ГОДЪ

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для дѣтей старшаго возраста

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

годъ второй.

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ книжками одинаковаго формата: 1 числа книжкой, заключающей одно беллетристическое или научно-популярное произведеніе и 15 числа—книжкой съ разнообразнымъ литературнымъ содержаніемъ.

Объемъ, программа, составъ редакціи и сотрудниковъ журнала остаются безъ измѣненій.

Въ первыхъ нумерахъ будущаго года предполагаются къ печатанію, между прочимъ, слѣдующія произведенія. «Разсказъ стараго боцмана». К. Станюковича.—«Я провинился». Очеркъ И. Потапенко.—«Борьба за власть», «Москва побѣдила». Два историческихъ разсказа. Ю. Безродной.—«Савонаролла». Историческая повѣсть Глазера (съ нѣмецкаго).—«Изъ міра невидимокъ» (съ рисунками) В. Вахтерова.—«Жизнь человѣка въ древнѣйшія времена» (очерки первобытной культуры). М. Сабининой.—«Подъ огненнымъ дождемъ». Разсказъ изъ послѣднихъ дней Помпеи (съ нѣмецкаго).—«За океаномъ» (жизнь и природа Америки). Э. Пименовой.—«Путешествіе по Дагомеѣ (съ нѣмецкаго). З. Журавской.—«Въ полярныхъ странахъ». Этнографическіе очерки В. Іохельсона (съ рисунками).—«По пустынѣ». (Разсказъ путешественника). Э. Вахтеровой.—«Изъ автобіографіи Веніамина Франклина». «Зоологическіе очерки». К. Яцуты и миог. друг.

Стремясь къ тому, чтобы журналъ могъ проникнуть туда, гдѣ до сихъ поръ не находила себѣ достаточнаго доступа дѣтская книга, редакція назначила за него возможно доступную цѣну:

ДВА РУБЛЯ ВЪ ГОДЪ

съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, причемъ допускается слѣдующая разсрочка: 1 р. при подпискѣ и 1 р. 1 мая.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: Спб., Знаменская, 47, телефонъ № 1824, въ отдѣленіи конторы: Москва, Петровскія линіи, контора Печковской и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

При подпискѣ черезъ книжные магазины подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 2 р. 15 к., причемъ 15 к. магазины удерживаютъ въ свою пользу. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается.

Издательницы: Женщина-врачъ Е. Казакевичъ-Стефановская.
Женщина-врачъ А. Острогорская-Малкина.

Редакторъ Э. Пименова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

два журнала:

XXXII ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ XXXII

и

Педагогическій Листокъ

НА 1900 ГОДЪ.

Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія журналъ *Дѣтское Чтеніе* разрѣшенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни; журналъ *одобренъ* ученымъ комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе* помѣщаются: а) повѣсти, разсказы и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природой и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки, игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарады и проч.

Педагогическій Листокъ въ 1900 г. будетъ выходить *восемь разъ* въ годъ (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ) книжками отъ 6 до 8 листовъ. Разрѣшенъ къ выпискѣ въ учительскія библіотеки (1896 г.).

Въ *Педагогическомъ Листкѣ* будутъ печататься статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школѣ и дома, по гигіенѣ домашней и школьной, законовѣдѣнію, очерки по всемірной литературѣ, общей географіи и общественно-школьнымъ вопросамъ, а также будутъ помѣщаться, кромѣ статей спеціально-педагогическаго характера и статьи обще-научныя для самообразованія учителя, *періодическій указатель* дѣтской и учебной литературы, содержащій съ себѣ краткое изложеніе и разборъ *вновь выходящихъ книгъ* для дѣтей, учебныхъ руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе* и въ *Педагогическомъ Листкѣ* принимаютъ участіе: **Альбовъ М. Н., Баранцевичъ К. С., Вагнеръ В. А., Глинскій Б. Б., Гольцевъ В. А., Дружининъ Н. П., Засодимскій П. В., Ивановъ И. И., Коропчевскій Д. А., Маминъ-Сибирякъ Д. Н., Мачтетъ Г. А., Мордовцевъ Д. Л., Невѣжинъ П. Н., Немировичъ-Данченко Вас. Ив., Острогорскій В. П., Потапенко И. Н., Ремезовъ М. Н., Рубакинъ Н. А., Сергѣевъ П. А., Скабичевскій А. М., Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А., Станюковичъ К. М., Тихомировъ Дм. Ив., Тихомирова Е. Н., Чеховъ А. П., Эварницкій Д. И. Ѳедоровъ-Давыдовъ А. А.** Въ художественномъ отдѣлѣ: **Андреевъ В. И., Бондаренко Ѳ. Ѳ., Чичаговъ К. Н.** и др.

Въ *Дѣтскомъ Чтеніи* въ 1900 г. среди другихъ произведеній будутъ напечатаны: 1) Большая повѣсть **Вас. Ив. Немировича-Данченко**; 2) разсказы **Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича, К. С. Баранцевича, И. Н. Потапенка, М. Н. Альбова**; 3) историко-біографическіе и литературно-культурные очерки **И. И. Иванова, Д. А. Коропчевскаго, Б. Б. Глинскаго**; 4) **Д. И. Эварницкаго** „Изъ исторіи Запорожской сѣчи“.

Подписная цѣна.

Дѣтское Чтеніе съ Педаг. Листк. Безъ дост. на 1 г. 5 р. Съ дост. и перес. на 1 г.—6 р. Безъ дост. на 1/2 г.—3 р. Съ дост. и перес. на 1/2 г.—3 р. Безъ дост. на 1/4 г.—1 р. 50 к. Съ дост. и перес. на 1/4 г.—1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе безъ Педаг. Лист. Безъ дост. на 1 г. 4 р. 50 к. Съ дост. и перес. на 1 г.—5 р. Безъ дост. на 1/2 г.—2 р. 25 к. Съ дост. и перес. на 1/2 г.—2 р. 50 к. Безъ дост. на 1/4 г.—1 р. 15 к. Съ дост. и перес. на 1/4 г.—1 р. 25 к.

Педаг. Лист. безъ Дѣтскаго Чтенія. Безъ дост. на 1 г. 1 р. 50 к. Съ дост. и перес. на 1 г.—2 р. Безъ дост. на 1/2 г.—1 р. Съ дост. и перес. на 1/2—1 р.

За границу на *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* 8 р.

Плата за объявленія въ журналѣ: за страницу 20 р., за полстраницы—10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, домъ № 24, Дм. Ив. Тихомирова и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцы пользуются уступкой 30 к. съ экземпляра.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

Подписка на 1900 г.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(37-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границу съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „	„ 6 „	9 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „	„ 3 „	4 „ 80 „
„ 1 „	1 „ — „	„ 1 „	1 „ 20 „	„ 1 „	1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ, земскихъ фельдшерицъ и фельдшеровъ *въ Москвѣ съ доставкой* на 1 мѣсяцъ—85 к., съ пересылкой *въ другіе города* на 1 мѣсяцъ—1 р.

1899 г. **Годъ X.**

ВЫШЛА IV (сентябрь-октябрь) КНИГА ЖУРНАЛА

„Вопросы Философіи и Психологіи“,

изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: Б. Н. Чичеринъ: „Философія права“. — А. В. Васильевъ: „Взгляды Огюста Конта на философію математики“. — Н. А. Иванцовъ: „Францискъ Бэконъ и его историческое значеніе“ —Л. М. Лопатинъ: „Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія“.—В. Ф. Чижъ: „Тургеневъ какъ психопатологъ“.— З. Л. Радловъ: „Очеркъ исторіографіи исторіи философіи“. — С. А. Соллертинскій: „О происхожденіи воспитательскаго дѣла“.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1899 г. по 1 января 1900 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города — 7 р., за границу — 8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ редакціи: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой.

Редакторъ **В. П. Преображенскій.**

Подписка на 1900 г.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(37-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	За границу съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ — „	„ 1 „ 1 „ 20 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ, земскихъ фельдшеріцъ и фельдшеровъ *въ Москвѣ съ доставкой* на 1 мѣсяцъ—85 к., съ пересылкой *въ другіе города* на 1 мѣсяцъ—1 р.

1899 г. **Годъ X.**

ВЫШЛА IV (сентябрь-октябрь) КНИГА ЖУРНАЛА

„Вопросы Философіи и Психологіи“,

изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

СОДЕРЖАНІЕ: Б. Н. Чичеринъ: „Философія права“. — А. В. Васильевъ: „Взгляды Огюста Конта на философію математики“. — Н. А. Иванцовъ: „Францискъ Бэконъ и его историческое значеніе“ —Л. М. Лопатинъ: „Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія“.—В. Ф. Чижъ: „Тургеневъ какъ психопатологъ“.— Э. Л. Радловъ: „Очеркъ исторіографіи исторіи философіи“. — С. А. Соллертинскій: „О происхожденіи воспитательскаго дѣла“.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1899 г. по 1 января 1900 безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ д гіе города — 7 р., за границу — 8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе щенники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и львыписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ ред Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой.

Редакторъ В. П. Преображенскі

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.